

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология

Слово и дело национальной России

Экономика русской цивилизации

Экономическое учение славянофилов

Денежная держава антихриста

Энциклопедия Черной сотни

История русского народа в XX веке

Стратегия восточных территорий

Мировоззрение славянофилов

Биосфера и кризис цивилизации

Начальная история русской цивилизации

Третий Рим против нового мирового порядка

Энциклопедия славянофилов

Русские монастыри и храмы

Русские святые и подвижники Православия

Государственно-правовой идеал славянофилов

Русский крест. Очерки русского самосознания

Политическая экономия национального хозяйства

Россия на рубежах Японии, Китая и США

КИРИЛЛ ЧЕРЕВКО

**РОССИЯ НА РУБЕЖАХ
ЯПОНИИ, КИТАЯ И США**
(2-я ПОЛОВИНА XVII – НАЧАЛО XXI века)

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010

*Рецензенты: Мелихов Г.В., д-р ист. наук,
Невежин В.И., д-р ист. наук*

Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века) / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 688 с.

Книга посвящена изучению формирования государственных границ России на рубежах Японии, Китая и США. В работе предлагается подробный историко-географический и политический анализ изменения этих границ по мере освоения Российским государством восточных территорий. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, д-р ист. наук, д-р филолог. наук К. Е. Черевко убедительно показывает, что современные российские границы соответствуют условиям договоров и норм международного права и являются рубежами исконных российских территорий.

В работе впервые публикуется ряд уникальных архивных материалов, свидетельства и карты, позволяющие опровергнуть все пограничные претензии к России со стороны государств Северо-Восточной Азии и США.

*Издание осуществлено при содействии
Виталия Владимировича Аладьина*

ISBN 978-5-902725-52-7

© Черевко К. Е., 2010
© Институт русской цивилизации, 2010

*Посвящается академику
Сергею Леонидовичу Тихвинскому*

ВВЕДЕНИЕ

Освоение восточных территорий является ключевым фактором усиления экономического и политического могущества России в геополитическом соперничестве с такими государствами, как США, Китай и Япония. В этом неизбежном соперничестве вопрос о незыблемости российских границ является одним из наиболее важных. Россия как мировая держава выступает против пересмотра своих государственных границ, поскольку не может поступиться своими суверенными правами. Россия отвергает как политически некорректное предложение некоторых политических деятелей Запада о том, что в условиях сокращения на земном шаре природных ресурсов необходимо поставить вопрос об их принадлежности не одной стране, в частности России, которой якобы не хватает средств для освоения этих ресурсов, а всему человечеству, имея в виду западный мир.

Изучение политики Российского государства в отношении его пограничных восточных территорий – географических открытий землепроходцев и мореплавателей в этих районах, их первоначальных исследований, научных описаний и первоначального хозяйственного освоения, а также изучения процесса территориального сближения и размежевания России с Японией и отчасти с Китаем и США проведено с целью обоснования прав Российской Федерации на эти территории в пределах ее современных границ.

В исследованиях отечественных и зарубежных ученых, посвященных этой теме, имеется немало «белых пятен» – начиная с вопросов о времени и роли первых контактов русских и японцев, их влиянии на формирование взглядов русских и их сведений о пограничных восточных и других районах, в частности о возникновении социальных утопий (легенда старообрядцев о «Беловодье», или «Опоньском государстве»).

Более основательного изучения на базе анализа первоисточников требуют и такие важные вопросы, как границы с Китаем и разграничение морских пространств с США.

В качестве основных источников по вопросам первоначального освоения Сахалина и Курил, а также территориального разграничения России с Японией, Китаем и США были использованы материалы Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива военно-морского флота, Архива внешней политики РФ и отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

На основании материалов фонда Госархива автором были подготовлены для публикации в сборнике документов «Русская тихоокеанская эпопея» (Хабаровск, 1979) статьи, касающиеся первоначального освоения русскими землепроходцами и мореплавателями Курильских островов, особенно их южной части, и принятия местных жителей в подданство России во второй половине XVIII в. Публикация была снабжена комментарием и примечаниями, свидетельствующими о приоритете России в приобретении этнического и экономического суверенитета над этими островами, незакрепленного, правда, в актах международного права. (Содержание некоторых документов 70-х годов XVIII в. из РГАДА и РГАВМФ /фонд графа И.Г.Чернышева/ было доложено автором на всесоюзной научной конференции «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем», проведенной в октябре 1981 г. Сибирским отделением АН СССР в связи с 400-летием начала освоения Сибири русскими землепроходцами и мореплавателями.)

Для изучения политики правительства нашей страны и Японии по вопросу о территориальном урегулировании после Второй мировой войны был использован Архив внешней политики СССР (фонд 146). Часть материалов по данному вопросу была собрана автором в период работы в Посольстве РФ в Японии в 1965–1970 гг.

Из японских неопубликованных материалов в научный оборот автором впервые вводятся переписка между различными ведомствами об изменении статуса Курильских островов и соответствующие постановления.

В опубликованных русских архивных источниках XVII – первой половины XIX в. – как документах, так и материалах, наибольший интерес представляют вопросы открытия и первоначального освоения русскими Сахалина и Курильских островов.

Опубликованные архивные источники, главным образом документы середины XIX–XX вв., автор использовал при изучении вопросов первоначального разграничения территории России и Японии и последующего изменения границ Российской империи и ее правопреемника – Советского государства и РФ в этом районе.

Автор проанализировал документы также на японском языке, охватывающие оба выделенных периода сближения государственной территории России и Японии, ее описания и освоения, а также последующего разграничения.

По периоду раннего Средневековья были использованы династийные хроники VIII в. «Анналы Японии» («Нихон сёки», или «Нихонги») и «Запись о делах древности» («Кодзики») с комментариями ведущих английских и японских ученых, что позволило проверить убедительность ссылок на эти самые первые из сохранившихся японских памятников для «подкрепления» концепции об исконной принадлежности Курил и Камчатки – не полуострове, а «о-ве», который тогда именно таким образом изображался на картах «северных территорий» Японии.

По периоду Средневековья представляют интерес источники об этническом размежевании между нивхами и айнами, о появлении русских в районах, примыкавших к Северной Японии в XVII веке: «Хроника Эдзо», «Наследие Такэсиро Мацуура», «Дополнительные материалы Такэсиро Мацуура», а также материалы об аннексии Японией южной части Курильских островов в конце XVIII в., например «Доскональный отчет» о положении в Северной Японии и на Курилах за 1799–1807 гг. (тт. 1–9) Сэйё Хабуто, японского военачальника, которому было поручено управление о. Эдзо (Хоккайдо) после насильственного выдворения русских из южной части Курильских островов.

По периоду Новой истории в связи с истолкованием в настоящее время правительством и историками Японии Курильских островов как не включающих их южную часть наше внимание привлекли «Полные сборники законов» за 1869, 1876 и 1885 гг. (Токио, 1887, 1890 и 1904 гг.), в которых представлена иная точка зрения.

По периоду после Второй мировой войны были использованы документы и материалы о политике Японии по вопросу о территориальном урегулировании с СССР, а именно о репатриации японского населения с Южного Сахалина и Курильских островов, а также изъятии их из состава территории Японии по ее внутреннему законодательству.

Из опубликованных источников на английском языке привлекались главным образом американские документы периода Второй мировой войны и после ее окончания по вопросу о послевоенном территориальном урегулировании с Японией, а также совместные соглашения по этому вопросу великих держав – СССР, США, Великобритании и Китая.

В работе помещены также опубликованные ранее картографические материалы как на русском, так и на иностранных языках. Описание некоторых японских карт на русском языке введено автором в научный оборот впервые.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современные российские границы с Японией и Кита-

ем соответствуют условиям договоров и нормам международного права и являются рубежами исконных российских территорий. Линия разграничения Тихого океана на основе договора с США 1867 г. не позволяет этому государству претендовать на полную принадлежность США этой акватории, поскольку по условиям взаимной договоренности с Россией эта линия должна быть проведена от Берингова пролива в южном направлении не в соответствии с кривизной Земного шара (ортодромия), а на плоскости (локсодромия) с разницей между ними 15 тыс. кв. км.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАК К РУССКИМ ПРОНИКАЛИ ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ И ГРАНИЧАЩИХ С НЕЮ ЗЕМЛЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. Притязания Японии на Сахалин и Курильские острова как на ее исконные территории: приоритет аборигенов материковой Северо- Восточной Азии в их заселении и освоении

Правящие круги Японии, выступая с территориальными претензиями к России, утверждают, что проживающие в настоящее время на Хоккайдо японские подданные айны обитали не только на Хоккайдо, но и на Курильских островах и на о. Сахалин, а следовательно, данные территории с этнической и исторической точек зрения являются исконными территориями Японии. По мнению некоторых историков Страны восходящего солнца, предки современных народов российского Дальнего Востока (нивхи, ороки и др.) стали переселяться на острова Охотского моря лишь начиная с XVII в. в связи с появлением в Приамурье русских переселенцев¹.

Несостоятельность этих утверждений с точки зрения последних археологических находок и данных этнографии мы постараемся показать в данной главе.

Вопрос о конкретной этнической принадлежности первоначальных обитателей Сахалина и Курильских островов является довольно сложным.

Известно, что самыми древними обитателями этих районов были не только предки современных айнов, но и поселившиеся здесь еще ранее древние нивхи, которые по мере продвижения в этот регион ассимилировались с тихоокеанскими монголоидами. Сохранение у айнов «европеоидных признаков в строении лица и в пальцевых и ладонных узорах»² объясняется, в частности, миграцией предков этих племен из внутренних районов континентальной Азии, куда проникали кавказоиды.

Важным признаком общности этнической принадлежности являются также основные орудия труда. В эпоху мезолита и в период докерамического неолита (13–10 тыс. лет до н. э.) на о. Хоккайдо и в северной части о. Хонсю употреблялись ударные каменные орудия типа верхоленских и режущие клиновидные орудия гобийского типа. Результаты сопоставления археологических находок, свидетельствующих, в частности, о технике распространения микропластин в эпоху мезолита на территории Японии, с культурами докерамического периода на Камчатке, в Приморье, Забайкалье и Восточной Монголии³ свидетельствуют, что носителями культуры пластин были выходцы из степных районов Центральной Азии. Здесь в начале II тыс. до н. э. происходило смешение древних европеоидов – носителей окуневской культуры (Хакасия, Западная Тува и Западная Монголия) с монголоидами (Восточная Монголия, Внутренняя Монголия и т. д.), причем, судя по керамике, миграция европеоидов на восток в эпоху неолита и бронзы (середина I тысячелетия до н. э.) достигает, по меньшей мере, Внутренней Монголии⁴.

Результаты недавних находок в погребениях на стоянке Онкороманай (Северный Хоккайдо) и на аналогичной Сусуйской стоянке (Сахалин), где обитали носители более поздней, охотской (палеоазиатской, древнинивхской в своей основе культуры I тысячелетия до н. э.)⁵ не противоречат закону динамики границ расовых ареалов и закону постоянства самих

этих ареалов. По антропометрическим данным, они занимают промежуточное положение между древними европеоидами с массивными черепами, сильным подбородком и резкими чертами лица – носителями андроновской и афанасьевской культур Прибайкалья (1500–1200 лет до н. э.), с одной стороны, и айнами, нивхами и протояпонцами – с другой⁶.

Что касается Курильских островов, и особенно их южной группы, то в найденных здесь каменных орудиях преобладают черты, общие с неолитической культурой Сахалина, Приморья, западного побережья Охотского моря и Камчатки, а в керамике – ряд черт, общих с неолитом Японских островов, хотя влияние периода среднего дзёмона (2,5–1,5 тыс. лет до н. э.) на его заключительном этапе и начальном этапе позднего дзёмона (1500–500 лет до н. э.) не являлось определяющим⁷. До носителей охотской культуры в конце II – начале I тыс. до н. э. здесь обитали представители другой неолитической культуры, у которых обычаи древних жителей степной зоны континентальной Азии, в том числе и европеоидов, были выражены более отчетливо⁸. Так, при захоронениях они помещали умерших головой на восток, тогда как у древних айнов на юге Хоккайдо⁹, как и у палеонивхов – обитателей указанной зоны Азии, включая Забайкалье, останки в захоронениях Онкороманай и Моёро на севере Хоккайдо обращены головой на запад¹⁰.

О фактах проникновения европеоидов в Восточную Азию свидетельствуют также памятники позднего периода эпохи бронзового века – наскальные изображения людей. Академик А.П. Окладников писал о рисунках-петроглифах такого рода: «Их оставил, очевидно, в глубокой древности, скорее всего в бронзовом веке, какой-то один народ или народы с родственной, единой в своей основе культурой, заселявшие огромный пояс центрально-азиатских пустынь и степей от Памира до Хингана. Вероятно, это были древние индоевропейцы»¹¹. О наличии у айнов некоторых существенных признаков, характерных для европеоидов, свидетельствует также их расовый биохимический индекс (соотношение групп крови)¹².

Позднее охотская культура, принесенная сюда коренными обитателями северо-восточной части континентальной Азии, оказала значительное влияние на население Сахалина, Курильских островов, Хоккайдо и Северного Хонсю. Одно из характерных подтверждений этого влияния – упомянутый выше способ захоронения (головой на запад)¹³.

«Охотская культура возникла на основе культуры древнего Сахалина и, видимо, северной части Хоккайдо (в прошлом — 22-й остров Курильской гряды. — К.Ч.), — писала советский археолог Р.В. Козырева на основании данных, полученных при раскопках на Южном Сахалине. — На каких-то начальных стадиях своего развития она испытала влияние культур эскимосского круга. Но это касалось лишь подосновы ее развития. С самого начала она не была связана с культурами юга, культурами типа дзёмон, и с самого начала у нее были связи с материковыми культурами Приморья и особенно Приамурья»¹⁴.

По данным Р.В. Козыревой, Южный Сахалин был заселен племенами с высокой культурой, типичной для материковых районов Дальнего Востока, в середине II тыс. до н. э., а Северный Сахалин — племенами, у которых связи с материковыми районами в области материальной культуры были единственными. Такие же связи с населением Азиатского материка установлены и в отношении носителей охотской культуры на Курильских островах вплоть до южной части Камчатки¹⁵.

В конце I тыс. до н. э. на Курильских островах появляется керамика охотского типа, что свидетельствует о новой волне переселения из северной части континентальной Азии морских охотников и рыболовов, которые широко использовали каменные и костяные орудия¹⁶.

Открытия последних лет подтвердили основную мысль Р.В. Козыревой о тесных связях с материком Азии древнего населения Курил, особенно носителей охотской культуры, однако значительно изменили представления о времени его первоначального заселения носителями пластинчатой техники, передвинув его к XI–VIII тыс. до н. э. (стоянки на р. Имчин на

Северном Сахалине XI–VIII тыс. до н. э. и стоянки Такое-2 на р. Большой на Южном Сахалине VIII тыс. до н. э.)¹⁷.

Находки японских исследователей в 1976 г. в Такаидокоро (район Токио) на острове Хонсю – пластинчатые шлифовальные орудия (2,5 тыс. лет до н. э.), ножевидные пластины и двухлезвийные каменные наконечники стрел «сибирского типа» (2,8 тыс. лет до н. э.)¹⁸ – подтвердили гипотезу отечественных ученых, что эти орудия являются следами той миграции с материка, первая волна которой на рубеже плейстоцена-голоцена около 12 тыс. лет назад достигла о. Хоккайдо¹⁹. При этом нужно учитывать, что 12 тыс. лет назад уровень моря здесь был ниже современного, и острова этого района соединялись перешейками²⁰, что облегчало миграцию.

Недавние исследования американского ученого К. Тернера показали, что по строению зубов, хорошо сохраняющих признаки расы, айны относятся к тому же типу, что и древние монголоиды. На основе этих исследований К. Тернер выдвинул предположение, что на рубеже III и II тыс. до н. э. пришельцы с Азиатского материка, создав на юге Японии свою колонию, начали вытеснять палеоайнов, населявших тогда Японию, в северные районы, и влияние переселенцев с материка особенно усилилось здесь накануне наступления нашей эры²¹.

В орнаментах представителей охотской (точнее – южно-охотской) культуры даже на севере о. Хоккайдо прослеживается явное влияние аборигенов Нижнего Амура, предков современных нивхов и нанайцев, а в орудиях промысла – сходство с аналогичными орудиями арктических монголоидов (эскимосов и других выходцев с Азиатского материка)²². Это объясняется влиянием материальной культуры населения южных районов распространения охотской культуры вследствие аналогичных условий охоты и рыболовства. Судя по археологическим данным, носители этой культуры сначала сосуществовали с предками современных айнов – носителями «культуры рельефного орнамента» («сацумон бунка»), в частности на острове Хоккайдо, в районе Токоро, а затем, по-видимому, были вытеснены последними в районы Сахалина и Курил²³.

Этот процесс нашел свое отражение в эпосе айнов о. Хоккайдо – в легенде о коропоккуру (коропоккуру-камуй)²⁴, повествующей, что предками айну были низкорослые люди племени коропоккуру (буквально: обитающие под листьями гигантского лопуха-белокопытника или под землей, то есть в землянках)²⁵.

Для носителей южно-охотской культуры, населявших районы от Приморья до юга Камчатки и Северной Японии, весьма характерно сооружение землянок, в которых они жили зимой²⁶.

При рассмотрении проблемы этнической принадлежности обитателей Сахалина и Курильских островов следует учитывать существование в японском языке этнонима ёкуси (по-китайски – воцзюй) для обозначения палеоазиатского племени охотников и рыболовов, обитавших, судя по китайским хроникам, начиная с III – II вв. до н. э. в районе, прилегающем к южному Приморью²⁷. Известный востоковед Д.М. Позднеев писал, что общее название района Сахалина, Курил и о. Хоккайдо – Эдзо восходит к этнониму ёкуси – общему названию не-японских племен этого района²⁸. Кроме того, имеются сведения, что айнский топоним крапту (позднее – крафто) и современное японское название Сахалина – Карафуто представляют собой модификацию древнего не айнского и не японского термина «краптуникур» (буквально: живущие внизу, то есть в землянках), который употреблялся для обозначения не айнского населения южной части острова²⁹. Как уже упоминалось, на о. Хоккайдо айны называли этих обитателей землянок коропоккуру, или коробоккуру³⁰. На Сахалине у них было другое название, по-видимому, более древнее, – тончи, или тонци (по мнению японских ученых, это – сокращение от тонци-комуй или тончи-комуй, что означает духи-предки тонци). Отсюда происходит японский этноним цутигумо (буквально: укрывающиеся в земле, то есть обитатели землянок)³¹. Отождествляя коропоккуру с племенем тончи, айны называли их также тончи-сэкуру (буквально: люди, обитающие в землянках)³² или тоицикуру (буквально: люди, обжигают землю, то есть гончары).

Академик Н.И. Конрад, ссылаясь на мнение некоторых японских ученых о возможной преемственности между племенами цутигумо и тончи, возводимыми ими к коропоккуру, писал, что к IV в. японцы и айны вытеснили их в северо-восточные районы Японии или ассимилировали. Однако сведения об этом периоде их обитания в центральных и восточных районах о. Кюсю, на юге и северо-востоке о. Хонсю сохранились в японских историко-географических памятниках до X в. Н.И. Конрад делает вывод, что цутигумо были если не предшественниками древних японцев, то, во всяком случае, их первыми современниками³³, и первые обитатели самой Японии являются более древними, чем айны³⁴.

В японском памятнике VIII в. «Хитати фудоки» («Этногеографическое описание провинции Хитати») указывается, что слово «цутигумо» – это местное, то есть не исконно японское название древнего племени обитателей землянок³⁵. Это племя оказало существенное влияние не только на материальную культуру японцев, но и на характер японского языка, что проявилось в видоизменении характера системы гласных, в которой появились звуки среднего ряда, отсутствующие в айнском языке³⁶.

По мнению автора, отождествление племени цутигумо в одних случаях с малайским племенем кумасо, обитавшим в западных районах Японии, в других – с предшественниками японцев, жившими в ее центральных районах, или с эбису (предками айнов), населявшими северо-восток Японских островов³⁷, объясняется уже упоминавшимся активным процессом ассимиляции и вытеснения этих коренных жителей на север, в направлении Сахалина и Курильских островов в период формирования японского раннефеодального государства в III–IV вв.

В историческом памятнике VIII в. «Хидзэн фудоки» («Этногеографическое описание провинции Хидзэн») говорится, что цутигумо обитали также на о-вах Гото, расположенных на путях миграции населения Корейского полуострова на Японские острова³⁸. Это обстоятельство позволяет связывать появление на островах Японского и Охотского морей первого пласта аборигенов с миграцией палеоазиатских племен, обитавших

в прибрежных районах Корейского полуострова, Приморья и Приамурья, происходившей не только северным, но и южным путем. Древние обитатели Сахалина, Курильских и Японских островов – палеоазиаты (цутигумо, нивхи, ительмены и другие), айны, малайско-полинезийские племена (кумасо, хаято), ассимилируясь, представляли в определенном смысле тесную культурную общность³⁹.

Исследователи Сахалина Н.В. Буссе и Б.О. Пилсудский⁴⁰ связывают доайнское население Сахалина тончи с племенем обитателей землянок илоу (илэу) – охотников и рыбаков, родственных по языку племени воцзюй (ёкусю)⁴¹, ссылаясь на хронику поздней династии Хань (25–220 гг. н. э.) «Хоу Хань-пу», где они рассматриваются как потомки племени сушэнь⁴², которое обитало в Приморье.

В VI–VII вв. эти племена распространили свое влияние на большой район от Приморья и Приамурья до о. Хоккайдо включительно и островов у северо-западных берегов Хонсю. Японский дипломат Кикудзиро Исии в 1930 г. писал, что на Хоккайдо в городе Отару нашли высеченную на скале надпись на языке сушэнь, которая гласит: «Наша победа простерлась до сих мест». Комментируя эту надпись, К. Исии отмечал: «Очевидно, сушэнь (в японизированном китайском произношении – сюкусин, а в исконно японском – мисихасэ), то есть мохэ, проникли в этот период на о. Хоккайдо вплоть до его центральных районов»⁴³. В 544 г. они пришли на о. Садо и поселились на берегах залива Сэгава (Сэнагава).

Судя по орнаментам, характерным для потомков мохэ, проживающих на территории Советского Дальнего Востока, например нанайцев⁴⁴, их прародителями были палеоазиатские племена Приамурья и Приморья, являвшиеся также предками обитающих в этом районе нивхов. То же самое, очевидно, можно сказать и об обитателях Сахалина и Приамурья – ороках, орочах и ульчах.

Советские этнографы М.В. Крюков и Н.Н. Чебоксаров считают, что наибольшее сходство с рыбаками и охотниками на морского зверя эпохи неолита на северо-востоке Азии

имеют отнюдь не маньчжурские народности (точнее, тунгусо-маньчжурские – нанайцы, ульчи, орочи и сунгарийские гольды. – К.Ч.), но соседние о ними нивхи (гиляки), говорящие на совершенно особом палеоазиатском языке.

«Во II–I тысячелетии до н. э. палеоазиаты, возможно, родственные позднейшим нивхам низовья Амура и Сахалина, обитали на территории Приамурья и Маньчжурии, – указывают М.В. Крюков и Н.Н. Чебоксаров. – Впоследствии тунгусы, расселяясь на восток из области своего первоначального формирования, частично оттеснили палеоазиатов на север, частично ассимилировали их. Современные китайские ученые связывают с палеоазиатами этнические группы «восточных», упоминаемых в источниках III в. до н. э. – III в. н. э.»⁴⁵.

Судя по айнскому эпосу «Юкар», в VIII в. после пятисотлетней борьбы айны вытеснили почти всех нивхов с о. Сахалин⁴⁶, за исключением небольшой группы, проживающей до сих пор в долине р. Поронай на востоке острова, которая, вероятно, дольше сохраняла связи с палеоазиатским населением материка, чем доайнское население этого района. В эпосе айнов говорится, что после ожесточенных сражений они одержали решительную победу над племенем рэфун-кур, или рэпун-кур (буквально: люди морских просторов), или сокращенно – рэфун, рэпун («кур» – аффикс со значением «люди»)⁴⁷. В свою очередь, «рэфун» представляет собой сокращение от «никрэфун (нивхи)» – варианта сохранившегося до нашего времени произношения айнского этнонима сахалинских нивхов «никуфун»⁴⁸ (по-нивхски – «нихвун»), отличающегося от этнонима материковых нивхов «сумэрэн-кур». В айнских преданиях говорится, что они ушли в море на север⁴⁹. Интересно, что с племенами рэфун-кур айны отождествляли, быть может, в силу их культурно-этнического родства, также присоединившихся к нивхам на заключительном этапе сопротивления пришельцев с юга, племена мохэ – потомков палеоазиатов сушэнь⁵⁰. Своих предшественников айны называют также курумусэ⁵¹, что соответствует айнскому (и древнему японскому) названию южной части Камчатки⁵², которая считалась у них

островом, и прилегающих к ней островов, в том числе Курильских (на юге Камчатки жили, помимо камчадалов, курильцы, то есть камчадалы, смешанные с айнами).

В 1955 г. в Поронайском районе Сахалина были раскопаны землянки, в которых, по сведениям айнов, обитали тончи. Были обнаружены лодка нивхского типа, каменные орудия, глиняная посуда и другие предметы носителей охотской культуры.

На юге Камчатки, вблизи Курильского озера, в 1960 г. советские археологи обнаружили землянки, в которых их обитатели жили до начала XVII в.⁵³ Такие же землянки были обнаружены ранее японцами на Курильских островах⁵⁴. Известно, что материальная культура, типологически сходная с нивхской, характерна для алеутов, арктических монголоидов, обитавших в прошлом в северо-восточной части Азиатского материка, а также на Командорских островах, расположенных неподалеку от восточных берегов Камчатки⁵⁵. Этим можно объяснить, почему айны называют алеутов «тончи», алеуты же, в свою очередь, считают, что в места своего обитания их предки пришли с запада⁵⁶. Возможно, что эти более поздние аборигены-палеоазиаты, землянки которых были меньше, но глубже айнских⁵⁷, сохраняли в основных чертах указанную характерную особенность быта своих предшественников.

Японский исследователь Сусуму Оно, отмечая, что на культуру айнов Северной Японии, Сахалина и Курил серьезно повлияли народы Восточной Сибири, обращает внимание на общность зооантропоморфных изображений на нивхских и айнских бронзовых сосудах – медведя, филина, орла, ястреба, коршуна и других животных и птиц с лицом человека. По видимому, этот орнамент был заимствован айнами у нивхов, а последними – через тунгусов у урало-алтайских народностей Урала и Западной Сибири, у которых он сохранился до наших дней⁵⁸. Очевидно, у тех же нивхов было заимствовано и айнское городище «тyasi», совпадающее по своим конструктивным особенностям с русским городищем народностей Урала и Западной Сибири⁵⁹.

Н.Н.Чебоксаров отмечал, что главным занятием у нивхов нижнего Амура и Сахалина, а также различных тунгусо-маньчжурских народностей России издавна было рыболовство, главным образом, добыча лососевых. На отдельных местах побережья был развит зверобойный промысел (тюлени, моржи). Жилищами служили землянки или полуземлянки, часто со входом через дымовое отверстие, а также наземные (иногда свайные) деревянные постройки четырехугольного плана с высокими двух- или четырехскатными крышами. Многие особенности рассматриваемого хозяйственно-культурного типа проникли (вероятно, через нивхов) также к айнам, продвигавшимся на север, в связи с чем изменялись их культурно-бытовые навыки, сложившиеся в условиях более мягкого климата южной части Японии.

Таким образом, если наиболее древними культурами Сахалина, Курил и Хоккайдо, к которым можно отнести культуру айнов, являются неолитические культуры дзёмон (VI–V тысячелетие до н. э.) и протодзёмон (IV–I тысячелетие до н. э.), то древнейшие культуры этих районов, характерные для доайнского населения, представляют собой палеолитические культуры (до XII тысячелетия до н. э.), технологически однородные с культурой обитателей Приморья, Камчатки и Курильских островов.

На основе археологических, этнографических, исторических и лингвистических данных, приведенных ранее, можно сделать вывод, что Сахалин и Курильские острова, как и Приморье, Приамурье и Северная Япония, были заселены палеолитическими и мезолитическими племенами, родственными современным приамурским и сахалинским нивхам – племенам, составляющим первичный аборигенный пласт в формировании таких тунгусо-маньчжурских народностей российского Дальнего Востока, как нанайцы, ороки, эвенки, ульчи, негидальцы и другие, а также отчасти ительменам, эскимосам и алеутам – коренным жителям Камчатки, Чукотки и прилегающих к ним островов, открытых русскими мореплавателями. Это были, по-видимому, племена воцзой (ёкусю, позднее –

эдзо), илоу, сушэнь (позднее – мохэ). древние нивхи и тончи (или тончи-комуй) – потомки цугигумо, или, быть может, то-чикомо и древние эскимосы.

Эти племена – носители южно-охотской культуры – к моменту появления на Сахалине и Курилах айнов при всем их разнообразии составляли не только различающуюся лишь в своих локальных вариантах большую культурную, но и этническую общность, один из центров которой находился в нижнем течении реки Амур⁶⁰.

На основании приведенных данных можно признать правомерность распространения понятия культурно-этнической группы, употребляемого академиком А.П. Окладниковым применительно к народам Дальнего Востока, на более крупные группы населения этого региона. Данное утверждение позволяет сделать вывод, что исконными жителями островов Охотского моря являются представители материковой палеоазиатской культурно-этнической общности, и поэтому концепция изначальной принадлежности островов Охотского моря проживающим в настоящее время в Японии айнам оказывается несостоятельной.

Таким образом, приоритет в заселении Сахалина и Курильских островов в древности принадлежит предкам современных коренных народностей российского Дальнего Востока, прежде всего нивхам, которые во многих районах были вытеснены айнами, вынужденными переселяться в северные районы в результате японской экспансии. Такое положение сохранялось до XVII в., когда в районе этих островов появились как русские, так и японцы, и начался процесс непосредственного сближения рубежей России и Японии.

2. Взаимное ознакомление русских и японцев через третьи страны

Вопрос о путях проникновения к русским первоначальных сведений о Японии и граничащих с нею землях Северо-

Восточной Азии (до XVIII в.) слабо освещен в научной литературе. Он почти не подвергался специальному изучению. А между тем ранняя история русско-японских отношений в настоящее время вызывает глубокий интерес не только в России и Японии⁶¹, но и в других странах, где проявляют внимание к перспективам развития российско-японских связей.

Существовали следующие каналы проникновения в Россию сведений о Японии:

1. Китайские источники, опосредованные арабскими, западноевропейскими и другими путешественниками и учеными.
2. Переводы сочинений западноевропейских путешественников и ученых, посетивших Японию.
3. Известия о Японии из китайских источников.
4. «Скаски» землепроходцев, встречавшихся с японцами и их соседями в Приамурье, на Сахалине, Камчатке, Курильских островах и о. Хоккайдо.
5. «Рапорты» участников русских экспедиций к берегам Японии.

Во второй половине VI в. племя руссов, состоявшее частично из предков славян – антов и одного из иранских племен – аланов (осетин), совершало походы из Восточного Причерноморья и с Северного Кавказа в пределы персидской державы Сасанидов⁶², которая через Китай поддерживала связь с Японией в эпоху Асука (VI–VII вв.) и позднее – в эпоху Нара (VIII в.).

В начале VII в. держава Сасанидов была завоевана арабами. С этого времени ко дворам арабских халифов, где служила «славянская гвардия»⁶³, стали доходить первые, правда, еще не отчетливые, сведения о Японии⁶⁴. В состав этой «гвардии» входило немало уроженцев Киевской Руси, поддерживавших тем или иным путем связи со своей родиной.

Японский историк Акира Такано в работе, вышедшей в 1982 г., указывал на арабские источники знаний русских и японцев друг о друге как предпосылку зарождения отношений между ними начиная с XVI в.⁶⁵ Однако факты, изложенные далее, свидетельствуют, во-первых, что в нашей стране

изучение этого канала знаний началось гораздо раньше, а во-вторых, его возникновение может быть отнесено к более раннему периоду⁶⁶.

Дружины Киевской Руси достигали южных берегов Каспийского моря, а купцы, выходя в Персидский залив, совершали плавания с товарами в восточном направлении⁶⁷. Здесь начинался морской путь от Ормуза в Персидском заливе до Ганьфу (Гуанчжоу) в Китае, хорошо освоенный арабами.

Экономический расцвет Киевской Руси в X–XII вв. привел к серьезному расширению географических знаний ее военного сословия, ученых и купцов. Эти знания продолжали существенно расширяться на Руси и в последующие века.

Источником упомянутых сведений были арабы, которые в результате морских путешествий вокруг Индии собирали данные о побережье Восточной Азии – вплоть до Кореи и Японских островов⁶⁸. Некоторые ученые рассматривают как сообщения о Японии сведения о лежащей, по представлениям арабов, в частности Ибн-Хордадбега (IX в.), Масуди (X в.), Идриси (XII в.), Измаэля Абулфеда, или Абу-аль-Фида (1273–1331)⁶⁹, к востоку от Китая стране Вак-вак (от японского *Вако-ку* – названия союза древнеяпонских племен на о. Кюсю и в Южной Корее). Наименование этой страны в китайском произношении звучало как «Ваквоку» (с факультативной редукцией «у»).

Унаследовав у арабского географа Абу-аль-Фида и его предшественников принцип деления Индии на три части – Великую Индию (до р. Ганг), Малую Индию (Индокитай) и Ост-Индию – европейцы раннего Средневековья объединяли под названием «Индия» весь район Южной и Юго-Восточной Азии с прилегающими островами⁷⁰. При этом понятие «Индия» (или у славян – Индикия) европейцы расширили и включали в него также Японские острова под различными названиями. Вот почему летописец «Повести временных лет» (1111–1113) Нестор включает в круг географических представлений жителей Киевской Руси ряд восточных стран вплоть до трех Индий – «Индикии в долготу» (список Лаврентьевской лето-

писи 1377 г.)⁷¹. Индийские купцы уже в конце VIII в. бывали в Японии⁷². Японские пираты начиная с VIII в. также проникали далеко на запад через Индийский океан, распространяя сведения о своей стране⁷³.

Рассказы о Японии можно было услышать и от возвращающихся на родину русских купцов, путешествовавших в Хорезм (тогда он был под властью арабов), куда от китайцев и перекочевавших из Маньчжурии киданей по Великому шелковому пути проникали ранние сообщения о Японии.

Упоминание о Японии как о стране Джабарга (от китайского *Жибэнь-го*)⁷⁴ содержится в «Собрании тюркских наречий» («Диван лугат ас-тюрк»), написанном в 1072–1074 гг. на арабском языке знаменитым тюркским ученым Махмудом аль-Кашгари, получившим образование в Багдаде⁷⁵. О стране Чименгу⁷⁶ говорится в работе по истории монгольской династии Рашид-ад-Дина (1247–1318) – «Сборнике летописей» («Джами ат-таварих»), – написанной на персидском языке. Рассказы летописцев Киевской Руси об окружающем мире в общих чертах совпадали со сведениями арабских ученых⁷⁷.

В обзоре внешней политики Древней Руси член-корреспондент АН СССР В.Т. Пашуто затрагивал и восточные, прежде всего арабские, источники. Советский историк писал: «Нечего и говорить о тусклости сведений... восточных (арабских и др.) информаторов, из которых ближе других подходили к границам Руси только арабский путешественник и писатель Ахмед ибн Фаддан (921–922) и испано-арабский путешественник Ибрагим ибн Якуб (966), а из побывавших в ее пределах оставил записки один лишь испано-арабский купец и путешественник Абу-Хамид-ад-Гарнати»⁷⁸.

На самом деле на Руси побывали и другие арабские путешественники и писатели, обладавшие широким географическим кругозором. Так, в 1150 г. Киев посетил известный арабский путешественник аль-Идриси, который в 1154 г. вместе с королем Сицилии Рожером II завершил гравировку на серебре карты мира с изображением Японии (Вак-вак). Он же сделал и комментарии к ней – под названием «Развлечение ис-

томленного в странствиях...» («Китаб нузхат альмуштак...»), где писал о Японии как стране, богатой серебром и золотом⁷⁹. Свои обширные географические познания, отраженные в этом труде, аль-Идриси почерпнул из собственных наблюдений, а также из работ своих предшественников и современников, в частности из «Книги картины мира» («Китаб сурат аль-ард») знаменитого арабского ученого аль-Хоризми, жившего в Хорезме в IX в. Этот трактат был написан между 836 и 847 г. под влиянием трудов Птолея Явадиу (87–150), упоминавшего о стране *Jaraij*⁸⁰, которую некоторые ученые рассматривали как Японию⁸¹. В работе также были использованы географические сведения китайских ученых⁸².

Появление русских в Мерве (Туркестан), где была учреждена резиденция православного митрополита, и в Хорезме⁸³ также способствовало проникновению из Хорезма на Русь арабских сведений о Японии в XI–XII вв. Эти сведения русские получали в Средней Азии также от жужаней (кара-китаев), многие из которых исповедовали христианство. Войска киданей, часть которых ушла на запад, слившись с кара-китаями, в 1020 г. вышли в районы непосредственной близости к Японии, установив границу с Кореей по р. Ялу⁸⁴.

В XIII в. в результате завоевательных походов татаро-монгольских войск было создано огромное монгольское государство, простиравшееся от западных границ Киевской Руси до берегов Тихого океана. В 1216 г. войска Чингисхана появились на Корейском п-ве, в 1231 г. монгольская армия вторглась в Корею, опустошив значительную часть ее территории. В результате последующих походов в конце 50-х годов XIII в. Корея оказалась под властью монголов, что создало непосредственную опасность для Японии⁸⁵. Сведения о богатствах этой страны, которые стали известны хану Хубилаю в середине XIII в. – после вторжения в Китай и Корею, – послужили причиной его походов в Японию в 1274 и 1281 гг.

От монголов слухи о Японии разными путями попадали к русским. В середине XIII в. при дворе великого хана в Каракоруме нередко можно было видеть русских князей, дру-

жинников, слуг и угнанных в неволю многочисленных ремесленников. Сюда же приезжали и корейские послы, хорошо осведомленные о Японии.

Итальянец Иоанн де Плано Карпини, побывавший осенью 1246 г. с католической миссией в Каракоруме, по пути посетил Киев. В «Истории монголов» И. Карпини сообщал интересные сведения о русском умельце при дворе великого Гуюк-хана Косме (Кузьме), пользовавшемся большим уважением правителя, а также о других русских, которых насильственно привлекали к участию в походах монголов, в том числе на восток. В результате они много узнавали о странах, пограничных с монгольской державой, в том числе о Японии.

«Косма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот воссел на престол, и печать его, изготовленную им, а также объяснил нам надпись на этой печати, – писал И. Карпини. – И также много других тайн мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих русских и венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые бывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар и знали все их деяния»⁸⁶.

Трон, сделанный Кузьмой по велению Гуюк-хана из слоновой кости, был инкрустирован золотом, драгоценными камнями и жемчугом, которые привозили из Японии⁸⁷.

В 1255 г. в Каракоруме в качестве посла короля Франции Людовика IX побывал фламандец Виллем Рейсбрук (Гильом Рубрук). Сообщая, что русские ведут торговлю с живущими там монголами, используя в качестве «ходящей монеты» «шкурки разных пушных зверей»⁸⁸, В. Рейсбрук писал, что в столице великого хана один китайский священник рассказал ему о низкорослых волосатых карликах, которые обитают за Катаем (Китаем) в пещерах на островах, и что дальше за этими островами лежит «земля пёсьеголовцев» (псоглавцев)⁸⁹.

Из этих сообщений, которые становились и достоянием живших в Монголии русских, вырисовываются сведения об обитателях собственно Японии – айнах, упоминающихся и в

китайских хрониках⁹⁰, которые в древности жили на о-вах Рюкю⁹¹ и действительно отличались густой «растительностью» на теле и низким ростом, а также о японском союзе племен Куну на о. Хонсю.

Что касается термина «пёсьеголовцы», то, очевидно, В. Рейсбрук повторил неправильное истолкование китайцами иероглифов, обозначающих союз племен Куну.

В. Рейсбрук, еще не понимая различий между Японией и Кореей, отмечал, что его «спутник Вильгельм видел послов некоторых народов Кауле (от Гаоли – китайского названия Кореи. – *К.Ч.*) ...живущих на островах» и что «море там замерзает, так что татары могут тогда направиться к ним»⁹².

В 1246 г. в Каракоруме находился (впоследствии отравленный монголами) владими́ро-суздальский князь Ярослав Всеволодович со слугами, о чем упоминает П. Карпини⁹³. В том же году в Каракоруме были также князья Александр Ярославич Невский и Андрей Ярославич⁹⁴. В ставке великих ханов от образованных китайцев, служивших монгольской империи⁹⁵, русские князья и их окружение уже в 30–40-х годах XIII в. получали сведения о странах, соседних с Монгольской империей, в том числе о Японии.

В 1271–1295 гг. венецианец Марко Поло совершил путешествие в Восточную Азию, который узнал о Японии из упоминавшейся работы арабского ученого аль-Идриси⁹⁶.

Знаменитый венецианский путешественник первым из европейцев собрал довольно подробные и конкретные сведения о Японии, стране Чипингу⁹⁷, во время своего долгого пребывания при дворах монгольских правителей, в частности в столице монгольских ханов Хамбалык (Пекин). В окрестностях этой столицы, как и в некоторых других районах Китая, жили русские «полоненики», которых забрали монгольские ханы в свою гвардию⁹⁸. Этих русских ратников направил к Хубилаю до разрыва с ним в 1260 г. его союзник Берке-хан (покровительствовавший православным) из Сарая, где в 1261 г. была учреждена христианская епархия⁹⁹. Эти ратники – первые русские, которые получили непосредственные сведения о Японии¹⁰⁰.

Легат папы Бенедикта X флорентиец Джованни Мариньолли во время пребывания в Хамбалыке (Пекине) в 1342–1344 гг. у хана Монгольской империи Токалмута (Шань-ди) писал, что «восточными землями империи правят аланы (а их более тридцати тысяч, этих аланов) – христиане как истинные (католики. – К.Ч.), так и только по имени...»¹⁰¹ (то есть православные и несториане). Эти аланы, количество которых явно преувеличено Д. Мариньолли, якобы правили восточной частью Юаньской империи; иначе они именовались «войском асов» и состояли не только из подлинных аланов, но также из русских. В составе этих войск в 1330 г. в столице империи был сформирован «охранный полк из русских»¹⁰². Русские «пленники» были при хане Хубилае, совершавшем походы на Японию в XIII в., что подтверждается фактом религиозного раскола среди «аланов», то есть русских и осетин, произошедшего под влиянием Джованни Монтекорвино – посланца папы Николая IV, направленного в 1289 г. в Хамбалык¹⁰³.

В «Книге Марко Поло» (1289) о Японии, в частности, написано: «Жители белы, красивы, учтивы, они... независимы, золота у них... великое обилие... дворец здесь большой и крыт чистым золотом, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви... Жемчугу тут обилие; он розовый и очень красив, круглый, крупный; дорог он так же, как и белый. Есть у них и другие драгоценные камни»¹⁰⁴.

Эта книга была впервые напечатана в Нюрнберге в 1477 г.¹⁰⁵ В дальнейшем она послужила источником для изображения Японии на различных европейских географических картах мира – круговой карте мира Фра Мауро 1459 г.¹⁰⁶, глобуса М. Бехайма 1492 г.¹⁰⁷, карте Леонардо да Винчи 1515 г.¹⁰⁸, карте А. Ортелия (Ортелиуса) 1570 г.¹⁰⁹, морской карте мира Г. Меркатора 1569 г. и его атласе 1596 г., переизданном в 1606 г., с новым приложением – описанием Японии Петра Монтануса, литератора и географа, пользовавшегося расположением великого гуманиста эпохи Возрождения Эразма Роттердамского¹¹⁰.

В отличие от переводной литературы, в том числе с дополнениями, сделанными в России, в оригинальной отече-

ственной исторической и географической литературе более или менее определенные сведения о Японии появились на три десятилетия позже.

В русских хронографах 1617 г. и поздних приложениях к ним – космографиях-картах – с 1620 г. до конца XVII в. на месте Японии и в восточном море изображались какие-то сказочные острова «Близ Блаженного рая», из которого «залетают райские птицы Гамаюн и Феникс», где живут «человецы», имеющие «главы песьи», «родит червь песок золотой»¹¹, а «веруют на небо к Богу»¹².

Одна из таких карт, найденных историком картографии Л.С. Багровым в старых бумагах Петра I, относится к периоду между 1620 и 1646 гг.¹³, когда были составлены списки третьего разряда хронографа третьей русской редакции.

Только в конце XVII столетия в одном из списков такого хронографа 1696 г., автор которого подверг переработке его основную редакцию, появляется наряду с упомянутыми фантастическими островами более или менее реальное описание Японии. Но по ошибке ее называют «Никанское царство», вероятно, по созвучию с ее самоназванием «Ниппон», или «Нихон», которое позднее стали правильно относить к части Китая, находившейся под властью южной династии.

В этом списке хронографа русской редакции 1696 г. говорилось: «Близ же Богдойского (Маньчжурского. – К.Ч.) и Китайского государства есть царство Никанское, велико и пространно... лежит на островах великого моря окияна восточного в части Азии во жребии Симове, людей имеет зело множество и богатство имеет многое, злата и серебра и камней других и бисера иматъ зело множество, и к деланью драгих товаров и узорчатых камок всяких цветов зело прехитры... к телесным похотям зело и играм слабы и необладемы никим, кроме своего царя»¹⁴.

Правда, в космографиях (представлявших собой не приложения хронографа, а отдельные сочинения) и «росписях» к чертежам разделы, посвященные Японии, включались в России на несколько десятилетий раньше.

В 1637 г. в Посольском приказе в Москве Богданом Лыковым при сотрудничестве Ивана Дорна был завершен перевод объемом в 800 листов с латинского полного текста географических описаний к знаменитому голландскому Атласу Г. Меркатора (первое издание 1594 г.) с дополнительными известиями о восточных странах. К ним относилось и описание Японии П. Монтанусом, впервые опубликованное во втором латинском издании 1606 г. и повторенное, в частности, в издании 1613 г., с которого и делался этот перевод с одновременной значительной переработкой оригинала.

Компиляция переводов из этого атласа с географическими описаниями вместе с основной редакцией польской «Хроники всего света» Мартина Бельского (с копии 1584 г.) и материалами из некоторых других источников вошли в «Книгу, глаголемую космография, сиречь описание сего света земель и государств великих», составленную между 1655 и 1667 гг.¹¹⁵, а в 1667 г. Япония впервые была внесена под названием Квинзан (Kwindzan) в «рописи» «Чертежа всей Сибири, збиранном в Тобольске» по указу царя Алексея Михайловича.

В 22-й статье этой «рописи» говорилось: «Да за Китайским царством города: город Кинзан, а в нем всякие русские овощи, и яровой всякий хлеб сеют, и золото, и серебро, и камень дорогое родится; а ездю до того города от Китайского царства сухим путем 6 недель»¹¹⁶.

Это описание Японии, восходящее к «Книге Марко Поло» и ставшее известным в России после открытия прямого пути из нашей страны через Архангельск и Холмогоры, было изложено в наиболее популярном списке русской «Космографии 1670 г.», который, как полагают, был завершен 4 января 1670 г. преосвященным Афанасием – первым архипастырем Холмогорским и Важеским (1682–1702) в Холмогорском монастыре неподалеку от Архангельска.

В этой книге глава 70 называлась «О Японии, или Япанострове»¹¹⁷. Она была использована в 1675 г. при составлении наказа посольству Николая Спафария в Китай, которому поручалось также собрать новые, более достоверные сведения о

Японии¹¹⁸. В этой главе, в частности, отмечалось: «Тот остров Мако Павлюций (Марко Поло. – К.Ч.) Панрий (от *Япан.* – К.Ч.) называет. В древние времена Храмосагини (Оттоном Фрейзингенским, баварским историком XII в.¹¹⁹ – К.Ч.) именовался Ямэкатор (*Ямато*, или *Ямагата.* – К.Ч.). Аврея (Марк Аврелий Антоний, 163–186 гг., посол которого побывал в Китае в 166 г. – К.Ч.) Херсонесур называет, то есть Золото-остров. Аднем общем именем Япония, или Япан, именуется. Особенно три острова словом суть, как Петр Матде (Петр Монтанус. – К.Ч.) пишет окружены многими иными, меньшими островами. Первый большой Япан именуется»¹²⁰.

Таким образом, исследование вопроса о возможных путях проникновения к русским первых сведений о Японии позволяет прийти к выводу, что до XVII в. имели место лишь отдельные, единичные случаи проникновения весьма неопределенных, самых общих или фрагментарных сообщений об этой стране, приобретенных главным образом русскими, находившимися за пределами своего государства – в странах Арабского Востока, Монголии, Китае.

Начиная с XVII в. эти сведения проникают в Россию как из стран Западной Европы – Португалии, Италии, Голландии, Англии, Германии, корабли которых стали приходить к японским берегам, так и непосредственно от первых японцев в нашей стране и русских землепроходцев и мореплавателей, приступивших к освоению дальневосточных районов Тихого океана, граничащих с Японией.

3. О первых русско-японских контактах в конце XVI – начале XVII века

В русской и советской историографии русско-японских отношений преобладает точка зрения, что первым в России оригинальным источником по Японии¹²¹ и первыми сведениями об этой земле, полученными от ее жителя¹²², была «скаска» японца Дэмбэя Татэкава, записанная в Москве в начале ян-

варя 1702 г. в Сибирском приказе. Считается, что Д. Татэкава был первым японцем, побывавшим в России, который сообщил сведения о Японии, использованные русскими властями для попытки установления с ней официальных политических и торговых отношений¹²³. Такая точка зрения сохранилась в нашей исторической литературе до настоящего времени. Так, в 1988 г. Л.Н. Кутаков писал: «Недавно¹²⁴ стало известно, что первый японец посетил Россию за 100 лет до Дэнбэя – в 1600 г. Его подлинное имя¹²⁵ установить не удалось. Известно только, что он родился в конце XVI в. в небольшой колонии японцев в Маниле на Филиппинах; в юности он принял католичество и христианское имя Николай. В 1599 г. вместе со своим духовным наставником Николаем де Мело отправился в Рим. В Европу они добирались через Индию, Персию, Россию. В Россию Николай попал в составе персидского посольства, оказался замешанным в делах Лжедмитрия и был отправлен в ссылку на Соловецкие острова¹²⁶, а затем в Борисоглебский монастырь под Ростовом. В 1611 г. был казнен в Нижнем Новгороде. В России он появился как «индусский принц». Русские не подозревали, что имеют дело с японцем, а сам он не раскрывал своей тайны¹²⁷. К сожалению, пребывание этого первого японца в России никак не обогатило представления русских о Японии»¹²⁸.

В 1976 г. автором настоящей монографии было высказано мнение, что не Дэмбээй (после крещения Гавриил), а появившийся в России на 100-летие раньше – в 1599 г. (или 1600 г.) японец, известный под христианским именем Николай Августинец, был первым японцем в нашей стране, который и сообщил сведения о Японии. Этот вывод сделан на основании изучения материалов, связанных с пребыванием японца Николая в России, в частности в Соловецком монастыре. Вместе с тем признавалось, что никаких точных сведений, полученных от этого японца, пока не обнаружено¹²⁹.

Еще раньше С.Н. Марков сообщал, что упоминаемый в католических источниках «индеец», или индус, спутник португальского монаха-католика отца Н. Мело, был японцем –

братом Николаем из Ордена святого Августина (Nicolaus de St. Augustino). Однако мнение, что японец оказал влияние на возникновение у русских старообрядцев-поморов легенды об «Опоньском (японском) государстве» как обетованной «земле древнего благочестия» (легенда о Беловодье)¹³⁰, С.Н. Марковым не высказывалось¹³¹.

Католик Хуберт Числик (родился в 1914 г. в Германии), проживающий с 1933 г. в Японии, опубликовал в 1971 г. жизнеописание упомянутого Николая, в том числе в годы его пребывания в России, в котором последовательно доказывал, что Николай был первым известным японцем, побывавшим в нашей стране¹³². В рецензии на японское издание монографии Э.Я. Файнберг «Русско-японские отношения в 1697–1875 гг.» (Токио, 1973) Акира Такано поддержал мнение Х. Числика, противопоставив его традиционной точке зрения русской и советской историографии.

В 1975 г. Ю.В. Георгиев подверг сомнению достоверность этих данных в связи с тем, что до нашего времени не дошли письменные документы, принадлежащие японцу Николаю, а также исходя из противоречивости сведений, касающихся последних нескольких лет его жизни, и предложил вернуться к традиционной точке зрения¹³³. В 1979 г. мнение автора поддержал Тосиюки Акидзуки¹³⁴.

В 1980 г. японский русист Ёсикадзу Накамура тщательно проанализировал данный вопрос. В подтверждение вывода автора, что в России источником самых ранних сведений о Японии помимо «Книги Марко Поло» (1289 г., издана в 1477 г. в Нюрнберге) явились сообщения японца Николая в период его пребывания в нашей стране между 1599 и 1611 г. (год его смерти), японский ученый приводит следующее доказательство: в наиболее полном тексте «Космографии 1670 г.» в главе 76 «О Японии, или Япан-острове» среди данных о ее географическом положении, климате, флоре, фауне, естественных ресурсах, системе управления, религии, этнографии содержатся сведения о правлении в прошлом всей Японией Нобунунга (Ода Нобунага. – К.Ч.), а также о том, что теперь

ею правит царь тайко-сама (экс-канцлер – титул верховного правителя Хидэёси Тоётоми. – *К.Ч.*¹³⁵) и что в 1596 г. столица Японии пострадала от землетрясения¹³⁶.

Не исключено, однако, что эти сведения русские составители «Космографии» почерпнули от католического священника Н. Мело, сосланного вместе с японцем, поскольку в 1596 г. он был назначен для поездки в Рим вместо двух других членов Ордена святого Августина, побывавших в Японии в провинции Тоса (о. Сикоку). Они направлялись в Рим через Тихий океан, но были отнесены тайфуном к берегам Японии. В следующем году они вернулись в Манилу, и на смену им в Рим через Индийский океан, Персию, Московское государство и Польшу прибыл Н. Мело вместе с японцем Николаем.

Данные аргументы достаточно убедительны, так как этих фактов нет в Атласе Г. Меркатора 1596 г. (он умер в 1594 г.), а в его переиздании 1606 г. с приложенным впервые описанием Японии Петра Монтануса¹³⁷ сведения об этой стране могли попасть от японца Николая, прибывшего в Холмोगоры в 1600 г., через побывавших там английских купцов¹³⁸. Известно также, что Хидэёси Тоётоми (умер в 1598 г.) в 1597 г. (год отплытия японца Николая из Манилы) еще находился у власти, и эти сведения, несмотря на то что с 1603 г. Японией правили сёгуны из дома Токугава, сохранялись неизменными в переводах «Космографии» с 1637 г.

Факт установления данных Николая Августина в качестве источника наиболее ранних сведений о Японии, запечатленных в «Космографии 1670 г.», очень важен, так как ее материалы, касающиеся Японии, были включены в дополнения (приложения) к инструкции русскому послу Николаю Спафарию, направленному в феврале 1675 г. в Пекин с дипломатической миссией с целью собрать новые сведения о Японии, с которой русское правительство намеревалось установить торговые отношения¹³⁹. Значение этого источника объясняется также тем обстоятельством, что «дополнения» – первый официальный документ с краткой характеристикой Японии¹⁴⁰.

Кроме того, список «Космографии» составлен в Холмогорском монастыре. Николай Августинец в течение нескольких лет находился в ссылке в Соловецком монастыре, который расположен неподалеку от Холмогор, и монахи этих двух соседних монастырей поддерживали между собой постоянные связи. Этот факт также свидетельствует о возможности получения сведений непосредственно от японца.

* * *

Какими же данными располагает в настоящее время историческая география об этом спорном вопросе, который возник в конце XVI – начале XVII в.¹⁴¹?

Брат Николай родился на одном из южных островов Японии в период Тэнсё (1573–1591). Точная дата и место его рождения неизвестны. В раннем возрасте он переехал в японскую колонию на завоеванные в 1567 г. испанцами Филиппины, в г. Манилу, и в 1594 г. был крещен португальским священником Ордена святого Августина Николаем Мело-и-Мораном (Nicolaus Melo). Если известный японский писатель Сюсаку Эндо прав, утверждая, что родители брата Николая были японскими христианами-переселенцами, подвергнутыми гонениям со стороны японских властей, то переселение его семьи на Филиппины произошло не ранее 19 июня 1587 г., когда верховный правитель Японии Тоётоми Хидэёси издал указ о запрещении проповеди христианства и изгнании из страны португальских миссионеров в течение 20 дней¹⁴². Однако при оценке такой версии следует принять во внимание, что этот указ не распространялся на португальских торговцев, не говоря уже о японцах, принявших христианство. Более того, факт крещения брата Николая только после приезда в Манилу свидетельствует о том, что его родители не принимали у себя на родине христианства. В противном случае их сын был бы крещен, скорее всего, еще в Японии. В 1597 г. брат Николай в качестве сопровождающего отца Николая был направлен филиппинской конгрегацией Ордена святого Августина на

очередной Собор католической церкви в Рим для представления ходатайств перед папской курией и испанским королем. Путь двух посланцев лежал через португальскую колонию в Гоа (Индия). По прибытии в Гоа выяснилось, что корабль, отправляющийся в Европу, придет только в следующем году, и посланцы решили продолжить свой путь через Персию и Московское государство¹⁴³.

В этот период проповедники Ордена святого Августина уже развернули активную миссионерскую деятельность в Персии¹⁴⁴, целью которой было вовлечение Персии в широкий союз против Османской империи, подготовив таким образом новый крестовый поход против мусульман.

В этот союз после победы в 1571 г., одержанной войсками Священной Римской империи над турками, предполагалось вовлечь также Московское государство вместе с Речью Посполитой, примирив между собой русских и поляков, укрепив в этих государствах влияние католицизма посредством насаждения идеи нового крестового похода («Восточная идея»). А папа Сикст V вынашивал мысль с помощью поляков добраться до Константинополя через Москву¹⁴⁵.

Идея союза с европейскими государствами против турок была близка персидскому шаху Аббасу II (1587–1629), поэтому он милостиво принял двух августинцев, и по его предложению они согласились на включение их в состав посольства ко дворам европейских монархов с секретной миссией – обсудить вопрос о таком альянсе. Англичанин Антоний Ширлей был назначен главой посольства, а Николай Мело – эмиссаром на равных с ним правах для представительства в Риме и Мадриде. Об этом Н. Мело сообщил магистру своего Ордена в письме от 24 мая 1599 г.¹⁴⁶

Осенью 1599 или 1600 г. посольство (по морю) достигло Астрахани и к зиме добралось до Нижнего Новгорода, а затем (по суше) – до Москвы¹⁴⁷. Японец и его наставник появились в Кремле в доме миланского медика-католика Паоло Читаддини. Здесь они совершили обряд богослужения и окрестили новорожденную дочь хозяина по католическому обряду, что было

запрещено законом. Глава посольства А. Ширлей, который постоянно не ладил с Н. Мело, считая его своим соперником, через английских купцов донес об этом царю Борису Годунову.

У августинцев был произведен обыск и найдены секретные грамоты Аббаса II и послания к папе Климентию VIII и королю Испании Филиппу III, что также вызвало глубокие подозрения в связи с тем, что в доносе монаха они обвинялись в шпионаже в пользу иноверцев¹⁴⁸. На очной ставке А. Ширлей учинил драку с Н. Мело за то, что последний назвал англичанина человеком низкого происхождения, который руководствуется в своих действиях корыстными побуждениями¹⁴⁹.

Документальных свидетельств о доведении до сведения русских властей общего замысла посольства как составной части создания общехристианского союза против Оттоманской империи и конкретно задачах Н. Мело не имеется. Соперничество православной и католической церкви, а также формальное нарушение августинцами русского законодательства, усугубленное формой, в которой оно было преподнесено протестантами-англичанами, соперничавшими с католиками, привели к тому, что японец брат Николай и португалец отец Николай Мело были сосланы в Соловецкий монастырь. Вскоре А. Ширлей и его спутники через Архангельск выехали в Европу.

В грамоте 1600 г. сообщается «о присылке в монастырь под начало Гишпанские земли чернца Николая с человеком его»¹⁵⁰. От католиков, проживавших в Москве¹⁵¹, сведения об их ссылке на Соловки просочились к краковскому нунцию Рангони, который в 1604 г. обратился к польскому правительству с просьбой, чтобы они ходатайствовали перед московскими властями об освобождении¹⁵² этих двух иноверцев. Польские власти не замедлили откликнуться на это обращение, направив свое представление по дипломатическим каналам. Кроме того, Климентий VIII, также узнавший об этом инциденте, попросил монахов-кармелитов, которые направлялись в Персию через Москву, ходатайствовать перед русским правительством о помиловании упомянутых католиков¹⁵³.

Эти ходатайства были удовлетворены в 1605 г., когда к власти в Москве пришел союзник Ватикана и польских магнатов Лжедмитрий I. Известна на этот счет и переписка Н. Мело с кармелитом Иоанном Фаддеем, который был представлен самозваному царю в Москве¹⁵⁴.

«Лишь только известие об этом самоуправстве¹⁵⁵ дошло до Дмитрия, он приказал привезти в Москву обоих, – писал католический священник П. Пирлинг. – К сожалению, они не успели приехать вовремя, чтобы вступить с царем в переговоры. Однако Николай де Мело был предупрежден, что его ожидает миссия к Филиппу III испанскому»¹⁵⁶. Не исключено, что в дальнейшем и японца Николая использовали для установления связей с Японией и другими странами Дальнего Востока. Но японец и португалец вернулись в Москву лишь после изгнания поляков во главе с Лжедмитрием I в период воцарения Василия Шуйского. Последний был занят прежде всего внутренними вопросами и был далек от мысли о направлении посольства ко дворам европейских монархов, тем более что власть в Москве принадлежала свергнутому еще 27 мая 1606 г. предшественнику. Поэтому разъяснения Н. Мело позднее на аудиенции у Шуйского не дали положительных результатов. Более того, английские переводчики, принимавшие участие в беседе, старались поссорить католиков с православными, извращая смысл сказанного и цели прибытия Н. Мело в Москву.

В результате 14 августа 1606 г. Н. Мело с японцем – братом Николаем сослали в Борисоглебский монастырь¹⁵⁷ вблизи Ростова. Интересно, что в испанских источниках спутника Н. Мело называют японцем¹⁵⁸, в польских же источниках его именуют индейцем или индусом. Так, Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I, в своем дневнике о годах пребывания Н. Мело во второй ссылке писала: «Отсюда прислал он к пану воеводе пространное письмо на французском языке, в каком описывал свое горестное положение, свидетельствовал перед всем светом о своих трудах для пользы католической веры в Америке, в Индии, в Персии и просил пана воеводу (Юрия Мнишека. – *К.Ч.*) по возвращении в отечество известить короля

испанского через Папу, сколь важны могли быть следствия его трудов для религии. Доказательством доброй души сего монаха служит заботливость его об освобождении молодого индейца знатной и богатой фамилии, который поехал с ним к испанскому двору...»¹⁵⁹

П. Пирлинг освещал эти события немного иначе: «Один португальский миссионер, состоявший на испанской службе, во время своих путешествий очутился в Москве. Звали его Николай де Мело: он принадлежал к монашескому Ордену святого Августина. После двадцатилетней проповеди в Индии он возвращался в Мадрид через Персию и Россию. Его сопровождал молодой индусский принц»¹⁶⁰.

На наш взгляд, брата Николая называли в западноевропейских источниках японцем, а в восточноевропейских – индейцем, или индусом по той причине, что португальцы, испанцы, а затем и англичане в XVI – начале XVIII в. уже имели представление о Дальнем Востоке, в том числе и о Японии, в то время как у поляков и русских во второй половине XVIII в. господствовало мнение, что этот район – часть света (со времен «Повести временных лет» – Лаврентьевский список 1377 г.) – Восточная, или третья Индия («Индия в долготу»)¹⁶¹. При этом этнонимы *индиец*, *индус* и *индеец* часто употреблялись в одном и том же значении. В подкрепление этой версии следует отметить, что и через 100 лет японец Дэмбээй Татэкава также именовался русским индейцем, правда, это было связано с тем, что японское государство (Нихон, Нифон) именовалось русскими землепроходцами по названию его столицы Эдо (ныне Токио), или в искаженной транскрипции – Энду¹⁶².

По мнению Ё. Накамура, содержащиеся в католических источниках данные о плохом обращении с двумя ссыльными августинцами являются преувеличенными, что видно из трех посланий, направленных Н. Мело польским властям. «Судя по этим письмам, – пишет японский историк, – нельзя считать, что, по крайней мере в этот период, он и его японский сподвижник Николай содержались в очень суровых условиях. Более того, как это ни удивительно, Н. Мело, встречаясь с московским

боярином, который вел тайную переписку с Ю. Мнишеком, получал от него информацию, касающуюся скрытых пружин военной обстановки. Конечно, симпатии Н. Мело были на стороне убитого Лжедмитрия I и здравствовавшего Лжедмитрия II.

Можно даже считать, что в этой сложной обстановке Н. Мело принимал участие в политическом заговоре, направленном против Московского государства»¹⁶³. Известно, что в монастыре он установил дружеские отношения с авторитетным затворником – старцем Иеринархом, который сносился с Василием Шуйским и принимал для благословения крестом одного из предводителей народного ополчения против польских захватчиков – князя Дмитрия Пожарского. Расположение Иеринарха позволило значительно улучшить условия пребывания обоих ссыльных в Борисоглебском монастыре. Дело дошло до того, что он не только стремился использовать в интересах поляков против правительства Василия Шуйского приверженцев Лжедмитрия II, но и пытался установить связи со сторонниками вождя крестьянского восстания 1606–1607 гг. И.И. Болотникова¹⁶⁴.

По условиям перемирия, заключенного 25 июля 1608 г. между Василием Шуйским и посланцами короля Речи Посполитой Сигизмунда III сроком на 3 года 11 месяцев, царь должен был освободить из плена воеводу Юрия Мнишека, Марину Мнишек с сыном и дочерью и всех задержанных поляков. Не исключено, что по просьбе Н. Мело, адресованной польскому воеводе, в число подлежащих освобождению «безбожных латынян» были включены и два католика – португалец Николай Мело и японец Николай Августинец. Указанные в соглашении о перемирии лица подлежали обмену на плененных поляками русских.

Но войска Лжедмитрия II, игнорируя это соглашение в конце 1608 г., активизировали свои операции по осаде Москвы. Они захватили также ряд других городов, пользуясь недовольством их населения боярским правительством Шуйского. Да и многие освобожденные поляки вопреки условиям перемирия не покидали пределы России, приняв участие в антирусских

выступлениях¹⁶⁵. В переписке с этими лицами и состоял Николай Мело, и его действия вряд ли вызывали возражения со стороны японца Николая.

В 1609 г. Сигизмунд III начал открытую интервенцию и в начале 1610 г. объединился со сторонниками Лжедмитрия II. Николай Августинец и Николай Мело были переведены в Нижний Новгород¹⁶⁶, что, по-видимому, объяснялось захватом в ходе интервенции со стороны Речи Посполитой гетманом Яном Сапегой, возглавлявшим польско-литовское войско, северо-восточных районов Московского государства, в том числе Ростова и прилегающего района, где на р. Устье находился Борисоглебский монастырь, в котором жили Николай Мело и Николай Августинец. На наш взгляд, именно данное обстоятельство, а не переписка Н. Мело с Юрием Мнишеком, как считают некоторые историки¹⁶⁷, явилось непосредственной причиной их перемещения в Нижний Новгород. В этом городе – центре движения против интервентов с начала 1611 г. стало формироваться первое народное ополчение, которое в марте того же года двинулось в Москву против «безбожных латынян».

Сведения о дальнейшей судьбе японца Николая противоречивы. А. Кастро утверждает, что 11 ноября 1611 г. – в день святого Августина он был казнен в этом городе вместе с Николаем Мело за отказ перейти в православие¹⁶⁸. Но Н. Триго пишет, что благодаря заступничеству местных поляков Н. Мело не был казнен, и его направили в Спасскую пустынь, а затем в 1612 г. он был, по этой версии, освобожден «царицей» Мариной, появившейся в Нижнем Новгороде с атаманом Иваном Заруцким. Вместе с ними он бежал в Астрахань, где и закончил свою жизнь после нового пленения русскими войсками в 1614 г.¹⁶⁹ А. Кастро считает, что последнее событие относится к 1616 г.¹⁷⁰

Ё. Накамура справедливо отмечает, что мнение Н. Триго, будто японец Николай был казнен по приказу царя Василия Шуйского, не выдерживает критики, так как последний был свергнут 17 июля 1610 г. – более чем за год до даты предполагаемой гибели японца. Не находит никакого объяснения в европейских источниках и предположение о том, что был убит

именно японец, а другие католики – поляки и Николай Мело – остались якобы живы. Более того, жившие в Нижнем Новгороде поляки смогли, как пишет Н. Триго, похоронить своего единоверца по католическому обряду.

Возможность казни японца Николая по религиозным мотивам и освобождения его патрона Н. Мело как представителя высшей католической иерархии, а также побега вместе с полькой Мариной Мнишек можно предположить исходя из обстановки, сложившейся в Московском государстве в 1610–1611 гг. На это обстоятельство мог повлиять сговор между королем Речи Посполитой Сигизмундом III сначала с группой русских бояр из тушинского лагеря Лжедмитрия II, а затем с московским правительством семьмочисленных бояр. Известно, что 4 февраля 1610 г. был заключен русско-польский договор, по которому на основе компромиссов между сторонами королевич Владислав признавался русским царем. После свержения Василия Шуйского в августе 1610 г. появился аналогичный договор, по которому польские войска были впущены в Москву правительством семибоярщины.

Жестокое подавление восстания против иноземцев посадских низов в русской столице, вспыхнувшего в марте 1611 г., вызвало возмущение широких народных масс действиями «безбожных латынян». Чтобы усмирить народный гнев, вызванный дикой расправой над восставшими, польские власти в сговоре с верхушкой русского боярства могли пойти на компромисс – спасти самого Николая Мело, сделав «козлом отпущения» иноверца японца Николая – «человека его».

Предположение же Ё. Накамура, что японца казнили, используя в качестве ритуальной жертвы во имя успеха похода ополчения на Москву, означает неправомерное смешение самурайских обрядов с русскими обычаями XVII в.¹⁷¹

Ссылаясь на работы европейских ученых, японский историк не без основания пишет, что жители этого города отличались веротерпимостью, ибо сюда со времен Ивана Грозного в большом количестве ссылались пленные иноземцы, в том числе католики¹⁷².

П. Пирлинг, ссылаясь на книгу историка В.И. Лествицына «Сапега в Борисоглебском монастыре» (Ярославль, 1884. С. 10), еще больше запутывает этот вопрос. Он пишет: «Мело по ходатайству индейского раджи (т. е. японского князя. – *К.Ч.*), приехавшего с ним в Россию и оставшегося в Москве, был освобожден потом Шуйским и возвращен в Москву, но там вскоре умер и был погребен, а его якобы человек выехал в Польшу»¹⁷³. Мнение Ё. Накамура о противоречивости этих сведений и приведенной ранее выдержки из «Дневника Марины Мнишек», в которой содержится упоминание «о заботливости (Н. Мело. – *К.Ч.*) об освобождении молодого индейца», находившегося вместе с ним в Борисоглебском монастыре, неверно, так как данная запись относится к 12 июля 1607 г., а разлучены они были в 1610 г. (Василий Шуйский правил с мая 1606 по июль 1610 г.). Вероятно, этот вывод японский историк сделал потому, что при переводе пропустил слова, касающиеся Василия Шуйского.

На этом основании Ё. Накамура приходит к выводу, что казнь японца Николая, если утверждения о ней и соответствуют действительности, произошла не по религиозным мотивам, а скорее по политическим – с целью оказать давление на Н. Мело и заставить его выдать тайную информацию о международном заговоре против Московского государства¹⁷⁴.

Мнение японского ученого о суровой расправе с иноверцами и изменниками в период Смуты, вплоть до сжигания на костре, подтверждены некоторыми историческими фактами. Так, в августе 1612 г. был разоблачен поляк Борисовский – посредник гетмана Ходкевича в войсках казачьего атамана Заруцкого. Лазутчика схватили, пытали, в результате он погиб мучительной смертью¹⁷⁵.

Однако Н. Триго приводит невероятные факты поднесении царю Василию Шуйскому (который в 1611 г. был уже свергнут и находился в Варшаве в плену у поляков. – *К.Ч.*) головы пленного японца; причем останки пленника были якобы брошены на съедение собакам, которые даже не стали к ним прикасаться, так как почуяли опасность – в городе свирепствовала чума¹⁷⁶.

На основании приведенных материалов можно сделать следующие выводы:

1. Представленная в советской и зарубежной литературе версия о казни в 1611 г. в Нижнем Новгороде брата Николая – помощника сотрудника персидского посольства в страны Западной Европы и члена делегации филиппинской конгрегации католического Ордена святого Августина – представляется недостаточно убедительной, так как ее безоговорочное принятие не позволяет без противоречий объяснить ряд доводов авторов этой гипотезы.

2. Недоказанной является и другая, прямо противоположная, версия о благополучном выезде японского путешественника из Московского государства после смерти в столице своего патрона – дипломата и известного религиозного и политического деятеля португальца Николая Мело.

В начале XVII в. – в период правления Лжедмитрия I, стремившегося к расширению дипломатических контактов с различными странами, появилась возможность использовать японского путешественника Николая Августинца для установления отношений с другими странами. Такая возможность не была использована вследствие краткого пребывания Лжедмитрия I и его окружения на русском престоле, что можно объяснить национальными и классовыми противоречиями между польской шляхтой и ее русскими союзниками, с одной стороны, и широкими народными массами Московского государства – с другой.

3. Конец XVI – начало XVII в. – это самый ранний период первоначального накопления у русских знаний о Японии и зарождения интереса к этой стране, часто традиционно соединявшихся с представлениями о Восточной Индии. Одной из особенностей истории Русского государства с конца XVI – начала XVII в., когда крестьянские войны сменялись иностранной интервенцией, советский ученый И.И. Смирнов считает активное включение в различные события в России представителей разных стран. «Необычайно широк диапазон участия иностранцев в делах России, – пишет он. – Своего рода пределом этого участия может служить фигура японца Николая, спутника Николая Мело»¹⁷⁷.

4. Заключительный период в жизни японца Николая Августинца нуждается в дальнейшем углубленном изучении. Однако вопрос о том, что именно он в 1600 г. впервые появился в нашей стране, а не выброшенный после тайфуна на Камчатку Дэмбээй Татэкава, или Гавриил, в 1695 г. (точка зрения Н.Н. Оглоблина, Э.Я. Файнберг, Ю.В. Георгиева и Л.Н. Кутакова) представляется окончательно разрешенным.

5. Несмотря на то, что возможность установления отношений с Японией с помощью первого японского путешественника оказалась нереализованной, сведения, полученные от него, послужили материалом для формирования легенды-утопии русских старообрядцев об «Опоньском государстве», или «Беловодье» как «стране древнего благочестия». Поиски которой вплоть до начала XX в. выражали пассивный протест широких масс русского крестьянства против крепостничества и сыграли значительную роль в общественной жизни России¹⁷⁸. Сведения о Японии, полученные от Николая Августинца, вероятно, были употреблены для составления главы о Японии в «Космографии» (наиболее полное издание 1670 г.), которая была использована в наказе первому русскому послу в Китае Н.Г. Спафарию (Милеску) об установлении отношений с этой страной и Японией. Это направление движения русских «встречь солнца» является одной из важных, но пока еще слабо освещенных форм освоения Сибири и Дальнего Востока, которую основоположник советского сибиреведения С.В. Бахрушин назвал церковной колонизацией¹⁷⁹.

4. Сведения в России о Японии и районах взаимного территориального сближения во второй половине XVII века

Открытие русскими землепроходцами в первой половине XVII в. пути к островам, лежащим между тихоокеанским побережьем Азии и Японией, привело к тому, что у русских, в частности у Николая Спафария, помимо космографии, впер-

вые появился новый источник сведений об этой стране. Этим источником были местные народы Дальнего Востока, прежде всего нивхи (гиляки).

В августе 1652 г. от устья р. Зеи вниз по Амуру отправилась группа казаков из отряда Ерофея Хабарова (около 30 человек) во главе со Степаном Поляковым, Косткой Ивановым и Логином Васильевым. В сентябре того же года в нижнеамурском селе Маго («Маховинский улус») они получили от нивхов новые, не известные ранее в России сведения о Японии.

Б.П. Полевой датировал документ С.В. Полякова, в котором содержатся эти сведения, 1653 г. Он разыскал документ в Центральном государственном архиве древних актов г. Москвы. В отчете С.В. Полякова японцы, со слов нивхов, путешествовавших через о. Сахалин на о. Эдзо (Хоккайдо), называются «чижемы» – от нивхского «сизем», или «сисам», восходящего к айнскому «шишам» («соседи») от «ямшишам» («южные соседи») ¹⁸⁰.

Точно так же японцев называли и айны юга Камчатки. Отсюда камчадалский этноним японцев «шушаман» – в народной этимологии возводимый к омониму со значением «железная игла», что, по мнению Рюдзо Тории, свидетельствовало о проникновении в этот район японских товаров в результате посреднической торговли айнов с Курильских островов ¹⁸¹. Этот этноним японцев стал позднее известен и русским ¹⁸². На юг Камчатки из Японии попадали не только металлические иглы, но и металлические деньги. Отчеканенные в XI в. медные японские монеты В.П. Иохельсон находил в этом районе при археологических раскопках во многих могильниках местных жителей ¹⁸³.

С.В. Поляков в «отписке» «государю и великому князю Алексею Михайловичу» указывал: «По морю живут чижемы, от чиж(емов) идет к гилякам железо и медь и серебро, родитца ли в чижемах или нет, того не ведает. А поймали де их гиляков в аманаты (заложники. – К.Ч.) Стенька Поляков да Коста Иванов с товарищи девяти человек, Ерофеевы (Хабарова. – К.Ч.) де поимки гиляка четыре человека и с теми, что сами два челове-

ка пришли в острог, а золото, де и серебро... узорочные товары идут из Никанские (китайские. – *К.Ч.*) земли.

Сентября 2 дня Дмитрий Иванович... нов... расспрашивал жонку Могоксану, (про) (ко)торую писал к государю, царю и (великому) князю Алексею Михайловичу...»

Эти сведения о Японии в 1674 г. были изложены в Москве в Польском приказе тобольским сыном боярским, капитаном драгунского строя С.В. Поляковым Н.Г. Спафарию перед отъездом последнего в 1675 г. с дипломатической миссией в Китай. Они нашли свое отражение в главе 58 «Описания славного и великого острова Японского», в его «Описании первые части вселенныя, именуемой Азии...».

Автор этого сочинения писал, что железо на Амур привозили в виде айнских котлов («куги-вынь»), которые в действительности поступали к ним от японцев княжества Мацу-маэ с южной части о. Эдзо (Хоккайдо), «ибо многие острова малые выдаются от усть Амуры, от берегу морского, как о том сказывали в прежних временах иноземцы (и) казаки, которые зимовали на усть-Амуры. И тогда ходили гиляки с устий Амура на те острова и привезли самой доброй кости рыбьей светлой и китайские котлы и иные признаки многие, что те народы знаются с китайцами (то есть маньчжурскими купцами из китайской империи Цин. – *К.Ч.*) и японцами... Пишут о сем острове яко величиной сей остров будет больше тысячи верст, а в ширину двести верст болших. И хотя велики снеги и стужи на том острове бывают, однако же со ста мест таких обретается, где копают и делают серебро и оттоли в Китай приходит, а прежде сего того острова во Европе не знали, пока не объявили о нем португальцы сицевым (таким. – *К.Ч.*) образом... Владеется сей остров от разных ханов, больше всех хан посреди того острова жительствоует в некоем городе Масако (то есть мяко (столица) Эдо. – *К.Ч.*)... Народ сего острова зело храбр... капища же все имеют идолские и зело многие. А имя Иапонии «Восход солнца» (Страна восходящего солнца. – *К.Ч.*)... есть всех иных государств знатнейшее к востоку»¹⁸⁴.

Приведенная «Отписка» С.В. Полякова вносит ясность в происхождение легенды об островах золота (Кинсима) и серебра (Гинсима), расположенных к северу от Японии.

В дополнении к наказу Н.Г. Спафарию, врученному перед его отъездом из Москвы, указывалось: «За Китайским государством на востоке в окияне море, от Китайских рубежей верст с семьсот, лежит остров зело велик, имянем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве, обретаются, руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обычай их и письмо тоже с китайским, однакожде они люди свирепии суть и того ради многих езуитов казнили, которые для проповедывания веры приезжали»¹⁸⁵.

В этом дополнении соединились воедино как сведения о Японии, полученные с Запада, в частности «Известия об острове Японей» из «Описания Китайского государства» иезуита М. Мартиния¹⁸⁶, полученные Н. Спафарием в Посольском приказе в 1676 г., так и добытые русскими землепроходцами, проложившими первые пути для установления взаимовыгодных торговых отношений между Россией и Японией.

Таким образом, результаты исследования вопроса о возможных путях проникновения к русским первых сведений о Японии позволяют, как представляется, прийти к выводу, что до XVII в. имели место лишь единичные случаи получения весьма неопределенных, самых общих или фрагментарных сведений об этой стране, главным образом русскими, находившимися за пределами своего государства – в странах Арабского Востока, а также в Монголии, Китае.

Начиная с XVII в. эти сведения проникают в Россию как из стран Западной Европы – Португалии, Испании, Голландии, Германии, а также Англии, корабли которых стали ходить к японским берегам, так и непосредственно от первых японцев в нашей стране и русских землепроходцев и мореплавателей, приступивших к освоению дальневосточных районов Тихоокеанского бассейна, граничащих с Японией.

Несмотря на то, что в трудах Н.Г. Спафария, как уже упоминалось, имеется более или менее подробное описание Япо-

нии, на картах и чертежах, в частности на карте Сибири 1667 г., этой страны не было.

Впервые на русском «Общем чертеже Сибири» Япония появилась в 1687 г.¹⁸⁷ Он был составлен в «пополнок» прежнему чертежу, «кои писан в 176 г. (1667/1668 г.) про знание жилья». В юго-восточном углу чертежа Сибири 1687 г. следующим к северу от фантастического Маканрийского острова значится отдельно от Никанского царства «остров Епан, двадцать царств», то есть княжество с кружком, который можно принять за условный знак столицы Японии Эдо (ныне Токио).

Изображение Японии с первых русских карт Сибири было заимствовано в 1690 г. голландским географом Н. Витсенем, карты Сибири которого составили новую эпоху в западноевропейской картографии этого региона, а у него в 1692 г. – посланником России в Китае И. Идесом. В записках о путешествиях в Китай (1692–1695 гг.) он писал и о Японии¹⁸⁸.

Под 1698 г. (уже без соседнего сказочного Маканрийского острова) о. Япония появляется в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова 1701 г. (№ 21) на «Чертеже всех сибирских градов и земель»¹⁸⁹. А на «Чертеже земли Нерчинского города «южнее» «острова Япония» (о. Хонсю) показаны также о-ва Гисима, Лоноксим и Токцесы, «устье (корейской) Увани реки – торг Кореи с японцы». «О. Япония» изображен вблизи устья р. Амур.

5. На подступах к Японии. Вопрос о времени появления русских в районах территориального сближения с Россией в XVII веке

1) Загадка появления И. Юрьева (Москвитина) на «острове» Камчатка и его первые сведения о Курилах

Первое, известное, правда, только по устным свидетельствам, путешествие русских на одном из трех «великих кочей» из устья Лены вокруг мыса Дежнева с выходом к Камчатке

у Гижигинской губы относится к периоду, непосредственно предшествовавшему основанию в 1632 г. Якутска (Ленского острога) и Жиганска (1633), когда в район Лены в 20-х – начале 30-х годов XVII в. пришли первые русские землепроходцы. «Древних до заведения Якутска и Жиганска... кочей по Лене в море сплыло три, – говорилось в сказании о «великих кочах» русских землепроходцев, записанном в XVIII в. в низовьях Лены. – С одного коча через Колымы и Анадырь перешедшие народы до заведения Гижигинского острога (1657 г.) тут первые они опоместились жительством, а прочие отнесены морем к северу...»¹⁹⁰

Сведения о путешествиях в начале 1630-х годов к востоку от устья Лены, в сторону Камчатки подкрепляются челобитной Ивана Реброва поданной в Жиганске в год его основания (1633), о разрешении идти морем на р. Яну, а также невозможностью осуществления этого похода без получения предварительных данных об этом пути и одинаковым наименованием в середине XVII в. двух рек под названием Янга (Яна), одна из которых впадает в море Лаптевых, а другая – в Охотское море¹⁹¹.

Эти данные подтверждены также в карте Г.-Ф. Миллера 1754 г., подготовленной по обнаруженным им в 1736 г. материалам С. Дежнева, где над пунктиром, тянущимся от устья Лены к устью Колымы и далее вокруг Чукотки до Олюторского мыса, написано: «Путь, которым часто ездили в древния путешествия, в 1648 г. трех российских кораблей, из которых один дошел даже до Камчатки», ибо здесь ясно говорится о предшественниках великого землепроходца¹⁹².

Об этом периоде «древних путешествий» русских в поисках Японии – страны «древнего благочестия», богатой, по преданиям, золотом и серебром, где родится «пшено сорочинское» и «овощ всякий», японский историк Рюносукэ Окамото писал: «В 1643 г. русский по имени Юфуру (Юрий. – К.Ч.) путешествовал по Камчатке и открыл Курильские острова»¹⁹³. Р. Окамото отмечал, что по-японски эти острова назывались Тисима (букв. «Тысяча островов»), а «в 1643 г. русские пришли на Камчатку и открыли острова Тисима, которые они переи-

меновали на Курильские»¹⁹⁴. По сведениям Мацунага Тёкэн, русский Юфуру, путешествуя по Камчатке, в состав которой входил и район обитания коряков, впервые тогда же узнал об островах, тянущихся к югу от нее в сторону Японии»¹⁹⁵.

Другой историк – Такэсиро Мацуура, автор «Хронологии истории айнов» («Эдзо нэндайки». Токио, 1870), в которой содержатся извлечения из многочисленных летописей, указывает, что «русский Юфуру первым воочию открыл Камчатку, побывав там лично»¹⁹⁶.

На первый взгляд, отнесение к этому времени первого пребывания русских на Камчатке и в смежном с ней районе¹⁹⁷ р. Чендон (Гижига) и р. Пенжина, жители которого – коряки могли передать сведения об этом камчадалам и айнам и через них – японцам, более соответствует логике, чем датирование его 1643 г. японскими историками конца XIX – начала XX в. Р. Окамото и Т. Мацунага, которые, вероятно, совместили эту дату с датой плавания в районы к северу от Японии в 1643 г. голландца Мартина де Фриза. Действительно, в 1649 г. в контакт с коряками в этом районе вступил отряд Михаила Стадухина, в котором состоял известный землепроходец Юрий Селиверстов, упоминавший в «отписке» об этом походе о реках Чендон и Пенжина у северных пределов Камчатки¹⁹⁸.

Однако Михаил Стадухин направил Ю. Селиверстова в Якутск с первой пробной партией моржовой кости, добытой на море из района, расположенного значительно севернее Камчатки.

В «Хронологии истории айнов» Т. Мацуура отмечено, что в 1656 г. «на Камчатку прибыл русский по имени Ооту»¹⁹⁹, то есть японский историк сообщает о посещении каким-то русским землепроходцем глубинных районов полуострова, из южной части которого хорошо виден северокурильский остров Алаид, обозначавшийся на русских картах с 1667 г.²⁰⁰

В сообщении колымского казака Никифора Малгина (не позднее 1678 г.) говорится о плавании Тараса Стадухина в период воеводства Ивана Борятинского (1666–1670) в направлении Японии и прилегающих с юга к Камчатке островов и получен-

ных им сведениях о «бородатых людях» в «долгом платье» на одном из этих островов, которые «называют русских братьями»²⁰¹. Здесь, вероятно, имеются в виду русские или их потомки от браков с коренными жителями.

Поиски «Опоньского государства» не только представляли собой своеобразную форму протеста русского крестьянства против крепостного гнета²⁰², как уже отмечалось ранее, но и отражали стремление верхов русского феодального государства к установлению и развитию взаимовыгодных торговых отношений с Японией. В процессе этих исканий происходило культурно-хозяйственное освоение новых территорий.

Не отвергая нашей точки зрения о том, что японские историки, считающие 1643 г. датой появления русских на Камчатке и получения ими первых сведений о Курилах, вероятно, ошибочно отождествили эту дату с годом открытия голландцами этих островов, Б.П. Полевой писал: «Иногда видят в «русском Юуру (Юрии)» известного анадырского землепроходца Юрия Селиверстова. Но биография Ю. Селиверстова теперь достаточно известна, и вряд ли можно назвать его первооткрывателем Камчатки и тем более Курильских островов»²⁰³.

Б.П. Полевой ставит вопрос и о том, не был ли первооткрывателем Курил упоминаемый в японской литературе Юуру (Юфуру). Историк писал, что генерал-губернатор Восточной Сибири И. Якоби в конце 80-х годов XVIII в. приказывал русским мореходам сообщать иностранцам на южных Курилах об открытии их русскими «не ближе 1641 г.». В этот год Иван Юрьев (Москвитин) завершил свой поход на Тихий океан и после выхода на океанское побережье посетил со своими спутниками какие-то южные острова. Но Б.П. Полевой сам выдвигает возражение против своей версии (хотя голландцы в 1643 г. и находили на Курилах кресты, аналогичные тем, что русские мореходы ставили на побережье Ледовитого океана): москвитинцы в 1640 г. подошли не к Курилам, а к «островам Гиляцкой орды» (Шантарские острова) и к Сахалину.

В пользу пребывания москвитинцев на Сахалине на месте сражения нивхов (гиляков) с якобы айнами – его або-

ригенами («бородатыми людьми») приводится фрагмент из документа об их походе: «А они де на том побоище, где гиляков те бородатые люди побили, были... Да тут же нашли дно цынинного (то есть глиняного. – К.Ч.) сосуда... А гиляков, которые живут по островам тем проходили, а сказывали те тунгусы, что от них морем до тех бородатых людей недалече, а не пошли-де они к ним морем за безлюдством и за тем, что там, сказали, рыбы в тех местах нет»²⁰⁴. Но так как русские до устья Амура не дошли, прав В.Н.Елизарьев, что здесь имеются в виду другие бородатые люди – дауры²⁰⁵.

Но даже если предположить, что И. Якоби располагал неизвестными нам документами о походе русских к южным Курилам и японские историки не зря упоминали о получении русскими сведений о Курилах в 1643 г., то и в этом случае останется неясным вопрос, каким образом москвитинцы оказались, как утверждают Р. Окамото и Т. Мацунага, на Камчатке. Ведь именно там русские впервые узнали, по словам японских историков, о Курильских островах, тянущихся в сторону Японии. Невьясненным остается также и вопрос о соответствии японского Юфуру русскому Юрьев (наше разъяснение см. далее).

Чтобы перевести этот вопрос из области зыбких предположений на почву научно обоснованной гипотезы, необходимо глубже проанализировать состояние географических представлений русских и японцев в тот период и характер их изменений при посредничестве иностранных путешественников и ученых.

Как же изображались и как назывались Камчатка, Сахалин, Хоккайдо и Курилы на русских, западноевропейских и японских картах XVII – первой трети XVIII в.?

На упомянутой карте в «Краткой космографии», вошедшей в состав списков третьего разряда «Хронографа» третьей русской редакции (1620–1646), в отличие от других островов Тихого океана Камчатка впервые получила реальное изображение неподалеку от о. Новая Земля в виде острова с легендой: «Новый остров нарицается Камчатка, нашли сибирцы с людьми. Этот остров Камчатка» показан к северу от того

места, где к северу от фантастического Маканрийского, или здесь – острова Макариуса, на карте 1687 г. изображена Япония в виде о. Епан (ее центральный остров Хонсю). Никаких других реальных или ирреальных островов в районе, соответствующем по расположению бассейну Охотского моря, на карте не обозначено.

«О. Камчатский» на «Чертеже всех сибирских градов и земель» 1698 г. в «Чертежной книге Сибири» 1701 г. С.У. Ремезова и на «Чертеже земли Якутского города» (ок. 1700 г.) в его «Служебной чертежной книге» (не позже 1715 г.)²⁰⁶ изображен севернее р. Амур, к востоку от рек Уда (Удь), Тугур (Тугир) и Охота (Охвота). На последнем чертеже имеется надпись: «Остров Камчатой, приходят люди грамотны, платье на них азямы камчатые». Эта надпись повторяет имеющуюся на «Чертеже Якуцкого города», которые С.У. Ремезов получил после похода на Камчатку казака Дмитрия Потапова в 1696 г.

Академик Л.С. Берг относит указанную надпись у изображения Ивановского погоста на правом берегу р. Камчатки «к японцам, случайно попавшим на Камчатку (но не именно на р. Камчатку) в результате кораблекрушения»²⁰⁷ 1695 г.

Топоним «Камчатка» существовал гораздо раньше, следовательно, эти «люди грамотны» в «азямах камчатых» (узорчатые долгополые кафтаны халатного покроя), скорее всего, были потомками Ивана Камчатого – одного из первооткрывателей этого полуострова.

Изображение этого «острова» восходит к обозначению на этом месте на «Общем чертеже Сибири» 1687 г. «Амурского острова», против текущей на юг р. Камчатки и других рек, впадающих в Охотское море. Так же назван этот остров и на составленной по русским источникам «Карте Татарии» голландского ученого Н. Витсена в его книге «Северная и Восточная Татария» (1692), но в его издании карты 1687 г. этот остров, расположенный в том же месте, назван «Stolpka Метсоу» («Столп каменной»), упоминаемый в «росписи» «Чертежа всей Сибири, збиранного в Тобольске» в 1667 г. и в «осмой грани» «росписи» «Общего чертежа Сибири» 1673 г.²⁰⁸

Текст «росписи» к этому чертежу содержал фантастические сведения, которые способствовали отождествлению Сахалина, где обитали нивхи (гиляки), с о. Алаид и Камчаткой. «А прошед через камень (с р. Колыма. – К.Ч.), приходят на реку Анадырь и тут промышляют кость рыбью. А на той земле живут гилянские люди, а против устья Камчатки реки вышел из моря столп каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал. А которые реки в Гилянской земле, те и подписаны»²⁰⁹.

Одинаковое расположение этого «острова» на картах вблизи устья р. Амур свидетельствует о том, что в ранний период поисков русскими путей в Японию происходило совмещение на картах разных географических объектов – Камчатки, Сахалина, о. Алаид (северная часть Курил) и позднее о. Большой Шантар.

А как представляли себе этот район в тот же период японцы и как отразились их географические представления в работах западноевропейских ученых?

Все районы к северу от главного японского о. Хонсю, как традиционно считали японцы, были заселены варварами (по-японски «эдзо»), и поэтому весь без ограничений район к северу от него именовался Эдзс²¹⁰. Русские при этом позже назывались «акаэдзо» («рыжими, буквально красными», варварами). Нынешний о. Хоккайдо назывался Хонъэдзо (главный остров Эдзо), или сокращенно Эдзо, а расположенные дальше на север, в одном направлении Сахалин, а в другом – Курильские острова и Камчатка, которую они, как и русские, в тот период считали островом, назывался Оку Эдзо (Дальнее, или Глубинное, Эдзо), сокращенно Эдзо, или Курумисэ.

Вполне понятно, что сначала голландский первооткрыватель южной части Курил и Сахалина в 1643 г. Мартин де Фриз, который принял их без учета специфики наименования этого района в японском языке за одну и ту же землю Эдзо, а затем французский географ Гийом де Лиль изобразили на карте Сахалина на «Карте Татарии» 1706 г. остров, именуемый землей Эдзо.

Как земля Эдзо изображалась также Камчатка на картах шведа Ф.И. Страленберга (1715–1719) по японским и русским данным (одна из этих карт была опубликована в 1726 г. в Лейдене), а также на карте немца И. Гомана в 1723 г. и в 1725 г. в Нюрнберге по тем же данным. В 1727 г. в Лондоне вышла книга голландца Э. Кемпфера «История Японии» с картой «Камчатки, именуемой японцами Оку Эдзо».

«Остров Камчатой», куда «приходят люди все в шелковых платьях», у противоположного от п-ова Камчатка берега Охотского моря, то есть примерно в районе о. Сахалин и Шантарских островов, показан также и на карте известного немецкого путешественника по Сибири Д.Г. Мессершмидта²¹¹, который встречался в Тобольске с С.У. Ремезовым в период между декабрем 1719 г. и маем 1721 г.

Таким образом, и европейцы, и японцы в рассматриваемый период отождествляли, как показывает анализ карт, Камчатку и Сахалин. Это дает основание полагать, что русскими, пришедшими на Камчатку в 1643 г., являлись на самом деле русские первооткрыватели Сахалина.

В этом случае можно объяснить и обозначение на «острове» напротив устья р. Амур русского зимовья, изображенного на карте И. Спарвенфельда (не ранее 1678 г.) маленьким флажком. Показан был острожек и на карте С.У. Ремезова 1699 г.²¹² На Сахалине к 70-м годам XVII в., судя по русским архивным источникам, русских зимовий еще не было; они появились на Камчатке после походов Ивана Рубца, Ивана Камчатого и Федора Чюкичева в конце 50-х – начале 60-х годов XVII в.²¹³.

Кроме того, этот условный знак русского населенного пункта на острове в устье р. Амур мог соответствовать в действительности Охотскому острожку, заложенному в устье р. Охоты в 1642 г. участниками похода Ивана Юрьева Москвитина на обратном пути от островов «Гиляцкой орды». Разница примерно в один год с учетом того, что год в XVII столетии заканчивался 1 сентября (в «Юрьев день»), по сравнению с 1643 г. – 20-м годом периода Канъэй по японскому календарю (по которому год начинается с февраля) – объясняется,

как уже упоминалось, тем, что у островов Охотского моря в 1643 г. побывал голландский мореплаватель де Фриз. И такое «наложение» близко от стоящих дат открытий европейцев, тем более если сведения о них неоднократно опосредовались представителями разных народов, представляется вполне вероятным²¹⁴. В русском документе об этом острожке говорится следующее: «Да и они (москвитинцы. – К.Ч.) ис того острожку ходили морем на Охоту реку трои суток...»²¹⁵

Что касается конкретного русского землепроходца, то упоминаемый японцами Юфуру мог получить такое наименование в результате перестановки последних слогов, как это видно на примере превращения русского названия р. Амур в японское Аруми²¹⁶ вместо ожидаемого «Амуру» с расподоблением гласных в двух последних слогах, то есть быть производным от Юруфу, что по звучанию с учетом особенностей японского произношения близко к русскому «Юрьев» (с конечным согласным «ф», обозначаемым на письме как «в»). А это точно совпадает с фамилией Ивана Юрьева, прозвище которого было «Москвитин».

Пути проникновения в Россию географических представлений японцев в XVII–XVIII вв. о бассейне Охотского моря через Западную Европу изучены с достаточной достоверностью, о путях же, по которым фамилия И. Юрьева (Москвитина) попала в японские источники, можно строить только предположения.

Известно, что весной 1642 г. русский картограф Курбат Иванов по повелению якутского воеводы П.П. Головина составил чертеж Восточной Сибири, в том числе той «земли гиляков», «куда ходили люди Дмитрия Копылова», другими словами, И. Юрьев и его спутники²¹⁷.

Их сведениями о «земле гиляков» пользовался посол России в Китае в 1675–1678 гг. Н.Г. Спафарий. Его сочинения и карты, как и карта 80-х годов XVII в. А.А. Виниуса²¹⁸, были положены в основу зарубежных сочинений на эту тему, например ученого Н. Витсена в книге «Северная и Восточная Татария» и статье «О народе гиляки, или гилятском», набросках

его ранних работ, в частности «Картах Восточной Татарии» (конец 70-х годов XVIII в.), а также в изданном в Польше в первой половине этого десятилетия польского военнопленного А. Каменского-Длужника, собравшего сведения о «земле гилляков» у казаков Восточной Сибири, побывавших там ранее и, вероятно, слышавших или даже знавших участников похода И. Юрьева (Москвитина)²¹⁹.

Но японцы эти данные получили скорее всего не от айнов, коренных жителей Сахалина, Курил и южной части Камчатки – района Курильского озера и южнее, а от европейцев, приезжавших в Японию с юга после ее открытия в 1542 г., а точнее – с учетом характера изложенных географических представлений о землях бассейна Охотского моря – от сицилийского миссионера Ж. Сидотти (1668–1715). Известно, что миссионер прибыл в Японию в 1709 г., где был арестован японскими властями за намерение вести запрещенную в стране миссионерскую деятельность. В течение многих лет он являлся информатором известного японского ученого Хакусэки Араи, отразившего в своих произведениях географические представления европейцев, взятые в том числе из русских источников, о районе территориального сближения России и Японии, а также далеко не точные в тот период сведения об этом районе, полученные от айнов о. Эдзо (ныне о. Хоккайдо).

Эти представления, по сведениям Ж. Сидотти, изложены в работах Х. Араи (1657–1725) «Записки о странах Запада» (Сэйё кибун) 1709–1715 гг., и «Записках о делах Запада» («Сайран игэн») 1713 г.

Книга «Запись о чужих странах» была привезена в Японию из Китая после снятия в 1720 г. по инициативе Х. Араи (советник сёгуна – верховный правитель государства) запрета на иностранную литературу. В этой книге сообщалось о России как о государстве с мощными вооруженными силами, простирающейся с запада на восток на 15 тыс. ли, а с севера на юг – на 8 тыс. ли. Приводились также наименования товаров, которыми русские торгуют с другими странами.

Книгам Х. Араи, в которых содержались сведения не только об азиатской, но и европейской части России, предшествовала только одна книга аналогичного содержания, написанная в 1695 г. в г. Нагасаки голландоведом Дзэкэн Нисикава «Размышления о торговле с китайцами и варварами» («Каи цусёко»). В ней говорилось: «Московия – это теплая страна, расположенная в 4110 ри (1 ри = 3927 м) за морем». Но во втором издании этой книги (1708) многое было исправлено. Более точное географическое положение Московии на северо-востоке Европы было указано и в упомянутых работах Х. Араи, который писал, что она покорила Сибирь и продвинулась на Камчатку до района Эдзо. Само название «Московия» стало известно в Японии с того времени, когда голландцы, впервые высадившиеся на о. Кюсю (у г. Ойта) в конце XVI в. (1600 г.), стали привозить «кожу Московии», то есть юфть – кожу, выделанную по русскому способу, на чистом дегте из коровьих шкур. Ее высоко ценили, так как использовали для изготовления кошельков и украшения эфесов мечей²²⁰.

В первом томе под названием «Европа» географического сочинения Х. Араи «Запись о делах Запада» содержатся материалы о внешней политике России и личности Петра I, излагается ход Северной войны за выход России к Балтийскому морю²²¹. В другой книге – «Записи о странах Запада» японский ученый и государственный деятель впервые проводит различие между христианством (пропаганда христианства грозила Японии подчинением странам Запада) и европейской наукой, ознакомление с которой усилило бы интеллектуальный потенциал страны в противоборстве с этими более передовыми государствами²²². С этой точки зрения автору книги импонировала активная деятельность Петра I.

Такая оценка его деятельности получила развитие и практическое применение в проектах преобразований, которые подготавливались японскими реформаторами во второй половине XVIII в., считавшими Россию своим учителем. «Японские интеллектуалы позднетокугавского периода ру-

ководствовались примером Петра Великого, разрабатывая проекты реформ в Японии. Это обстоятельство ныне почти полностью забыто японцами»²²³.

2) Первые зимовья русских на Камчатке и вопрос об их первом вояже к Курильским островам

В 1697 г. во время похода на Камчатку В.В. Атласов узнал от коренных жителей, что много лет назад жил у них на р. Никул – притоке р. Камчатки – русский кочевщик с товарищами, от которого эта река была названа Федотовщиной, или Федотовскою. Остатки зимовья русских видели здесь участники первой Камчатской экспедиции (1724–1728).

На «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам», составленном И. Козыревским по итогам его походов на юг Камчатки и на Курильские острова в 1711–1713 гг., у изображения р. Никул имеется надпись: «В прошлых годах из Якутска города морем на кочах были на Камчатке люди. Два зимовья видны и поныне»²²⁴. Существовала легенда, что Федот Алексеев Попов был организатором экспедиции С.И. Дежнева 1648 г., открывшей пролив между Азией и Америкой, и что Ф. Попова было выброшено южнее устья р. Анадырь, у Олюторской губы, неподалеку от Камчатки. Вслед за С.П. Крашенинниковым, ссылаясь на сообщение жены Ф.А. Попова, Г.И. Спасский писал: «Случившеюся погодою коч его отшибло и занесено в Камчатку, где застигла их зима, и на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной по ее мужу Федотовщиной, построили они зимовье. По наступлении лета (1649 г. – *К.Ч.*) он обошел Курильскую Лопатку (то есть проплыл у северной части Курил. – *К.Ч.*) и Пенжинским (Охотским. – *К.Ч.*) морем вошел в реку Тигиль. И там умре»²²⁵.

Поясняя обстоятельства гибели Федота, Г.И. Спасский пишет, что спутники зарезали его из-за пленной якутки («ясырки»), «была меж русскими резня с кровью, и коряки, увидев, что они не боги, убили часть из них, которые остались после ухода других к Пенжинскому (Охотскому. – *К.Ч.*) морю»²²⁶.

С учетом того, что в Восточной Сибири русские названия географическим объектам присваивались не по именам, а по фамилиям или отчествам, если они употреблялись вместо фамилий, академик Г.-Ф. Миллер еще в середине XVIII в. выдвинул гипотезу, что название «Федотовское зимовье» было дано по отчеству-фамилии сына упомянутого Федота Алексеева (Попова).

Но и эта версия не подтвердилась, так как сыновей у Федота не было, а в походе его сопровождали только два племянника – Кирилл Иванов и Емельян Стефанов²²⁷.

Введенная сравнительно недавно в научный оборот «отписка» С.И. Дежнева от апреля 1655 г. еще убедительнее доказывает несостоятельность этой версии. В этом документе сообщалось: «А в прошлом 162 году (1654 г. – К.Ч.) ходил я, Семейка, возле моря в поход и отгромил я, Семейка, у коряков якутскую бабу Федота Алексеева, а та баба сказывала, что де Федот и служивый человек Герасим (Анкудинов. – К.Ч.) померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали на лодках с одною душою, не знаю де куда»²²⁸.

Топонимика Восточной Сибири ведет свое происхождение не от имен, а от отчеств-фамилий, в связи с чем представляется неоправданной постановка Б.П. Полевым вопроса «не относились ли рассказы ительменов о трагически погибших первых русских, живших у устья р. Никул, к группе Федора Чюкичева и Ивана Камчатого»²²⁹, которые в конце 50-х – начале 60-х годов XVII в. совершали походы на р. Камчатку.

«Федотовское зимовье» на р. Никул – притоке Камчатки находилось в области обитания коряков, как и одновременное зимовье на камчатской р. Воемле (Уемлян), которое получило название по беглому казаку Леонтию Федотову. В конце 50-х – начале 60-х годов XVII в. он жил сначала на р. Блудной (Омолон), а затем в районе р. Пенжины у северных пределов п-ва Камчатка, неподалеку от р. Воемли, на традиционном пути местных жителей от Охотского к Берингову морю в район Карагинского залива. По этому маршруту в середине XVII в.

ходили русские землепроходцы. В этот залив впадала река, которую уже тогда называли Русаковкой, что является подтверждением факта появления здесь русских путешественников.

По этому поводу в русской историко-географической литературе середины XVIII в. отмечалось: «Оная река Русаковка для того называется, что в прежние годы... из русских, бывавших тогда на Камчатке, один прижил у иноземческой девки сына, от которого колена по сие время ведется и называются русаками, на устье ее живет русак с родом»²³⁰.

Кроме того, у изображения р. Никул на упомянутом чертеже И.П. Козыревского указаны «два зимовья» (а не одно Федотовское). В связи с этим нельзя считать несущественным различием (по сравнению с легендой, услышанной С.П. Крашенинниковым) факт, что «в прошлых годах из Якутска города» морем на кочах, а не из Среднеколымского зимовья и сушей, «были на Камчатке люди», как это имело бы место в случае походов Федора Чюкичева и Ивана Камчатого. Это также является важным доказательством, что названия зимовья на р. Никул не имели отношения к первым походам в глубь п-ва Камчатка.

Японский ученый Т. Мацуура в «Хронологии по истории айнов»²³¹, составленной в 1870 г., пишет, что в 1656 г. на Камчатку прибыл русский по имени Вовоцу (ヲヲツ), или Оотсу, так как звук «в» мог не произноситься. Казалось бы, по звучанию это собственное имя близко к слову Охотск – названию русского порта на берегу Охотского моря в устье р. Охоты, основанного в 1648 г., откуда позднее был проложен морской путь на Камчатку.

Но в действительности, как указал историк Кинъити Ёсида, это слово попало в «Хронологию айнов» в результате ошибки: вместо «Вовоцу» ヲヲツ следовало написать – テヲツ «Тэоцу», что является сокращением от «Тэотто» テヲツト, то есть «Федот», или «Федот».

В японскую историческую литературу это имя легендарного первооткрывателя Камчатки попало через голландский перевод с немецкого книги 1693 г. И. Гюбнера (И. Хюбнера) «География» (по-японски «Дзэогаараахи», 1769 г., перевод с

голландского Рёсуй Мотоки), а также из рукописной книги Рётаку Маэно «Записки о Камчатке», написанной на основе голландских переводов с русского «Описания Камчатки» С.П. Крашенинникова (1755) и с немецкого одноименной книги Г.В. Стеллера (1774).

В этих работах приводится рассмотренная ранее (подлежащая пересмотру) версия коренных жителей Камчатки об открытии ее русским землепроходцем Федотом Алексеевым Поповым.

При определении даты ее открытия – 1656 г., а не 1649 г., как это считает С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер и вслед за ними И. Хюбнер и Р. Маэно, возможны два варианта.

Т. Мацуура мог отождествить эту дату с приводимой в исторической литературе на русском и западноевропейских языках датой похода на корабле в 1656 г. Михаила Стадухина к Камчатке и вокруг нее – к северной части Курильских островов²³². Однако мнение, что в эти годы он обогнул с юга этот полуостров, побывав у гряды островов, прилегающих с севера к Японии, документами не подтверждается²³³. Камчатку иногда ошибочно отождествляли с Сахалином, поэтому японский историк мог также по ошибке принять русского легендарного Федота (или у Г.В. Стеллера – Теодора от русского Оедора) за Федора Михайловича Пущина, отряд которого в 1655–1656 гг. был в устье р. Амур, в землях нивхов (гиляков), часть из которых – нивхи «с моря» из западносахалинских улусов Танги, Мангаль, Дуи и Чангни – в 1652 г. принесли русским «шерть» – клятву на верность русскому государю²³⁴.

Но более вероятным, по меньшей мере, не противоречащим известным фактам, представляется предположение, что коряки перенесли упомянутое название Федотовского зимовья у р. Воемли на русское зимовье или зимовья у р. Никул – притоке р. Камчатки в южной части одноименного полуострова, откуда начинались районы, заселенные айнами (курилами), тянувшиеся на юг до Северной Японии.

Не исключено также, что в легенде о «Федотовском зимовье» нашли свое отражение реальные факты, связанные с

отмеченными на карте Миллера в 1754 г. «древними путешествиями» (до 1648 г.) русских кораблей в район устья р. Гижиги, пограничной с северо-восточной Камчаткой, мимо северной части Курил и южной части Камчатки.

Если вопрос о южных пределах расселения айнов (курилов), аборигенов всех японских островов (до их заселения японцами на рубеже нашей эры), ныне сохранившихся только на о. Хоккайдо, не вызывал научных споров, то северная граница их обитания в конце XVII – начале XVIII в. до недавнего времени была предметом острой научной полемики.

В 1755 г. С.П. Крашенинников на основе материалов конца 30-х годов XVIII в. писал о жителях мыса Лопатка (на самом юге Камчатки) и о. Шумшу: «Жители сего острова, так как жители на Курильской Лопатке не прямые Курилы, но камчатского поколения, которые по причине некоторых больших между ними несогласий, особливо же по вступлении в сию землю российских людей, отделились от прочих и поселились на острове и на Лопатке. А курилами прозваны они по жителям второго острова, с которыми они, вступая в сродство через взаимное брачное совокупление, не токмо некоторые их обычаи приняли, но и знатно от предков своих видом переменились, ибо дети их, рожденные от родителей различных оных наций, и собою виднее и волосом чернее, и телом мохнаты»²³⁵.

В 1919 г. японский ученый Рюдзо Тории отмечал здесь употребление айнской топонимики, например название с. Явин (к северу от р. Озерной) от слова *явен* (впадина, долина)²³⁶.

В 20–40-х годах нашего столетия точку зрения о том, что жители самого юга Камчатки и двух самых северных Курильских островов – айны, смешанные с камчадалами в отличие от чистых айнов²³⁷, поддержал академик Л.С. Берг²³⁸ и Б.О. Долгих²³⁹. Но позднее против этой точки зрения выступили некоторые советские ученые, в частности историк И.И. Огрызко, который отнес их к камчадалам²⁴⁰, и археолог Т.М. Дикова, которая считала их также камчадалами, частично попавшими лишь под влияние айнов²⁴¹.

В конце 60-х годов японский ученый С. Мураяма, тщательно изучив русские источники по топонимике и языку аборигенов южной Камчатки (как и северной части Курил), пришел к выводу, что в рассматриваемый период в районе мыса Лопатка и далее к северу от р. Опалы обитали айны²⁴².

Итог этой дискуссии подведен в публикации в 1988 г. исследования Б.П. Полевого «Описанная на Первом острову живущих курилов, о их обычаях и поведении», которое было составлено в 1741 г. помощником С.П. Крашенинникова, пищиком (писарем) Осипом Аргуновым в результате полевых обследований.

О. Аргунов свидетельствовал, что русские в конце XVII – начале XVIII в. считали курилами чистых айнов и айнов-камчадалов (ительменов), внешне более похожих на айнов; айны под влиянием миграции камчадалов заимствовали у пришельцев камчадалский язык, оставаясь айнами, которые с «приходящими с данных островов» айнами Курил и о. Матмая (Хоккайдо) «один курильский язык имеют»²⁴³.

* * *

Таким образом, результаты, полученные при исследовании вопроса о возможных путях проникновения к русским первых сведений о Японии, позволяют, на наш взгляд, сделать вывод, что до XVII в. имели место лишь единичные случаи получения весьма неопределенных, самых общих или фрагментарных данных об этой стране, главным образом русскими, находившимися за пределами своего государства – в странах Арабского Востока, Монголии и Китае.

Начиная с XVII в. эти сведения проникают в Россию как из стран Западной Европы – Португалии, Испании, Нидерландов, Англии и Германии, корабли которых стали подходить к японским берегам, так и непосредственно от первых японцев, появившихся в нашей стране, и русских землепроходцев и мореплавателей, которые приступили к освоению районов Дальнего Востока, граничащих с Японией.

Первым японцем, побывавшим в нашем государстве, являлся известный под своим христианским именем Николай Августинец. Его рассказы послужили материалом для легенды об «Опоньском государстве», или Беловодье, которая оказала заметное влияние на поиски русскими путей в Японию «как страну древнего благочестия».

Первыми русскими, двигавшимися по направлению к Японии, были скорее всего землепроходцы во главе с Иваном Юрьевым (Москвитиним), вышедшие в 1640 г. к «островам Гиляцкой орды» – Шантарским островам. Кроме того, сведения о появлении русских на Камчатке и Курилах попали к японцам через прибывшего в Японию в 1709 г. сицилийского миссионера Ж. Сидотти и других европейцев.

Представляется вероятным, что в легенде о Федотовском зимовье на р. Никул – притоке р. Камчатки – нашли отражение реальные факты, связанные с отмеченными на карте историка Г.-Ф. Миллера «древними путешествиями» русских в район устья р. Гижиги, пограничной с северо-восточной Камчаткой, через пролив между Курилами и Камчаткой (японцы включали ее как «остров Курумусэ» в состав Курил). Начиная с юга Камчатки до Северной Японии, как это вновь стало ясно в результате недавних исследований, тянулись районы обитания айнов (курил).

Сведения о Японии, которые эпизодически поступали к русским по упомянутым каналам, формировали первоначальные, но пока еще достаточно неопределенные и противоречивые представления об этой стране, оставшейся во многом загадочной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЯПОНЦЫ В РОССИИ И РУССКИЕ В ЯПОНИИ И В РАЙОНАХ ВЗАИМНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СБЛИЖЕНИЯ (конец XVII – первая половина XVIII века)

1. Первый известный под своим исконным именем японец Дэмбээй в России и его роль в русско-японских отношениях

Установление прочных связей с районом р. Анадырь к концу 80-х годов XVII в. явилось предпосылкой регулярных походов на пограничную с этим краем богатую природными ресурсами Камчатку.

Вслед за Иваном Васильевичем Голыгиным (1681–1689) в 1691–1692 и 1695–1696 гг. походы на этот полуостров возглавил Лука Морозко Старицын. В 1695 г. он собрал у местных жителей сведения о Курильских островах и взял в Камчадальском остроге на р. Тигиль текст с «неведомыми письменами», которые, как оказалось впоследствии, представляли собой знаки японской письменности.

В Анадырском остроге передали «письмо на бумаге иноземской руки» известному в тех краях грамотею священнику Якутской соборной церкви Иакову Степанову для доставки в Якутск.

30 мая 1697 г. И. Степанов прибыл в Якутск – административный центр Восточной Сибири, где сообщил русским властям, что это письмо И.В. Голыгин привез «ис Камчатской земли, и взял де он Ивашко то письмо с служивыми людьми на погроме у камчатских людей»¹.

Сведения о Японии, полученные Петром I в 1697–1698 гг. в Голландии, и поход из Анадырского острога в глубинные районы п-ова Камчатка в 1696–1699 гг. Владимира Владимировича Атласова – «Камчатского Ермака» (так называл его А.С. Пушкин), во время которого он встретился с японцем Дэмбээем, открыли новый период в ознакомлении русских с Японией и Курилами.

Известно, что первоначальные сведения о Японии Петр I приобрел в 1697–1698 гг., во время пребывания с «Великим посольством» в Голландии, где, по-видимому, у него и зародился интерес к установлению русско-японских отношений, в частности в результате бесед с известным географом, бургомистром Амстердама Н. Витсенем, в которых участвовал сын тобольского воеводы стольник Ф.С. Салтыков, позднее составивший на этот предмет специальные «пропозиции» (предложения)².

Тогда же, в 1697 г., возглавлявший Сибирский приказ А.А. Виниус направил «наказную память» (поручение) якутскому воеводе Д.А. Траурнихту выяснить возможность пройти морем из Северного Ледовитого в Тихий океан, сделав «суды удобные со всякими судовыми запасами»³.

В связи с интересом Петра I к географии различных стран, в том числе Японии, в 1697 г. «сентября в четвертый день, по указу великого государя, (был) куплен в Амстердаме из ряду (торгового. – К.Ч.) для знания путей атлас *со описанием и с чертежами* всех (курсив наш. – К.Ч.) государств...»⁴.

Во время этого путешествия русский царь «с крайним рачением» среди разных дисциплин обучался также и всемирной географии⁵. Этот интерес, в частности к вопросу о местоположении Японии, диктовался прежде всего экономическими соображениями.

В это время Петр I стал покровительствовать переводу и изданию в России сочинений западноевропейских ученых. Так, в упомянутой выше «Географии» И. Гюбнера (1668–1731), о завершении перевода которой Я.Я. Брюс докладывал царю 2 ноября 1716 г., сообщалось, что Америка и о. Ессо (Эдзо, ныне Хоккайдо) «неведомо вверху (т. е. на севере. – К.Ч.), между собой смежны ли суть»⁶, что, несомненно, входило в круг вопросов, которые стремился разрешить Петр I.

Перевод этого сочинения в 1769 г. на японский язык, (о чем говорилось ранее), способствовал благожелательному отношению японцев к России. Этот очерк был переведен японским голландоведом Хосю Кацурагава, который находился на службе у японского правительства⁷.

Петр I проводил политику меркантилизма по примеру передовых западноевропейских государств и откровенно содействовал расширению торговли со странами Востока. В результате к концу его царствования экспорт России вдвое превысил импорт⁸.

Х. Кацурагава на основе материалов сочинения И. Гюбнера писал в книге «Краткие вести о скитаниях в северных водах» (1794): «Россия, или Московия, – это государство, которое в древности называлось Сарматия. Впервые это государство было основано более тысячи лет назад человеком из государства Онгария по имени Росис, который и стал там королем... Эта страна является большим государством, (расположенным) в крайней северо-восточной части Европы...

Сто с лишним лет тому назад царем (этого государства стал) человек по имени Петр Алексеевич. Он отличался добродетелью и очень обширными знаниями. (Петр) объединил обширные земли, проложил много водных путей, развил связи (с другими странами) и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны»⁹.

Через несколько лет после перевода на японский язык сочинения И. Гюбнера (в 1778 г.) директор фактории Нидерландов в г. Нагасаки В. Фейт передал японской стороне голландскую книгу «Прошлое и нынешнее состояние Русской,

или Московской, империи, включая подробную историю России и других великих княжеств».

В то время Ёсио Косаку перевел главы этой книги, касающиеся России, а Хэйсукэ Кудо использовал ее для написания в 1781 г. первого оригинального сочинения о России – «Размышления о рыжих варварах»¹⁰. Автор выступил за установление между двумя странами добрососедских взаимовыгодных торговых отношений. О продвижении русских в район обитания айнов с целью вступления в контакт с японцами он, в частности, писал: «Я не думаю, чтобы русские посылали туда армию и что это может привести к крупному столкновению. Поскольку Россия желает торговых отношений, зная, что в Японии много золота, серебра, меди, открытие портов в северных районах и осуществление торговли через порты представляется самым правильным курсом»¹¹. И далее: «На Кунашире между японцами и русскими уже осуществляется неофициальная торговля. Так как эту торговлю трудно прекратить, то ничего не остается как разрешить ее официально»¹².

Стремление Петра I к установлению отношений с Японией и другими государствами Азии подтверждается английским мореплавателем Джоном Перри, служившим с 1698 по 1715 г. в России, куда он прибыл по личному приглашению царя. В своих воспоминаниях современник Петра I писал, что «не раз слышал, что царь выражал намерение послать людей... чтобы определить, если ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли в Татарское море на восток от р. Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая и Японии»¹³.

Причиной поиска и стремления присоединить вновь открытые земли – Камчатку, Курилы, Сахалин или Японию – с целью получения выгоды от торговли с ними явился общий экономический кризис в России в канун преобразований Петра I и социальная напряженность в обществе, вызванная реформами и военными кампаниями. Непосредственным же поводом для экспедиции В.В. Атласова¹⁴ стал успешный поход на Камчатку Л.М. Старицына, после которого он при-

вез японские «неведомые письма» и сведения о богатствах Камчатки и Курильских островов. А поиски этих богатств, прежде всего пушнины, которая регулярно продавалась на золото в странах Западной Европы, но не могла уже поступать в изобилии с освоенных ранее земель, требовали колонизации, или «проведывания» с торговыми целями «новых земель»¹⁵. Именно поэтому в 90-х годах XVII в. был увеличен гарнизон Анадырского острога, что и позволило приказчику В.В. Атласову организовать поход на юг отряда из 60 русских и 60 юкагиров¹⁶.

В июле 1697 г. в южной части р. Камчатки В.В. Атласов и несколько человек заложили Верхнекамчатское зимовье, а на ее притоке – р. Чаныч установили памятный знак с надписью: «В 205 [1697] году, июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи (55 человек)».

На р. Голыгина – первой курильской реке (граница между камчадалами и метисированными, смешанными с камчадалами, курилами, или айнами, проходила по этой реке на восток до Авачинской губы, где ныне находится г. Петропавловск-Камчатский) – В.В. Атласов впервые в этом районе встретил новую народность – айнов, в прошлом исконных жителей также и Японии, обитавших там еще до того, как сформировалась японская нация.

Об этой встрече В.В. Атласов писал: «А за камчадальцами вдаль живут курильские иноземцы, видом против камчадальцев чернее и бороды меньши... А вдоль за теми курильскими иноземцами какие люди есть, и далека ль та земля (то есть Япония. – К.Ч.) – неведомо...»¹⁷. «А против первой курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывали, что там острова есть, а на тех островах города каменные (нагромождения гор. – К.Ч.) и живут люди, а какие, про то иноземцы сказать не умеют... а с тех де островов к курильским иноземцам приходят ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азамы. И сказывают те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром (что сомнительно. – К.Ч.), а ни на что не покупают.

А на чом с тех островов к курилам приходят, того иноземцы сказать не умеют»¹⁸.

Это было второе после С.В. Полякова (1652) сообщение казаков (а не первое, как считает А.М. Куликова)¹⁹ о расположении Японии и ее внешней торговле.

Северными соседями курилов (айнов) были камчадалы, или камчадальцы (ительмены). «А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадальцы сами, – сообщал В.В. Атласов, – а иная посуда у них есть левкашаная и олифляная; а сказывают они, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров, того не ведают»²⁰.

Острова, которые впервые видел В.В. Атласов, являются самыми северными из Курильских островов – о. Шумшу и Алаид, последний переименован в 1954 г. в о. Атласова. Его пик (в настоящее время высота 2339 м, а в XVII в., до землетрясения, еще выше) можно было наблюдать с устья р. Голыгина (Нынгучу).

Академик Л.С. Берг, ссылаясь на приведенные Г. Спасским²¹ сведения старожилов, видевших В.В. Атласова у этой реки, утверждал, что он дошел только до этой «первой» курильской реки²². Но с устья этой реки виден, да и то лишь в ясную погоду, только о. Алаид (о. Атласова), а в «скаске» русского землепроходца говорится об открытых им островах у южной части Камчатки.

Введенный несколько лет назад в научный оборот документ – свидетельство казака-пищика (писаря) Осипа Аргунова, помощника ученых С.П. Крашенинникова и Г. Стеллера, содержит данные о том, что на самой крайней оконечности полуострова – неподалеку от мыса Лопатка «ясачным сборщиком Атласовым» был поставлен деревянный крест.

В настоящее время этот крест не сохранился, и потомок В.В. Атласова – геолог Арнольд Иванович Атласов предложил восстановить его на прежнем месте²³.

«Ценинная» посуда, упомянутая в «скаске» Атласова, – это посуда из японского фарфора и фаянса. Даба – простая хлопчатобумажная материя, такая же, как и китайка, имела

широкое употребление. Лензовые азямы – легкие атласные халаты из шелка низкого качества. В XVII–XVIII вв. эта одежда поступала к жителям Камчатки в обмен на меха и жир морских животных из Японии и Китая. «Левкашенная» и «олифляная» посуда – это японская лаковая посуда, которую перед тем как красить и покрывать лаком, промазывают левкасом – жидкой шпаклевкой из мела и клея, а затем олифой. По мнению академика Л.С. Берга, эта посуда попадала на юг Камчатки через айнов с Курильских островов²⁴.

Что касается оценки открытия В.В. Атласовым Курильских островов, то здесь, по нашему мнению, необходим дифференцированный подход с учетом того, в какую систему географических представлений оно включалось, то есть кем, где и когда фиксировались и наносились острова на чертеж или карту и какими они были.

«Видимо, возможно и целесообразно разграничивать приоритет в достижении (первом посещении) или обнаружении и в научном открытии неизвестного ранее объекта, взяв за основу такого разграничения непосредственный результат рассматриваемого посещения (обнаружения) для географии как науки, – пишет специалист по теории исторической географии Н.Г. Фрадкин. – Первенство в географическом, территориальном открытии, принадлежит, на наш взгляд, тому, кто обнаружил данный объект и дал первую содержательную информацию о нем»²⁵.

Визуальное обнаружение русским землепроходцем северной части Курил позволяет считать, что ему принадлежит приоритет в их открытии (южную часть Курил, приняв их за часть материка, посетила, как мы уже упоминали, в 1643 г. голландская экспедиция М. де Фриза).

Для похода В.В. Атласова это было открытие *локального уровня*, так как на этом этапе оно было ограничено местными рамками обитания отдельных народностей и племен и связано с появлением лишь зачатков научных знаний²⁶.

Это открытие В.В. Атласова приобрело характер открытия *регионального уровня*, когда его «скаска» 3 июня 1700 г.

была записана в Якутской приказной избе, а затем во второй половине декабря того же года в Тобольске по «челобитью» С.У. Ремизова с ней ознакомили князя М.Я. Черкасского «с товарищи» для нанесения на карту Сибири.

А после того как первая и вторая (записанная 10 февраля 1701 г. в Москве в Сибирском приказе) «скаска» В.В. Атласова были введены в международный научный оборот в Москве, Петербурге, Архангельске и странах Западной Европы в начале XVIII в., где уже были известны «космографии» и атласы мира Г. Меркатора и других ученых, обнаружение Курил русским землепроходцем превратилось в открытие *глобального уровня*²⁷.

В 1697 г. на р. Иче камчадалы сообщили В.В. Атласову, что на р. Нане живет «полоненный русак». В первой «скаска» В. Атласова об этом говорилось следующее: «И ... пошел он Володимер вперед подле Пенжинское море на Ичу реку. И услышал он Володимер с товарищи у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они камчадалы ево русаком. И он Володимер велел ево привести к себе, и камчадалы, боясь государственной грозы, того полоненика привезли»²⁸.

На самом же деле, как оказалось впоследствии, там жил не «русак», за которого аборигены приняли его из-за более светлого цвета кожи, и не «иноземец», как полагал В.В. Атласов, из «Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством»²⁹, а японец по имени Дэмбээй из г. Осака (в диалектном произношении – Узака³⁰) – административного центра княжества, подчиненного верховному правителю Японии – сёгуну, резиденция которого находилась в г. Эдо (в диалектном произношении – Эндо, ныне Токио, а отсюда – и истолкование его как «индейского царства»).

Необходимо подробно рассмотреть результаты исследования о взаимоотношениях этого японца с русскими властями, так как данный вопрос был связан с реальными попытками установить в будущем отношения с Японией. К тому времени процесс сближения рубежей России с этим государством уже

завершался, и Япония вслед за Китаем становилась крупным соседним с Россией государством на Дальнем Востоке.

Кроме того, известно, что история внешней политики России имеет два аспекта:

- 1) официальные отношения между странами;
- 2) неофициальные отношения между представителями стран, в которые включаются иностранцы, находившиеся в России, их деятельность в нашей стране, а также взаимное влияние в области культуры³¹.

С такой точки зрения включение в предмет исследования вопроса о появлении первых японцев в России представляется вполне оправданным.

«Иноземец», первый в России известный под своим японским именем как житель Страны восходящего солнца, был взят В.В. Атласовым с собой в Анадырский острог. Японский историк А. Такано высказал предположение, что «неведомые письма», найденные казаком Л.М. Старицыным у камчадалов на р. Тигиль, принадлежали именно этому японцу³².

Следует также учитывать, что эти «письмена» были обнаружены русским землепроходцем на западном побережье Камчатки на следующий год после того, как Дэмбээй вместе со своими спутниками-японцами потерпел кораблекрушение у ее берегов, в устье р. Опалы (почти под 52° с.ш.), к югу от р. Большой. Двух из них, «ослепших от великих слез», курилы убили. «А ево... Денбея, взял один человек и свез на Камчатку реку. А товарищи ево 10 человек остались у тех курилов. А вместе с товарищи своими жил у тех курилов с месяц». А на р. Камчатке он жил до прихода В.В. Атласова около года и «немногие слова стал познавать» и «слышал от тех камчадалов, будто к той Курильской земле приходили люди на бусах, или на кораблях и тех товарищев ево 10 человек взяли с собою, а их ли Японские земли или китайские люди, про то он не ведает»³³.

В 1695 г. Дэмбээй как приказчик торгового дома г. Осака был направлен с товарищами в отстоящий от него на 700 верст (около 747 км) г. Эдо (ныне Токио). «Шли на 12 бусах³⁴, а в бусах де у них было – у иных вино и всякая ценинная посуда.

А у иных де на одной бусе дерево (мачту. – КЧ.) сломило и отнесло их в море, и носило 6 месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек и взяли де их 3 человек курильского народа мужики, а остальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед... – сообщал он в своей «скаске» в начале января 1702 г. в Москве. – И товарищи де ево 2 человека живучи у курилов померли, потому что они к корму непривычны: кормятся де они, курилы, гнилой рыбою и кореньем»³⁵.

О себе в Сибирском приказе японский «полоненик» сообщил, что его «Денбеем зовут, Дисаев сын, родом Японского острова города Осака, а стольный того острова город Меако, расстоянием от Осака города верст полторасто... А отец ево, Денбеев, живет в том же городе Осака – промышляет торговым промыслом», а плыл «Денбей» приказчиком «с товаром хозяина своего, тогож Осака города торгового человека» по имени «Авасжия, сына Матавина»³⁶ на японской бусе («едовни») длиной в 15 сажений (около 32 м) с мачтой высотой 4 сажени (около 8,5 м) и такой же шириной судна.

Всего в торговый караван входило 30 бус. Шел он «по морю-окияну тогож Японского острова в город Енду, который стоит на взморье, расстоянием от Асакка с 700 верст». Среди товаров было «пшено сорочинское (рис), да вино пшениное (сакэ из риса), да камки и китайки, бумага хлопчатая, сахар белой-мелкой, что мука и леденец, да древо сандал, да железо, для мены на шолк и на дощатое железо и на полотна крапивные, и на золото и на серебро для того что де серебро и золото печатаются только в двух городах – в Меаке и Енде»³⁷.

Торговля, по «скаске» Дэмбээя, шла и по морю, и сухим путем между японскими городами, которые в документе названы «Асакка», «Аквитай», «Квота», «Носура», «Тонга», «Фи-ага». На восток везли бумагу, камки, китайки, золото и серебро (монеты) и т.п., на запад – рис, железо, доски для судов, мамонтовую кость и другие товары.

«Дисаев (сын)» – в литературном японском произношении производное от «Дзиса», так как русское «ди» близко японскому «дзи» – озвончению японского «ти», а не «си» (поэтому

японский языковед и историк, профессор Международного института языкознания при Киотосском промышленном институте, Ситиро Мураяма, реконструировал имя отца Дэмбэя как «Дзиса»³⁸. «Меако» – это японское литературное «мияко» (столица), то есть г. Киото, резиденция императора до буржуазной революции 1867–1868 гг.

Аваския – Авадзия, Матавин – Матабэй, едовни – эдо-бунэ, Енду – г. Эдо (ныне Токио), Асакка – г. Осака, Аквитай – г. Акита, Квота – г. Кубота, Носура – г. Носиро, Тонга – г. Тонга, Фиага – г. Хёго. На такой записи в русской транскрипции японской ономастики и топонимики помимо неизбежных искажений непривычных иностранных слов сказывалось произношение их Дэмбэем на диалекте района Кансай с центром в г. Осака.

Время крушения бусы Дэмбэя у берегов Камчатки, по его «скаске», исчисляется сроком более 6 лет, считая со второй половины декабря 1701 г., включая срок, в течение которого его судно носило по морю тайфуном с зимы 1695 г., месяц пребывания у айнов (курилов) южной части Камчатки и около года – у камчадалов до начала лета 1697 г.

Об этом Дэмбэй рассказал следующее:

«И на окиане де море те их суды волнами рознесло, а куда ть суды рознесло, про то онь не выдаетъ. А их де судно носило по морю великимъ ветром 28 недель...

... И теми парусами принесло ихъ къ курильской земле, и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх, и дошли до курильского народу. И отъ тех курильских народов пришел к ним один человек, и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведо-митца, стали для познания земель и языка писать на бумаге, и то письмо отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадалские и курильские земли у народов никаква письма нет, – и дошел отъ них прочь. А на утро де пришло их въ 4 лодках человек с 20, и, несмотря на них, пошли прочь. А въ ночи де пришло ихъ въ 40 лодках человек съ 200, и почали на судно по них, Денбею с товарищи, стрелять из луков и топора-

ми каменными и костяными судно их рубить, и его, Денбея, из лука у левые руки по персту ранили.

Да и онеж, курильские люди, двух человек изъ них, которые, будучи на судне на море отъ великих слез ослепли – убили до смерти. А ево де, Денбея, взялъ один человек и свез на Камчатку реку. А товарищи ево 10 человекъ остались у тех курилов. А вместе он съ товарищи своими жил у тех курилов с месяц...

И как Володимер Отласов с казаками в Камчадальскую землю пришли, и он де, Денбей, видя у них в ествах чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули. И Володимер де с товарищи взяли ево, Денбея, к себе, а камчадальским иноземцам не отдали, и вывезли в Сибирскую землю.

А как он, Денбей, из города Асакка на море пошел – тому ныне седьмой год. И в городе Осака есть у него, Денбея, жена и двое детей...»

Когда японцы спросили про торговые пути из Китая, с которым Россия поддерживала торговые и дипломатические отношения, то Дэмбээй, еще не знавший его русского названия – Китай, происходящего от этнонима *кара-китай* – народ, обитавший в прошлом на севере этой страны, назвал район г. Акита (в северной части о. Хонсю) с некоторыми соседними и другими городами, лежащими *к северу* (по-японски – «кита»). Затем он говорил, что «с японского острова в Китай сухой и морской путь есть, и он, Денбей, в Китаях сухим путем и морем бывал»³⁹.

Правда, он сделал существенную оговорку, что жители этого «Китая» «те ли де китайцы, куда русские люди с кораваны ходят, или иные, про то он не ведает»⁴⁰.

Такая неправильная интерпретация сведений Дэмбээя в Сибирском приказе привела к предположению, что в XVII в. главный японский остров Хонсю соединялся перешейком с Кореей, которая подчинялась в этот период цинскому Китаю.

Эта запись повлияла также и на выводы западноевропейских ученых. Так, Гийом де Лиль сначала рассматривал Японию как часть материковой Азии, а в документе, опублико-

ванном в 1720 г. в Париже Академией наук, данную землю Эдзо считал частью этого континента, а Японию – полуостровом этой земли⁴¹.

О торговле Японии с другими странами, что являлось предметом особого интереса чиновников Сибирского приказа, допрашивавших японца, Дэмбээй рассказал следующее: «А в иные де земли они, японцы, не ходят, а в Японскую де землю приходят к ним кораблями немцы, с сукнами и иными товары, в город Нагасаки, и в том городе многие немцы домами живут, а в иные города Японские земли немцев и никого чужеземца торговать не пушают, а для чего – про то он не ведает»⁴².

Здесь, конечно, речь идет не о немцах, а о голландцах-протестантах, которые выступали против своих торговых конкурентов в Японии – португальцев и испанцев, и поэтому при запрещении в этой стране христианства рескриптами сёгуна (верховного правителя) 1633–1639 гг. для единственной европейской страны – Нидерландов – было сделано исключение: она получила разрешение направлять по одному судну в год в Нагасаки, где было размещено ее торговое представительство. Тогда же японцам было запрещено строить морские корабли и доставлять их за границу; разрешение распространялось лишь на беспалубные суда, которые «только для бережения товаров делаются на всяком судне по чулану с крышкой»⁴³.

О христианстве в Японии Дэмбээй поведал следующее: «Езуитов и попов немецких в городах японских нет... И креста Христова у них нет же, и иных никаких вер оне, японцы, не принимают и быть иным верам не велят»⁴⁴.

Вероятно, русские власти в Москве интересовались вопросом об изгнании европейских миссионеров из Японии и о возможностях внедрения православия в этой стране, как и в Восточной Сибири.

Данное предположение подтверждается, в частности, письмом Петра I от 12 июня 1698 г. главе Сибирского приказа дьяку А. А. Винусу, в котором по вопросу о миссионерской деятельности в странах Дальнего Востока царь писал следующее: «Тут же пишешь, Ваша милость, что в Пежине (Пекине. –

К.Ч.) построили христиане церковь нашего закона, и многие из китайцев крестились. И то дело изрядно; толко для Бога поступайте в том опасно не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, такъ же и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобеть поныне так ученые, как разумные и поклонные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не пришло в злейшее падение, как учинилось в Епании»⁴⁵.

Такое отношение японцев к христианству было связано с характером политического и экономического строя и государственного устройства Японии,

Об экономике этой аграрной страны Дэмбээй рассказал в следующих словах: «Ягоды сладкие и кислые, и яблоки родятся, да пшено сорочинское... и скот у них – быки, лошади, свиньи, овцы, и тех скотов оне не едят, а едят гусей, уток, кур русских и индейских журавлей»⁴⁶. О такой важной для японцев отрасли хозяйства, как морской промысел он писал: «А в море у них звери бывают изретка – подобны быкам, и рыбы большие сажени по четыре и по две бывают... а в озерах их живут караси... да в море ж ловят мелку рыбу – подобна вологоцким нельмушкам»⁴⁷. О промышленности особенно о добыче драгоценных металлов – важнейшем стимуле наряду с пушниной в открытии «новых земель» японский пленник поведал так: «Родится де у них золото, серебро... а серебра де и золота у них много... делают камку и китайку... а посуда де у них серебряная и медная и ценинная, а ценинную посуду делают у них из морских раковин: натолкнут их намелко и мешают с глиною и держат в земле многие годы из того те ценинные посуды делаются»⁴⁸.

Сведения об оживленной внутренней торговле, особенно осуществляемой посредством малокаботажного судоходства были приведены ранее.

От японца были получены и некоторые данные о финансах Страны восходящего солнца, а также о медных монетах, которые «подобны русским медным денежкам округлостью и толщиною, серебряных, весом блиско московского золотника»

и золотых двух видов: «шириною против ефимка, толщиною против московской медной деньги... а иные золотые большие – шириною вершка в два»⁴⁹. После крушения судна Дэмбээя довольно много таких монет забрали камчадалы, но так как, по его «скаске», назначения «тех золотых монет камчадальские народы не знают – роздали играть детям своим»⁵⁰.

Государственное устройство Японии отличалось от европейских стран. Со слов Дэмбээя оно было изложено следующим образом: «А в Японской де земле владетель их и царь, которому имя Кубо-Сама, да в подобие патриарха – Дайро-сама, да меньши того Дайра властью Кинчю-Сама живут во граде Миаке, а иное царь их переезжая живет в городе Эндо»⁵¹.

Кубо-сама – титул сёгуна – верховного правителя Японии в простонародном словоупотреблении. Дайро-сама – такой же титул императора – номинального владыки страны и главы японской национальной религии *синто* («путь богов»)⁵², культа предков, в которой он рассматривается как потомок богини Солнца Аматаэрасу «В-Небе-Сияющей»⁵³, Кинчю-сама (правильно – «кинтю-сама») – придворная знать.

О вооружении Японии, что было исключительно важно при определении характера отношений, которые предполагалось установить с вновь открываемой соседней страной, иноземец из г. Осака сказал: «А в их де земле пушечки есть маленькие – по аршину и то полтора аршина и порох есть же, а делают тот порох в их же земле... А у воинов их японских оружие – мушкеты, копья, сабли... А около городов их стены каменные из большого дикого камни; стены толщиною аршин по шти (сто. – *К.Ч.*), в вышин сажень по десять»⁵⁴.

Эти сведения об «иноземце» и его стране живописно дополняются в двух «скасках» В.В. Атласова.

В первой из них, записанной 3 июня 1700 г. в Якутской приказной избе, говорится: «Пошел он, Володимер (Атласов. – *К.Ч.*), вперед подле Пенжинское море на Ичю реку и услышал он Володимер с товарищи у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они камчадалы ево русаком.

И он де Володимер велел ево привезть к себе, и камчадалы, боясь государевой грозы, того полоненика привезли... И тот де индеец им Володимеру с товарищи – что они русково народа – обрадовался и сказал про себя, что он по своему грамоте умеет и был подьячим, и объявил книгу индейским письмом и ту книгу привез он Володимер в Якутцкой. И взяв ево он Володимер к себе и оставил на Иче реке у своего коша, с служилыми людьми.... И он де Володимер из Анандырского с служилыми людьми и с казною великого государя и с полонеником пошел в Якутцкой город. И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей и итти было ему невмочь, и он де Володимер того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анандырской и после того встрета на дороге прикащика Григория Посникова и о том ему говорил, чтоб он ево не задержав, выслал в Якутской с служилыми людьми и дал ему Григорью 35 лисиц красных, чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы...»⁵⁵

А во второй «скаске» В.В. Атласова, записанной 10 февраля 1701 г. в Москве, о Дэмбээе было сказано следующее: «А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит – того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухошав, ус невелик, волосом черен. А как увидел у русских людей образ Божий – зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ним говорил тот полоненик иное по-русски, для того что жил он с ним Володимером 2 годы; а иное говорил через толмача по корятцкому языку, для того что у иноземцев жил он до него Володимера два ж годы. А сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты ценинные, а у царя де индейского палаты серебряные и вызолочены. А у курильских иноземцев взял он Володимер серебряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик назвал ее индейскою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей, стежную на бумаге хлопчатой. И тот полоненик шел с ним Володимером на лыжах от Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и за-

скорбел, и затем поворотил его назад в Анандырское зимовье и буде он оздоровеет, то он с рускими людьми в Якутцкой выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен»⁵⁶.

Сам «камчатский Ермак» не мог определить первоначально национальность и язык пленного иноземца. Это удалось осуществить только в Москве, где приказные поддерживали отношения с представителями разных государств. Для выявления национальной принадлежности иноземца был использован такой сравнительно новый прием – ему дали «описательные книги Японского острова на цесарском (немецком. – К.Ч.) языке в лицах», то есть с рисунками, о которых Дэмбээй сказал, что это «города де японского острова Меако, Осака, Эндо, как оне стоят в лицах» в той книге написаны «сходно», и что «идолы с человеческим и змеиным и зверским и иными разными воображениями, которым оне поклоняются... и божницы и иное строение, что в той книге в лицах написано в их земле есть и против той книги сходно»⁵⁷.

С точки зрения оценки первых русско-японских контактов имеет значение тот факт, что при встрече с русскими землепроходцами «тот де индеец им Володимиру с товарищи – что они руссково народу – обрадовался»⁵⁸, а увидев у них иконы, «зело плакал», так как встретил после нескольких лет пребывания у туземцев представителей более культурного народа, к которым он приехал, «чтоб его от голоду не покинули»⁵⁹.

В 1697 г. с Камчатки Дэмбээй был переправлен в Анадырский острог, а оттуда – в административный центр Восточной Сибири – Якутск.

Путь Дэмбээя пролегал через Колымское (Ковымское) зимовье. Его приказчик, Федор Мартынов, 2 октября 1700 г. прислал «полоненика в Якутск». 18 февраля 1701 г. якутский воевода Д.А. Траурнихт направил Дэмбээя в Москву в сопровождении казачьего пятидесятника Ивана Софронеева с государевой казной. Воевода выдал японцу на дорогу «на одежду 2 кумача» и «19 аршин без чети крашенины»⁶⁰. Для него был «куплен санаян оленей, дано рубль, да на корм в дорогу и на обуви – 2 рубля 16 алтын 4 деньги»⁶¹.

О необычном иноземце В.В. Атласов сообщил 10 февраля 1701 г. в Москве в Сибирском приказе, и 1 ноября 1701 г. после подтверждения сообщения о Дэмбээе и получения сведений о посылке казны «по указу государя... думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, с товарищи, приказали: послать великого государя указ на встречу государевы якутские казны к посыльщикам к служилым людям, которые с тою... казною к Москве едут, для того ведомо великому государю учинилось, что послан с ними из Якутска к Москве со всяким поспешением и обережью от всяких непотребных случаев, и того посланного с ними иноземца берегли и никакой нужды в одежде и корме отнюдь бы ему не было и буде какая потреба получится, и они б, служилые люди, тому иноземцу одежду и кормы потребные покупали, а им из сибирского приказу те издержки выданы будут»⁶².

21 ноября 1701 г. этот указ Петра I с «наказной памятью» был направлен якутским служилым людям, сопровождавшим Дэмбээя из Якутска в Москву, и 29 декабря того же года И. Софронеев «в Сибирский приказ явился и того полоненика объявил».

В начале января с его слов в Сибирском приказе была записана «скаска», выдержки из которой и приведены ранее.

Э.Я. Файнберг писала, что Дэмбээй был малограмотным, заверил подлинность своей «скаски» не иероглифами, а слоговой азбукой (хира-гана), и поэтому этот первый в России непосредственный источник по изучению Японии, по мнению упомянутого историка, содержал «лишь относительно достоверные сведения»⁶³ о родине японца. Того же мнения придерживался Л.Н. Кутаков⁶⁴.

В связи с этим разбираемый документ рассматривался как не имеющий большого значения, но С. Мураяма⁶⁵ считал его очень важным.

Высоко оценивал это сообщение о Японии Г.Е. Рейхберг, который писал, что «скаска» Дэмбээя «по количеству и разнообразию сведений о Японии, полученных непосредственно от уроженца этой страны, является документом большой значимости»⁶⁶.

С нашей точки зрения, с первым из этих двух мнений нельзя согласиться. Во-первых, Дэмбээй свободно писал по-японски: известно его письмо от камчадалов. Во-вторых, утверждение Э.Я. Файнберг, что Дэмбээй поставил свою подпись под «скасской» не иероглифами, а слоговой азбукой не соответствует действительности, причем автор приводит ее в написании по-японски со ссылкой не на последний лист 83 (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1282), а на лист 82 (с опиской – кн. 1292), хотя на последнем листе (л. 83) имеется его подпись иероглифами, которая неоднократно публиковалась и была предметом археографического анализа японских ученых.

Так, известный лингвист и историк Ситиро Мураяма считает, что иероглифы 立 III означают квартал Татимати в г. Осака, где жил Дэмбээй, на ее перекрестке с улицей Татихан, оставляя без объяснения черту __, которой подчеркнут последний из двух иероглифов⁶⁷, а крупнейший лингвист-полиглот Сиро Хаттори полагает, что эта черта выполняла роль перестановочного знака ㄱ, то есть сначала Дэмбээй поставил свою фамилию 立III Татэкава, или Татикава, а затем после слов, обозначающих его адрес и фамилию, добавил глагол «живет» (-ни суму), который обычно не дописывают, а затем дописал иероглифами свое имя «Дэмбээй»⁶⁸. На наш взгляд, расшифровка С. Хаттори является более убедительной.

В 1969 г. подпись Дэмбээя была скопирована тогда в ЦГАДА и впервые демонстрировалась в павильоне СССР на Всемирной выставке «ЭКСПО-70» в г. Осака, вызвав большой интерес японцев.

20 января 1702 г. Сибирский приказ определил Дэмбээю «поденного корму по 5 коп. на день и те деньги давать ему помесечно с его числа...», а 23 января 1701 г. решил вернуть И. Сафронееву 8 руб. 20 алтын, потраченные им на «содержание и проезд японца до Москвы по 10 денег в день»⁶⁹ и 20 алтын за период пребывания его в Москве с 20 января по 1 февраля того же года.

2. О «школе японского языка» в России в начале XVIII века в связи с перспективой установления отношений с Японией

8 января 1702 г. в с. Преображенском Дэмбээй получил аудиенцию у Петра I. Он (как это видно из приведенного выше его письма А. Виниусу) и раньше проявлял заинтересованность в установлении торгово-экономических, политических и культурных отношений со странами Востока, чему в значительной мере способствовали открытия русских землепроходцев на Дальнем Востоке, а также знакомство с голландскими японоведами, особенно его тесные связи с географом Н. Витсенем – мэром Амстердама, изучавшим голландскую экспедицию М. де Фриза в 1643 г. к берегам Хоккайдо, Курильским островам и Сахалину⁷⁰.

В именном царском указе, который последовал в результате беседы Петра I с Дэмбээем, было сказано: «1702 года, января в 8 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексевиича великия и малыя и белыя России самодержца присланный из Якутского иноземец Денбей ставлен пред великого государя в Преображенском. И великий государь... указал его, Денбея, в Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он русскому языку и грамоте навькнет, и ему, Денбею дать в научение из русских робят человек три или четыре – учить их японскому языку и грамоте. А о крещении в православную христианскую веру дать ему, иноземцу, на волю, и его, иноземца, утешать и говорить ему: как он русскому языку и грамоте навькнет и русских робят своему языку и грамоте научит, – и его отпустят в Японскую землю. А ныне ему, иноземцу, пока он на Москве будет, давать ему, иноземцу, своего великого государя жалованья на корм и одежду по небольшому, чем ему проняться»⁷¹.

Следует отметить, что в начале XVIII в. В России сложилось трудное внешнеполитическое и напряженное внутрен-

нее положение, так как русская армия едва начала оправляться от крупного поражения в войне со Швецией под Нарвой в ноябре 1700 г. и победы Карла XII над союзниками России саксонцами под Ригой осенью 1701 г.⁷²

В этих трудных условиях Петр I, проявляя необычайную разносторонность и дальновидность, не упускал из вида и судьбу японского «полоненика». 16 апреля 1702 г. он отдал распоряжение о его переводе из Сибирского приказа во вновь созданный Приказ артиллерии с сохранением ему жалования за счет прежнего ведомства, чтобы он выучился русскому языку в учреждавшихся в России «словесных школах» и затем приступил к подготовке первых российских японоведов. Это облегчило бы установление отношений с Японией, причем сначала Петр I ставил перед Дэмбээем задачу подготовить трех или четырех человек, знающих японский устный и письменный язык, а затем это число увеличилось до четырех-пяти «робят».

В 70-е годы А.М. Куликова исследует новый документ – указ Петра I от 7 октября 1704 г., в котором говорилось, что «по указу великого государя и помете на выписке думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса прошлого году генваря велено выдавать жалованье присланному в Москву из Якутска взятому в Камчатской земле японского государства иноземцу Денбею по 10 денег на день и тех кормовых денег доведца ему дать на август де на сентябрь месяцы (вероятно, на июль и август, так как в этих месяцах – по 31 дню. – К.Ч.) нынешнего году три рубля десять денег»⁷³.

Очевидно, повышение жалования Дэмбээю в два раза было сделано через год в награду за успешное выполнение возложенных на него обязанностей как по изучению русского языка, так и возможно, преподаванию японского языка. В пользу последнего свидетельствует, с нашей точки зрения, расширение его прежних обязанностей – упомянутое увеличение количества русских учеников Дэмбээя,

На дальнейшую судьбу этого иноземца, которого русские именовали и индейцем, и китайцем, и «апонским тата-

рином», проливает свет письмо генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса обер-комиссару Приказа артиллерии Ефиму Зыбину от 29 сентября 1710 г., связанное, очевидно, с интересом Петра I к вопросу об изучении японского языка в России. В письме говорилось: «Прежде сего был в наших словесных школах китаец, которого ради одного учения отдал Виниус, и ныне, где оный, о том отписать»⁷⁴.

Через два месяца последовал и ответ Е. Зыбина: «В словесных школах китаец, которого ради отдал Виниус, ныне его нет, а, по справке в приказе Артиллерии, был в школе Апонского государства татарин именем Денбей, как он был, и ему кормовые деньги даваны всегда с Сибирского приказу по 10 денег на день. Только оный в приказ Артиллерии сыскан и сказал: как де он грамоте и писать в тех школах выучится и в 707 году взял его князь Матвей Петрович⁷⁵ к себе на двор, и ему с того числа, в школу ходить не велел, для того, что он словесной грамоте и писать выучился. И в нынешнем 710 году, как был на Москве царское величество, и он бил челом об отпуске в свою землю, и отпустить его не приказал, а приказал князю Матвею Петровичу его окрестить, и ныне его окрестили, и Гавриилом, а жалованье ему дается из Сибирского приказа»⁷⁶.

Из этого письма видно, что Петр I вторично встречался с Дэмбээем в 1710 г.⁷⁷, до этой переписки, и, что весьма важно, изменил свое решение о том, что «как он русскому языку и грамоте навькнет и русских робят своему языку научит – и его отпустят в Японскую землю». Приказав окрестить Дэмбэя, царь таким образом подчеркнул окончательность своего отказа, так как по японским законам обращение японца в христианство исключало возможность возвращения его на родину⁷⁸.

Трудно согласиться с мнением Э.Я. Файнберг, что причиной отказа отправить Дэмбэя в Японию явилось отсутствие в тот период у России межгосударственных отношений с этой страной и в связи с этим – путей доставки его на родину; этот же аргумент можно было бы привести и по отношению к более раннему периоду. К тому же такой путь был через Западную

Европу, в частности через Голландию, с которой и Россия, и Япония поддерживали тогда хорошие отношения.

Дело было, по-видимому, в том, что Дэнбээй в силу скорее объективных, чем субъективных обстоятельств, не смог тогда оправдать надежд по обучению русских японскому языку, которые возлагал на него русский монарх в своих планах расширения международных связей России, включив в их орбиту государства Азии.

По поводу архивных документов, связанных с многогранной деятельностью Петра I по расширению связей России с другими государствами, в частности с Японией, историк П. Иванов, с мнением которого можно вполне согласиться, в 1853 г. писал: «...Петр Великий, стараясь обогатить Россию умственными сокровищами европейского просвещения, в то же время немалое внимание обращал на обильный невещественным богатством Восток. Известно, что он старался завести торговые отношения с Персией и близлежащими восточными странами Но этого мало: со свойственной его гению проницательностью он устремил свой взор на отдаленную Японию – страну в настоящее время почти недоступную для европейцев... и для того приказал набрать несколько молодых людей и обучать их японскому языку»⁷⁹.

И поскольку Петр I дал обещание Дэмбээю отправить его на родину при определенных условиях – если тот сумеет подготовить несколько переводчиков с японского языка, данных о выполнении которых к этому времени не имеется, утверждать, как это делает академик Л.С. Берг⁸⁰, что царь нарушил свое обещание, на наш взгляд, было бы неправильно.

Русская фамилия Дэмбээя, которая была дана ему после крещения (Богданов) восстанавливается по фамилии его сына, рожденного от брака с подданной России, Андрея Богданова – живописца, работавшего в России в Академии наук. Его нередко ошибочно принимали за Андрея Ивановича Богданова, помощником библиотекаря той же академии, которому позднее был поручен надзор за школой японского языка. Об этой ошибке историков писал П.Н. Петров (1827–1897),

ссылаясь на росписи в архиве Санкт-Петербургской духовной консистории⁸¹. И это говорит о том, что сын Дэмбээя был, судя по автобиографии А.И. Богданова, моложе его на полтора десятилетия⁸².

Была ли при Петре I учреждена школа японского языка под руководством Дэмбээя? Большинство ученых отвечают на этот вопрос отрицательно или неопределенно, критикуя сведения А. Сгибнева, который утверждал: «Петр I после покорения Камчатки, независимо от мер, предпринятых им к ознакомлению с Японией, нашел необходимым для большего успеха к заведению с нею торговых отношений учредить особую школу для обучения японскому языку», открытую в 1705 г. в Санкт-Петербурге, «главный надзор за которой был поручен Сенату», после того, как Дэмбээй выучился говорить по-русски, причем его помощником позднее был назначен другой японец, Санима (по реконструкции С. Мураяма – Санъэмон Санъимо)⁸³, после крещения – Иван.

Так, академик В.В. Бартольд считал, что в литературе XVIII в. не имеется никаких свидетельств о школе японского языка, которая бы была учреждена в период правления Петра I. «Во всяком случае, – сообщает он, – мы не нашли никаких данных ни о пребывании Денбея в Москве или Петербурге, ни о его преподавательской деятельности»⁸⁴.

Той же точки зрения придерживаются специально изучавшие этот вопрос советские японоведы А.Л. Гальперин⁸⁵ и Г.Е. Рейхберг⁸⁶, Э.Я. Файнберг⁸⁷, О.П. Петрова⁸⁸, В.М. Алпатов⁸⁹ и Н.В. Кюннер⁹⁰, а также японский ученый Ситиро Мураяма⁹¹.

Мы не приводим здесь высказывания ученых, которые повторяют мнение А. Сгибнева без каких-либо аргументов (например, Нараёси Харима, Л.Н. Кутаков, Синтаро Накамура и Сигэтада Манабэ).

Для установления истины необходимо прежде всего вернуться к биографии Дэмбээя после его приезда в Москву и опровергнуть или подтвердить правоту ученых, которые полностью отвергают сведения А.С. Сгибнева об учреждении в России школы японского языка.

А.С. Сгибнев писал, что указом от 16 апреля 1702 г. царь «предписал вывезенного с Камчатки в Анадырском остроге японца Денбея отослать в приказ артиллерии для обучения русскому языку» с тем, чтобы он «впоследствии мог бы учить в этой школе». И далее: «На основании... указа (1705 г. – К.Ч.) в том же году⁹² была открыта в Петербурге японская школа, главный надзор над которой был поручен Сенату». «...Сенат неоднократно просил Сибирский приказ выслать из Камчатки другого японца для приготовления в учителя. Но якутская воеводная канцелярия задолго до этих распоряжений приказала в случае нового крушения японской бусы доставить одного японца в Якутск для подлинного ведома, то есть дать знать всем камчатским острожкам из занесенных в будущем на бусах в Камчатку японцев доставлять в Верхне-Камчатский острог»⁹³. На основании этих распоряжений спасенный в 1710 г. у Калигерской губы японец Санима (Сауэмон), по данным А.С. Сгибнева, в 1711 г. отправлен в Петербург, где «был назначен помощником Денбею»⁹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что понятие «школа» в самом начале XVIII в. имело не то значение, какое оно приобрело в настоящее время. Под школами в начале XVIII в. часто понимались не отдельные учебные заведения в современном смысле слова, а их «отделы», или «классы», нередко представляющие собой отдельно стоящие деревянные или каменные здания. Н.Е. Бранденбург (1839–1902) со ссылкой на архивные документы того периода указывает на «сбивчивость в названиях учреждений и принимания отделов последних за особые отдельные заведения»⁹⁵.

Об одной из школ, где обучался Дэмбээй и он же должен был обучать японскому языку, в упомянутых документах говорится следующее:

«Велено на новом пушечном дворе построить деревянные школы и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов людей их словесной письменной грамоте и цыфири и иной инженерной наукам, и будучи им в тех школах, учиться вышеписанным наукам с прилежанием, а выучась без указу с

Москвы не съехать, также в иной чин кроме артиллерии, не отлучаться, и кормить и поить их в вышеописанных же школах, а на корм положено им по 2 деньги человеку на день, и из тех денег из половины покупая хлеб и харч: в постные дни рыбу, а в скоромные мясо и варить кашу или щи, а по другой деньге – на обувь и каф-танишки и на рубашонки. И учащим и переимчивым будет государево особое жалованье и дача смотря по учению»⁹⁶.

На наш взгляд, *первый* указ Петра I от 8 января 1702 г. можно рассматривать как предварительный документ об учреждении в будущем «школы», то есть отделения японского языка в одной из «словесных школ» при Приказе артиллерии, где письмо, псалтырь и часослов, помимо русских, изучали также и инородцы, в том числе иностранцы. Обучение в «словесных школах» предваряло обучение в «нижних школах», где изучали цифирь, и в «верхних школах», где, помимо арифметики, преподавали другие необходимые артиллеристам науки, в том числе геометрию, тригонометрию и черчение.

Второй указ Петра I об учреждении в будущем «школы» японского языка – первого такого учебного заведения в России – последовал 16 апреля 1702 г., причем царь по меньшей мере дважды (в 1705 и в 1710 гг.) интересовался, как выполняется его повеление. Первая часть была выполнена – Дэмбзэй в достаточной мере овладел русским языком и письменностью, но выполнением второй части своего повеления к 1710 г. Петр I, очевидно, остался неудовлетворен. Вероятно, сначала обучение японскому языку шло неплохо, и поэтому число учеников было увеличено от трех до четырех–пяти, но к 1710 г. «учащие» из «пушкарских» или иных посторонних чинов людей детей» не оказались, по-видимому, «переимчивыми» и не проявили успехов в изучении трудного японского языка и иероглифической письменности. Поэтому Дэмбзэя и перевели в 1707 г. в дом к князю М.П. Гагарину, возглавлявшему Сибирский приказ с 1706 г., который и решил использовать его знания для поисков путей в Японию, что также соответствовало намерениям Петра I.

В 1702 г. Сибирский приказ послал в Якутскую воеводскую канцелярию грамоту за подписью самого царя о направлении на Камчатку отряда во главе с приказчиком, чтобы принять иноземцев в подданство, разведать путь в Японию, установить характер вооружения страны, разнообразие товаров, наличие спроса на русские товары, и до прибытия в Якутск придворного сановника – спальника, ведавшего царской опочивальней, – предпринять попытку наладить торговые отношения с этой страной⁹⁷.

В соответствии с этим указом в 1704 г. управителю Камчатки Василию Колесову было приказано выяснить ее пределы и исследовать вопрос о существовании прилежащих к ней островов, в том числе и их государственную принадлежность. В 1706 г. он послал на юг этого полуострова («в Нос земли») отряд Михаила Наседкина, который так же, как и открывший Курилы В.В. Атласов, выяснил, что «от Курильского острогу и от того де места за переливами земля, а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что де лесу близко нет и якорей взять негде»⁹⁸.

28 мая 1707 г. – в год перевода Дэмбээя в непосредственное подчинение князю М.П. Гагарину в Якутск поступила грамота с царским повелением послать на Камчатку 170 охочих людей и их сопровождающих, чтобы тамошних «иноземцев привести в ясачный платеж»⁹⁹, создав опорную базу для дальнейшего продвижения к островам в сторону Японии.

В 1708 г. у мыса Лопатка, на самом юге Камчатки, потерпела крушение еще одна японская буса. Находившийся на Камчатке приказчик – боярский сын Петр Чириков¹⁰⁰, направленный сюда в 1707 г. Якутской воеводской канцелярией вместе В. Атласова¹⁰¹, с отрядом служилых освободил нескольких японцев, оказавшихся в плену у айнов.

Четырех из десяти спасшихся японцев, полоненных немирными камчадалами, П. Чириков «имел случай... выручить, ибо изменники, увидев служивых, в бой с ними вступать не отважились, но, оставя японцев, разбежались по лесу»¹⁰².

В августе 1709 г. приказчику Удского острога из Якутска Ивану Сорокоумову было предписано найти путь в Японию, проведать острова против устья р. Уды и выяснить, «какие люди... под чьим владением.... какой в том острове зверь и иное какое богатство»¹⁰³.

В июле 1710 г. И. Сорокоумов в своем докладе¹⁰⁴, доставленном в Якутск, сообщил опросные сведения, полученные им от служилых людей об островах против р. Уды, которые, однако, соответствовали данным не о Японии, а о Шантарских островах¹⁰⁵.

17 марта 1710 г. последовал новый указ Петра I об активизации усилий в этом направлении, и по этому указу в 1712 г. боярский сын Василий Игнатъев послал 10 казаков во главе с Иваном Быковым и Алексеем Крестьяниновым из Удского острога. После зимовки на самом дальнем из трех посещенных островов двое из пяти оставшихся на зимовку казаков умерли, а другие в июне 1714 г. вернулись обратно¹⁰⁶.

Ганноверский резидент Ф.Х. Вебер относит это событие не к 1712–1714, а к 1714 г. В 1716 г. он писал, что по повелению царя генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, полагая, что Япония близка к России, приказал «два года тому назад» направить двух человек на море, которые побывали на острове, находящемся «в нескольких неделях пути от материка», но на обратном пути утонули, едва не достигнув родных берегов. В.Я. Брюс предполагал, что это был остров у берегов Японии¹⁰⁷. Следует учесть, что в результате «сыска» 1700 г. о заговоре 1699 г. казаков Нерчинского, Удского и Аргунского острогов стало известно, что «промышленный человек Федот Лебединой» еще «в прежние годы... там на островах («Восточного океана». – *К.Ч.*) бывал с амурскими вольными казаками¹⁰⁸, то есть ему «пришлось побывать... на Сахалине и на ближайших Курильских и Японских островах»¹⁰⁹. Японский историк Сигэтада Манабэ полагает, что Ф.Х. Вебер спутал две даты (1712 и 1714 гг.) этого события¹¹⁰, а Рёити Окума относит (со ссылкой на японские хроники княжества Мацумаэ) такое же плавание русских к еще более раннему периоду – к

первому десятилетию XVIII в., утверждая при этом, что два русских мореплавателя в 1700-х годах появились на о. Итуруп, получили убежище у айнов, которых они попросили их спасти, а затем возвратились на родину¹¹.

Японский историк Кинъити Ёсида прислал интересные рукописи из архива Токийской государственной библиотеки официальных документов. В них повествуется о первых контактах русских с японцами в XVII–XVIII вв. Первый манускрипт называется «Запись о нравах в земле Эдзо» (1715), второй – «Размышления по поводу сообщений о стране Камчатке» (1783).

В документах содержатся сведения о том, что через айнов – обитателей островов Охотского моря в Японию еще во второй половине XVII в. стали приходиться известия о «рыжих иноземцах», то есть русских. А в первой трети XVIII в. в годы Кёхо (1716–1735), японцы из княжества Мацумаэ, которое занимало узкую полосу вдоль южного берега о. Хоккайдо, уже вступали с ними в первые контакты. Автор рукописи сообщает, что сильные штормы относили русские суда в район Хоккайдо. От этих «рыжих иноземцев» японцы узнали, что Россия «лежит к востоку от Португалии и Голландии и тянется более чем на 5 тысяч ри» до айнских земель, граничащих на севере с Японией. В документе 1715 г. говорится, что русские успешно торговали сушеным лососем, китовым мясом и прочим, получая от жителей Курильских островов металлические изделия, кожу, ткани, рис.

Эта торговля велась необычно. Завидя приближающиеся к островам русские байдары, айны спешно покидали свои дома и поднимались на сопки. Казаки оставляли на берегу предметы своего промысла и отплывали на почтительное расстояние. Местные жители осторожно выходили на берег и клали против них в одних случаях свои, а в других – японские товары: фарфоровую и фаянсовую посуду, лакированные изделия, шелковые халаты, хлопчатобумажные ткани, кули с «сорочинским пшеном» (рисом). Затем они забирали заморские товары, и русские после их ухода проделывали то же самое.

Имеется обширная литература о японцах, которые попадали в Россию с конца XVII в. в результате кораблекрушений, а затем были возвращены на родину с русскими морскими экспедициями. Но сведения о том, что русские тоже попадали волей стихии к японцам, опубликованы нами впервые¹¹².

В 1713 г. со своими «пропозициями» к царю обратился дипломат, в прошлом корабельный мастер Ф.С. Салтыков. Он предложил «кораблями, где возможно, кругом сибирского берега велеть проведать, не возможно ли найти каких островов, которыми б мочно овладеть под ваше владение», «а ежели таких островов не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие острова»¹¹³.

В 1714 г. в заключительном варианте упомянутых «пропозиций» Ф.С. Салтыков прямо называет Японию («другие острова») наряду с Китаем. Он пишет: «К тем судам отправить несколько морских людей из иноземцев и из русских, и велеть им описывать по тому берегу от ходу морского, от Двинского устья до Обского устья и от Обского до Енисейского, а от Енисейского до Ленского и до последнего речного устья, которое обыщется близ Амуры реки и по устье Амурское и вдоль между Епоном и Китаем»¹¹⁴.

В 1716 г. два торговых дома в Петербурге обратились в Сенат с просьбой о разрешении установить торговые отношения с Японией и Ост-Индией через р. Обь, Енисей, оз. Байкал, р. Селенгу, Иногду, Шилку и Амур и далее через Тихий океан¹¹⁵. Такое же предложение в 1722 г. внес Ф.И. Соймонов (1692–1780) Петру I, который на это сказал: «Не ныне, да и далеко»¹¹⁶. Впоследствии Ф.И. Соймонов, став сибирским губернатором, приступил к реализации проектов установления торговых связей с Японией.

И хотя американский историк Дж. Ленсен правильно считает, что идея торговли европейских стран со странами Дальнего Востока была высказана представителями английской Московской компании еще в XVI в.¹¹⁷, план торговли через р. Амур и его притоки был выдвинут в начале XVIII в. русскими впервые. «Обнаружение Денбея, – пишет этот ис-

следователь, – было отправным пунктом поисков Японии через Камчатку»¹¹⁸. Можно добавить, что контакты с этим японцем, как это уже было сказано, явились стимулом для разыскания данной страны не только через Камчатку, но и через Шантарские острова и о. Сахалин.

Достаточно обоснованным является следующий вывод этого историка в отношении Дэмбээя: «Подобно другим японцам, потерпевшим кораблекрушение, которых неоднократно выбрасывало на берег в последующие годы, Дэмбээй был в полной мере использован как источник информации о географическом положении своей страны, ее ресурсах, обычаях и языке. Его сообщения о благосостоянии и близости Японских островов побудили русских купцов и правительство предпринять со своей стороны усилия для установления отношений с этой страной»¹¹⁹.

Пребывание Дэмбээя в Москве, в доме князя М.П. Гагарина, до 1710 г. подтверждается в приходно-расходных книгах Сибирского приказа, потерявшего с образованием в 1708 г. Сибирской губернии свое значение центрального учреждения России и переименованного в 1711 г. в экспедицию Тобольской губернской канцелярии, а после смещения в 1719 г. М.П. Гагарина – в Московскую канцелярию Сибирской губернии. В графе кормовых расходов в расходно-приходной книге Сибирского приказа указано: «Взятому в Камчадальской земле Японского государства иноземцу Денбею на февраль, на март, на апрель месяцы нынешнего 709 году денег 4 рубля 5 алтын» (л. 68 об.)¹²⁰.

Далее: «Взятому в Камчадальской земле Японского государства иноземцу Денбею кормовых денег на май, на июль (пропущено: июнь. – К.Ч.), а август месяцы нынешнего 709 году по 10 денег на день, итого 6 рублей 5 алтын» (л. 93 об.); «Японского государства иноземцу Денбею 10 рублей 20 алтын» (л. 137 об.).

В книге за 1710 г. трижды записано о выдаче Дэмбээю кормовых денег: 1) «Взятому в Камчадальской земле Японского государства иноземцу Денбею на 4 месяца прошлого 709 году

по 10 денег, на день итого 6 рублей 3 алтына 2 деньги» (л. 22 об.); 2) «Присланному из Якуцка Японского государства иноземцу Денбею, который взят в Камчадальской земле на 6 месяцев нынешнего 710 году 9 рублей 3 алтына 2 деньги» (л. 54); 3) «Присланному из Якуцка Японского государства иноземцу Денбею, которой взят в Камчадальской земле на 10 месяцев 15 рублей 6 алтын 2 деньги» (л. 161)¹²¹.

Из сопоставления этих данных о кормовых расходах на Дэмбэя за 1710 г. с данными за 1709 г. вытекает, что в 1710 г. он получил жалование за 16 месяцев, то есть и за 4 месяца 1711 г. – аванс на большую часть первой половины года, следующего после упразднения Сибирского приказа.

16 марта 1711 г. М.П. Гагарин, который именовался московским комендантом и генерал-президентом, сибирским провинциальным судьей, то есть начальником Сибирской провинции, получил официальный титул губернатора Сибири, и во второй половине того же года он выехал в Тобольск.

Очевидно, Дэмбэя он тоже взял с собой. Это вытекает из свидетельства известного шведского пленного картографа Ф.И. Страленберга. Он был отослан из центральной России через несколько лет после его пленения под Полтавой в 1709 г., и вместе с другими пленными шведами прибыл в Тобольск 26 августа 1711 г. Об этом японце в своей книге¹²², имевшей в духе того времени очень длинное название, он, в частности, писал: «Дэнбэй был японцем от рождения и после, в бытность шведов в Сибири, был привезен в Москву. Прибыл ли он туда здоровым, осталось мне неизвестным. Я, однако, видел его тогда в Тобольске при проезде, по-русски понимал он немного, но достаточно для того, чтобы, когда я спросил его через переводчика, действительно ли в Японии страна Камчатка называется Езо, он мне ответил на это – да»¹²³.

Это было первое по времени упоминание о Дэмбэе в исторической литературе. В приведенном свидетельстве Ф.И. Страленберга, если считать, что он действительно встретился с Дэмбэем в Тобольске, противоречивым представляется лишь упоминание о том, что японский «полоненик» был

там «проездом», что предполагает небольшой срок пребывания в Тобольске при переезде в Москву из какого-либо пункта Восточной Сибири с остановкой в этом городе. Это подтверждается тем фактом, что в большей части процитированного фрагмента из книги шведского ученого излагается содержание второй «скаски» Дэмбэя, записанной в Москве в 1701 г. и переписанной сибирским картографом С.У. Ремезовым, с которым Ф.И. Страленберг общался в Тобольске¹²⁴. Возможно, в этой части автор спутал его с другим японцем, Санъэмоном (Санима), который на самом деле в 1714 г. был переведен с Камчатки в Москву, а затем в Петербург и в Тобольске был только проездом.

На возможное пребывание Дэнбэя в Тобольске после 1711 г. указывает запрос о его судьбе известного немецкого ученого Г.В. Лейбница¹²⁵, который проявлял большой интерес к открытиям России на северо-востоке Азии и в Тихом океане. Так, Г. Лейбниц интересовался, как соединяется Азия с Америкой и возможно ли из этого района добраться через Северный Ледовитый океан к берегам Японии, Китая и Индии.

В письме от 12 декабря 1712 г. немецкий ученый просил Петра I сообщить ему «сведение о японце, которого бурей прибило к берегам Камчатки и о котором будто бы г. Виниус знает обстоятельно (ежели японец еще жив, то можно бы расспросить его самого)...»¹²⁶

Независимо от того, относятся ли данные Ф.И. Страленберга о том, что Камчатку японцы называли Эдзо (а это еще раз подтверждает нашу гипотезу об отождествлении Камчатки, Сахалина и Хоккайдо вплоть до этого периода) к Дэмбэю (Денбею) или к Санъэмону (Санима), можно, по нашему мнению, предполагать, что встреча этих двух японцев в Тобольске произошла, скорее всего, не ранее 1714 г. и не позднее мая 1715 г.

Этот вывод следует из того факта, что Санъэмон был направлен из Камчатки в 1714 г., а первая карта, составленная Ф.И. Страленбергом в Тобольске, на которой Камчатка была изображена как Эдзо (Хоккайдо), исчезла во время пожара из

его дома в ночь с 12 на 13 мая 1715 г. (чемодан был выброшен второпях в окно). «И хотя у меня имелись сведения о том, где находится мой чемодан и карта, – писал составитель, – однако как пленный я не осмелился предъявить свои права на эти вещи, опасаясь неприятных для себя последствий»¹²⁷.

В 1757 г. издатель французского перевода основного труда Ф.И. Страленберга «Северная и Восточная части Европы и Азии...» о встрече шведского ученого с японцем, по мнению издателя, с Дэмбээем, и произошедшей ошибке в совмещении на карте Камчатки с Северной частью Японии, написал следующее: «Встретив в Тобольске японца, взятого в плен Атласовым и направляемого в Москву, Страленберг спросил его через переводчика: «Действительно ли в Японии Камчатку называют Землей Эдзо?» Утвердительный ответ японца и «заставил Страленберга (карты которого положили начало нашим сведениям обо всем севере Азии) предположить, что остров Эдзо, открытый в 1643 г. голландцами, был Камчаткой; поэтому он продолжил границы этой страны на 10–11° дальше на юг, чем это было в действительности»¹²⁸.

Ряд ученых полагают, что Санъэмон (Санима), получивший после крещения в Якутске в 1714 г. имя Иван, либо был переведен в Петербург и преподавал там японский язык в 1711 г.¹²⁹, либо был доставлен туда в 1714 г.¹³⁰, причем утверждающие последнее ссылаются на историка Г.-Ф. Миллера, который писал, что в 1714 г. этот японец был послан, а не доставлен в Санкт-Петербург («Nach St. Peterburg geschicht worden») ¹³¹.

Однако (как правильно указал С. Мураяма) это еще не означает, что в том же году Санъэмон прибыл в столицу России – с учетом того, что он, возможно, встречался с Ф.И. Страленбергом в Тобольске до 12 мая 1715 г., но предположение о прибытии Санъэмона в Петербург после этого представляется достаточно аргументированным.

Добавим, что это предположение может быть, на наш взгляд, отнесено также и к Дэмбээю¹³² с поправкой, что более вероятным является их приезд, особенно Дэмбээя, в столицу после начала работы комиссии (1717) для расследования злоупотре-

треблений, прежде всего взяточничества и кумовства, со стороны сибирского губернатора М.П. Гагарина. Комиссию возглавлял лейб-гвардии генерал-майор И.Д. Дмитриев-Мамонов¹³³. В число злоупотреблений входило также использование не по назначению, вопреки указам Петра I, японца Дэмбээя.

Донесения о такого рода действиях сибирского губернатора стали поступать к царю с 1711 г., и тогда же он приказал М.П. Гагарину выслать всех своих свойственников¹³⁴. Но этот приказ не был выполнен должным образом, и в 1719 г. М.П. Гагарин был отстранен от должности, признался в лихоимстве и после отказа в помиловании в 1721 г. был казнен¹³⁵.

Дэмбээй и Санъэмон были привезены в Петербург, и последний, как уже упоминалось, был назначен помощником Дэмбээя в преподавании японского языка. П.П. Пекарский писал: «Раньше других языков Востока посчастливилось у нас языку японскому. Покорение Камчатки обещало важные торговые отношения с Японией, и Петр Великий обратил внимание на это государство. Великий император в этом случае имел в виду положить прочные основания торговле с Японией и облегчить торговым людям, так и ученым, сношения с нею, подготовить своих, сведущих в японском языке людей»¹³⁶.

По прибытии в 1719 г. в Петербург Санъэмон (Санима) был подробно допрошен чиновниками. Он подтвердил сведения Дэмбээя, что в Японии добывают золото и серебро, что с Камчатки туда привозят шкуры бобров, которые японцы «зело любят», а также сообщил расстояние от нее до различных пунктов в Японии. О содержании этой беседы был поставлен в известность Петр I¹³⁷.

Однако следует признать, что мнение Ф.И. Страленберга о встрече в Тобольске именно с Дэмбээем в силу его некоторой противоречивости вызывало возражения историков. Первым из них был академик Г.-Ф. Миллер, в значительной мере оказавший влияние и на других сторонников его точки зрения. В 1758 г. Г.-Ф. Миллер писал: «В Страленберговом известии упоминается, что он (японец. – К.Ч.) остался за болезнью в Анадырском остроге. В сем же известии объявляется нечто и об

островах, лежащих от земли Камчатки под полдень, которые называются нами Курильскими, потому что на некоторых из них обитает народ Курильской. Камчатские жители сказывали Атласову, что на оных островах находятся каменные города, а какие там люди живут, того де им неизвестно. При сем господин фон Страленберг примечает, что тут должно разуметь Японские острова северные; да и подлинно так. На островах, близ Камчатки лежащих, таких городов нет. Кажется, что сие известие произошло от самого вышеупомянуемого японца. Что объявляется во оном описании о происходящих всегда между японскими островами и Камчаткою торгах, оное усмотрено в последующие времена за неосновательное.

Вся японская коммерция простирается в северную сторону до малого числа соседственных островов или до земли, зовомой Езо. Конечно, о сих островах говорил японец на Камчатке. Все прочие острова и самая земля Камчатка неведомы были японцам прежде их разбития у берегов Камчатских. Их занесло туда погодою по неволе... Два обстоятельства, которые учинились известны чрез первого японца, достойны примечания: 1. что государство, Атласовым названное Узакинским, или Япония, находится не в весьма дальнем расстоянии от Камчатки к полудню; 2. что между Камчаткою и Япониею на море есть множество островов больших и малых, которые жители, на Камчатке курилами называемые, от японцев именовуются Езо или Эзо, что в Европе принято за имя некоторой земли, а по неосновательному Страленбергову мнению самую будто Камчатку под оным разуметь должно»¹³⁸.

Мнение Г.-Ф. Миллера о том, что Ф.И. Страленберг встречался в Тобольске не с Дэмбээем (Денбеем), а с Саньэмоном (Санимой), разделяют советские ученые Г.Е. Рейхберг и Б.П. Полевой.

Г.Е. Рейхберг писал: «В данном случае Страленберг путает Дэнбээя с другим японцем, а именно с Санимой, которого действительно он мог встретить в Сибири. Это подтверждается простым сопоставлением дат. Страленберг попал в Сибирь в качестве военнопленного после Полтавской битвы 1709 г., а

Санима доставлен в Петербург в 1714 г. Что же касается утвердительного ответа Санимы на вопрос Страленберга – правда ли Камчатка носила в Японии название Эзо, то его можно объяснить как ошибку, так как в действительности, так назывался северный остров Японского архипелага, ныне Хоккайдо»¹³⁹.

Г.Е. Рейхберг не учитывает факт приезда шведского ученого в Сибирь только во второй половине 1711 г., как об этом писал Ф.И. Страленберг, а не вскоре после Полтавской битвы 1709 г. Не учтен им также факт лишь отправления Санъэмона (Санимы) в Петербург в 1714 г., а не его приезда в столицу России в том году. Нельзя считать ошибкой и утверждение японского «полоненика», что Камчатка включается в Японии в понятие Эдзо (Эзо) – «страна варваров».

К точке зрения Г.Е. Рейхберга присоединился Б.П. Полевой¹⁴⁰, считая, что надписи на третьем чертеже в «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова (л. 102 об.) к изображению острова у юго-восточной части Камчатки: «Сани же (Санъэмон. – К.Ч.) розбило» – и вблизи изображения Японии: «Зде(сь) унесло» – подтверждают мнение Г.-Ф. Миллера о встрече с Ф.И. Страленбергом этого японца, а не Дэмбээя.

Однако Ф.И. Страленберг мог получить сведения о кораблекрушении, постигшем Санъэмона, не от него непосредственно, а от С.У. Ремезова устно или ознакомившись с его упомянутым чертежом. Так как на нем не отражены данные походов И. Козыревского 1711–1713 гг., хотя имеются данные 1710–1711 гг. П. Попова и Ф. Бейтона о возможном представлении на этом чертеже обобщенных сведений одного из якутских чертежей не ранее 1712–1714 гг., и на этом основании данный документ не имеет отношения к встрече Ф.И. Страленберга с Санъэмоном. К тому же Б.П. Полевой пишет сначала, что первооснова «Карты Камчадали» (или Эдзо) 1722 г. И.Б. Гомана по данным Ф.И. Страленберга была создана с учетом сведений Санимы не позднее 1717–1718 гг.¹⁴¹, а затем ее первооснова была составлена не позднее 1715 г.¹⁴²

Тем не менее ученые, критикующие ошибки и неточности А. Сгибнева в освещении вопроса об участии этих двух

«полонеников» в работе школы японского языка, правы, считая, что в 1705–1706 гг. она не могла быть открыта в Петербурге под надзором Сената, так как это учреждение начало работать только в 1711 г., и с 1711 по 1714 г. находилось в Москве, а не в Петербурге, что не исключает, однако, открытия этой школы, как считают некоторые ученые, позднее в северной столице России.

В Россию японец Санъэмон попал в апреле 1710 г., когда у Шипунского мыса в Калигерской губе (к северу от Авачинской губы) на Камчатке потерпела крушение японская буса. Современник этого события знаменитый землепроходец Дальнего Востока И.П. Козыревский писал: «На сем мысу в прошлом 710 году в апреле месяце бусу разбило пустую, понеже, что было у них, то все в море они иноземцы сбросали, и носило четыре месяца, а бусу эту видели на море еще в марте месяце как носило»¹⁴³.

Казаки, освободившие нескольких японцев из плена, в челобитной имя Петра I от 17 апреля 1711 г. (первый документ, содержащий сведения об этом инциденте) сообщали, что двое из них «по-русски говорить дознались малое число: а сказывают государство свое – Эдо (Эдо. – К. Ч.), а около того их государства стоят 7 городов не по далнему расстоянию, но поблиску город от города. А стоит их государство против Камчадалского Носу на Пенжинском (Охотском. – К. Ч.) море на острову. А сказывают в своем государстве и в городах золото и серебро родится, камни и дабы и китайки делают, а про иные свои товары я которые наши им удобны сказать в достаток не знают, для того, что они русскому всему разговору вскоре не навыкли»¹⁴⁴.

На основании анализа надписей на «Чертеже как Камчадалского носу, також Морским островам, коликое число островов от Камчадалского носу до Матмайского и Нифона островов» – копии 1726 г. «чертежа» И.П. Козыревского по итогам его походов по Камчатке и Курильским островам 1711–1713 гг. О.П. Петрова утверждает, что в апреле 1710 г. русскими было спасено не шесть, как полагал Г.-Ф. Миллер, а пять японцев. Далее следуют их имена в русском тексте: Широкей,

Тиски, Сан (сокращенный вариант имени Санима), Кисть и Китара. По реконструкции П.О. Петровой – Сирюхэй, Тёсукэ, Санэмон, Кисити, Китаро¹⁴⁵. По реконструкции С. Мураяма – Сирюкэй, Тэйсукэ, Санъэмон, или сокращенно Сан, Кисити и Китаро¹⁴⁶. В 1965 г., за четыре года до того, как японский ученый пришел к выводу, что имя Санима следует правильно читать как Санъэмон, полагали, что его надо произносить на стандартном японском языке как Санъэмон¹⁴⁷, а на диалектах Тохоку (Северо-Восточная Япония) – Санимо («о» было заменено русскими в этом имени на «а»), так как многие русские имена, например Кузьма, Фома, оканчивались на «а»¹⁴⁸.

Другую реконструкцию имени этого японца – Санаэмон – предлагает американский историк Дж. Стефан¹⁴⁹.

Соглашаясь в основном с реконструкцией С. Мураяма, полагаем, что имя Сирюкэй, исходя из того, что в «Описании Апонского государства» И.П. Козыревского 1726 г. оно приводится как Ширякие, можно реконструировать как Сиракия¹⁵⁰.

На самом деле имела место следующая последовательность событий. Из г. Кинокуни (ныне г. Вакаяма) на южном побережье центральной части о. Хонсю 14 японцев отправились в г. Эдо на парусном корабле, груженном лесом. Продав лес и купив на вырученные деньги сакэ (рисовое вино), табак и горох, за три дня до прибытия в г. Кинокуни они попали в тайфун, потерпели кораблекрушение и были отнесены к берегам Камчатки. В результате крушения в живых остались 10 человек. Затем у мыса Шипунского, как пишет И.П. Козыревский, «в сих урочищах двух человек нифонцов Киста (Кисити. – *К.Ч.*), Китара (Китаро. – *К.Ч.*) служилые люди взяли», а он «в то время морем шел и якори четыре из моря вынял и на землю в удобное место положил»¹⁵¹, «да с разбойной (разбитой. – *К.Ч.*) же бусы иноземцев трех человек Широкея (Сиракия. – *К.Ч.*), Тиски (Тэйсукэ. – *К.Ч.*), Сана (Санъэмон. – *К.Ч.*) по разным рекам брал в показательных годах (1711–1713 гг. – *К.Ч.*) в том числе и выкуп дал за одного»¹⁵².

На основании данных надписей на упомянутом «чертеже» О.П. Петрова сделала вывод, что спасенных японцев было

пятеро. Но при этом не был учтен еще один японец, имя которого не было названо, но на него указал Г.-Ф. Миллер.

Таким образом, Сиракия (или Сирюхэй. – *О.П. Петрова*), Тэйсукэ (или Тёсукэ. – *О.П. Петрова*) и Санъэмон (Санэмон. – *О.П. Петрова*) и еще один, не именованный ни на чертеже, ни в сочинениях Г.-Ф. Миллера, японец были спасены Чириковым, а двое – Кисити и Китаро – другой группой русских служивых людей, всего шестеро, спасенных русскими. Вместе с четырьмя убитыми впоследствии немирными камчадалами это 10 японцев, высадившихся в 1710 г. на побережье Камчатки после кораблекрушения. Трех из них И.П. Козыревский взял с собой в поход на Курильские острова в поисках Японии, а четвертого – Кисити – опросил о Японии еще на Камчатке.

По мнению Э.Я. Файнберг, упомянутые японцы, как и другие японцы, находившиеся на Камчатке, в начале XVIII в. «не посещали Курильских островов и, не зная русского языка, не могли толково рассказать Козыревскому даже о собственной стране»¹⁵³.

Не названный по имени японец был, по нашему предположению, Мацубэ (в русских документах Мацбэ), после крещения известный как Яков Максимов. В Якутск он был доставлен вместе с Санъэмоном, но, когда последнего в 1714 г. отправили в Петербург, остался в Якутске, женился на местной жительнице, у них родился сын. В 1733 г. по указу императрицы Анны Иоанновны Мацубэ был¹⁵⁴ отправлен через Тобольск, куда прибыл 23 марта того же года, в столицу России для выяснения возможности использования его знаний о Японии и японского языка для установления отношений с Японией, но вскоре был отпущен обратно в Якутск к своей семье¹⁵⁵, а в конце 30-х годов XVIII в. Мацубэ был назначен переводчиком в экспедицию М. Шпанберга в Японию¹⁵⁶.

В связи с полемикой в отношении роли, какую Санъэмон играл как информатор И.П. Козыревского в его поисках пути в Японию, необходимо сделать дополнительные пояснения.

В 1967 г. С. Мураяма опубликовал статью о Санъэмоне (Саниме), в которой утверждалось следующее: «Ни в России,

ни в Японии не установлено, откуда был родом Санима. Одно несомненно, что он происходил из клана Намбу или клана Цугару»¹⁵⁷ (Северная Япония).

Этот предварительный вывод, который, как первоначально казалось японскому ученому, «подтверждает предположение о том, что Санъэмон в 1713 г. переводил на русский с айнского рассказ айна Шатаноя, приехавшего с Итурупа на Парамушир для торговли»¹⁵⁸, был сделан на основе японской диалектной лексики Санъэмона, сохранившейся в надписях на чертеже А. Шестакова, заимствованных у И.П. Козыревского, а также на соответствующих предположениях известных исследователей Камчатки и Курильских островов Г. Стеллера¹⁵⁹ и А. Полонского¹⁶⁰.

Но уже в марте следующего года, после того как О.П. Петрова сообщила С. Мураяма о публикации И.И. Огрызко «Чертежа морским островам» И.П. Козыревского¹⁶¹, из текста на этом документе стало известно, что Санъэмон был уроженцем г. Кинокуни (префектура Вакаяма) в центре о. Хонсю, и японский ученый, естественно, не мог не изменить свою точку зрения по этому конкретному вопросу. Это нашло отражение в его монографии¹⁶², присланной О.П. Петровой вскоре после ее издания (ксерокопией этой работы располагал и Б.П. Полевой).

Тем не менее О.П. Петрова и Б.П. Полевой в 1975 и 1977 гг. соответственно опубликовали статьи, где этот факт совершенно игнорируется и ведется полемика против ряда высказываний С. Мураяма, от которых он много лет назад отказался¹⁶³. Б.П. Полевой делает вывод, что Санъэмон вряд ли мог знать айнский язык, так как, во-первых, местные жители с айнами не общались, а во-вторых, потому что И.П. Козыревским использовались в качестве переводчиков не японцы, а «толмачи с камчадалским языком»¹⁶⁴.

Но если с первым доводом, против которого С. Мураяма не возражает, вероятно, по той причине, что диалект г. Кинокуни (киотосский) имел некоторые общие фонетические черты с диалектом в княжествах Северной Японии Цугару и Нам-

бу (например, одинаковое произношение имени «Санъэмон» как «Санимо»), можно согласиться, то второй аргумент – об использовании при опросе приехавшего с о. Итуруп (южная часть Курил) айна Шитаная только «толмачей с камчадалским языком», которые отнюдь не всегда справлялись с переводом с южноайнского¹⁶⁵, – представляется спорным. К сожалению, сам С. Мураяма этого вопроса не касается.

С другой стороны, вполне обоснованными представляются доводы японского ученого со ссылкой на русские источники, что русские не знали айнского языка (особенно языка южных айнов) и Санъэмон за несколько лет пребывания у русских довольно сносно научился понимать и говорить по-русски¹⁶⁶ и, вопреки мнению Б.П. Полевого, мог сообщить сведения как о Японии, так и о южной части Курильских островов.

Российский историк категорически утверждает: «Таким образом, попытку японского филолога Мураямы Сичиро объявить Саниму-Санъэмона главным помощником Ивана Козыревского при сборе сведений о Курильских островах нельзя признать состоятельной. Санима смог помочь Козыревскому лишь при сборе некоторых сведений о собственно Японии. И даже это он делал с большой неохотой. Первые сведения о японских островах Иван Козыревский смог получить не от Санимы, а от его спутника – японца «Кистя» (Кисити). И. Козыревский писал: “О означенном... о *всем* в *начале* (курсив наш. – К.Ч.) сказывал один иноземец Кисть и выдавал всей своей земли чертеж с подписанием их грамоты”» (РТЭ. С. 455)¹⁶⁷.

Но далее Б.П. Полевой пишет, что Санъэмон «*позже* (курсив наш. – К.Ч.) и сам дал некоторые сведения о Японии»¹⁶⁸, что соответствует данным Козыревского¹⁶⁹.

Если к сведениям, сообщенным самим Санъэмоном, долю которых точно определить затруднительно, добавить сведения, которые русский землепроходец услышал в его переводе на русский язык от упомянутого японца Кисити и его товарищей-японцев, то будет ясна его более значительная, чем считает Б.П. Полевой, роль в ознакомлении русских с Япони-

ей. Кстати, С. Мураяма в своей упомянутой монографии 1971 г. (второе издание вышло в 1988 г.) пишет о важной роли Кисити в сборе информации о Японии для И.П. Козыревского.

Так же слишком категоричным представляется и вывод Б.П. Полевого, что «никто из японцев не мог дать какие-либо сведения Козыревскому о Курильских островах»¹⁷⁰ на том основании, что японцы сообщили ему: «Мы де, нифонцы, в сиверную сторону на иные острова (кроме Матмая. – *К.Ч.*) не ходим»¹⁷¹. Ведь японцы получали о Курильских островах, особенно о южной их части, сведения от айнов, с которыми они вели регулярную торговлю¹⁷².

Вместе с тем, однако, справедливым является замечание историка, что вскоре после публикации упомянутой статьи С. Мураямы некоторые неточные данные о Санъэмо-не (мы относим это бесспорно лишь к месту его рождения) были ошибочно использованы в зарубежных научных и других работах¹⁷³.

В соответствии с упомянутым указом Петра I от 17 марта 1710 г., а также распоряжениями главы Сибирского приказа князя М.П. Гагарина якутский воевода Д.А. Траурнихт 9 сентября 1710 г. направил наказную память якутскому казачьему десятнику Василию Савостьянову, посланному на Камчатку, исполнить повеления царя о налаживании отношений с Японией.

В этом документе предписывалось: «Чтобы учинить с Японским государством меж русскими людьми торги немалые, как и у китайцов с русскими людьми бывают торги... и проводить ему, какие у них в Японском государстве узорчатые товары обретаютца, также и русские товары в том государстве какие надобны, и на которые походы болши бывают, и станут они с русскими людьми торги иметь, и воинские епонские люди какое у себя оружие и битву, и к воинскому делу каковы удобны и какими путями проезд к ним бывает, о том вышеописанном о всем осведомиться подлинно и писать»¹⁷⁴.

Казачий десятник В. Савостьянов этот наказ не выполнил. Отчасти это удалось казакам, освободившим японцев,

спасшихся в 1710 г. в Калигерской губе после кораблекрушения, о чем упоминалось ранее, а более успешно – в результате первых походов 1711–1713 гг. русских землепроходцев на Курильские острова.

Итак, первые японцы, появившиеся в России, позволили получить первоначальные, самые общие сведения о Японии, порой еще довольно скудные, и положить начало изучению японского языка в результате открытия специальной школы, где они использовались как учителя будущих переводчиков. Таким образом были созданы благоприятные предпосылки для подготовки новых экспедиций на Курилы и в Японию с целью установления с нею торговых отношений.

3. «Проведывание» Курильских островов отрядом И.П. Козыревского (1711– 1713 гг.) и его сведения о Японии

В 1711 г. в соответствии с упомянутым указом Петра I от 17 марта 1710 г. и наказом якутского воеводы Д.А. Траурнихта казачьему десятнику В. Савостьянову исполнить повеление Петра I «о проведывании Апонского государства и учинении с ним торгов»¹⁷⁵, И.П. Козыревский со своим сподвижником-землепроходцем есаулом Д.А. Анциферовым во главе отряда из 75 человек после расправы с приказными чинами за бесчеловечное обращение с казаками, злоупотребления и отказ отпустить казаков «проведать Апонское государство» направились для выполнения этой задачи на острова, лежащие к югу от Камчатки. В результате своего похода он установил, что «Матманское¹⁷⁶ и Апонское государства» лежат за грядой открытых ими островов, жители которых стали вступать в русское подданство.

В 1712 г. Сибирский приказ распорядился выяснить, «какими путями в сию землю проезд» и «могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что годно им из Сибири»¹⁷⁷.

В 1713 г. И.П. Козыревский с отрядом из 66 человек возглавил новую экспедицию с целью «проведать от Камчатского носу за переливами морские острова и Апонское государство»¹⁷⁸. В результате этого похода, приняв в русское подданство местных жителей (айнов) с островов к югу от Камчатки, он собрал у них и у освобожденных им из их плена за выкуп японцев сведения об «Апонском царстве».

Эти сведения И.П. Козыревский, которого по праву можно назвать русским первооткрывателем Страны восходящего солнца, в 1714 г. изложил в «доезде» (отчете) камчатскому приказному начальнику В. Колесову.

Известно, что позднее – в июне 1726 г. И.П. Козыревский, приняв к тому времени монашество, встречался в Якутске с руководителем первой Камчатской экспедиции В. Берингом, которому рассказал, что ему было известно о Японии и островах к югу от Камчатки, и предлагал свои услуги в освоении морского пути в Японию.

Среди документов, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, есть дело под названием «Доношение капитану Берингу от монаха Игнатия Козыревского 1726 г.» (Ф. 199. Портфели Г.-Ф. Миллера. Ед. хр. 533. Д. 2)¹⁷⁹. «Описание Апонского царства», составленное И.П. Козыревским, отсутствует.

Но в том же фонде (Д. 8) находится «Описание Апонского государства» 1737 г. с надписью на полях, сделанной рукой академика Г.-Ф. Миллера, что это описание передано ему 20 января 1737 г. в Якутске сотником Мохначевским и содержит сведения о Японии, полученные от И.П. Козыревского, направленного в 1710 г. на Камчатку. Однако подпись И. Козыревского в отличие от других его документов, например «Доношения В. Берингу 1726 г.», «Чертежа Камчадальскому носу и морским островам» и его челобитных, в конце данного документа отсутствует. Вероятно, поэтому С.И. Баскин приписал авторство «Описания» Г.-Ф. Миллеру.

Известно, что в 1732 г., после награждения Сенатом И.П. Козыревского 500 рублями за службу в районе Камчатки,

«проведывание Апонского государства» в 1711 и 1713 гг. и попытку пройти на Камчатку и далее к Японии из района устья р. Лены в 1728–1729 гг. он был по доносу сибирских властей расстрижен и приговорен к смертной казни за выступление в 1711 г. против камчатских приказных. В связи с этим высказывались предположения, что «Описание Апонского государства» было составлено не в 1737 г., а в 1731 г., незадолго до лишения И.П. Козыревского монашеского сана.

Однако тщательное изучение особенностей этого «Описания» и сличение почерка переписчика «Доношения капитану Берингу», составленного 2–6 июня 1726 г., с почерком автора «Описания Апонского государства» дает возможность заключить, что оба этих произведения – самостоятельные цельные части одного и того же документа – «Доношения В. Берингу от И.П. Козыревского», написанного в 1726 г. В частности, неоспоримым аргументом в пользу этого заключения является полное тождество бумаги и идентичность водяных знаков в виде царской короны с надписью под ней на иностранном языке. При этом часть водяного знака на листе одного из упомянутых документов при сложении полностью совпадает с другой частью этого же знака на листе другого документа.

О справедливости такого вывода свидетельствует также общая пометка «Копия» для всех трех отдельных частей документа, сделанная над заголовком в правом верхнем углу «Доношения». В «Описании» и в «Чертеже Камчадальскому носу» такая пометка отсутствует, хотя эти части также, несомненно, являются копиями, сделанными с основного документа И.П. Козыревского.

Поскольку подпись И.П. Козыревского воспроизведена в конце «Доношения» и в конце «Чертежа», то «Описание Апонского государства» представляет собой, по нашему мнению, вторую, самостоятельную часть «Доношения».

В пользу высказанного положения свидетельствует также то обстоятельство, что в третьей, по нашей классификации, части «Доношения» – «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам» – есть карта, на которой представлен план района от

Камчатки до о. «Матмай» (о. Хоккайдо). Современная карта-схема южной части Курильских островов с некоторыми географическими названиями представлена на рис. 1.

9. о-вов Шишки или Шашки (Кабуто с о.-ск. Свеча (Росоку)

10. о-ов Лисьих (Тодо) с о.-ск. Парус (Хокаки)

11. О.-ск. Тумба

12. О. Юрий

13. О.-ск. Удивительная (Ханарэ), или Моэсигэдзиру

14. О. Сигнальный (Кайгара)

15. О.-ск. Осыхающая (Одокэ)

16. О. Сторожевой (Муйка)

*Рис. 1. Некоторые географические названия
Южной части Курильских островов*

Составлены зам. Директора Института земледения АН СССР Ю.К. Ефремовым с участием автора.

Итак, можно сделать вывод, что этот важный документ по истории зарождения русско-японских отношений был переписан для прибывшего в Якутск в 1736 г. академика Г.-Ф. Миллера в январе 1737 г. Поскольку три входящие в него части носят самостоятельный характер, документ был расшит Миллером, и его составные части включены в разные дела за 1737 г.

В 1953 г. И.И. Огрызко в «Ученых записках ЛГУ» (серия факультета народов Севера. Вып. 2. № 157. С. 190) датиро-

вал обнаруженный им подлинник второго варианта «Чертежа И.П. Козыревского» 1726 г. До этого считали, что чертеж 1726 г. сохранился лишь в «миллеровской копии», то есть копии 1737 г., в которой якобы два чертежа – «Чертеж Камчадальскому носу» и «Чертеж морским островам» – сведены в один «Чертеж».

К этому выводу И.И. Огрызко пришел на основании неточной интерпретации фразы из копии «Доношения» И.П. Козыревского В. Берингу (1726 г.), что отважный русский землепроходец подал руководителю первой Камчатской экспедиции вместе с «Доношением» «Чертеж как Камчадальскому носу також и морским островам»¹⁸⁰. В действительности, как удалось теперь установить, речь шла об одном чертеже, на котором были изображены как «Камчадальский нос», «також и морские острова».

Так называемая «миллеровская копия» этого «Чертежа», как видно из написанного рукой академика Г.-Ф. Миллера текста над заголовком приложения к «Описанию», была прислана ему 20 января 1737 г. якутским сотником Мохначевским.

Рядом с заголовком «Описания Апонского государства 1726 года» И.П. Козыревского содержалось важное упоминание о том, что «Его императорского величества указом велено проведывать Апонское государство»¹⁸¹.

Сам текст «Описания» гласил:

1.

Государство стоит в великой губе над рекою¹⁸², а званием их Едо общим Нифонское государство, а люди называются государственные городовые ни-фонца¹⁸³. А от моря стоит не в дальнем расстоянии и морские суда не подходят и стоят на усть реки и возят всякие товары мелкими судами, особливыми на то устроенными, а приходят и отходят безпрестанно, понеже зимы нет, в полдень и в запад и в север к Камчатской стороне, в Матмай и в другие города. А городов каменных два, и по стенам пушки. А царя своего не видят, а когда бывает ход, и в то время падут на землю и смотреть не смеют. А звание

оному царю Кобосома Телка¹⁸⁴. И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают ради управления наместников.

2.

А круг Нифонта острова¹⁸⁵ обхождением морем, сказывают, едва можно годишным временем и больше обойти.

А означенных из полонных нифонцов один человек (подал) чист(овой) всей своей земли чертеж с подписями их грамот, а под ево письмом я подписывал своею рукою, и про то опознали товарищи его Ширякие¹⁸⁶ и другие, учинилось быть меж ими вражда и свара и драка о том и больше сего, что по сем чертеж¹⁸⁷ объявил после моего оной иноземец письменно не объявлять о городах и словесно сказывать, понеже другие товарищи его запретили ему письменно объявить и чертежем после моего оной иноземец тайным обычаем о звании своего государя сказать також нифонскаго и других¹⁸⁸, а по объявлении онаго и другие после сказывали и иные много запомывал, понеже по их вере въявь при других людех царя своего называть именем не смеют, а сказывали незнатные люди и не выдают¹⁸⁹.

3.

Из Акикония города¹⁹⁰ ходили в (узакинское) государство иноземцы с торгом, а именно с лесом и, роздав лес, купили вина, табаку, гороху и возвратяся, недошед до города дни с три отнесло в море относным ветром, а на судне были только работные люди, а хозяева де горою пошли, из государства в свой град поехали, и как их отнесло от земли, и они де дерево срубили¹⁹¹.

4.

Город Какокунии великое¹⁹² особое владение, а владеют узакинскому царю¹⁹³ свойственник ближней. А в сем городе злато и лесу множество и судовое строение, при других владениях богатство изобильно. И сего города жителя в прошлом

710-м году¹⁹⁴ в апреле месяце к Камчатской земли принесло, а бусу разбило (у) города Таланну¹⁹⁵.

5.

В губе морской близ моря стоит великий город званием Ища¹⁹⁶, особливое владение, а владеет званием их Уат Етвемя¹⁹⁷, подобен большому царю Кобосоме¹⁹⁸.

6.

Из Нифонского государства в Узинское государство морем приход полгода, а горою ход полтора месяца, а морем в два и три месяца и в один месяц бывает же, понеже морской путь неравно. А узинскому царю звание их Кубо Накама Телка¹⁹⁹. И во оное государство приходят из других государств, також из Китайского государства, понеже из полуденных иноземцев и один человек званием Кисть в Узинском государстве²⁰⁰ де бывает и видел других государств торговых людей. А в Узинском государстве многое число всяких вещей и серебро у них де родится и всякие товары и шелковые делают.

7.

На их же земле Нифоне острове, сказывают, есть например будто монастырь, сей стоит на горе дивно, в котором обретается множество церквей их и безчисленно богомольщиков чернцов, которым и жалованье присылается от царя, и всякие люди за моление их дают.

8.

А хлеб де у них родится по трижды в год, и овощ земной, плод всякий беспрестанно. А табак сеют и множество делают и родится. А пашут де крестьяне на быках. Також де шелковые и всякие товары делают мужики и бабы.

9.

И войну из давних лет у них во Нифоне острове между владящими²⁰¹ не сказывали, но токмо мир меж собою. В полуденной стороне в подданстве (они пребывают), а владельцы (их

принадлежат) Узинскому, а в востоке и севере Нифонскому (государству). А все ли владельцы, которые имеют у себя города каменные или не все в подданстве ко оным государствам, про то вдостаток²⁰² не уведомился, понеже полоненными служащими людьми нифонцы русскому языку вдостаток не знают, та кож де и я большим разговором не заобыкновен²⁰³. А сказывали многие полонные нифонцы все особливых владетелей у них на Нифоне близ осьмидесяти, а имянно на морском острове.

10.

Да у них же Нифоне острове обретается великий властитель, например папа, или кто он званием их Фоносома, которому цари и другие властители поклоняются и честь все отдают аки богу, или Фоносома бог их²⁰⁴, того вдостаток не уведомился. Для того полоненные иноземцы²⁰⁵ разговору и русскому языку вдостаток не обыкли²⁰⁶ в то время, когда они у меня были и жили. А звание оным нифонцам при сем же чертеже²⁰⁷, где и на которых реках взяты в полон, подписаны имена их.

11.

Город великий званием Шенда²⁰⁸, а владеет сродственник нифонскому царю, и от того города к государству есть на море остров, на котором съезжаются ради молбища, приносятся дары – злато и серебро, вещи и множество иного имени обретается. А ежели кто от того украдет, и тому скорое обращение бывает, жилы станет корчить, а тело сохнет. А ежели кто и забвением учинит или на ногах на обуви принесет, и тому обличение бывает.

Того ради имеют на себе особое одеяние ради моления, а как де возвратятся оттуды совлачают с себя оную одежду и прилепший прах отверзают и облачаются в первую одежду.

12.

Народ острова онаго на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят. И ружья им при себе держать не повелено и не имеют, опричь сабель, и то у знатных людей.

Також и торговым людям, которые ходят морем, при себе никакова ружья²⁰⁹ не имеют.

А в службу выбирают с велика возраста людей и обучают при своей обыкности²¹⁰ в особливом городе, а обуча и приводят в государство. А к воинскому делу зело не искусны и боязливы (так в тексте, что неверно. – К.Ч.). Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда глаза руками закроют и падет на землю, також и про других своих людей сказывали, а именно про нифонцов.

13.

Город Найбу²¹¹ стоит близ моря, владение же подданное и ходят же бусы их званием фуне²¹² в Матмай и в другие города, сего де города не минуют, понеже стоит в притоке.

14.

На сей стороне стоит город Сынари²¹³, особливое владение, в подданстве их языку в Нифонское государство и приходят с большей земли²¹⁴ к западной стороне и китайских де городов, которые города над рекою Шингалом²¹⁵, також и от других владений и городов с торгами, а путь в государство морем, а горою в две недели ездят.

15.

Да близ губы есть остров караульной²¹⁶, которого невозможно миновать, и осматривают людей и наипаче ружья и товары, и не товары выписи дают, також из государства пойдут потому ж осматривают. А тот ли остров, на котором молбище или иной, о том не уведомился, забвением не спросил. Також де и по дорогам к государству многие караулы.

16.

Город Матмай стоит в проливе близ моря, подданный Нифонскому государству, а сказывали полонные иноземцы, что де не в дальних годех оной город Матмай построен. А которые де люди явятся в винностях каких, и таких людей ссылают с Нифона в Матмай²¹⁷ в ссылку. А Матмайского города люди

при себе имеют всякое ружье ради оберегательства; в городе пушки и разное ружье и суда и снаряды. И меж Матмайским и Нифонским островом в означенном сем проливе с обеих сторон прилегли носы²¹⁸, и когда бывает ветер боковой, а вода прибылая и убылая, и тогда в путь тот бывает бусам, их языком фу-не, великая нужда²¹⁹, едва в отстой с нуждою попадают, а иногда и разбивает, понеже против носов не широко.

А означенных иноземцов Кисть означил чертежем против его и к Камчатской стороне, а именно на полуострове и на другой половине проливу, а сказывают, что де иноземцы их званием Ёго²²⁰ Матмайского и в других островах.

Приходят в Матмай город с рыбою и с китовым жиром и с кожами звериными, и они знаются де Матмайского города с жителями²²¹ по своему языку говорят, и к нам с Матмая ходят, и мы де, нифонцы, далее Матмая ходим и на иные острова²²².

17.

А от Камчатского носу и сим Матмайским островом всего больших и малых и пустых двадцать два острова²²³, в том числе побочных по стороне пути семь островов, и в котором живут какие народы и что промышляют, и какие товары делают, и чем торгуют, и ради промыслу и земнаго плода ходят (вдостаток не уведомился). И на оных иноземцы не живут от прочей великой нужды, разве кто у промыслу зимней случай застигнет²²⁴ и в море бывает великое безвременное волнение и о том значит на каждом острове подпись²²⁵ також и переливом²²⁶ мелкими судами (бывают) временами иноземцы.

Итак, мы согласны с мнением С. Мураяма, который считает, что сведения, сообщенные японцами, являются вторыми по значению после «скаска» Дэмбэя, содержали весьма значительный по тем временам объем информации о Японии. Этот вывод японский ученый сделал на основании проанализированных им записей о его стране И.П. Козыревским на «Чертеже Камчадальскому мысу и морским островам» (более 8500 знаков)²²⁷ и свидетельства Г.-Ф. Миллера о том, что от этих

японцев были получены разнообразные данные о Японии и что уровень их знания русского языка, судя по надписям на упомянутом чертеже, вопреки приведенной точке зрения И.П. Козыревского, был далеко не низким²²⁸.

Следует также учесть, что объем сведений о Японии, содержащихся в «Описании Апонского государства» 1726 г. И.П. Козыревского (более 9 тыс. знаков), впервые введен автором настоящей работы в научный оборот в 1975 г.²²⁹, через четыре года после публикации исследования С. Мураяма²³⁰.

4. Попытки Большого Камчатского наряда Я.А. Елчина «проведать» Японию (1716–1719) и экспедиция И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина (1719–1722)

Вслед за экспедициями И.П. Козыревского в 1716 г. по указанию Петра I началась организация сибирским губернатором князем М.П. Гагариным первой правительственной экспедиции на Дальний Восток – Большого Камчатского наряда. В его указе от 12 июля 1716 г. якутскому воеводе полковнику Я.А. Ельчину предписывалось «тщательно исследовать острова близ Камчатского мыса, отыскивая золотую и серебряную руду, медь, другие полезные ископаемые, краски и жемчуг», а «в случае встречи с японцами осведомиться о Японии и буде можно, то послать кого в Японию с торгоммышленного человека»²³¹.

6 сентября 1717 г. назначенный руководителем Большого Камчатского наряда Я.А. Ельчин направил новому якутскому воеводе И.В. Ракитину документ об обеспечении всем необходимым при «проведывании» новых земель и островов в районе Камчатки и приказал «посылать для торгу в Японские государства»²³².

К 1719 г. экспедиция из Якутска добралась до Охотска. Ее отряды были направлены на север, юг и восток. Посланные на восток имели возможность использовать для «проведывания

Японии» японца Мацубэ, пострадавшего в 1710 г. в кораблекрушении у берегов Камчатки и получившего после крещения имя и фамилию Яков Максимов, но не использовали, так как в состав русской экспедиции, отправившейся к берегам Японии в 1742 г., его включили позднее²³³.

Выходец из г. Кинокуни (центральная часть о. Хонсю), как это видно из впервые вводимого ниже в научный оборот документа²³⁴, о себе и своей стране рассказал: «(Я) поехал на бусе морем для торгового промыслу... в столичный город, именуемый Еду (Эдо. – *К.Ч.*) и в том пути застигла их жестокая погода и носило их тою великою погодою по морю с месяц и принесло к Камчатскому берегу... И было их сперва всех тринадцать человек, а на Камчатку пристало жить толь три человека. И тогда взяли тамошние жители камчацкие казаки и привели выходцев, где они жили и крестилися в христианский закон.

Чюжестранные корабли приезжают на малой о-в близ большого Япон о-ва, а на больш. о-в японцы их не пускают. А на тех кораблях привозят к ним всякое коренье, а за то берут золото и серебро, кои они в Епонии сыскивают на о-ву, именуемом Саноо [?].

От Камчацкого берегу ближе всех Японских о-вов один остров, кои они называют Матмай... и от которого города до Камчатского мысу называетца Эзо... А от Матмайского города к ним в Епонии до города Акеты (Акита. – *К.Ч.*) ходу морем считают один день, в котором месте у них большая часть родится пшена ... Ружья огненного имеют такое, как и у китайцов»²³⁵.

Хотя одна из целей экспедиции – побывать в Японии «для торгу» – из-за нехватки средств достигнута не была, новые пути, проложенные из Якутска по р. Лене, Алдану, Майе, Юдому, волоком до р. Урак и по ней до Охотска и далее морем до Камчатки вместо прежнего, более опасного и длинного, через Верхоянск, Индигирск, Алазейск и Колымские остроги, явились важным подготовительным этапом для последующих экспедиций геодезистов И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина, а также М.П. Шпанберга и В. Вальтона на юг, вдоль Курильских островов в поисках Японии.

2 января 1719 г. Петр I в своем указе предписал двум упомянутым геодезистам «ехать до Камчатки и далее куда вам указано» и «описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»²³⁶. Академик Г.-Ф. Миллер, ссылаясь на сведения их спутника, морехода А.Я. Буша, рассказавшего о поисках ими серебряной руды на Курильских островах, которую якобы добывали, а отвозили к себе на родину жители Японии, полагал, что истинная цель экспедиции заключалась в поиске драгоценных металлов²³⁷.

Академик К.М. Бэр, развивая эту точку зрения, считал, что в отличие от официальной подлинная задача экспедиции состояла в собирании сведений о Японии, так как в указе царя содержалась отсылка на неназванное в нем направление поисков («куды вам указано»), которое, очевидно, было определено отдельно²³⁸. Однако отсутствие такого документа в научном обороте не позволяет, на наш взгляд, прийти к твердому убеждению, как это делает, например, Э.Я. Файнберг, что таковая секретная инструкция, заменяющая официальную письменную, существовала²³⁹.

Скорее всего прав Б.П. Полевой, который пришел к выводу, что официальная цель экспедиции совпадала с изложенной в опубликованном письменном указе, а действительный маршрут ее в сторону южной части Курил и Японии объяснялся особенностями географических представлений русских, заимствованных у голландцев и немцев, полагавших, что эти острова и «Земля Едзо, или Камчадалия», возможно, соприкасаются с Америкой²⁴⁰.

К сожалению, для обоснования своей точки зрения Б.П. Полевой делает акцент на поддержке безапелляционного мнения Г.-Ф. Миллера и К.М. Бэра, но не рассматривает взгляды ученых, которые допускают наличие как официальной, так и секретной миссий этой экспедиции.

На наш взгляд, признавая, что определяющим в этом вопросе является характер географических представлений Пе-

тра I и его окружения, следует считать поиски серебряной руды на Курилах и путей в Японию для установления с нею торговых отношений не «побочной задачей»²⁴¹ экспедиции И.М. Евреина и Ф.Ф. Лузина, а следствием общей цели их плавания, прежде всего в район южной части Курил, чтобы выяснить «сошлася ли Америка с Азией», исследовав там акваторию Тихого океана «не только на зюйд и норд, но и ост и вест».

Однако, попав в шторм, геодезисты выполнили поставленную задачу лишь частично.

Что же касается секретного характера экспедиции, то, по нашему мнению, это относилось не к ее общей цели, а к результатам, которые предполагалось достигнуть, чтобы наилучшим образом обеспечить экономические и политические интересы России.

Вопрос названию самого дальнего южного острова Курил, на котором высаживались геодезисты, приводя в подданство России местных жителей, окончательно до сих пор не решен. В литературе называют «пятый»²⁴² или «шестой»²⁴³ остров, считая от о. Шумшу, причем вопрос осложняется тем, что землепроходцы и мореплаватели в разное время пользовались различным порядком счета островов, и точно неизвестно, какой из них был выбран в данном случае. «Шестой» остров, на наш взгляд, более точно соответствует документальному свидетельству²⁴⁴.

Но оптимальным представляется определение по географическим координатам, вычисленным упомянутыми геодезистами посредством астрономического квадранта²⁴⁵ с учетом минимальной погрешности по сравнению с точными современными данными²⁴⁶.

Этот способ применен японским историком А. Такано. Как видно из приводимой таблицы, из трех встречающихся островов – Ловушки (С.И. Баскин), Шиашкотан (А. Полонский) и Харимкотан (Э.Я. Файнберг, А. Такано) – последний имеет наименьшее отклонение по широте от самого южного острова, ближнего к Японии ($48^{\circ}50'$ с.ш.), который посетили русские геодезисты²⁴⁷ (см. табл.).

Остров	Реальные координаты (по Липинкотту)	Координаты по И. Евреинову и Ф. Лужину	Погрешность русских геодезистов
Харимкотан	с.ш. 49°7'	с.ш. 49°0'	+7
	в.д. 154°32'	в.д. 37°40'	+116°52'
Шиашкотан	с.ш. 48°50'	с.ш. 49°0'	-10'
	в.д. 154°6'	в.д. 37°40'	+116°26'
Ловушки	с.ш. 48°33'	с.ш. 49°0'	-27'
	в.д. 153°50'	в.д. 37°40'	+116°10'

У «шестого» острова И.М. Евреинов и Ф.Ф. Лужин попали в тайфун, который нес их на юг до «шестого на десять» острова (Я. Лиденау)²⁴⁸ или даже до «осьмого на десять» Курильского острова (В. Беринг)²⁴⁹. С.П. Крашенинников писал, что эти геодезисты «доезжали почти до Матмая»²⁵⁰, вероятно, потому, что этот остров показан 16-м на карте 1712 г. И.Б. Гомана, переданной ему Петром I²⁵¹. Это, по-видимому, и дало основание Э.Я. Файнбергу²⁵², а за ней и А. Такано²⁵³ полагать, что русские И.М. Евреинов и Ф.Ф. Лужин добрались вдоль Курильских островов до акватории о. Кунашир.

Курилы ими были названы «Острова Японские», скорее всего, чтобы подчеркнуть значимость своего вояжа для открытия Японии, хотя японцев они там не встречали²⁵⁴. На их карте изображено 14 более или менее крупных Курильских островов²⁵⁵, но не 16 или 17. В связи с этим А. Такано логично замечает, что при подсчете общего количества островов на этой карте необходимо учесть еще несколько мелких островов²⁵⁶, обозначенных точками. Результаты экспедиции геодезистами были лично доложены в мае 1722 г. в Казани Петру I, и «он был тщаниями их весьма доволен и оказал высочайшее свое к их трудам благоволение»²⁵⁷.

Почти в то же время, в конце апреля 1722 г., торговый агент России в Китае Н. Христиани прислал в Коммерц-коллегию материалы о торговле Японии, ее географическом положении,

вооружении и гонении на христиан. В реляции Н. Христиани отмечалось, что внешняя торговля Японии осуществляется через южные порты Кагосима и Хирандо, что они «изобильны золотом и серебром», «с которыми кроме галанцов никто не торгует, а товары суть кожи сыромятные»²⁵⁸.

5. Первая Камчатская экспедиция (1725—1729 гг.) и экспедиция А.Ф. Шестакова (1727—1730 гг.) в поисках Японии

23 декабря 1724 г. был издан указ Петра I о новой экспедиции под командованием В. Беринга, согласно официальной версии – для выяснения вопроса о морском проходе между берегами Азии и Америки в направлении Японии, Китая и Индии, однако в инструкции царя от 6 января 1725 г., врученной Екатериной I в Берингу 5 февраля того же года, из четырех сторон света подчеркивалось направление от Камчатки «возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля – часть Америки», и «для того изкать где она сошлась с Америкою...»²⁵⁹ Эта версия русских экспедиций на Тихом океане, которая соответствовала общим задачам внешнеэкономической политики России, но в данном случае носившая более конкретный характер, к тому времени получила известность через иностранных дипломатов и в странах Западной Европы.

Так, в 1721 г. посол Франции в России Кампредан после заключения русско-шведского мирного договора писал, что Петр I намерен «на Ледовитом море» строить корабли, «приспособленные к плаванию по этому морю, по которому, если оно судоходно, можно не более чем в два месяца доплыть до берегов Японии, тогда как англичане и голландцы, вынужденные совершать для этого кругосветное плавание, употребляют полтора года»²⁶⁰.

По аргументированному мнению Б.П. Полевого, смерть императора в январе 1725 г. помешала Берингу получить у него

разъяснение, какими картами пользоваться при выполнении задания – Н. Витсена или И. Гомана 1722 г. На одной из работ И. Гомана – карте Камчадалии «земля, которая идет на норд», была изображена без названия, а на других – картах Северной Америки – эта мифическая страна именовалась либо Северной землей, либо Землей Жоана де Гама, либо Землей Эдзо – названием, совпадающим с наименованием о. Эдзо (Матмай, ныне Хоккайдо) на севере Японии²⁶¹.

В. Беринг решил проложить маршрут экспедиции по картам Н. Витсена и направился на север от Камчатки, где впервые прошел между Азией и Америкой с востока на запад в августе 1728 г. через пролив, получивший затем название пролив Беринга, и открыл о. Ратманова. Попытка найти в Тихом океане землю к востоку от Камчатки не увенчалась успехом из-за тумана, и, обогнув после зимовки в 1729 г. ее с юга у берегов северной части Курил, В. Беринг, зайдя в Большерецк, в июле того же года завершил свою первую экспедицию на Тихий океан.

В первой публикации об итогах этой экспедиции сообщалось, что В. Беринг добрался до 67°19' с.ш. и «тогда он изобрел, что тамо подлинно северо-восточный проход имеется, таким образом, что из Лены, ежели бы в северной стране лед не препятствовал, водяным путем до Камчатки и тако далее до Япона, Хины (Китая. – К.Ч.) и Ост-Индии доехать возможно б было»²⁶².

Осенью 1724 г. (после 9 октября) в Петербург, а затем в Кронштадт приехал якутский казачий голова А.Ф. Шестаков с картой Камчатки, Курил и Японии. Он предложил в своей челобитной, поданной в кабинет Его Императорского Величества, организовать экспедицию для «приискания» новых земель в этом районе и выразил пожелание «е.и.в. послужить на новых землях... и в Анадырску, и на Камчатке, и на морских островах»²⁶³.

На этой карте, вычерченной на основании данных И.П. Козыревского и опроса местных жителей, отсутствует мифическая земля Эдзо как синоним Северной земли, или

Земли Ж. де Гама, изображенной на карте И. Гомана, которая вводила тогда в заблуждение исследователей северо-западной части Тихого океана в вопросе о взаимном географическом положении Японских и Курильских островов в отношении Камчатки и Северной Америки с прилегающими к ней островами Тихого океана.

На этой карте у ее нижнего обреза помещен о. Хонсю – Нифон (Япония) – с несколькими городами: Исэ, Сэндай, Намбу, Цугару, Кумано, а также столицей Эдо (ныне Токио), «царь которого называется на их языке кула сума тенку» (кубо-сама тэнка – титул сёгуна. – *К.Ч.*). Далее с юга на север изображены о-ва Матмай, Кунашир, Итуруп, Уруп – до Шумшу у южной оконечности Камчатки со следующими пояснительными надписями: «Уруп населен всевозможными животными, жители плавают на Кунашир. Итуруп – очень заселен... жители торгуют с Камчаткой... Кунашир, сюда приезжают на судах с Матмая торговать в обмен всякого рода товарами, тканями, котлами, соболями, лисицами, которых меняют на орлов и их перья»²⁶⁴.

Новым важным обстоятельством является более реальное изображение рудников драгоценных металлов на главном о. Японии²⁶⁵, которое на чертежах И.П. Козыревского помещалось на «шестом» о. Курил (о. Райкоке, у него – Шококи)²⁶⁶. Кроме того, карта А.Ф. Шестакова позволяет почти полностью восстановить облик утраченного чертежа «морским островам» И.П. Козыревского, который «проведывал» путь в Японию (рис. 2).

Японский историк Тосиюки Акидзуки вполне обоснованно писал об этой карте, что составить представление о не дошедшем до наших дней «Чертеже всех островов до Матмай» 1713 г. И. Козыревского можно только на основании карты А. Шестакова, так как их описание в основном соответствует данным, содержащимся в «доезде» (отчете) И. Козыревского²⁶⁷.

Как видно из приведенных документов, экспедиции В. Беринга и А.Ф. Шестакова не дублировали, а дополняли по своим задачам одна другую.

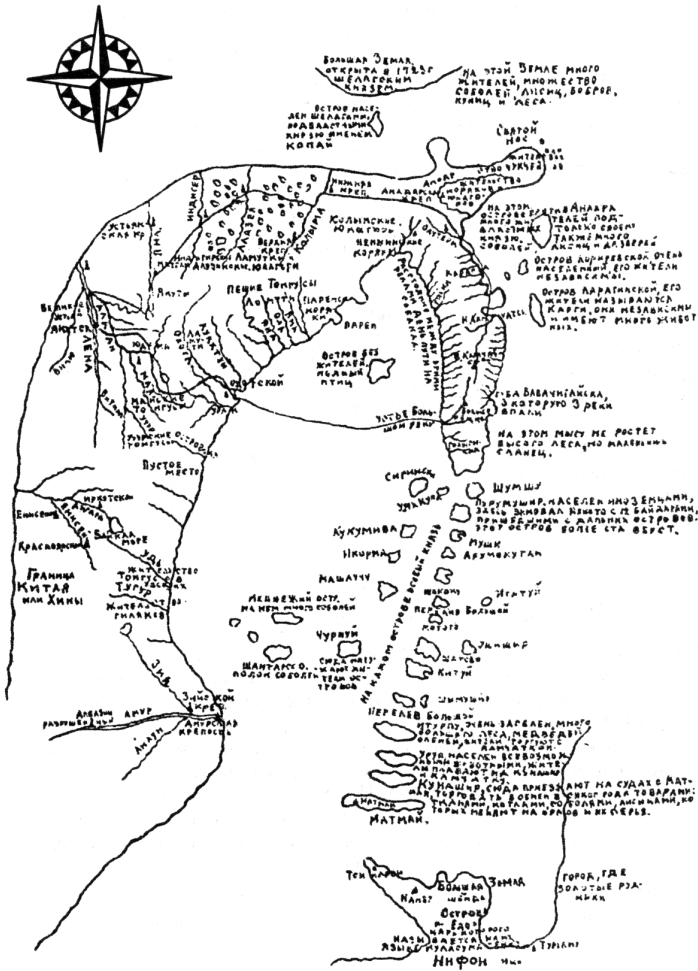

Рис. 2. Карта А. Шестакова с изображением Курильских островов от Камчатки до Хоккайдо, 1726 г.

Проект организации экспедиции на Дальний Восток, разработанный А.Ф. Шестаковым, и его карта вызвали большой интерес в высших правительственных кругах. Среди

других сановников А.Ф. Шестакова поддержал также обер-секретарь Сената России И.К. Кириллов. Он, «видев от отправления Берингова, что только одно известие, соединяется или не соединяется Америка, привезет, а о интересе настоящим от него ожидать нечего, то искал случая, каким бы образом туда для сыскания новых земель и иных полезных дел кого возбудить»²⁶⁸.

В донесении Сената по этому проекту от 18 января 1727 г., представленном Екатерине I, подготовка и апробация которого потребовала около двух лет, в пункте 3 (в частности, о «причинах» экспедиции) говорилось: «Для познания по Восточному морю морского ходу, от которого может впредь воспоследовать коммерция с Японию, или Китайскою Кореєю, понеже между Камчатки и удского и ламского берегов море теплое, а не ледовитое»²⁶⁹.

Указ Сената об организации новой экспедиции, перед которой были поставлены более широкие задачи по сравнению с первой экспедицией В. Беринга, последовал 23 марта 1727 г. на основе упомянутого «доношения» и резолюции Верховного тайного совета.

Экспедиция отправилась в путь из Охотска в 1729 г. и была закончена в 1730 г., после гибели А.Ф. Шестакова и некоторых его спутников на севере Камчатки в бою с чукчами, которых они преследовали после нападения последних на коряков. Входивший же в его экспедицию отряд под руководством капитана Д.И. Павлуцкого (в нем был и сын А.Ф. Шестакова) в том же году совершил поход по направлению к Японии. Д. Павлуцкий добрался до северной части Курил, принял в подданство местных жителей с о-вов Шумшу, Парамушир, Онекотан, Ширинки и, по сведениям А. Сгибнева, еще с одного острова без указания названия²⁷⁰.

В связи с тем, что в «наказной памяти» от 22 июля 1731 г. о порядке взимания податей на Курилах, составленной в результате этого похода, были поименованы только четыре острова, в записке правительству России в 1733 г. обер-секретарь Сената И.К. Кириллов писал, что «в полуденную

сторону все острова до самой Японии подлинно никому неподвластные и уже четыре острова от команды в подданство приняты, то ж на о. Ессе (о. Эдзо. – *К.Ч.*) и названной Земли Компании (о. Уруп. – *К.Ч.*)²⁷¹ рассуждать надлежит, что все не может миновать российского владения, только бы к нынешнему началу не ослабевали впредь помощи»²⁷².

6. Школа японского языка в России в 30–40-х годах XVIII века

Летом 1729 г. у устья р. Казаченя, на восточном берегу мыса Лопатка – самом юге Камчатки – высадилась упомянутая В. Берингом в 1730 г. команда из 17 японских моряков с судна «Вакамия-мару». Это судно из г. Сацума (ныне г. Кагосима) с о. Кюсю направлялось с товарами в г. Осака, попало в шторм, потеряло управление и более полугодом носилось по воле ветра, пока его не прибило к берегам Камчатки. Товары предназначались правителем княжества Сацума Мацудайра Осуми-но-ками в основном его служителям в г. Осака. С. Мураяма установил, что так стали величать с 1714 г. Цугутё Симадзу (1701–1772)²⁷³.

Добравшись на лодке до берега, японцы в течение 23 дней жили в шатре. Затем их обнаружил казачий пятидесятник Андрей Штинников с камчадалами. Японцы обрадовались, подарили им свое платье и оружие. К удивлению японцев, через два дня А. Штинников и его спутники внезапно ушли ночью. Японцы тоже снялись с места, сели в лодку и, проплыв верст 30, обнаружили свое судно, которое русские сломали, чтобы забрать с него железные изделия. Увидев японцев, А. Штинников приказал организовать погоню на легком судне. Догнав их, камчадалы побили японцев стрелами, копьями и подаренными японскими мечами. В живых остались только купец – сын крупного торговца г. Сацума Содзаэмон (Содза) и сын штурмана малолетний Гондзаэмон (Гондза), раненный в руку. Взяв их в плен и присвоив себе вещи с японской лодки,

А. Штинников сжег японское судно и с добычей отправился в Верхне-Камчатский острог.

Прибывший туда примерно через полгода приказчик В.А. Шестаков – сын бывшего главного командира Камчатки А.Ф. Шестакова освободил японцев, предоставил им казенный кошт, отвез в Нижне-Камчатский острог, сдал штурману Я.Я. Генсу. В.А. Шестаков заключил в тюрьму А. Штинникова, доложив в Анадырске о его бесчинствах главному командиру Дальневосточной экспедиции (1727–1734) Д.А. Павлуцкому. В 1732 г. А. Штинников был казнен. В 1731 г. оба японца были перевезены в Якутск, затем по приказу воеводы А.П. Плещеева – в Тобольск, а в 1732 г. с сопровождающими, по устному распоряжению сенатора М.Г. Головкина – сына первого государственного канцлера России графа Г.И. Головкина – в канцелярию сибирской губернии в Москве, которая препроводила их в 1733 г. в Правительствующий Сенат в Петербург²⁷⁴. В Летнем дворце императрица Анна Иоанновна подробно расспрашивала их о Японии, заключениях. Гондзаэмон уже тогда хорошо говорил по-русски²⁷⁵.

Из второго донесения М.Г. Головкина Сенату от 13 апреля 1736 г.²⁷⁶ стало ясно, что этот государственный деятель был инициатором наиболее целесообразного использования Содзаэмона и Гондзаэмона после предварительной подготовки в учрежденной ранее «школе» японского языка в Петербурге, которая фактически бездействовала из-за отсутствия к тому времени в ней преподавателей и учеников.

На наш взгляд, было бы правильно считать, что по инициативе одного из первых лиц России – сенатора – и в конце карьеры вице-канцлера М.Г. Головкина²⁷⁷ возобновилось изучение японского языка после вторичного открытия этой школы.

20 октября 1734 г. при крещении Содзаэмон получил имя Козьма (Косьма) и фамилию Шульц – по своему крестному отцу Стефану Ивановичу Шульцу, а Гондзаэмон – имя Демьян (Дамиан) и фамилию Поморцев – по крестному отцу Василию Федоровичу Поморцеву.

В 1734 г. оба японца были отданы в учение к иеромонахам Луке Канашевичу и Варламу Скамницкому при Кадетском корпусе. В 1735 г. молодой и подающий надежды в учении 11-летний Гондзаэмон стал заниматься в семинарии при Александро-Невской лавре, а Содзаэмон, как недостаточно хорошо владеющий русским языком, был оставлен при Сенате.

Осенью 1735 г. по представлению М.Г. Головкина Сенат одобрил вопрос о переводе японцев в Десианс-Академию (Академию наук России). После уведомления императрицы Анны Иоанновны перевод их в это учреждение был оформлен указом Правительствующего Сената от 4 ноября 1735 г. – незадолго до окончания курса обучения японцев у иеромонахов.

С 11 ноября 1735 г. им назначили жалование по 10 коп. в день, и 24 ноября того же года зачислили в штат. В соответствии с упомянутым указом «повествование» новых сотрудников Академии об их приключениях было записано в «Краткой ведомости о бывших здесь в Санкт-Петербурге при Академии наук японского государства двух человеках» (без указания даты и автора), где события доведены до октября 1734 г.²⁷⁸

По предложению М.Г. Головкина, оба японца были помещены вместе для практики общения на японском и русском языках, было дано указание разыскать японские книги, отобранные в «немалом числе» с их судна при крушении, перевести на русский язык и использовать их для подготовки «весьма потребных» специалистов по японскому языку с учетом того, что экспедиция «Беринга или б кто другой для отыскания известного пути может дойти до Японии и учиница с Россией комерция». Намерения Петра I установить торговые и политические отношения с Японией были продолжены в начинаниях последователей его политики во второй четверти XVIII в.

Для подготовки к реализации этого плана 10 мая 1736 г. по проекту М.Г. Головкина Сенат принял указ, утвержденный 25 июня того же года императрицей, отказав в переводе двух японцев для лучшего «смотрения в Сенат под начало геодезиста С.И. Шульца»²⁷⁹ и в соответствии с этим указом распо-

рядился выделить двух солдатских детей, «кои поострей», в качестве учеников в школе японского языка, прибавить японцам жалование сверх 10 коп. еще 5 коп., разыскать японские книги, изъятые у них при кораблекрушении, и продолжить изучение ими канонов христианства у иеромонахов Кадетского корпуса²⁸⁰.

Для выполнения этого решения исполняющий обязанности президента Академии наук И.-А. Корф подписал приказ от 26 июня 1736 г. № 126, который предписывал: «По силе вышеобъявленных Правительствующего Сената и промемории приказываю оных японцев и при них солдатских детей для содержания отдать Андрею Богданову, которому их содержать при себе и обучать японцев русской грамоте, а показанным солдатским детям обучаться японскому языку, чего ему смотреть, дабы оные как японцы русской грамоте, так и солдатские дети японскому языку они обучали со всяким прилежным тщанием. А что им надобно к обучению на русском и других диалектах книг о том ему в якутскую канцелярию подать рапорт... для лучшего в вере греческого исповедания утверждения и наставления ходить им к обретающемуся в кадетском корпусе монаху»²⁸¹.

18 октября 1736 г. в возрасте 43 лет умер Содзаэмон (К. Шульц), а Гондзаэмон (Д. Поморцев) скончался в 21 год 15 декабря 1739 г.

За три с половиной года (с 1736 по 1739 г.) преподавания японского языка в Петербурге под руководством помощника библиотекаря АН России А.И. Богданова было подготовлено несколько учебных пособий для изучения этого языка.

На одном из учебников (по японской грамматике) имеется надпись, что «она писана [в] 1736 году японцем под надзиранием сего учения Андрея Богданова»²⁸², на другом – «Краткая грамматика. Склонение иапонских имен... писана японцем под надзиранием учителя русского языка Андрея Богданова. 1738 г.»²⁸³, а в «Японо-русском разговорнике» – «переведен [в] 1739 году японцем под надзиранием сего учения Андрея Богданова»²⁸⁴. Активное участие Гондзаэмона в подготовке

этих пособий свидетельствовало о его больших способностях и прилежании, отмеченных русскими властями.

Так, в протоколе Академии наук от 15 декабря 1739 г. было записано следующее: «По указу е. и. в. Академии наук, слушав от библиотечарского помощника Андрея Богданова сего декабря 15-го дня репорта, который объявляет, что бывший при Академии наук японец Демьян Поморцев вышеписанного числа умре того ради приказывали: для погребения оногo японца Поморцева, нащёт заслуженного жалования помянутому библиотечарскому помощнику Богданову выдать денег десять рублей, записав в расход с росписью, и о том комиссару коммерции послать указ»²⁸⁵.

Проявив к Гондзаэму глубокое уважение, императрица Анна Иоанновна повелела «с того умершего японца, – как о том говорится «В кратком известии о японцах, оные каким способом прилучилися в Российской империи», – списать живописный портрет, во образе алебастровую форму с лица его снять»²⁸⁶, поместив ее в императорской кунсткамере. «Тело же оногo умершего японца по христианскому обычаю погребено при церкви Вознесения Господня, имеющей на Амиралтейской стороне»²⁸⁷.

Незадолго до кончины Гондзаэмона – 24 августа 1739 г. Академия наук (протокол № 267) приняла для обучения японскому языку «под надзиранием А.И. Богданова» еще трех учеников – солдатских детей Тимофея Терентьева, Матвея Непорожного и Василия Красного, доведя число учеников до пяти²⁸⁸.

Особого внимания заслуживает мнение по этому вопросу С. Мураяма, так как он приезжал в 1965 г. в СССР и тщательно изучал в Ленинграде в Архиве АН СССР различные документы.

Сам факт преподавания японского языка в России в первой трети XVIII в. после указов Петра I и его преемников сомнений у японского ученого не вызывает, однако материалов о специальной школе японского языка он не обнаружил, поэтому пришел к выводу, что она была открыта лишь во второй поло-

вине XVIII в. в Иркутске. С. Мураяма объясняет, что до этого школа не была выделена под отдельным названием в качестве таковой и входила неотъемлемой частью в состав сначала Приказа артиллерии, а затем Кунсткамеры Академии наук России, напоминая церковно-приходские классы («тэра-гоя») при буддийских монастырях в Японии²⁸⁹.

Однако японский исследователь не смог ознакомиться с указом Сената России об обучении японскому языку от 18 июля 1739 г., который, в частности, гласил: «Объявленным ученикам Женаныкину и Феневу жалованья впредь производить солдатское против армейского, и для того их из солдатских школ выключить, да к оному же японцу²⁹⁰ той школы дать еще для обучения трех человек, которым жалованье давать, какое им доныне в той школе производилось (курсив наш. – К.Ч.)»²⁹¹.

О том, что эта школа не только существовала, но и вела активную подготовку кадров японоведов для внешнеполитической деятельности свидетельствует также фрагмент из челобитной ее руководителя А.И. Богданова Екатерине II, написанный в ноябре 1766 г. (пункт 12), который гласит: «По силе данного от Императорской Академии наук указу японскую школу содержал и к тому пять книг грамматических произвел для японского языка, которые в библиотеке хранятся»²⁹².

Сколько же было учеников в той школе, то есть отдельной школе японского языка, учрежденной до того времени, то есть до указа Сената, утвержденного императрицей Анной Иоанновной 25 июня 1736 г., не об «открытии или организации школы японского языка», как пишут О.П. Петрова и А.М. Куликова²⁹³, а об определении к двум японцам Создаэмону и Гондзаэмону двух солдатских детей, «чтобы они прилежнее их тому языку обучали»?

Первоисточник о школе японского языка в России, аналогичный первоисточникам о том, что в них обучались русские, к сожалению, в настоящее время не сохранился. Не исключено, что в 1879 г. сгорел Иркутский архив, где сохранились соответствующие документы, на которые в общей

форме ссылается А. Сгибнев²⁹⁴, утверждавший, что таковая школа существовала при Петре I.

Но вторичный источник – приведенный выше документ – подтверждается не только процитированным первоисточником, но и другим вторичным источником, конкретизирующим содержание упомянутого документа. Имеется в виду сообщение внука писателя Ф.М. Достоевского – профессора М. Достоевского, (по русским материалам), о том, что у Дэмбээя было четыре ученика, у его помощника Санъэмона (Санима), с которым он не ладил, – два, и первый из них был хорошим каллиграфом и располагал японскими текстами (их он использовал при преподавании японского языка), причем после кончины Дэмбээя Санъэмон продолжал вести занятия в Петербурге²⁹⁵.

О том, что оба японца обучали солдатских детей японскому языку, имеется также упоминание С.П. Крашенинникова.

7. Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743 гг.) и открытие пути в Японию

2 мая 1732 г. Сенат России предписал для новой экспедиции В. Беринга «построить суда и идтить для проведывания новых земель, лежащих между Америкою и Камчаткою, также от Камчатского Носа островов, продолжающихся к Японии, и особливых Шинтарских (Шантарских. – К.Ч.)» и «на открытых землях заботиться о установлении торгов или где неподвластные – о взятъе ясаку», соблюдая «при сношениях с иностранцами большую осторожность и не открывать им путь к камчатским берегам, чтобы в нынешнем тамошнем малолюдстве через ту причину не заняли нужных гаваней»²⁹⁶.

Из этого следует заключить, что задача завязывания взаимовыгодных экономических связей в политике России в отношении Японии и других стран сочеталась с необходимостью обеспечения безопасности русского государства.

4 декабря 1730 г. В. Берингу вручили распоряжение Сената о подготовке «известия» о положении дел на Камчатке и

в Якутии, и в ответ на это он внес свои предложения²⁹⁷, хотя академик В.Н. Берх²⁹⁸, А.П. Соколов²⁹⁹, А.А. Покровский³⁰⁰ и Э.Я. Файнберг³⁰¹ ошибочно относили их к 30 апреля 1730 г. – дате возвращения В. Беринга в Петербург после окончания Первой камчатской экспедиции. Это объясняется тем, что подлинники его предложений с датами в отличие от ранее опубликованных копий³⁰² были впервые изданы только в 1984 г.³⁰³

Итак, в конце 1730 – начале 1731 г. Беринг внес следующее предложение: «...ежели возможность допустит, и с японами торг завести, чего б не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться»³⁰⁴. Предложения В. Беринга в отношении Японии оказали влияние на характер инструкции, данной 10 июля 1731 г. сподвижнику Петра I, бывшему обер-прокурору Сената, генерал-майору Г.Г. Скорнякову-Писареву (1686–1747), назначенному 10 мая 1731 г. начальником Охотского порта.

В этом документе, в частности, говорилось: «Капитан Беринг представляет, что в его бытность еще занесенные японцы (в 1729 г. – *К.Ч.*) были подле берега, и приказано от него их сыскивать, и ежели найдут или впредь занесет, то не гробя и не озлобляя их, надлежит отвозить в Японию по прежнему в их жилища, и тем подать причину дружбы и искать способа к свободному торгу. Также лежащие между Япони острова велеть осматривать, какие на них народы живут и какое довольство имеют, что все добрым порядком может известно быть; и для того будет возможно вам посылать, сколько надлежит, людей на судах, удовлетворяя их по тамошнему обычаю припасами»³⁰⁵.

28 декабря 1732 г. Сенат в своем указе одобрил «правила» об организации и задачах Второй камчатской экспедиции, в тот же день утвержденные императрицей Анной Иоанновной.

Со ссылкой на инструкцию Сената от 30 июля 1731 г. документ предписывал: «Ежели... к самой Японии острова ж или земли найдутся подвластные хана японского или иных азиатских владетелей, такие осмотреть же и искать с народами, живущими на тех островах и землях, дружелюбного обхож-

дения... И между тем прове́дывать о их состоянии и прочем, о чем мочно, а никакого на них нападения и недружбы не показывать и, побыв тут, следовать до самых японских берегов и там по тому же разведывать о владетьстве, о портах могут ли обходиться в том дружески»³⁰⁶.

В качестве повода для похода к берегам Японии по этому указу надлежало японцев, потерпевших кораблекрушение «взять с собою и в бытность при берегах первую объявить причину, что привезли к ним занесенных к нашим берегам людей, и потом отдать им, буде примут»³⁰⁷. А если откажут, то «как о том разглашаю будто японцы тех, кои в море пропадают... за мертвых почитают, в таком случае спустить их на берег, чтоб могли они в свои жилища дойти»³⁰⁸. И даже позднее, если доведется «таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время оно́го вояжу в море погибающие японские суда найдутся, тем всякое вспомо́жение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или суды их, буде мочно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать, как выше означено, дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдность, а что чаще посыла́но будет, то чаще известие получать мочно»³⁰⁹.

Вместе с тем в этом указе Сенат отверг предложение В. Беринга «в морском походе за неимуществом судов и ис японских судов побирать (брать. – *К.Ч.*)»³¹⁰, предписав, сохраняя осторожность, этого «отнюдь не чинить и никакого озлобления при таком первом случае не токмо судам, но и на берегах лю́дям не показывать»³¹¹.

28 февраля 1733 г. эти положения были включены в инструкцию Адмиралтейств-коллегии, командиру экспедиции М.П. Шпанбергу, который был направлен к Курильским островам для исследования Японии.

Во время первой экспедиции М.П. Шпанберг на бригантине «Архангел Михаил» добрался до о. Итуруп (на 45° с.ш.)³¹², а его спутник В. Вальгон на дупель-шлюпе «Надежда» – до района о. Матмай (на 43°19' с.ш.)³¹³, но из-за непогоды они не смогли достичь японской метрополии.

Вернувшись на Камчатку, 21 мая 1739 г. экспедиция на четырех судах направилась к берегам Страны восходящего солнца (рис. 3).

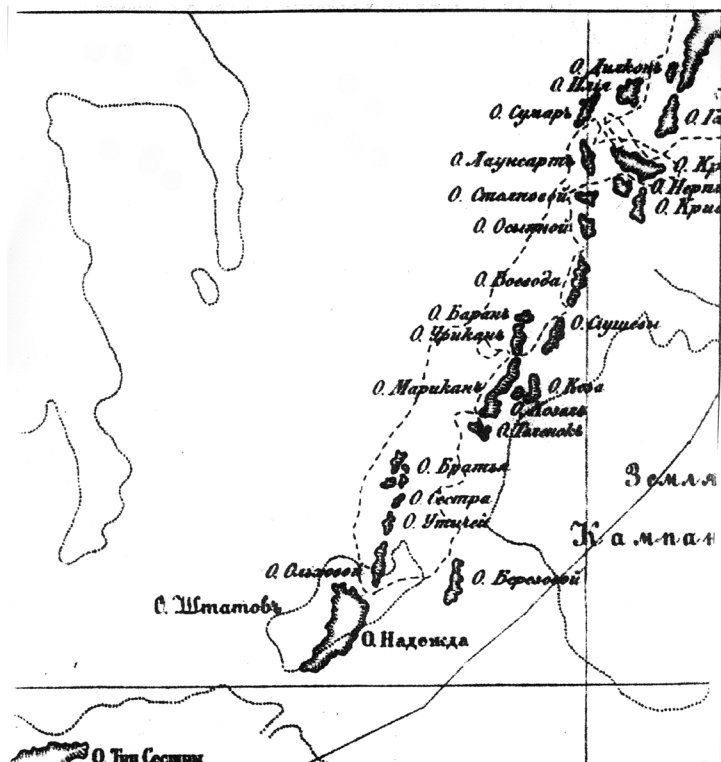

Рис. 3. Карта маршрутов М. Шпанберга и В. Вальтона, 1738–1739 гг.

На этот раз погода благоприятствовала мореплавателям. 15 июня на $39^{\circ}36'$ с.ш. В. Вальтон отстал от остальных кораблей, а на следующий день русские моряки с бригантины «Архангел Михаил» под командованием М.П. Шпанберга (примерно на 39° с.ш.) «увидели впервые японскую землю» – северо-восточный берег о. Хонсю (ныне префектура Иватэ).

17 июня 1739 г. экипаж дупель-шлюпа «Большерецк» под командованием квартирмейстера В. Эрта также «блиско был берега и видел на берегу много людей (японцев – впервые. – К.Ч.) и судов мелких, около которые и пошли под парусами»³¹⁴.

18 июня русская бригантина «Архангел Михаил» и шлюп «Надежда» на 38°52' с.ш.³¹⁵ бросили якорь, и моряки «видели в западной стороне близ земли в разных местах малых бус или судов японских под парусами и иных на якорях... також в 4-х местах видели жильё и блис того их жилья посеяно было видно хлеба, а какого тож неизвестно, – указывается в вахтенном журнале М.П. Шпанберга... – В начале 6 часа приезжали к нам две лотки... и на них людей было на одной лотке человек 12, а на другой 7 человек, и, не доехав до нас, она сажен 40, и становились на веслах»³¹⁶. Это произошло вблизи северо-восточной части о. Авадзи, в бухте Тасирохама провинции Рикудзэн (современная префектура Миядзаки)³¹⁷.

Русские жестаами приглашали японцев на корабль, а японцы – на берег, но их слов «курильские толмачи» разобрать из-за ветра не смогли, и японцы после обмена приветствиями возвратились в свое поселение на берег, находящееся в одной версте от русских судов. Это была деревня Нагаватары, тот же уезд провинции Рикудзэн³¹⁸.

К вечеру 21 июня, продвигаясь на юг вдоль побережья уезда Одзика, мимо рыбацкого пос. Арахамы и деревни Исомура, русские корабли дошли до 37°30' с.ш., а затем повернули на север, к островку Тасиро, севернее о. Амати. Здесь на 38°15' с.ш. рыбак пос. Аматахама Киса-бээ, «выйдя за рыбу, доплыл в лодке до района открытого моря, у островка Тасиро... и в то время, когда он решил вернуться обратно, одно большое судно прошло близко от него под парусами. Полагая, что это судно, привозящее зерно, он приблизился к нему, но тут понял, что это иностранный корабль. Он увидел, что люди на судне что-то ели и, будучи сам голоден, попросил у них знаками поесть. Они дали ему хлеба, который ели сами. В это время ему показалось, что они как бы просят у него табаку, поэтому он достал свой кисет с табаком и отдал им. Потом они дали ему

игральную карту – крестового туза. Заглянув внутрь судна, он увидел там 40–50 высоких людей. Так как в это время смеркалось, рыбак вернулся на берег»³¹⁹.

Утром 22 июня русские корабли (на 37°20' с.ш.)³²⁰ бросили якоря в открытом море, в одной версте северо-западнее о. Амати, у мыса Мииси островка Тасиро.

В то утро русских моряков посетил рыбак Хатинодзэ из пос. Аматахама, которого они жестами пригласили на судно. Японец преподнес им по 14 штук морских лещей и камбалы, за что моряки дали ему 5 серебряных монет и дорогой платок с русскими буквами.

После этого бригантину окружило множество лодок с японцами, которые наперебой предлагали разные товары. Японцы «с людьми нашими торговались охотно чрез мины», приобретая сукно, бусы и другие товары, платили золотыми монетами в форме параллелограмма и четырехугольника, которое «весом против российского червонца $\frac{7}{10}$ весит, токмо золото чистое»³²¹.

В вахтенном журнале бригантины «Архангел Михаил» М.П. Шпанберг в тот день записал: «В ыходе сего (второго. – К.Ч.) часа усмотрели мы впереди себя мыс (мыс Мииси. – К.Ч.)... и легли мы на якорь, також и идущие с нами дубель-шлюп «Надежда» и «Большерецк» близ помянутой земли мыса. По полунощи в 5 часу приезжали к нам японцы на своих рыболовных лотках и приставили к нашему судну, и со оных лоток помянутых японцев по несколько человек на судно пущали. А привозили оне, японцы, к нам рыбу камболу и протчих еще и рода рыб, которых мы ни в Европе, ни в Азии не видали; також оне, японцы, привозили к нам пшено сорочинское, табак, листовой, а листы широкие и большие, ретьку и огурцы и протчие мелочи, все товары отчасти торговали...»³²². И далее: «И видя они, японцы, наше к ним приятельское дружественное приветствие, стали уже приезжать с берегу на лотках же. И были у нас многие японские жители и привозили к нам на суда: пшено сорочинское, огурцы соленные, редис большей свежей, табак листовой, широкие листы,

и протчей овощ и вещи; у которых мы, брав в чем нам нужда была, за то дарили их и принимали их со всякою дружескою ласкою, и гостили их, которое наше угощение и подарки каждой принимал со всякой учтивостью и что которой примет, то все прижимали руками к своим грудям. И хотя наши толмачи курильские говорить с ними, японцами, и не умели, однако ж довольно можно было видеть и признать, что они, японцы, по своему обыкновению принимали с благодарением, и торговались команды наши со служителями добровольно и охотно меною вещь на вещь. И по несколько человек из них были у нас на судне с мелочными японскими товары, начиная пополу-нощи от 5 даже 3 часа пополудни покамест с якоря мы снялись и пошли в путь свой под парусами»³²³.

В тот же день флагманский корабль посетила группа японцев из четырех человек во главе с официальным представителем из г. Сэндай (центра княжества Датэ), чиновником Канситиро Тиба, которого сигнальными кострами и гонгом власти д. Исомура оповестили о прибытии к берегам Японии иностранных судов. В группу входил священник Рюмон.

В японской хронике эта встреча описана следующим образом: «Для производства расследования на корабль прибыл чиновник Канситиро Тиба. Приблизившись к судну, он снял свою шляпу, вежливо и с церемониями сделал вид, что желает быть проведен на судно. Он понял, что это русское судно. Его ввели. Так как он показывал знаками, что ему желательно осмотреть корабль, то служащие на судне провели его и пригласили в каюту. Пришел сам капитан судна и принес с собою вино в серебряном кубке. Затем он показал ему карту мира и сказал, что находится у берегов Японии. Артиллерийских орудий он на судне не видел, а мехов было много, и они дали слугам К. Тиба некоторые из них, похожие на мех лисы. На одном из слуг они увидели промасленный дождевик и сделали вид, что очень хотели бы его получить. Его передали русским, и затем К. Тиба вернулся на берег»³²⁴.

В журнале М.П. Шпанберга об этом визите говорится, что приезжавшие были знатными лицами, «у которых было

на платье и на плечах и на подолах знаки репьями вышито... и как пришли оне в каюту, поклонились каждый до земли, зжав руки, принесши к голове держали, а после стояли на коленях; и его благородие подчивал водкою и кушанием»³²⁵.

М.П. Шпанберг во время беседы вынул морские карты и глобус, «и оне сказывали минами, что та их земля называется Нифония (Нифон. – *К.Ч.*), а не Япония»³²⁶. Были также идентифицированы топонимы Маема – о. Матмай, Сангар – пролив Цугару (Сангарский), Самдо – о. Садо, Ното – п-ов Ното. Японский чиновник дал знаками понять, что русским надо покинуть японские воды³²⁷, так как М.П. Шпанберг, в свою очередь, не смог без переводчиков пояснить, что прибыл для установления добрососедских торговых отношений, да и местные власти без разрешения центральных властей не могли использовать первые контакты для завязывания таких связей.

Более того, за два дня до этого Сигэмунэ Мацудайра – глава княжества Датз, будучи извещенный о следовании иностранных судов вдоль побережья его владений, отдал приказ Хирадзибээ – начальнику уезда Ватари о мобилизации 30 хатамото – непосредственных вассалов сёгуна и 30 простолюдинов для срочной отправки на п-ов Одзика, и на следующий день был отдан приказ о выдвигании сторожевых постов на о. Амати – в район Исимаки, расположенный на пути к центру княжества Датэ г. Сэндай. Туда были направлены воины во главе с Гоннодзё Кобаяси, оружие и боеприпасы. Лодкам местных жителей было временно запрещено заходить в район Исимаки³²⁸.

М.П. Шпанберг почувствовал эту тревожную обстановку, отдал приказ поднять якоря, хотя, разумеется, не знал о приготовлениях, проведенных японцами, и возможном вооруженном столкновении. Академик Л.С. Берг ошибался, осуждая командира русской эскадры за отсутствие более решительных действий для сближения с японцами. Он писал: «Шпанберг, побыв у берегов Японии всего один день, поспешил в тот же день сняться с якоря, не выходя на берег. Такая поспешность, казалось бы, не совсем понятна, ибо поведение японцев не подало никаких поводов к опасениям»³²⁹.

М.П. Шпанберг поступил в точном соответствии с инструкцией Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г., в которой на такой случай предписывалось «в ту бытность при самых берегах японских или их владениях при островах отнюдь много не мешкать и никакому обнадеживанию... не верить, дабы не смогли удержать обманом, собрать своих судов и отаковать, но, отговорясь никакими нуждами, отходить назад, покамест действительно и основательно обо всех них разведано не будет»³³⁰.

М.П. Шпанберг так и поступил, когда после отбытия японской официальной делегации эскадру окружили 79 японских лодок с 8–10 японцами на каждой, две из которых доставили на бригантину рыбу, рис, листовой табак, редьку, соленые огурцы, молочные продукты, сакэ и другие товары в обмен на сухари, вино, одежду и русские монеты³³¹.

Едва эскадра М.П. Шпанберга снялась с якоря, как ее догнал другой представитель местных властей – староста рыбацкого пос. Тасирохама по имени Дзэмбээ в сопровождении нескольких человек. Дзэмбээ был извещен о появлении эскадры у берегов Японии японцем Кисабээ и догнал ее с целью «проведения расследования». «Когда на судне Дзэмбээ делал приветственный поклон, то его погладил один русский по голове. Когда он, увидев, что рука у него вся оказалась в масле, все рассмеялись... – отмечается в японской хронике. – Дзэмбээ, оставаясь на судне, не оставил неисследованным ни одного его уголка и обо всем по возвращению представил подробный отчет князю в г. Сэндай»³³².

После того как староста японского поселка покинул бригантину, русские снова тронулись в путь. Под вечер в шестом часу в открытом море на значительном расстоянии от о. Тасиро их встретил рыбак с о. Амати по имени Хэйсабуру, а позднее у о. Амати – рыбак пос. Нагаватарихама по имени Хатирохэй, которые везли пойманную рыбу в г. Сэндай.

Первый рыбак поделился с русскими табаком, а второй – пойманной рыбой желтохвосткой. За это они соответственно получили серебряную монету и косынку. Монета и игральная

карта, полученные Кисабээ и отправленные властями в г. Сэндай Тадаёри Хонда³³³, главе правительства в г. Эдо, а оттуда в г. Нагасаки вместе с другими русскими подарками позволили с помощью директора голландской фактории Герарда Фиссера установить, что эскадра М.П. Шпанберга прибыла из России³³⁴.

Продукты и вещи, полученные от японцев, – рис, табак, разнообразные ткани, одежда («хаори»), золотые монеты и т.п. – послужили доказательством пребывания русских моряков у берегов Японии и были переданы в Кунсткамеру Петра I – ныне Музей антропологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге. И в настоящее время эти товары хранятся в его коллекции³³⁵.

Еще более успешной была экспедиция к берегам Японии лейтенанта В. Вальтона на боте «Св. Гавриил».

В ночь с 14 на 15 июня 1739 г. это судно отстало от остальных трех русских кораблей на 39°29' с.ш. В. Вальтон в рапорте В. Берингу от 23 августа 1739 г. объяснял это тем, что непогода «июня 14-го числа пополудни в 1-м часу повредила у нас на боту фока-фал и кливер-фал блоки, и как мы оные блоки переменили, и в тех часах наш бот ход имел самый малой». И далее: «К тому же настало время ночное, и г-н капитан Шпанберх, не дожидаясь нашего исправления, ушел вперед, понеже с теми судами и был к ветру выше»³³⁶.

И хотя М.П. Шпанберг, который не ладил с В. Вальтоном, обвинил последнего в том, что «то ево Валтонова напрасная и затеянная отговорка»³³⁷, и нарекания командира всего отряда русских кораблей поддержали как его современники, так и позднейшие исследователи, в том числе академик Л.С. Берг³³⁸, мнение Э.Я. Файнберг, что отставание отдельных судов экспедиции одного от другого в связи с плохим состоянием мореходной техники в тот период представляется более обоснованным³³⁹. Этот случай предоставил В. Вальтону возможность проявить большую самостоятельность во время прохождения его судна к берегам Японии.

16 июня моряки бота «Св. Гавриил» «увидели землю по признанию чаятельно быть японскому берегу... Усмотрен-

на была высота солнца северной широте $38^{\circ}29'$. А 17-го дня, как подошли близко берега, то увидели от берегу в море 39 японских судов без флагов, ис которых каждое было величиною против галеры нашей или больше... И с 18-го дня легли на якорь блис их судна, которое стояло на якоре на глубине воды 30-ти саженьях, грунт – песок крупной». «Июня 19-го дня поутру, – писал далее в своем рапорте В. Берингу от 25 августа 1739 г. В. Вальтон, – пригребло к нам японское судно, зделанное таким же манером, только меньше, а людей было на нем 18 человек и знатно, что звали нас на берег, чего ради и послал я ялбот и на нем штурмана Казимерова, да квартирмейстера Черкашенина, да 6 человек солдат для привозу воды на наш бот, которому дано было от меня несколько подарочных вещей, чтоб с ними дружески можно было обойтितца»³⁴⁰.

Почти все исследователи, в том числе японские, без ссылок на документы пишут, что бот В. Вальтона впервые подошел к японским берегам на широте $37^{\circ}42'$. Исключение составляет академик Г.-Ф. Миллер, считающий, что это была широта $38^{\circ}14'$ ³⁴¹. Однако это противоречит сведениям, приведенным в первоисточнике, в соответствии с которым после устранения неисправностей В. Вальтон за то же время, что и М.П. Шпанберг, прошел на юг вдоль побережья Японии и гораздо дальше, достигнув акватории к юго-востоку от г. Сэндай.

Уже 19 июня В. Вальтон не только встретился с японцами на широте $35^{\circ}10'$, неподалеку от деревни Амацу (уезд Нагаса в провинции Ава – префектура Тиба) – по японским данным, более точным, чем данные академика Г.-Ф. Миллера ($33^{\circ}48'$)³⁴² и А.П. Соколова ($34^{\circ}16'$)³⁴³, – но и впервые направил русских моряков на берег японской метрополии.

В. Вальтон таким образом излагает это событие в упомянутом рапорте: «И того ж дня штурман Казимеров з берегу возвратился благополучно... И репортом мне объявил письменно, как де он по приказу нашему на ялботе поехал к берегу и как стал приближаться, тогда ж отвалили берегу мелких судов к нему навстречу около полутораста на греблях, на которых де людей было человек по 50 и больше в долгом китайском

платье... и в то же время казали они с судов нам золото, ис чего де признаваецца, что имеют де они у себя довольное число золота... И в то время на берегу было народу мужского полу многое число и жители де того места можно видеть, что были мне весьма рады и кланялись по их обыкновению, и увидят на ялботе порожние две бочки, и взяли оные жители и понесли к одному двору... и отнесли возвратно на ялбот. А он де, штюрман, между тем временем пришед в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дому встретил ево у дверей изрядно со всякою учтивостью и ввел в свои покои и, посадя, потчивал ево и бывших с ним слушителей виноградным вином ис фарфоровой посуды. И поставили им закусок на фарфоровой же посуде – шепталу (высушенные персики с косточками. – К.Ч.) моченою бутто в патоке и редис резаной. Потом поставили перед ним табак и трубки китайския, и он де, пошел в другой дом, и хозяин того принел его таким же образом, и посадил его подле себя, и поставил им закусок, и подчивали виноградным вином, подобно тому, как в первом доме, и принесли пшена сорочинского варенова. И тем де хозяевам также, которые нашли воду, подарил он, Казимеров, ис подарочных вещей бисиру 3 фунта, да корольков (бусы из стекляруса. – К.Ч.) 85. И посидя де во означенному дому, пошел вон и ходил по слободе, в которой, например, дворов около 1500... И жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домех с товарами, в которых де видел он пестреди (ткань из разноцветных ниток. – К.Ч.) бумажные и шелковые... Скота де имеют у себя лошадей, и коров, и куриц, и хлеба де, по-видимому, кроме пшена и гороху, у них нет; из овощей де имеют они виноград, померанцы, шепталу и редис. И как де штюрман Казимеров усмотрел на берегу двух человек при саблях, ис которых один имел две, то де на берегу он не стал медлить ни часу... А судно, кое буксировало наш ялбот, то из них знатному человеку... я подарил за ево работу российской монет, а других японских людей дарил платьем, а именно, подарил суконный камзол, бешмет красной бенберековый с золотыми пуговицами и шлафрок каламенковый, подбит белками, шта-

ны суконные красные, колпак гарусный немецкой, да рубашку фанзовую для показания к ним приятности дружества.

И с ним, Казимеровым, приехал японской знатной человек на таком же малом судне... которого мы признавали за воеводу, потому что провожали ево от берегу больше 100 судов, а на каждом судне было людей человек по 15, и оные никакова оружия не имели, которых я принял со всякою приятностью и потчивал ево и бывших при нем людей воткою и камчатским вином, кои безотговорочно пили.

Также и упомянутой японской знатной человек привез с собою к нам на бот рейнскава белова около четверти ведра, которым и нас он потчивал равномерно... И хотя оные люди казались нам благоприятными, однако ж я долго там стоять не смел, ибо около нашева бота великое множество судов их обстало и без числа. Того ради я стал сниматься с якоря, а помянутой знатной человек между тем, простясь с нами дружески, и пошел на свое судно и погреб к берегу».

Имена японцев, с которыми встречались русские моряки, и географические названия посещенных ими мест в Японии восстанавливаются по японским источникам. О визите бота «Св. Гавриил» в этих источниках за 19 июня 1739 г. сообщается следующее: «В двух ри (около 4 км. – *К.Ч.*) от деревни Амацу уезда Нагаса в провинции Ава (северо-восточнее г. Эдо, ныне Токио. – *К.Ч.*) показалось иноземное судно. Как раз в это время на берегу этой деревни находился некто Мангэмон, и он заметил, что на берег прибыла с этого судна лодка с 8 человеками. Прибывшие имели с собою боченок для воды; все сошли на берег и спросив, где находится колодец, начерпали из него воды. Оставив взамен бусы с 17 нанизанными на них камнями и поблагодарив знаками, они удалились с поклонами. Затем пришельцы посидели у дома Таробэя вблизи колодца, придвинули табак и закурили. Когда они были здесь, им подали бумагу и попросили написать что-нибудь, но они этого не сделали.

В соседнем доме Итиэмона они взяли несколько пучков редьки, которые лежали у дверей, оставив за них серебряную монету, и удалились...

Очевидцы визита иноземцев тотчас отправились к старосте деревни и его помощнику, которым рассказали о происшедшем. Иноземцы тем временем сели в лодку и жители деревни не смогли их догнать, так как большое судно, к которому она подплыла, подняло якоря и произведя салют из пушки, ушло на юг...»

Деревенский староста (Нагаэмон)³⁴⁴ и его помощник Хатиробэ³⁴⁵ взяли оставленные бусы и монету и, составив подробное изложение этого события, доложили о нем местному чиновнику сёгуната (Сингоро Хара)³⁴⁶. Затем полученные от иноземцев предметы переслали через чиновников сёгуната в г. Нагасаки для изучения, и там при помощи главы голландской торговой фактории было установлено, что деньги были русские, а бусины – это недорогие украшения³⁴⁷.

Однако, опасаясь репрессий, ни в 1739 г., ни позднее никто из местных властей не сообщил в Эдо о торговле с русскими и проявлении к ним дружеских чувств³⁴⁸.

20 июня бот «Св. Гавриил» бросил якорь у п-ова Идзу – перед входом в гавань Симода, юго-западнее столицы Японии Эдо, но ялботу из-за большого волнения пристать к берегу не удалось³⁴⁹.

О дальнейшем путешествии в своем рапорте В. Вальтон сообщал: «Того же июня 21-го дня подняли якорь и пошли между островами до японского берегу, где встретили нас два малых судна. И как оные суда близ к нашему боту пригребли, то я чрез разсуждения с теми людьми руками, понеже говорить с ними некому за незнанием их языку, указал им, что надобно нам на судно дрова и воды, и как то оные увидели, тотчас, как дружелюбные люди, не отговариваясь нимало, погребли на берег и привезли воды и дров. За их работу подарили им бисеру один фунт да бумашку иголь, и кои звали нас в гавань, и понеже в том месте такая была глубина, что на якоре стоять невозможно было, также и ветер мал, того ради оные два судна взяли наш бот на буксир и буксировали. Между тем не допусая до гавену, встретилось судно, на котором было людей 15 человек при саблях, и приказали означенным двум судам, чтобы

буксировать нас перестали, также и нам махали, что мы прочь шли от берегу, и я, опасаясь, ибо чтоб нам не показать к ним противности, то поворотились от берегу и пошли в море от северной ширины 34° и 30'... Того же июня 22-го дня пришли мы к острову и стали на якорь... Подлекарь Дягилев съехал с боту, привез оттуда разных трав и притом объявил, что де видел он на означенном острове жителей японских в белом холстинном платье и скота, а именно, лошадей шерстью бурых и каурых и коров черных. Да он же, Дягилев, привез ветвь древа архевога, только какия того знать неможно, да ветвь сосновую да две жемчужные раковины, отчего можно знать, что там жемчугу находится довольно, а раковины взял на берегу сам, которые травы, дерева и раковины при сем объявляю.

Июня 23 дня выходили на берег жители означенного острова и кричали нам, и знатно, что звали нас на берег, но... берег был каменист и на якоре стоять было неспособно,

Июня 24-го дня, подняв якорь, и следовали назад в море, но держались более восточной стороны для того, чтоб осмотреть – нет ли в той стороне еще какой земли...»³⁵⁰

22 июня В. Вальтон останавливался на 33°51' с.ш., а 23 июня – на 33°28' с.ш.³⁵¹

По японским источникам группу японцев, которые 21 июня вышли на судне навстречу боту «Св. Гавриил», чтобы не допустить его в гавань Симода, возглавлял самурай Мияюти Иссики. Вместе с ним на судне находились чиновник сёгуната, сельский староста и их слуги, которые доложили вышестоящим властям о прибытии иноземного корабля длиной в 13–14 кэн³⁵² с «корпусом цвета темной хурмы, 4 парусами и 30 чел. команды»³⁵³.

Достигнув 23 июня самой южной точки своего путешествия в акватории о. Идзу, вблизи бухты Кацуура, у восточного побережья провинции Кии (современная префектура Вакаяма)³⁵⁴, Вальтон повернул обратно.

Японское правительство, узнав, что появившиеся с северо-востока иностранные корабли прибыли из «Московии», оно не придало этому событию особого значения, не сделало никаких

серьезных выводов для пересмотра своей внешней политики. При этом оно не выделило его из других фактов появления у берегов Японии кораблей европейских государств. Известно только, что 13 июля 1739 г. была издана инструкция об охране морского побережья и удалении иностранных судов³⁵⁵.

Проводя политику изоляции страны, японское правительство стремилось в тот период, подобно страусу, прячущему голову под крыло, не замечать присутствия иностранцев, даже если они появлялись у берегов их родины. Оно не увидело в России великого соседа, который желал установить с ней тесные политические и экономические связи, в связи с чем было подвергнуто критике современными японскими историками³⁵⁶.

Несмотря на первые непосредственные контакты, японцы и русские оставались в неведении относительно образа жизни, взаимных экономических потребностей, политического устройства и культуры.

Русские были встречены японцами весьма любезно и дружелюбно, опровергнув мнение русского правительства об их «застарелой азиатской нелюдности». В особенности это касалось простого народа, охотно вступавшего в торговый обмен с русскими моряками.

Несмотря на строгие законы, запрещавшие всякие отношения с чужеземцами, японцы открыто проявляли дружелюбие и гостеприимство, в ответ на знаки симпатии со стороны русских стремились обменяться с ними различными предметами, а также снабдить гостей необходимыми припасами.

Успешное посещение спутниками В. Вальтона японских берегов американский историк Дж. Ленсен оценил даже как серьезное политическое достижение, выразившееся в том, что они таким образом «реально нарушили изоляцию Японии»³⁵⁷.

На обратном пути от берегов Японии отряд М.П. Шпанберга обследовал острова южной части Курил. В рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 19 ноября 1739 г. он сообщает: «Оттуды отошед, мы морем июля 3 числа дошли до ширины северной 44°24' к лежащим от японской земли островам, и с

которых прозвали мы один Фигурной, другой Трех Сестр, третий Цыдронной, а на которые румбы они лежат, значит одной компании по журналу и карте»³⁵⁸.

В журнале М.П. Шпанберг 3 июля отмечал, что в 3 часа дня «послана наша шлюпка, на которой людей 8 человек и квартирмейстер с пробирных дел мастер Симон Гардеболь, и бергаур Калугин, и дубель-шлюп «Болыперецк» взяли на буксир, и погребли на берег для наливания воды»³⁵⁹.

Указанная широта соответствует северной части о. Кунашир, к которому русские корабли пришли 3 июля. Это прямо подтверждается боцманматом В. Эртом с бота «Болыперецк», отставшего в тот день «по признанию ево, Эрта, у острова Кыноссыра»³⁶⁰.

Только после этого М.П. Шпанберг направился к о. Фигурному, названному так за изрезанность своей береговой линии, что, по общему признанию, характерно для о. Шикотан, получившего позднее на морских картах наименование о. Шпанберга в честь посетившего его первого европейца. А затем в тот же день русские корабли пошли к островам, названным тогда же Три сестры и Цыдронной (Цитронный). Эти два острова соответствуют ближайшим к о. Шикотан о. Полонского (по-японски Тараку) и о. Зеленый (по-японски Сибоцу) в Малой Курильской гряде. Эта часть образует острова Плоские (по-японски Хабомай). Такое мнение разделяет и Ё. Корияма³⁶¹.

Если координаты южной части Курил, до которых добрался М.П. Шпанберг 3 июля, в его рапорте в Адмиралтейств-коллегию, как и расстояние в несколько минут до о-вов Фигурного, Цыдронного (Цитронного) и Трех сестр приводятся правильно, то вряд ли можно согласиться, что последние два острова, как считает Б.П. Полевой, были из-за тумана ошибочно приняты М.П. Шпанбергом за южную и северную части о. Итуруп³⁶². Здесь, на севере этого острова – на п-ове Медвежий имеются вулканы Демон, Медвежий и кальдера Цирк³⁶³, поскольку последние находятся более чем в 1° от о. Фигурный (Шикотан).

4–6 июля на этот остров высаживались квартирмейстер Антип Картунов, штурман Матвей Петров с четырьмя гребцами и двумя переводчиками-айнами «для описания губы и тамошних речек», есаул Захар Дровосеков для сбора коллекций растений, а также пробирных дел мастер Симон Гардеболь «для обыскания на том острове металлов и минералов»³⁶⁴.

«А кругом того места, – пишет в упомянутом рапорте М.П. Шпанберг, – имеется лежащих островов довольно и людей также, и на тех островах лесу, свежей воды, зверей, рыбы, ягод множество. И ежели повелено будет, то надеются божиею милостию и счастьем е.и.в. можно большие и малые острова привести в подданство е.и.в. от 43-х° и до 46°, а от 46° до последнего острова без всякого опасения можно привести в самой скорости»³⁶⁵.

О дальнейшем путешествии между островами у северных пределов Японии командир отряда русских кораблей в том же документе записал следующее: «И лавировали мы по морю к западной стороне меж выше означенных островов. 7-го числа того же июня (правильно июля. – К.Ч.) пришли ко островам в туманное время и, как туман прочистился, усмотрели место низменное, гладкое и зеленое, на котором только растет трава, а лесу не имеетца, и для того назвали ево Зеленым. И посылали на него на шлюпке штурмана да подпоручика... И оные усмотрели через инструмент: лежит оный остров в ширине 43-х° и 15'»³⁶⁶.

По предположению академика С.П. Крашенинникова³⁶⁷, которого поддержал академик Л.С. Берг³⁶⁸, это был о. Кунашир, хотя В. Эрт – спутник М.П. Шпанберга, как упоминалось ранее, называл этот остров не Зеленым, а Кынасыром (Кунашир). Но 43°15' с.ш. соответствует широте не о. Кунашир (хотя бы в его самой южной части), а северной части о. Матмай (ныне Хоккайдо) у основания п-ова Нэмуру, юго-восточнее района Ноткам (ныне Ноткамапу, г. Нэмуру)³⁶⁹, который М.П. Шпанбергом был назван Нуцкам. Согласиться же с отождествлением Б.П. Полевым этого места, где в 1701 г. был основан пункт по торговле японцев с айнами³⁷⁰, с мы-

сом Ноцукэ, на северо-востоке нынешнего о. Хоккайдо³⁷¹, не представляется возможным.

«А от 8-го числа того же месяца, – писал М.П. Шпанберг, – пришли мы ко острову тамошнему, называется Нуцкам, и усмотрели на нем жилые места и против того легли на якорь... приезжали к нашему судну байдара и на ней людей пять человек, и звали нас на берег, а сами они к нам на судно ехать не смели. И для того по их просьбе послал я шлюпку к берегу и на ней мичмана Шхельтинга да солдат с толмачами 12 человек и с ним несколько подарочных вещей для приласкания их. И привес оной Шхельтинг на байдаре тамошних жителей к нам на судно 8 человек, которые сходны по персонам с курильским народом... По ногам у них и по всему телу шерсть, бороды у них великие, продолговатые, черные... Язык у оных жителей походит на курильской»³⁷².

Эти жители через толмача объявили, что «де из оных под властью епонского хана только один Матмай остров, а прочие острова неподвластны. Також объявили они по компасу кругом блис их лежащая острова: первый Нуциам, второй Сетмов, третий Акиш, четвертой Куссюр, пятой Толотси, шестой Эрум, седьмой Курака, восьмой Усор, девятой Това, или Матман, десятой Самур, одинацатай Индю, или Енду, двенатцатой Осага и что те все острова с Матмайским имеют торги велики и разными товарами. А людей на тех островах множество, которых мы жителей для приласкания, по силе данной инструкции, дарили подарочными вещьми...»³⁷³.

Часть этих топонимов: действительно Акиш – о. Анучина (по-японски Акиюри)³⁷⁴, Эрум – о. Юрий (по-японски Юру), Това, или Матман, – о. Матмай (ныне Хоккайдо). Другие населенные пункты: Куссюр – г. Кусиро, Самур – дер. Саимура в районе Симокита на о. Хоккайдо, Индю, или Ендю, – г. Эдо (Токио), в северном диалекте Японии – Эндо, Осага – г. Осака; остальные топонимы не идентифицируются.

С 8 по 23 июля отряд М.П. Шпанберга обследовал район южной части Курил, а 24 июля вновь подошел к о. Матмай, где видел множество японских судов, которые «пошли

к Японии, а другие – в Матманские проливы, кажется, все с грузом»³⁷⁵.

25 июля отряд вновь возвратился к о. Шикотан, а затем взял курс на север вдоль восточной части акватории Курильских островов, 14 августа М.П. Шпанберг вернулся в Большерецк на Камчатку, а затем 29 августа – в Охотск, где встретился с ботом «Св. Гавриил» и дупель-шлюпом «Большерецк». Другой дупель-шлюп «Надежда» прибыл в Большерецк только 31 августа, а в Охотск попал лишь после зимовки – в июле 1740 г.

В. Вальтон составил карту 26 Курильских островов и их описание, опередив в этом М.П. Шпанберга³⁷⁶, в частности о. Кунашир, о котором (в пересказе академика С.П. Крашенинникова) объявил следующее: «Жители сего острова... ходят в долгом шелковом и кишайчатом платье, имеют великие бороды, не наблюдают никакой чистоты и питаются рыбою и китовым жиром. Постели у них – муслимовые кожи, которых там довольно ж. Государя над собой никакого не знают, хотя живут близко от Японии. Японцы приежжают к ним ежегодно, но на мелких судах и привозят железные всякие вещи, медные котлы, деревянные лаковые подносы и чашки, листовой табак и шелковые и бумажные парчицы, меняют их на китовый жир и на лисицы, которые там ловятся... Кунаширцы говорили россианам, чтоб они береглись матмайских обывателей, для того, что у них большие пушки... а при том спрашивали у наших, не из севера ли они приехали? И не те ли они люди, которые славны своею силою, что со всяким войну иметь и всякого побеждать в состоянии»³⁷⁷.

25 августа 1739 г. В. Вальтон, а 8 сентября того же года М.П. Шпанберг составили рапорты В. Берингу об экспедиции к берегам Японии. Эти рапорты он сразу же направил в Адмиралтейств-коллегию, и в начале января 1739 г. в Петербурге стало известно, что все четыре русских корабля побывали в Японии. Это вызвало благоприятные отклики в столице.

Открытие пути в Японию и первые успешные шаги по установлению добрососедских отношений и торговому обмену с ее жителями сыграли заметную роль в политической

борьбе за власть в России между сторонниками немецких феодалов во главе с немецким курляндским бароном Э. Бироном – фаворитом императрицы Анны Иоанновны (дочери царя Ивана V), фактически руководившим кабинетом министров, вице-канцлером А. Остерманом и представителем старой аристократии – президентом Адмиралтейств-коллегий Н.Ф. Головиным, с одной стороны, и сторонниками русского дворянства во главе с кабинет-министром А.П. Волынским, к которым принадлежал вице-президент Адмиралтейств-коллегий Ф.И. Соймонов.

Последние подвергли критике Н.Ф. Головина за финансовые злоупотребления в морском ведомстве, в частности в связи с организацией Второй камчатской экспедиции В. Беринга в период, когда Россия вела войну с Турцией (1735–1739), и невыполнением якобы основных задач путешествия. Затем они решили воспользоваться успехами южного отряда экспедиции, чтобы заменить В. Беринга М.П. Шпанбергом и таким образом упрочить свои позиции.

Ни Адмиралтейств-коллегия, ни Сенат не обсуждали рапортов о посещении Японии, так как главную роль в принятии важных решений, вопреки требованиям русского дворянства, играл при Анне Иоанновне не Сенат, а учрежденный ею кабинет министров.

Однако вопреки позиции вице-канцлера А. Остермана и его сторонников один из министров кабинета А.П. Волынский на заседании 7 и 24 января 1740 г.³⁷⁸ добился решения о вызове М.П. Шпанберга в Петербург с документами об экспедиции, а к марту 1740 г.³⁷⁹ в столице был получен его рапорт в Адмиралтейств-коллегию от 19 ноября 1739 г.³⁸⁰ 7 марта того же года по инициативе А.П. Волынского кабинет министров одобрил проект указа и инструкции Адмиралтейств-коллегий М.П. Шпанбергу о продолжении исследования Курильских островов и установления торговых связей с Японией³⁸¹. Этот документ был составлен Ф.И. Соймоновым после срочной проработки отчетов, журналов и карт экспедиции. В указе высказывалось положительное отношение к «ревностной служ-

бе» и «прилежному радению и тщанию» М.П. Шпанберга, отметив, что кабинету Ее Императорского Величества «зело приятно», что он успешно осуществил «вояж к японской стороне» и ставились такие задачи, как «1) изыскивать коммуникации от Камчатских островов; 2) також де до японской земли прямой и безопасной к ходу путь изыскать и с тамошними народами ласковым обхождением дружбу и на обе стороны коммерцию завести», с непременным условием посылать все документы не в морское ведомство, а непосредственно в кабинет Ее Императорского Величества³⁸².

Указ от 24 января 1739 г. М.П. Шпанберг получил в Якутске 10 апреля того же года и 13 июня, после того как р. Лена освободилась ото льда, отправился в путь. Но по дороге 8 июля, вблизи Киренского острога, нарочный из столичной лейб-гвардии каптенармус А. Друкарт вручил ему новый указ Верховного тайного совета от 14 апреля с предписанием вернуться в Охотск³⁸³, куда он и возвратился 13 августа того же года.

Это внезапное изменение было вызвано тем, что 12 апреля по инициативе противников кабинет-министра А.П. Волынского были арестованы он и его единомышленники, которые подготовили «Проект о поправлении государственных дел», в котором резко высказывались о деловых качествах императрицы и против засилья Э. Бирона и его окружения, грабивших казну. Ф.И. Соймонов был сослан в Сибирь³⁸⁴, но составленная им инструкция М.П. Шпанбергу, направленная ему как предписание морского ведомства, не была отменена.

В инструкции указывались недочеты в ведении журналов, геодезических измерениях, составлении карт 1738–1739 гг. и в части, касающейся нового путешествия к берегам Японии вдоль Курильских островов.

Завершение Второй Камчатской экспедиции (1741–1743) пришлось на годы войны России со Швецией, которая закончилась для последней неудачно – Абоским мирным договором с уступкой в пользу России части Финляндии.

В 1740 г. новая экспедиция к берегам Японии под командованием М.П. Шпанберга, который настаивал на скорейшем

приведении жителей всех Курил в подданство России, не состоялась, так как В. Беринг стремился сосредоточить все силы на открытии пути в Америку; он полагал, что освоение Курил можно поручить сборщикам ясака³⁸⁵.

Но все же в сентябре 1741 г. отряд М.П. Шпанберга возобновил исследования районов, через которые пролегали пути в Японию, на этот раз не через Курильские, а Шантарские острова и устье р. Уда. Дальше этих районов из-за наступления осени решено было не ходить. Причем исследование этих районов ограничилось рейсом дубель-шлюпа «Надежда», который из-за поломки вернулся в Большерецк на Камчатку 9 октября.

На следующий год 23 мая 1742 г. отряд М.П. Шпанберга, состоявший из четырех кораблей, вышел из Большерецка в южном направлении, руководствуясь предписанием относиться к японским морякам доброжелательно, так как «невозможно будет сыскать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать»³⁸⁶.

3 июня от флагманского корабля пакет-бота «Святой Иоанн» на широте $49^{\circ} 18'$ отстали бригантина «Архангел Гавриил» и дубель-шлюпка «Надежда», а 13 июня на широте $44^{\circ} 40'$ – шлюп «Большерецк». «Надежда» дошла до $46^{\circ} 21'$ с.ш., а затем повернула к Курильским островам, достигнув их 21 июля, а 1 августа – о. Сахалин на широте $50^{\circ} 10'$, пройдя ($45^{\circ} 34'$ с.ш.) через пролив, отделяющий этот остров от о. Матмай³⁸⁷. Двигаясь вдоль восточного берега о. Сахалин, 10 сентября «Надежда» прибыла в Охотск³⁸⁸.

21 июня М.П. Шпанберг и его спутники добрались до района г. Сэндай (центр нынешней префектуры Мияги в провинции Рикудзэн) у восточного берега о. Хонсю.

«Через все наши возможности и беспокойства, – писал М.П. Шпанберг, обращаясь к офицерам флагманского корабля и советуясь, плыть ли дальше вдоль берегов Японии, – дошли до ширины $41^{\circ} 15'$, в которой ширине сего июня 21 числа получили видеть рыбу великую, по признакам прежней моей в сем вояже бытности, находящуюся близ японских берегов, о которой имеющийся у нас японец объявил, что оная

обретается против города японского званием Шаньды (Сэндай. – К.Ч.), которой де для промыслу в тот город приезжают и из других провинций»³⁸⁹.

22 июня на консилиуме офицеров было решено продолжить путешествие на юго-запад, однако через несколько дней пришлось повернуть обратно. 30 июня обнаружилась течь на корабле, русские моряки повернули на широте 39°35' в открытом море, неподалеку от границы между провинциями Рикудзэн (современная префектура Мияги) и Иваки (современная префектура Фукусима).

Не ладивший с руководством экспедиции начальник Охотского порта генерал-майор Г.Г. Скорняков-Писарев, ссылаясь на материалы М.П. Шпанберга, направленного В. Берингом в Японию, о расположении этой страны не на юге от Камчатки, а на юго-западе, 4 августа 1740 г. прислал в Сенат России доношение, в котором утверждал, что М. Шпанберг не достиг берегов Японии, а добрался лишь к берегам Кореи³⁹⁰.

Это мнение авторитетно опроверг В. Беринг. Признав, что в журналах и картах М.П. Шпанберга имелись погрешности, 18 апреля 1741 г. в рапорте Адмиралтейств-коллегии он тем не менее заявил, что отряд М.П. Шпанберга побывал у берегов Японии, а не Кореи. «Можно по тому ево журналу видеть, – писал В. Беринг, – что он около тех мест ходил»³⁹¹.

К аналогичному выводу в 1746 г. пришла и специально назначенная комиссия о плавании его спутника В. Вальтона, в которую входили морские офицеры Д.Я. Лаптев, А.И. Нагаев и еще два человека. Комиссия подтвердила, что «капитан Вальтон по всем обстоятельствам был подлинно у восточных берегов острова Япона, а не у земли Кореи»³⁹².

Новизна географических представлений о Северной Японии, о. Матмай, Курилах и о. Сахалине, зафиксированных на картах М.П. Шпанберга и В. Вальтона, которые значительно отличались от карт Ф. Страленберга и И. Романа, явилась основанием для тщательной проверки их открытий.

Эти экспедиции впервые проложили путь к Японии. Они не привели к установлению межгосударственных по-

литических или торговых связей между двумя странами, однако положили начало добрососедским русско-японским отношениям³⁹³.

Русские мореплаватели в конце 30-х – начале 40-х годов XVIII в. установили апокрифичность Земли Ж. де Гама, показали, что открытые голландцами за столетие до этого Земля Штатов (о. Итуруп и Земля Компании (о. Уруп) входят в состав Курильских островов, и доказали, о. Матмай (о. Эдзо) и южная часть Курил в связи с неподтверждением гипотезы о существовании Земли Эдзо (или Эдзонис) как к Земле Ж. де Гама, не является частью Америки.

Немаловажно и то обстоятельство, что эти экспедиции установили неподвластность Японии как всей Большой, так и Малой Курильской гряды, в том числе о. Шикотан (по-японски Сикотан), названного тогда русскими о. Фигурный (позднее – о. Шпанберга).

Эти открытия вызвали интерес и получили признание в странах Западной Европы. Так, уже 13 января 1740 г. в «Амстердамском журнале» было опубликовано письмо голландского резидента Шварца, в котором высказывалось предположение, что М.П. Шпанберг добрался до Японии (ее восточного побережья), и сообщалось также, что президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Н.Ф. Головин предполагает в ближайшем будущем получить от М.П. Шпанберга режандию об этом открытии с приложением карты путешествия в Японию, а «Газет де Франс» 27 июля 1740 г. сообщила об открытии М.П. Шпанбергом 34 островов в Тихом океане, отметив, что «островитяне, хотя и весьма пораженные, приняли его многочисленными проявлениями дружбы; народы эти очень походят на японцев».

На основе данных южного отряда Второй камчатской экспедиции видные западноевропейские географы Д. Анвиль, Ф. Боше, М. Беллин и другие составили свои известные карты³⁹⁴. «Наряду с изучением Японии «Исследования черных кораблей периода Гэмбун (1736–1740 гг.)» М. Шпанберга и В. Вальтона, – резюмирует японский историк А. Такало, – не

представляя угрозу для Японии, добились успеха, побывав у Курильских островов, в частности, впервые посетив южнокурильские острова Итуруп и Кунашир, Хабомаи и Шикотан»³⁹⁵. Карта акватории южной части Курил с геодезическими измерениями, сделанными в тот период В. Вальтоном, хранится в государственных архивах России.

На протяжении всей истории международных отношений внешняя политика любого государства исходит прежде всего из необходимости обеспечения собственной экономической и политической безопасности. При этом главными политическими вопросами в XVII–XVIII вв. являлись приобретение территорий и установление границ на основе соглашений с соседними государствами, создание для решения этих задач военных союзов и договоров. В экономической области в XVII–XVIII вв. **все более возрастало значение внешней торговли**, для расширения которой необходимо было прибегать к дипломатическим средствам. С этой целью и были направлены экспедиции, имеющие полномочия устанавливать политические контакты.

Чтобы вступить в такие отношения, в ряде случаев, когда речь шла о далеких странах, необходимо было сначала найти к ним пути прежде чем добиться дипломатического признания.

Так обстояло дело и в отношениях России с Японией до первой половины XVIII в. **Поиски со стороны России контактов с Японией**, несмотря на проводимую Японией политику строгой изоляции («сакоку») от внешних контактов и влияний, все же увенчались первыми успехами. Путь в Страну восходящего солнца из портов азиатской части Российского государства был найден. Перед внешней политикой России в связи с отдаленностью Дальнего Востока от ее экономически развитой европейской части встала задача обеспечить необходимыми товарами свои дальневосточные районы.

Историки отмечают, что во второй половине 20-х и в 30-х годов XVIII в. по сравнению с последним десятилетием правления Петра I международный авторитет России резко упал в результате борьбы за власть и засилья иностранцев в

управлении государством. Немаловажную роль в снижении авторитета России сыграло сокращение мощи вооруженных сил, особенно флота³⁹⁶.

И несмотря на пополнение русского флота новыми кораблями на Тихом океане в ходе подготовки и осуществления экспедиций в Японию и к берегам Северной Америки, общее положение внутри страны отрицательно сказалось на качестве и темпах его роста, а также на сроках подготовки этих экспедиций.

На наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что при более благоприятных условиях, в частности при более быстром совершенствовании техники мореплавания, каким оно развивалось при Петре I, открытие путей в Японию и со стороны Камчатки, и со стороны Шантарских островов и Сахалина, а также установление и закрепление первых контактов с японцами на территории их государства могло бы произойти в более ранние сроки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

1. Контакты между русскими и японцами на Курильских островах и острове Мацумаэ (ныне остров Хоккайдо)

Контакты между русскими и японцами возобновились вскоре после завершения Второй камчатской экспедиции. В 1744 г. сборщик ясака Матвей Новограбленный во время экспедиции в среднюю часть Курил получил на о. Маканруши сведения от айна Камуарюпи, побывавшего на о. Симушир, о том, что живущий на южном берегу о. Кунашир знатный японец с о. Мацумаэ¹ приглашает русских на о. Кунашир с товарищами для торговли, чтобы осуществлять ее не через айнов, как это делалось обычно и в небольшом объеме, а напрямую и крупными партиями. Это предложение было направлено сибирскому губернатору.

В 1745 г. доставленный в Большерецк с о. Онекотан, возможно, упомянутый японец Рихати из группы потерпевших кораблекрушение моряков судна купца Тамбэ «Тано-мару» во главе с капитаном по имени Токубэй (Токубээ) Такэути, кото-

рый погиб при высадке вместе с пятью другими спутниками, предлагал русским направить свои суда непосредственно на о. Мацумаэ с сукном, юфтью, соленой рыбой и китовым жиром, подчеркивая, что последний у японцев ценится высоко².

В том же году на о. Онекотан сборщики ясака Матвей Новограбленный и Федор Слободчиков встретили японца Юсонти³ из той же группы Т. Такэути, который завизировал русскую ландкарту Японии от о. Матмай до о. Кюсю, составленную по его данным, и сообщил, что на о. Хонсю имеются ткацкие фабрики, на о. Симушир – рудники по добыче золота и серебра, а в гавань Аккэси на северо-востоке о. Матмай приходят крупные японские корабли для обмена японских товаров на бобров и на орлиные перья. Все материалы с рапортом командира Камчатки капитана Лебедева были доставлены в Сенат России, который предписал сибирской администрации, а также лейтенанту С. Вакселю и мичману В. Ртищеву оказывать покровительство выкинутым на берег 10 японцам, доставить в Петербург «лутчих, кои знатнее и смыслом острее, пять человек». Имена потерпевших кораблекрушение: Рихати, Суэмо, Яхэй, Садзиморо, Юсонти, Каюдэра, Санносукэ, Тёсукэ, Каюсукэ и Рёсукэ.

20 августа 1746 г. в указе Сената было поручено Иркутской провинциальной канцелярии предоставить им в пути следования все необходимое, а сопровождающему их офицеру направить инструкцию об учтивом обращении с ними. Так же предписывалось обращаться и с пятью оставшимися японцами, которые в 1747 г. были направлены из Большерецка в Охотск и Якутск. Японцев предполагалось использовать как преподавателей своего языка русским, а также в качестве учеников, готовящихся стать переводчиками с русского и айнского языков, чтобы иметь толмачей при установлении добрососедских политических и торговых отношений с Японией⁴.

В 1748 г. пять японцев, доставленных в Петербург и получивших после крещения фамилии Мельников, Решетников, Свиньин, Панов и Черных, были назначены преподавателями японского языка при сенатской конторе (они сменили умерших

Содзу и Гондзу), а путевой журнал, содержащий вопросы к пяти японцам и их ответы, которые записывались прапорщиком А. Владыкиным и переводчиками А. Феневым и П. Шенаныкиным, были переданы в Адмиралтейств-коллегию⁵.

Годом ранее из оставшихся японцев в Якутск через Охотск были отправлены получившие новые имена после крещения Панов (брат отвезенного в столицу), Татаринов и Трапезников, а Григорьев (Рихати) был оставлен в Большерецке.

В июле 1754 г. в связи с организацией новой Сибирской (Нерчинской) экспедиции для изучения дальневосточной части России и тихоокеанских островов в Якутске под надзором губернатора была основана новая школа японского языка при Навигацкой школе по распоряжению Сената. После смерти в 1753 г. Мельникова в ее состав вошли присланные из Петербурга трое остальных учителей – японец и двое его учеников – русские Петр Шенаныкин и Андрей Фенев.

В 1754 г. была учреждена еще одна школа японского языка в Иркутске, переведенная в том же году в Илимск, а в 1761 г. она слилась с японской школой в Иркутске. Первоначально японские учителя – Татаринов (Санносукэ), Панов и Трапезников – обучали в этой школе одного ученика – казака Ляпунова. К 1757 г. в ней уже было четверо учеников.

В год объединения с Илимской школой японского языка Иркутская школа состояла уже из 7 преподавателей-японцев и 15 учеников. К началу 70-х годов XVIII в. учеников осталось трое. Один из них – Егор Туголуков – проявил столь большие способности, что позднее сам стал учителем этой школы. Наиболее способным ученикам разрешалось присваивать чин коллежского асессора. Немного позже выпускники этой школы оказали существенную помощь в налаживании контактов русских с японцами.

От японцев, находившихся в Иркутске, до сибирского губернатора Ф.И. Соймонова – сподвижника Петра I дошли сведения, что власть Японии простирается до южной части о. Матмай, причем все Курильские острова оставались независимыми в буферной зоне между двумя государствами.

20 февраля 1761 г. Ф.И. Соймонов направил начальнику Анадырского острога подполковнику Ф.Х. Плениснеру инструкцию об организации русскими промышленниками неправительственной экспедиции в южную часть Курильских островов. 24 августа того же года в указе Сената «О дозволении ловить зверей в Камчатке на островах Восточного океана» инструкция получила свое подтверждение. Этот указ следовал в ответ на рапорт и доношение сибирского губернатора с просьбой разрешить частным судам курсировать в сторону Японии вдоль о. Матмай. Разрешение было подтверждено в манифесте Екатерины II от 31 июля 1762 г.⁶

В 1764 г. камчатский старшина Яков Бутин согласился организовать секретную экспедицию, но в следующем году он умер, поэтому в 1767 г. ее возглавили старшина курильского о. Парамушир Никита Чикин и его помощник сотник Иван Черный. В инструкции от 25 января 1766 г. руководству экспедиции, составленной Большерецкой канцелярией, помимо задачи приведения в подданство айнов южной части Курил, ставилась задача, «если где найдутся занесенные на судне или другим случаем японцы ... то ни мало не озлобляя, привести в Большерецк; кроме того, не будет ли где приезжих для торга, что обходиться с ними ласково и учтиво, навещаться изподручно», а в инструкции той же канцелярии от 22 мая 1766 г. предписывалось «разведывать секретно/ ведут ли с кем торговлю ... особенно ж, есть ли у них огненное и другое оружие и не бывают ли у них японцы; в каком месте, судами и в многолюдстве ли и чем торгуются, японские вещи, разные их платья, что принадлежат до куриозности, выменивают ли на данные русские и китайские товары».

Весной 1767 г. русская экспедиция отправилась в вояж, но в пути Н. Чикин умер, а И. Черный со спутниками 11 июня 1767 г. добрался до о. Итуруп, принял в подданство всех коренных жителей, разделенных, как и на других островах, на конкурирующие роды, и двух айнов с о. Кунашир и получил в дар от аборигенов немало японских вещей, в том числе золотую монету, привезенные с о. Матмай.

Старшина айнов о. Итуруп сообщил И. Черному, что на южном мысе о. Кунашир в крепости уже имеется постоянный японский гарнизон. Этот гарнизон был размещен там в 1754 г.⁷ «Мохнатые (то есть южнокурильские айны. – К.Ч.) до 1768 г. жили совершенно свободно на 18 (то есть о. Уруп. – К.Ч.) и южнейших 19, 20 и 21 островах (Итуруп, Кунашир и Шикотан и на северо-восточной части 22-го. – К.Ч.), о. Матмай (ныне о. Хоккайдо. – К.Ч.), в урочище Аткис (Аккэси. – К.Ч.) и сопредельных ему местах, – писал исследователь истории Курил А. Полонский. – С Японией они не имели других сношений, кроме торговли. Основываясь на этом показании, русское правительство предприняло попытку подчинить своей власти мохнатых, а затем посредством торговли сблизиться и с Японией»⁸.

Однако бесчинства, которые творил И. Черный в отношении как айнов, так и своих подчиненных – русских, снискали ему дурную славу, и надеждам на торговлю с Японией на этот раз не суждено было сбыться. Сам И. Черный за свои действия был отдан под суд, но умер до окончания следствия.

Важно отметить, что с XVII и вплоть до XX века Япония, претендуя на новые территории, в отличие от России руководствовалась не правом первого открытия, нанесения на географическую карту и географического описания, а заимствованным ею из Китая «принципом освоения территорий посредством торгового обмена». Считалось, что получение товара в Японии представителями верхушки айнов в порядке торгового обмена зависело от расположения к последним японских властей и таким образом якобы представляло собой форму вассальной зависимости.

Первые сведения о Курильских островах были зафиксированы японцами княжества Мацумаэ на основании данных, полученных от айнов на о. Хоккайдо, что показывает сугубо номинальный характер вассалитета айнов, и даже, по мнению некоторых японцев, сводит на нет правооснования Японии на указанные территории. Как известно, в 1639 г. правительство Японии приняло закон об окончательном закрытии страны, по которому предписывалось никому не выезжать из государ-

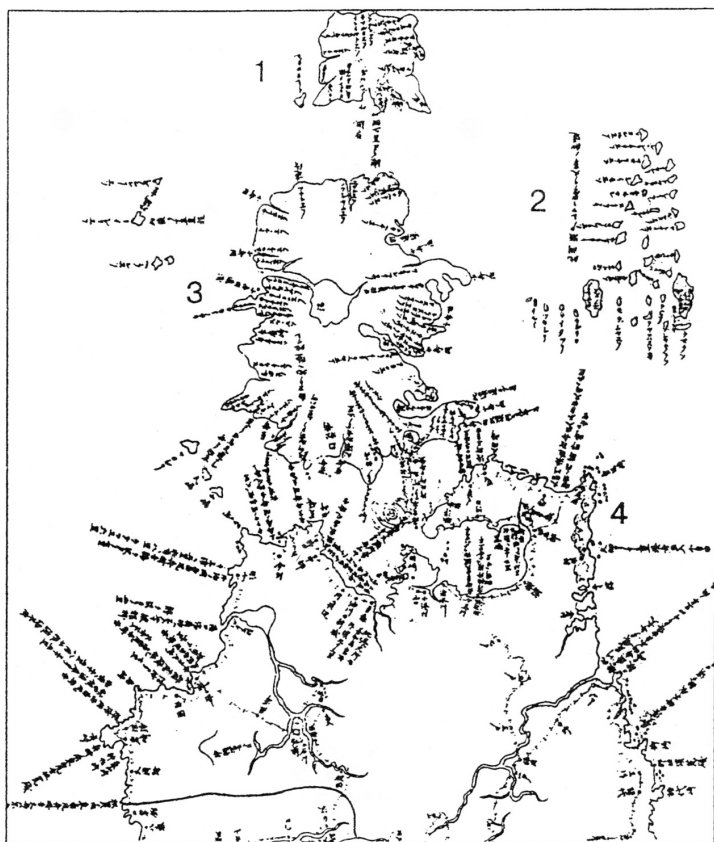
ства. Этот закон послужил почти непреодолимым препятствием для изучения и освоения японцами территорий, лежащих к северу от их страны, занимавшей в XVII в. **значительно меньшую** площадь, чем в настоящее время. В течение по крайней мере полутора веков посещения японцами Курильских островов и Сахалина носили случайный, эпизодический характер и, естественно, не сопровождались какими-либо формальными актами присоединения данных районов к Японскому государству. Это относится, например, к посещению в 1674 г. о. Итуруп японцем по имени Ситиробэй из Исэ, который был выброшен на берег в результате стихийного бедствия и затем выпровожден айнами в Японию, и к эпизодическим поездкам японцев из клана Мацумаэ на Сахалин в 1650, 1669, 1689 и 1700 гг. в рыболовный сезон.

В 1619 г., ссылаясь на сведения, полученные от японцев, иезуит Николай Элиод подтверждал, что к северу от Японии расположен остров, называемый японцами Эдзо, который на географических картах не значится.

Курильские острова (Тисима) впервые, очевидно, были официально нанесены на географическую карту Японии в 1700 г., когда клан Мацумаэ преподнес центральному правительству чертеж страны периода Гэнроку (1688–1703). Это было сделано, конечно, по сведениям, которые довелось услышать от айнов, а поэтому 39 островов на этом чертеже изображены в одном месте, совершенно не ориентированные по отношению друг к другу, среди которых можно, правда, различить названия Кунашир, Итуруп и Уруп (рис. 4).

Итак, практически почти полная неизученность Курильских островов и Сахалина в Японии в течение XVII в. и почти всего XVIII в. **свидетельствует, что о первоначальном хозяйственном освоении упомянутых районов японцами не могло быть и речи.**

Первое несомненное свидетельство о проникновении русских товаров в южную часть Курильских островов было получено властями японского княжества Мацумаэ в 1759 г. от самурая этого княжества К. Минато. В его донесении со-

1. О. Сахалин; 2. Курильские о-ва; 3. О. Хоккайдо; 4. О. Хонсю

Рис. 4. Фрагмент карты Японии 1700 г.

общалось: «Во время моего пребывания в Аккэси прибыли вождь Итурупа Каккоро и вождь Кунашира Сануш-тэка. На Каккоро был ворсистый красный кафтан иностранного изготовления. Он держал в руках пику иностранного производства. Из рассказа этого человека явствует, что на Камчатке проживает много иноземцев, которые носят красные кафтаны, и что там строятся остроги»⁹.

Вполне вероятно, что появление у айнов этих русских вещей, о которых стало известно японцам, связано с поездками в среднюю и южную части Курил старшины Николая Сторожева, о которых в 1755 г. он представил отчет в Большерецкую канцелярию на Камчатке¹⁰.

Заинтересованность русских в приобретении японских товаров привела к тому, что, выполняя роль посредников, айны стали выменивать их у японцев с о-вов Кунашир и Матмай (Мацумаэ) в порту Аккэси во все возрастающем количестве.

«По докладу тогдашних русских, туземцы на Северных Курильских островах привозили на о. Симушир шкуры выдры и орлиные перья и меняли эти товары на японские ткани, мечи, лакированную посуду, котлы и табак, которые приобретали туземцы о. Симушир ... идя на о-в Итуруп... от туземцев с о. Кунашир и Носаппу (из северо-восточной части нынешнего о. Хоккайдо. – *К.Ч.*), а туземцы Северных Курильских островов, в свою очередь, получали прибыль, меняя эти товары на товары соседних туземцев, – пишет Синъитиро Такакура. – Туземцы Кунашира и Носаппу привозили японские товары, приобретенные у торговцев Мацумаэ ежегодно на месте, на о-в Итуруп, и, собрав там шкуры выдры и орлиные перья, привозили эти товары в Мацумаэ и получали прибыль. Поэтому развитие торговли, вызванное появлением русских на Севере, также подействовало на торговлю Мацумаэ. Русские стремились приобретать японские товары. Тот факт, что русские, опираясь на о-в Уруп, начали заниматься торговлей с туземцами на Южных Курильских островах, составил важную эпоху в японо-русских отношениях вокруг Курильских островов»¹¹.

2. Побег в Японию русских во главе с М.А. Беньовским с Камчатки

До начала 70-х годов XVIII в. в Японии считали, что русские, продвигаясь на юг по Курильским островам, проводят в отношении айнов в основном мирную, гуманную политику,

такую же, какую рекомендовали проводить японцам голландцы, то есть также стремятся к установлению добрососедских и взаимовыгодных торговых отношений¹².

Предупреждение Морица Беньовского, сделанное японцам в 1771 г. во время пребывания у берегов Японии, о намерениях России в отношении Японии постепенно привело к опасениям об угрозе с Севера¹³.

Мориц Август Беньовский (1746–1786) был офицером польской армии, потомком польских и венгерских аристократов, участником движения за независимость Польши. В 1769 г. он был взят русскими в плен под Каменец-Подольском и сослан в Казань, оттуда бежал в Петербург, где после раскрытия антиправительственного заговора с его участием попытался бежать за границу на голландском корабле, но был выдан столичным русским властям голландским шкипером как бунтовщик. В 1770 г. он был сослан на Камчатку, в Большерецк. Используя недовольство матросов, работных людей и политических ссыльных, которых притесняло местное начальство, он организовал бунт в Большерецке и привлек несколько десятков человек, главным образом русских, для побега сначала к берегам Японии, а затем в Европу. Судя по сохранившимся документам, их было примерно 70 человек. Помощником М. Беньовского был капитан гвардии Петр Хрущев – участник восстания 1762 г. против Екатерины II.

Побег был совершен на галиоте «Св. Петр», которым командовал опытный навигатор, штурман Охотского порта Максим Чурин. Среди его спутников находились также бывшие капитаны Ипполит Степанов и Василий Панов, полковник Асаф Бутурлин, приказчик Алексей Чулошников, канцеляристы Иван Рюмин и Спиридон Судейкин и др.

18 июля 1771 г. русский корабль подошел к о. Сикоку в провинции Ава (ныне префектура Токусима) и в районе Сакихама (это устанавливается только по японским источникам)¹⁴. Район расположен напротив г. Осака – крупного торгового центра Японии на о. Хонсю, значительно южнее, чем район, до которого добрался В. Вальтон за 32 года до этого события.

Помимо большого запаса продовольствия, на русском корабле имелись казенные меха в 126 ящиках (соболи, бобры и лисы) и крупная сумма денег. На Камчатке беглецами было захвачено 6500 казенных рублей, которые предназначались для торговых операций.

19 июля 1771 г., увидев на берегу японцев, которые знаками давали понять, чтобы к острову не причаливали, М. Беньовский, тем не менее, направил к берегу ялбот с И. Степановым, ссыльным шведом А. Винбландом и еще несколькими сопровождающими, которые затем побывали в японской деревне, где были весьма гостеприимно встречены местными жителями. Приглашенных на корабль японцев одарили подарками, и они знаками объяснили, что пополнить запасы пресной воды можно у пос. Хиваса, который в мемуарах М. Беньовского фигурирует под фантастическим названием Усильпатиар, где его якобы радушно принимал японский князь Уриками.

По приказу японского чиновника русский корабль был отбуксирован к этому месту тремя японскими лодками. К вечеру японцы привезли рис и воду, но жестами дали понять, что, если русские выйдут на берег, местных японцев могут казнить. На русское же судно японские чиновники и священнослужители приходили весьма охотно.

«А когда оные японцы к нам приходили на судно, – писал канцелярист Иван Рюмин, – тогда им объявлено было, что мы – голландцы и идем в Нангазаки (Нагасаки. – К.Ч.) ... который стоит на острове ж от большого острова, где мы стояли верстах в 50 или более, в котором имеют с ними коммерцию одни голландцы, причем мы их дарили соболями и другими вещами и потчивали российской водкою, а они напротив того привозили нам пшена (сорочинского, то есть риса. – К.Ч.), воды и их японского вина ... и насыпали одну бочку пшена и привезли мешок соли. А прежде того писал командир, или предводитель Бейспоск (Беньовский. – К.Ч.) в Нангазаки к голландцам письмо уведомительное и отдал для пересылки японцам...»¹⁵ В письме не содержалось никаких предупреждений об угрозе со стороны русских.

23 июля русский галиот отчалил от берегов о. Сикоку на юго-восток, выпалив из пушки, чтобы отогнать японцев, которые пытались воспрепятствовать выходу судна в открытое море.

Затем после краткой стоянки у о. Танэгасима (на французской карте Японской империи М. Беллина 1752 г., которой, судя по его мемуарам, пользовался М. Беньовский, на месте этого острова изображен о. Такусима, названный им Такасима) русский галиот направился к о. Осима (архипелаг Амами) – владению князя Симадзу в провинции Сацума, расположенному между о. Кюсю и нынешними о-вами Рюкю. В то время Амами входил в состав о-вов Рюкю.

Здесь, на побережье Накада, у нынешнего пос. Сэтонай¹⁶, М. Беньовский передал местным жителям одно письмо для вручения голландцам в Нагасаки, другое – местным жителям с благодарностью за оказанное гостеприимство и снабжение его провизией. К обоим письмам были приложены их копии и переводы с немецкого на латинский язык. Японские переводчики, владевшие из европейских языков только голландским, попросили директоров фактории Нидерландов Д. Арменольта и В. Фейта перевести эти письма на голландский. Лишь одно письмо содержало предостережение о возможной угрозе Японии со стороны русских.

Это письмо, датированное 20 июля 1772 г., гласило:

«Высокочтимые и благородные господа, офицеры славной Республики Нидерландов!

Жестокая судьба ... в течение долгого времени носившая меня по морям, вторично привела меня в японские воды. Я сошел на берег в надежде, что мне, быть может, удастся встретиться здесь с Вашими превосходительствами и получить Вашу помощь. Я поистине весьма огорчен, что не имел возможности побеседовать с Вами лично, ибо располагаю важными сведениями, которые хотел бы Вам сообщить. Высокое уважение, которое питаю к Вашему славному государству, побуждает меня поставить Вас в известность, что в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя точный приказ,

совершили плавание вокруг берегов Японии и нанесли свои наблюдения на карту, готовясь к нападению на Мацумаэ и прилегающие к нему острова, расположенные на 41°38' с.ш., нападению, намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящемся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады.

Если бы удалось побеседовать с Вами лично, я рассказал бы больше, нежели то, что можно доверить бумаге. Пусть Ваши превосходительства примут те меры предосторожности, какие сочтете необходимыми, но как Ваш единоведец и ревностный доброжелатель Вашего славного государства, я советовал бы по возможности иметь наготове крейсер.

На этом позволю себе отрекомендоваться и остаюсь подписавшийся ниже, Вашим покорным слугой

барон Аладар фон Бенгоро¹⁷ (Беньовский. – *К.Ч.*),
армейский военачальник в плену 20 июля 1771 года, на
о. Усма (Осима. – *К.Ч.*).

P.S. Я оставил на берегу карту Камчатки, которая может сослужить Вам пользу»¹⁸.

Японским государственным историкам это письмо стало известно позже в неточном переводе Морисигэ Кондо – исследователя Курильских островов в конце XVIII – начале XIX в. Этот перевод звучит так:

«В течение нескольких дней, попав в шторм, мы, борясь с морской стихией, во второй раз оказались у берегов Японии. Благодаря Вашей доброте мы получили помощь Вашей страны. Я глубоко сожалею, что не могу лично встретиться с Вами. Я выражаю Вам свою признательность в этом письме. Получив приказ из России обследовать [японские] укрепления, я приплыл в этом году с двумя галиотами и одним фрегатом с Камчатки к берегам Японии и крейсировал вдоль ее берегов. Мы намеревались собраться в одном месте. Я услышал достоверное сообщение о том, что в следующем году будут предприняты рейды на территорию Мацумаэ и соседние с ним острова. Мы обследовали эти районы на 41°31' с.ш. Для этого

мы построили крепости на так называемых Курильских островах около Камчатки и перевезли туда военное снаряжение и т.п. По крайней мере, я не могу скрывать вышеупомянутое от Хогоздекэнсу (голландцев (?). – К.Ч.) и хотел сообщить Вам об этом, но направлять такие письма русские строго запрещают. Поскольку теперь я испытываю к Вам доверие, надеюсь, что Вы сохраните это в строгой тайне даже от своих друзей, так как мы оба европейцы. Говоря по секрету, я надеюсь, что Вы пошлете корабли из страны Вашего пребывания, чтобы предотвратить этот вред. К сему приложена карта Камчатки»¹⁹.

По поводу этого письма М. Беньовского руководитель голландской фактории в Нагасаки Д. Армэнголт и приехавший на смену ему В. Фейт выступили против предостережения М. Беньовского о якобы русской угрозе Японии. Директора фактории Нидерландов писали: «Мы считаем, что его письмо содержит заявление, не имеющее под собой никакого основания, и все в нем предоставляется несурзным и трудно поддающимся проверке. Новый директор фактории выехал из Европы лишь прошлым летом, но он не слышал ничего о тех слухах, о которых утверждается в этом письме»²⁰.

Это мнение Д. Армэнголта опровергает известную точку зрения о том, что с начала 70-х годов XVIII в. голландцы в Японии якобы специально распространяли слухи об опасности экспансии России в отношении Японии²¹ (Д.М. Позднеев ставит интересный вопрос, не сохранились ли в голландских архивах сведения о докладе Армэнголта японским властям, который он обещал сделать через год после возвращения в Европу)²².

Однако в действительности дело обстояло не совсем так, как считали голландцы.

Сообщение М. Беньовского о том, что русские корабли уже в 1771 г. курсируют вдоль берегов Японии и в 1772 г. предполагается их нападение на нее – именно для этого на Курилах построена крепость, не соответствовало действительности, однако утверждение о постройке русской крепости на Курилах не было беспочвенным.

Еще в 1746 г. известный мореплаватель А.И. Чириков представил в Адмиралтейств-коллегию проект, в котором предлагал соорудить крепости «как при островах, так и оной жилой земле» на Дальнем Востоке России. В частности, он считал, что на одном из Курильских островов «без препятствия можно крепость построить и служителей пристойное число содержать»²³.

Б.П. Полевой считал (и не без оснований), что М. Беньовский сознательно клеветал на русских в письме голландцам²⁴. В то же время, частично противореча себе, он приводит данные со ссылкой на архивные материалы, цитируемые Р.В. Макаровой и А.И. Алексеевым, о том, что в начале 70-х годов XVIII в. русские, в частности начальник Камчатки Тимофей Шмалев, активно выступали за то, чтобы на о. Уруп – «на 18 Курильском острове хоша сперва и на весьма выгодном месте следственно крепость и российское селение завести»²⁵ для новой попытки начать торговлю с Японией «через обитающих на 19 (о. Итуруп. – *К.Ч.*) и 20 (о. Кунашир. – *К.Ч.*) народах»²⁶.

Сменивший в 1772 г. Т. Шмалева по указу Екатерины II на его посту «главный командир» Камчатки премьер-майор М. Бем стал «более настойчиво ратовать за создание на Курилах крепостей»²⁷, а иркутский губернатор генерал-поручик А.И. Бриль в том же году приказал под видом экспедиции на морских зверей секретно снарядить военный корабль (как и предостерегал М. Беньовский), который прошел бы через южную часть Курил до о. Мацумаэ и выяснил бы возможность установления торговых отношений с японцами²⁸.

Предостережения М. Беньовского (через директора голландской фактории в Нагасаки В. Фейта, советовавшего японцам в 1771 г. проводить в отношении айнов умеренную политику) стало известно японскому переводчику с голландского Косаку Ёсио и некоторым японским ученым, в частности Байэн Миура, Кёкудзан Хирадзава, Хэйсукэ Кудо и Сихэй Хаяси.

В течение нескольких лет японским властям удавалось держать предостережения М. Беньовского в тайне, но через этих ученых оно постепенно стало достоянием гласности и

превратилось в предмет острой полемики по вопросам безопасности Японии.

В 1774 г. Хирадзава, который был в Нагасаки в свите одного из японских князей, составил на основе данных переводчика с голландского Кимики Мацумура первый документ по этому вопросу. Вернувшись в столицу Эдо, в 1777 г. он поехал на о. Мацумаэ с сообщением об «угрозе» со стороны русских. Но это не возымело никакого действия на местные власти, хорошо знавшие от айнов о положении дел в районе Курильских островов²⁹.

Диаметрально противоположный результат имело аналогичное сообщение Х. Кудо, которое было включено в его книгу «Изучение сведений о рыжих варварах» («Акаэдзо фусэцуко», 1781), написанную на основе его общения с В. Фейтом, японскими переводчиками с голландского и казначеем княжества Мацумаэ Г. Ёнэда, рассказавшим Х. Кудо о Курилах.

Хотя сам Х. Кудо отнесся к сообщению М. Беньовского с недоверием, у фактического главы японского правительства – министра финансов Окицугу Танума (1719–1788) предостережение М. Беньовского вызвало серьезное опасение. Поэтому японский руководитель распорядился, чтобы клан Мацумаэ подготовил для него отчет об отношениях с русскими, в том числе и о торговле. А когда документ не удовлетворил его из-за неопределенности выражений, чтобы скрыть военную слабость клана и нелегальный характер его торговли с русскими – он приказал направить в районы, пограничные с Северной Японией, специальный отряд, который в 1785–1786 гг. возглавил Токунай Могами (1754–1836), с целью изучения их для последующего освоения и торговли с русскими и лишения таким образом Голландии монополии на торговлю с Японией³⁰. Другой отряд из 30 человек возглавили в 1785 г. чиновники центрального правительства Сюдзо Аосима и Тэцугоро Ямагути. С ними должен был отправиться на север известный голландовед Тосиаки Хонда (1744–1821), но он заболел, и вместо него был назначен другой голландовед – талантливый ученик-естествоиспытатель,

математик, астроном, географ и топограф Токунай Могами, с большим интересом изучавший Россию по голландским источникам. В 1786 г., добравшись до о. Итуруп в сопровождении айнов, он встретил в местечке Шяршям проживавших там трех русских с корабля «Святой Павел», который был направлен в 1784 г. на о. Уруп, чтобы снять выброшенное на берег волной русское судно. Это были Семен Дорофеевич Извозов (Идзюёдзофу) из Иркутска, Иван Сосновской (Сасунокой) из Охотска и их денщик Никита из Нерчинска, убежавшие из-за раздоров с этого острова.

Ссылаясь на миф о сотворении Японских островов якобы вместе с Курилами (Тисима), Т. Могами, угрожая мечом, заявил, что Курилы – японская территория, а в ответ на возмущения русских двух из них взял с собой на о. Кунашир, где задержал на японском торговом посту. Позднее все они вернулись в Россию³¹.

Мнения о реальности угрозы Японии со стороны России придерживались Б. Миура (книга «Записки о возвращении в горы» написана в 1778 г., когда он побывал в Нагасаки и общался с переводчиком с голландского К. Ёсио) и С. Хаяси (книга «Обозрение трех стран», 1785 г.; «Военные беседы о морской стране», 1791 г.), выступавшие как активные сторонники теории обороны Японии как морской державы.

В 1774 г. по указу камчатского командира М. Бема вдоль Курил в сторону Японии была направлена экспедиция на частном судне. Указ, адресованный купцам Г.И. Шелихову и П.С. Лебедеву-Ласточкину, предписывал «для толмачества в случае видимости с японцами командировать ныне к тому судну находящихся здесь японского толмача и дворянина Антипина, ученика Ивана Очередина»³².

24 июня 1775 г. экспедиция на судне «Св. Николай» отправилась из Петропавловска. Поскольку М. Бем считал, что экспедиция имеет большое политическое значение, он лично прибыл из своей резиденции на проводы судна.

В инструкции, полученной руководителем экспедиции Иваном Антипиным, в частности, говорилось: «Как у тамош-

них народов по их обыкновению и склонности японцы покупают жир, трескову юколу, бобры морские, нерпы черные, орловые хвосты, а напротив того они привозят и продают мохнатым курильцам вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамуи серебрянныя, наподобие небольшой сабли, сабли ж, ножи, топоры, котлы зеленой меди да чугунные на ношках, то и тебе Антипину для продажи им, а покупки их товаров на судне иметь всегда надобно таковые ж необходимо компанейской стороны котлы, корольки, орловые хвосты разных сортов и тому подобные припасы. От приведения ж японцев в знакомство и склонения к торгу зависеть будет государственная и народная польза и по всей вашей компании выгодностью неотменно служить может»³³.

После крушения бота «Св. Николай» в августе 1775 г. у берегов о. Уруп на помощь команде в 1777 г. была направлена из г. Охотска бригантина «Св. Наталья» под руководством штурмана М. Петушкова и Иркутского посадского Д.Я. Шабалина, которым были даны задания «куда каждогодно для торговли сходитя судам российским и их (японским. – *К.Ч.*) бусам»³⁴.

Перезимовав на о. Уруп, команда бригантины «Св. Наталья» под руководством Д.Я. Шабалина на трех байдарках 19 июня 1778 г. добралась до о. Мацумаэ в районе Ноккамапу, восточнее г. Нзмуро и передали японскому чиновнику Дайхати Арайда письмо М. Бема с предложением о торговле.

До получения ответа местных японских властей стороны договорились (по предложению Д.Я. Шабалина) регулярно приходить в условленное время торговать в гавань на северное побережье о. Кунашир – «от лопатки (мыса. – *К.Ч.*) к югу, примерно в 17 верстах, в которой и прежде, за выгодностью ее, ставвали японцы со своими судами»³⁵.

Но в официальной историографии Японии считается, что русские неправильно поняли уклончивый ответ Д. Арайда в отношении согласия на неофициальную торговлю на о. Кунашир: японский чиновник лишь согласился передать предложение русских князю клана Мацумаэ прийти с его ответом не на о. Кунашир, а на о. Итуруп.

Но истина, по-видимому, лежит посередине. Как свидетельствует источник «Устные показания переводчика на о-ве Кунашир Ринъэмона», власти княжества Мацумаэ, извлекавшие и раньше значительные доходы от нелегальной торговли с русскими при посредничестве айнов Курильских островов, и на этот раз согласились на торговлю в небольших размерах с нашими купцами на пограничном о. Кунашир – вдали от мест, посещаемых чиновниками центрального правительства, в случае, если эта торговля будет осуществляться в форме обмена дарами, то есть на своего рода бартерной основе, предложив встретиться к 20 июля (31 июля по новому стилю) следующего года. Русские на это согласились и «в знак скрепления заключенного дружества Шабалин послал обоим начальникам (Дайхати Арайда и Сэйэмон Кудо. – К.Ч.) голландского сукна, сапоги, мыло, бумажные платки и разные мелочи, за что получил от них в подарок азямы канфонные, тафтяные и посуду»³⁶.

Через пять дней экспедиция покинула о. Мацумаэ. 20 августа 1778 г. она вернулась в Охотск. Иркутский губернатор, бригадир Ф.Г. Немцов, удовлетворенный достигнутой договоренностью с японцами, обратился в Петербург к обер-прокурору князю А.А. Вяземскому с просьбой оказать содействие компании П.С. Лебедева-Ласточкина в получении монополии на торговлю с айнами и японцами и промыслы на Курилах, направив с этой целью на 22-й остров (о. Мацумаэ) новую экспедицию во главе с начальником Охотского порта, капитан-лейтенантом С.И. Зубовым. Однако Екатерина II (а ей передал эту просьбу А.А. Вяземский) отказалась предоставить такую монополию одной компании, опасаясь недовольства других купеческих домов Сибири.

Тем не менее 24 июня 1779 г. экспедиция, снаряженная П.С. Лебедевым-Ласточкиным и С.И. Зубовым, снова прибыла в Ноккамапу на о. Мацумаэ³⁷, не дождавшись появления японцев ни на о. Итуруп, ни на о. Кунашир. Но и здесь они не обнаружили японцев и, установив дружеские отношения с вождем местных айнов от о. Уруп до Ноккамапу Сомканну Камунаппи,

уговорили большую часть из них (около 1,5 тыс. чел.) уплатить подати (ясак) в пользу России³⁸.

После этого И.М. Антипин, Д. Шабалин и их спутники направились в район Аккэси (Аткис), и 25 августа 1779 г. они прибыли на побережье Цукусикой. Через день состоялась встреча русских с японскими чиновниками Асари, Мацуи, Сибата и Фуруя, которые объяснили задержку прибытия в Ноккамапу отсутствием попутного ветра и сообщили, что «иностранный торговля ограничивается исключительно портом Нагасаки, и так как в остальных местах она « совершенно не разрешается, то – сколько бы ни просили – позволения дано не будет. В будущем переплывать море и приходить сюда совершенно бесполезно»³⁹.

Вместо этого японцы предложили осуществлять торговлю через айнов на о. Кунашир.

В октябре 1779 г. русские вернулись на о. Уруп, перезимовали там и, после гибели их судна «Св. Наталья» в результате землетрясения и цунами в сентябре 1780 г., прибыли на байдарке в Большерецк.

Несмотря на отказ японцев установить прямые торговые отношения, эта экспедиция имела важное значение в истории зарождения русско-японских отношений, так как в результате появились первые официальные двусторонние контакты. О них вскоре узнали не только власти княжества Мацумаэ, но и центральное правительство Японии, и становление отношений России с этой страной на более высоком уровне стало вопросом ближайшего времени.

3. Первое официальное посольство России в Японию

В 80-х годах XVIII в. усилилось стремление сибирских купеческих компаний открыть Японию для торговли. Это намерение поддерживало как руководство местной администрации, так и центральное правительство, которое хотело обезопасить российский промысел морского зверя, надеясь

использовать пушнину для обмена на продовольственные и другие товары из Японии.

Так, 8 августа 1785 г. Екатерина II подписала указ Адмиралтейств-коллегии о снаряжении научной экспедиции в северо-восточную часть Тихого океана (рис. 5) под руководством капитана второго ранга И.И. Биллингса (1761–1806), которая, в случае если по его прибытии через Берингов пролив в Охотск новые суда еще не будут построены, должна обследовать воды, омывающие Японию с севера и запада⁴⁰, а 22 декабря 1786 г. последовал указ Коллегии иностранных дел о направлении русских судов в Восточное море – в район к северу от Японии, «по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгового звериных промыслов». Указ был дан в ответ на предупреждение на этот счет президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова (1741–1805) и гофмейстера А.А. Безбородко (1747–1799), которые предложили послать одну из флотилий «к северному краю Японии» осмотреть Курильские острова (со временем они могли бы стать базой для торговли с этой страной)⁴¹.

В наставлении Адмиралтейств-коллегии руководителю первой кругосветной экспедиции капитану первого ранга Г.И. Муловскому (не ранее 17 апреля 1787 г.) ставилась, в частности, задача все Курильские острова до о. Матмай (ныне Хоккайдо) «причислить формально ко владению Российского государства, поставя и укрепля гербы и зарыв медали в пристойных местах с надписью на российском и латинском языках... Там⁴² наиболее примечать должно, нет ли хорошей гавани и удобного места для заложения крепости и селения...»⁴³

В связи с тем, что правительство Японии запрещало устанавливать отношения с державами, где исповедуется христианство (за исключением Нидерландов, торговля с которыми носит строго ограниченный характер), граф А.Р. Воронцов и статс-секретарь Екатерины II генерал-майор Ф.И. Соймонов в своей записке, перечислив предметы для торговли и подарки, советовали Г.И. Муловскому (?–1789) отправиться не в южную или центральную Японию, а на о. Матмай (ныне – Хоккайдо),

где законы об изоляции Японии так строго не соблюдались и жители вели при посредничестве аборигенов (айнов) торговлю с русскими, посещавшими Южные Курильские острова.

И хотя из-за войны, которую Турция при поддержке Англии начала против России в августе 1787 г., эта экспедиция не состоялась, часть ее плана, касающаяся Северной Японии, была реализована там позднее – первым русским посольством.

Большую активность проявили иркутские купцы Г.И. Шелихов (1747–1795) и И.И. Голиков (1729–1805), предлагавшие на 21-м (Кунашир. – К.Ч.) или на 22-м (Хоккайдо. – К.Ч.) Курильских островах установить торговые отношения с Китаем и Японией и построить там крепость⁴⁴. Г.И. Шелихов даже стремился установить монополию на торговлю со странами Тихого океана.

13 февраля 1790 г. вслед за правительственной Комиссией по коммерции и своим предшественником И.В. Якоби (1726–1803) иркутский и колыванский губернатор И.А. Пиль (?–1801) поддержал инициативу снарядить экспедицию в Японию, послав рапорт Екатерине II. Но предложение использовать для этой цели возвращение на родину попавших в результате кораблекрушения в Россию японцев с судна «Синсёмару» во главе с купцом Дайкоку Содаю из провинции Исэ для прорыва изоляции Японии первым внес Стокгольмской академии наук надворный советник Эрик (Кирилл) Густавович Лаксман (1737–1796) – знаменитый естествоиспытатель-энциклопедист, экономист и путешественник, последователь основоположника научной классификации растений шведа Карла Линнея (1707–1778). Э.Г. Лаксман бы полиглотом и владел 17 иностранными языками.

И.В. Якоби, рекомендуя его руководителем научной части экспедиции И.И. Биллингса, охарактеризовал его как «мужа обширного знания в натуральной истории, глубокого об ней рассуждения и великого дарования и твердости духа к изобретению и открытию всего в ученом свете неведомого»⁴⁵.

«Сибирский Ломоносов» Э.Г. Лаксман родился 27 июля 1737 г. в предместье г. Нейшлота, отошедшего вскоре к России,

в финской части Швеции, и в отличие от некоторых его биографов, считавших его финном, сам называл себя природным шведом⁴⁶. В 1784 г. после ряда путешествий по Сибири и обстоятельного изучения ее природы Э.Г. Лаксман переехал на жительство в Иркутск – центр организации экспедиций как в Японию, так и к берегам Северной Америки.

«Намерение правительства было, наконец, – писал об этом периоде В. Лагус – шведский биограф Э.Г. Лаксмана, – формальным образом вступить во владение землю, замечаемой по слухам к Северу от Колымы и Берингова пролива, а также Курилами и Алеутами с побережьем Американского материка, где в течение последних двадцати лет поселилось несколько рыболовов, звероловов и торговцев пушниной. Какие новые государственные и торговые виды на будущность! Пределы государства должны были значительно расшириться и получить противовес не только исключительному влиянию голландцев на Японию (Нагасаки), а также сношениям англичан с Китаем (Кантон), от которых кяхтинская торговля начала страдать. Кроме того, какие предвиделись завоевания для науки! Лаксман уже давно мечтал об этом»⁴⁷.

Пути, по которым можно было бы добраться до Северной Японии, лежали, по мнению Э.Г. Лаксмана, через бассейны рек Амур и Уда, о. Сахалин и Курильские острова. К такому заключению естествоиспытатель пришел под влиянием публикации в 1768 г. А.Ф. Бюшингом описания бассейна р. Амур с указанием на важность использования р. Уды как путей к Японии и Америке, и что значительно позднее – в 1794 г. стремился доказать также властям Г.И. Шелихов, предлагавший снарядить за свой счет экспедицию⁴⁸.

До этого времени основным источником сведений о Японии в Европе являлись впервые опубликованные в 1727 г. на английском языке «История Японии и Сиамы» и в 1777–1779 г. – на немецком языке – «История и описание Японии»⁴⁹ сотрудника голландской фактории в Нагасаки в 1689–1692 гг., немецкого врача Энгельберта Кемпфера (1651–1716) – ученика и протезе К. Линнея. Э. Кемпфер получил высшее образова-

ние в университетах Кенигсберга (Германия) и Упсалы (Швеция), а после возвращения из Японии, где автор этой книги в 1691 г. побывал вместе с директором фактории Нидерландов в г. Нагасаки, в столице Страны восходящего солнца – г. Эдо, удостоился ученой степени Лейденского университета (Голландия). Пребывание Э. Кемпфера в Японии совпало с периодом Гэнроку (1698–1703), экономического и культурного расцвета Японии, который он приписал политике самоизоляции от внешнего мира, проводившейся Японией, и выступил как ее сторонник⁵⁰.

Но когда в Японии в 1775–1776 гг. побывал другой европейский ученый с несравненно более широким кругозором, продолжатель дела «короля ботаников» К. Линнея, швед Карл Петер Тунберг (1743–1822) (в середине 70-х годов XVIII в. он был директором голландской фактории в Японии), Япония уже стала приходить в упадок, и К. Тунберг осудил политику самоизоляции Японии. Его новые взгляды горячо поддержал Э.Г. Лаксман, который, находясь под их непосредственным влиянием, вместе с другими учеными с большим интересом знакомился с «японской флорой» (1784) К. Тунберга, а также с «Дневником путешествия... по Европе, Африке и Азии в 1770–1779 гг.», содержащим описание его пребывания в Японии (1791). Этот дневник вышел в г. Упсала, где К.П. Тунберг получил сначала (в 1779 г.) должность доцента, а затем (в 1781 г.) – профессора университета, а Э.Г. Лаксман способствовал публикации этого труда в России и переводу его на немецкий язык⁵¹.

В 1794–1795 гг. К. Тунберг, как и его соотечественник, дважды побывавший в Японии после поступления в 1786 г. на службу в голландскую Ост-Индскую компанию, доктор медицины Лейденского университета И.А. Штюцер, подарили свои труды о Японии и японские коллекции Петербургской академии наук⁵².

Стремление продолжить предпринятые Тунбергом исследования природы и общества Японии, обновив устаревшие к этому времени представления о ней Кемпфера, и привели

Адама Эриковича (Кирилловича) Лаксмана – второго сына Э.Г. Лаксмана – к знакомству с японцами в Иркутске⁵³ и к оригинальной для того времени идее использовать их возвращение на родину через Северную, а не Южную Японию (где в г. Нагасаки уже имелась голландская фактория).

Японцы, с которыми познакомился Э.Г. Лаксман по их прибытии 7(18) февраля 1789 г. в Иркутск – это капитан потерпевшего в 1783 г. у о. Амчитка (Алеутские острова) корабля «Синсё-мару» Дайкокуя Кодаю и члены экипажа судна Исокити Тоёмацу, Коити, Синдзо, Сёдзо и Кюэмон. Из 17 человек, вышедших в море из бухты Сироко – японской провинции Исэ (ныне префектура Миэ) с грузом в столицу Эдо, один человек умер за семь месяцев пребывания в открытом море (шторм, крушение), семь человек – за четыре года проживания на о. Амчитка и трое – на Камчатке (1787–1788), куда их доставили русские промышленники.

Вместе с помощником коменданта Камчатки капитаном Т.О. Ходкевичем (по пути в Иркутск он оказывал японцам разные услуги) летом 1789 г. Э.Г. Лаксман составил прошение в столицу о возвращении японцев на родину⁵⁴.

В августе 1789 г. в этом прошении было отказано, и японцам предложили стать чиновниками. На вторичное обращение Д. Кодаю от 3 февраля 1790 г. пришел ответ, что, если Кодаю и его спутники не желают служить чиновниками, то они могут остаться в России в другом качестве. Он, как японский купец, может быть торговцем, которому построят дом, дадут необходимый материал и освободят от налогов. Но Д. Кодаю и его спутники 7 февраля того же года с благодарностью отклонили это предложение и вновь выразили желание, чтобы их отправили на родину. Ответа на это третье обращение не последовало, японцев сняли с довольствия, и 15 февраля 1791 г. Э.Г. Лаксман решил отправиться в Петербург, благо он должен был везти туда казенное имущество – собранные им растения и минералы, чтобы вместе с Д. Кодаю, которого он взял с собой, решить вопрос о возвращении трех японцев на родину. В то время умер Кюэмон, а Сёдзо и Синдзо из-за болезни выну-

ждены были остаться в России. Они крестились, получили имена Федор Степанович Ситников и Николай Петрович Колотыгин (позже стали учителями в школе японского языка в Иркутске). Через два дня после прибытия в Петербург при посредничестве Э.Г. Лаксмана Д. Кодаю подал гофмейстеру А.А. Безбородко четвертое прошение на имя Екатерины II о возвращении японцев на родину⁵⁵.

Хотя ответ на предыдущее, третье, прошение японцев не был сообщен им, на самом деле иркутские власти, как нам представляется, его получили, но не пожелали полностью сразу выполнять указания. Это видно из того, что японцы «равным образом содержимы были казенным иждивением по 1790 г., в котором на представление об них Иркутской казенной палаты воспоследовал Правительствующего сената указ, чтобы им более из казны на содержание не выдавать, а доставить способ к возвращению в их отечество»⁵⁶.

Очевидно, Э.Г. Лаксман, отмечая это обстоятельство в своем процитированном выше письме президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову от 26 февраля 1791 г., узнал о принятом решении только по приезде в Петербург и лишь тогда начал, пользуясь случаем, претворять в жизнь план установления отношений с Японией.

В приложенном к упомянутому письму А.Р. Воронцову «Представлении о японском торге» Э.Г. Лаксман, учитывая мнение К. Тунберга об изменении к лучшему отношения в Японии к контактам с европейцами, в частности, писал: «Вообще можно заметить, что японцев ревнивость к другим народам в сем столетии весьма уменьшилась. Голландцы хорошим своим поведением, почти чрез 200 лет продолжающимися, всякого поношения достойную народную болезнь, усилившуюся властолюбием португальцев, нарочито ослабили. Из повседневного моего чрез 2 года обращения с претерпевшим кораблекрушение японским купцом Кордою (Кодаю. – К.Ч.), довольно хорошо знающим свое отечество, узнал я, что тамошнее обращение ныне в сравнении со временами Кемпфера, или за 140 лет отселе, сделалось гораздо свободнее. Да

и сама роскошь с сего времени нарочито возросла, чрез что нужды увеличились, и торговля сделалась важнее».

Далее в подкрепление мысли о том, что возвращение Д. Кодаю важно использовать для установления торговых связей с Японией, не допустив, чтобы его отправили на родину англичане или голландцы – лишив таким образом Россию повода открыть для себя эту страну, Э.Г. Лаксман писал: «Да, поступок агличан, основавших селение в заливе Нотке (на северо-западном берегу Америки. – *К.Ч.*), кажется мне сие подтверждающим. Сверх того живущие здесь, в Санкт-Петербурге, сего мореплавательного народа купцы, как скоро узнали, что я привез с собою помянутого японца, с своей стороны или паче со стороны их министра (то есть посланника. – *К.Ч.*) делали некоторые предложения, из коих заключить можно было, что они имели склонность принять на себя отправление его чужестранца морем в его отечество и мне обещались щедро вознаградить убытки, понесенные мною в проводе его в столицу.

Равные намерения удобно можно приметить и со стороны голландцев. И, может быть, по сей единственной причине только невыгодные известия о поступках сего приморского азиатского народа рассеяны, дабы не возбудить в ком соревнования, чтобы одним им пользоваться выгодами от торговли, с японцами происходящими. А что ни одни голландцы участвуют в Японском торге, но и другие народы потаенно там торгуют, доказывает привозимая к нам монета, которая кроме голландских червонцев, состоит из аглинских (то есть английских. – *К.Ч.*) гиней»⁵⁷.

Обеспокоенность Э.Г. Лаксмана заинтересованностью англичан в лишении русских возможности вернуть Д. Кодаю и его спутников на родину, а следовательно, предлога для направления посольства России в Японию, не была лишена оснований.

О приезде Д. Кодаю в Россию сообщалось в книге французского исследователя, барона Ж.-Б. Бартелеми Лессепса (1766–1834), дяди Фердинанда Лессепса, организатора строи-

тельства Суэцкого канала. Будучи в Нижне-Камчатске в 1787 г. в составе французской кругосветной экспедиции 1786–1787 гг. Жана Ф. Лаперуза де Гало (1741–1788?), он встречался с этим японцем и дал весьма лестную характеристику в своих «Дневниках путешествия по Камчатке», изданных в 1790 г. в Париже (они хорошо были известны в странах Западной Европы, в том числе в Англии, к моменту приезда Кодаю в Петербург).

Б. Лессепс писал: «Говоривший со мною (японец. – К.Ч.), по-видимому, имел примерное преимущество перед прочими осьмью: известно, что он был купец, а те – матросы, служившие ему. Они ему оказывают отменное уважение и любовь... Имя его Кодаю, видом не странен, но более, приятен...»⁵⁸ И эмиссар английского правительства в Китае – Маккартни, направленный туда для налаживания торговых отношений, по-видимому, решил использовать Д. Кодаю для тех же целей в Японии, не зная, что такую инициативу уже проявил Э.Г. Лаксман. В начале апреля 1792 г., перед поездкой в Китай в письме английскому посланнику в России Ч. Уитворту он предложил переманить Д. Кодаю в качестве личного секретаря. Ч. Уитворт ответил, что сообщил о нем в Лондон еще в сентябре 1791 г.⁵⁹

Но в отношении голландцев опасения на этот счет (хотя сам Д. Кодаю и дал для этого повод) были напрасными, скорее всего в силу объективных причин. Дело в том, что во время длительной болезни Э.Г. Лаксмана (брюшной тиф), которой он заразился вскоре по прибытии в столицу, Д. Кодаю, постоянно заботившийся о своем покровителе и предполагавший, что и в четвертый раз его прошение останется без удовлетворения, обратился с аналогичной просьбой к посланнику Нидерландов Т. Лилаару, с которым и неоднократно беседовал. Однажды Д. Кодаю заявил: «Я подал прошение о возвращении на родину, но трудно сказать, когда будет на него ответ. А говорят, что из вашей страны в страну нашего императора ежегодно ходит корабль. Не можете ли вы отвезти нас на попутном корабле?» «Это дело нетрудное, – ответил посланник. – Но поскольку Вы подали прошение в этой стране, сде-

лать что-либо трудно. Вот если бы Вы отказались от своего прошения, то Вас можно было бы отправить с оказией»⁶⁰.

Ответ Т. Лилаара был недвусмысленным, и поэтому вряд ли можно согласиться с историком Такаёси Камэи, что он был уклончивым, так как голландский посланник опасался своим вмешательством вызвать недовольство российских властей⁶¹.

Несмотря на готовность посланника Нидерландов Т. Лилаара оказать содействие японцам, попавшим в Россию, в возвращении на родину, объективно это было невозможно. Во-первых, Д. Кодаю вряд ли мог поступить так, учитывая глубокое уважение к своему покровителю, Э.Г. Лаксману; во-вторых, в случае положительного ответа японцы могли бы попасть домой через Россию в течение одного года, тогда как, по словам Т. Лилаара, чтобы вернуться через Нидерланды, потребовалось бы три года. Вероятно, учитывалось, что голландский корабль посещал Японию один раз в год, потребовалось бы еще два года, чтобы получить разрешение японских властей на возвращение Д. Кодаю, известить его об этом и переправить через Нидерланды на родину.

Решение Д. Кодаю отложить ответ на предложение Т. Лилаара⁶² представляется логичным, если бы Д. Кодаю получил от Екатерины II отрицательный ответ на свое прошение. При встрече с голландским посланником Д. Кодаю попросил его передать два письма на родину. Незнакомый с правилами пересылки писем голландцами в Японию, Д. Кодаю передал их в запечатанных конвертах, но Т. Лилаар сказал, что в таком виде они не дойдут: их необходимо послать в открытых конвертах, так как японцы проверяют содержание писем из-за границы в городском управлении Нагасаки. Письма он взял без конвертов. Одно из таких писем от июня 1791 г. хранится в коллекции немецкого ученого Аша в библиотеке Геттингенского университета⁶³.

В упомянутом письме А.Р. Воронцову от 26 февраля 1791 г. Э.Г. Лаксман писал о японцах: «Во время их пребывания в Иркутске старался я свести знакомство с бывшим начальником японского судна Коодаю, яко человеком из первейших в

Японии купцов, от коего можно получить довольные сведения о японской торговле и вообще о его отечестве, к возвращению в которое почитает он надежнейшим способом, чтобы при помощи голландских корабельщиков попасть в Нанчисаки (Нагасаки. – *К.Ч.*), куда они ежегодно ездят».

Далее в этом документе ученый выдвигает главную идею, связанную с экспедицией в Японию: «Но как он при отправлении моем оказал желание узнать Российское государство, то я его взял с собою... в Санкт-Петербург, почему и осмеливаюсь Вашему сиятельству всепокорнейше представить, не можно ли настоящего случая употребить в пользу нашего отечества и завести с японцами знакомства с выгодою нашей торговле. Первым и надежнейшим к сему приступом почитаю я, есть ли благородно будет сих японцев доставлять в их отечество на нашем транспортном или купеческом судне, в Матумай (ныне Хоккайдо. – *К.Ч.*), где их земляки для лесного торгова беспрепятственно находятся».

В заключение Э.Г. Лаксман предлагал «подкрепить сие начинание высочайшим сообщением к японскому правительству и некоторыми подарками, состоящими в сукнах, камлоте, сафьяне и прочьи, каковые товары голландцы, приезжающие в Нанчисаки, меняют на прутное золото». «Наши же купцы, – считал ученый, – могут ежегодно выменивать японский чай, сарачинское пшено, шелковые и бумажные ткани, золото и прочее у южных курилов на сукна, кожи, на бобровые и рысьи шкуры и прочее»⁶⁴.

Свой проект Э.Г. Лаксман обосновал следующим образом: «К знакомству и купечествованию с Японией никто столько не имеет удобностей, как наши купцы, на Тихом океане торгующие. Да и самое наше соседство дает нам ближайшее к тому право. Никто не имеет легчайшего сообщения, никто не может иметь большей от того пользы, как наши купцы, а особливо когда будут вывозить оттуда сарацынское пшено, полотно, бумажные ткани и подобные сим товары»⁶⁵.

Учитывая сложность сообщения между Иркутском и Японией (через Якутск и Охотск), ученый предлагал ис-

пользовать бассейн р. Амур, истоки которого находились в русских владениях недалеко от этого города, а также трудности, с которыми сталкивались голландцы при основании фактории в самой Японии, «или в самом устье Амура, или на южных наших Курильских островах, или еще на лежащих к югу пустынных островах», это «облегчало торговлю японцев, поощрило бы их посещать наши гавани, и чтобы не иметь нужды делать то же при северном конце сего государства, что принуждены делать голландцы в Дезиме»⁶⁶. Кроме того, ни Э. Кемпфер, ни К. Тунберг не бывали на о. Матмай, и Э.Г. Лаксман рассчитывал, что русская экспедиция первая осуществит его научное описание.

28 июня 1791 г. по приказу гофмейстера А. Безбородко, переданному через А.Р. Воронцова, Д. Кодаю и Э. Лаксман прибыли на аудиенцию во дворец Екатерины II в Царском Селе.

После рассказа японца о своих злоключениях и гибели его спутников императрица выразила свое сожаление и, разгневавшись на сенатора, который не докладывал ей о предыдущих прошениях Кодаю, в тот же день приказала переправить последнего в Японию через Охотск, но не по р. Амур, опасаясь конфликта с китайцами⁶⁷.

Но Д. Кодаю и Э.Г. Лаксман узнали о таком поведении Екатерины II только 29 сентября 1791 г. от Воронцова, после возвращения императрицы в Петербург⁶⁸. Во время пребывания в столице Д. Кодаю несколько раз встречался не только с Екатериной II, но и с ее наследником, будущим императором Павлом I, а также с его сыном, будущим императором Александром I, высшими сановниками России. Приглашали Д. Кодаю также и зарубежные послы, везде его принимали радушно. В ожидании ответа на свои прошения императрице японец не терял времени даром: он много рассказывал Э.Г. Лаксману о Японии, пополняя его знания о своей родине; в частности, по его просьбе Кодаю исправил географические названия на карте Японии Э. Кемпфера, надписав их по-японски и по-латыни, начертил в 1789–1791 гг. четыре новые карты. Правда, о-ва Кюсю и Хонсю изображены у него как сплошная суша⁶⁹. По

мнению Т. Камэи, это можно было объяснить повреждением (возможно, морской водой) этих частей карты Японии в энциклопедическом словаре «Сэцуёсю», имевшемся у Д. Кодаю. Сам он был уроженцем восточной части страны и не имел четких географических представлений о ее западной части. Одна из таких карт хранится в библиотеке Гёттингенского университета. Дело в том, что в этом словаре граница между островами нечеткая, и Кодаю поэтому изобразил ее как границу между двумя провинциями о-вов Хонсю и Кюсю⁷⁰.

В 1791 г. Кодаю также участвовал в составлении японского словника (285 слов) в «Сравнительном словаре всех языков и наречий, по азбучному способу расположенном» (1792), составленном сербом Ф.И. Янковичем де Мириево под редакцией академика П.С. Палласа (1741–1811)⁷¹. Он ознакомился также с трудом академика И.Г. Георги (1729–1802) «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», и по возвращении на родину изложил соотечественникам его содержание⁷².

13 сентября 1791 г. Екатерина II подписала указ иркутскому и колыванскому губернатору И.А. Пилю об организации экспедиции в Японию, в котором предписывалось: 1) на казенный счет нанять одно судно или использовать одно из судов экспедиции И.И. Биллинга, «наблюдая только, чтоб начальник оного был из природных российских, а не из англичан и голландцев»; 2) отправить на этом судне «на всем казенном содержании помянутых японцев, оставляя, однако ж, двух из них, христианский закон воспринявших, и потому не могущих возвратиться на родину, для обучения японскому языку», который при установлении торговых сношений с Японией весьма нужен будет», в Народном училище в Иркутске «с соразмерным жалованием и на первый случай отдать им для обучения японского языка пять или шесть мальчиков»; 3) назначить руководителем экспедиции одного из сыновей Э.Г. Лаксмана, «поручая ему как в пути, так и в бытность в японских областях делать на водах, островах и на твердой земле астрономические, физические, и географические наблюдения и замечания, равно о торговых тамошних

обстоятельствах»; 4) подготовить наставление экспедиции с учетом советов Э.Г. Лаксмана; 5) направить «открытый лист» японскому правительству «с приветствием и с описанием всего происшествия»; 6) купить для него на 2 тыс. руб. подарков; 7) склонить к поездке лучших купцов или их приказчиков с товарами⁷³.

Екатерина II щедро наградила Д. Кодаю и прибывших в столицу его спутников Коити и Исокити перед отъездом на родину. 20 октября Д. Кодаю вручили золотую медаль на темно-голубой ленте с барельефом на лицевой стороне царствующей императрицы (эту награду вручали только именитым купцам – Г.И. Шелихову и И.И. Голикову⁷⁴, удостоился ее также немецкий изобретатель ракет для фейерверка при дворе Екатерины II), табакерку и французские часы редкой работы, 150 голландских золотых монет и 200 золотых рублей, а его спутникам – серебряные медали на бледно-голубой ленте, какими жаловали вождей восточно-сибирских племен. Э. Лаксману за хорошее обращение с японцами было подарено кольцо стоимостью в 800 серебряных рублей и 5 тыс. руб. серебром⁷⁵.

26 ноября 1791 г. японцы вместе с Э.Г. Лаксманом выехали из Петербурга в Иркутск, куда и прибыли 3 января 1792 г. 10 января генерал-губернатор Пиль предписал им выехать в Охотск. После прибытия в Охотск 1 августа были получены его повеление и наставление руководителю первого посольства России в Японию, А. Э. Лаксману – 26-летнему поручику, исправнику г. Гижигинска. Несмотря на свою молодость, он имел опыт путешествия по Охотскому морю, разбирался в картографии, астрономии и являлся надежным помощником отца в научных изысканиях в Восточной Сибири. Капитаном и штурманом бригантны «Екатерина», на которой отправилась экспедиция, были назначены начальник порта Охотска Василий Федорович Ловцов, вторым штурманом – уже посещавший о. Матмай Дмитрий Яковлевич Шабалин, управляющим делами – сержант геодезии Иван Филиппович Трапезников, сын Тёсукэ (Филиппа Трапезникова)⁷⁶, попавшего в Россию после кораблекрушения в 1745 г., переводчиком –

Егор Иванович Туголуков, ученик школы японского языка в Иркутске, помощниками капитана – сержанты Василий Иванович Олесов и Филипп Екимович Мухоплев. В составе экспедиции были два купца – Влас Николаевич Бабилов и Иван Григорьевич Полномощный.

В наставлении И.А. Пиля А.Э. Лаксману и В.Ф. Ловцову предписывалось, что с жителями «22-го Курильского острова» (Матмай) они должны «обходиться приязненно...» и «как можно стараться удалить всякое могущее у них быть о приезде вашем сомнение», чтобы они описали «весь остров с объяснением всяких выгод и способностей к хлебопашеству земли, со вниманием по сортам лесов, с промером рек и гаваней, также примерно и число жителей острова с их селениями; заметить в чем состоит продукт, какими товарами торгуют с японцами... да и не терпят ли от японцев неприязненных притеснений», чтобы при встрече с японцами после первой стоянки у этого острова под 45° с.ш. старались заручиться их согласием направить своих людей в ближайший город для оповещения о прибытии российского посольства, которое обязано обратиться с просьбой разрешить проследовать в столицу и по прибытии туда вручить японскому правительству письмо губернатора И.А. Пиля с объяснением цели визита – установления торговых отношений. При этом предусматривался отказ в разрешении следовать в Эдо и допуск судна в другой город.

Вместе с тем во время пребывания в Японии посольство должно было приложить усилия для пополнения редких и ценных знаний об этой стране по примеру служащих голландской фактории Э. Кемпфера, К.П. Тунберга, ее директора И. Тицинга, И.А. Штюцера и других путешественников⁷⁷.

Кроме того, Э.Г. Лаксман вручил своему сыну три письма японским ученым-голландоведам и врачам Хосю Кацурагава, Дзюньан Накагава и Дова Курисаки⁷⁸.

Президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову 8 декабря 1793 г. Э.Г. Лаксман по этому вопросу сообщал: «К доставлению сыну моему некоторых друзей при японском дворе рекомендовал я его лейб-медикам императорским, которые суть

Кацуругаво-Фусью, Курисукадофа и Накагава-Сунан. Каждому из них я послал письма, препровождаемые с разными натуральными вещами и медикаментами такого свойства, что, по моим мыслям кажется, должны приятными быть»⁷⁹.

Эти ученые-голландоведы и высококвалифицированные врачи стали известны Э.Г. Лаксману по упомянутому выше дневнику путешествий Тунберга по трем континентам. Подтверждением служит следующий фрагмент из его дневника о встречах в 1776 г. в столице Японии (г. Эдо) с японскими голландоведами:

«Сразу же после нашего прибытия в Эдо нас посетило много японцев, хотя мы не страдали от запретов выходить (из нашей резиденции. – К.Ч.) до того дня, на который назначалась встреча. Правда, никто из нас не мог наносить визиты, когда ему заблагорассудится, за исключением тех, кто получил разрешение на это от правительства в ответ на свое пожелание. Сначала к нам пожаловали ученые, известные в стране лица, а среди посетивших нас были даже торговцы.

Самыми первыми были пять врачей и два астронома, которые после получения разрешения от Совета империи пришли, чтобы увидеться с нами, сопровождая свой визит изощренными церемониями и доказывая тем самым свое удовлетворение нашим прибытием. Лично посол, его секретарь и я приняли их в моей гостиной, и беседовали с ними в течение нескольких часов, хотя я как наиболее опытный во многих областях науки после первых же общих комплиментов удалился, почти полностью занятый заданными мне вопросами, на которые они просили дать удовлетворительные ответы с наглядными примерами. Астрономов звали Бонсин (Бундзиро?) Сакаки и Суло Субокава (Сиро Сибукава?), оба они были в пожилом возрасте, и их вопросы касались главным образом эклиптики, из чего я заключил, что японцы не знают, как определять не только минуты, но часто даже и часы суток. Поскольку все вопросы и ответы должны были переводиться толмачем, часто случалось так, что мы не вполне ясно понимали друг друга...

С врачами беседовать было намного легче, так как двое из них немного понимали по-голландски; к тому же переводчикам не было чуждо лекарственное искусство. Врачей звали Ёсин (Есай. – *К.Ч.*) Окада, в возрасте около 70 лет, он в основном брал на себя инициативу в беседе и среди других тем особенно интересовался сведениями о раковых заболеваниях, переломах костей, кровотечениях из носа, фурункулах, фимозисах, ангине, зубной боли и поносе. Дофа (Дова) Курисаки был молодым врачом, который его сопровождал. Рёсюн (Рёдзюн) Аmano и Досин Фукусмото (Дзёсю Кусимото) обычно выступали только в роли слушателей. Все они нечасто наносили визиты, которые затем утратили свою церемонность, в особенности по отношению ко мне. Но двое из докторов не только посещали меня, но и порой оставались у меня до поздней ночи для того, чтобы получить знания и наставления в различных дисциплинах, к изучению которых у них была большая склонность, таких как натурфилософия, экономика сельского хозяйства и особенно ботаника, хирургия и физика. Один из них – Фосю (Хосю) Кацурагава – был врачом верховного правительства; он был очень молод, хорошо сложен, остроумен и отличался живостью нрава. На его одежде был изображен герб верховного правителя в виде оружия, и он появился в сопровождении своего друга Суннан (Дзюнъан) Накагава, который был несколько старше и служил врачом одного из первых князей в этой стране. Оба они, в особенности последний, довольно прилично говорили по-голландски и имели определенные познания по истории естествознания, минералогии, геологии и ботанике, почерпнутые частично из китайской и из голландской литературы и частично от голландских врачей, которые ранее побывали в этих краях...⁸⁰

Экспедиция А.Э. Лаксмана является центральным событием в русско-японских отношениях в XVIII в. Некоторые лица приписали инициативу «генерал-губернатору Пилю, (так как рескрипт (Екатерины II. – *К.Ч.*) дан на его имя), или даже Шелихову гораздо большее, а отцу Лаксмана гораздо

меньшее участие в приведении в действие этой первой российской экспедиции в Японию, нежели согласно с истиной и справедливостью»⁸¹.

Ярким примером такого несоответствия действительности служит утверждение историка Российско-Американской компании П.А. Тихменева, что «отец поручика Лаксмана, один из германских ученых, находившийся в Иркутске на службе при каком-то заводе, по внушению Шелихова, представил императрице проект об отправлении японцев на родину с целью попытаться вступить в сношения с Японией»⁸².

Эту точку зрения (с добавлением мнения И.И. Голикова – компаньона Г.И. Шелихова по торговой кампании) поддерживают профессор Э.Я. Файнберг⁸³ и действительный член Российской академии образования Л.Н. Кутаков⁸⁴.

Профессор А.А. Преображенский считает, что в организации первого русского посольства в Японию большую роль сыграли как Э.Г. Лаксман, так и «Российский Колумб» Г.И. Шелихов, в равной степени, – «независимо друг от друга они представили правительству России свои проекты установления торговли с Японией»⁸⁵. В его более поздней работе отмечается, что А. Лаксман был сыном известного ученого Э. Лаксмана, но о его роли в организации посольства не упоминается, хотя при этом подчеркивается, что «в составе посольства А. Лаксмана состояли купцы В. Бабилов, И. Полномочный (Полномошный) и Д. Шебалин (Шабалин), за которыми стоял знаменитый «Колумб Российский Григорий Иванович Шелихов»⁸⁶.

О важной, но вторичной роли Г.И. Шелихова, по сравнению с Э.Г. Лаксманом в организации первого русского посольства в Японию, хотя в 1790 г. первый из них и рассчитывал «через мохнатых курил с японцами установить торговлю», Б.П. Полевой в полном соответствии с исторической истиной пишет: «Как только в Иркутске стало известно, что правительство одобрило предложение Лаксмана, Г.И. Шелихов предоставил в распоряжение экспедиции свое судно «Доброе предприятие». Одновременно он решил послать в Японию

одного из своих приказчиков и двух кадыякских эскимосов, живших тогда в Иркутске»⁸⁷.

Э.Г. Лаксман и И.П. Шелихов по вопросу о целях этой экспедиции имели противоположные мнения: первый из них, помимо того, что руководствовался научными целями, выступал все же за свободную конкуренцию между различными купеческими компаниями России в торговле с Японией, что способствовало бы более эффективному обеспечению Восточной Сибири, Дальнего Востока и Америки ее товарами, а последний ставил прежде всего задачу подчинить торговлю с Японией интересам только своей компании.

«Хотя в седьмой статье Высочайшего рескрипта предписано было, чтобы с сими путешествующими (японцами. – К.Ч.) отправить иркутских купцов или их комиссионеров для некоторых торговых опытностей, – писал А. Лаксман гофмейстеру А. Безбородко 30 ноября 1793 г., – однако рыльской именной гражданин Шелихов, имеющий сильное влияние в здешнем начальстве, сей пункт в свою выгоду привлек, и сколько я примечаю, то и ныне монополистическим оком взирает на будущую первоначальную японскую торговлю. А мне кажется, что им первые шаги предприняты должны быть с великодушною предосторожностью, то есть сходственно с волею Ея Величества»⁸⁸.

И если Э.Г. Лаксман, руководствуясь идеями европейского просвещения, стремился осуществить их применительно к данной экспедиции через графа А.А. Безбородко, то Г.И. Шелихов для достижения своих целей старался опереться на соперника А. Безбородко – другого фаворита Екатерины II, графа П. Зубова, а также наследника престола, будущего императора Павла I⁸⁹.

От судна Г.И. Шелихова «Доброе предприятие» начальник экспедиции в Японию А.Э. Лаксман вынужден был отказаться из-за его непригодности, и ему была выделена в Охотске бригантина «Екатерина».

Что касается состава команды, то Д.Я. Шебалин на этот раз отправлялся на о. Матмай не от компании Шелихова – Голи-

кова и не в качестве ее приказчика, как утверждают некоторые историки⁹⁰, а в качестве штурмана, нанятого за счет казны⁹¹. И из приказчиков Г.И. Шелихова, посетивших Японию, в письме в начале августа 1794 г. А.А. Баранову, которого Г. Шелихов переманил к себе на службу управляющим делами Российско-Американской компании на о. Кадык со стекольного завода Э.Г. Лаксмана в Талциске близ Иркутска, в составе экспедиции упоминается только приказчик И. Полномошный⁹². Следовательно, упомянутый купец В. Бабилов был включен в состав команды как самостоятельное лицо, а не как представитель Шелихова. Э.Г. Лаксман не стал членом посольства в Японию не из-за болезни (к тому времени он уже поправился), как считает Б.П. Полевой⁹³, а в связи с запланированной ранее научной экспедицией в Якутию⁹⁴.

Какими были международная и внутренняя обстановка в России и Японии в канун направления первого русского посольства в Японию? В этот период границы России и Японии подошли вплотную в районе южной части Курильских островов. О. Кунашир находился в сфере влияния Японии, о. Уруп – в сфере влияния России, о. Итуруп, где в 1786 г. русские впервые встретились с японцами, – в промежуточной зоне, в отношении которой между ними началось противоборство, не утихавшее до середины XIX в.

По мнению историка Е. Корияма, в конце 80-х годов XVIII в. исследование японскими отрядами северных районов объяснялось не заинтересованностью голландцев в возникновении после побега Беньовского «русской угрозы» с севера как средства предотвращения возможной конкуренции в их торговле с Японией со стороны России, а в стремлении правительства О. Танума освоить новые источники доходов (земля, недра, морепродукты) для осуществления политики меркантилизма безотносительно к этой угрозе⁹⁵.

«Первоначальное накопление капитала в России в результате укрепления позиций купеческих компаний за счет пушного промысла на Дальнем Востоке и в Русской Америке, а также развитие товарно-денежных отношений в северных районах

Японии, остро нуждавшейся в пополнении казны за счет внешней торговли, создали определенные предпосылки для установления экономических и политических связей между двумя соседними государствами.

Эти тенденции к налаживанию двусторонних отношений наталкивались на серьезные препятствия внутреннего порядка. В России развитию капиталистического уклада с его стремлением освоить не только внутренний, но и внешний рынок мешала феодально-крепостническая система, которая являлась препятствием для экономических преобразований не только внутри страны, но и в Европе, особенно во Франции, из-за опасений, что реформы подорвут устои господства помещиков и высшей бюрократии. В Японии, несмотря на острый финансовый кризис, связанный с растущими непроизводительными расходами на содержание сёгуна и его аристократического окружения, сохранялась в целом традиционная политика изоляции страны с целью консервации феодального строя.

В целях преодоления кризиса японские голландоведы выступили с призывами изменить политику изоляции страны и открыть ее для внешней торговли с Россией и другими странами Запада. В этот период в Японии официально поддерживалась лишь незначительная торговля с Нидерландами и Китаем через Нагасаки. Вместо двух голландских кораблей, которым разрешалось посещать только этот порт, теперь разрешение распространялось только на один⁹⁶, а небольшая по объему торговля полуавтономного княжества Мацумаэ с русскими при посредничестве айнов велась нелегально. Эти японские ученые объективно оценивали тенденцию как в экономическом и политическом развитии страны, так и внешнеэкономический курс западных держав.

Промышленный переворот в Великобритании, революция во Франции, образование независимых США и продвижение России на Восток привели к стремлению Запада включить азиатские государства бассейна Тихого океана в мировой торговый оборот. Об этом свидетельствовала, в частности, экспедиция Кука (1776–1787) и др.

В 1791 г. в Японию был направлен английский корабль «Аргонавт» с целью открыть регулярную торговлю с этой страной. А позднее, после захвата Нидерландов войсками Наполеона, между Голландской Индией и Японией вместо судов голландской Ост-Индской компании стали курсировать корабли США. Однако оказали противодействие попыткам англичан закрепиться в Нагасаки голландцы. Но наибольшее опасение у них вызывала Россия как обширная держава, владения которой вплотную приблизились к Японии и которую другие западные страны рассчитывали использовать в качестве тарана, способного пробить прочную стену в изоляции Японии от внешнего мира.

Так, издатель труда директора голландской фактории в Нагасаки Э. Кемпфера, в предисловии к его книге об этой стране писал: «Япония ни в коем случае не откроет доступа иностранцам. Пока она не будет испытывать на себе давление других государств, она будет упорно держаться положения закрытого для иностранцев государства. Поэтому, чтобы заставить дать доступ иностранцам, не остается ничего другого, кроме применения военной силы со стороны такого сильного государства, как Россия. За исключением России не существует государства, которое могло бы заставить Японию дать доступ иностранцам»⁹⁷.

Об активизации политики России в последней четверти XVIII в. в Европе или распространении с учетом ее успехов в освоении азиатского побережья Тихого океана, прилегающих к нему островов и Северо-Западной Америки, в равной степени и на Восток у историков существуют разные точки зрения.

Так, Акира Такано (1970 г.) считает, что в период с конца XVIII до начала XIX в. **царская Россия перешла в государственных масштабах к практическому воплощению политики, символом которой являлся двуглавый орел на ее знамени, обращенный как на Запад, так и на Восток, и что проявлением ее в отношении Японии стало прибытие в Нэмуру А. Лаксмана, сыгравшего важную роль в качестве официального посланника России**⁹⁸.

Другой точки зрения придерживается Ёсимицу Корияма (1980), который считает, что из двух направлений своей внешней политики Екатерина II «главное внимание уделяла западному и, энергично добиваясь расширения территории в этом направлении, не чувствовала особенно привлекательным продвижение в отсталые районы Дальнего Востока и Тихого океана, и их освоение позднее приобрело характер устойчивой традиции царизма, причем, включив Курилы, Алеуты и Аляску в свою административную систему, он (царизм.– К.Ч.) непосредственно ими не управлял»⁹⁹.

Однако естественное ослабление усилий и внимания к проведению своей политики на Дальнем Востоке и в северо-западной части Тихого океана при преобладающем значении отношений России со странами Запада, на наш взгляд, произошло в период войн России с Турцией (1787–1791) и Швецией (1788–1790), а широкое использование в бассейне Тихого океана частных компаний было характерно не только для России, но и для других держав Запада (Англия, Нидерланды, Швеция, США), которые также обеспечивали свои интересы, действуя через такие крупные компании, как Ост-Индская, Гудзон-Бэйская и др.

При этом необходимо иметь в виду и целый ряд правительственных экспедиций, которые снаряжались в этот район. Так, в 1766–1767 гг. сюда была направлен. экспедиция П.К. Криницына – М.Д. Левашова, причем одно судно под командованием последнего побывало у о. Шикотан. В 1789 и 1792 гг. до о. Симушир (Курилы) дошло судно экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева. В 1787 г. в соответствии с указом Екатерины II от 22 декабря 1786 г., по случаю покушения английских промышленников на торговлю и звериные промыслы в северо-западной части Тихого океана, содержащим повеление Коллегии иностранных дел – «все тут представленное к сохранению права нашего на земли, мореплавателями российскими открытые произвесть в действие», – была подготовлена хорошо вооруженная эскадра для первой кругосветной экспедиции под командованием капитана 1-го ран-

га Г.И. Муловского. Она должна была предпринять решительные меры, при необходимости прибегнув к силе оружия с целью официально закрепить за Россией ранее открытые ее мореходами территории, даже если в силу отсутствия на них русской администрации там окажутся иностранцы.

К инструкциям Адмиралтейств-коллегий (не ранее 17 апреля 1787 г.) Г.И. Муловскому предписывалось: «Имея главнейшим предметом сохранение права на земли, российскими мореплавателями открытые, и недопущение иностранных к совместничеству и разделению торгова с российскими подданными, пришельцов тех, покушающихся на таковые не позволенные присвоения силою данного вам полномочия принудить из сих, по праву первее учиненных открытий к Российской державе принадлежащих мест, но и скорее удалиться и впредь ни о поселениях, ни о торгах, ни даже о мореплаваниях не думать. А ежели какие укрепления или поселения есть, то имеете Вы право разорить, а знаки и гербы скрыть и уничтожить. Равно поступать Вам и с судами сих пришельцев... В случае ж сопротивления или паче усиливания, употребить вам силу оружия... так как суда ваши достаточно вооружены»¹⁰⁰.

При этом экспедиция Г.И. Муловского должна была побывать не только у берегов Северо-Западной Америки, но и, как отмечалось ранее, в районе Больших и Малых Курильских островов – от о. Матмай до п-ова Камчатка, примечая, нет ли на о. Уруп или других островах, посещенных М.П. Шпанбергом, то есть включая южную часть Большой Курильской гряды и Малую Курильскую гряду, «хорошей гавани и удобного места для заложения крепости и селения, для хлебопашества и скотоводства, и есть ли тут довольно пресной воды и лесу для построения и починки впредь морских судов»¹⁰¹.

Поэтому вряд ли можно согласиться с Д. Позднеевым, считавшим, что в вопросе об освоении Курил правительство России «совершенно предоставило все дело частной предприимчивости»¹⁰².

Только из-за начавшейся войны с Турцией эскадра Г.И. Муловского (с 19 октября 1787 г. она готова была выйти в море) не смогла претворить в жизнь поставленные перед нею задачи, и в их реализации произошел перерыв вплоть до отправки в 1792 г. к северным берегам Японии экспедиции А.Э. Лаксмана.

Отказ же 12 сентября 1788 г. Сената России компании И.И. Голикова и Г.И. Шелихова предоставить помимо монопольных прав ссуды в 200 тыс. руб и военный отряд в 100 человек и двух оружейных мастеров, часть которых они намеревались направить в сторону Японии для того, чтобы «в предупреждении покушений других держав построить крепость и гавань на 21 (Шикотан. – *К.Ч.*) или 22-м (Матмай, ныне Хоккайдо. – *К.Ч.*) из Курильских островов», объяснялся не общим курсом России на Дальнем Востоке, а конкретными обстоятельствами – осложнением международной и внутренней обстановки, вызванным начавшейся тяжелой войной с Турцией и ожидавшимся разрывом дипломатических отношений со Швецией (в следующем году разразилась русско-шведская война).

13 сентября 1792 г. корабль «Екатерина» с первым российским посольством в Японию отошел от причала Охотска. 6 октября русское судно достигло пролива между о-вами Итуруп и Кунашир, названного позднее В.М. Головниным проливом Екатерины.

После кратковременной стоянки в бухте у южной оконечности о. Кунашир 7 октября, русские проследовали к противоложащему берегу о. Матмай.

В результате переговоров с айнами в устье р. Нисибэцу, а затем японцами – сборщиками податей княжества Мацума, приказчиком купца этого княжества, имевшим откупы (басе) на севере о. Матмай, а также с их подчиненными на о-вах Кунашир и Шикотан, штурман Олесов и переводчик Е. Туголуков выяснили, что удобная для стоянки судна гавань Киитаппу находится неподалеку у селения Нэмуру на северо-восточной оконечности о. Матмай (Эдзо).

8 октября «Екатерина» бросила якорь в заливе Нэмуру. В тот же день находившемуся в Нэмуру правительственному чиновнику русские сообщили о цели своего приезда, и он немедленно послал с гонцом в г. Мацумаэ (центр одноименного княжества) донесение о прибытии иностранного корабля. А 12 октября А. Лаксман вручил письмо губернатору Мацумаэ, где говорилось о целях визита.

На основании этого Юнноскэ Мацумаэ – старший сын правителя острова князя Митихиро Мацумаэ (Минамото) 19 декабря 1792 г. направил донесение центральному правительству на имя «дежурного» чиновника Тории Тамба-но-ками.

Японцы в Нэмуру предупредительно встретили русское посольство, отвели место для зимовки рядом со своими служебными помещениями – на случай защиты от нападения айнов, которое, впрочем, в то время они считали маловероятным. В 1789 г. японцы подавили вспыхнувшее восстание айнов на о. Кунашир, вызванное жестоким обращением с ними японских откупщиков, которые из-за повышения налогов стремились избежать убытка от использования айнов на рыболовных участках. Поэтому японцы опасались нежелательных контактов айнов с русскими. Японская администрация после казни 37 зачинщиков восстания переместилась из Аккэси в Нэмуру. Русские предполагали провести там зиму, прежде чем отправиться дальше на юг.

1 декабря туда прибыли вассалы дома Мацумаэ Кумадзо Судзуки, Умонсити Маэда и врач Кэнго Като, 10 декабря – младший чиновник надзора Дэндзиро Тагусагава, чиновник строительного управления Ясудзо Танабэ и врач Гэнъан Имаи. К тому времени русские уже перебрались в светлицу и казарму, построенные ими на берегу.

13 декабря первые три японца посетили А. Лаксмана и передали ему уведомление об отправке его письма в столицу Японии, а 30 декабря к нему пришли остальные японцы. Последние поделились с русскими опасениями по поводу отношения к ним членов русской экспедиции. Причиной этому послужило предупреждение голландцев о якобы плохом

обращении с иностранцами в России, но при этом пояснили, что спасение и возвращение русскими японцев изменило их предубеждение и что об этом они сообщили в Эдо. Вместе с тем один из них, Я. Танабэ, высказал мнение, что при принятии решения о торговле с Россией верховный правитель Японии будет колебаться между выгодами ее географического положения по отношению к русским в сравнении с голландцами, так как у первых из них есть все то, что они к японцам привозят, и нежеланием вызвать неудовольствие голландцев, которым «не весьма оное понравится»¹⁰³.

Весьма примечателен факт, что японские чиновники не требовали от русского судна удалиться от берегов о. Матмай (Эдзо). Это объясняется тем, что после подавления восстания айнов в 1789 г. в ходе расследования проведенного главой правительства С. Мацудайра, власти княжества Мацумаэ отметили, что, хотя они и посылают своих торговцев на север этого острова и на о. Кунашир, «этими территориями они до сих пор не управляют». В 1792 г. в «Записках об обращении с русскими» («Росиадзин ториацукаи тэдомэ») С. Мацудайра писал, что, ожидая ответа на свои предложения в Нэмуру, они знают, что, поскольку это не территория Японии, их не должны изгонять оттуда, и вполне естественно, что если не дадут ответа, то придется направиться в Эдо¹⁰⁴.

Важное обстоятельство (ранее не отмечалось в японоведческой литературе) заключается в том, что глава японского правительства С. Мацудайра, хотя и выступал против политики своего предшественника О. Танума, предлагавшего освоение японцами пограничных с Россией районов, тем не менее выступал за установление торговых отношений с Россией, что лишило бы Голландию монополии на торговлю с этой страной. Перед ним лишь стоял вопрос, где разрешить такую торговлю – в княжествах Мацумаэ или в Нагасаки? Свои взгляды на эту проблему он изложил также в «Записках об обращении с русскими»¹⁰⁵.

Такое намерение главы японского правительства, как считает Ё. Корияма, проявилось в том, что он не ограничил-

ся знакомством с докладом княжества Мацумаэ о встречах с русскими, как это было в конце 70-х годов, а направил на переговоры с посольством России в г. Мацумаэ полномочных чиновников центрального правительства: Тадафуса Исикава, Ёсинари Мураками, старших инспекторов надзора, что само по себе явилось крупным успехом экспедиции Лаксмана¹⁰⁶. Чиновники японского правительства прибыли в Нэмуру 2 марта 1793 г. После этого вассалы дома Мацумаэ, подружившиеся с русскими, стали воздерживаться от встреч с последними из-за опасения быть обвиненными в незаконных сношениях с ними. В апреле К. Судзуки умер, Коити также скончался от цинги.

1 мая Лаксман встретился с японскими чиновниками из Эдо и Мацумаэ, прибывшими со свитой (более 200 человек). Русскому посланнику был передан ответ на его письмо в адрес японского правительства, в котором российскому посольству разрешалось проследовать для передачи возвращаемых на родину японцев только до г. Мацумаэ, причем только по суше.

Однако по настоянию В.Ф. Ловцова и А.Э. Лаксмана, сославшихся на противоречия полученных предписаний своих властей, японцы после долгих размышлений согласились, чтобы «Екатерина» проследовала до ближайшего порта Хакодатэ, а затем русское посольство направилось по суше в паланкинах и на лошадях до столицы княжества Мацумаэ.

4 июня русское судно вышло из Нэмуру и, пройдя мимо о. Танфильева (Суйсё) в Малой Курильской гряде, затем, лагуна в течение нескольких дней между о-вами Матмай, Кунашир и Итуруп, прошло около о. Юрий в той же гряде и 24 июня стало на якорь в гавани Аткис (Аккэси). Через пять дней «Екатерина» вновь двинулась на юг, и 4 июля прибыла в порт Хакодатэ, где была торжественно встречена японскими властями, которые препроводили посольство в гостиницу с надписью на русском языке «Русский дом». Через пять дней посольство в крытых паланкинах в сопровождении кортежа из 450 человек направилось в г. Мацумаэ, перед которым к нему присоединился отряд в 600 человек. Процессия прибыла в

столицу княжества 17 июля, где русское посольство приветствовали представители местных властей, почетный караул и многочисленные горожане.

В тот же день состоялись переговоры с высшими правительственными чиновниками – инспекторами надзора Т. Исикава и Е. Мураками, которым были переданы Д. Кодаю и Т. Исокити. В благодарность за их спасение японцы подарили А.Э. Лаксману 100 мешков риса и три японских меча. При этом русским были возвращены переданное ранее 12 октября 1792 г. письмо в адрес губернатора Мацумаэ и его перевод на японский язык под предлогом, что русского языка никто в Японии не знает, а несовершенный перевод трудно понять, что может вызвать неправильное понимание целей российского посольства.

По не лишнему определенным оснований мнению историка японо-русских отношений Ё. Корияма, на колебания С. Мацудайра между необходимостью обеспечить безопасность Японии с севера и поправить финансовое положение страны за счет ее открытия для торговли с русскими в районе о. Матмай (Мацумаэ), решающим образом повлиял резкий стиль перевода на японский язык письма А.Э. Лаксмана губернатору Мацумаэ от 12 октября 1792 г. с изложением цели экспедиции, снаряженной иркутским и колыванским генерал-губернатором А.И. Пилем.

Так, в русском оригинале письма говорится, что И.А. Пиль по повелению Екатерины II направил А. Лаксмана «как для посольства в великое Нифонское (Японское. – К.Ч.) государство к главному правительству, так и для доставления онаго государства подданных в свое отечество» и действия в соответствии с мнением «главного правительства», которое могло уведомить русское посольство о нежелательности встречи в столице Японии Эдо, предложить другое место, «не дошед главной пристани», как это фактически и случилось. «Уведомляя же вас сим письмом, также просим, – сообщалось в русском тексте письма, – что, когда вы получите из главного начальства Нифонского государства на уведомление свое по сему письму на-

шему для продолжения нашего путешествия соответствие, нас в рассуждении, чтоб мы не могли упустить удобного времени, о сем главного начальства предписании поспешить уведомлением не оставить»¹⁰⁷, то есть сообщить о возможности продолжить следование в столицу Японии, если на то будет получено согласие Центрального правительства.

Перевод на японский язык таковым мог считаться условно, так как он представлял собой неточный пересказ, а не перевод. В нем содержалось категорическое намерение добираться в Эдо, неоднократно подчеркнутое. В обратном переводе с японского этот фрагмент звучит так: «Государыня... повелела отправить трех японцев в г. Эдо и сразу же по прибытии передать их властям г. Эдо, чтобы они были к нам благосклонны, и сообщить, что, перезимовав в этом порту (Нэмуру. – *К.Ч.*), не позднее марта месяца следующего года (1793. – *К.Ч.*) я намерен на своем судне сразу следовать в г. Эдо, чтобы передать трех японцев непосредственно властям в этом городе»¹⁰⁸.

Вопрос об открытии Японии для торговли с Россией в 1792–1793 гг. осложнился инцидентами, связанными с появлениями в 1790–1791 гг. иностранных судов у юго-западных берегов Японии. Так, в августе 1791 г. при попытке высадиться на берег произошло столкновение японцев с моряками английского судна «Аргонавт», и 26 сентября того же года правительство направило на места инструкцию о необходимости в таких случаях пленения чужеземных моряков и уничтожении их кораблей¹⁰⁹.

Однако, учитывая, что Россия являлась могущественным государством и возможным торговым партнером, в апреле 1793 г. С. Мацудайра вопреки мнению некоторых высших чиновников выступил против использования по отношению к русскому посольству положений этой инструкции и приказал, снабдив русских всем необходимым, предоставить им статус гостей, но вместе с тем приложил все усилия, чтобы не допустить появления судна, имевшего на борту оружие, в гавани столицы Японии г. Эдо.

При обсуждении же в правительстве вопроса об установлении с Россией торговых отношений мнения разошлись. Были высказаны три точки зрения. Первая совпадала с мнением, выраженным ранее главой правительства в его «Записках об обращении с русскими» – согласиться на торговлю с ними в районах обитания айнов. Вторая – отказать в разрешении торговать с японцами в этих районах и предложить начать торговлю, как и голландцам, в Нагасаки. Третья – принять спасенных японцев, запретить вход в гавань Эдо, но в случае если этот запрет выполнить не удастся, поставить японо-русскую торговлю под строгий административный контроль.

В результате было принято компромиссное мнение С. Мацудайра: запретить вход «Екатерины» в гавань столицы Японии, не принимать письма руководителей посольства России и его подарков, но принять в г. Мацумаэ возвращенных на родину японцев, отблагодарить русских их возвращение, а также выдать письменную лицензию на прибытие их судна в Нагасаки для переговоров о торговле и по другим вопросам. Чтобы не подвергать опасности свою страну и не раздражать таким ответом Россию, было решено сослаться на прецедент 1727 г., когда точно такая же лицензия была выдана королю Камбоджи, которой он, правда, не воспользовался.

Как полагает японский историк Сигэтада Манабэ, учитывая мнения, высказанные при обсуждении этого вопроса, глава правительства в тот момент не хотел начинать торговые отношения с Россией, хотя с этой точкой зрения не согласен, например, Ё. Корияма, считающий, что С. Мацудайра направил русское посольство в Нагасаки только потому, что выступал в противовес О. Танума против освоения о. Мацумаэ (о. Матмай, или Эдзо)¹¹⁰. Однако глава правительства намерен был согласиться на торговлю с русскими в Нагасаки, если бы они прибыли туда на основе выданной им лицензии¹¹¹. На той же позиции стоит и японский историк Итиро Нумада¹¹², а американский историк Д. Кин прямо утверждает, что руководителя русского посольства представители японского

правительства недвусмысленно предупредили, что «весьма возможно, если он немедленно направится в Нагасаки, соглашения удастся достичь»¹¹³.

Выдавая лицензию на прибытие в Нагасаки, японское правительство приняло во внимание, что русская разновидность христианства, как и протестантизм голландцев, были противоположны католицизму, который исповедовали, например, испанцы и португальцы, торговля с Японией которым была запрещена в XVII в., так же, как и Англии, чья королева в то время была португалкой.

В тот же день – 17 июля 1793 г. – А.Э. Лаксману был вручен документ в отношении прибытия иностранных судов: «Как вы из своего государства за препровождением по жребью занесших морем людей по незнаемости, прибыли, но не в Нагасаки, а в другое место (в другие же места к нашей земле с моря приходять иностранным судам не позволено...) затем, когда и морем следуют без всякого огненного орудия, из древних же лет живущий всегда в содружестве государственном народ, а именно голландцы, приходят в Нангасакскую гавань, но не во внутренние места государства; так как вы... не имея еще никакого дружества с людьми на вооруженном судне пришли: чего для и следовало бы долговременно обратно не отпускать, как пришедших без ведома, а особливо против закона нашего... Но уважая, что за препровождением наших подданных людей из своего государства отправлены, с великою трудностью следовали, и государства нашего законов еще не ведая, ныне возвратить обратно простительно, только с тем, как в здешнее место заходить запрещается... Также и в столичный город Эдо отсюда идти не позволяется... В Нангасакскую же гавань следовать одним судном с данным от нас с листом, который показав, впущены будете...

Относительно же для заключения дружбы и согласного трактату, чтоб торговаться: в одном месте находится определенный чиновник. И обо всем вышеописанном выразумев обстоятельнейшим образом, *с успехом* (курсив наш. – К.Ч.) следовать обратно»¹¹⁴.

После того как японские власти в ответ на попытки А.Э. Лаксмана продолжить переговоры повторили свое согласие вести их только в г. Нагасаки, он получил соответствующую расписку¹¹⁵.

22 июля А.Э. Лаксман вручил японским чиновникам подарки, а японским ученым передал три письма, три термометра и различные коллекции. В своем дневнике 22 июля 1793 г. он сообщал: «Послал от себя к начальствующим эдовским чиновникам в подарок два больших зеркала, пару пистолетов, разной стеклянной посуды и два термометра и через них разные посланные от родителя моего в столицу Эдо с тремя письмами к их ученым людям разные редкие вещи по натуральной истории и три термометра, которыми как первые от меня, так и последние для препровождения были приняты»¹¹⁶.

Судя по приведенному письму Э.Г. Лаксмана А.Р. Воронцову, это были письма и вещи, предназначенные Х. Кацурагава, Д. Накагава и Д. Курисаки¹¹⁷.

С. Мураяма прав, отмечая неточность профессора А.А. Преображенского, который в примечании к этому фрагменту написал, будто между Э.Г. Лаксманом и японскими учеными имелась переписка. Их ответы не были получены, тем более что Д. Накагава к этому времени уже скончался. Но японский ученый не прав, считая, что с известной долей уверенности можно говорить лишь о письме Х. Кацурагава, так как его содержание дается только в изложении, да и то в других японских источниках¹¹⁸.

Неправильной является и версия двух писем о том, что третьим адресатом был астроном Дзюссай Хаяси, эту версию вслед за Мюрдохом¹¹⁹ разделяет профессор Э.Я. Файнберг¹²⁰, ссылаясь также на книгу Тунберга «Японская флора 1784 г.» (у нее ошибочно – 1789 г.), в предисловии к которой говорится только о двух первых адресатах, а Д. Хаяси к тому же не астроном, а придворный конфуцианец и вообще не упоминается.

Вероятно, к этой книге восходит и версия о двух адресатах в письмах Э.Г. Лаксмана к японским ученым, с которой

Д. Кодаю мог познакомиться при общении с ним в России. Ведь 15 сентября 1794 г. на аудиенции у сёгуна на вопрос: «Знают ли в России о существовании Японии?» он ответил: «Знают и очень хорошо. Я видел книги, в которых есть подробные записи о Японии. Видел также карту Японии российский ученый Кирилл Лаесман (Э.Г. Лаксман. – К.Ч.), который всячески нам помогал, упоминал даже имена японских ученых Хосю Кацурагава и Дзюнъана Накагава. По-видимому, о них было написано в иноземных книгах об изучении Японии»¹²¹. Эту версию ошибочно повторил переводчик и комментатор «Кратких вестей о скитаниях в северных водах» («Хокуса монряку») В.М. Константинов (С. 28).

Любопытным представляется другой вариант версии об одном адресате письма Э.Г. Лаксмана, представленный в книге японского просветителя-голландоведа Тосиаки Хонда «Удивительные беседы с иноземцами» («Гайро идан»), в которой сообщается, что лейб-медику сёгуна с русским кораблем было направлено письмо от европейца (буквально: рыжеволосого. – К.Ч.), который раньше приезжал в Японию¹²².

Другими словами, К.П. Тунберг и Э.Г. Лаксман превратились у японского ученого в одно лицо, и это совмещение в одном лице двух шведов – одного из них из России, – имевших контакты к одним и тем же японцем. При этом опасение японских властей, что Россия может напасть на Японию, объясняло вопрос, заданный Д. Кодаю сразу же по прибытии в столицу инспектора по надзору (мэцукэ) Тадатэру Накагава на дознании в августе 1793 г.: «Говорят, что некий русский прибыл на голландском судне. Слышали ли вы что-либо об этом?» Д. Кодаю ответил: «Да... Упомянутый Вами человек – русский доктор. Он был нанят голландцами и жил с ними в Японии. Написал книгу о Японии. Мне ее показывали, но содержания ее я не понял», – вспомнив, как Э.Г. Лаксман показал ему книгу и карту и попросил исправить японские названия¹²³.

По-видимому, Д. Кодаю имел в виду К. Тунберга, так как полагал, что японским властям лучше известно о националь-

ности иностранца, приезжавшего в Японию на голландском судне в факторию Нидерландов в Нагасаки, либо он старался угодить японскому чиновнику, чтобы не навлечь на себя немилость властей, в случае если тот пытался бы опровергнуть их точку зрения, быть может, сложившуюся на основе мнения таких авторитетов, как Т. Хонда или даже глава японского правительств – Совета старейшин (родзю) – Саданобу Мацудайра. В своей книге «Мое мнение о морской обороне» («Кайбо докютэн») он писал: «Как в отдаленных местностях Карафуто (Сахалин. – К.Ч.) и Эторофу (Итуруп. – К.Ч.), так и в Нагасаки варвары неожиданно появляются обманчивым образом, всходя на голландские суда. Вслед за тем они опять возвращаются домой, и это служит доказательством, что Япония не принадлежит к числу стран, оставляемых без внимания или в небрежении иностранцами»¹²⁴.

В дальнейшем это мнение претерпело новую метаморфозу. Имеются в виду сведения, сообщенные В.М. Головнину в 1811 г. в Мацумаэ, которому японцы показали тетрадь с записями по-русски, но с многочисленными ошибками (рис. 6). Русский текст, судя по расчерченным графам с надписями, предполагал перевод на голландский, английский и французский языки. «После же, спустя несколько времени, сказывал нам голландский переводчик Тёсукэ, что писал сию бумагу один голландец по имени Лаксман, согласившийся добровольно за большую плату никогда не выезжать из Японии; он живет в японской столице Еддо и занимается астрономическими наблюдениями и сочинением карт»¹²⁵.

Вопрос о возможном родстве этого ученого, скорее всего прибывшего в Японию через голландскую факторию в г. Нагасаки, с семьей Лаксманов (вспомним, что и сам Э.Г. Лаксман, прожив почти всю жизнь в России, в совершенстве не владел русским языком) и его роль в русско-японско-голландских отношениях нуждается в дальнейшем изучении. 23 июля русскому посланнику была вручена лицензия на посещение Нагасаки – «лист о дозволенном входе в Нангасакскую гавань» – следующего содержания: «Позволяя Велико-

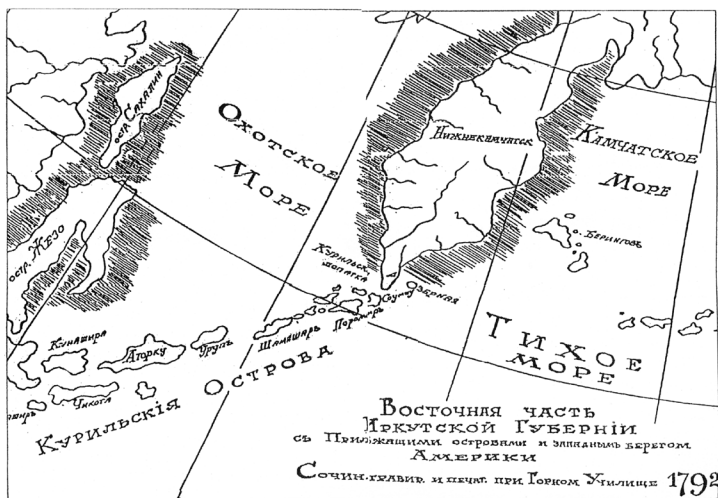

Рис. 6. Карта восточной части Иркутской губернии с изображением всех Курильских о-вов от Камчатки до Хоккайдо как части России. Изд. при Горном училище, 1792 г.

Российского государства одному судну иметь вход в гавань Нангасакскую, изъяснив уже, что исключая оной в протчия места иностранным судам приставлять возбранно, повторяя о нетерпимой в государстве вере христианской, добы по прибытии онаго образцов служения и жертвоприношения ниже знаков не было; а во всем, если какое условие будет, чтоб поступать без противности нашему закону по врученному от нас предписанию, с чем для следования и лист препоручаем Адаму Лаксману»¹²⁶.

24 июля японцы подарили команде «Екатерины» 61 куль ржи, 27 кулей пшеницы, 3 куля гречихи и 6 бочонков соленого козьего мяса, жернов, чтобы молоть зерно, и два сита¹²⁷. Подарки, видимо, были сделано для того смягчения отказа совершить товарообмен, который японские власти не разрешили производить в Мацумаэ, сославшись на японские законы.

Перед отъездом А.Э. Лаксман передал через японских чиновников подарки губернатору Мацумаэ.

26 июля русское посольство покинуло г. Мацумаэ и 30 июля прибыло в Хакодате. 3 августа переводчик Е. Туголуков сообщил А. Лаксману о просьбе чиновников центрального правительства тайно передать им копию письма И.А. Пиля губернатору Мацумаэ, которое они до этого отказались принять, и А. Лаксман разрешил удовлетворить эту просьбу.

11 августа «Екатерина» вышла с русским посольством в сторону Курил и, обогнув их, 8 сентября вернулась в Охотск. 24 января 1794 г. А.Э. Лаксман прибыл в Иркутск, предварительно уведомив своего отца и И.А. Пиля об итогах экспедиции в Японию.

4. Результаты посольства А.Э. Лаксмана и возвращения Д. Кодаю и Т. Исокити в Японию

Многие европейские историки – современники первого русского посольства в Японию, такие как Ф. Бертух, Ж. Эйриэ, Т. Линднер, Я. Виммер, К. Нейман, И. Крузенштерн, Ф. Булгарин, И. Тихменев и др.¹²⁸ считали, что оно не достигло своих целей ни в деле установления отношений, ни в решении научной задачи более глубоко, чем Э. Кемпфер и К. Тунберг, ознакомиться с особенностями японского общества и ее природой. Тот же вывод содержится и в современных стандартных учебниках по истории Японии¹²⁹. Советские же авторы, наоборот, преувеличивали достижения экспедиции.

Так, П. Тихменев писал: «Из некоторых источников того времени видно, что Лаксман мог достигнуть гораздо лучших результатов в сношениях с Японией. Во-первых, он по непонятной причине отказался от сухопутного путешествия в Иедо (в действительности – в Мацумаэ. – *К.Ч.*), предложенного ему японскими чиновниками... и решил следовать в одну из гаваней... и именно в Хокодаде, не иначе, как на своем судне. Во-вторых, отказался идти в Нагасаки для ходатайства о разрешении русским торговых сношений с Японией, тогда как данный ему ответ... и вообще расположение, с ко-

торым было принято посольство, давало большую надежду на успех, то есть на исключение русских из общего правила японской империи, запрещавшего сношения с иностранцами. Императрица повелела снарядить вторичную экспедицию, но это предприятие по неизвестным причинам после ее кончины было оставлено»¹³⁰. Ф. Булгарин также осуждает А.Э. Лаксмана за якобы невыполненную им научную часть поставленных перед ним целей: «Читатель, я думаю, вознегодует вместе со мною на него и согласится, что ежели бы он не отрекся от следования сухим путем из Немуро в город Матмай, то доставил бы нам гораздо любопытнейшие сведения о малоизвестной стране сей, нежели помещенные ныне в его журнале и едва ли не выписанные из Тунберхова или Кемпферова описания о Японии»¹³¹.

Однако руководитель посольства России, во-первых, действовал после сдачи японским властям Д. Кодаю и Т. Исokitи в соответствии с п. 9 инструкции генерал-губернатора И.А. Пиля, где говорилось о необходимости возвращения на родину по получении ответа на предложения о торговле от местных властей в случае, если центральное правительство Японии откажется под тем или иным предлогом принять письмо И.А. Пиля¹³². Во-вторых, руководство экспедиции приняло правильное решение, отказавшись от следования в г. Мацумаэ по суше, так как это намного удлинит сроки путешествия и при наличии припасов в расчете всего на один год привело бы к необходимости зимовать второй год. Тем более это относится к возможности путешествия с о. Матмай в г. Нагасаки. Даже если бы японцы обеспечили команду «Екатерины» продовольствием (15 человек экипажа страдали от цинги из-за отсутствия свежей пищи, фруктов и овощей, а несколько человек уже умерли от этой болезни), она вряд ли без серьезных потерь смогла бы выдержать переход в южную часть Японии и обратно. К тому же, судно нуждалось в ремонте: даже после прямого открытого перехода в Охотск, оно не было уже «прочным и способным к дальнейшему плаванию»¹³³. Вдобавок длительное бездействие и разногла-

сия между руководителями экспедиции с учетом того, что А.Э. Лаксману было всего 26 лет, таили опасность морального разложения экипажа¹³⁴. Поэтому решение А.Э. Лаксмана о возвращении из Мацумаэ на родину после получения лицензии на посещение г. Нагасаки, на наш взгляд, представляется правильным, хотя можно согласиться с Д. Ленсенем, что облегчение, которое испытал в связи с уходом русских в Охотск С. Мацудайра, «не означало, что эта лицензия была ни чем иным, как отказом Лаксману, который позволял последнему спасти свое лицо»¹³⁵. И, вероятно, прав историк Д. Кин, который писал, что в случае немедленного прибытия А.Э. Лаксмана в Нагасаки соглашения удалось бы достичь¹³⁶. Однако выполнение этого условия в сложившихся обстоятельствах было нереальным.

Столь же нереальным представляются и утверждения министра коммерции графа Н.П. Румянцева в записке Александру I «О торге с Японией» от 13 февраля 1803 г. о неудаче посольства на том основании, что оно сразу не проследовало в Нагасаки¹³⁷.

По нашему мнению, упомянутая лицензия, возможно, была дана потому, что С. Мацудайра опасался в случае отказа в торговле вслед за появлением на севере Японии одного вооруженного русского судна более мощных сил такой крупной державы, какой была Россия, а прибытие этого судна в Нагасаки с целью открытия Японии для торговли с русскими могло бы встретить более серьезное противодействие находившихся там голландцев, с которым столкнулись бы русские.

Не соответствует, на наш взгляд, действительности также утверждение, что русское посольство не смогло установить отношений с Японией, так как его руководители не получили полномочий непосредственно от Екатерины II, занимали невысокое положение и не обладали нравственными достоинствами и дипломатическими способностями¹³⁸. Как уже указывалось, причина неудачи посольства заключалась в политике, которую проводило в тот период правительство Японии в силу ее внутреннего и международного положения.

Эти обстоятельства, в которых действовала экспедиция, были учтены при оценке ее итогов генерал-губернатором И.А. Пилем.

28 февраля 1794 г. он направил рапорт Екатерине II, «исполнену будучи удовольствия, что следствие сей экспедиции доставило некоторое на первый случай удовлетворение» ее «намерениям, простирающимся чрез торговлю с Япониею открыть новую отрасль и новое приращение коммерции» подвластных ей народов.

Далее в рапорте высказывалось мнение, что разрешение на вход русского судна в Нагасаки «подаёт по обласканиям и уважениям, оказанным японцами нашим мореходам несомненную надежду определить, что японский двор никогда уже не переменит своих о сем мыслей, то и нужно учинить повторение дальнейшего испытания, чрез которое бы достигнуть до постановления дружеских взаимных и торговых условий между обеими державами в Нангасаке...»¹³⁹

И.А. Пиль полагал, что здесь русские столкнутся с конкуренцией со стороны «голандцев, которья несомненно станут преклонять японцов охотнее покупать ими привозимые товары, поелико могут оныя продавать дешевлее противу привозимых российскими, так как последния необходимо должны иметь между доставляемыми туда товарами иностранныя и такия же, какия и голландцы туда привозят, да еще многая и собственных мануфактур и рукоделий, как-то: тонкия сукна, камлоты. стамеды и прочия тонкия шерстяные исткания»¹⁴⁰, что на первых порах должно принести русским убытки.

Выход из положения И.А. Пиль видел в снижении цен, а также в объяснении, что русские товары прочнее тех же голландских, «поелику известно уже из опытов, что везенные чрез северные страны мануфактурные изделия более безвредно сохраняют свою прочность, нежели те, кои вокруг света чрез жаркий пояс привозятся»¹⁴¹.

Но главным торговым соперником для России и Нидерландов в этом документе виделась «владычица морей» – Британская империя, поэтому И. Пиль предложил Екатерине II

«через труды министерския доставить случай согласить голландцов, чтоб... интересы обоих народов по сей части торговли выгодно и прочно [были] соединены, но общими силами англичан от торговли в Японии все, конечно, удалили, что двум взаимно притягующим нациям легко можно произвести...»¹⁴² Для торговли с Японией предлагалось также, чтобы все русские купцы составили компанию на прочных правилах, основанных по воле Екатерины II. По аналогии с голландской Ост-Индской компанией он считал необходимым завести конторы в Иркутске, Охотске, а позднее – и в Японии.

В заключение И.А. Пиль уведомлял императрицу, что руководители экспедиции, А.Э. Лаксман, В.Ф. Ловцов, а также Е.И. Туголуков и И.Ф. Трапезников выполнили возложенные на них обязательства, проявив усердие в порученном им деле¹⁴³.

Об успехах экспедиции на основании письма сына, посланного по прибытии в Охотск, Э.Г. Лаксман 30 ноября 1793 г. сообщил непременно секретарю Петербургской академии наук И.А. Эйлеру: «Все время его пребывания там было целиком посвящено изучению и описанию края. Имевшиеся до сих пор сведения об этих островах или о побережье совершенно неправильные... Во время своего 10-дневного пребывания в Матмане он имел три аудиенции, при которых получил три бумаги. Первая содержит закон, согласно которому... иностранцам запрещается причаливать где бы то ни было, кроме гавани Нагасаки, во-вторых, расписку относительно доставки японских подданных и, в-третьих, императорский (сёгунский. – К.Ч.) лист с тремя императорскими печатями – разрешение для русских императорских судов ежегодно заходить в Нагасаки»¹⁴⁴.

В этом письме, как мы видим, успехи А.Э. Лаксмана были преувеличены, так как разрешение было дано одному русскому судну и только для переговоров о торговле, но еще не о самой торговле, что, к сожалению, не отмечают ни Э.Г. Лаксман, ни авторы публикации письма.

Тогда же Э.Г. Лаксман направил письмо об итогах экспедиции гофмейстеру А.А. Безбородко с приложением копии

отчета своего сына о плавании в Японию, в котором поздравлял адресата как первого покровителя этого предприятия «с благополучнейшим окончанием» его. В частности, он писал: «Не было сыну моему нужды отречься от имени христианина и ругаться над крестом, не было надобности подвергаться насмешкам или представлять шута, как то с голландцами случилось, но был принят с нарочитым уважением. Кто бы мог думать, чтобы российское судно, до шести недель между Тыгилом (на юго-западном берегу Камчатки. – К.Ч.) и Охотском путешествующее, из Хако-дадской гавани могло перебежать в три недели в Охотск.

Напоследок и того умолчать не должно, что не так все иностранные купцы, но и большая часть господ сие японское предприятие яко невозможное всячески критиковали, так и что я в Петербурге столько же был предметом насмешки, как здесь ненависти и гонения»¹⁴⁵. Это письмо было прочитано императрице 12 февраля 1794 г. Несправедливым представляется и категорическое утверждение современников, что экспедиция не выполнила поставленных перед ней научных задач по изучению флоры, фауны, минералов, географии и т.п.

Так, в рапорте А.Э. Лаксмана и В.Ф. Ловцова от 29 февраля 1794 г. сообщается о том, что они привезли 59 моллюсков и червей, 18 рыб и насекомых, 65 гербариев горных и садовых растений, 65 листов, содержащих зоофиты и мхи, семена японских растений, всего 206 наименований, которые были затем в три приема переданы Э.Г. Лаксманом в Петербургскую академию наук¹⁴⁶.

Эти коллекции лишь немного уступали аналогичной (232 ед.), но уже из других районов Азии и Америки, которые были представлены в то же время академиком Палласом от имен. экспедиции И.И. Биллингса. В упомянутом рапорте сообщалось также о деревьях и ягодах, произрастающих в Северной Японии.

Несмотря на то, что строгий контроль за передвижением участников русской экспедиции не позволил ей выполнить задачу по сбору полезных сведений, которые могли бы послу-

жить «к дополнению известий, полученных через Кемпфера и других путешественников»¹⁴⁷, представленные ими описания природы и географические чертежи имели большую ценность, и сообщения о них Э.Г. Лаксмана в Петербургской академии наук, впоследствии опубликованные, вызвали интерес ученых как в России, так и за рубежом.

«По слогу нескладные, а по содержанию однообразные отчеты Адама Лаксмана об экспедиции не привлекательны для большинства публики. Но они проникнуты любовью к истине, свидетельствуют о наблюдательности автора и вообще говорят в пользу его, – писал В. Лагус. – Будучи в ученом отношении гораздо ниже приводимых им иногда Кампфера и Тунберга, он тем не менее сообщает многие поучительные и важные сведения о природе и населении Японии, вследствие чего описания путешествий его знаменитых предшественников дополняются тем существеннее, что он посетил часть замечательного царства островов, которой они не видели»¹⁴⁸.

А.Э. Лаксман привез также карты и зарисовки видов различных районов Японии, которые позднее были высоко оценены сотрудником голландской фактории в Нагасаки Ф.Ф. Зибольдом¹⁴⁹.

Отец и сын Лаксманы и В.Ф. Ловцов были вызваны в Петербург в мае 1794 г.; 13 июня того же года были приняты в Царском Селе Екатериной II. 10 августа 1795 г. в письме генерал-прокурору графу А.Н. Самойлову императрица повелела повысить в чине и наградить участников экспедиции в Японию: А.Э. Лаксману присвоить чин коллежского асессора с жалованием 450 руб. в год и передать ему подаренные японцами рис и три японские сабли, которые затем разрешила поместить на его фамильном гербе, В.М. Ловцову – чин поручика, Е.И. Туголукову – чин коллежского переводчика, И.Ф. Трапезникову – чин прапорщика с должностью уездного землемера Иркутской губернии, участникам экспедиции И.В. Коху – чин прапорщика; Т. Сапожникова и С. Кошелева по болезни – направить в отставку с повышением и предоставить пенсии не ниже получаемого жалованья; купцу В.Н. Бабинову дать золо-

тую медаль, а Э.Г. Лаксману – 3 тыс. руб. В сентябре 1795 г. Екатерина II произвела его в коллежские советники и наградила орденом Святого Владимира.

Одновременно был повышен статус японцев – учителей японского языка при Иркутском народном училище, которым стали выплачивать такое же жалованье, как и русским преподавателям того же учебного заведения, а ученикам, изучающим японский язык, – назначить «пристойное на пропитание содержание»¹⁵⁰.

Успех этого посольства в Японии в значительной мере можно объяснить тем, что рассказы Кодаю о гостеприимстве, оказанном ему и его спутникам русскими, рассеяли предубеждения против политики Екатерины II, в том числе по отношению к Японии. Опасения же, касающиеся политики великой соседней державы, смешивались с преклонением перед просвещенным абсолютизмом российской императрицы, особенно японских голландоведов.

Например, Тосиаки Хонда писал, что, благодаря практической направленности деятельности Екатерины II, русские владения стали так велики, что включали в себя Камчатку и Курилы. К тому времени России стало принадлежать полсвета, и большая часть этих владений добыта не силой орудия, а мудростью императрицы¹⁵¹.

Подробные сообщения Д. Кодаю и Т. Исокити о России убедили сёгуна Изнари и его правительство в доброжелательном отношении России к японцам, в ее намерении установить добрососедские отношения с Японией, не навязывая ей силой торговлю с ней, вызвали у них стремление не от голландцев, а непосредственно от своих соотечественников получить первые достоверные сведения о России.

Сведения, полученные в Японии от Д. Кодаю и Т. Исокити, были положены в основу ряда рукописей, из которых можно было получить истинные представления о России конца XVIII в. и ее истории. Это были «Запись о приеме сёгуном потерпевших кораблекрушение» («Хёмин горан-ноки»), «Сны о России» («Оросиякоку суймудан»), «Краткие запи-

си о скитаниях в северных водах» («Хокуса монряку»), «Запись о России потерпевших кораблекрушение» («Оросиякоку хёмин-ки») и др.

Известия о России, привезенные японцами, благодаря отечественным голландоведам стали серьезным стимулом для кампании за превращение Японии в современное государство, сравнимое по своей технической оснащенности с европейскими. Так, упомянутый выше Т. Хонда, учитывая опыт Нидерландов и Англии, считал, что Япония должна покончить с политикой изоляции и извлечь блага из торгового мореплавания, в первую очередь, на основе торгового соглашения с Россией. «Надлежит точно определить место на Кунашире и Итуруппе, где бы японскими товарами торговали в обмен на русские, – писал он. – Так установятся мирные торговые отношения, которые помогут лучше узнать русский народ и его страну, что несомненно сослужит нам пользу»¹⁵².

По небезосновательному мнению современного японского историка Такаёси Камэи, открытие Японии по предложению посольства А.Э. Лаксмана не только позволило бы ей заблаговременно проложить путь к разрешению проблемы границы между Урупом и Итурупом, а также в районе Сахалина, когда этот остров не был еще исследован ни русскими, ни японцами, но и, заключив союз с только что завершившими войну за независимость от европейских держав Соединенными Штатами Северной Америки, не допустить навязывания Японии неравноправных договоров, как это случилось через 60 лет после насильственного открытия страны американским командором Перри¹⁵³.

При этом для укрепления своего международного положения Япония могла бы воспользоваться противоречиями между европейскими державами, вызванными революцией во Франции и войнами с Наполеоном.

Не воспользовалось сразу же лицензией на вход в Нагасаки и правительство России, что вызывало недоумение современников как в России, так и в Японии, поскольку «таким образом ему было бы легко получить перевес над голланд-

цами... – упущение, объясняющееся лишь исключительным вниманием, которое французская революция обратила на себя в первые годы»¹⁵⁴.

Русский мореплаватель В.М. Головнин писал по этому поводу: «Неизвестно, почему покойная государыня не приказала тотчас по возвращении Лаксмана отправить корабль в Нагасаки. Вероятно, что беспокойства, произведенные в Европе Французской революцией, были тому причиной»¹⁵⁵.

Но та же причина могла бы способствовать второму русскому посольству вскоре после возвращения А.Э. Лаксмана из Нагасаки, так как в канун и в период оккупации Нидерландов войсками Наполеона (1796–1803 гг.) голландцы не в состоянии были осуществлять регулярные рейсы из Голландской Индии в Японию и вместо них на своих судах по этому маршруту курсировали суда США, которые находились в добрых отношениях с Россией, сочувствовавшей их противоборству с Англией. К тому же последняя, пользуясь затруднительным положением Нидерландов, захватила их колонии на юге Тихого океана и пыталась, преодолевая сопротивление голландцев, проникнуть в Нагасаки.

В Японии высокопоставленные чиновники и правительство также с нетерпением ждали, когда русское судно появится в Нагасаки. Полагая, что вопрос об установлении двусторонних торговых связей представляет для России такой же интерес, как и для японцев, они задавались вопросом, почему русские не пришли снова¹⁵⁶.

В. Лагус – биограф Э.Г. Лаксмана не считает, что этот вопрос был оставлен без внимания как второстепенный по сравнению с событиями, которые происходили в Европе. В правительственных кругах им занялись сразу, хотя решение вопроса откладывалось из-за разногласий между Г.И. Шелиховым и покровителями Э.Г. Лаксмана, которые были согласны с тем, что установление отношений с Японией необходимо, но не могли договориться, должны ли они носить частный, как считал Г. Шелихов, или официальный характер, как это предлагал Э. Лаксман.

Г.И. Шелихов, питавший повышенный интерес к результатам экспедиции А.Э. Лаксмана, по-видимому, через своих людей в Иркутской канцелярии, одновременно с Э.Г. Лаксманом получил известия об успешном завершении первого русского посольства в Японию, копии отчета о поездке и карты. Он сообщил об этом наследнику престола Павлу Петровичу, направив ему позднее указанные документы экспедиции. 17 января и 21 мая 1794 г. наследник дал Г. Шелихову благосклонные ответы с пожеланием успеха его экспедиции на Курильские острова. Вопрос о новой экспедиции в этот район Г.И. Шелихов связывал с колонизацией его компанией о. Уруп и открывшейся в результате успешного путешествия А.Э. Лаксмана в Северную Японию возможностью установления с этой страной торговых отношений. Еще до получения известий о возвращении А.Э. Лаксмана он ходатайствовал перед иркутским и колыванским губернатором о новой частной экспедиции с этой целью на Южные Курилы. 31 декабря того же года Екатерина II направила И.А. Пилу указ в ответ на его рапорт по вопросу об освоении Курил и Северной Америки с разрешением послать в эти районы 20 мастеровых и 10 семей хлебопашцев¹⁵⁷.

Летом 1794 г. в Охотске был собран отряд из 40 поселенцев под руководством иркутского мещанина, опытного морехода В.К. Звездочетова. Через год он прибыл на о. Уруп, где основал русскую колонию. В 1796 г. русским удалось установить торговые связи с айнами о. Итуруп, куда время от времени наезжали колонисты¹⁵⁸ Кунашира и Матмая. Такая торговля успешно развивалась в течение трех лет. Так, старейшина айнов из Аккэси приобрел у них товаров на 300 руб. в обмен на меха бобров, лисиц, а также два мешка риса и бочонок сакэ (рисовое вино).

В 1798 г. вследствие появления в этом районе английского судна В. Броутона, которое приняли за русское, сюда был направлен японский отряд из 180 человек во главе с Морисигэ Кондо (1757–1815) при участии Т. Могами. На о. Итуруп по приказу японцев 28 июля того же года у холма Рикоппу были

скрыты православные кресты, служившие знаками принадлежности острова России с 1785–1786 г. и предметом поклонения айнов-христиан, и поставлены столбы с японскими надписями (рис. 7). В 1801 г. такие же столбы с указанием на принадлежность острова Японии были поставлены и на о. Уруп¹⁵⁹.

Рис. 7. Низвержение русских крестов на о. Итуруп в конце XVIII в. отрядом Кондо и установка японских надписей

Вследствие этого из-за противодействия японских чиновников с 1799 г. торговля русских колонистов этого острова со своими южными соседями прекратилась.

В 1800 г. японский купец в полученных им на откуп рыболовных участках на о. Итуруп, используя айнов, начал лов рыбы. Тогда же там были размещены отряды княжеств Намбу и Цугару в связи с тем, что районы южнее него, заселенные айнами, для предотвращения нелегальной торговли княжества Мацумаэ с 1799 г. были переданы под контроль центрального правительства Японии и со следующего года о. Итуруп стал изображаться на японских картах как ее территория. Это противоречило законам о «закрытии страны» для иностранцев, в

данном случае айнов, и вызвало протесты оппозиции, считавшей необходимым вместо присоединения их земель ограничиться укреплением обороны¹⁶⁰.

Следствием этого явилось изменение правосознания японцев в отношении всех территорий, заселенных айнами до юга Камчатки включительно, которые с этого времени стали ретроспективно рассматриваться как исконные территории Японии, хотя до рубежа XVIII и XIX в. эти районы (в том числе Мацумаэ), где одноименный клан в 1604 г. получил только право на торговлю, но не на землю¹⁶¹, рассматривались японскими властями в Эдо как лежащие за ее пределами. Правительственный чиновник Масаёси Хабуто, побывавший в те годы в этих краях с небольшим отрядом, считал, что русские не будут захватывать здесь чужие земли, прибегая к силе оружия. Правда, мнение властей княжества Мацумаэ было иным. Еще в 1789 г. в ответах на вопросы налогового инспектора центрального правительства они утверждали, что ярлык на монопольную торговлю, данный им сёгуном Иэясу Токугава, якобы представлял одновременно право на владение всеми землями айнов, хотя он касался лишь вопроса о торговле¹⁶².

Задержка со вторым посольством в Японию объяснялась не только сложностью международной обстановки в Европе в связи с угрозой великим державам со стороны Наполеона, но и международным положением на Дальнем Востоке, где в 1793–1794 гг. между берегами Азии и Северной Америки курсировали английские военные корабли под командой Дж. Ванкувера, а в 1795–1796 гг. – В. Броутона. Это вынуждало правительство России лавировать, откладывать сроки новой экспедиции в Японию, до поры до времени не выявляя свои подлинные намерения в этом вопросе.

Так, 29 августа 1794 г. в письме французскому энциклопедисту Ф.М. Гримму в ответ на его вопрос о попавшем в Россию Д. Кодаю Екатерина II сообщила: «Итак, что это за история с потерпевшим кораблекрушение японцем? По-моему, она очень коротка. Он потерпел кораблекрушение, и его отправили домой. Сын Лаксмана сопровождал его и вернулся с без-

делушками, которые нам показывали в этом году в Царском Селе. Я бы за них не дала и десяти су. Пусть торгует там, кто хочет, но я не буду этого делать»¹⁶³.

В 1796 г. тон писем, отправленных Ф. Гриму, постепенно меняется. Получив от него «мемуар» 1795 г. бывшего генерального консула Франции в Малой Азии Ж.Д. де Огара о торговле с Востоком, императрица 5 августа того же года написала: «Его проект был бы хорош, если бы он знал местность. Вообще мы туда ездим, связи у нас там имеются, и мы очень дружески отправляем обратно потерпевших кораблекрушение»¹⁶⁴.

Об экспедиции в Японию под руководством своего сына Э.Г. Лаксман сообщил К.П. Тунбергу в Упсалу сразу же после ее окончания. В течение некоторого времени они вели переписку по этому вопросу, а также по планам новой экспедиции, в которой намеревался принять участие сам Э.Г. Лаксман¹⁶⁵.

К.П. Тунберг поддерживал связи с Э.Г. Лаксманом и через шведского горного советника и механика И.Э. Норберга в Петербурге. Так, в письме от 25 января 1795 г. последний сообщал: «Господин коллежский советник Лаксман все еще здесь и без разрешения относительного японской экспедиции; от имени вашего, г. профессор, я передал ему все четыре части японского путешествия...». В письме от 13 апреля того же года он подтверждал: «Задуманная здесь японская экспедиция все еще сомнительна, и Лаксман остается на месте без дела и в недоуменье»¹⁶⁶.

Через короткое время Э.Г. Лаксман решает совместить поездку в Японию с путешествием в Среднюю Азию и Сибирь. В июньском номере одного шведского журнала за 1795 г. историк Йервель по этому поводу писал: «Теперь же по письмам из Петербурга мы имеем случай сообщить о настоящем состоянии этой замечательной поездки, которую в скором времени предпримет естествоиспытатель, урожденный швед. Это не сын, а сам отец, коллежский ассессор и кавалер, господин Эрик Лаксман, член королевской академии наук в Стокгольме, который вместе с чертежником и прочими лицами предпримет двойное путешествие. Сперва он поедет по обширным землям

по другую сторону реки Иртыша, к Бухарии ... он от одной из русских гаваней на Камчатке отправится в Японию, чтобы после Кемпфера, Тунберга и Штюцера собрать новые жатвы для науки; а торговые виды правительства на открытие этого нового судоходства между Россией и Японией, вероятно, будут оспариваемы другими государствами»¹⁶⁷.

20 июля 1795 г. скоропостижно скончался Г.И. Шелихов, и это печальное событие внесло определенность в намерение Екатерины II **направить новую экспедицию в Японию под руководством Э.Г. Лаксмана** для получения таких же «больших прибылей», какие извлекают из торговли с этой страной голландцы¹⁶⁸.

7 декабря 1795 г. Э.Г. Лаксман обратился к императрице с просьбой выдать полученную его сыном лицензию на вход в Нагасаки для экспедиции в Японию, в которую вошли бы сибирские купцы С. Киселев, А. Полевой, В. Бибиков и др. (последние конкурировали с ослабленной после смерти Г.И. Шелихова в результате соперничества между пайщиками компанией Шелихова – Голикова.) Нагруженное товарами судно с этими купцами в сопровождении переводчика Е.И. Туголукова и двух учеников школы японского языка в сентябре 1796 г. должно было выйти из Охотска в Нагасаки. Предполагалось, что эту экспедицию возглавит сам Э.Г. Лаксман и доставит на родину уже не трех, как его сын, а 15 японцев с судна «Вакамия-мару», «признавая настоящее время, занимающее европейские купеческие народы войною и не позволяющее им с завистливыми намерениями помышлять об отдаленных отраслях торговли, за наиудобнейшее к утверждению с японцами торгового знакомства»¹⁶⁹.

Еще 23 ноября 1793 г. судно «Вакамия-мару» (с лесом и рисом) вышло из залива Исиномаки в уезде Одзика провинции Рикудзэн (о. Хонсю) в Эдо под командованием капитана Хэйбэ с рулевым Садаю и 14 матросами. После шторма оно было отнесено в открытое море и, потеряв управление, пять месяцев носилось по волнам. 10 мая 1794 г. после гибели судна 16 японцев высадились на о. Атка (Андреановские острова Алеутско-

го архипелага) и были спасены экипажем торгового судна Шелихова – Голикова под командованием капитана И. Горелова, прибывшего туда 14 июня 1794 г. 28 июня 1795 г. спасенных японцев доставили в Охотск, а к концу 1796 г. – в Иркутск. К этому времени умерли капитан «Вакамия-мару» и еще два матроса. Заботиться о японцах было поручено Е.И. Тутолукову и Н.П. Колотыгину (Синдзо).

Э.Г. Лаксман предлагал вернуть их в Японию вместе с новой экспедицией, чтобы «сей великодушный поступок мог служить японскому правительству и народу доказательством совершеннейшей безопасности и покровительства их странникам в пределах Российской империи»¹⁷⁰.

26 июля 1796 г. Екатерина II в распоряжении иркутскому и колыванскому генерал-губернатору И.В. Селифонтову повелела снарядить казенное или купеческое судно в Японию, «желая доставить сих чужестранцев в их отечество, дабы пользуясь тем случаем можно было бы приобрести обстоятельнейшее о Японии сведение и способствовать распространению в том крае российской торговли»¹⁷¹.

Но в начале декабря 1795 г. Э.Г. Лаксман отправился в новое путешествие, чтобы в конце сентября 1796 г. отбыть из Охотска в Японию, но 5 января того же года, едва миновав Тобольск, он скоропостижно скончался на ямской станции Дресвянской, а императрица умерла 8 ноября того же года, и ее распоряжение не было выполнено отчасти из-за отсутствия в Охотске годных казенных судов, а также из-за нежелания купцов рисковать своими капиталами.

Итак, во второй половине XVIII в. Россия продолжала предпринимать попытки установить торговые и дипломатические отношения с Японией, используя в качестве плацдарма для контактов с Северной Японией Курильские острова.

При этом Россия прибегала к активной помощи купцов и торговых компаний П.С. Лебедева-Ласточкина, Г.И. Шелихова и И.И. Голикова, а затем Российско-Американской компании, стремясь в обмен на рыбу и пушнину получить для населения Сибири продукты сельского хозяйства из Японии.

Контакты русских с японцами в южной части Курил, на о. Мацумаэ и в самой Японии в результате взаимного ознакомления создали благоприятные предпосылки для первого русского посольства поручика А. Лаксмана (1792–1793), которое, вопреки политике изоляции Японии, увенчалось определенным успехом – получением лицензии на посещение одним русским судном г. Нагасаки для ведения переговоров о торговле.

В силу внутренней и международной обстановки русские власти сразу не смогли ею воспользоваться, однако этот визит являлся предпосылкой для нового, более авторитетного посольства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РУССКО-ЯПОНСКИЕ КОНТАКТЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1. Второе русское посольство в Японию во главе с Н.П. Резановым (1803–1806)

9 февраля 1797 г. генерал-губернатор Восточной Сибири И.В. Селифонтов обратился к генерал-прокурору князю А.Б. Куракину (1759–1829) с просьбой убедить Павла I выделить сибирским купцам средства на организацию экспедиции и назначить «чиновника, который бы мог на твердой ноге войти с японцами в переговоры о торговле и чтобы знал состояние тамошнего края и имел бы довольное как о российской, так и иностранной торговле понятие»¹.

После доклада А.Б. Куракина 27 марта 1797 г. император повелел передать этот вопрос на рассмотрение генерал-адъютанту графу Г.Г. Кушелеву, однако окончательное решение дела затянулось на несколько лет в связи с процессом консолидации торговых компаний в Восточной Сибири.

8 сентября 1797 г. в Иркутске была учреждена Коммерческая американская компания купца первой гильдии Н.П. Мыльникова с капиталом 120 тыс. руб., которая должна была, в частности, организовывать земледельческие и скотоводческие хозяйства и судоверфи в южной части Курил. 3 августа 1798 г. там же была создана Российско-Американская

компания на базе упомянутой компании и компании Шелихова – Голикова с капиталом 2544 тыс. руб. По указу Павла I от 8 июля 1799 г. она получила право на монопольную торговлю с Японией, Китаем, Голландской Индией, Филиппинами и Макао, а также на территории Северо-Западной Америки (до 55° с.ш.), на Алеутских и Курильских островах. Однако вопреки мнению Э.Я. Файнберг² и Л.Н. Кутакова³ о. Сахалин в их числе перечислен не был, и право на заведение там факторий этой компании было предоставлено указом Александра I (№ 23207а) только в 1808 г.

Для связи с правительством была учреждена должность корреспондента Российско-Американской компании в Петербурге, на которую был назначен бывший начальник гвардейского конвоя Екатерины II – муж падчерицы Г.И. Шелихова, камергер и обер-прокурор первого департамента Сената России Н.П. Резанов. 19 октября 1800 г. по указу Павла I главное правление компании было переведено в столицу России. В результате этого усилилось влияние на дела компании наследников Г.И. Шелихова в противовес сибирским купцам во главе с Н.П. Мыльниковым, повысилась роль в делах компании дворян, а ее акционерами стали сам император, члены его фамилии и представители высшей аристократии. В 1804 г. в Петербурге был создан Временный комитет акционеров, преобразованный затем в Особый совет – орган правительственного контроля, в который вошли высшие сановники и известные мореплаватели.

Главной причиной отсрочки почти на десятилетие второго посольства в Японию явилась не столько занятость европейскими делами – раздел Польши и организация коалиции реакционных сил против революционной Франции, как пишет Э.Я. Файнберг⁴, а необходимость (прежде, чем выйти на мировые торговые пути, в частности на рынок Японии) создания предпосылок успешной конкуренции в этом регионе с ведущими европейскими государствами – Англией, Францией и Голландией, а также перехода от развитого мелкотоварного хозяйства к накоплению капитала на основе мануфактурного

производства в условиях, при которых внутренняя торговля и торговля с Персией, Средней Азией и Китаем достигли бы своего предела⁵.

Период с 1799 по 1803 г. был относительно благоприятным для подготовки первого русского кругосветного путешествия с заходом в Японию. В связи с тем, что в войнах на Европейском континенте возникла «мирная передышка», экономика России, освобождаясь от зависимости от иностранного капитала, стала в большей степени нуждаться во внешних рынках, а состояние дел в Российско-Американской компании требовало неотложных реформ. Для их проведения необходима была новая материальная база, которую Россия надеялась создать за счет торговли с Японией, Китаем и другими странами.

Инициатором конкретного проекта стал известный русский мореплаватель И.Ф. Крузенштерн.

В проекте этого путешествия, изложенном в начале 1802 г. в записке капитан-лейтенанта И.Ф. Крузенштерна вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Н.С. Мордвинову, среди государств Азии, с которыми России необходимо было завязать морскую торговлю, первой называлась Япония, как ближе всего расположенная к русским дальневосточным районам.

Характеризуя цели, которые ставились перед первой русской кругосветной экспедицией, японский историк Ё. Корияма писал: «В отличие от намерений установить отношения с Японией, которые высказывались в России в XVII–XVIII вв., с началом русских кругосветных плаваний в XIX в. этот курс впервые стал рассматриваться как основная часть глобальной экономической политики России, а следовательно, приобретает значение в качестве важной составной части международных отношений... Были поставлены более широкие задачи – хозяйственные преобразования в русских владениях в северной части Тихого океана силами Российско-Американской компании на основе прямых связей с азиатскими рынками и тем самым достижение серьезного прогресса в торговле России посредством вовлечения ее в мировой торговый оборот»⁶.

Отмечая усилившееся внимание советских ученых к вопросу о первом русском кругосветном путешествии 1803–1806 гг., японский ученый останавливается на одном из последних исследований на эту тему – историка В.М. Пасецкого⁷. Анализируя работу В.М. Пасецкого, Ё. Корияма сводит причины успеха этого грандиозного начинания к трем пунктам: 1) необходимость укрепления своих позиций в тихоокеанских колониях; 2) мирная передышка в Европе в 1801–1803 гг., когда Александр I положил конец конфликту в отношениях с Англией и Испанией, заключив в то же время секретную конвенцию с Францией, что свидетельствовало о стремлении отстраниться от англо-французского соперничества; 3) решение назревших хозяйственных проблем, связанных с задачами развития капиталистического уклада в России в условиях быстрого развития капитализма в Западной Европе и Америке.

По мнению японского исследователя, наряду с большим вниманием к глобальному подходу к истории русских кругосветных путешествий последние два пункта требуют более углубленного изучения.

Можно вполне согласиться с мнением Ё. Корияма, что к началу XIX в. развитие мануфактурного производства и товарно-денежных отношений в России достигло такого уровня, который настоятельно требовал расширения рынков сбыта ее товаров, в частности за счет более активного включения в мировую торговлю путем освоения рынков стран Дальнего Востока. Для решения этой задачи необходимо было создать мощный торговый флот, а также способный защитить его военно-морской флот, которые были бы в состоянии совершать регулярные кругосветные путешествия с заходом в русские владения на северо-востоке Азии и в Северо-Западной Америке. Россия нуждалась в открытии японского рынка, лежащего на путях, ведущих из Русской Америки в китайский порт Гуанчжоу (Кантон) и далее на запад, в Европу. Активность, проявленная в освоении этих рынков Российско-Американской компанией, объяснялась пониманием со

стороны ее руководителей необходимости усиления своих позиций в Тихоокеанском регионе.

Осуществление первой русской кругосветной экспедиции во главе с послом России в Японии Н.П. Резановым – уполномоченным Российско-Американской компании, стало возможным благодаря укреплению экономической мощи России, развитию капиталистического уклада экономики и стремлению положить конец зависимости от иностранного капитала путем расширения своей внешней торговли и укрепления флота. Стимулом к этому явилась необходимость изыскать средства для проведения реформы в Российско-Американской компании и мирная передышка в войнах в Европе. Проект первой экспедиции был разработан талантливым морским офицером капитаном И.Ф. Крузенштерном – будущим командиром судов первой русской кругосветной экспедиции к берегам Индии и Китая. Он получил поддержку со стороны министра торговли Н.П. Румянцева, морского министра Н.С. Мордвинова и других высокопоставленных деятелей России.

При утверждении проекта И.Ф. Крузенштерна 20 июля 1802 г. Александр I в соответствии с ходатайством Н.П. Резанова направил вместе с кругосветной экспедицией посольство в Японию, назначив последнего послом Российской империи. 13 февраля 1803 г. министр коммерции граф Н.П. Румянцев вручил императору записку «О торговле с Японией», которая гласила: «Известно, что со времен бывшего в Японии страшного христианам гонения и изгнания из оной португальцев одни только батавцы имеют близ двухсот лет в руках своих толико выгодный для них торг сей. Сама природа, поставя Россию сопредельною Японии и сближая обе империи морями, дает нам пред всеми торговыми державами преимущество и удобность к торговле, к которой ныне купечество наше, как кажется, ожидает токмо единого правительства одобрения...»

В ожидании соответствующих шагов от правительства Российско-Американская компания отправила на Курильские острова свой отряд. Еще в 1794 г. компания, дав 18-му Курильскому о. Уруп название Александр, основала на нем поселение

(30 человек), предписав управляющему этим отрядом «снискивать дружбу мохнатых курильцев» на северной оконечности о. Матмая и посредством «сего народа, яко от Японии мало зависящего, завести с японцами торговлю и исподволь приуготовить умы их к дружескому с россиянами обращению».

Исходя из выгоды торговли России с Японией, авторы записки считали, что было бы крайне полезно осуществлять эту торговлю употребляемыми японцами в пищу рыбой и жирами, которые в большом количестве можно было бы добывать не только в Америке, но и на Курильских островах и в пределах Охотского моря, а также «выделанными из разных морских и «земляных» зверей кожами, разной мягкой рухлядью, моржовой и мамонтовой костью, сукнами и... разными к роскоши служащими товарами, как-то зеркалами и т.п.». Приобретать у японцев предлагалось пшено, и не только для американских поселений, но и для всего северного края Сибири, а также штыковую медь, разные шелковые и бумажные ткани, серебро и многие другие вещи.

Для этого испрашивалось разрешение с отправляющимися в Америку судами назначить к японскому двору посольство и, «употребя к исполнению сего важного предприятия человека со способностями и знанием политических и торговых дел», ободряя его особым императорским покровительством, поручить сделать японскому двору внушение и таким образом положить прочное основание торговли, установить на будущее дружественные отношения между обеими сопредельными империями⁸.

На основе записки Н.П. Румянцева, одобренной 20 февраля 1803 г. на заседании Комитета министров с участием императора, была составлена инструкция посольству в Японии. В этом документе предписывалось: 1) расширить права, предоставленные Россией по лицензии А.Э. Лаксману, то есть разрешить вход не только в Нагасаки, но и в другие порты не одного, а нескольких русских судов для торговли; 2) в случае отказа истребовать разрешение на торговлю на о. Матмай (Эдзо), а если и в этом будет отказано, то наладить посредниче-

скую торговлю с Японией через курильцев о. Уруп; 3) собрать подробные сведения о принадлежности о Сахалин Китаю или Японии, проживающих там народностях и возможностях установить с ними торговые отношения, а также выяснить, какими сведениями располагают японцы об устье р. Амур; 4) изучить состояние отношений Японии с Китаем и Кореей, принадлежит ли часть о-вов Рюкю Японии, или же они подчиняются своим собственным правителям, разведать, выяснить возможность договориться с ними о торговле.

Вместе с тем высказывалось предположение, что это приведет к ликвидации голландской Ост-Индской компании и, следовательно ее монополии на торговлю с Японией⁹.

Следует учитывать и расширение интересов России по сравнению с экспедицией А.Э. Лаксмана, которому вопреки предложениям его отца Екатерина II во избежание осложнений в отношениях с Китаем запретила исследовать бассейн р. Амура и о. Сахалин. И если японский историк Ё. Корияма лишь предполагает, что исследование этих районов предпринималось для их последующего занятия¹⁰, то сам Н.П. Резанов прямо писал, что о. Сахалин как независимый от Китая следует присоединить к России¹¹. Не упоминались в инструкции предыдущей русской экспедиции в Японию и о. Рюкю, как представляющие интерес для русской торговли. Двойственность политики правительства России в отношении Нидерландов проступает и в намерении, с одной стороны, воспользоваться посредничеством голландцев при установлении торговых отношений с Японией в Нагасаки, а с другой – в сугубо прагматическом духе высказываться о том, что немалую пользу в этом предприятии принесет ликвидация «Батавской Ост-Индской компании и, следовательно, свобода торговли и отчуждение единственного соперника»¹².

26 сентября 1804 г. «Надежда» бросила якорь на внешнем рейде г. Нагасаки.

«Тут приехали к нам японские вельможи, – писал в своем дневнике капитан-лейтенант М.И. Ратманов, – с которыми здешней голландской фактории голова... г-н Дуф, с корабель-

ными капитанами, от коих узнали, что в прошедший шторм было сильное землетрясение, от которого во многих местах дома обрушились и многие жители лишились жизни. Ветр был так силен, что подобного не помнят здешние жители. Голландские корабли, стоящие в прекрасной Нангасакской гавани близ берега, сорвало с трех якорей, продрейфовав, и бросило на подветренный берег. Оне справедливо удивлялись, что вытерпели прошедший шторм. К нам часто ездили японские вельможи, а голландцы только два раза, ибо когда японцы увидели, что мы через голландских переводчиков можем изъясняться, то уже их более не привозили. Мы подошли к о-ву Папенбергу, но в гавань не впускали за отговорками, что китайские и голландские корабли притеснят нас. Китайские вскоре ушли в море, пять кораблей чудной конструкции и вооруженные корабли. Тогда нас перевели за Папенберг... И узнали, что нас не для притеснения не вводили в гавань, а для того, чтобы мы не имели сообщение [с ними]»¹³.

Посол России обратился к прибывшим японским чиновникам с просьбой в целях безопасности своего корабля, уже пострадавшего от тайфуна у берегов юго-восточной части о. Кюсю, разрешить переместить «Надежду» на внутренний рейд и не сдавать шпаги офицеров и ружья охране, как требовала японская сторона. Наместник сёгуна в Нагасаки согласился выполнить эту просьбу только после ухода голландских и китайских судов – через два с половиной месяца.

Затем японские власти, прибыв на корабль, допросили четырех японцев с судна «Вакамия-мару» – Цудаю, Гихэй, Сахэйда и Тадзуро¹⁴, которые были доставлены для возвращения на родину после кораблекрушения. Расспрашивали они и русских о целях посольства, о географическом положении России, ее колониях, мануфактурах, о маршруте путешествия их корабля и о возможных предметах русской торговли с Японией. Японцам были переданы лицензия на вход в Нагасаки и копия грамоты Александра I сёгуну, оригинал которой Н.П. Резанов соглашался вручить только представителю японского правительства.

Этот визит японских и голландских чиновников Н.П. Резанов описал в журнале (дневнике) своего путешествия:

«В 10 часов ночи увидели мы большое идущее к нам судно, и нам сказали, что это ехал губернатор. Едва успели мы одеться, как пристало это судно, но оно содержало двух чиновников: обер-баниоса и баниоса. Они с множеством переводчиков и офицеров вошли на корабль. Я просил их в каюту, они вошли на корабль с великою вежливостью, около их поставили бумажные фонари – и наконец, приняв показанные им места, спрашивали через переводчиков по-голландски, зачем мы приехали, какого я чина, много ли экипажа, сколько офицеров, купеческое ли это судно, и прочие делали вопросы. Я отвечал, что я из ближайших российских и императора царедворцев прислан послом к его Тензин-Кубосскому Величеству для засвидетельствования, сколь много государю моему приятно быть в дружеских отношениях с его Величеством, что возвращает он его подданных, спасшихся на берегах его империи, что поручено мне утвердить навсегда соседственную дружбу между обеими великими державами и ко взаимному благу постановить торговлю, что товаров я никаких не привез, кроме даров его Величеству, и что судно военное, наконец сказав им о числе экипажа и офицеров. Они призвали японцев, переписали их, делали им разные вопросы и записывали. Потом спросили, позволю ли я впустить голландцев. Я просил их о том, и спустя целой час позвали их с шлюпки, на которой они, прежде их приехав, должны были дожидаться, не смея войти, пока главный переводчик не вышел к ним и не объявил им на то позволения. Мы увидели наконец обер-гоопта Нагасакской фактории г-на Дуфа, секретаря его и капитана корабля именем «Мускет»... Едва представились они мне с приветствием, как вдруг главный переводчик закричал: «Обер-гоопт, комплимент». Переводчик стал на колени и наклонился, и голландцы должны были при этом перед баниосами, в пояс нагнувшись, опираясь руками о колени, быв в сем положении, поворачивать вбок головы и смотрели, кончил ли переводчик длинную речь свою и позволяет ли встать им. Сие

повторяемо было при всяком их с баниосами разговоре и голландцам, и крайне прискорбно было иметь всех нас свидетелями беспримерного их движения. Я сидел в креслах против баниосов, и офицеры мои стояли за мною. Наконец, просил я обер-гоопта сесть и по взаимным приветствиям спрашивал его об обычаях. Он сказал мне, что они заперты в Дезиме и что строгой за ними присмотр превосходит всякое изъяснение, что при приходе всякого иностранного судна, однако ж, они призываются и что без совета их ничего губернатор не делает, как нации более двухсот лет доказывающей к Японии приверженность. Он сказал нам, что нас очень близко привели на якорь и что другие суда станоятся гораздо далее, наконец, узнал я от него, что в прошедшем году приходили два судна – одно под английским, другое под американским флагом, которые навели нам много затруднения, что капитан Стеорт [Стюарт], быв некогда на службе в Батавской компании и быв в Японии, уговорил английскую Ост-Индскую компанию сделать опыт и пришел из Калькутты с одним кораблем под английским флагом, приказав на случай неудачи другому притти спустя несколько времени под американским флагом, и что, как Батавская республика была тогда с Англией в дружеских сношениях, то сколько ни старался он их покровительствовать, но через три дни английское судно было выгнато из японских вод, а наконец и с американским было также поступлено. Он уверял, что японцы никому ходить не позволят и что он удивляется, что мы успели получить позволение на торговлю. Из сих слов усомнился я, что приход наш был ему приятен, и просил его о пособии в столь отдаленном краю их союзникам. Он отзывался, что они в столь стесненном здесь положении, что никому ничем служить не могут. Я сказал, что я имею на то открытый лист, от республики ордер, ордер от Индийского¹⁵ генерал-губернатору в Батавии и, наконец, директивный приказ на его лицо. Прочтя ему обе бумаги и вруча в присутствии баниоса приказ ему от республики о вспоможении, получил со всею вежливостью и ответ, что зависит он от Батавского генерал-губернатора и что должен быть от него снабден по-

велением, на что между тем постарается он быть столько полезным, сколько позволят малые его способности. В разговоре нашем о торговле уверял я его, что предметы нашего торгова совсем другие, что никогда они подрывом им служить не могут, что рыба, жиры, юфть, рухлядь и прочее суть продукты, нами привозимые. Он отвечал, что рыбую торгов весьма неудобен, разве выпросим мы порт в северных провинциях, что жиров такое здесь изобилие, что они в прошедшем году в Батавию выслали отсюда 50 000 фунтов китового жира, что юфть здесь совсем не употребительна, что в рухляди не имеют японцы надобности, что холсты хотя иным приятны, но большого расхода быть не может, потому что привыкли к бумажным тканям, и что обычаев ни за что не переменят, в разсуждении сукон сказал он нам, что лутчево английского аршин платят они не более 2 талеров, словом, уверял он, что Япония столько всем изобильна, что в голландской торговле нужды не имеет, наконец, предлагал мне совет свой, чтоб для лутчево успеха безотлагательно повиновался я их требованиям, как бы они странны ни были. Оконча разговор мой, спросили баниосы, буду ли я повиноваться их обычаям. «С превеликим удовольствием, – отвечал я, – с тем только, что не будут они предосудительны достоинству великого моего государя»¹⁶.

Говоря о тяжелом положении сотрудников и ограничении их передвижения даже в районе г. Нагасаки, Х. Дуф жаловался Н. Резанову, что за один день прогулки за город с сопровождающим японцы взимают с него 16 талеров, а с капитанов иностранных судов – 200 талеров¹⁷.

Начальник русской экспедиции И.Ф. Крузенштерн, не вполне понимая специфику японского этикета, считал выполнение его голландцами диким и позорным делом. «Крайне жалко, – писал он, – что просвещенная европейская нация, обязанная своим существованием любви к свободе и в прошлом славная делами великими, настолько унижает свое достоинство ради стремления к прибыли, что покорно повинуетя гнусным приказаниям кучки прислужников, обязанная политическим бытием своим одной любви к свободе и ознамено-

вавшаяся славными деяниями, унижается до такой степени из единого стремления к корысти и рабски покоряется жестоким повелениям. Невозможно смотреть без негодования на повержение почтенных людей к стопам японских чиновников... которые не отвечают на сие уничижительное изъявление почтения ни малейшим мановением головы»¹⁸.

Д. Кин справедливо отмечает, что поклон в пояс, которым тогда голландцы приветствовали японских чиновников, был гораздо менее унижительным, чем для простых японцев и голландцев в период посещения Японии Э. Кемпфером в конце XVII в.

Вряд ли можно упрекать голландцев в данном случае в корысти, ибо, как уже отмечалось, объем японо-голландской торговли был весьма незначителен, а контрабанда строго преследовалась японскими властями¹⁹. Х. Дуф, возражая И.Ф. Крузенштерну, вспоминая о Японии, писал: «Крузенштерн... возмущается тем, что голландцы подчиняются японскому этикету, и считает это унижением достоинства. Со своей стороны я не понимаю, в чем он усматривает подобное унижение. Поклоны, которые мы отвешиваем японцам в знак уважения, ничем не отличаются от тех, какими они приветствуют друг друга; от нас не требуют оказывать их правителям больших знаков почтения, чем оказывают сами японцы. Кроме того, нельзя ожидать, чтобы другой народ приспособлялся к обычаям чужеземцев, приезжающих, чтобы завоевать его дружбу»²⁰. Да и сам И. Крузенштерн писал, что приветствия голландцев и японцев имеют различия, так как «сии последние должны повергаться на землю и, простершись, касаться оной головою... повержение на землю голландцев, как ради узкого платья, так и негибкости тела, не привыкших с младенчества к таким обрядам, было бы крайне тягостно»²¹, но, чтобы соблюсти местные обычаи, по словам русского мореплавателя, они должны были наклоняться ниже пояса и сохранять такое положение в течение нескольких минут.

Члены русского посольства отказались приветствовать японцев таким образом, нарушив инструкцию посольству,

в которой предписывалось следовать японскому этикету для иностранцев даже тогда, когда он будет противен русским обычаям – российскому «свойству и всем правилам и просвещению европейскому»²².

После посещения русского корабля японскими чиновниками и сотрудниками главной голландской фактории Н.П. Резанов при посредничестве Х. Дуфа, которому он вручил рекомендательные письма посланника Нидерландов в России Дрика ван Гогендропа²³ и директора голландской Ост-Индской компании, вступил в затяжные переговоры с японскими властями об установлении торговых и дипломатических отношений между Россией и Японией. С самого начала эти переговоры натолкнулись на неблагоприятную позицию японской стороны.

И.Ф. Крузенштерн писал, что при посещении японцами русского корабля приятнее всего для русских было видеть приезжавших вместе с ними голландцев. Он, в частности, отмечал, что беседы с капитаном корабля «Мускет», который весьма хорошо изъяснялся на английском, французском и немецком языках и хорошо знал морское дело, доставляли ему огромное удовольствие, и крайне сожалел, что продолжение знакомства с ним было запрещено японцами, опасавшимися, что добрые отношения между европейцами из разных стран могут им повредить²⁴.

При первом посещении голландцами корабля «Надежда» Н.П. Резанов с разрешения японских властей отправил через капитана голландского корабля, отходившего из Японии, донесение Александру I о благополучном прибытии в Японию. Остальным же членам экипажа направить письма родным и знакомым через голландцев японские власти не разрешили. Донесение было отослано с условием перевода его на голландский язык и снятия с него копии. Оно запечатывалось на голландском корабле в присутствии двух секретарей губернатора Нагасаки. Русским гребным судам японцы разрешили проводить голландское судно до выхода в открытое море, а голландцам – словесно ответить на прощальные напутствия русских,

когда их корабль проходил мимо «Надежды», и голландские моряки могли ответить им, махнув рупором. В извинительном письме на этот счет Х. Дуф объяснял, что японский управляющий кораблями строго запретил приветствовать в этом случае русских голосом²⁵.

О встречах с русскими в упомянутых мемуарах Х. Дуф писал: «Мне были вручены рекомендательные письма члена правительственного регионального совета Нидерландов и их посланника в России, в которых предписывалось благожелательно относиться к Резанову и настоятельно рекомендовалось содействовать выполнению его планов... Но я решил принять во внимание приказ по вопросу об обращении с обычными иностранцами, заранее полученный мною из Батавии... Я знал, что японские законы и обычаи строго запрещают въезд в страну упомянутых европейцев. Если бы мы выступили посредниками во въезде русских в Японию, то что японцы подумали бы о нас, голландцах? Разве, будучи глубоко подозрительными, они не должны были бы усомниться в наших намерениях?.. Они несомненно подумали бы, что мы поддерживаем просьбу русских из-за того, что вступили против них в совместный заговор. Поэтому я решил совершенно не вмешиваться в переговоры между японцами и русскими, а также в осуществление планов последних в отношении японцев»²⁶.

Якорная стоянка «Надежды» на внешнем рейде постоянно продувалась ветрами, и Н. П. Резанов простудился. По истечении лишь 2,5 месяца ему разрешили поставить свой корабль на внутренний рейд, предоставили также скромный участок земли для проживания на берегу Нагасакского залива площадью 25 сажень²⁷ и 10 сажень у дер. Кибатиура. 17 октября 1804 г. японские власти приказали отвезти туда русского посланника (9 человек свиты), но он отказался жить там из-за загрязненности места, поэтому ему отвели для резиденции место в Умэгасаки, на окраине г. Нагасаки, против голландской фактории, окруженной с трех сторон высоким тростниковым частоколом с двойными воротами, постоянно находившимися

под охраной. Здесь в прошлом находилась резиденция казенного португальского посла из Макао.

Решение о предоставлении Н. Резанову и его свите этого места было принято после любезного согласия Х. Дуфа в ответ на предложение японских властей принять русских в фактории Нидерландов.

Представители японских властей через своих переводчиков голландского языка при первом посещении «Надежды» 27 сентября 1804 г. выяснили у русских цель их приезда в Японию, взяв у них копию данного им разрешения на визит в Нагасаки. Тогда же японским чиновникам сняли копии с грамоты Александра I сёгуну²⁸ (тэндзин-кубо) и с написанного по-голландски письма о возвращении на родину потерпевших кораблекрушение японцев, прибывших с Н. Резановым. По требованию местных властей русские сдали японцам оружие, кроме шпаг, и порох.

На следующий день, не поняв перевода на японский язык грамоты Александра I, содержавшего ошибки и диалектизмы (ни ее русского текста, ни перевода на маньчжурский никто, разумеется, прочесть не мог из-за отсутствия переводчиков), японские чиновники обратились к русским с просьбой перевести этот документ на голландский язык. Врач посольства Резанов Г.Х. Лангсдорф устно перевел его на голландский, а японский переводчик с голландского Око – на свой язык. Но точный перевод грамоты Александра I на японский язык был опубликован русистом Акира Такано только в 1970 г.²⁹ Оригинал же грамоты русского императора Резанов соглашался передать только лично сёгуну.

Грамота, в частности, гласила: «Нашед Голландию, Францию, Италию, Гишпанию и Немецкую землю, страдающие от общей войны, поставил я себе за долг склонить их дружеским настоянием ко всеобщему миру... Я стараюсь продолжать и утвердить на непоколебимых правилах связь дружественного моего к Вам расположения и все то исполнить, что токмо с Вашей стороны требовано будет в знак признательности за принятие моих предложений, которые состоят в том, чтобы Ваше

Тензин-Кубосское Величество дозволили купеческому народу, а паче жителям Кадыякских, Алеутских и Курильских островов, яко соседственных, приставать не токмо в Нангасакскую гавань и не токмо одному кораблю, но и многим и в другие гавани с теми избытками, какие Вам благоприятны будут. Я же с моей стороны отверзаю все пределы царства моего к дружелюбному принятию верноподданных Ваших...»³⁰

В этом послании ставился также вопрос о том, как поступать в дальнейшем с японцами, если они вновь потерпят кораблекрушение в водах России, и сообщалось, что Александр I посылает в подарок часы, вделанные в фигуру механического слона, зеркала, лисьи меха, костяные вазы, ружья, пистолеты, стальные и стеклянные изделия русской мануфактуры³¹.

Японцам были переданы образцы привезенных товаров. Они с большим интересом отнеслись к астрономическим инструментам и физическим приборам, например к лейденским банкам. На русских моряков сильное впечатление произвела способность японцев сразу схватывать все новое, а также их нескрываемая любознательность³².

Прибывшие с Н.П. Резановым японцы Цудаю, Гихэй, Сахэйда и Тадзю-ро были допрошены. Позднее их взяли под стражу и они предстали перед специальной комиссией. Важную роль в ней играли «голландовед» (рангакуся) Сигэтака Оцуки, ученик известных «голландоведов» Рётаку Маэно и Гэмпаку Сугита, и конфуцианец Кокё Симмура. В 1807 г. они закончили свой большой труд (из 16 тетрадей) о России и соседних с ней странах, написанный по рассказам вернувшихся на родину соотечественников, под названием «Удивительные сведения об окружающих морях». Восьмая тетрадь содержит первый японо-русский словарь, наиболее полный для своего времени (632 словарные статьи). В отличие от более поздних словарей, составленных по примеру голландских по алфавитному принципу, в нем используется традиционный китайский тематический принцип. Его оригинал с предисловием опубликован в 1961 г. В.Н. Гореглядом³³, а описание всей рукописи 1958–1959 гг. тем же автором и В.М. Константиновым³⁴.

28 сентября, через день после прибытия в Японию русского шлюпа, губернатор г. Нагасаки Масада Нарусэ направил центральному правительству уведомление о прибытии посольства России, копию грамоты Александра I и копию лицензии на посещение русским кораблем Нагасаки, выданных А. Лаксману. Одновременно он отдал приказ о мобилизации правительственных войск в Нагасаки и военных отрядов князя Курода провинции Тикудзэн, а также князей Набэсима и Омура провинции Хидзэн в Западной Японии, а 4 октября 1804 г. в столицу послал также перевод грамоты российского императора на японский язык с устного перевода ее на голландский.

Над русскими был установлен строгий надзор. При малейшем подозрении в оскорбительном для японцев поведении русских японским войскам было дано указание напасть на их шлюп, поджечь его, а весь экипаж и посольство уничтожить. Но японские переводчики-«голландоведы» дружески предупредили Н. Резанова об этом. Проявив благоразумие, он стал действовать очень осторожно, выполняя предписания японских властей, и таким образом избежал большой опасности.

Получив доклад о допуске русских в Нагасаки, сёгун выразил недовольство действиями местных властей, так как считал, что в изменившейся обстановке, будучи не связанными в случае прихода русского судна в этот город обязательством дать разрешение на торговлю, они вполне могли сразу отправить его обратно, ссылаясь на законы о закрытии страны для иностранцев. Но, допустив русских в Нагасаки, японские чиновники, по мнению сёгуна, должны были оказать большее гостеприимство, так как иначе они бросали тень на сёгуна, выдавшего разрешение на приход русского корабля в этот порт.

Сёгун отправил в Нагасаки гонца с инструкцией о смягчении отношения к посольству России: Н. П. Резанову и его свите предоставили японского врача, им разрешали прогулки у дома, а больным членам русской миссии и морякам позво-

лялось обращаться в голландскую факторию за медицинской помощью с правом пребывания там на излечение; кроме того, было приказано принять меры по ремонту русского судна, потрепанного тайфуном у берегов Японии³⁵.

Через несколько дней после прибытия в Нагасаки русского посольства губернатора этого района Масада Нарусэ должны были заменить губернатором Ёрицунэ Хида, но в связи с появлением русских первый был оставлен по приказу сёгуна до завершения переговоров с ними.

Первоначально сёгун после получения копии грамоты Александра I намеревался принять Н.П. Резанова, не обсуждая вопроса об установлении отношений с Россией. Но его влиятельные советники – ученые Дзюссай Хаяси и Рицудзан Сикано высказали мнение, что для этого формально необходима санкция императора, хотя он и не обладал реальной властью в стране. Тогда сёгун созвал совещание, на котором присутствовали 200 высших местных феодалов – даймё, но они не пришли к окончательному мнению о необходимости на этот счет согласие императора. Император же заявил, что лицензия, выданная русским на прибытие в Нагасаки для переговоров, является недействительной, так как была дана без его ведома, хотя он считался главой духовной власти, а такие вопросы находились в ведении главы светской власти, то есть сёгуна, и обычно его согласие на их решение не требовалось. Но это было лишь поводом в борьбе сторонников императора со сторонниками сёгуна.

Тем не менее, не желая идти на открытый конфликт с императором, сёгун вопреки также мнению одного из членов совета старейшин решил просто отказать Н. Резанову в открытии страны для торговли, но после этого император тайно занял противоположную позицию. Вместе с тем сёгун согласился принять привезенных на родину японцев³⁶.

Русское посольство в Нагасаки получило это известие от инспектора тайного надзора Кинсиро Тояма. 19 февраля 1805 г. Н.П. Резанов был оповещен об этом решении, а 23 марта состоялась встреча Н. Резанова с уполномоченным

японского правительства. По договоренности с двумя губернаторами Нагасаки каждая из сторон могла придерживаться своих норм этикета, за некоторыми исключениями. Они состояли в том, что Н.П. Резанов должен был при входе в резиденцию уполномоченного сёгуна – губернское управление – снять обувь, отстегнуть шпагу и сидеть на полу, как это делают японцы, не употребляющие стульев.

Во время первой встречи уполномоченный сёгуна заявил, что последний не считает возможным принять главу русского посольства, не имеет намерения устанавливать какие-либо отношения с Россией, ибо это противоречит японским традициям, и выражает недоумение грамотой Александра I, так как еще первый глава русской миссии в Японии А.Э. Лаксман был поставлен в известность о запрете японцам на переписку с иностранцами. Уполномоченный также добавил, что русским было дозволено прийти на одном судне и только для переговоров (по их предложению) о торговле, без каких-либо обязательств на будущее о ее разрешении. В настоящее время японское правительство решило не нарушать традиционный запрет на торговлю с европейцами, за исключением голландцев, так как эта торговля будет неизбежно носить неравноправный характер, поэтому правительство просит русских немедленно покинуть японские воды.

В ответ Н.П. Резанов сказал, что никто не правомочен запрещать переписку его императора и предлагать торговлю, выгодную и Японии³⁷.

В ноте японского правительства, переданной главе русской миссии на второй встрече, 24 марта 1803 г., выражалось несогласие с такой точкой зрения: «В прежние времена корабли всех народов свободно приходили в Японию и сами японцы имели позволение посещать чужие земли. Но уже более 150 лет тому назад, как предок японского властителя повелел не позволять подданным выходить за пределы государства, а в государство позволять приезд только китайцам, голландцам, корейцам и жителям (вассального королевства. – К.Ч.) Рюкю. Впоследствии торговля с двумя последними из означенных на-

родов была прекращена, и сношения торговые остались только с голландцами и китайцами. Многие народы в различные времена старались установить узы дружбы и торговли с Японией, но они были отвергаемы в силу запрещения, издревле сделанного, и потому, что опасно установить дружеские сношения с неизвестным государством, когда такие сношения не утверждаются на основаниях равенства. Действительно, дружба подобна цепи, которая для достижения цели, особенной, должна состояться из определенного числа колец. Если одна только часть цепи крепка, а все остальное слабо, то вскоре увидим слабейшие расторгнутыми... 13 лет тому назад русский корабль под началом лейтенанта Лаксмана приставал к берегам японским. Теперь другой корабль прибыл в Японию с посланником великого повелителя России. Первый был встречен с некоторой недоверчивостью, но второй дружески... Властителю Японии приятно видеть прибытие второго русского корабля как доказательство высокой дружбы, которую чувствует к нему повелитель России... И если привычка сделала для Японии необходимыми некоторые потребности, торговля с голландцами и китайцами достаточно доставляет все это, а дальнейшая роскошь – не такое дело, которому следует покровительствовать...»³⁸

Н.П. Резанову было вручено также «предостережение» губернаторов Нагасаки с напоминанием, что еще первому посольству России предписывалось не посещать гаваней Японии, кроме Нагасаки, и о. Мацумаэ (Эдзо), который еще считался по отношению к ней внешней территорией («гайти») в противоположность метрополии, или внутренней территории («найти»), а также не направлять никаких поселений через Мацумаэ, а в Нагасаки разрешалось прибыть только для переговоров о торговле. Отмечалось, что это предписание А.Э. Лаксман, очевидно, не понял и потому Н.П. Резанов привез не только предложение о торговле, но и грамоту императора сёгуну об установлении дипломатических отношений.

Далее в этом документе содержался отказ от торговли, сообщалось о приказе правительства снабдить русских

углем, пресной водой и продовольствием, запрещалось сношение с директором голландской фактории, предлагалось в будущем потерпевших кораблекрушение японцев при их желании вернуться на родину передавать голландцам в Европе, чтобы они через Батавию переправляли их в Нагасаки, а также немедленно уходить от японских берегов и не пытаться возвращаться к ним вообще³⁹.

Через два дня состоялась заключительная встреча Н.П. Резанова с уполномоченным правительства Тоюма, посвященная главным образом вопросу об обмене подарками. Так как сёгун отказался от подарков Александра I, ибо это потребовало бы от него ответного посольства с дарами в Россию, что противоречило законам закрытой страны, поэтому Н.П. Резанов тоже отказался от подарков японского правительства.

Но губернатор Нарусэ повторно попросил русского посланника принять дары японской стороны, сказав, что в случае невыполнения приказа сёгуна для спасения своей репутации губернатор должен будет сделать себе «харакири». И Резанов пошел на это после того, как губернаторы, в свою очередь, согласились принять в дар карманный глобус, географические карты, рисунки и другие подарки переводчика голландского языка. При прощании 7 апреля 1803 г. русским не разрешили нанести визит Х. Дуфу. Тогда же русский посланник передал японским властям всех прибывших с ним японцев.

А за два дня до этого, 5 апреля 1803 г., Резанов получил письменный перевод на голландский упомянутой ответной ноты и на следующий день покинул Нагасаки, направившись на Камчатку⁴⁰.

Местные и приехавшие из центра японские торговцы через караульных японских офицеров выражали недовольство отказом русским в торговле, благодаря при этом голландцев и японских переводчиков-голландоведов за их попытки оказать влияние на благосклонность японских чиновников и правительство⁴¹. Последние дни приходили в караульни через преданных нам офицеров разного рода люди прощаться, – записывал глава русской миссии, – уверяли, что никогда россиян

не забудут, и приносили связки белых вееров, чтоб надписал я имя свое и день прихода нашего, что они будут сохранять как драгоценность. Я писал им по-голландски и по-японски разные девизы, и они были весьма довольны»⁴².

Японские низшие чиновники и переводчики-голландоведы уведомляли Н.П. Резанова, что губернаторы Нагасаки и глава княжества Хидзэн втайне хотели бы установить торговые связи с Россией, но для этого необходимо дождаться изменения состава правительства в Эдо. Чиновники более высокого ранга рекомендовали назначить сроком на один год своего представителя в состав служащих голландской фактории, однако Н. Резанов не решился поступить так без согласия голландских властей, хотя после указания на это обстоятельство японцы «процедили», что последние не смогут противиться их приказу на сей счет⁴³.

В итоге переговоры закончились безрезультатно. В качестве главной причины неудачной миссии Н.П. Резанова историки обычно ссылаются либо на законы о «закрытии» страны, которые действовали в Японии со второй трети XVII в. до середины XIX в. (хотя ссылка на эти законы не может объяснить более благожелательное отношение японского правительства к торговле с Россией в конце XVIII в.), либо на противодействие голландцев, которые не хотели появления России как торгового конкурента на японском рынке. Объясняя причины жесткой позиции японского правительства на переговорах с русским посольством, они отмечают, что сохранить политику изоляции Японии ее правительству позволили состояние экономики страны и отношение народа, не проявившего активности в борьбе против консервации феодального строя, а также особенности японской национальной культуры.

Существенный вклад в изучение вопроса об отношении в Японии к русским кругосветным путешествиям, их значении в истории России и Японии внес Ёсимицу Корияма в упомянутом выше труде «Исследование истории японо-русских отношений в конце периода сёгуната» (Токио, 1980). «Ценность исследования профессора Корияма, – писал И. А. Латышев, –

именно в том и состоит, что оно расширяет исторический кругозор японцев, дает им пищу для более трезвых, здравых и объективных суждений о прошлом и настоящем в отношениях обеих стран»⁴⁴.

Опираясь на глубокое исследование как японских, так и русских архивных и других материалов, а также на работы советских и зарубежных авторов по данному вопросу, Ё. Корияма пришел к выводу, что на изменение позиции в отношении торговли Японии с Россией решающее влияние оказало начало экспансии сёгунат в конце XVIII – начале XIX в. в северном направлении (формальная аннексия северо-восточной части Хоккайдо и южной части Курильских островов, а также попытки проникнуть на о. Сахалин и в Приамурье). Такая политика неизбежно влекла за собой усиление враждебности в отношении России – именно это определило неудачу миссии Н.П. Резанова, хотя экономические интересы Японии требовали развития русско-японской торговли.

Несмотря на усиление классового расслоения и обострение социальных противоречий в японской деревне, связанных со специализацией производства и ростом в результате этого прибавочного продукта, искавшего выход также на внешний рынок, японское правительство в целях упрочения господства феодалов восстановило пришедшие в упадок деревни. Усилив меры по контролю за деятельностью купечества, оно смогло еще на несколько десятков лет сдержать его назревавшие требования и расширить внешнюю торговлю.

Еще в 1800 г. японский сёгунат после консультации с комиссией (в нее входили чиновники во главе с Тадааки Мацудайра) занял негативную позицию по вопросу о торговле с иностранцами на о. Сахалин. А в 1803 г. в письме губернатору Хакодатэ глава правительства сообщил о распространении закона об изоляции Японии на ее новые северные территории, в том числе на торговые отношения с иностранцами, прежде всего с русскими⁴⁵.

По спорному вопросу о роли голландцев в неудаче русского посольства важные доводы приводят японские истори-

ки С. Манабэ и Ё. Корияма. Они пишут, что, хотя директор их фактории в Нагасаки Х. Дуф в своих мемуарах о Японии утверждает, что ничего не предпринимал для противодействия русским в их стремлении установить отношения с Японией, в секретном дневнике, хранящемся в архиве Гааги, имеется запись о направлении им 10 ноября 1804 г. в адрес губернатора Нагасаки в связи с предстоящим прибытием русского посольства прошения о сохранении за Нидерландами торговых привилегий (они были дарованы 160 лет назад из европейских государств только Голландии), причем на это прошение был получен положительный ответ⁴⁶.

Рассматривая этот вопрос без предубеждений, следует сказать, что не позиция голландцев оказала решающее влияние на отказ русским в установлении отношений, а рассмотренные ранее объективные факторы. При этом, учитывая благожелательный ответ на свое прошение, переданный через японских переводчиков с голландского языка, в дальнейшем, в течение всего периода пребывания Н.П. Резанова в Нагасаки, руководство фактории Нидерландов в Японии не предпринимало каких-либо антирусских акций⁴⁷.

Н.П. Резанов был не первым иностранцем, которому японские власти отказали в торговле в тот период. За год до этого – в июле 1803 г. в тот же порт на корабле «Нагасаки» прибыл с тем же предложением бывший сотрудник голландской Ост-Индской компании англичанин Вильям Роберт Стюарт, а 23 июля того же года на корабле «Фредерик» – американец Джеймс Торри. В обоих случаях директор голландской фактории в Нагасаки Виллием Варденаар направил японскому губернатору Ерицуна Хида точно такие же документы, как и перед прибытием Н.П. Резанова. Они вынуждены были покинуть Японию с тем же результатом, что и русские послы (сначала А. Лаксман, а позднее Н. Резанов).

Японские чиновники «милостиво» выслушивали мнение голландцев, но отнюдь не считались с ним, учитывая заинтересованность Нидерландов в сохранении своих позиций как европейских монополистов в торговле с Японией, но прини-

мая решения об открытии страны исходя из интересов своей внешней и внутренней политики. При этом японцы подходили к существовавшим законам весьма прагматично. Так, при необходимости поставить под контроль центрального правительства нелегальную торговлю княжества Мацумаэ с айнами сёгунат «открыл» свою страну для айнов, номинально включив в январе 1799 г. не входившие ранее в состав Японии территории Южного Эдзо (позднее Южный Хоккайдо), о-ва Кунашир и Итуруп, а в марте 1807 г. Северный Эдзо (позднее Северный Хоккайдо) и Карафуту (о. Сахалин).

В августе «1804 г. в Нагасаки прибыл голландский корабль «Мария Сусанна». Его капитан по поручению голландской администрации в Батавии уведомил японскую сторону о публикации в голландской газете «Харлемше курант» от 6 сентября 1803 г. под видом обзора событий в мире сообщения о намерении русских посетить Японию во время своего предстоящего кругосветного путешествия. Это позволило сёгунату приступить к подготовке к визиту первого русского посольства и выработке мер в ответ на новую попытку русских «открыть» Японию для торговых и дипломатических отношений. Еще до прибытия русских кораблей, в середине сентября 1804 г., губернатор Нагасаки запросил главу японского правительства о мерах, которые ему следует принять после отказа русским в разрешении на торговлю.

Таким образом, исход русско-японских переговоров был предрешен еще до прихода российских кораблей в Нагасаки, и в сложившейся обстановке Н.П. Резанов вряд ли мог что-либо сделать для изменения внешнеполитического курса Японии.

Прощаясь в Нагасаки с русским послом Н.П. Резановым в 1805 г., участвовавшие в переговорах японские вельможи – сторонники императора, выступавшие против сёгуна, дали понять, что для установления торговых отношений с Японией необходим повод, который позволил бы им пойти навстречу пожеланиям. Таким поводом, по словам японцев, могло бы явиться удаление русскими японских промыслов с

территорий, примыкающих «к Японии с севера», в частности с Сахалина, который, как указывалось в одном из документов Российско-Американской компании, является владением России, якобы «по давнишнему праву приобретенному русскими, принадлежащего им»⁴⁸.

Продолжая начатые Г.А. Сарычевым «полезные изыскания по морю между Курильскими островами, Японией... даже до Кореи»⁴⁹, во время которых в 1789 и 1792 гг. было уточнено (после исследований Ж. Лаперуза) географическое положение ряда островов (Онекотан, Шиашкотан, Райкоке), первая русская кругосветная экспедиция в 1805 г. провела геодезические измерения наиболее важных пунктов Сахалина, а также средней части Курил.

В мае 1805 г. И.Ф. Крузенштерн составил описание мыса Крильон и залива Анива на южной оконечности Сахалина, затем посетил бухту Лососей (Соронбай) в заливе Анива, где водрузил флаг России. После этого русская кругосветная экспедиция продолжила изучение юго-восточного и восточного берегов Сахалина и залива Терпения.

В июле 1805 г. после посещения Камчатки И.Ф. Крузенштерн дал описание Курильских островов от о. Шумшу до о. Расшуа и возобновил исследование побережья Сахалина – северо-восточного, северного и части западного, подчеркнув ошибочность убеждения некоторых ученых в том, что он состоит из двух островов.

Мелководье и туман не позволили И.Ф. Крузенштерну пройти проливом между Сахалином и материком. Из-за этого он подтвердил неправильное предположение Ж. Лаперуза и В. Броутона об отсутствии водного коридора между Сахалином и материком. Это предположение, сделанное вопреки сведениям русских землепроходцев XVII в. о Татарском проливе, было опровергнуто в 1849 г. в труде Г.И. Невельского. И.Ф. Крузенштерн уточнил географические координаты западного и восточного побережий Японии, которые стали с того времени обозначаться на картах западнее, чем раньше. Все это явилось значительным вкладом в мировую науку.

2. Экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова (1806–1807)

По возвращении из Японии Н.П. Резанов дал руководителям следующей русской экспедиции Российско-Американской компании – командиру фрегата «Юнона» Н.А. Хвостову и командиру тендера «Авось» Г.И. Давыдову инструкцию «побывать на южных Курильских островах, осмотреть, не проникли ли туда японцы и не притесняют ли они русских подданных курильцев», проверить слухи о проникновении на Южный Сахалин японцев, которые поступают там с айнами, «как с рабами весьма жестоко», и «прогнать, если они туда проникли»⁵⁰.

Тогда же, в 1805 г. русские с о. Уруп побывали на Итурупе и обнаружили, что этот остров занял японский вооруженный отряд⁵¹. Английский промышленник Д. Сноу, ссылаясь на сведения местных жителей, писал, что незадолго до прибытия экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на южных Курилах «японцы заточили 14 русских», которые «высадились в надежде допущения торговли»⁵².

В упоминавшейся выше инструкции предписывалось также в случае, если в южной части Курил и в заливе Анива на Южном Сахалине будут обнаружены японские фактории, ликвидировать те из них, которые были основаны не ранее 1796 г. (срока окончания правления Екатерины II), принять коренных жителей под покровительство России, осмотреть гавань на о. Симушир, доставить для русской колонии на о. Уруп оружие, продовольствие и подкрепление во главе с промышленниками Василием Шароглазовым и Иваном Вардугиным – бывшими жителями этого острова. Н. Хвостов и Г. Давыдов должны были объявить японцам, что в будущем они могут приезжать в упомянутые районы только для торговли, а также взять в плен несколько знатных японцев, привезти их в Ново-Архангельск – столицу Русской Америки, чтобы убедить во взаимной выгодности торговли с Россией и

по их возвращении на родину повлиять через них на отношение японских властей к данному вопросу.

Эта инструкция носила секретный характер. Она была направлена Н.П. Резановым исполнителям в Ново-Архангельск 8 августа 1806 г. без получения ответа на его письмо Александру I, в котором, спрашивая разрешения н. экспедицию к берегам Сахалина и Курил, 18 июля 1805 г. он, в частности, писал: «Я не думаю, чтобы Ваше Величество вменили мне в преступление, когда, имев теперь достойных сотрудников, каковы Хвостов и Давыдов, и с помощью которых, выстроив суда, пушусь на будущий год к берегам японским разорить на Матсмае селение их*, вытеснив их с Сахалина и разнести по берегам страх, дабы, отняв между тем рыбные промыслы и лиша 200 000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию с нами торга... Накажите меня как преступника, что, не дождав повеления, приступаю я к делу: но меня еще совесть более упрекать будет, ежели пропущу я понапрасну время... а особливо, когда вижу, что могу споспешествовать исполнению великих Вашего Императорского Величества намерений»⁵³.

По прибытии в Охотск на фрегате «Юнона» 24 сентября Н. Резанов послал командиру Н. Хвостову, не изъяв эту инструкцию, следующее противоречивое дополнение: «Нахожу нужным, все прежде предписанное оставя, следовать в Америку... Тендер «Авось», по предписанию, и без того возвратиться должен; но ежели ветры, без потери времени, обяжут вас зайти в губу Анивы, то старайтесь обласкать сахалинцев подарками и медалями и взгляните, в каком состоянии на нем водворение японцев находится... А более всего возвращение ваше в Америку... должно быть главным и первым предметом вашего усердия. Подобным наставлением снабдите вы и тендер, буде с ним встретитесь. Впрочем, в плавании вашем могущие быть непредвиденные обстоятельства соглашать вы сами будете с пользами компании...»⁵⁴

Для получения разъяснения в отношении этого двусмысленного дополнения к инструкции Н.А. Хвостов поехал

* Позднее о. Мацумаэ был заменен на о. Итуруп у его северного побережья.

из порта в г. Охотск. Но Н.П. Резанова не застал, так как тот спешно уехал в Петербург. По дороге около Красноярска, переправляясь через реку, Н. Резанов упал в ледяную воду, простудился и скоропостижно скончался⁵⁵.

Цитируя мнение вице-адмирала А.С. Шишкова (1775–1841), что Резанов дал свое дополнение к инструкции только от своего имени, допуская лишь возможность отложить экспедицию, историк Российско-Американской компании П. Тихменев делает обоснованный вывод, что он попытался в последний момент избежать ответственности под такими предлогами, как отсутствие решения правительства об экспедиции и ее несвоевременность (о чем было известно ему и раньше. – *К.Ч.*), хотя в душе он желал, чтобы его план был претворен в жизнь⁵⁶.

По другому, на наш взгляд, глубоко обоснованному, мнению Ё. Корияма, побывав в Русской Америке, Н.П. Резанов решил изменить свой план в отношении Сахалина и южной части Курил, отдав предпочтение укреплению позиций своей компании на Аляске и Алеутских островах⁵⁷.

Однако факт возвращения инструкции ему как руководителю экспедиции без изменений Н. Хвостов, вероятно, не вполне обоснованно истолковал как намерение не отменить, а лишь отсрочить его экспедицию до следующей навигации 1807 г. в связи с ненадежностью «Юноны» в предстоящем плавании из-за поломки фок-мачты и поздним осенним временем, когда большинство японцев по окончании рыболовного сезона уезжают с Сахалина в метрополию.

Ответственность за преодоление этих технических препятствий Н. Хвостов взял на себя и пустился в путь, успев к началу октября добраться до Южного Сахалина.

6 октября 1806 г. «Юнона» бросила якорь у селения Кусюнкотан (ныне – г. Корсаков). Незадолго до этого, в мае 1805 г., И.Ф. Крузенштерн на обратном пути с посольством Н.П. Резанова на фрегате «Надежда» побывал у берегов Сахалина, в заливе Анива, где находился японский торговый пункт с несколькими чиновниками и офицерами княжества Мацумаэ, и высказал мнение, что «овладение Анивою не мо-

жет быть сопряжено с опасностью» и что «выгоды, могущие произойти от того для торговли, – оправдание всех мер, кажущихся насильственными»⁵⁸.

Достаточным основанием для удаления японцев из этого района И. Крузенштерн считал, что «японцы поселились здесь недавно, потому что дома офицеров, особенно амбары, были еще совсем новы»⁵⁹, и в этих местах не имели никакой боевой подготовленности, а после того как они были бы взяты в плен, «японские государственные люди» были бы не в состоянии принять меры к «отнятию» их обратно, в особенности если, «захватив землю», ласково обращаться с айнами.

Такого же мнения придерживались и Н. Резанов, и его подчиненные Н. Хвостов и Г. Давыдов.

6 октября Н. Хвостов на фрегате «Юнона» прибыл в залив Анива на Южном Сахалине, у главного селения японцев Кусюнкотан. Это произошло через несколько месяцев после того, как сёгунат решил конфисковать у князя Митихиро Мацумаэ все северо-западные земли в связи со слабым контролем над прибывшими туда иностранцами⁶⁰.

10 октября в айнском селе Оитомари русские поставили флагшток с военно-морским андреевским и коммерческим флагами России. Последний не был для них торговым флагом Российско-Американской компании, как считает Э.Я. Файнберг⁶¹, так как Александр I утвердил его только 28 сентября 1806 г.⁶², и к этому времени известие об этом, как отмечает Ё. Корияма⁶³, не могло за столь короткий срок достигнуть Сахалина.

К юрте Тюрафусигуру – старейшины этого айнского селения, которое он переименовал в дер. Сумнение, Хвостов прибил медную доску с надписью: «1806 года, октября 10 дня, Российский фрегат «Юнона» был здесь».

Медная доска с такой же надписью была также водружена и на воротах кумирни в другом селении – Кусюнкотан, названном Н. Хвостовым «Любопытство» (под 46°23' с.ш. и 144° з.д.). 11 октября русские арестовали и взяли на корабль

четырёх японских стражников, оставленных на осенне-зимний период в этом селении после отъезда на зимовку (о. Эдзо) японских чиновников, изъяли 600 мешков риса, посуду, одежду, сакэ, раздали айнам часть продуктов с японских складов и сожгли японские податные конторы и другие помещения – всего 11 построек, одно патрульное судно, 9 лодок и рыболовные сети⁶⁴.

На воротах местного японского храма русские, забрав алтарь, прибили медную доску с надписью: «1. Несправедливо со стороны японцев мешать торговле русской на о. Сахалин. 2. Если японцы изменят свое решение и пожелают вести торговлю, то они могут прислать сообщение об этом на о. Сахалин или о. Итуруп. 3. Если японцы будут долго упорствовать, отказывая в справедливом требовании, то русские опустошат северную часть Японии»⁶⁵.

Эта доска была отправлена японцами в столицу, и ее текст расценили как объявление войны Японии⁶⁶. Видимо, поэтому позднее этот инцидент был назван некоторыми первой русско-японской войной⁶⁷.

Итак, вернемся к прежним событиям. Отпустив захваченного 10 октября сына айнского старейшины Тюрафусигуру, Н. Хвостов передал последнему грамоту следующего содержания: «1806 года, октября 12 / 24 дня. Российский фрегат «Юнона» под начальством флота лейтенанта Н. Хвостова в знак принятия Сахалина и жителей оного под всемилоостивейшее покровительство Российского императора Александра I старшине селения на западном берегу губы Инивы (Анивы. – К.Ч.) пожалована серебряная медаль на Владимирской ленте; всякое другое приходящее судно, как Российское, так и иностранное, просим старшину сего признавать за Российского подданного. Подписано: Российского флота лейтенант Хвостов. У сего приложена герба фамилии моей печать»⁶⁸.

Как писал позднее В.М. Головнин, «бумага сия уверяла японцев, что нападавшие на них действовали по воле нашего императора... Но... смешно было бы причесть воле японского императора поступок двух или трех... купеческих судов, сде-

лавших на каком-нибудь нашем Курильском острове то же, что русские суда... сделали»⁶⁹.

17 октября «Юнона» отошла от берегов Сахалина, 10 ноября вернулась в Петропавловск-на-Камчатке.

О событиях на о. Сахалин японский управляющий Южного Сахалина Какубээ Сибата узнал от айнов весной 1807 г. по возвращении после зимовки с мыса Соя о. Эдзо в пос. Сирануси (ныне Крильон). 29 марта того же года он донес об этом с курьером в столицу о. Эдзо г. Мацумаэ, а 10 апреля его доклад был получен губернатором центрального правительства в г. Хакодатэ на том же острове Масаясу Хаябуто. Последний направил 8 чиновников во главе с Ухэйда Мияма и 80 воинов княжества Цугару из Хакодатэ на мыс Соя, напротив южной оконечности Сахалина и запросил у этого княжества подкрепление в 250 воинов⁷⁰.

Затем княжество Мацумаэ известило о случившемся центральное правительство Японии, которое издало в апреле 1807 г. приказ войскам княжеств Цугару и Намбу отправиться на охрану северной границы, и вооруженный отряд (150 человек) высадился в Кусюнкотане, но уже в мае того же года было отозван обратно. В селении на мысе Соя численность японского гарнизона была доведен до 200 человек, не меньший гарнизон был размещен и на о. Итуруп, а в Хакодатэ количество бойцов в японских войсках возросло до 2,5 тыс. человек⁷¹.

Плененные японцы сообщили, что район залива Анива был занят войсками Северной Японии после отъезда посольства Лаксмана, а Кунашир и Итуруп – после отъезда посольства Резанова⁷².

2 мая 1807 г. «Юнона» под командованием Н. Хвостова и «Авось» под командованием Г. Давыдова, выйдя из Петропавловска-на-Камчатке, направились к Курилам. 18 мая того же года русские моряки высадились на о. Итуруп, в районе с. Найбо (ныне Доброе), предварительно произведя выстрел из корабельного орудия по пограничной заставе.

Получив предупреждение от пограничников из Найбо о высадке русских, гарнизон с. Сяна (ныне г. Курильск) – адми-

нистративного центра острова, который состоял из 300 солдат княжеств Намбу и Цугару, приготовился к обороне.

Японцы предполагали, что нападение русских совершенно в ответ на неудачу посольства Резанова, а также в ответ на пленение, как отмечалось выше, на о. Итуруп 14 русских с о. Уруп, которые прибыли незадолго до этого с предложением начать торговлю, но были арестованы, а затем совершили побег⁷³.

19 мая русские пленили пятерых японцев, забрали из японских складов рис, соль, одежду, утварь и различные инструменты, а затем сожгли японские склады и постройки и 22 мая удалились. 24 мая русские появились в с. Сяна. Они пересели в шлюпки, тремя вооруженными группами высадились на берег и совершили нападение на правительственную контору. Навстречу стрелявшим русским матросам японцы выслали парламентаря с белым флагом длиной 3 фута. Среди японцев появились раненые. Солдатам японского гарнизона был отдан приказ открыть ответный огонь. Но у них был небольшой запас пуль, и к ночи они вынуждены были отступить в горы в районе Аримуи и затем на о. Кунашир, в с. Томари (ныне Головинно), хотя рыбный склад, который русские превратили в свое укрепление, был по ошибке разбит снарядами с русского корабля. Его орудия продолжали обстрел и после наступления темноты.

Обстрел вызвал панику среди защитников замка Сяна. К тому же темнота не позволяла японцам вести прицельный ответный огонь, поэтому они спешно отступили в поросшие лесом окрестные горы. В бою погибли три японца ранены по три человека с каждой стороны. Чтобы искупить позор поражения, старший чиновник Матадаю Тода сделал себе «харакири»⁷⁴. Наутро русские вступили в замок, сожгли его (там был небольшой винокуренный завод), затем с захваченным продовольствием и оружием вернулись на корабли. Русский ссыльный Борис Яковлев и один кенаец (индеец), заснувшие в сарае, были позднее убиты айнами и оставшимся в крепости японцем Кодзюро⁷⁵. На «Юнону» был доставлен

легко раненый пленный, а легко раненный японский стражник Дзигохэй Омура был доставлен на «Юнону»⁷⁶.

28 мая 1807 г. русские суда покинули берег Итурупа и направились к Урупу, чтобы выяснить судьбу русских поселенцев во главе с Василием Звездочетовым. 2 июня, установив, что русского поселения там уже нет⁷⁷, моряки ушли в залив Анива на Южном Сахалине. По пути они сделали новое описание Кунашира и совершили высадку на северном побережье о. Эдзо (12 июня в Сирэтоко и 13 июня в Яханбэцу).

14 июня русские сожгли японский сторожевой пост и продовольственный склад в Оитомари, 14 июня посетили Кусюнкотан. Установив, что уничтоженное ими в 1806 г. японское поселение не восстановлено, 15 июня они прибыли в пос. Рутака (ныне Анива), где также сожгли японский сторожевой пост и склады. 22 и 25 июня в открытом море у о-вов Рэбун и Рисири у побережья Северного Эдзо они напали на четыре торговых судна княжества Мацумаэ и, захватив грузы, сожгли их. То же самое они сделали со сторожевым постом и складами японцев на о.е Рисири, забрав продовольствие и оружие⁷⁸. После этого, составив новое описание о. Кунашир, русская экспедиция направила губернатору Мацумаэ послание, в котором утверждалось, что Курильские острова и Сахалин являются владениями России. А в южной части Сахалина, на берегу залива Анива еще 10 октября 1806 г. местным жителям Сахалина и южной части Курил было сделано объявление, в котором утверждалось, что Россия имеет права на эти острова.

Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов потребовали от местных властей Эдзо (Хоккайдо) восстановления границ Японии, существовавших до занятия японцами о-вов Итуруп и Кунашир в 1798–1799 гг. Действия Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова «не представляли собой случайного локального инцидента, как считают обычно, – писал Ё. Корияма. – Они имели сложный характер, при котором заветное чаяние русского промышленного капитала на Тихом океане сблизиться с Японией приобрело специфическую форму силового давления»⁷⁹. К тому же это было ответом на политику сёгуната, перешедшего к при-

соединению районов, пограничных с Россией. 28 июня Н. Хвостов отпустил восемь плененных японцев с образцами русских суконных и шерстяных тканей и других предметов, а также с письмом губернатору о. Эдзо на русском и японском языках.

Русский текст письма гласил: «Соседство России с Японией заставило желать дружеских связей и торговли к истинному благополучию подданных сей последней империи, для чего и было отправлено посольство в Нангасаки. Но отказ оному, оскорбительный для России, и распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владениям Российской империи, принудили наконец сию державу употребить другие меры, кои покажут, что россияне могут всегда чинить вред японской торговле до тех пор, пока не будут извещены через жителей Урупа или Сахалина о желании торговли с нами. Россияне, причинив столь малый вред Японской империи, хотели только показать им чрез то, что северные владения оной всегда могут быть вредимы от них и что дальнейшее упрямство японского правительства может совсем лишить его сих земель»⁸⁰. Главной целью этих действий было добиться установления торговых отношений между Россией и Японией, но многие авторы делали акцент на сугубо военной угрозе Японии со стороны русских⁸¹.

Так, А.П. Чехов после путешествия на Сахалин в 90-х годах XIX в. писал: «Кротость агнца... не помешала Хвостову (как характеризовал его адмирал Шишков в противоположность вспыльчивому Давыдову. – *К.Ч.*) в 1806 г. уничтожить японские магазины (точнее, склады. – *К.Ч.*) и взять на берегу пленных, а в 1807 г. он вместе со своим другом Давыдовым разгромил японские фактории на Курильских островах и еще раз поразбойничал на Южном Сахалине. Эти храбрые офицеры воевали с Японией без ведома правительства в полной надежде на безнаказанность»⁸².

Адмирал В.М. Головнин в записке «О состоянии Российско-Американской компании в 1818 году» оценил эти события следующим образом: «Резанов объявил войну Японии за несогласие ее войти в торговые с нами сношения и... соста-

вил план военных действий... который состоял в том, чтобы два компанейских судна грабили и жгли прибрежные японские селения, послав вперед к японцам бумагу, что сии опустошения дотоле будут продолжаться, доколе правительство их не согласится с нами торговать»⁸³.

И русская и японская сторона часто возлагают личную ответственность за эти инциденты прежде всего на Н. Хвостова и Г. Давыдова. Но если подходить к этому вопросу шире, то дело заключается в столкновении интересов Российско-Американской компании (она стремилась к укреплению своих экономических позиций на Тихом океане за счет торговли с Японией) с интересами японского правительства в его борьбе за консервацию феодального строя в стране и расширение своего экономического и политического влияния в северо-западной части Тихого океана. Как отмечает Ё. Корияма, Япония вынашивала планы ликвидации российской колонии на о. Уруп, а Россия пыталась вытеснить Японию из ее новых колоний на Южном Сахалине и в южной части Курил, причем изменение позиции японского правительства в отношении возможности разрешить торговлю с Россией (после отставки его главы С. Мацудайра) явилось поводом к резкому обострению ситуации и возникновению вооруженного конфликта в условиях, когда военная слабость сторон не давала реальных сил для продолжения военных действий⁸⁴.

Экспедиция Н. Хвостова и Г. Давыдова занималась также географическими и другими исследованиями в акватории Охотского моря. В частности, она успешно изучала приливные явления в проливах между Курильскими островами, что имеет немаловажное значение для судоходства.

1 мая 1807 г. глава японского правительства Тадакиё Макино отдал приказ оставить о. Сахалин⁸⁵, а 3 июня 1807 г. – о. Итуруп. Мобилизованные в июне того же года на случай возможных военных действий против России войска четырех северных княжеств Японии были направлены в районы, прилегающие к русской границе, однако в соответствии с распоряжениями властей от размещения на Сахалине и Итурупе

воздержались. А в феврале 1808 г. наместники центрального правительства в княжестве Мацумаэ (о. Эдзо) Х. Кавадзири и Н. Арао (в связи с письмом Н.А. Хвостова об установлении торговых отношений) поставили перед правительством вопрос об открытии торговли в Японии при условии небольшого товарооборота⁸⁶.

Одновременно был поставлен вопрос о территориальном размежевании с Россией, и японские наместники высказали следующую точку зрения: «Что касается границы, то не будет возражений, если наша территория на востоке будет ограничена о. Итуруп. На западном участке границы проблема состоит в том, как отнестись к о. Карафуто. Мы знаем, что русские назвали его Сахалином, но этот остров вместе с Сантан [Приамурье и Северный Сахалин] и Маньчжурией можно разделить между двумя государствами после изучения соответствующих предложений»⁸⁷.

В марте 1808 г. с учетом этого мнения правительство Японии подготовило ответное письмо русским, которое не исключало возможности установления торговых отношений на определенных условиях. В письме, в частности, сообщалось: «Если из вашей страны будет прислано много судов, то мы со своей стороны укрепим свою оборону и будем вести с вами войну. Если торговля представляется желательным делом, то необходимо раньше вполне исправить то, что уже сделано, и в доказательство того, что не имеется злостных намерений, возратить всех захваченных в плен японцев. Только после этого мы можем говорить о торговле»⁸⁸.

Занятость России европейскими делами – необходимость укрепления русско-французских отношений после Тильзитского договора 1807 г., ухудшение отношений с Англией в результате присоединения к проводимой Наполеоном блокаде этой страны, а также войны со Швецией (1808–1809) и Ираном (1804–1813) не позволили ей закрепить результаты экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в тех или иных соглашениях с японскими властями. Правда, в 1808 г. Александр I по представлению министра коммерции Н.П. Румянцева в именном указе

удовлетворил просьбу Российско-Американской компании о заселении о. Сахалин русскими промышленниками и крестьянами⁸⁹, и русская колония просуществовала там до 1847 г.⁹⁰

16 июня 1807 г. «Юнона» и «Авось», миновав пролив Лаперуза и пройдя вдоль восточного берега Сахалина, бросили якорь в гавани Охотска. За действия в отношении японцев, предпринятые без разрешения правительства и императора, Н. Хвостов и Г. Давыдов были арестованы начальником Охотска И.Н. Бухариным, документы и грузы у них конфисковали.

В связи с секретным характером экспедиции арестованные отказались давать какие-либо показания. 24 июля они направили жалобу властям в Иркутск. Но ответ с предписанием облегчить их положение пришел поздно: 13 октября они совершили побег в Якутск, а оттуда отправились в Иркутск.

И.Н. Бухарин направил рапорт о неправомерных действиях Н. Хвостова и Г. Давыдова Александру I, морскому министру П.В. Чичагову и генерал-губернатору Восточной Сибири И.Б. Пестелю, подчеркнув, что нападение на японцев принесло ущерб интересам России, так как в ответ на это японцы могут отказать ей в будущем в установлении торговых отношений и прибегнуть к содействию Голландии и Франции, чтобы в качестве возмездия призвать их к нападению на слабо укрепленный Охотск⁹¹.

27 августа 1807 г. комиссия военного суда в Охотске вынесла решение о нарушении руководством экспедиции дополнительной инструкции Н.П. Резанова. По ходатайству иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина перед И.Б. Пестелем Н. Хвостову и Г. Давыдову было разрешено (в соответствии с последовавшим распоряжением Александра I) выехать для дальнейшего разбирательства в Петербург.

Получив документы экспедиции, Адмиралтейств-коллегия в декабре 1808 г. признала русских офицеров виновными, хотя до этого министр коммерции Н.П. Румянцев оправдал их действия против Японии⁹². Окончательное решение по этому делу принял император, наложив на записке морского министра П.В. Чичагова следующую резолюцию: «Неполу-

чение награждения за сражения в Финляндии (против Швеции. – К.Ч.) послужит сим офицерам в наказание за своевольствы противу японцев»⁹³.

14 октября Н. Хвостов и Г. Давыдов, возвращаясь ночью из Финляндии в Петербург, неудачно спрыгнули с разведенного моста на проходящую баржу и утонули в Неве.

Войска северных княжеств в Японии Цигару и Намбу (по 100 чел.) в условиях бездействия русского правительства, по предписанию сёгуната, посланному в декабре 1808 г., были направлены на Сахалин, Кунашир и Итуруп, и таким образом южное побережье Сахалина и южная часть Курил вновь оказались оккупированными японскими вооруженными отрядами.

Эта акция была связана с решением японского правительства в 1807 г. после приобретения Сахалина и Курильских островов у клана Мацумаэ, которому они фактически не принадлежали, перейти к непосредственному управлению этими районами.

В 1808 г. в этих районах побывали Р. Мамия, Д. Мацуда, М. Кондо, К. Хираяма и другие официальные представители японского правительства. Они ликвидировали знаки принадлежности Южных Курил России, поставили на Кунашире и Итурупе новые столбы с надписями об их принадлежности Японии, несмотря на то что в этой стране были сторонники установления границы с Россией к северу от о. Мацумаэ, по проливу Лаперуза⁹⁴. Р. Мамия обошел Сахалин с запада, а Д. Мацуда – с востока до устья р. Амур.

3. Экспедиция В.М. Головнина (1811–1813) и ее последствия

В 1807 г. из Кронштадта для научного описания «малоизвестных земель Восточного края Российской империи» был направлен отряд В.М. Головнина на шлюпе «Диана». В 1811 г., прибыв на Камчатку, он получил предписание «описать полнейшим образом» южные Курильские, Шантарские острова,

западное побережье Татарского пролива и Приморье от 53°38' с.ш. до Охотска.

В мае 1811 г. отряд вышел из Петропавловска. Свои исследования он начал с о. Расшуа (средняя часть Курил), провел самое точное определение географических координат средних и южных Курил, которые серьезно изменили представления об их географическом положении (рис. 8).

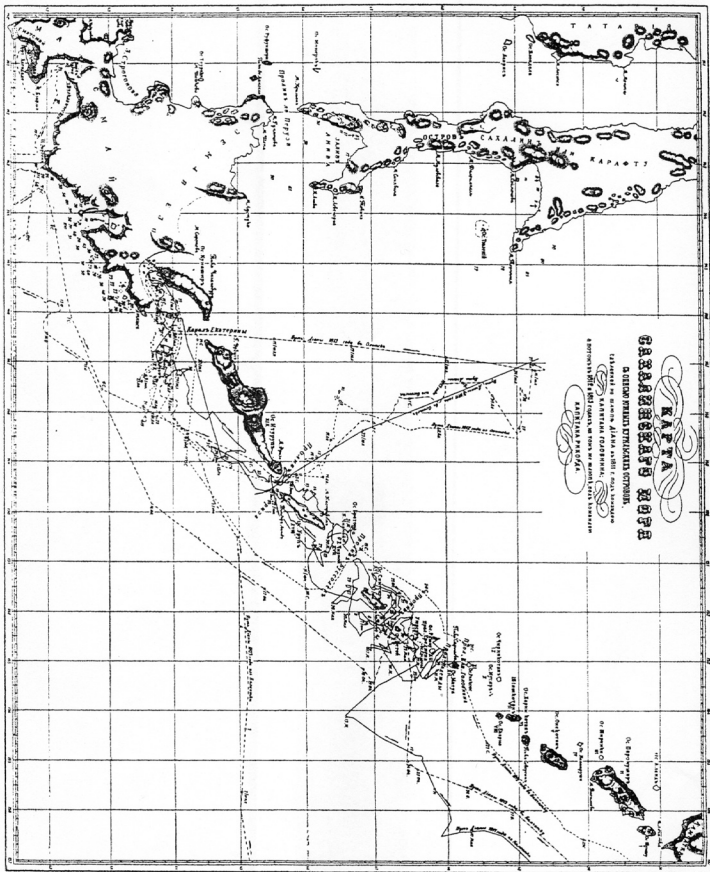

Рис. 8. «Карта Сахалинского моря» и южной части Курильских островов В. Головнина, 1811 г. (изд. 1819 г.)

11 июля 1811 г. В.М. Головнин с группой моряков (7 человек и переводчик айн) по приказу начальника гарнизона С. Насасэ был захвачен японцами на южном побережье о. Кунашир, в местечке Дэмбэкотан, у селения Томари (ныне Головнино), куда они высадились для пополнения запасов пресной воды и провизии. Японцы полагали, что В. Головнин прибыл с теми же целями, что и Хвостов. Это, в частности, объяснялось тем, что переводчик айн Алексей Максимович Чекин и его соотечественники, захваченные вместе с ним более года назад в плен японцами на о. Итуруп после того, как их выбросило туда тайфуном, сообщили местной власти, что их якобы направил на этот остров камчатский исправник Ламакин с разведывательными целями перед приходом русских судов на следующий год. Указанная ложно переводчиком айном дата совпала с появлением в южной части Курил экспедиции В. Головнина, что резко усилило подозрительность японцев и дало им повод для его пленения⁹⁵.

В.М. Головнин объяснил японцам мирную цель своей экспедиции: топографическая съемка южной части Курил и Охотского побережья, не связанная с действиями Н. Хвостова и Г. Давыдова, осужденными правительством России⁹⁶. Но японцы не были склонны сразу поверить ему, ссылаясь на то, что на Сахалине русские водрузили не только коммерческий, но и официальный военно-морской флаг России, и местные жители были объявлены подданными российского императора, а аргумент о малочисленности нападавших судов (при намерении объявить войну их было бы больше) отнесли к «худо обдуманым мерам нашего правительства»⁹⁷.

После тщательного допроса в г. Хакодатэ В.М. Головнина и его спутников в конце сентября 1811 г. доставили в г. Мацумаэ для объяснений с наместником японского правительства. В результате длительных допросов 19 ноября того же года наместник признал, что В. Головнин не имеет отношения к действиям Н. Хвостова и Г. Давыдова, но для освобождения пленных русских он должен дожидаться соответствующего разрешения из столицы. Пленников перевели в жилой дом, но

продолжали держать под арестом, который в общей сложности продолжался более двух лет, до 1 октября 1813 г. В ночь с 23 на 24 апреля 1812 г. Головнин и его спутники, за исключением мичмана Мура, совершили побег, и через девять дней, когда они уже собирались сесть в лодку рыбаков, их снова схватила японская стража и заточила в тюрьму, но вскоре русских опять поместили в жилой дом⁹⁸.

После ареста В. Головнина командование «Дианой» взял на себя капитан-лейтенант П.И. Рикорд. Подойдя на максимально возможное расстояние к южному берегу Кунашира, он открыл артиллерийский огонь, повредив одну японскую батарею у селения Томари, но из-за ответного огня японских батарей 14 июля 1811 г. вынужден был удалиться. Малочисленность экипажа не позволила ему высадить десант для освобождения В.М. Головнина и его спутников.

14 августа П. Рикорд с командой возвратился в Охотск с намерением направиться в столицу и доложить о случившемся. Однако иркутский губернатор Н.И. Трескин распорядился, чтобы он ждал в Иркутске результатов ходатайства о новой экспедиции для освобождения В. Головнина и его спутников.

Сложная международная обстановка накануне войны с Францией не позволила правительству России предпринять решительные ответные меры против Японии. 19 апреля 1812 г. Александр одобрил предложения генерал-губернатора Восточной Сибири И.Б. Пестеля о снаряжении новой экспедиции для продолжения неоконченного научного описания южной части Охотского моря с разрешением посещения Кунашира для выяснения участи русских пленных и освобождения их мирными средствами⁹⁹.

22 июля того же года шлюп «Диана» и бриг «Зотик» под командованием П.И. Рикорда взяли курс на Кунашир. На их борту было семь японцев, которых предполагалось обменять на пленных русских моряков. Шестеро из них – Ёмокити и его спутники были моряками из дер. Микагэ провинции Сэцу (Центральная Япония), потерпевшими кораблекрушение у бе-

регов Камчатки, а один – Городзю Накагава был взят в плен Н. Хвостовым на о. Итуруп¹⁰⁰.

28 августа русские корабли прибыли к селению Томари и отправили к местному японскому начальнику Хикосуке Ота двух японцев – Ёмокити и Тюгоро с письменным предложением об обмене привезенных японцев на русских пленных во главе с В. Головниным. Х. Ота ответил, что за изъятие без разрешения продовольствия у местного населения (хотя русские оставили за него компенсацию и готовы были уплатить также местным властям) пленники были якобы казнены.

П.И. Рикорд усомнился в правдивости этого ответа и направил за доказательствами Г. Накагаву, но он обратно не вернулся. Не добившись обмена пленными, 6 сентября Рикорд отпустил всех оставшихся японцев; чтобы убедиться в судьбе русских пленников, на следующий день он задержал в открытом море у мыса Кэрамуи (мыс Весловского) судно «Касэ-мару», шедшее с Итурупа в г. Мацумаэ. Его владелец, известный японский купец Кахээ Такадая, сообщил правду об судьбе русских: он сказал, что они живы и содержатся в г. Мацумаэ.

После этого Рикорд взял в качестве заложников К. Такадая, четырех японцев и одного айна с его корабля, перебросив с него грузы на «Диану», остальных японцев высадил на берег (в предыдущий день с теми же целями там же был захвачен айн из экипажа японской байдары) и, определив географические координаты ряда островов Большой Курильской гряды, 3 октября прибыл в Петропавловск-на-Камчатке.

По совету К. Такадая, сыгравшего ключевую роль в урегулировании конфликта, П.И. Рикорд направил начальнику Охотского порта М.И. Миницкому (другу и сослуживцу В. Головина и П. Рикорда по службе в английском флоте) письмо, с тем чтобы он обратился с просьбой к иркутскому губернатору Н. Трескину дать наместнику сёгуната на о. Эдзо разъяснение в отношении того, что рейды Н. Хвостова и Г. Давыдова к берегам южной части Сахалина и южной части Курил были приняты без ведома правительства России.

23 мая по предписанию Н.И. Трескина П. Рикорд вновь вышел на том же шлюпе «Диана» к берегам Кунашира и 12 июня добрался до Дэмбэжотана, где при посредничестве К. Такадая вступил в переговоры с японскими чиновниками Х. Ота и К. Масуда. Они передали П. Рикорду заранее подготовленное письмо, в котором выражалась готовность освободить русских пленных при условии официального подтверждения властями России, что набеги Н. Хвостова были произведены без их ведома, а также извинений за эти действия.

4 июля для того, чтобы лично подтвердить эти условия и пригласить П. Рикорда с соответствующими документами в Хакодатэ – резиденцию наместника японского правительства Садакацу Хаттори, на Кунашир прибыли его представители – Сампэй Такахаси и Хёгоро Кодзимото.

П.И. Рикорд согласился с предложением японской стороны и 9 июля отбыл в Охотск, куда возвратился 24 числа того же месяца. Получив требуемые ответные письма от М.И. Милицкого в адрес С. Такахаси и Х. Кодзимото, а от Н.И. Трескина – в адрес наместника сёгуната на о. Эдзо с извинениями за действия Н. Хвостова и Г. Давыдова. П. Рикорд поспешил в Хакодатэ, прибыв туда 27 сентября. При этом в Японии он «во всем представлял лицо посланника» России¹⁰¹.

В письмах иркутского губернатора и начальника Охотского порта японским властям, помимо уведомления о непричастности официальных русских властей к экспедиции Н. Хвостова и Г. Давыдова, во избежание в будущем подобных инцидентов впервые был поставлен вопрос об установлении государственной границы между Россией и Японией без конкретных предложений ее линии (по неутвержденному проекту Н. Трескина она проходила между Урупом и Итурупом)¹⁰².

«Мнение» Н.И. Трескина, подготовленное для И.Б. Пестеля в мае 1814 г. на основе бесед с Головниным и Рикордом, о предполагаемых границах между Россией и Японией (пункт б) заключалось в следующем: «По удостоверению Головнина, японское правительство и ныне считает естественною грани-

цею с нашей стороны 18 о. Уруп, а с японской 19 о. Итуруп, где и заселение сделано японцами. Распространение границ России с сей стороны в настоящих обстоятельствах желать бесполезно и требовать от японцев ни почему не должно»¹⁰³.

По этому вопросу в инструкции Н. Трескина русским подданным на Камчатке, направленной 20 октября 1815 г. Государственным советом России на усмотрение И.Б. Пестеля и одобренной им, предписывалось: «При обозрении и описании Курильских островов воспрещается командиру судна приставать к соседственным островам, японскому государству подвластным и законами сего государства от всякого посещения загражденным. Следовательно, плавание военного судна при гряде Курильских островов должно быть ограничено последним нашим, или восемнадцатым, островом (Урупом. – *К.Ч.*)»¹⁰⁴.

Упомянутое письмо М.И. Миницкого вполне удовлетворило японскую сторону, а письмо Н. Трескина – вызвало сомнения, так как было написано 5 мая 1813 г. – до предъявления японскими властями условий освобождения российских моряков и поэтому оставляло неясными некоторые вопросы, что потребовало от П. Рикорда дополнительных пояснений, прежде чем предварительная достигнутая договоренность об урегулировании конфликта была выполнена.

5 октября состоялась встреча П. Рикорда с В. Головным и его спутниками, во время которой первый сообщил, что иркутский губернатор поручил ему приступить к переговорам об установлении русско-японской границы. Но В. Головнин высказал мнение, что быстро разрешить этот вопрос не удастся и поэтому связывать его с их освобождением из плена было бы нецелесообразно. П. Рикорд согласился с ним.

7 октября В. Головнин и его спутники были официально освобождены, и П. Рикорду было вручено письмо заместника сёгуната на о. Эдзо Хаттори с предупреждением в будущем не приближаться к берегам Японии для установления торговли или иных контактов. 10 октября, сообщив, что это предупреждение будет принято во внимание, П. Рикорд попросил дать

ответ на предложение М.И. Миницкого об установлении границы. В тот же день «Диана» вышла из гавани Хакодате и 3 ноября вернулась в Петропавловск-на-Камчатке. 22 июля 1814 г. В. Головнин и П. Рикорд прибыл в Петербург,

Немного раньше, в марте 1814 г., С. Такахаси и Х. Кодзимото подготовили ответ сёгуната на предложение в письме Н.И. Трескина об установлении границы между Россией и Японией (на голландском и русском языках). Сёгунат предлагал самым северным островом Японии считать Итуруп, а самым южным островом России – Симушир, оставив о-ва Уруп, Чипрой, Брат Чипроев и Макаруш в промежуточной зоне между двумя государствами¹⁰⁵, хотя В. Головнин придерживался мнения о необходимости «предъявить им (японцам. – К.Ч.), свои права на три острова (Итуруп, Кунашир и Шикотан. – К.Ч.), несправедливо ими занимаемые»¹⁰⁶.

Но это письмо было доставлено С. Такахаси в условленное место на севере Итурупа, в районе селения Сибэтора (Славное), 8 июня 1814 г. – через две недели после ухода русского судна «Борис и Глеб» под командованием штурмана Новицкого. Японцы задержались в пути, разминулись с русскими из-за неблагоприятных ветров в океане.

На обратном пути что японцы не позволили судну пристать к Итурупу, поэтому Новицкий оставил письмо для японцев на о. Уруп в ящике, прикрепленном цепью к столбу, которое было обнаружено японцем Иида во время его командировки в 1818 г., но японцы не смогли понять его содержание, так как оно за несколько лет частично истлело¹⁰⁷.

22 июля 1815 г. по приказу М.И. Миницкого к Итурупу со вторым письмом Н. Трескина прибыл на бриге «Св. Павел» штурман Средний, но из-за шторма он не смог доставить письмо на берег с тремя японцами, возвращавшимися на родину.

Это было сделано им в 1816 г. Упомянутые три японца и еще трое были посажены в байдару у берегов Северной Японии. Они прибыли на о. Итуруп с сообщением, что русские дважды приезжали к его берегам за обещанным ответом на первое письмо Н. Трескина.

Кроме того, в том же году управляющий Камчаткой лейтенант Илья Рудаков от имени М.И. Миницкого послал письмо японскому правительству с просьбой ответить на это письмо Н. Трескина через айнов.

В 1817 г. тоён (старшина) Усов был послан за ответом, но его байдара, найденная в 1821 г., потерпела крушение у о. Симушир¹⁰⁸.

Отсутствие ответа на письмо Н. Трескина после 1814 г. объяснялось тем, что японское правительство, несмотря на различные точки зрения, пришло к выводу, что переговоры с Россией о границах, как и о торговле, идут вразрез с законами об изоляции страны. Вместо этого было принято решение укрепить охрану морского побережья военными гарнизонами на юге Курил и Сахалина¹⁰⁹.

Учитывая ситуацию, в своем представлении Комитету министров России от 16 ноября 1816 г. И.Б. Пестель предложил прекратить с 1817 г. экспедиции с целью установления отношений с Японией до благоприятного времени, и после утверждения этого документа связи с Японией прервались почти на полвека¹¹⁰.

Вернемся к истории. Еще ранее, в 1813 г., до одобрения И.Б. Пестелем инструкции о запрете русским появляться на Курилах в районе южнее Урупа, Н.И. Трескин приказал не ездить на Сахалин во избежание конфронтации как с японцами, так и с китайцами и маньчжурами, что могло бы создать препятствие для торговли с Китаем. В то же время в 1821 г. сёгунат безвозмездно отказался от непосредственного управления Сахалином в пользу князя Мацумаэ, но права последнего на Южный Сахалин, откуда войска были выведены благодаря урегулированию отношений с Россией по финансовым соображениям еще в 1814 г., носил сугубо номинальный характер, ибо он едва справлялся с управлением собственными владениями на Эдзо (до середины XIX в. туда приезжали только японские торговцы, да и то лишь летом в рыболовный сезон)¹¹¹.

И это несмотря на то, что японский чиновник и ученый Риндзо Мамия (1776–1844), который был участником оборо-

ны Итурупа в 1807 г., установив в 1808-1809 гг. (в результате путешествий по приказу сёгуната по восточному и западному берегам Сахалина до его северной оконечности), что он является островом¹¹², и добившись в 1812 г. от сёгуната уплаты долгов южносахалинских айнов купцам Приамурья в 131 рё^{*113}, определил рубеж между японскими и китайскими владениями в районе, прилегающем с юга к 51°55' с.ш., – южнее пос. Наёро (ныне Гастелло), староста которого располагал китайскими документами о присвоении ему титула племенного вождя¹¹⁴.

Но в первой половине XIX в. русские не имели точных сведений о юридическом статусе Сахалина, хотя предполагали, правда, без достаточных оснований, что его северная часть принадлежит Китаю (или, быть может, находится под его влиянием, не исключая либо сюзеренитета, либо какой-либо иной формы зависимости), а южная, даже за пределами морского побережья, – Японии.

Так, 13 августа 1805 г., войдя в Татарский пролив, который И.Ф. Крузенштерн вслед за Ж. Лаперузом считал заливом, до параллели Амурского лимана, начальник экспедиции Н.П. Резанова писал: «Сильное течение, встреченное мною в этих местах, и опасение, чтобы дальнейшими исследованиями не навлечь подозрения китайского правительства и тем не повредить кяхтинской торговле, и, наконец, опасение встретиться с (воображаемой ими. – А. Сгибнев) китайскою эскадрою, наблюдавшею (по ошибочному предположению русского мореплавателя. – К.Ч.) за устьем Амура, заставили меня прекратить исследования»¹¹⁵.

Далее И. Крузенштерн упоминал о встречах с «татарами», то есть народами, в число которых входили маньчжуры – правящий класс в цинском Китае, «овладевшими северной частью Сахалина»¹¹⁶. А Головнин в 1816 г. в своих мемуарах о пребывании в плену у японцев в 1811–1813 гг. считал, что Сахалин разделен между Японией и Китаем¹¹⁷.

Об экспедиции И.Ф. Крузенштерна у берегов Сахалина и о путешествиях Риндзо Мамия и Дэндзюро Мацуда по этому

* Рё – старинное название иены (монеты).

острову и Р. Мамия в Приамурье до пункта Делэна, сбора маньчжурами «дани» с приезжающих ежегодно (вблизи нынешнего Комсомольска-на-Амуре) жителей северной части острова, японцам и европейцам, в том числе русским, стало известно в результате деятельности известного немецкого ученого, сотрудника голландской торговой фактории в Японии Филиппа Франца фон Зибольда (1796–1866 гг.). В 1823 г. он прибыл в качестве врача в Нагасаки, где преподавал японцам естественные науки, в том числе медицину, в частности хирургию и фармакологию.

Ф. Зибольд писал: «К сожалению, голландская Ост-Индская компания никогда не понимала значения земли Эдзо, Штатланда (о. Итуруп. – *К.Ч.*) и Компаниаланда (о. Уруп.– *К.Ч.*)... Она не распространяла влияния Нидерландов дальше о. Дэсима и не прислушалась ко мне, когда я говорил ее служащим об упомянутых островах как законной собственности Нидерландов. Опасаясь нанести ущерб коммерческим интересам, Нидерланды в течение двух веков не возвращались на север Японии для того, чтобы найти следы своих знаменитых предков. Таким образом, они упустили шанс совершить новые открытия и продвинуться на север»¹¹⁸.

В 1826 г. в качестве сопровождающего директора голландской фактории Ф. Зибольд посетил г. Эдо и встретился с сёгун-ом Изнари, который за его заслуги в просвещении японцев разрешил ему жить в столице Японии. Здесь Ф. Зибольд общался с исследователем пограничных с Россией районов Могами и известными астрономами и географами С. Такахаси и Р. Мамия.

От Т. Могами, встречавшегося с русскими в 1786 г. на о. Итуруп, он получил сведения об айнах, а также карты и планы (в том числе те, на которых Сахалин был изображен как остров), опубликованные Ф. Зибольдом через четверть века.

От С. Такахаси в обмен на немецкое издание книги И. Крузенштерна «Путешествие вокруг света» (ее перевод он закончил в 1828 г.) и другие материалы Ф. Зибольд получил карты пограничных районов Северной Японии (о. Эдзо) картографа Тадатака Ино, а также карты южной части Курил и Сахалина с учетом географических данных Р. Мамия. (Позднее в переводе

Зибольда был опубликован его труд «Путешествие в Восточную Татарию» – «Тодацу кико», изданный в 1844 г.)

В 1828 г. за попытку вывезти из Японии эти и другие запрещенные к экспорту предметы Ф. Зибольд и ряд японских ученых-голландоведов, в том числе С. Такахаси, по доносу Р. Мамия были арестованы. В 1829 г. Ф. Зибольд был выслан из страны, но в 1859 г. снова возвратился в Японию, чтобы продолжить ее изучение. В Европе он стал известен как первый профессиональный японовед, обладавший глубокими и разносторонними знаниями об этой стране. В 1832 г. всему миру стал известен его труд «Япония»¹¹⁹.

В 1858 г. Ф. Зибольд опубликовал комментарий к дневнику Корнелиуса Козна – путешествия М. де Фриза к южной части Сахалина и южной части Курил. Вот его мнение: «Открытие залива Анива совершил де Фриз, который был первым предоставившим о нем информацию. Его свидетельство позднее было подтверждено Крузенштерном, который продолжил гео- и гидрографические исследования. Японские географы Токунай Могами и Риндзо Мамия предоставили нам больше подробностей о конфигурации береговой линии, его специфических мест, заливов и рек, гор и айских поселений. Эти неумолимые путешественники не только предоставили сведения об этом заливе, но и познакомили нас также с большей частью Карафутто (о. Сахалин. – К.Ч.). Ранее Сахалин считался полуостровом, но благодаря этим исследователям он стал рассматриваться отдельно от Азиатского материка, и они сделали доступными внутренние районы неизвестной земли. Лучшие из существующих европейских карт Карафутто – карта полуострова Сахалин, сочиненная в 1827 г. Крузенштерном с учетом наблюдений де Фриза, Лаперуза и Броутона и его собственных открытий, и наша карта, основанные на сообщениях Токунай Могами и Риндзо Мамия в результате чего пред нашими глазами предстал остров наибольшей в мире протяженности»¹²⁰.

Русские власти в тот период вынуждены были исходить из фактического положения в южной части Курильских островов

этом районе, сложившегося в результате японской экспансии. Вот почему пределы экономического суверенитета России в указе Александра I от 4 сентября 1821 г. были определены от берегов Аляски с крайней точкой 51° с.ш. до линии на море, проходящей на 100 итальянских миль (185,2 км) южнее о. Уруп с крайней точкой 45°51', то есть до берегов южной части о. Итуруп.

В опубликованных почти одновременно с этим указом (13 сентября 1821 г.) «Привилегиях, даруемых от сего времени впредь на 20 лет Российско-Американской компании» ей было предоставлено право «занимать в Российское владение» также районы за пределами указанных координат, «если оные никакими другими Европейскими нациями или подданными Американских Соединенных Штатов не были заняты и не вступили в их зависимость»¹²¹.

Эти меры правительства России по установлению ее экономической зоны истолковываются некоторыми японскими историками как акты внутреннего законодательства по ограничению ее территории северной и средней частями Курильских островов до южной оконечности о. Уруп¹²².

Сам же указ Александра I и **пересмотренные «Привилегии»** Российско-Американской компании были связаны не с уступками России в этом регионе, а, наоборот, со стремлением укрепить ее позиции в этом районе в связи с посягательством на ее владения иностранных держав. Правда, слабость России на Тихом океане в тот период не позволила ей реализовать указ Александра I на практике.

В 1817–1819 гг. В.М. Головнин возглавил новое кругосветное путешествие, маршрут которого проходил через районы, прилегающие к Японии. На шлюпе «Камчатка», пройдя через Атлантический и Тихий океаны с заходом в Русскую Америку, мореплаватель достиг Петропавловска, а затем, проследовав восточнее и юго-восточнее Японии, направился в обратный путь через Филиппины.

Исходя из опыта своего путешествия, В.М. Головнин подготовил письмо о вторжении иностранных судов в русские владения в северо-западной части Тихого океана с целью контра-

бандной торговли. Это письмо в 1819–1820 гг. имело широкое хождение в официальных кругах России и вместе с отчетами о других путешествиях повлияло на решение правительства, как это видно из указа Александра I, а также из утвержденного им нового Устава Российско-Американской компании, перейти к более решительной политике. «Можно считать, – пишет американский историк, профессор Дж. Стефан, – что кругосветное плавание шлюпа «Камчатка» оказало значительное влияние на внешнюю политику России»¹²³.

«Из 340 лет, прошедших со времени выхода России к Тихому океану, первые десятилетия XIX в. выделяются как особенно богатые замечательными событиями. В эти годы под влиянием научной любознательности и коммерческих замыслов русские стали отваживаться на плавания, далекие от их традиционных баз на Камчатке и Аляске, по всему бассейну Тихого океана... – приходит к выводу Дж. Стефан. – Такая активность была отчасти связана с предприимчивостью частных компаний, а отчасти являлась результатом официальной политики. Между 1803 и 1833 гг. 30 экспедиций были отправлены из порта Кронштадт в Балтийском море на Тихий океан, то есть в среднем по одной экспедиции ежегодно. 16 из них были снаряжены морским ведомством, остальные были смешанные, с привлечением судов Российско-Американской компании, укомплектованных военными моряками. 20 из этих экспедиций успешно завершили плавание вокруг света. Такие командиры этих экспедиций, как Крузенштерн, Лисянский, Головнин, Лазарев, Коцебу и Литке, оставили нам дневники своих путешествий, которые получили международное признание»¹²⁴.

Освоение Курильских островов Россией продолжалось и в последующие годы. В 1828 г. на о. Уруп было восстановлено русское поселение.

Во второй половине 20-х годов XIX в. наместники сёгуна в г. Хакодате Кавадзири Харумото и Арао Наруюки направили на имя главы правительства Японии письменное предложение, в котором говорилось, что они, как пишет историк Р. Окамото, считают «необходимым снарядить военные суда и произвести

нападение на собственные пограничные земли русских» исходя из того, что «атака является только лучшим средством обороны»¹²⁵, причем со стороны правительства Японии предложение возражений не встретило. Этот факт свидетельствует, что в правящих кругах Японии в тот период вынашивались враждебные замыслы в отношении России.

В 1852–1854 гг. сподвижники Г.И. Невельского Н.К. Бошняк, В.А. Римский-Корсаков, Н.М. Чихачев, Н.В. Буссе, Н.В. Рудановский и другие собрали сведения о русских поселенцах в западной, восточной и южной частях о. Сахалин¹²⁶. Большую помощь экспедиции Г.И. Невельского оказало коренное население, которое сыграло важную роль в присоединении острова к России¹²⁷. В 1853 г. Г.И. Невельской основал в заливе Анива, на самом юге Сахалина, пост Муравьевский. Он объявил местным жителям и командирам иностранных судов, посещавших берега Татарского пролива, что территории Приморья до границы с Кореей и Сахалин являются русскими владениями.

4. Деятельность японцев, побывавших в России, и первых японских переводчиков русского языка в первой половине XIX века

Помимо упоминавшихся японских моряков с судна «Вакамия-мару», которые потерпели кораблекрушение в 1794 г. у берегов Русской Америки и возвратились в Японию в 1805 г. с посольством Н.П. Резанова¹²⁸, сообщив немало полезных сведений о России, в начале XIX в. на ее территории оказалось еще несколько групп японцев, сыгравших определенную роль во взаимном ознакомлении народов двух соседних стран.

Так, летом 1804 г. судно «Кинсё-мару» после шторма оказалось у о. Парамушир (северные Курилы). Из 14 японцев в живых остались шесть человек: старший матрос Цугиэмон, матросы Санъэмон, Кити-горо, Янаи, Канъэмон и кок Ивамацу. Они были спасены русским священником и местными жителями, зимовали в Петропавловске-на-Камчатке в доме осевшего

в России японца Дзэнроку с корабля «Вакамия-мару» (после крещения Стефан) и двух русских купцов.

В 1806 г. спасенные моряки были отправлены с айнами на о. Итуруп, в селение Сибэторо (ныне Славное), в распоряжение чиновников центрального правительства Японии, а в 1807 г. возвратились на родину¹²⁹.

В 1805 г. Н.П. Резанову во время пребывания на Камчатке стало известно, что они остались «весьма довольны сделанным им приемом и пособиями»¹³⁰.

Осенью 1806 г. на Камчатке оказались взятые в плен Н. Хвостовым на Сахалине упомянутые четыре японских стражника рыболовных участков: Томигоро Сасаки, Гэнсити Фудзия, Торидзо Накамура и Фукумацу Симада¹³¹. Через некоторое время Н. Хвостов, намеревавшийся использовать их в качестве переводчиков для установления торговых отношений, записал в журнале фрегата «Юнона»: «Русский язык они понимают уже довольно изрядно, начинают говорить и с большим прилежанием собирают русский лексикон»¹³².

Эти японцы сообщили командиру «Юноны» о противоречиях между сёгуном и императором по вопросу о разрешении торговли с Россией и о недовольстве японского купечества и других слоев населения отказом от ее разрешения, особенно жителей княжества Мацумаэ, которые «более других еще расположены к торговле с россиянами...»¹³³

После смерти одного из четырех японцев Н. Хвостов в мае 1807 г. взял остальных с собой в экспедицию на о. Итуруп. Там русские моряки взяли в плен еще шесть японцев – артиллериста Дзигохай Омуре и стражников пограничной охраны Городзи Рёдзаэмон Накагава, Сахээ, Тёнай¹³⁴, Рокудзо и Сансукэ¹³⁵.

Семь человек Хвостов отпустил на о. Рисири у северо-западного побережья о. Эдзо, а Г. Накагава и Сахээ оставил в качестве переводчиков, перебросив их в Охотск¹³⁶.

В марте 1809 г. И.Б. Пестель распорядился назначить их учителями в школе японского языка в Иркутске, так как они обнаружили способности к изучению русского языка. Но затем после доклада из Охотска о том, что они желают вернуть-

ся на родину и даже попытались совершить неудачный побег на лодке, И. Пестель изменил свое решение и направил правительству России ходатайство об их возвращении в Японию. 31 мая 1810 г. государственный канцлер Н.П. Румянцев уведомил генерал-губернатора Восточной Сибири И.Пестеля о повелении Александра I **отправить этих пленных японцев на родину**, чтобы, пользуясь этим случаем, капитан русского судна представил сведения «о нынешнем состоянии Японии: в каком расположении правительство к России и не имеют ли сведений об отказе нашего посольства»¹³⁷.

Позднее, весной 1811 г., отправившись из Иркутска на промысел нерпы вместе с Г. Накагава, на обратном пути погиб его соотечественник Сахээ¹³⁸. Сам же Г. Накагава в 1812 г. остался в Японии, после того как был высажен на о. Кунашир П. Рикордом для выяснения судьбы В. Головнина и его шестерых спутников, взятых в плен японцами¹³⁹.

В Японии Накагава прославился как «основоположник способа прививки оспы против оспы», то есть использования вакцины против оспы, переведя на японский язык вместе с Садзуро Баба с помощью В. Головнина книгу «О прививании коровьей оспы»¹⁴⁰, хотя противооспенную вакцину первым привез из России в Японию монах секты дзэн Кудзо из селения Кавадзириура уезда Камо (ныне префектура Хиросима).

Осенью 1810 г. судно «Канки-мару», на котором находился Кудзо из княжества Сэцу (центральная часть о. Хонсю) вместе с 16 другими японцами¹⁴¹, потерпело кораблекрушение (пять человек погибли), и весной следующего года его прибило к берегам Камчатки. Четверо из членов экипажа с трудом добрались до ближайшего острога и были доставлены в Нижне-Камчатск. Направленные к месту крушения судна квартирмейстер Шелашников и экспедиторский помощник Бродников с одним из спасшихся японцев обнаружили трех едва живых, и еще девять погибших японцев с остатками груза и оснасткой судна.

После того как японцы Кудзо, Ёмокити и Тюгоро поправились, их перевели в Охотск и в 1812 г. вместе с П. Рикордом отправили на о. Кунашир¹⁴².

По возвращении на родину первый из них написал «Заметки о дрейфе у берегов России», которые подробно знакомили его соотечественников с нравами и обычаями России, а также содержали лексикон из 260 наиболее употребительных русских слов и популярные русские песни.

Первую же прививку оспы сделал в Японии не Накагава или Кудзо, а лишь через 35 лет после их возвращения известный японский врач Мити Миякэ, который использовал вакцину, привезенную не из России, а из Нидерландов голландцем Отто Монокэ¹⁴³. Сказалось недоверие к русским, вызванное действиями Н. Хвостова и Г. Давыдова, несмотря на смягчение русско-японских отношений после освобождения В. Головнина.

Вслед за Накагава в сентябре 1812 г. на о. Кунашир П. Рикорд отпустил четырех страдавших цингой японцев, а вместо них (в качестве заложников с капитаном и владельцем судна «Кансэ-мару» Кахээ Такадаем) взял четырех других японцев – матросов, доведя число пленных японцев до семи, то есть до количества русских пленных, необходимых для их будущего обмена¹⁴⁴.

В течение года эти японцы находились в Петропавловске. Правда, двое из них умерли от цинги до возвращения на родину. Там П. Рикорд сообщил К. Такадая о непричастности правительства России к действиям Н. Хвостова и Г. Давыдова, вызванным неудачей посольства Н. Резанова. В ответ на это К. Такадая, обладавший большим влиянием как снабженец правительственных войск, рассказал, что «все жители Японии, узнав о прибытии русских кораблей в Нангасаки и о том, что с Россией утверждены будут коммерческие отношения, весьма обрадовались, но последовавший затем крупный перелом решительным отказом нашему послу произвел во всей Японии большое негодование на ее правительство»¹⁴⁵.

Выделяясь по своему воспитанию и уму среди соотечественников, с которыми встречались до этого русские, К. Такадая понимал, что «польза отечества его... требовала миролюбивого окончания вражды, возникшей между Японией и Россией от случаев непредвиденных и без соучастия высших правительств». Он видел «вред от сей вражды, а потому и

старался всемерно объяснить странность японских неприязненных поступков, которых причины мы не постигали, – писал П. Рикорд, – равным образом и то, какие непреложные законы и обычаи, по незнанию которых иностранец может произнести о них ложное суждение». К. Такадая уверял русских, что японцы, «поступая с нами неприятельски», не имели в виду заводить бесполезные для них ссоры с соседней великой державой.

Неприятные инциденты, по его мнению, не имели бы места, если бы известные «законопротивные поступки» русских моряков не дали бы им основание предполагать о «неприятности России к Японии», «чего, конечно, не последовало, если бы Япония, по примеру других государств, имела сношения с соседственными правительствами»¹⁴⁶.

Осознание сути произошедших осложнений в русско-японских отношениях и выдающиеся способности позволили К. Такадае выполнить историческую миссию по освобождению русских моряков во главе с В.М. Головниным из японского плена и в урегулировании конфликта на основе взаимопонимания и компромисса¹⁴⁷.

В 1813 г. у берегов северной части Курил разбилось японское судно «Эйдзю-мару», отправленное осенью 1812 г. из княжества Сацума с о-вов Рюкю в г. Эдо и попавшее в тайфун у берегов о. Сикоку. В 1813 г. четыре японца с этого судна во главе с Кидзаэмоном были переправлены в Петропавловск-на-Камчатке и прожили там до 1815 г. Штурман Средний, направленный в 1815 г. на бриге «Св. Павел» к берегам Итурупа по предписанию командира Охотского порта Миницкого, взял их с собой, но не смог высадить на берег из-за шторма. В 1816 г. с ним было направлено еще несколько японцев во главе с Сигэеси Тёдзаэмоном Огури, проживавших в Петропавловске, которые в ноябре 1813 г. на корабле «Токудзё-мару» по пути из г. Эдо в г. Нагоя также попали в шторм и в начале 1815 г. были доставлены в столицу Русской Америки английским судном капитана Пигота, а оттуда на русском судне – на Камчатку.

Данные об общем количестве японцев, возвращенных штурманом Средним, расходятся. По русским архивным данным

и данным С. Манабэ, он доставил к о. Итуруп по три японца в каждой группе¹⁴⁸. По сведениям С. Такакура, их было по четыре человека в каждой группе¹⁴⁹, а по данным С. Накамура и С. Новаковского со ссылкой на «Обозрение мореплавания» (Цуко итиран. Токио, 1913), во второй группе было всего два человека¹⁵⁰.

С.Т. Огури составил первый в Японии разговорник из 360 русских слов и издал книгу «Русская одежда и утварь». По его рассказам о России Хиротика Икэда опубликовал в 1822 г. «Дневник капитана «Токудзё-мару»». Эти работы сыграли определенную роль в ознакомлении японцев с жизнью русских на Дальнем Востоке.

Работы, посвященные вопросу об установлении двусторонних отношений, прежде всего торговых, писали не только японцы, возвращавшиеся из России, или на основе их сведений другие авторы, но и японцы, оставшиеся по тем или иным причинам в России.

Так, Синдзо (после крещения – Николай Петрович Колотыгин) – спутник Дайкоку Кодаю написал книгу «О Японии и японской торговле» (СПб., 1816). Заключительные ее главы, например семнадцатая – «Сношения России с японцами» и восемнадцатая – «Товары, которые россиянами могли бы быть в Японию ввозимы и из нея вывозимы», посвящены вопросам русско-японских отношений, в частности взглядам японского купечества на перспективность «торгового сближения» с Россией. Процветание торговли между двумя странами автор связывает с расширением деятельности Российско-Американской компании и с экономическим ростом Восточной Сибири.

Первыми японцами – переводчиками русского языка, которые по приказу японских властей приступили к его изучению, были Кумадзиро Камихара¹⁵¹ и Тэйсука Мураками¹⁵².

К. Камихара начал заниматься русским в возрасте 50 лет и, хотя он ему давался с большим трудом, опубликовал в 1854 г. «Русский лексикон» (150 русских слов с переводом на японский язык).

Т. Мураками был в два раза моложе и сразу проявил недюжинные способности в изучении русского языка. Вы-

полняя пожелание властей, он не только изучал у В.М. Головнина русский язык, но и подготовил по его данным статистическое описание России и других европейских государств, которое русский мореплаватель оценил как весьма полезное для ознакомления с Россией и ее политикой в отношении Японии. Этот переводчик благожелательно относился к В. Головнину и другим пленным русским. Изучение русского языка позволяло ему отводить несправедливые подозрения в отношении их намерений в Японии. Позднее вместе с наместником сёгуната в Хакодате он совершил поездку в столицу Японии, где сделал правдивый доклад об инциденте с русским судном «Диана».

«Японцы тотчас к нам привязались, – писал о них В.М. Головнин, – и спрашивали, каким образом голландские переводчики могли участвовать в ссоре между ними и Резановым. Тут мы рассказали о письме, перехваченном на корабле англичанами, в коем голландцы сами признаются, что успели внушить японцам ненависть к русским, которое они отправили с таким ответом, что русские не пожелают более приходить в Японию. На вопрос их, зачем прежде мы не открыли им об этом обстоятельстве, отвечали мы, что нам сомнительно было, поверят ли японцы этому. Притом же мы думали, что они, употребляя своих переводчиков, не хотят вмешивать в это дело голландцев. Но коль скоро видели, что теперь дело до них доходит, то отнюдь не хотим дать им способа в другой раз сделать зло и японцам и нам. Тогда мы рассказали им некоторые весьма справедливые анекдоты о поступках Восточно-Индийской и Западно-Индийской компаний сего народа; и сколь честны бывают, когда дело дойдет до торговли...»¹⁵³.

У В.М. Головнина обучались также японские голландоведы Санаи Адати (43 года) и Садзюро Баба (27 лет). Первый из них был математиком и астрономом, уроженцем г. Осака, сотрудником обсерватории. Изучая русский язык, он перевел на японский «Краткий курс арифметики» Л. Магницкого, привезенный в Японию Д. Кодаю, у которого он брал уроки русского языка. С. Баба составил дополненный и исправленный по

его рукописи В.М. Головниным «Краткий русский лексикон» и «Правила русской грамматики» (1814).

В те годы в школе японского языка в Иркутске, до ее закрытия в 1816 г., преподавали японцы Синдзо (Н. Колотыгин), скончавшийся в 1810 г., и Дзэнносукэ (Киселев). С этой же целью в Иркутск прибыл и Накагава, но вскоре был отпущен по его просьбе на родину.

Все они сыграли существенную роль в зарождении связей между Россией и Японией.

С 1827 г. Российско-Американская компания стала переселять на Курильские острова алеутов, используя их большой опыт в промысле морских бобров. Вслед за Урупом их поселение было создано в 1830 г. на о. Симушир. 9 ноября 1830 г. Сибирский комитет подтвердил монопольные права компании на Курильских островах до о. Уруп. Тогда же эта компания создала свой Курильский отдел, администрация которого находилась в г. Охотске¹⁵⁴. Подати с жителей Курил бобрами и лисицами, несмотря на указ об их отмене, изданный Екатериной II еще в 1779 г., собирались правительственными чиновниками с Камчатки до тех пор, пока компания не добилась в 1833 г. исполнения упомянутого указа¹⁵⁵. Так как главное внимание компания уделяла своим американским колониям, ведя ожесточенную конкурентную борьбу с иностранными компаниями, которые также занимались морским промыслом в северо-западной части Тихого океана, поэтому ей не хватало средств для снабжения населения Курил, прежде всего продовольствием.

В связи с этим Российско-Американская компания приняла ряд новых попыток завязать торговые отношения с Японией. Так, в 1836 г. она воспользовалась полученным в 1835 г. указанием правительства России отправить на родину через о. Итуруп трех японцев, потерпевших кораблекрушение у Сандвичевых островов (ныне Гавайи) и доставленных в Ново-Архангельск, направив к этому острову бот «Уналашка» под командованием подпоручика Д.И. Орлова. При этом учитывалось, что, хотя при возвращении японцев во избежание недоразумений русским морякам запрещалось вступать

в официальные сношения с японскими властями, деловые контакты с местными жителями и их начальством все-таки допускались при условии дружеского с ними обхождения и внушения им чувства добрососедства¹⁵⁶.

22 января 1837 г. Азиатский комитет рассмотрел отчет министра финансов Е.Ф. Канкрин о выполнении указания правительства, представленный Николаю I. В нем, в частности, сообщалось: «24 августа [1836 г.] бот подошел на пять миль к помянутому острову [Итуруп], у которого стояли три японских судна, что один из находящихся у них японцев отправлен был с бота на двух байдарах на берег, но что по приближении к оному на японском берегу были подняты два флага и вслед за тем открыта с двух крепостей пальба ядрами». И далее: «Возвратившийся японец объявил, что суда, стоявшие в гавани, были прежнего его хозяина, что команда их ему знакома и что одного из приказчиков просил он объяснить губернатору острова причину прихода русского судна и просил позволения войти боту в гавань. Ответа на сие не последовало, а между тем, хотя бот и удалился из-под пушечных выстрелов, по просьбе японцев двое из них были свезены и высажены на берег неподалеку от селения. Затем 25 августа бот подходил к мысу, на который высажены японцы, но вновь открытый огонь принудил судно удалиться, почему командир, решась высадить последнего японца со всем их имуществом, отправил для сей цели к берегу байдары, причем японцы усилили огонь, так что высадили его с имуществом и благополучно возвратились к боту, командир которого, не видя возможности к сношениям с японцами, отправился к своему назначению в Охотск и прибыл туда 30 сентября»¹⁵⁷.

Следующую попытку Российско-Американская компания предприняла уже в 1843 г. по поручению своего правительства от 1841 г. На этот раз бриг «Промысел» под командованием подпоручика П.Ф. Гаврилова доставил шестерых японцев из г. Тояма, потерпевших кораблекрушение у тех же островов и переправленных американскими китобоями в Петропавловск, в селение Кайтомай на тот же о. Итуруп. Им было передано

предложение компании об установлении торговых отношений с районом Эдзо (ныне Хоккайдо)¹⁵⁸.

Такие попытки активизировались после того, как Англии удалось добиться открытия для торговли портов Китая в результате его поражения в «опиумной войне» 1839–1842 гг. В начале 1844 г. Российско-Американская компания направила на Итуруп свой корабль, чтобы выяснить, в какие гавани могут приходить русские торговые суда¹⁵⁹. Летом 1845 г. на этот остров вновь прибыл на судне «Тунгус» подпоручик П.Ф. Гаврилов с письмом П. Рикорда для выяснения этого вопроса¹⁶⁰. Но все эти попытки не принесли заметного результата, хотя в 1842 г. сёгунат отменил указ об изгнании иностранных судов и разрешил снабжать их топливом и водой¹⁶¹.

Интерес к установлению отношений с Японией, угасший ненадолго в результате этих неудачных попыток, вспыхнул вновь после ознакомления Николая I с отчетом профессора А.Ф. Миддендорфа (1815–1894) о путешествии по Приамурью к берегам Охотского моря в 1844–1845 гг., в котором содержались сведения о независимости этих районов от Китая, к этому времени утратившего здесь свое влияние, и об открывающихся в связи с этим перспективах продвижения России в этот район и к о. Сахалин¹⁶².

Намерение Николая I направить экспедицию в Китай и Японию с целью открытия этих государств для торговли с Россией натолкнулось на сильное противодействие канцлера К.В.Нессельроде, опасавшегося из-за этого разрыва отношений с Англией и Китаем, поэтому царь отклонил предложения на этот счет Е.В. Путятина (1843) и И.Ф. Крузенштерна (1844). Он ограничился отправкой в 1846 г. за счет казны к устью Амура брига Российско-Американской компании «Великий князь Константин» для тайного изучения вопроса, касающегося судоходности Татарского пролива и дальнейшего следования грузов к Курильским островам.

Но эта экспедиция не смогла добиться выяснения действительного положения дел в данном вопросе, и честь установления судоходности этого пролива выпала на долю

капитан-лейтенанта Г.И. Невельского и его сподвижников. В 1849–1854 гг. их Амурская и Сахалинская экспедиции сыграли определяющую роль в активизации внешней политики России на Дальнем Востоке – присоединении Приамурья, Приморья, Сахалина и способствовали установлению дипломатических и торговых отношений с Японией (посольство Е.В. Путятина).

В 1850 г. в Петропавловск-на-Камчатке на судне Российско-Американской компании было доставлено еще семь японцев во главе с Таробэем из 13 членов команды японского судна, спасенных американскими китобоями и переданных русским в Ново-Архангельске (Ситха).

В то же году директор Азиатского департамента МИД России Л.Г. Сенявин в докладе Николаю I предложил **возвратить** спасенных японцев не на о. Итуруп, как это делалось ранее, а на один из четырех главных японских островов, чтобы вступить в контакты не с низшими чиновниками, которые не могли решить вопрос об установлении отношений, а с японскими властями высокого ранга, адресовав им соответствующее письмо правителя колоний Российско-Американской компании Н.Я. Розенберга.

После одобрения этого предложения шкипер И. Линденберг на корабле «Князь Меншиков» в 1852 г. прибыл в гавань Симода (о. Хонсю) с этими японцами, где встретился с наместником г. Симода и несколькими чиновниками. Наместник поблагодарил за доставку японцев, но отказался без разрешения сёгуната принять вернувшихся японцев и взять письмо Н. Розенберга. Позднее заместитель наместника сёгуната в г. Одавара В. Накамура предложил И. Линденбергу удалиться от японских берегов. В нескольких милях от г. Симода в уезде Камо И. Линденберг высадил семерых потерпевших кораблекрушение японцев на берег и отплыл на родину¹⁶³.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ОТ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 годов ДО ОКОНЧАНИЯ РУССКО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 годов)

1. Становление межгосударственных отношений России с Японией в середине 50-х годов XIX века

В начале 50-х годов XIX в. с развитием мирового судоходства в северо-западной части Тихого океана стало ясно, что Великобритания, США, Франция и другие государства Запада в ближайшее время пробьют брешь в политике изоляции Японии от внешнего мира, которая в течение более двух столетий удерживала феодальный строй в своей стране.

Опасаясь преобладающего влияния западных государств, в Японии, которое могло создать непосредственную угрозу русским владениям на Тихом океане, правительство России для выработки политического курса в данном вопросе в 1852 г. учредило Особый комитет по азиатским делам, который 7 мая того же года принял решение отправить в Японию экспедицию во главе с послом вице-адмиралом и генерал-адъютантом Е.В. Путятиным для установления с ней (после переговоров о торговле в Китае) торговых и дипломатических отношений.

Непосредственным поводом для претворения в жизнь этого начинания стали появившиеся в 1852 г. в печати сообщения о предстоящих американских экспедициях в Японию под командованием К. Рингольда и М. Перри.

В отличие от предыдущего периода важную роль в отношениях играли не только торгово-экономические, но и политические интересы России, в частности связанные с установлением границ между двумя странами в районе Сахалина и на Курильских островах. Но вопреки мнению Д.В. Петрова все же нельзя утверждать, что «Россия в эти годы больше всего была заинтересована в урегулировании с Японией своих спорных пограничных вопросов»¹, тем более что эта задача была включена не в основную, а в дополнительную инструкцию Е.В. Путятину, то есть уже после его отъезда в Японию (туда он прибыл 10 августа 1853 г.).

Голландия также проявила интерес к вопросу об открытии японских портов (не считая Нагасаки). После неудачной попытки, предпринятой в 1844 г., в начале 50-х годов она рассчитывала на достижение этой цели с помощью других держав, в частности России. В связи с этим в апреле 1852 г. Ф.Ф. Зибольд, будучи самым известным японоведом в Европе, направил министру колоний Нидерландов Д.К. Бауду докладную записку с предложением, чтобы Гаага выступила посредником в осуществлении такой задачи.

Получив поддержку, 8 ноября 1852 г. Ф. Зибольд послал в МИД России свой проект установления русско-японских отношений, в котором предлагалось втянуть Японию в переговоры. В целях избежания вооруженных конфликтов в будущем необходимо было определить границы двух государств в районе Сахалина и Курил. Имея в виду возможную посредническую роль Нидерландов в этих переговорах, Ф. Зибольд предлагал вести их в Нагасаки, где имелась голландская фактория.

25 декабря 1852 г. канцлер К.В. Нессельроде пригласил Ф. Зибольда в Санкт-Петербург. В начале 1853 г. он прибыл в столицу России для рекомендаций, которые были положены в основу новых писем В.В. Путятину от руководителей россий-

ских ведомств, а также послужили базой для проекта первого русско-японского договора².

Важная роль Ф. Зибольда видна из «объяснений» к этому проекту. Эти материалы были обнаружены в Архиве внешней политики России только в 1991 г.

Так, в «объяснении» к статье 4 об обязательстве правительства Японии отвести в полное владение в Нагасаки здания для жилья и товаров как для российских подданных, так и для голландских граждан говорится: «По предмету выбора места под Русскую факторию в Нан-газаки Зибольд полагает, что удобнейшее было бы то самое место, которое временно занимало Посольство Резанова, но с выговорением ныне большего под факторию нашу пространства. За место, занятое Голландскою факториею, Голландцы платят известную сумму японскому Правительству (оно им как бы внаем отдается). Но желательно, чтобы нам место было уступлено в полное владение. Может быть, полезно еще прибавить к этой статье трактата, что в Русской фактории должна быть наша позиция и что японские власти не должны вмешиваться во внутренний наш там распорядок. Это замечание относится и до ст. 6-й, где говорится о порте Аткези».

А в «объяснении» к статье 8 об открытии торговли между российскими купцами и привилегированными купцами Эдо, Осаки, Киото, Сакаи и Нагасаки сказано на этот счет следующее:

«По замечанию Зибольда, привилегированные купцы вышеозначенных пяти японских городов не иначе могут входить в торговые сношения с иностранцами, как при посредничестве особых казначейств, по-японски Гоканжью. О сих Гоканжью далее говорится как о необходимых посредниках в деле торговли, без участия коих якобы никак не может быть произведена по японским законам торговля с иностранцами. На этом самом основании и включены оныя в сей проект трактата. Но само собою разумеется, что если можно *избавить наших торговцев от стеснительной обязанности производить торговлю при посредничестве японской казны*, так чтобы они

могли прямо торговать с японским купечеством, то это было бы всего лучше и полезнее»³. Затем идет следующий текст:

«Все подробности, изложенные в сей статье и далее в ст. 11 и 12, также сообщены Зибольдом, и оне, по его мнению, якобы необходимы, то есть что японское правительство якобы ни за что не согласится на иных основаниях допустить торговлю с русскими и что даже потребует *определения суммы*, свыше которой не должна простираться наша торговля в их пределах. Но само по последнему предмету оно якобы непременно будет настаивать на том, чтобы русских товаров к ним привозилось не более как на 50 тыс. кобан, то есть на 250 тыс. р. серебром, как это позволено голландцам. По незнанию местных условий, мы не можем сказать, до какой степени вышеизъясненные предположения безошибочны, но все старания должны быть приложены к тому, чтобы избавить нашу торговлю в Японии от столь стеснительных для нее условий и правил.

Ст. 11. Все произведения Японии будут доставляться Российским подданным в Японской Империи даром. Для прочих товаров и предметов первой потребности ежегодно поставляем будет подробный тариф.

Ст. 12. По всем делам более или менее важным, касающимся до Русских подданных, и в случае каких-либо несогласий и споров с японцами Русский консул сносится с главною местною властью, то есть непосредственно с губернатором или заступающим его место, по делам уже обыкновенным».

Итак, вернемся к Е.В. Путятину. Он был видным мореплавателем школы адмирала М.П. Лазарева (1788–1851), участником его кругосветной экспедиции (1822–1825), Наваринского сражения 1827 г. и других морских батальи, а также дипломатом, который успешно выполнял возложенные на него ответственные поручения, например в Персии в 1842–1843 гг. по обеспечению русских торговых интересов и рыболовства в Каспийском море, был сторонником более тесных отношений с Японией и Китаем⁴.

В переговорах с японцами (сначала при посредничестве сотрудников голландской фактории) Е.В. Путятин проявлял

настойчивость и в то же время гибкость в отличие от других европейцев, с уважением относился к их нравам и обычаям, чем снискал популярность у японцев и оставил после себя добрую память (в 1923 г. была воздвигнута стела, повествующая об этом событии⁵). Поэтому оценка главы русской экспедиции в Японию как мрачного и деспотического человека, раздражительного и жестокого ханжи и религиозного фанатика, якобы недооценивавшего стратегического значения закрепления за Россией островов Охотского моря, граничащих с Японией⁶, представляется нам односторонней и не вполне соответствующей действительности.

Так, например, вопреки установке канцлера России К.В. Нессельроде внести ясность о принадлежности южной части Сахалина России или Японии⁷ (с одновременным установлением степени зависимости от китайских племен) и инструкции МИД России провести границу на Курилах в соответствии с фактическим положением (оно состояло в том, что японские гарнизоны к этому времени продвинулись до о. Итуруп включительно, а русские торговые базы располагались только со следующего курильского о. Уруп) Е.В. Путятин, пользуясь положением инструкции, которое дало ему возможность действовать по собственному усмотрению в зависимости от обстоятельств, первоначально полагал, что размежевание с Японией надо провести по проливу Лаперуза, оставив Сахалин за Россией⁸, и между островами Итуруп и Куна-шир с учетом ее исторических прав, а не по фактической линии разграничения между о-вами Уруп и Итуруп.

В письме Верховному совету – высшему органу японского правительства от 18 ноября 1853 г. Е.В. Путятин писал: «Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее заведовании. К этой гряде принадлежит и остров Итуруп, заселенный курильцами и отчасти японцами. Но русские промышленники в давние времена имели поселения на сем острове: из этого возник вопрос, кому владеть им, русским или японцам...»⁹

В ответ на это японская сторона, ссылаясь на письмо К. Нессельроде о том, что якобы Россия не стремится к территориальным приобретениям, потребовала вывода русских войск с Сахалина, на юге которого жили японцы, и выдвинула притязания на все Курильские острова. Но в январе 1854 г. по возвращении в Японию из Китая Е.В. Путятин, приводя в обоснование своей позиции исторические факты, повторил свои первоначальные предложения о разграничении в районе Курил и Сахалина, жители которого несколько лет назад высказались за вступление в подданство России, признав, однако, что на его южном побережье, в заливе Анива, живет несколько семей японских рыбаков¹⁰. На первом этапе переговоров некоторые круги Японии, опасаясь выступления против нее России совместно с западными державами, в особенности с Соединенными Штатами, готовы были согласиться на установление предложенных границ в районе Курильских островов. Об этом свидетельствует публикация по приказу сёгуната ряда географических карт на начальном этапе переговоров с миссией Е.В. Путятин. Так, в 1854 г. географом Х. Кудо была подготовлена «Карта важнейших морских границ великой Японии», на которой линия ее границы на севере проведена жирной чертой по западному и северному побережьям о. Эдзо (Хоккайдо)¹¹.

В зашифрованной депеше директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г. Сенявину от 27 февраля 1854 г. № 147 Е.В. Путятин в ответ на получение в Шанхае депешы № 2576 по вопросу о разграничении в районе Сахалина сообщал: «Отправляя шкуну «Восток» для осмотра южной части Сахалина, чтобы узнать, как далеко японцы простерли свои заселения к северу, я предписал командиру соблюдать при этом крайнюю осторожность и не возбуждать подозрения японцев. По возвращении шкуны я получил от капитана Невельского копию с Высочайшего повеления занять остров Сахалин и известие о занятии русскими залива Анивы... Усматривая же теперь, что Министерство иностранных дел не имело в виду занимать Аниву, я полагаю, если встречу против сего протест со стороны японцев, дать вид, что это сде-

лано временно... пока ясно не будут определены границы между Россией и Японией. По этому поводу я покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение, чтобы в случае предъявления мною необходимости покинуть русские заселения на южной оконечности Крафто мера эта была бы немедленно приведена в исполнение начальниками тех мест».

Таким образом, требование Е.В. Путятин в отношении Сахалина вопреки повелению императора об оккупации всего острова носили тактический характер, что соответствовало инструкции правительства действовать в зависимости от обстановки.

Так же действовал он и в отношении Курильских островов. 20 января 1854 г. на переговорах о заключении первого русско-японского договора Е.В. Путятин заявил японским уполномоченным: «О-в Итуруп прежде был посещаем русскими, которые имели на нем свое поселение, впоследствии... там поселились японцы. По нашим понятиям, это заселение еще не дает вам полного права на владение этим островом»¹². В зашифрованной депеше Л.Г. Сенявину № 175 от 21 января 1854 г. руководитель русской миссии писал: «Оставление в японском селении Аниве русского поста и объявление о наших правах на остров Итуруп я буду удерживать до того времени, пока проект трактата, по крайней мере в главных чертах, не будет утвержден»¹³.

В дополнительной инструкции руководителю русской миссии МИД России № 730 от 27 февраля 1853 г., проект которой Николай I утвердил за три дня до этой даты, было следующее указание: «Из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом российских владений, так чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова была (как и ныне она, в сущности, есть) границею с Японией, а чтобы с японской стороны считалась северная оконечность Итурупа... И Вы можете объяснить им, что о. Уруп... считается границею наших владений в Курильских островах»¹⁴.

Из рассекреченных в 1991 г. документов МИД России выясняется, что предложения главы русской миссии носили тактический характер, а его стратегия была несколько иной.

Так, в депеше Л.Г. Сенявину от 18 июля 1855 г. № 1786 г. Е.В. Путятин сообщал: «После окончательной гибели фрегата я крайне опасался, чтобы японцы, воспользовавшись нашим положением, не стали вовсе отказываться от заключения трактата или, по крайней мере, не вздумали бы делать новых притязаний относительно определения границ.

Я до сего не раз находилась вынужденным объяснить им, что скорее совсем с ними разойдусь, нежели соглашусь на неуместные их требования; опасения мои были, однако же, излишни, японцы принимали искреннее участие в нашем бедствии и хотя сначала настаивали, чтобы целое племя айносов острова Сахалин было признано японским, но окончательно согласились выпустить эту статью и вообще были умеренные и сговорчивее, чем можно было ожидать.

При занятии новых пунктов на Сахалине необходимо будет в целях упрочения дружеских отношений с Японией не делать заселений в заливе Анива и вообще избегать заселения этих мест, где сделаны японские летние, а тем более зимние устройства»¹⁵.

Во время переговоров с Е.В. Путятиным, признав факт более раннего появления русских на о. Итуруп, японцы заявили, что этот остров наряду с Южным Сахалином до 50° с.ш. принадлежит Японии. Последнее объяснялось тем, что они увидели у русских английскую карту с ее границей по этой параллели¹⁶. При этом японцы ссылались на этнографический критерий, именно на то, что айны – из народностей, населяющих Японию, и что в силу этого все айны являются подданными ее империи независимо от объявления ими о своей государственной принадлежности Японии или России или об отсутствии государственности.

Однако такой аргумент был несостоятельным. Как указывал Е. Путятин, северные айны находились под управлением России, а южные – Японии, к тому же японцы и айны

принадлежат не только к разным национальностям, но и к разным расам.

Заключительный этап этих переговоров совпал с разгаром Крымской войны. Английские и французские корабли напали в то время на русские суда в японских водах, уничтожили русскую факторию на о. Уруп и высадили десант на Камчатке. Это создало для японской стороны благоприятную обстановку на переговорах. Миссия Е.В. Путятина, потерявшая к тому же в результате землетрясения и шторма фрегат «Диана», находилась под постоянной угрозой нападения английских и французских военных кораблей.

Жители Японии с участием отнеслись к потерпевшим кораблекрушение русским морякам и помогли им построить в бухте Хэда новое судно¹⁷. Бонза К. Масуда (К. Татибана) стал обучать русских японскому языку, был по его желанию вывезен тайно в Петербург, где возобновил преподавание в 1870 г. в столичном университете.

Для отражения возможного нападения русским нужно было поставить сторожевой пост на о. Маэсима в бухте Симода, но просьба об этой естественной мере предосторожности встретила противодействие японских властей. Русские же стремились использовать такие благоприятные для них факторы, как насильственное открытие Японии для торговли американской эскадрой командора М. Перри и согласие японской стороны на предоставление принципа наибольшего благоприятствования после заключения первого японо-американского договора.

Считая первоочередной задачей заключение трактата о торговле, Е.В. Путятин согласился на уступку о. Итуруп (вопрос об о. Кунашир не обсуждался), а также на неразграниченные Сахалина между Россией и Японией.

«Россия настаивала на том, что остров Итуруп с самого начала принадлежит России, а Япония – что все острова принадлежат ей, – пишет С. Такакура. – В конце концов Россия уступила Японии владение островом Итурупом с тем условием, чтобы Япония согласилась на торговлю»¹⁸. Однако, вос-

пользовавшись низкой конкурентоспособностью русских товаров, Япония сделала главный упор на развитие торговли с другими странами¹⁹, в результате торговля с Россией в течение ряда лет развивалась крайне слабо.

Тем не менее русский дипломат добился решения главной задачи – заключения в 1855 г. трактата о дружбе и торговле в г. Симодэ, по которому устанавливались дружественные отношения между двумя сторонами и Япония открывала порты Хакодате, Симода и Нагасаки (рис. 9). В первых двух из них русские суда получили право пополнять запасы продовольствия и вести торговлю в ограниченных размерах при посредничестве японских властей, а также назначать своих консулов.

По этому трактату граница между Россией и Японией была установлена между о-вами Уруп и Итуруп, а о. Сахалин был определен как район, не разграниченный между Россией и Японией.

Рис. 9. 1855 год. Государственная граница по Трактату о торговле и границах между Россией и Японией

Симодский трактат был заключен вслед за аналогичным американско-японским и англо-японским, но в отличие от договора Японии с США – без военной угрозы.

Д.В. Петров относит Симодский трактат к первой «серии неравноправных, кабальных торговых соглашений», «повторяющих в основном положения Канагавского договора» между США и Японией; «Симодский трактат носил неравноправный характер, как и все договоры, навязанные западными державами слабой феодальной Японии»²⁰, – отмечает Э.Я. Файнберг.

Однако в целом с такой оценкой нельзя согласиться.

Следует иметь в виду, что переговоры Е.В. Путятинна об открытии Японии были начаты в 1853 г. – до заключения японо-американского договора в г. Канагава (Иокогама), содержание которого в ходе переговоров с русскими долго скрывалось от них. В отличие от действий американцев они с самого начала не сопровождались угрозой применения силы со стороны России и поэтому не имели насильственного характера, ущемляющего суверенитет Японии.

Наиболее характерная черта неравноправных договоров – это *одностороннее* установление консульской юрисдикции. Но по этому договору она носила *взаимный*, то есть равноправный, характер, и Россия открывалась для японских подданных так же, как и Япония для русских.

Не ущемлялись права Японии и в области торговли, которая носила ограниченный характер и осуществлялась под контролем японских чиновников по желанию японской стороны. Компромиссный, не ущемляющий суверенитета Японии характер имели и положения договора о территориальном размежевании, а с точки зрения непредвиденной перспективы – современного состояния проблемы территориального размежевания между нашими сторонами – даже более благоприятный для Японии. Однако условия этого размежевания не могут служить основанием для модернизированного подхода к оценке территориального разграничения по Симодскому трактату в нарушение принципа историзма.

Более благоприятные условия для России относятся к принципу наибольшего благоприятствования, предусмотренному только по отношению к ней, но в период заключения

договора это положение ничего реального не давало России, и ее преимущество, в течение нескольких десятилетий чисто номинальное, выявилось значительно позднее.

Вместе с тем важно то обстоятельство, что этот договор о развитии двусторонних отношений шел дальше, чем аналогичный договор с США, что являлось следствием позиции России на переговорах и их равноправного характера²¹.

Во-первых, для наших судов открывалось больше портов, чем для американских.

Во-вторых, товары, приобретаемые в Японии, Россия в отличие от США имела право обменивать на свои товары, а не только платить за них золотой или серебряной монетой, что создавало предпосылки к развитию подлинно торговых отношений.

В-третьих, было достигнуто соглашение по территориальному вопросу. В отличие от этого, попытки некоторых представителей США выдвинуть претензии на о-ва Рюкю никакого отражения в Канагавском договоре 1858 г. не получили, и этот вопрос в японо-американских соглашениях встал только после окончания Второй мировой войны.

Особенно важным с точки зрения современного состояния проблемы территориального размежевания между двумя странами и заключения на этой основе российско-японского мирного договора является то обстоятельство, что разграничение в районе Курильских островов было осуществлено на основе определенного сторонами понятия пределов этих островов, сложившегося к тому периоду.

Главное же значение Симодского трактата для России заключалось в том, что он обеспечил нейтралитет Японии в период Крымской войны, не допустив использования ее территории против русского Дальнего Востока.

Однако ограничение объема торговых операций, производимых в японских портах, сохранение, по сути дела, монополии внешней торговли вследствие права японских чиновников на вмешательство в осуществление торговых сделок и довольно высокие таможенные тарифы на экспорт и импорт товаров по Симодскому трактату не позволяли России удовлетвори-

тельно решить проблему продовольственного снабжения своих тихоокеанских владений.

После подписания голландско-японского торгового договора 12 октября 1856 г. Е.В. Путятин, исходя из принципа наибольшего благоприятствования, зафиксированного в Симодском трактате, заключил с Японией в Нагасаки «Дополнительный трактат» из 28 статей. По этому договору вместо Симоды для России открывался другой, с точки зрения русских более удобный, порт, снимались ограничения в отношении количества русских судов, приходящих в Японию, объема товарооборота, отменялось посредничество японских чиновников, но сохранялась вносимая в таможенную высокую (35%) пошлина на русские товары, проданные с публичных торгов или частным путем, минуя таможенную. По этому договору Япония сохраняла нейтралитет в случае войны России с третьими странами, не допуская нарушения русскими судами нейтралитета японских портов.

Вскоре после подписания японо-американского неравноправного торгового договора, по которому США в одностороннем порядке предоставлялись консульская юрисдикция и свобода торговли в пяти японских портах без посредничества японских чиновников с низкими пошлинами на ввозимые американские и высокими – на вывозимые японские товары, 7 августа 1858 г. на основе принципа наибольшего благоприятствования в Эдо был заключен русско-японский договор о торговле и мореплавании. (В 1867 г. он был дополнен соглашением о торговле и навигации, по которому отменялись все ограничения на торговлю России с Японией и аннулировался таможенный тариф 1858 г.)

От японо-американского договора он существенно отличается распространением всех льгот, предоставляемых русским в Японии на основе принципа наибольшего благоприятствования, и на японцев в России, то есть льготы носили не односторонний, а взаимный характер (статья 16).

В связи с этим японский историк Х. Вада не без оснований считает в отличие от ряда советских историков (например, Д.В. Петров, Э.Я. Файнберг и В.А. Попова), что в договорах,

заключенных с Японией западными державами в середине XIX в., «другого такого примера обоюдного предоставления наибольшего благоприятствования и установления равенства сторон не имеется»²².

В этом договоре в отличие от упомянутых договоров с другими державами отсутствовали статьи о посредничестве России в случае возникновения конфликтов с третьими государствами и о поставках ею судов и вооружения, что свидетельствовало о соблюдении Россией принципов нейтралитета и невмешательства во внутренние дела Японии.

Такая политика объяснялась слабостью России на Дальнем Востоке и отсутствием у нее в этом регионе торгового флота, способного обеспечить ее экономические интересы, а также неспособностью русских товаров в середине XIX в. конкурировать на японском рынке с товарами более развитых стран Запада.

2. Русско-японские отношения в 60-х – середине 90-х годов XIX века и вопрос о формировании границ

Несмотря на успешное заключение Симодского договора, отношения между Россией и Японией в дальнейшем развивались достаточно сложно. Помимо специфического характера зарождающихся двусторонних отношений, это объяснялось и влиянием ряда других внешнеполитических факторов.

Главной проблемой во внешней политике России в XIX в. в восточном вопросе, как и в политике других великих держав, был вопрос о судьбах народов Ближнего Востока, прежде всего распадавшейся Османской империи, и о позициях России в этом регионе.

Вслед за этим с первой половины XIX в. активизировалась политика России на Среднем Востоке, особенно в 60–80-е годы, а с середины XIX в., особенно с начала 80-х годов, – на Дальнем Востоке. Это было связано с расширением зоны противоречий великих держав и развитием мировых хозяйственных связей.

Если в первой половине XIX столетия отношения России с государствами этого региона не носили регулярного характера из-за отсутствия постоянных дипломатических миссий, то с усилением экспансии стран Запада, прежде всего в Китай, Японию и Корею, граничившие с Россией, соперничество с другими великими державами подталкивало ее к усилению своих позиций на Дальнем Востоке, открытию портов в этих странах с целью торговли, хотя экспансионистских устремлений за счет реальных владений других государств у России в этом районе не наблюдалось в силу ее относительной слабости. Успехи России во внешней политике на Дальнем Востоке были связаны с освоением огромных слабозаселенных пространств Восточной Сибири и островов Тихого океана, с интенсивным переселением российских подданных в тот регион, особенно в Приамурье и Приморье, в конце XIX в. Основная часть переселенцев состояла из крестьян, что объяснялось быстрым их разорением в центральных областях России, но вместе с ними туда направлялись и поощряемые правительственной политикой шахтеры, металлурги, железнодорожники, золотопромышленники, геологи и моряки²³.

Этими успехами, как и достижениями в присоединении государств Средней Азии, правительство России стремилось компенсировать падение своего влияния в Европе после поражения в Крымской войне.

Активизации внешней политики России на Дальнем Востоке в значительной мере способствовало ее капиталистическое развитие после реформ 60-х годов, которое вызвало рост интереса к внешним рынкам, в том числе и в этом регионе, а также угроза ее владениям здесь со стороны западных держав, прежде всего Великобритании.

Так, в период англо-русского конфликта обозначилась возможность нападения английского флота на дальневосточную окраину России, где ее военные силы были чрезвычайно малочисленны. Это обстоятельство поставило на повестку дня вопрос о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали.

Вызывала опасение и возможность использования Великобританией против России, помимо своих, военно-морских сил США и Китая. Потенциальная же угроза со стороны Японии стала осознаваться в России гораздо позже, – со времени победы Японии в японо-китайской войне 1894–1895 гг. До этого она считалась в России либеральной страной, идущей по пути реформ, не стремящейся к внешней экспансии.

Основное направление русской политики на Дальнем Востоке было сформулировано в записке министра финансов, будущего премьера С.Ю. Витте от 18 ноября 1892 г. Александру III. В ней ставился вопрос об упомянутой железной дороге, которая отвлекла бы грузы от Суэцкого канала и способствовала переброске русских товаров на китайский рынок. Дорога «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст ему твердую точку опоры в наших восточных портах, – писал он. – Посему с открытием дороги флот этот может быть значительно усилен и в случае политических осложнений как в Европе, так и на азиатском Востоке получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах»²⁴.

С проведением этой стратегической линии ставилась и задача установления «правильных» дипломатических отношений с дальневосточными странами, особенно с Японией, в предотвращении экспансионистских устремлений Великобритании в регионе. А их присутствие наглядно проявилось в так называемом Цусимском инциденте.

В августе 1859 г. в соответствии с зафиксированным в договоре стремлением Японии установить границу в районе Сахалина в залив Эдо прибыла эскадра генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева для переговоров по этому вопросу.

Не прибегая к угрозе применения силы, Н.Н. Муравьев тем не менее занял твердую позицию по проблеме принадлежности Сахалина России, сославшись на опасность захвата его западными державами, в зависимости от которых находилась не особенно сильная Япония, и предложив провести русско-

японскую границу по проливу Лаперуза между этим островом и о. Эдзо (ныне Хоккайдо) со свободным проживанием и рыболовством японцев в районе Анива.

Японская сторона не согласилась с этим предложением, напомнив, что во время переговоров о заключении Симодского трактата рассматривался вопрос о разделе Сахалина по 50° с.ш.

В качестве дополнительного аргумента Н.Н. Муравьев привелнапомнил, что до появления здесь японских рыбаков Сахалин считался «китайским островом»²⁵, прилежащим к району р. Амур (по-китайски Сахалин-ула), отошедшему к России по русско-китайскому Айгуньскому договору, причем на самом юге Сахалина, в заливе Анива, еще в 1853 г. был основан русский сторожевой пост Муравьевский в местечке Кусюнкотан.

Японская сторона отвергла этот довод, отметив, что по Симодскому трактату Сахалин остался «не разделенным» между двумя странами. Н.Н. Муравьев возразил, что Е.В. Путятин и не мог делить этот остров, ибо данный вопрос полностью находится в его компетенции как губернатора Восточной Сибири, в которую входит также весь Сахалин.

Н.Н. Муравьев сообщил японским министрам о намерении Великобритании занять о. Цусима. Дело в том, что с 1855 по 1859 г. английские суда посещали этот остров и производили разведку местности и топографические работы, а в 1861 г. в нарушение действующего договора с Японией англичане потребовали от местных властей открытия цусимского порта Имосаки и размещения там своих военных моряков.

Стремясь опередить Великобританию, правительство России, проявив, как писал академик А.Л. Нарочницкий, свой «реакционный и агрессивный характер», предприняло попытку захвата о. Цусима²⁶ – ключевого стратегического пункта в корейском проливе, позволяющего контролировать выход судов из Японского моря в Тихий океан. Однако русское правительство, не желая ухудшения отношений с Японией, приняло решение воздержаться от намеченной акции. Тем не менее великий князь Константин разрешил И.Ф. Лихачеву за-

ключить под личную ответственность частную сделку с князем о. Цусима на аренду участка земли для русской станции, если против этого не будут протестовать правительства Японии и западных держав.

По распоряжению И.Ф. Лихачева 1 марта 1861 г. в бухту Осаки на о. Цусима прибыл корвет «Посадник» под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Бирюлева якобы для ремонта, что допускалось по русско-японским договорам даже в закрытых портах Японии.

Но этим дело не ограничилось. Н.А. Бирюлев добился от местных японских чиновников, которые были заинтересованы в использовании русской военной техники для укрепления обороноспособности острова, разрешения не только на выбор места для ремонта корвета, но и на строительство склада для будущей стоянки русских судов и лазарета для моряков.

3 апреля 1861 г. японцы приступили к строительству зданий русской «военно-морской станции».

Э.Я. Файнберг, ссылаясь на рапорт Н.А. Бирюлева командующему русской эскадрой, отмечает, что в ходе строительных работ наблюдалось довольно дружелюбное отношение японцев к русским морякам²⁷, хотя японские крестьяне, недовольные изъятием у них земли для строящихся зданий, и пограничная стража вступили в столкновение с русскими моряками, что привело в апреле 1861 г. к смерти одного крестьянина и пленению русскими нескольких стражников. О случившемся было сообщено японскому правительству.

Под сильным нажимом Н.А. Бирюлева 9 августа 1861 г. князь Цусимы согласился в письменной форме сохранить русскую станцию, если этому не воспротивится японское правительство²⁸. Но оно, как и английский консул, выступило с протестом против действий русских на о. Цусима, и русский консул И.А. Гошкевич сообщил об этом в Петербург, где состоялось заседание Особого комитета под председательством Александра II, который принял постановление отозвать русское судно с о. Цусима во избежание дипломатических осложнений и удовлетворил требование японской стороны

об удалении русских с о. Цусима. Великий князь Константин согласился с этим, опасаясь разрыва отношений с Англией, согласился²⁹, и в сентябре того же года русские оставили о. Цусима. Инцидент был исчерпан. Равновесие сил России и Англии в этом вопросе не позволило ни одной из них захватить этот важный стратегический пункт в Корейском проливе. И хотя действия русских носили противоправный характер, они были предприняты самовольно вопреки решению правительства России, которое не несло за них ответственности, а от предложения главы морского ведомства России великого князя Константина командующий русской эскадрой вполне мог отказаться.

Ответственность за инцидент была возложена на И.Ф. Лихачева, который был заменен на своем посту адмиралом А.А. Поповым. 20 января 1862 г. МИД России в ответ на письмо японского правительства от 27 сентября 1861 г. разъяснило, что военно-морская станция была заложена Н.А. Бирюлевым по приказу И.Ф. Лихачева без санкции русского правительства, проводящего политику невмешательства в дела Японии.

«При установлении правильных дипломатических сношений наших с Японией в 1858-м году Министерство иностранных дел... ограничилось на первое время учреждением в этой стране одного только консульства... Представители иностранных держав, избравшие своим местопребыванием Иедо и порт Иокогаму, находились постоянно в самом затруднительном положении; они иногда не знали даже, к кому обратиться и кто представлял правительственную власть в Японии. Беспорядочными заявлениями своими, протестами и требованиями они несколько не улучшили положения своих соотечественников в Японии, а, напротив, утрачивали постепенно свой авторитет и раздражали японцев», – говорилось в «Объяснительной записке Министерства иностранных дел», представленной Государственному совету 31 марта 1870 г. И далее: «Совершенно в ином положении находились мы в продолжение этого тяжелого 10-летнего периода... Такой образ действий русского правительства согласовался вполне с нашими интересами и с

тем положением японского государства, в котором оно находилось после заключения первых трактатов с европейцами»³⁰.

25 августа 1859 г. в Иокогаме японцами были убиты мичман Мофет, матрос Иван Соколов и ранен матрос Александр Корольков, отправившиеся в лавки за провизией для эскадры генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева (акт возмущения договорами Японии с западными державами). Посланники Англии и Франции – соответственно Ратэрфорд Олкок и Шень де Белькур утверждали, что Россия питала агрессивные намерения, ссылаясь, в частности, на визит эскадры Н. Муравьева, который посетил Японию для мирных переговоров по сахалинскому вопросу. Н.Н. Муравьев удовлетворился официальным извинением японского правительства и его обещанием наказать убийц. Он не воспользовался советом Р. Олкока наказать японцев за террористические акты против русских.

В мае 1861 г. государственный секретарь Соединенных Штатов Уильям У. Сьюард подготовил с послами Англии, Франции, Пруссии, Нидерландов в США проект конвенции, обязывающей японское правительство открыть для иностранцев столицу Эдо, принять эффективные меры к охране жизни и имущества иностранцев, выплатить контрибуцию США в 10 тыс. долл. за убийство драгомана американского посольства Хюскена. 14 мая 1861 г. Сьюард передал русскому представителю в США Э. Стекло предложение президента предпринять совместные действия по недопущению отсрочки открытия Эдо. Но Министерство иностранных дел России отказалось участвовать в акциях западных держав против Японии³¹.

В мае 1863 г. отряды английских и французских моряков высадились в Иокогаме «для охраны жизни и имущества иностранцев», в Японии они оставались до 1875 г.

Правительство России критически относилось к пребыванию иностранных отрядов в Японии. Так, в отчете МИДа за 1875 г. можно прочитать: «Наступивший 1875 год ознаменовался весьма приятным для японского правительства событием: французские и английские войска, оставленные в Иокогаме

в 1863 году под предлогом обеспечения безопасности европейского населения в этом городе, наконец отозваны. Пребывание этих войск в Японии было совершенно бесполезно, ибо по своей малочисленности они не были бы в состоянии защищать город в случае беспорядков, а между тем присутствие их было весьма неприятно для японцев, служа как бы живым упреком в слабости их правительства»³².

Такой курс России еще раз отчетливо подтвердился во время событий 1863 г., когда она отказалась от совместной (с объединенной эскадрой западных держав из 17 английских, французских и голландских кораблей при содействии американских моряков) ожесточенной бомбардировки оплота дворянско-буржуазной оппозиции г. Симоносэки, которой он подвергся в ответ на обстрел японскими береговыми батареями иностранных судов.

Действия Англии и Франции обеспокоили другие европейские государства, в частности Нидерланды и Пруссию. 2 сентября 1863 г. Ф. Зибольд в письме генерал-адмиралу великому князю Константину советовал отправить в Японию чрезвычайное посольство для посредничества в урегулировании ее конфликта с Англией и Францией. Он предостерегал, что эти державы в результате войны с Японией захватят о-ва Рюкю и Цусиму и создадут угрозу интересам России на Дальнем Востоке. Но министр иностранных дел А.М. Горчаков в ответ на запрос Константина сообщил, что посредничество России будет равносильно вмешательству в ее внутренние дела. Он добавил, что русское правительство ограничилось в Японии содержанием консульства в Хакодате и русские могли избежать вовлеченности в конфликты между иностранцами и японцами. Примерно то же сообщалось в письме директора Азиатского департамента А.П. Игнатьева управляющему Морским министерством С.А. Грейгу³³.

Летом 1865 г. русская эскадра, в течение нескольких лет находившаяся у берегов Японии, покинула японские воды, оставив лишь один корабль – корвет «Варяг» для нужд консульства России в г. Хакодате.

В инструкции МИДа России, утвержденной 15 мая 1865 г. Александром II, консулу Е.К. Бюцову предписывалось придерживаться, как и прежде, нейтралитета в отношении Японии в происходящих в этой стране междоусобных столкновениях и не вмешиваться в ее инциденты с западными державами³⁴.

Это обеспечило мирный характер русско-японских отношений до конца XIX в.

Спорным оставался лишь вопрос о размежевании на о. Сахалин. Переговоры по этому вопросу были продолжены в 1862 г. с японской делегацией во главе с Т. Такэноути, а затем с японским представителем Я. Коидэ; в результате 18 марта 1867 г. были подписаны «Временные правила», или Петербургская конвенция в отношении о. Сахалин, или Карафуто. В этом соглашении Сахалин был определен «в совместном владении» России и Японии с правом подданных обоих государств селиться и возводить постройки в незанятых местах на всей территории острова, что создавало благоприятные условия для освоения русскими острова, которое развивалось более успешно, чем японская колонизация.

Японцы «ограничивались занятием временным рыболовством», и в 70-х годах «прошлого века им стало затруднительно содержать Сахалин по-прежнему»³⁵, то есть осуществлять его хозяйственное освоение, хотя японское правительство, стремясь к территориальным захватам, «попыталось при ходатайстве Америки либо определить границу на линии 50° северной широты», либо «закупить за 2 млн иен»³⁶ район к югу от этой параллели.

К 1856 г. на западном берегу о. Сахалин был основан русский военный пост в Дуэ, в 1857 г. – в Кусунай (Ильинск), в 1867 г. восстановлен на новом месте временно снятый в период Крымской войны Муравьевский пост – на самом юге острова, а также еще пять других постов в различных его районах.

Тогда же на остров было направлено 200 переселенцев из материковой России³⁷.

Попытки заселения острова японскими колонистами потерпели неудачу. Некоторые из них уехали в Японию из Яма-

коси еще в 1860 г., а остальных начали вывозить в 1870 г., так как японцы не выдерживали сурового местного климата, и многие заболели. В 1874 г., например, с о. Сахалин были вывезены 332 японских колониста³⁸.

В то же время число русских поселенцев на острове к 1872 г. достигло 1900 человек, причем насчитывалось до 15 русских военных постов³⁹.

Таким образом, Япония не выдержала соревнования с Россией в хозяйственно-культурном освоении о. Сахалин, который к этому времени стал быстро превращаться в ее этническую территорию; она стала уделять главное внимание территориальной экспансии в южном направлении.

В 1868 г. развязалась гражданская война в Японии между сторонниками сёгуната и императора. Сторонники сёгуната, оказавшись в трудном положении, за помощь со стороны России в борьбе со своими противниками через русское консульство в г. Хакодатэ, учрежденное в 1858 г., предложили признать принадлежащим России не только весь о. Сахалин, но и заселенный айнами о. Эдзо (до 1869 г. он не входил в состав японской метрополии), за исключением владения князя Мацумаэ, занимавшего узкую прибрежную полосу на юге этого острова, который после его включения в состав собственно Японии стал называться Хоккайдо⁴⁰.

Но русские власти сочли, что эти территориальные уступки были бы «далеко не соответствующим вознаграждением» за такую помощь; кроме того, будучи направлена императором России против императора Японии, эта помощь была бы неэтичной⁴¹. Вопрос об уступке Японией Сахалина даже в обмен на часть Курильских островов (Уруп с прилегающими небольшими островами Чипрой, Брат Чипроев и Броутон) остался неразрешенным до того времени, пока по Петербургскому договору от 25 апреля 1875 г. Япония не признала весь Сахалин русским владением в обмен на уступку ей средней и северной частей Курильских островов – от о. Уруп до п-ва Камчатка (рис. 10).

Россия стремилась не вмешиваться ни во внутренние дела Японии, ни в отношения ее с другими державами, поэтому в

В обмен на уступку Японией Курильских о-вов от Урупа до Камчатки Япония отказалась от своих прав на о. Сахалин, указав в японском тексте договора, что отныне ей будут принадлежать все Курилы (Тисима дзэнтю).

Рис. 10. 1875 год. Государственная граница по Трактату между Россией и Японией

течение 14 лет (с 1858 г.) поддерживала отношения с Японией только через свое консульство в Хакодате, расположенном на севере этой страны, вдали от центральных властей, и лишь в 1872 г. назначила своего постоянного поверенного в делах в Токио, которым стал Е.К. Бюцов – русский консул из Хакодате. Он и возобновил в 1872 г. переговоры о границе с министром иностранных дел Танэоми Соэдзима, продолженные в 1874 г. директором Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоуховым с первым японским посланником Такэаки Эномото по его прибытии в Петербург.

Такая политика России в инструкции ему объяснялась следующим образом: «Мы занимаем в отношении Японии совершенно исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства: оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой – отсутствием, по крайней мере на некоторое еще

время, торговых интересов, привлекающих туда другие нации, отсутствие же торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству»⁴².

Петербургский договор 1875 г. стабилизировал и укрепил на длительный период русско-японские отношения, особенно в области торговли. Экономический рост в обоих государствах и освоение Россией вновь приобретенных земель на Дальнем Востоке способствовали взаимному расширению торговли. В 1876 г. правительство России согласилось на постоянное пребывание во Владивостоке – новом крупнейшем порте на Тихом океане – японского коммерческого агента.

С середины 90-х годов XIX в. русское правительство, занятое европейскими делами, не форсировало свою дальневосточную политику ни в отношении Японии, ни в отношении Китая и Кореи. Ее главная задача заключалась в сохранении мирных отношений, уточнении границ и развитии торговых связей. При этом все более усиливавшаяся экспансия западных держав в этом регионе вызывала у России обоснованную тревогу.

Развитие капиталистических отношений в России, рост капитализма «внутри» ставили перед ней задачу освоения своих сибирских и дальневосточных территорий, интерес к которым неуклонно возрастал у буржуазных кругов.

Однако дальневосточные рынки были недоступны русским промышленникам из-за отсутствия железнодорожных путей. Поэтому в 80-х годах ставится вопрос о строительстве Сибирской железнодорожной магистрали. Но дальневосточные территории по-прежнему были уязвимы в военном отношении, особенно со стороны Англии. Россия на Дальнем Востоке была еще слаба и вынуждена была проводить политику статус-кво, с беспокойством следя за экспансией стран Запада в этом регионе, Японию в отличие от Китая в России ошибочно считали слабым дружественным соседом, не стремящимся к экспансии, который якобы занят только внутренними преобразованиями.

На церемонию начала строительства Транссибирской железнодорожной магистрали во Владивосток, который пре-

вратился к тому времени в крупный торговый порт, связывающий Россию с Японией и другими странами Восточной Азии, прибыл наследник престола Николай Александрович – будущий император. Он приехал туда после ознакомительной поездки за рубеж, в том числе в Японию, с целью улучшения отношений и укрепления внешнеполитических позиций России. Его миссию приветствовало правительство Японии, но во время пребывания в г. Оцу (префектура Сига) на него напал и легко ранил в голову шовинистически настроенный против иностранцев полицейский С. Цуда.

Японский император в связи с «инцидентом в г. Оцу» принес свои извинения. Он потребовал приговорить С. Цуду к смертной казни, но Верховный суд Японии, исходя из принципа разделения властей в соответствии с только что принятой конституцией страны, настоял на пожизненном заключении, предусмотренном законом за тяжкие преступления. Ответственность за это покушение на Николая – наследника российского престола, взял на себя кабинет министров Японии во главе с Ямагата, полностью уйдя в отставку.

Дорогие подарки, преподнесенные в знак извинения пострадавшему наследнику осенью 1890 г., в преддверии 100-летия со времени посещения главой русского государства Японии демонстрировались в 1990 г. на выставке в г. Нагасаки (впервые за рубежом) в павильоне, посвященном истории русско-японских отношений, когда уже были определены сроки визита в Японию главы бывшего нашего государства, в то время президента СССР М.С. Горбачева, с перерывом ровно в 100 лет.

По мере укрепления экономического и политического положения Японии в отношении западных держав движение в этой стране за отмену неравноправных договоров и тенденции к положительным сдвигам в русско-японской торговле привели русское правительство к выводу о целесообразности заключения с Японией нового торгового договора, который был подписан 29 июля 1889 г. в Токио, но должен был войти в силу после отмены упомянутых неравноправных договоров, что и произошло в 1895 г. По этому договору Россия согласилась

отказаться от консульской юрисдикции взамен согласия японской стороны издать новые кодексы гражданского права, допустить иностранных судей для разбора дел и отменить ввозную пошлину на сушеную рыбу.

Отказ Японии от Южного Сахалина в пользу России объяснялся не только твердой позицией правительства России, но и стремлением к экспансии в южном направлении. Ее ближайшим объектом оказалась Корея, находившаяся формально в вассальной зависимости от Китая.

3. Вопрос о Сахалине и Курильских островах на Портсмутской мирной конференции 1905 года

Вопреки традиционному взгляду на эту проблему, в соответствии с которым считается, что на переговорах о мирном договоре в 1905 г. затрагивалась проблема государственной принадлежности только о. Сахалин, новый, более широкий подход к территориальному размежеванию между Россией и Японией, на наш взгляд, должен исходить из того, что она была тесно связана с проблемой принадлежности Курильских островов, так как по Санкт-Петербургскому русско-японскому договору 1875 г. Южный Сахалин от 50° с.ш. стал полноправной территорией России в обмен на гряду Курильских островов (к северу от южно-курильского о. Итуруп). Вот почему восстановление прав Японии на Южный Сахалин с точки зрения международного права подразумевало возвращение на повестку дня вопроса о принадлежности России гряды Курильских островов, даже если этот вопрос в явной форме в Портсмуте не поднимался.

После заседания делегации, состоявшегося 15 августа, важность и актуальность которого сохраняется до настоящего времени (ст. IX Портсмутского договора⁴³ и Протокол № 10 Портсмутской мирной конференции⁴⁴ с Приложением № 10)⁴⁵, японская сторона, договорившись с российской стороной об уступке ей южной половины о. Сахалин, попыталась одновременно завуалировать факт нарушения двустороннего

Санкт-Петербургского договора 1875 г., по которому вновь приобретенные Японией в результате войны права на острове Сахалин были получены Россией в обмен на гряду Курильских островов (Средние и Северные Курилы), которые, на наш взгляд, логично было бы вернуть России как компенсацию за утрату половины Сахалина, восстановив прежнюю ситуацию в территориальном размежевании между двумя странами. Но вместо того, чтобы внести ясность в вопрос о принадлежности Курильской гряды, Комура поставил вопрос об аннулировании торговых договоров как результата войны, имея в виду прежде всего русско-японский договор 1895 г., а также, очевидно, подтверждение отмены статей о торговле в Симодском трактате (договоре) о наибольшем благоприятствовании 1855 г. В связи с этим японский уполномоченный предложил включить в текст мирного договора специальную статью, предусматривающую, что стороны примут за основу своих торговых отношений (вплоть до заключения нового торгового договора) принцип взаимного благоприятствования.

Не возразив против последнего, С.Ю. Витте, однако, предложил при этом условиться, что договоры и соглашения, действовавшие в отношениях между Россией и Японией, вновь обретают силу до их отмены в договорном порядке, что обязательно означало в связи с уступкой Россией Японии половины Сахалина по предстоящему мирному договору, по меньшей мере, приостановление действия и договора 1875 г.

Член российской делегации известный юрист-международник Ф.Ф. Мартенс пояснил, что обычно в мирные договоры принято включать специальную статью, предусматривающую, что договоры и соглашения, существовавшие до войны, вступают в силу. Следовательно в противном случае они ее утрачивают, что и имело место в отношении Северных и Средних Курил, входивших в состав России до 1875 г. Что же касается Южных Курил, признанных территорией Японии по первому русско-японскому торговому в своей основе договору 1855 г. (трактат о торговле и границах), то он, по заявлению министра иностранных дел Японии Комура, имевшего прове-

ренные полномочия делать ответственные заявления от имени Японии, был аннулирован в его упомянутом выступлении, не говоря уже об отмене договора 1855 г. в ст. 18 русско-японского торгового договора 1895 г..

Возражая Ф. Мартенсу по вопросу о необходимости включения в мирный договор упомянутой специальной статьи, глава японского внешнеполитического ведомства высказал точку зрения, что ее включение в конкретный мирный договор свидетельствует о том, что мнение Мартенса на этот счет еще не стало принципом обычного международного права, то есть не является обязательным. Из этого высказывания следует, что, по мнению японской стороны, подтверждения ее прав на фактическое владение Курильскими островами после заключения мирного договора якобы не требуется. Он добавил, что включение в мирный договор такой специальной статьи, скорее всего, подтверждает принцип упразднения действовавших договоров и соглашений в результате войны, рассчитывая, очевидно, на осуществление планов Токио по захвату по меньшей мере южной части Сахалина. Но это высказывание означало отмену уступки Японии Курил по договорам 1855 и 1875 гг. Изначальная внутренняя противоречивость этой позиции очевидна, и последующая фиксация уступки Японии Южного Сахалина в тексте Портсмутского мирного договора ее не ликвидировала и таким образом сохранила за Россией право на возвращение Северных и Средних Курил, а также вследствие отмены Симодского трактата 1855 г. – возобновление неопределенного статуса Южных Курил.

В итоге, не возразив против заключения нового торгового договора, С.Ю. Витте предложил условиться, что договоры, заключенные до войны, сохраняют свою силу до заключения нового договора. Не возразив в принципе против этого предложения, Д. Комура заявил, что предпочтительнее, определив условия торговых отношений, заключить новый договор, то есть, насколько это возможно, сохранить срок действия устных договоренностей по этому вопросу. Вопрос же о статусе Курильских островов так и остался неопределенным.

В апреле 1920 г. в Верхне-Удинске (ныне Улан-Удэ) при учреждении Дальневосточной Республики, после освобождения ее от иностранных интервентов в 1922 г. вошедшей в состав Советского государства, ее территорией объявлялись губернии и уезды бывшей Российской империи, в частности Камчатка⁴⁶, включавшая в XVIII–XIX вв. Нижне-Камчатский уезд со всеми Курильскими островами. Следует также иметь в виду, что принцип давности владения, в данном случае Японией, Южными Курилами с конца XVIII в., а Средними и Северными Курилами – с 1875 г., был отменен после Второй мировой войны в 1945 г. современным международным правом. В результате этого ряд территорий после нескольких веков пребывания в составе других государств восстановил свой прежний статус, например, колония Гоа была возвращена Индии после четырех веков пребывания в составе Португалии, а Маньчжурия – Китаю.

Противоречия между Россией и Японией по территориальным вопросам их влияния в Маньчжурии, Корее и на Сахалине привели в результате к кровопролитной русско-японской войне 1904–1905 г. Россия уступила Японии южную часть о. Сахалина до 50° с.ш., который в ходе войны подвергся оккупации японскими войсками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ССССР/РФ С ЯПОНИЕЙ И КИТАЕМ В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И КАРТОГРАФИЯ

1. Проблема границы нашей страны с Японией в середине XX – начале XXI века

Важность проблемы обусловлена стремлением Токио начиная с середины 1950-х годов ревизовать сложившуюся границу между РФ и Японией в районе Курильских островов, которые отошли к СССР после Второй мировой войны. При этом Токио удобно не учитывать то обстоятельство, что эти территории было предложено изъять у Японии по инициативе США¹, как и ряд других территорий, первоначально даже без участия СССР, в качестве меры наказания за агрессию.

Правительство Токио закрывает глаза и на то, что попытки Японии вернуть себе «северные территории» противоречат ее политике в территориальных спорах с Китаем об островах Сэнкаку (Дяоюй) и Кореей об островах Такэсима (Токто): в отношениях с КНР – отложить решение вопроса до следующего поколения, с Кореей – непринятие практических мер по присоединению островов. Поддержка Соединенными Штатами Японии в споре о Курилах идет вразрез с их политикой по отношению к своей национальной территории: по Конституции США «...ничто в ней не может толковаться в ущерб их закон-

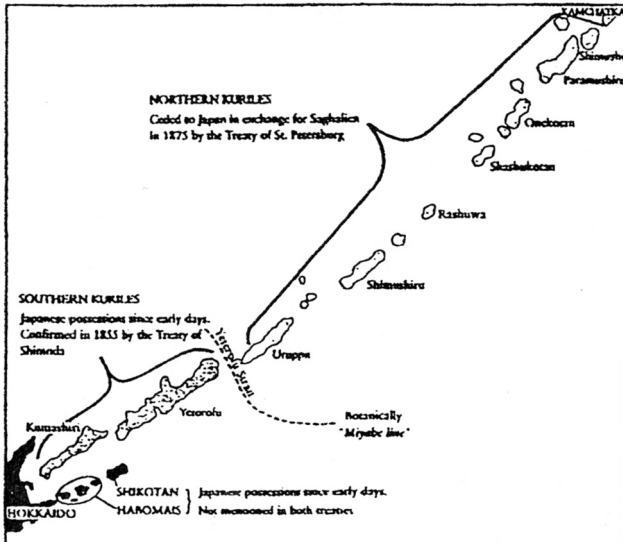
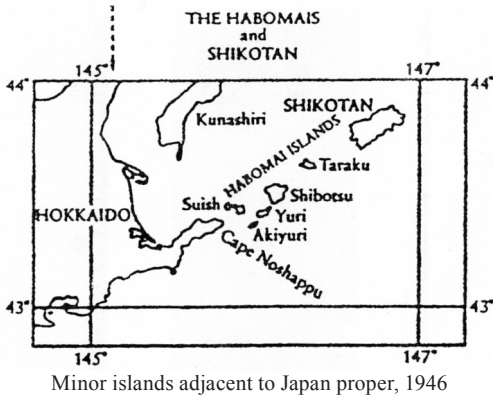
ным притязаниям в части распоряжения своей территорией и гарантируется каждому штату защита от нападения извне и от внутренних насилий...» (ст. IV, разделы 3-4). Не согласуется это и с Хартией российско-американского партнерства, подписанной президентами РФ и США в 1992 г. и подтвержденной ими в 1993 г. в Ванкувере, в которой говорится: «...обе стороны отвергают угрозу в свой адрес, затрагивающую их территориальную целостность и политическую независимость» при неделимости их безопасности в зоне от Ванкувера до Владивостока.

Практика применения современного международного права исходит из доктрины правомерности отторжения части территорий от агрессора, служившей базой агрессии, в качестве меры наказания и средства ее предотвращения с выгодных стратегических рубежей. При этом, как это видно из такого рода мер в отношении Германии в конце Второй мировой войны, для получения титула на правомерно отторгаемые территории заключение двустороннего мирного договора, на чем настаивает Япония в отношении Южного Сахалина и Курил, фактически неправомерно, опираясь на довоенные, устаревшие доктрины международного права, не является обязательным (договоры с Германией, Италией и Японией могли лишь подтвердить прежние соглашения в отношении агрессоров).

Этот вопрос подлежит урегулированию с учетом в первую очередь Ялтинского соглашения, условия которого равноценны условиям прелиминарного мирного договора. Именно это обстоятельство, как подчеркивает профессор международного права Университета Кэйо (Токио) М. Мацубара, явилось одним из важных стимулов для Советского Союза как заинтересованной стороны присоединения к Потсдамской декларации в отношении Японии 1945 г.²

Что касается Японии, то первоначально, 9 августа 1945 г., получив текст Потсдамской декларации, ее МИД в аналитической записке заведующего первым отделом его договорного департамента Т. Симода, будущего заместителя министра иностранных дел изложил свое понимание условия этой декларации об ограничении территории Японии более мелкими

островами, чем 4 главных острова (рис. 11). Оно заключалось в том, что у Японии имеется возможность сохранения за нею в качестве территорий, принадлежавших ей в период «обновления Мэйдзи» (1867–1868 гг.), то есть Южных Курил, а также

Minor islands adjacent to Japan proper: a historical map

Рис. 11. Мелкие острова, принадлежащие собственно Японии

о-вов Окинавы и Огасавара. Однако позднее, после окончания Второй мировой войны, когда советские войска заняли, помимо Южного Сахалина, все Курилы, в результате выступлений руководителей Советского Союза и США в начале сентября 1945 г., в том числе со ссылкой на Ялтинское соглашение, три страницы из записки Т. Симода (с 11 по 13) были изъяты по указанию руководства МИД Японии. Это вместе с четырьмя зачеркнутыми, но читаемыми строками записки свидетельствовало об изменении прежней точки зрения. Данный факт был установлен директором института социологии при Токийском университете профессором Х. Вада. Он сделал вывод, что позиция МИД Японии изменилась в пользу признания правомерности действий СССР³.

Приказ об этих правомерных действиях по занятию и присоединению Курил к СССР И.В.Сталин подписал сразу после подтверждения 18 августа 1945 г. президентом США Г. Трумэном Ялтинского соглашения в отношении обязательства отдать все эти острова Советскому Союзу (правда, Трумэн сделал это с оговоркой, что юридически их уступка должна быть оформлена в мирном договоре с Японией), и занятие самых южных из них (Малая Курильская гряда) было завершено 5 сентября 1945 г. – на один день ранее намеченного оперативным планом⁴ (рис. 12).

Выявленные Х. Вада факты о позиции Токио по вопросу о границе Японии с Советским Союзом подтверждаются подготовленными учрежденным в ноябре 1945 г. специальным отделом в МИД Японии по проблеме мирного договора документами, направленными, в частности, в миссию Австралии в Токио в мае 1947 г. зав. общим отделом МИД Японии для международной рабочей конференции по мирному договору с Японией, которая состоялась в Канберре в августе 1947 г.⁵

В этих документах в состав Курильских островов (Тисима), исключенных из территории Японии после окончания Второй мировой войны, входили как Северные, так и Южные Курилы, кроме о-вов Хабомаи и Шикотан (рис. 13). В отличие от последних все остальные Курильские острова не

Рис. 12. Схема «Боевые действия вооруженных сил СССР на Курильских островах в августе – начале сентября 1945 г.»

окрашены в цвет Японии. При этом на второй из этих карт указано, что она является «исторической картой», то есть отражает лишь претензии Токио на уступку их Японии по будущему мирному договору. Получение этих документов с картами из МИД Японии миссией Австралии в Токио подтверждено ее телеграммой в МИД Австралии⁶.

2 сентября 1945 г. в день подписания Акта о капитуляции вооруженных сил Японии (рис. 14, 15) Председатель Совета Министров СССР И.В. Сталин в своем обращении к советскому народу сказал, что Южный Сахалин и Курильские острова отныне (подчеркнуто нами. – К.Ч.) будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой япон-

Рис. 13. Карта границ районов, находящихся под административным контролем правительства Японии и зон японского рыболовства на 1946 г.

ского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии⁷, так как эти острова «отойдут к Советскому Союзу». Имелись в виду также бывшие японские концессии до 1944 г. на Северном Сахалине (рис. 16).

Употребление в этом контексте слова «отныне» означает, что переход Южного Сахалина и Курил после их занятия советскими войсками фактически был осуществлен сразу после капитуляции Японии в соответствии с Ялтинским соглашением. На следующий день после подписания акта о капитуляции Японии – 3 сентября 1945 г. – Верховный главнокомандующий союзных держав в Японии Д. Макартур издал Общий приказ № 2, в котором ясно указал, что Курильские острова до о-вов Хабомаи включительно изъяты из зоны, где 8-я американская армия принимает капитуляцию японских войск на о. Хоккайдо⁸. Позднее, в 1946 г., этот приказ был положен в основу директивы Д. Макарута № 677/1.

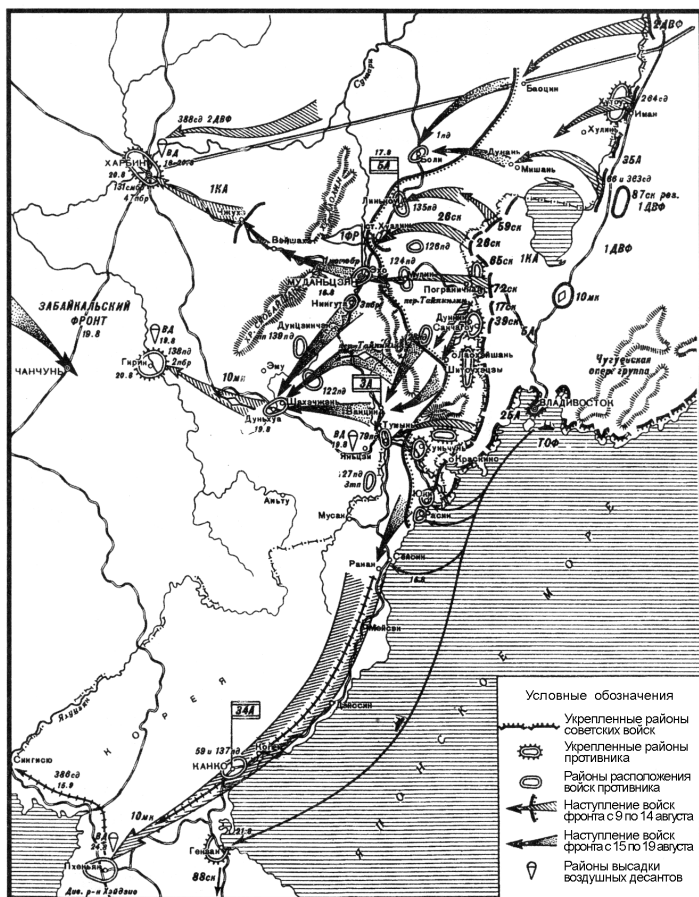

Рис. 14. Схема «Боевые действия войск 1-го Дальневосточного фронта в Харбино-Гиринской операции (9 августа – 2 сентября 1945 г.)»

Подготовленные через несколько дней документы Министерства иностранных дел Великобритании и Госдепартамента США подтверждают, что заявление И.В.Сталина о включении упомянутых островов в состав Советского Союза рассматривались как находящиеся в полном соответствии с Ялтин-

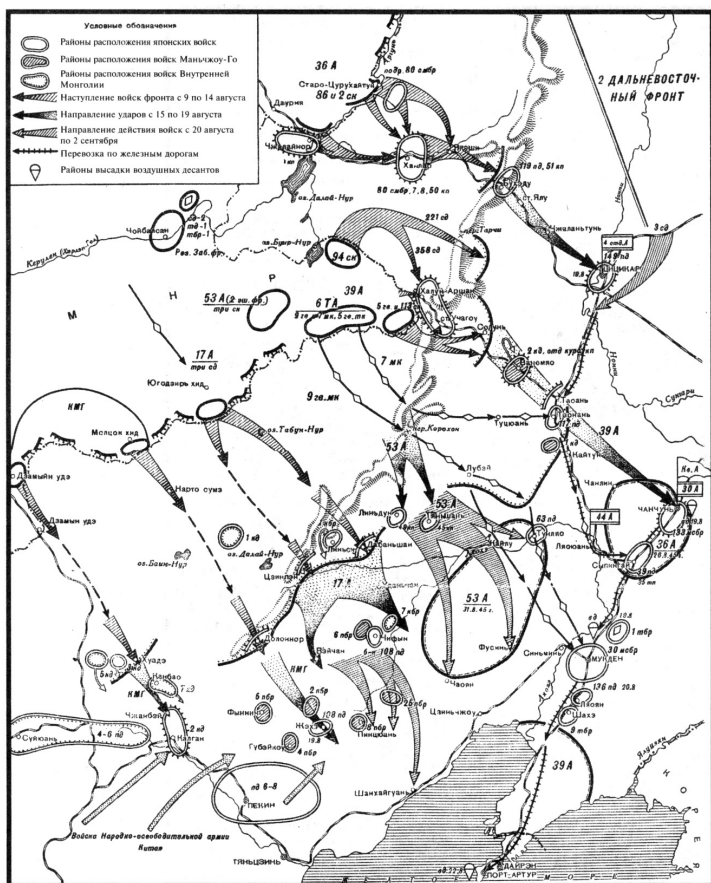

Рис. 15. Схема «Боевые действия войск Забайкальского фронта (9 августа – 2 сентября 1945 г.)»

ским соглашением. 5 октября 1945 г. на этот счет высказался МИД Великобритании, а 6 сентября 1945 г. Государственный департамент США уведомил Посольство Великобритании в Вашингтоне, что если СССР будет настаивать на распространении своего суверенитета на Южный Сахалин и Курилы, то Соединенные Штаты протестовать против этого не будут⁹.

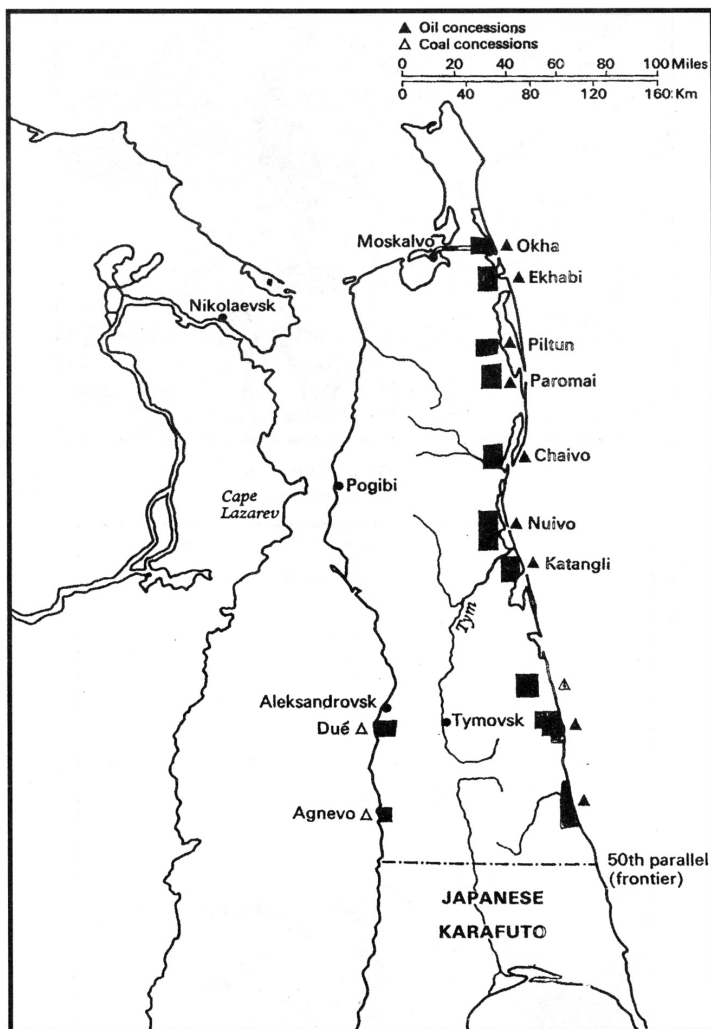

Рис. 16. Схема «Японские концессии на Северном Сахалине до 1944 г.»

Информируя об этом Лондон, 6 сентября 1945 г. британский посол в США пришел к заключению, что государствен-

ный секретарь США не будет противодействовать требованиям русских в этой части. Из этого следует вывод, что США и Великобритания в отношениях между собой признавали окончательный характер Ялтинского соглашения.

Несмотря на эти заявления, у США имелись намерения представить условия Ялтинского соглашения как неокончательные. Еще до предъявления Японии Потсдамской декларации и вступления СССР в войну против Японии на условиях Ялтинского соглашения 6 августа 1945 г. в ответ на направление президенту США Г. Трумэну У. Черчиллем послания о содержании этого соглашения Государственный департамент США информировал У. Черчилля лишь о том, что посол США в СССР подробно изложил американской администрации «условия упомянутого документа без сообщения об официальном мнении на этот счет», то есть Советский Союз через два-три месяца после победы над Германией вступит в войну с Японией при условии, что после ее поражения Южный Сахалин с прилежащими островами будут возвращены СССР и ему будут отданы Курильские острова.

Готовясь к публикации Ялтинского соглашения, МИД Великобритании предписал своим представителям за рубежом в ответах на возможные вопросы заявлять, что «занятие Советским Союзом Южного Сахалина и Курил должно рассматриваться как логическое следствие поражения Японии» и что «следует тщательно избегать обсуждения аргумента (против него), который может быть выдвинут в США в отношении того, не превысил ли президент Рузвельт свои полномочия при его подписании...»

При этом МИД Великобритании исходил из действительности Ялтинского соглашения, а также из необходимости, чтобы наряду с СССР не только Соединенное Королевство, но и США несли ответственность за его выполнение как уже свершившегося факта, не подлежащего ревизии¹⁰.

6 апреля 1947 г. представитель МИД Великобритании в ответ на выступление министра иностранных дел Японии Х. Асида официально заявил: «Великобритания считает пе-

редачу СССР бывших японских Курильских островов окончательной и не подлежащей подтверждению в мирном договоре. Заявление по территориальному вопросу, сделанное во время Потсдамской декларации, отнюдь не ограничивается предшествующей Каирской декларацией, а фактически заменяет ее во всех случаях, когда будет сочтено, что пункты двух деклараций «противоречат один другому» и поэтому «текст Ялтинского соглашения (для заинтересованных сторон) является абсолютно обязательным в отношении вопросов, которые оно затрагивает»¹¹.

Что касается утверждения японской стороны, что Ялтинское соглашение противоречило Пакту о нейтралитете, то оно вообще могло бы не вступать в действие, если бы Япония сразу приняла предложение союзников о капитуляции: СССР объявил ей войну лишь после отказа Японии от немедленного принятия условий Потсдамской декларации. Вступление Советского Союза в войну привело в действие механизм Ялтинского соглашения и предопределило совершенные на его основе территориальные изменения в пользу СССР. К тому же после принятия 2 сентября 1945 г. Японией по Акту о безоговорочной капитуляции условий Потсдамской декларации из выступления И. Сталина 3 сентября стало известно, что отныне Южный Сахалин и Курилы будут принадлежать СССР.

В ответ на это 4 сентября того же года госсекретарь США Дж. Бирнс заявил, что Вашингтон, согласившись в Общем приказе № 1 Верховного главнокомандующего союзных держав в Японии генерала Макартура на капитуляцию японских войск на Южном Сахалине и Курилах перед советскими войсками, не возражал против оккупации ими этих территорий. Дж. Бирнс также заявил, что США в результате обсуждения вопроса принадлежности этих островов в Ялте «выразили согласие с позицией СССР по вопросу об этих территориях»¹², не конкретизируя, правда, в чем состояла эта позиция, которая стала ясной после состоявшейся вскоре публикации упомянутого соглашения.

В рассекреченном 24 января 1999 г. докладе сотрудника военной разведки США полковника Буша указывалось, что северная граница Японии должна проходить, с одной стороны, между о. Кунашир и прибрежными островами о. Хоккайдо, а с другой – между о. Суйсё (о. Танфильева) и о-вами Юри (о. Юрий) и Акиюри (о. Анучина) в группе Хабомаи (Плоские), то есть Большая Курильская гряда и почти все значительные острова Малой Курильской гряды (кроме о-вов Танфильева) не должны входить в состав Японии, хотя последние являются прилежащими к Хоккайдо, причем Большая Курильская гряда до Кунашира включается в территорию СССР. Таким образом, из более или менее значительных островов Хабомаи, прилежащих к одному из главных островов Японии, в отношении принадлежности которых союзники должны были принять дополнительное решение, оставался лишь о. Танфильева (Суйсё).

До прихода советских войск или вскоре после этого с южной части Курил репатриировалось по собственной инициативе 9 тыс. 426 человек из 16 тыс. 505 постоянных местных жителей. Подавляющее большинство выехали с 9 августа 1945 г. до начала сентября 1946 г., хотя губернатор Хоккайдо Т. Токунага направил в начале сентября 1945 г. старостам деревень на Южных Курилах телефонограммы с указанием удерживать местное население от репатриации. Благодаря запрету на их выезд в метрополию и со стороны советских властей удалось удержать от репатриации около 10 тыс. постоянных жителей, сезонных рабочих и рыбаков.

16 сентября 1945 г. военные комендатуры о-вов Итуруп и Кунашир информировали местные японские власти и советских пограничников на этих островах, а также на о-вах Шикотан и Хабомаи, что в соответствии с Потсдамской декларацией с 20 сентября того же года Южный Сахалин и Курильские острова объявляются территорией СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. они были включены в Южно-Сахалинскую область РСФСР.

Данные доклада полковника Буша 29 января 1946 г. были уточнены в директиве № 677/1 Верховного главнокомандую-

щего союзных держав в Японии Д. Макартура. По ней из состава территории Японии исключались как Большая Курильская гряда (Тисима), так и Малая Курильская гряда (о. Шикотан и острова Хабомаи, в том числе их южная часть от о. Суйсе, или Танфильева, до прилежащего к нему небольшого о. Кайгара, или Сигнальный, и других островов). Малая Курильская гряда с географической точки зрения также включалась японцами в состав Курил, и на этом основании в соответствии с общим приказом № 1 Д. Макартура она была занята советскими войсками, однако он исключил их из-под суверенитета Японии, но не включил в состав Курильских островов, как это было им сделано в отношении о-вов Кунашир и Итуруп, не выделенных в его директиве из состава Курил. В отношении Хабомаи Д. Макартур, очевидно, исходил из политико-административного деления Японии, по которому они относились к префектуре Хоккайдо, а в отношении Шикотана – возможно, потому что в карманном атласе мира Главного управления геодезии и картографии при СНК СССР (Л., 1940), – этот остров был обозначен рядом с названием «Курильские острова» (рис. 17).

Принимая данное решение, Д. Макартур руководствовался основным курсом Дальневосточной комиссии 11 союзных держав и Союзнического совета по Японии (рекомендация от 27 декабря 1945 г.) с учетом подготовки к публикации Ялтинского соглашения, которое, хотя и было ранее упомянуто не только госсекретарем Дж. Бирнсом, но и через день президентом США Г. Трумэнном, как «точно такое же соглашение в Потсдаме», все еще оставалось секретным. Без Ялтинского соглашения точное ограничение территории Японии в соответствии с Потсдамской декларацией было бы необъяснимым.

При этом, указав, что исключение упомянутых островов из-под юрисдикции Японии осуществлено безотносительно к окончательному решению вопроса об их принадлежности, но исходя из того, как суверенитет Японии ограничивается Потсдамской декларацией, Д. Макартур дал в основном правильное определение северных пределов территории Японии (рис. 18).

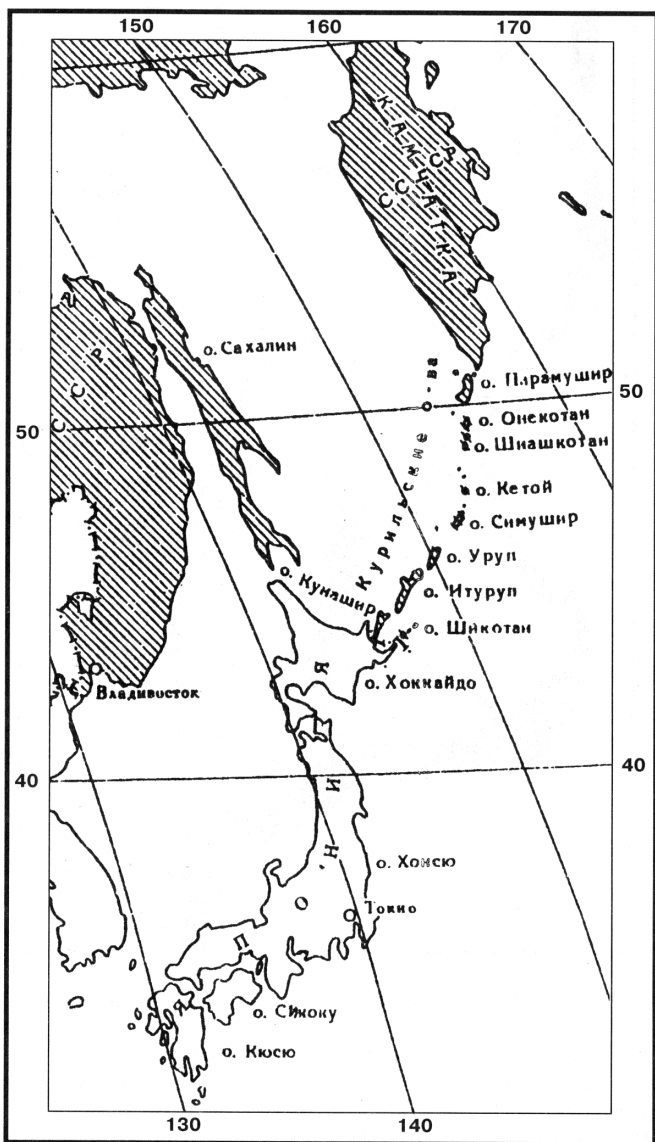
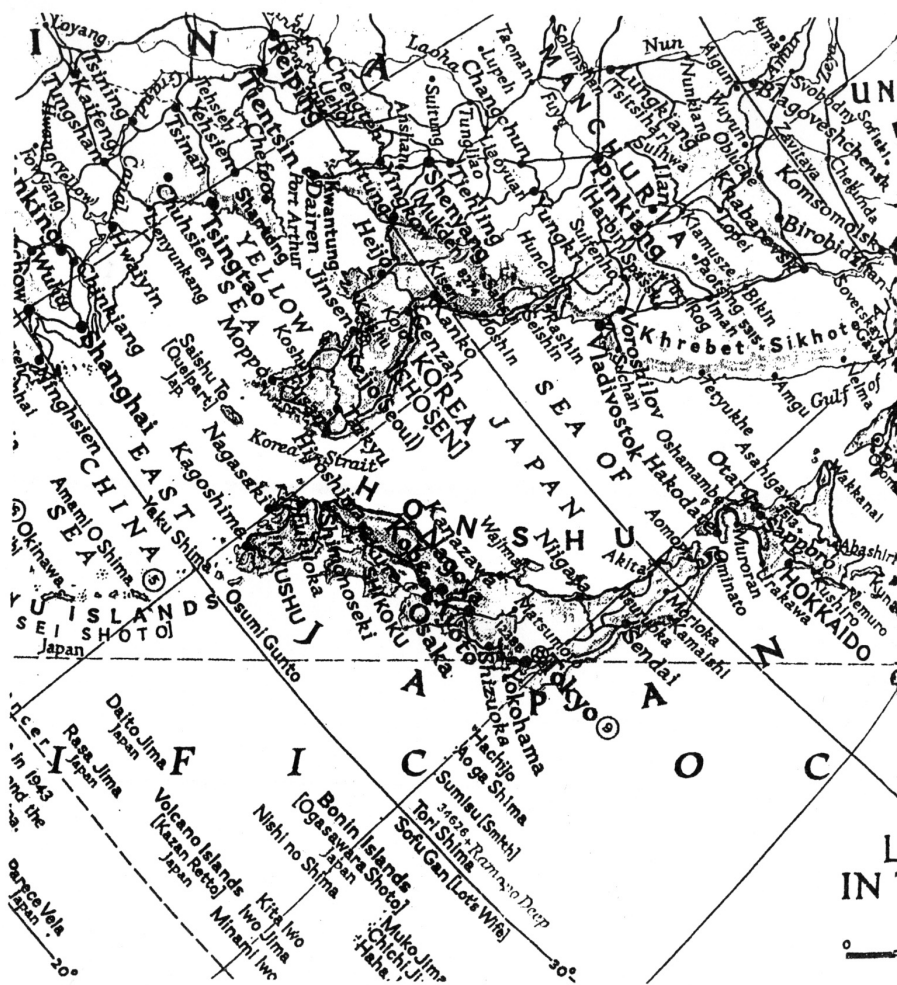
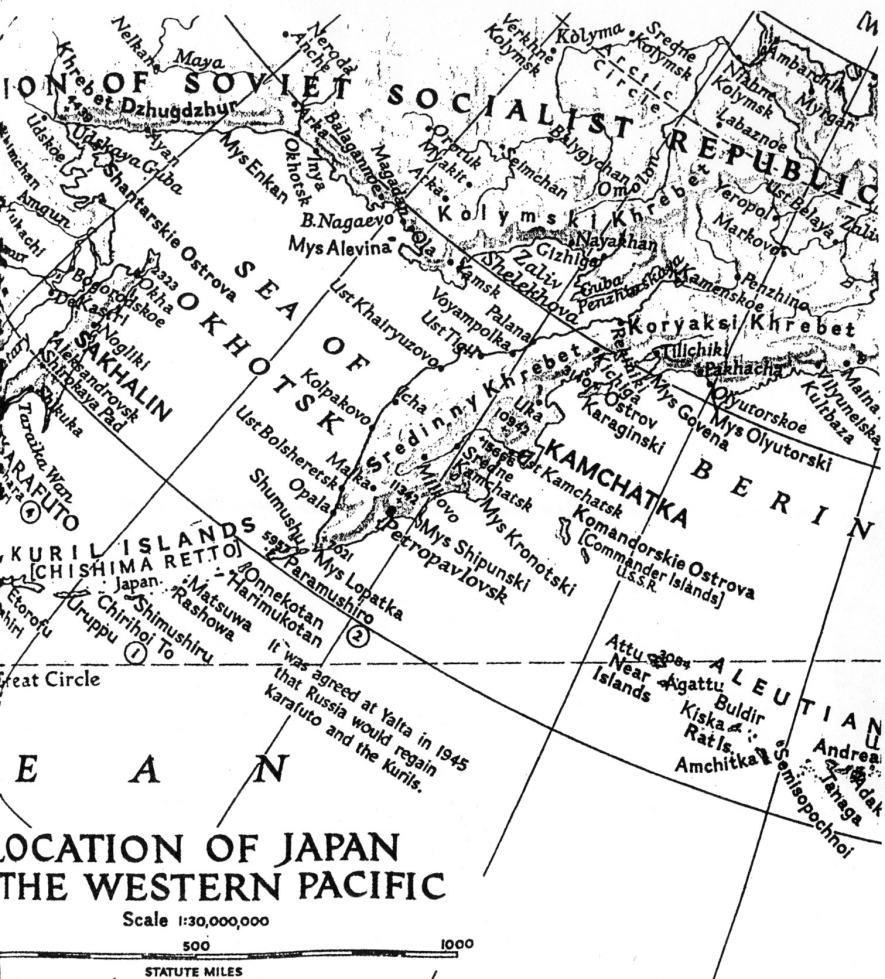

Рис. 17. Схема «Япония и пограничные районы СССР»

Подпись под Курильскими о-вами гласит: «В Ялте в 1945
(Сахалин) и Курилы». Над Курильскими о-вами (до Хоккайд

Рис. 18. Карта Японии и Восточной Азии, изданная Нацио

г. было согласовано, что Россия вернет себе Карафуту (Курильские острова (архипелаг Тисима)).

национальным географическим обществом США. 1945 год

Стремясь на практике к выполнению обязательств союзников по этому соглашению, Д.Макартур, ценя военный вклад СССР в разгром японского милитаризма, издал ряд директив о репатриации японского населения, стремившегося, как было показано выше, вернуться в метрополию, чтобы вследствие отсутствия этнического субстрата японского суверенитета на Южном Сахалине и Курилах и заселения их советскими гражданами в соответствии с решениями Ялтинской конференции создать благоприятные условия для окончательного оформления этих островов как территории СССР.

С той же целью, издав 16 марта 1946 г. директиву № 822 с дополнениями от 7 мая (директива № 927) и 10 сентября 1946 г. (директива № 1421) с поправкой от 9 марта 1949 г. о репатриации японского населения с Южного Сахалина и Курил, Д. Макартур санкционировал заключение советско-американского временного соглашения о репатриации японцев от 27 ноября 1946 г. и советско-американского соглашения о репатриации японцев из районов СССР и районов, контролируемых СССР, включающих Южный Сахалин и Курилы (соглашения Деревянко-Мюллер)¹³ от 19 декабря 1946 г. С международно-правовой точки зрения важно, что оформление репатриантов осуществлялось по данному соглашению, в соответствии с Конституцией СССР как иностранцев, эмигрирующих в другое государство¹⁴.

«Репатриация из районов Южных Курильских островов и островов Хабомаи и Шикотан была осуществлена в соответствии с указанным советско-американским соглашением и директивами правительству Японии. Фактически различий в характере репатриации по районам не наблюдалось, – пишет японский специалист по международному праву С. Миядзаки, профессор университета Мэйдзи (Токио). – В тот период Южные Курилы и о-ва Хабомаи и Шикотан вместе с Северными и Средними Курилами рассматривались как единое целое – Курильские острова (Тисима)»¹⁵.

К 23 июля 1949 г. репатриация Курил (9419 человек) была завершена (за исключением 2 человек на о. Итуруп и

8 человек с о. Танфильева, по собственной просьбе получивших советское гражданство), о чем свидетельствует «Сводка о миграции японского населения с Курильских островов» МИД Японии от 5 июля 1951 г.¹⁶

12 февраля 1946 г. по инициативе американской стороны Ялтинское соглашение было опубликовано и в японской печати. В результате этого правительство Японии стало рассматривать решение союзников об оккупации советскими войсками Южного Сахалина и Курил как переход их во владение СССР и даже издало сборник документов по этому вопросу, «исходя из Ялтинского соглашения»¹⁷, в том числе в связи с репатриацией японского населения в метрополию, на скорейшем осуществлении которого наряду с японским парламентом правительство настаивало перед союзными властями.

Так, в ответе представителя МИД Японии Т. Яманака во втором подкомитете бюджетного комитета верхней палаты парламента на запрос депутата Я. Каваи 6 сентября 1946 г. о перспективах переговоров с СССР о репатриации японцев с Южного Сахалина и других районов, контролируемых СССР, говорилось: «Что касается о. Сахалина, Курильских островов (Тисима) и Квантунской области, то мы по-прежнему не видим путей к решению вопроса о репатриации. Правительство, со своей стороны, в предвидении зимнего сезона, особенно учитывая как материальные, так и моральные условия, в которых находятся наши соотечественники уже в течение продолжительного времени, выражает им искреннее сочувствие и в связи с неотложностью данного вопроса и, используя все возможности, обращается с настойчивой просьбой через штаб Верховного главнокомандующего союзных войск (в том числе к СССР) о том, чтобы репатриация наших соотечественников была осуществлена в кратчайшие сроки и чтобы в тех случаях, когда ее осуществление сталкивается с трудностями, японская сторона была поставлена об этом в известность»¹⁸.

К осени 1955 г. по вопросу об обычном определении Курильских островов, упомянутых в Ялтинском соглашении (из их состава Н.С. Хрущев согласился изъять острова Хабомаи и

Шикотан, а затем по Совместной декларации 1956 г. передать эти острова Японии после заключения советско-японского мирного договора, хотя она не может приобрести их, не нарушая тем самым условий союзнических договоров и соглашений о пределах территории Японии), ее территориальные претензии трансформировались в разногласия в отношении государственной принадлежности также о-вов Кунашир и Итуруп, с претензиями на которые выступил Токио¹⁹. В 2001 г. эти условия как база для переговоров о заключении мирного договора были подтверждены в Иркутском заявлении Президента РФ В.В. Путина и премьер-министра Японии Ё. Мори.

К тому же возможность территориальных уступок Японии без согласия субъекта Сахалинской области противоречила Конституции СССР. То же самое следует сказать о последующих российско-японских соглашениях в отношении Конституции РФ (ст. 4, пп. 1, ст. 415), устанавливающих приоритет Основного Закона страны над ее законами и иными правовыми актами, даже если они установлены в международном договоре. (Это, правда, не устраняет в таких случаях коллизию между Конституцией РФ и соответствующей нормой международного права, за исключением случаев, если нарушение внутреннего права было явным и не касалось нормы этого права, имеющим важное значение, к коим относятся и вопросы территории)²⁰.

Эти разногласия были сняты в результате согласия СССР на удовлетворение в будущем претензий Японии на о-ва Хабомаи и Шикотан и в результате согласия Токио на изъятие из окончательного текста Совместной декларации упоминания об обязательствах СССР и Японии продолжить переговоры о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос, то есть и вопрос о принадлежности о-вов Кунашир и Итуруп.

В начале 1990-х годов, как это видно из Совместного советско-японского заявления от 18 апреля 1991 г., подписанного Президентом СССР М.С. Горбачевым и премьер-министром Японии Т. Кайфу, разногласия по территориальному вопросу

между СССР и Японией переросли в спор о территориальном размежевании и государственной принадлежности не только о-вов Хабомаи и Шикотан, но и Кунашир, и Итуруп.

В Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 г. оценка состояния этой проблемы как спора, который необходимо разрешить на основе «законности и справедливости», не изменилась. А перед визитом в Токио министр иностранных дел А.В. Козырев и председатель Комитета по международным делам ВС РФ В.П. Лукин предлагали Б.Н. Ельцину сделать в декабре 1992 г. заявление о передаче Японии о-вов Кунашир и Итуруп (кроме Хабомаи и Шикотана) на определенных условиях в течение 5 лет (что Б.Н. Ельцин считал возможным рассмотреть в дальнейшем). Эти шаги были предприняты, исходя из ошибочной позиции, что якобы «Ялтинское соглашение 1945 г. не предусматривало, что Курилы полностью отходят к Советскому Союзу, а лишь давало Москве право требовать передачу под ее (Москвы) контроль всех (Курильских) островов при условии заключения с Японией мирного договора»²¹.

Рассматриваемой проблеме посвящены положение Московской декларации России и Японии 1998 г. и совместные заявления глав военных ведомств РФ, США и Японии о позитивной оценке развивающихся в последнее время контактов в области безопасности и обороны. Такая оценка включает совместное одобрение сторонами японо-американского договора безопасности, составляющего единое целое с Сан-Францисским мирным договором, содержащим отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, и признание соглашений, заключенных союзными державами в период Второй мировой войны, то есть и Ялтинского соглашения (ст. 8).

В целях более эффективного отстаивания интересов России в данном вопросе целесообразно сделать акцент в полемике с Токио не столько на окончательном характере перехода Южного Сахалина и Курил к нашей стране по Ялтинскому соглашению, сколько на окончательной делимитации северной границы Японии по Сан-Францисскому мирному договору

(сохраняя в резерве возможность демаркационной подвижки в районе Малой Курильской гряды), в строгом и скрупулезном соответствии с Потсдамской декларацией (как об этом заявил Дж. Даллес 5 сентября 1951 г. перед подписанием этого договора) при явно выраженном согласии на это Токио (издание официальных в 1946 г. или официально одобренных в первой половине 1950-х годов географических карт Японии), в соответствии с обычным международным правом, или при молчаливом согласии властей, выраженном в отсутствии протестов по отношению к распространению законодательства России на Южный Сахалин и Курилы, также в соответствии с обычным международным правом (рис. 19).

По этому договору Япония отказалась от всех прав, правооснований и претензий на Курильские о-ва и Южный Сахалин.

По этому договору не определено, какому государству принадлежат территории, от которых отказалась Япония.

Рис. 19. 1951 год. Сан-Францисский мирный договор (без участия СССР)

В заключение в качестве аргумента, имеющего юридическое значение, на что ранее обращалось внимание только как на политический довод, целесообразно использовать

для доказательства окончательного разрешения для Токио территориального вопроса по Сан-Францисскому договору (как результата заключения Ялтинского соглашения) ссылке на позицию Японии, официально выраженную премьер-министром Японии И. Хатояма в парламенте 24 марта 1955 г., который заявил: «Ялтинское соглашение было по существу признано Сан-Францисским мирным договором, по которому мы отказались от этих территорий»²². Это целесообразно сделать потому, что такая аргументация соответствует нормам обычного международного права²³.

Следовательно, в условиях, при которых Япония не может настаивать на приобретении не только о-вов Кунашир и Итуруп, но даже и Малой Курильской гряды без нарушения ею Сан-Францисского мирного договора 1951 г. (ст. 2 и 8), Россия может утверждать, что северная граница Японии проходит между этой грядой и о. Хоккайдо, а в отношении всех Курильских островов и Южного Сахалина, как на это указывают авторитетные в Японии профессора международного права К. Тайдзюдо²⁴ и К. Тэрасава²⁵, действует принцип «*uti possidetis*» (каждый владеет тем, чем владеет)²⁶, то есть исходит из фактического подтверждения Японией по Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. статус-кво, позволяющего сохранять за РФ территории, правомерно изъятые у Японии после Второй мировой войны.

Подводя итог, можно сделать следующие обоснованные выводы.

Во-первых, заключение мирного договора не обязательно для установления границы между государствами. Примером тому является отсутствие такого договора с Германией после Второй мировой войны. Соглашения на этот счет были в свое время заключены ГДР с СССР, ПНР и ЧССР и позднее подтверждены ФРГ, с которой у нас также нет мирного договора. Во исполнение принятой полномочными представителями Японии Потсдамской декларации об ограничении суверенитета Японии четырьмя главными островами (с исключением из ее состава Южного Сахалина и всех Курил) по приказу Верхов-

ного главнокомандующего союзных держав, включая СССР, Д.Макартура, в Японии было подписано, как уже указывалось, подобное соглашение о репатриации всех японских подданных с правомерно изъятой у нее территории с оформлением их как лиц, репатриированных в метрополию из иностранного государства, то есть из СССР. Соглашение было заключено 27 ноября 1946 г.²⁷ и полностью претворено в жизнь перед подписанием 8 сентября 1951 г. Сан-Францисского мирного договора с отказом Японии от всех прав, правооснований и претензий на все Курильские острова и Южный Сахалин.

Во-вторых, фиксация российско-японской границы по международным правилам, то есть в соответствии с международным правом, в частности с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г., вытекает из признания Японией этой конвенции от 3 апреля 1987 г., в частности ст. 31, 36, 75, и возражений этой страны против оговорок СССР в связи с его присоединением к этой конвенции 4 апреля 1986 г. в адрес Генерального секретаря ООН, не содержащих возражений против этих статей.

И в Рекомендациях парламентских слушаний 18 апреля 2002 г. «Южные Курилы: проблемы экономики, политики, безопасности» подтверждается, что право России ссылаться на отказ Японии от всех Курильских островов по Сан-Францисскому мирному договору по ст. 36 презюмируется и, следовательно, является неоспоримым²⁸. Это подтверждение, по нашему мнению, означает, что северная граница Японии с Россией зафиксирована, хотя и не совсем обычным способом, но в строгом соответствии с международным правом.

2. Курильские острова в отечественной и зарубежной картографии

Вопрос о картографировании Курильских островов, особенно об изображении их пределов на картах и соотносённости этого топонима с японским топонимом (Тисима) в различные

исторические периоды является актуальным в связи с расхождением по нему в позициях России и Японии. Это препятствует заключению мирного договора между двумя странами, хотя после окончания Второй мировой войны прошло уже более полувека. Разработка этого вопроса ведется как в научном (см. например, фундаментальное исследование японского ученого Т. Акидзуки²⁹ и нашу монографию³⁰), так и в практическом плане – на официальных и неофициальных переговорах, встречах, форумах.

Соответствующий официальный пересмотр позиции правительства Японии восходит к заявлениям в парламенте Японии зам. министра иностранных дел К. Морисита в начале февраля 1955 г., а издание первых карт, на которых на основании этой позиции Южные Курилы стали изображаться как Северные территории Японии, относится к лету 1969 г.

Вслед за последовавшей «картографической агрессией» 12 июня 2009 г. палата представителей, а 3 июля того же года палата представителей парламента Японии внесли поправки в Закон о Северных территориях, объявляющие их исконными территориями Японии, что вызвало возражения Президента Российской Федерации Д.А. Медведева.

Суть этого спорного вопроса состоит в том, что по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., подписанному 48 государствами, Япония отказалась от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова. Так, в оригинале японского текста договора было однозначно указано, что русский топоним «Курильские острова» является синонимом японского топонима «Тисима рэтто» (Курильский архипелаг). Однако позднее японская сторона заявила, что это не так: Япония якобы отказалась от Курильских островов (Тисима), но вовсе не отказывалась от Южных Курил (Минами Тисима). Одновременно Япония стала претендовать и на возвращение ей южнокурильских островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (по-русски Плоские острова), ссылаясь на заголовок русско-японского договора 1875 г. «Об обмене Сахалина на Курилы» и пытаясь упомянутую в его тексте

«группу» (ряд) Курильских островов представить как всю цепь этого архипелага (рис. 20).

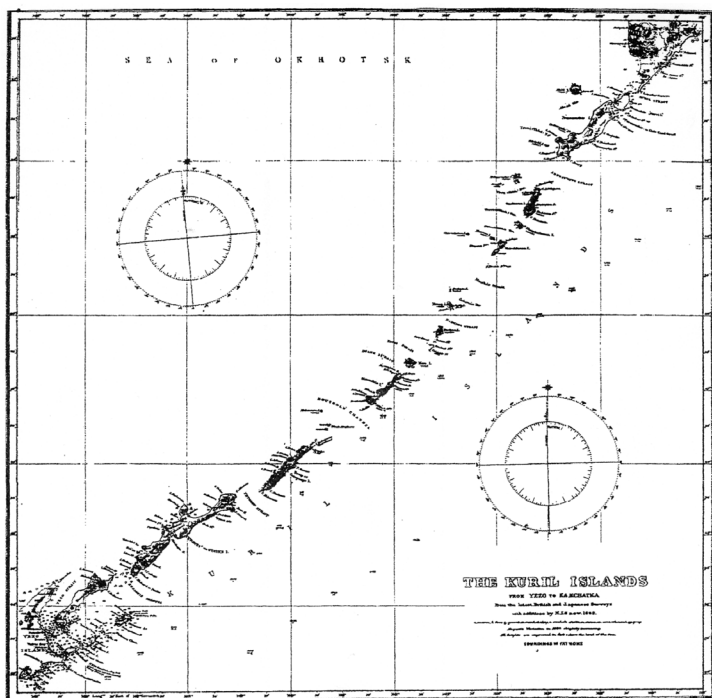

Рис. 20. Карта Курильского архипелага (Тисима рэтто), составленная в 1898 г. на основе геодезических измерений, выполненных чинами военно-морских флотов Японии и Великобритании

Приводимые далее сведения об изображении Курил на официальных картах России, Японии и других стран мира позволяют показать реальную картину сложившейся к настоящему времени ситуации в этом территориальном вопросе.

Первые сведения о Курильских островах содержатся в росписи «Чертежа всей Сибири, збиранного в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича» 1667 г. В этой росписи говорится: «А в Колыму реку пала река Блудная и на той реке

есть зимовье яшашное. – А от того камени на полдень (Камчатка. – К.Ч.) до устья Амура реки выпало осмь рек, а против устьев тех рек есть столп каменной, вышел из моря вельми высок...»³¹.

Как позднее сообщили исследователю Камчатки С.П. Крашенинникову ее коренные жители, этот «столп» был о. Алайд (о. Атласова) с действующим вулканом высотой около 2500 м – самым северным островом Курил, ставших известными русским в середине XVII века³². Упоминание этого острова как «столпа каменного высокого без меры» встречается также в «осьмой грани» росписи к «Общему чертежу Сибири» 1673 г.³³ Этот остров изображен на составленных по русским картографическим источникам «Копии карты Сибири из Тобольска» шведа Э. Пальмквиста (1674), карте Татарии голландца Н. Витсена (1690) и копии «Чертежа новой земли Сибирской» шведа И. Спарвенфельда (1689).

В 1692 г. вся гряда Курильских островов была нанесена на базе русских источников – чертежей Сибири второй половины XVII века на карту И. Идеса, который по поручению Петра I в качестве посла России совершил поездку по Сибири в Китай и собрал сведения также и о районах Дальнего Востока. В 1704 г. эта карта была издана в Амстердаме Н Витсеном. На чертеже Камчатки начала XVIII века, помещенном С.У. Ремезовым в его «Служебной чертежной книге», отражены результаты визуального открытия отрядом Владимира Атласова в 1697 г. о-вов Алайд и Шумшу. В 1711 и 1713 гг. на Северных Курилах побывал с группой казаков И.П. Козыревский, составив в результате этих походов чертежи, на которые он нанес данные обо всех основных островах Курильского архипелага. Чертеж с изображением Камчатки и Северных Курил был использован С.У. Ремезовым после 1713 г. для составления чертежа в «Служебной чертежной книге». В настоящее время он известен как «Чертеж Камчатки по данным похода И. Козыревского»³⁴, а составленный в 1726 г. по данным его похода 1713 г. – как «Чертеж Камчадальского носа и морским островам»³⁵. Тогда же его повторил А.Шестаков.

Из надписей на «Чертеже морским островам» можно почерпнуть сохраняющие свою актуальность сведения о том, что в 1711 г. И.П. Козыревский помимо жителей Шумшу и Парамушира принял в русское подданство на последнем из этих двух островов также и первого местного жителя о. Итуруп. Эти надписи содержат богатый этнографический материал и краткое, но точное описание географического положения разнообразных природных ресурсов этого края³⁶. На чертеже И.П. Козыревского приводится следующее описание о-вов Итуруп и Уруп: «Живут иноземцы, свой род званием гых – курилы, а матмайским и нифонским языком Езо, называл тако полонянин урожением города Кинокуния званием Сан, которой был со мной на островах, а сего острова уроженца званием Шитаная полонил я с другими иноземцами на другом острову. И сказал он: на сем острову людей многое число, и язык и вера своя, и всякие звери – и лесные медведи и другие, и всякой лес большой и реки, и на устьях у рек отстоит морским судам можно быть. А по показанным островам лесов больших и рек и добрых отстоев большим судам нет до сего острова... А итурупинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют довольно»³⁷.

Сопоставляя вклад русских и зарубежных исследователей в изучение этого края, японский ученый Тосиюки Акидзуки отмечал: «В то время о Курильских островах даже в Японии не имели почти никаких сведений. Более того, в период, когда в Японии не в состоянии были еще составить описания каждого из этих островов, отчет о них И. Козыревского имел поистине огромное значение»³⁸.

В 1721 г. на Курилах по личному приказу Петра I побывали геодезисты Морской академии И.М. Евреинов и Ф.Ф. Лушин. Они составили карту 16 островов Большой Курильской гряды, впервые установив точное положение целого ряда географических пунктов России на Дальнем Востоке.

В ходе второй экспедиции В.Беринга (1733–1743) были нанесены на карту все Курильские острова. В 1739 и 1742 гг., высаживаясь на эти острова, русские моряки составили научно обоснованное географическое описание этого района, в

том числе и его южной части. В память об этом на целом ряде географических карт мира за о. Шикотан было закреплено название – о. Шпанберга. В результате этой экспедиции на генеральной карте Российской Империи в Атласе Российской академии наук 1745 г. все Курильские острова впервые получили близкие к действительности очертания отдельно от территории Японии. Последнее обстоятельство нашло свое выражение в самом названии одной из карт этого атласа – «Устье Амура с южной частью Камчатки и обретающимися на Восточном океане разными островами, между которыми видна и часть Японии. Сходное изображение получил этот район на «Карте Курильских островов с околележащими местами», подготовленной в 1754 г. С.П. Крашенинниковым.

Иной характер и первоначальную датировку имеют дошедшие до нас японские чертежи Курильских островов. Самые ранние из них относятся к началу XVIII века. «Курильские острова впервые, очевидно, были официально нанесены на географическую карту Японии в 1700 г., когда клан Мацумаэ преподнес центральному правительству чертеж страны периода Гэнроку (1688–1703), писал исследователь Северной Японии Сэйго Мотоки, директор краеведческого музея г. Хакодатэ. – Это было сделано, конечно, по сведениям, которые довелось услышать от айну, и поэтому 39 островов на этом чертеже изображены в одном месте совершенно не ориентированные один по отношению к другому...»³⁹

Прототипы этого чертежа – чертеж Японии 1644 г. со схематичным изображением Курил и общий чертеж Эдзо (Хоккайдо) 1667 г. – не сохранились. Справа от изображения о. Эдзо на упомянутой карте Японии имеется любопытная надпись о том, что Курильские острова находятся на расстоянии около 50 км от расположенного на этом острове японского княжества Мацумаэ. По мнению японского историка Акира Такано, надпись опровергает господствующую в Японии точку зрения об «исконной принадлежности» ей этих островов⁴⁰.

Искусственная изоляция страны с целью консервации феодального строя не позволила японцам в течение долгого

времени добиться сколько-нибудь заметного прогресса в исследовании Курильских островов. Так, на общем чертеже Эдзо, выполненном Сихэй Хаяси в 1785 г., «Курильские острова изображены отнюдь не как вытянутые гряды островов, а напоминают собой картофелины, натканные одна рядом с другой»⁴¹. В географическом сочинении С.Хаяси «Обозрение трех стран» (Санкоку цуран) даже остров Эдзо на карте Дальнего Востока представлен наряду с Кореей как другая страна – государство айнов. Японские карты периода изоляции страны крайне бедны географической информацией.

Западная картография в XII–XVIII вв. также располагала весьма скудными сведениями об этом районе, ибо она первоначально опиралась на картографические данные голландского мореплавателя М.Г. Фриза, который побывал у южной части Курильских островов и Сахалина в 1643 г. Следуя в известной мере за японской традицией, в соответствии с которой земля Эдзо часто изображалась как бескрайняя страна к северу от Японии, он нанес на свою карту этого района о. Уруп («Земля Компании») как продолжение Америки. В 1649 г. португальский географ Тейшейра изобразил на своей карте северо-западной части Тихого океана в районе Курил целый ряд небольших островов, к востоку же от них – гипотетическую «Землю Гамы», которая, по его предположению, соединялась с Америкой. Только русские землепроходцы и мореплаватели к середине XVIII в. смогли развеять фантастические представления об этом районе и внести решающий вклад в его научное описание и картографию.

В последней трети XVIII в. после **разрешения**, полученного от правительства русскими землепроходцами и промышленниками, плавать на «дальние» Курильские острова открываются благоприятные возможности для всестороннего изучения и детального картографирования этого района. Большую роль в картографическом изучении Дальнего Востока сыграл Географический департамент Академии наук России, в работе которого участвовали такие видные ученые, как Л. Эйлер, а также И.Ф. Трескот, С.Я. Румовский, С.К. Котельников и др. Так, в 1776 г. И.Ф. Трескот составил генеральную карту

Иркутской губернии с нанесенными Иркутской, Якутской и Удинской провинциями, на которой Курильские острова, в том числе их южная часть, включены в состав территории России (рис. 21). В 1778 г. была подготовлена карта, получившая позднее название «Курильских островов генеральная». Эта карта отличалась от чертежей Курильских островов первой половины XVIII века легендой с подробным описанием каждого из

Рис. 21. Карта восточной части Иркутской губернии с изображением всех Курильских островов от Камчатки до Хоккайдо как части России

20 островов, вплоть до о. Шикотан, в районе которого уже побывали русские промышленники и землепроходцы, принявшие в подданство России большинство коренных жителей, взяв с них ясак. Карта подводит итог путешествиям на Курильские острова купцов П. Лебедева-Ласточкина, Г. Шелихова и Д. Шабалина и является важным источником по истории культурно-хозяйственного освоения этих островов русскими. Сведения, приведенные в легенде к этой карте, свидетельствуют, что Курилы не входили в состав Японии и японцы приезжали на самые южные из них только для торговли с курильцами. В легенде отмечено. «Уруп, на котором бывают мохнатые курильцы с других островов, с Девятнадцатого и Двадцатого (о-вов Итуруп и Кунашир. – К.Ч.), в апреле месяце для промыслу бобров, нерп, китов, а иногда и зимуют, лес березняк, ольховник, камышник, кедровник, сланец и прочей мелкий лес, на одном есть горящая гора и два озера, остров данной до 150 верст шириной до 25 верст... Кунашири, на оном острове живут мохнатые курильцы, лес такой же, кроме лиственницы, морского зверя всякого довольно, по берегам устрицы боле фута, кругло есть озера рыбны, в длину до 150 верст, в ширину до 50 верст. На оной остров со временем приезжают на морских судах, именуемых бусах, японцы для торгов с курильцами и меняют всякого жиру и японского мелочья»⁴². В 1796 г. эта карта была, очевидно, использована при составлении Атласа Российской Империи, изданного за несколько лет до учреждения официальной географической службы России.

Благодаря исследованиям В.М. Головнина, проведенным в южной части Курильских островов в 1811 г., были в значительной мере уточнены картографические очертания и географические координаты этих островов и лежащих между ними проливов, которые имели большие искажения по долготе. В результате этих исследований появилась совершенно новая, отвечающая современным требованиям «Карта островов Курильских» 1814 г., опубликованная в «Атласе» И.Ф. Крузенштерна (1826). В.М. Головнин внес исправления в картографические исследования Курил французского мореплавателя Ж. Лаперу-

за (1787), английского – В. Броутона (1797), а также русского – И.Ф. Крузенштерна, в частности очертания островов, расстояний между ними и их географического положения.

Японская картография региона получила новый импульс в своем развитии в середине 80-х годов XVIII века, когда, стремясь преодолеть нарастающий кризис феодальной системы, японское правительство взяло курс на освоение Хоккайдо, Сахалина и Курил и с этой целью перешло к политике насильственного вытеснения русских из южной части Курил. Однако искусственный характер этой антирусской политики виден хотя бы из того факта, что на «Карте северных окраин» Токунага Могами 1790 г. приводятся русские названия Курильских островов по их нумерации, начиная с Первого острова (о. Шумшу)⁴³. Эти названия стали известны Т. Могами от русских, зимовавших во главе с С. Извозовым на о. Итуруп. В конце XVIII – начале XIX вв. были составлены карты Курильских островов и о. Сахалин японскими исследователями этих районов Тадатака Ино (1800 г.), Риндзо Мамия (1809 г.), Такэсиро Мацуура (1851 г.) и др.

На «Общей карте важнейших морских границ великой Японии» 1854 г. Тохэя Кудо, подготовленной в ходе переговоров с японской стороной вице-адмирала Е.В. Путятина о заключении первого русско-японского договора (1855), граница Японии была проведена жирной чертой по береговой линии северо-западной и северной части острова Эдзо (Хоккайдо). Публикуя карту, известный историк картографии А. Фунакоси отмечает, что окончательное включение острова по договору в состав Японии рассматривалось как достижение японской стороны. Однако подобное суждение подрывает тезис японской историографии и пропаганды о том, что японская сторона всегда считала, будто Минами Тисима, т. е. южная часть Курильских островов, является «исконной территорией» Японии.

Западная картография до середины XIX века также придерживалась точки зрения, что не только Курилы и Сахалин, но и Эдзо не входят в состав Японии. Так, на немецкой «Карте Японского государства по оригинальным картам и астрономическим

наблюдениям Японии» (1840) она изображена как состоящая из трех главных островов – Кюсю, Сикоку и Ниппон (Хонсю)⁴⁴.

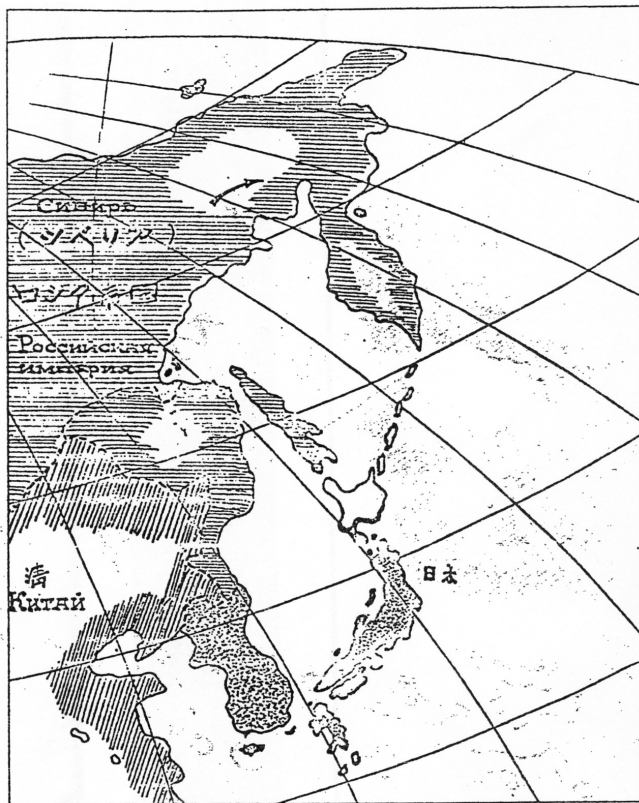
Как явствует из картографических материалов Японской исторической энциклопедии 1964 г., учебников по истории Японии, выпущенных в 1950–1960 гг., и географических карт Японии, Сахалина и Курильских островов, до конца 60-х годов XIX в.⁴⁵ национальной территорией Японии к северу от Хонсю являлась лишь узкая прибрежная полоса на о. Хоккайдо (рис. 22), ограниченная с северо-запада, севера и северо-востока тремя оборонительными линиями айнских городищ «тяси», созданных на естественных горных рубежах⁴⁶.

В 1855 г., оказавшись в трудном международном положении в период Крымской войны, Россия уступила Японии южную часть Курильских островов, а в 1875 г., в период Балканского кризиса – остальные Курильские острова в обмен на отказ Японии от притязаний на о. Сахалин.

Напомним, что сейчас Япония настаивает, что только уступленные ей Курильские острова (Тисима) в обмен на права Японии на Сахалин являются Курильскими (по-японски «Тисима рэтто», или «Тисима сёто», то есть Курильский архипелаг). В действительности же в тексте русско-японского договора 1875 г. говорилось о группе («группу») или гряде (по-японски «гунто») Курильских островов, то есть их северной части. Курильские острова состояли как из Северных Курил (Кита Тисима), так и из Южных Курил (Минами Тисима) (см. прилагаемую карту издания 1898 г.)⁴⁷

Позднее южная часть Сахалина была захвачена Японией в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. После разгрома японского милитаризма в 1945 г. исторические права Советского Союза на Курилы и южную часть Сахалина были восстановлены в соответствии с международными соглашениями.

С 20 сентября 1945 г. эти районы были провозглашены территорией СССР⁴⁸ и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 октября 1947 г. на картах Советского Союза были упразднены японские и восстановлены прежние русские географические названия некоторых остро-

Камчатка и Курильские о-ва изображены как территории, осваиваемые Россией, а о. Хоккайдо, за исключением самой южной части, как еще не освоенные Японией

Рис. 22. Фрагмент карты «Мир в XVII–XVIII вв.» из «Истории Японии» (Нихон-но рэкиси), том 12

вов и отдельных пунктов на Курилах и Сахалине. В ряде случаев была введена новая отечественная географическая номенклатура или сохранены айские наименования. С этого периода и на картах, например, США Южный Сахалин и все Курильские острова, в том числе острова Малой Курильской гряды, изображались как советская территория⁴⁹.

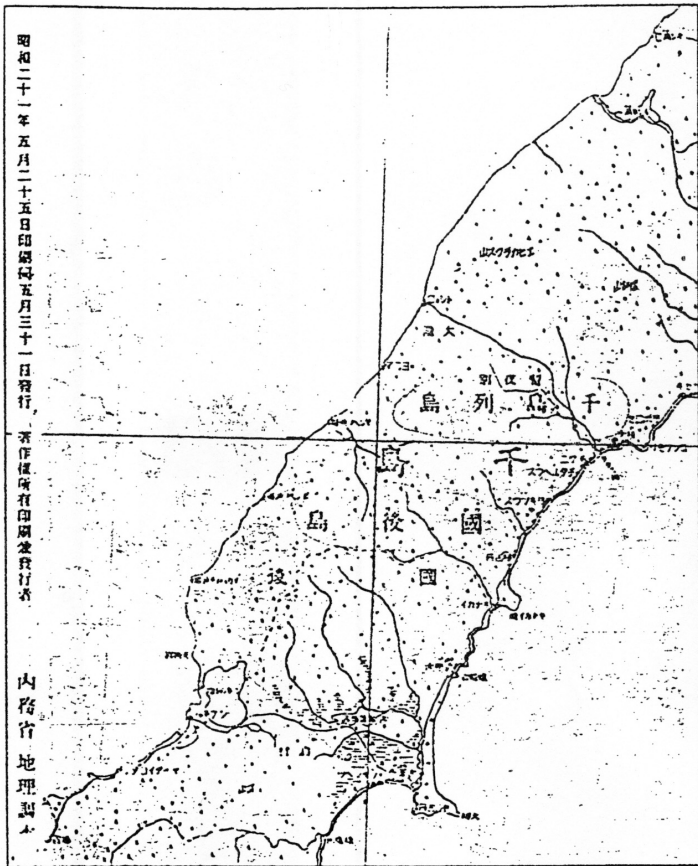
Острова Малой Курильской гряды, а также острова южной части Большой Курильской гряды Кунашир и Итуруп с прилегающими островами в официальной картографии Японии также стали изображаться как советская территория (рис. 19). Но с конца 60-х годов XX столетия, когда начали осуществляться на практике принципы гуамской доктрины президента США Р. Никсона, в соответствии с которыми Японии отводилась более активная роль в проведении их политики на Дальнем Востоке, такое обозначение островов на японских картах было пересмотрено.

В Лоции Южного Сахалина и островов Тисима (Курилы. – *К.Ч.*), изданной в марте 1937 г. гидрографическим департаментом министерства военно-морского флота Японии⁵⁰, в разделе 3 – «Южная часть островов Тисима» – записано: «В этом разделе дается описание южных островов Тисимэ, в число которых входят два больших острова – Кунашир и Итуруп, о. Суйсё (позже названные Хабомаи, или по-русски Плоские острова. – *К.Ч.*) и Шикотан». В разделе 1 этой же лоции указывается, что Курильские острова – это гряда высоких горных островов вулканического происхождения, состоящая из двух больших цепей островов. Первая цепь включает о-ва Кунашир, Итуруп, Уруп, Парамушир, идущие на северо-восток и юго-запад от точки, находящейся на середине воображаемой линии, соединяющей мыс Сиретоко и мыс Носаппу на острове Хоккайдо, до южной оконечности п-ва Камчатка; вторая цепь островов, идущая юго-восточнее параллельно первой, включает о-ва Броутон, Райкоке, Чиринкотан, Экарма, Маканруш, Ширинки, Алаид. Сюда же относятся о-ва Малой Курильской гряды и о. Шикотан, расположенные к северо-востоку от мыса Носаппу. В разделе 5 «Лоции Хоккайдо и Ю. Сахалина» подчеркнута, что о-ва Кунашир, Итуруп, Уруп вместе с Плоскими островами, а также о. Шикотан являются южной частью Курильских островов.

На картах, помещенных в 10-м томе Японской географической энциклопедии (1930), а также в географическом атласе Японии (1936) и в книге «Обзор географии и обычаев Японии» (1936) все острова Малой Курильской гряды показаны как вхо-

дящие в состав Курильских островов. В XIII томе Британской энциклопедии (1947) указывается, что в число главных Курильских островов входит о. Шикотан (рис. 23).

На переизданной 31 мая 1946 г. картографическим управлением министерства внутренних дел Японии черно-белой

О. Кунашир как часть Курильских о-вов «Тисима», от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г.

Рис. 23. Фрагмент карты Национального картографического управления от 31 мая 1930 г.

карте Японии масштаба 1 : 200 000 о-ва Кунашир и Итуруп (даже о. Шикотан в издании карты того же масштаба 25 мая 1930 г.) значатся в составе Тисима (Курильские острова). На целом ряде послевоенных карт Японии, утвержденных ее мини-

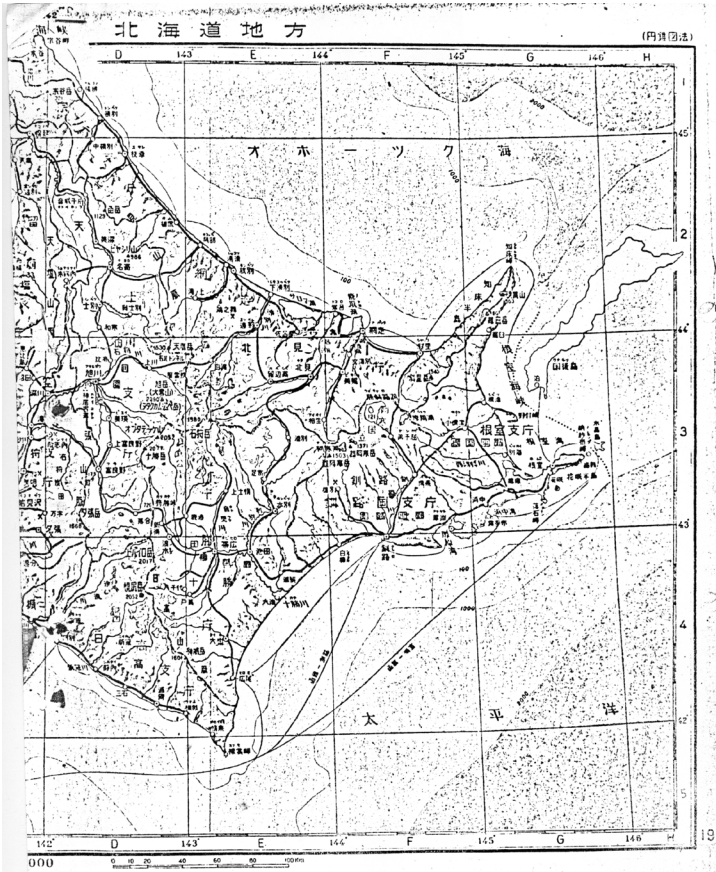

Рис. 24. Фрагмент карты района Хоккайдо из «Нового атласа по обществоведению» для средней школы (Тюто сякайка синтидзутё), 1952 г., одобренного Министерством просвещения Японии (пунктиром обозначена граница Японии между о-вами Кунашир, Хабомаи и Хоккайдо)

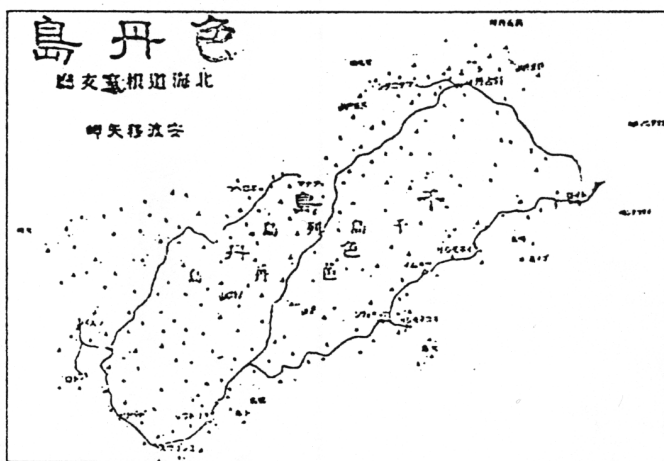
стерством просвещения, о-ва Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп отделены от самого северного острова Японии линией границы, причем на некоторых из них она отчетливо обозначена как линия государственной границы⁵¹ (рис. 24, 25).

Рис. 25. Фрагмент карты из атласа по обществоведению для средней школы (Сякайка тидзу), 1952 г., одобренного Министерством просвещения Японии (пунктиром обозначена граница Японии между о. Кунашир и о. Хоккайдо, а также между о. Шикотан и о-вами Хабомаи)

Отметим, что государственный секретарь США Дж. Даллес на пресс-конференции 28 марта 1951 г. заявил, что правительство США выступает против включения о-вов Малой Курильской гряды в состав Курильских островов, в отношении которых была достигнута договоренность по Ялтинскому соглашению 1945 г., не возразив, однако, против включения в их состав о. Шикотан (рис. 26).

大日本帝國陸地測量部
昭和五年五月二十五日陸地測量部第三十號
北海根道支友島

О. Шикотан как часть Курильских о-вов «Тисима», от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г.

Рис. 26. Фрагмент карты Национального картографического управления Японии от 31 мая 1930 г.

На XII сессии парламента 29 октября 1951 г. депутат Окамото в спецкомитете палаты представителей по вопросам мирного договора и японо-американского договора об обеспечении безопасности обратил внимание японского правительства на тот факт, что американская сторона «включает в понятие «Курильские острова (Тисима)» остров Шикотан»⁵².

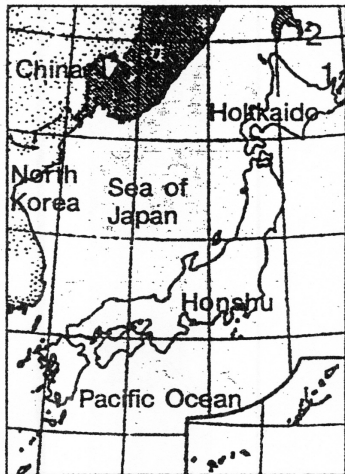
Из этого видно, что толкование официальными кругами Японии понятия «Курильские острова (Тисима)», как не включающих их южную часть, противоречит тому, что было зафик-

сировано на картах Японии в соответствии с ее административными актами (рис. 27).

Судя по материалам Международного общества учебной информации, занимающегося анализом изучения Японии в различных странах мира с целью исправления допущенных в учебниках ошибок (например, журнал «Джапан андерстэндинг», 1963, № 23), до конца 60-х годов XX века на географических картах большинства стран мира Курильские острова и Южный Сахалин изображались территорией, не принадлежащей Японии, или даже территорией Советского Союза (последнее и позднее на картах Южной Кореи 1998 г.)⁵³.

На географических картах Великобритании и Франции Южный Сахалин, о-ва Кунашир и Итуруп были показаны как территория СССР, причем на некоторых картах Южный Сахалин, острова Кунашир и Итуруп отделены безусловной границей, а острова Малой Курильской гряды и о. Шикотан отделены от Японии условной границей, в то время как на других картах такого различия не проводится. Такое же изображение встречалось и на картах ФРГ.

На географических картах Канады, Индонезии, Румынии, Югославии и Польши все Курильские острова и Южный Сахалин изображались как территория СССР. Кроме того, на многих зарубежных картах Японии северные пределы ее территории ограничиваются о. Хоккайдо без изображения Курильских островов.

Understanding Japan. Tokyo, 1968, № 13

Рис. 27. Физическая карта Японии (США) с обозначением южной части Курильских островов и Сахалина

Таким образом, на географических картах подавляющего большинства стран мира, в том числе и США, за некоторыми исключениями (острова Малой Курильской гряды), Курильские острова и южная часть о. Сахалин изображались в указанный период как территория нашей страны.

Краткий обзор изображения Курильских островов в XVII–XX вв. на зарубежных картах позволяет сделать вывод о приоритете России в географо-картографическом изучении и хозяйственно-культурном освоении островов.

3. О границах России на Дальнем Востоке на учебных картах по отечественной истории и новой истории 1987–1988 годов и в атласах отечественной истории 2002–2003 годов

Вопрос об исторических границах Советского Союза неизбежно встанет в процессе улучшения отношений России с Японией и Китаем.

В связи с этим ошибки и неточности, противоречия и пропуски в изображении исторических границ нашей родины являются объектом пристального внимания ученых и политических кругов в этих странах. Об этом свидетельствует, например, выпущенная в 1968 г. в Саппоро к 100-летию освоения Хоккайдо, иллюстрированная широкоформатная брошюра «Верните северные территории», в которой были помещены картосхемы из атласов по истории СССР с упомянутыми недоработками. Эти неточности явились предметом обсуждения в японском парламенте и могут отрицательно сказаться на авторитете соответствующих отечественных официальных учреждений.

1) Границы России с Японией и Китаем

В Атласе «Отечественная история с древнейших времен до конца XVIII века» (М.: Федеральная служба геодезии и картографии, 2003. С. 8), как и в «Атласе по истории СССР, 4 класс»

(М.: ГУГК при Совете Министров СССР, 1988. С. 5, 6), азиатская часть территории России в XVII в. за в XVIII в. почти полностью отсутствует. На картах в тех же атласах, посвященных росту территории России в XIX в. (2003. С. 11) и с середины XVI в. до 1914 г. (1988. С. 8), все Курильские острова, включая южную часть до берега Хоккайдо, показаны как находящиеся у России до 1875 г., хотя известно, что по русско-японскому договору 1855 г. эта их часть была уступлена Японии, что используется Токио в качестве предлога для реваншистской кампании за ее отторжение от России.

На картах (соответственно на с. 14 и с. 8) показаны походы в XVII в. С. Дежнева и Е. Хабарова вдоль будущих границ с Китаем, но не показаны походы Ф. Чюкичева, В. Атласова и И. Козыревского на Камчатку и Курильские острова, не говоря уже о плаваниях русских у берегов Сахалина и Курил, что имело важное значение для установления границ с Японией и Китаем. А устаревшая версия плавания Ф. Попова вокруг Камчатки у Северных Курил показана как реальная. Государственная граница России проведена через середину Сахалина с окраской в светло-зеленый (1988 г.) или светло-желтый (2003 г.) цвет как территория России до 1689 г., – даты Нерчинского русско-китайского договора, по которому граница на Сахалине не устанавливалась и сам остров в договоре даже не упоминался. Да и в принципе проведение границ с одним государством Японией по договорам с другим государством (Китай), в которых они не указываются, является вообще методологически совершенно неправильным.

Те же ошибки повторены на контурных картах в упомянутых атласах 2003 г. (с. 10) и 1988 г. (с. 13) (для 7-го класса в 1988 г.). Так, например, на картах «Рост территории России в XVII в. Народы Сибири и Дальнего Востока» приведено в 2003 г. задание 3: «Обведите границы Российского государства в начале XVII в.», а в 1988 г. – задание 6: «Закрасьте территории, вошедшие в состав Российского государства в XVII в. (до 1689 г.)», причем граница России и Японии на Сахалине обозначена в районе 50° с.ш., что неверно. Границы же в районе

Курил нет. Можно было бы отнести последнее обстоятельство за счет того, что составители школьных карт решили не обозначать морские границы, хотя и такой подход представляется неоправданным, но на «Карте мира» для 4-го класса морская граница между СССР и Японией в районе между о. Хоккайдо и южной частью Курил обозначена вполне отчетливо. В противоречие с этим на упомянутых картах (2003 г. С. 14 и 1988 г. С.14) для того же класса в Атласе истории СССР «Рост территории России в XVII в. Народы Сибири и Дальнего Востока» государственная граница на Сахалине не показана, что соответствует действительности, но обозначение южной части Сахалина как осваиваемой русскими является недостоверным. В Атласе для 4-го класса помещены карты «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» (с. 12–13), однако на них показаны лишь события в Европе, а освободительная миссия Советской армии на Дальнем Востоке, связанная с разгромом милитаристской Японии, отражения не получила. На наш взгляд, такое однобокое изображение важнейших событий в истории СССР и всемирной истории нуждалось в исправлении, и оно было сделано во врезке к соответствующей карте в атласе «Отечественная история – XX в.» (М., 2003. С. 19).

На карте в Атласе новой истории 1988 г. для 8-го класса «Национально-освободительное и антифеодальное движение в странах Азии. Индия, Китай и Япония в XIX в. (до середины 60-х гг.)» весь Сахалин окрашен в серый цвет России, что в отличие от коричневого цвета Японии означает нераздельную принадлежность России, хотя в это время он по русско-японскому договору 1855 г. являлся не разделенным между Россией и Японией. По Санкт-Петербургскому договору 1875 г. вновь приобретенные права на о. Сахалин были получены Россией в обмен на гряду Курильских островов (от Камчатки до о. Уруп включительно), которые на этой карте отсутствуют. Их необходимо было показать как территорию России.

На карте в Атласе новой истории для 8-го класса «Страны Азии с середины XVII в. до 70-х гг. XIX в.» дано задание «обозначить границы Китая и Индии на 1870 г.», но аналогичного за-

дания на 70-е годы XIX в. для Японии, когда происходили важные изменения границ России с этим государством, не дается.

В Атласе «Отечественная история. XIX век» (М., 2002) на карте «Военные действия... на Дальнем Востоке в 1854–1856 гг.» не показан захват англо-французской эскадрой российского о. Уруп на Курилах (с. 5), на карте «Развитие капитализма в России с 1861 г.» весь о. Сахалин, не разделенный с 1855 г. между Россией и Японией, показан как российский (с. 5, 7). Так же неточно показан о. Сахалин в этом Атласе на с. 6, 9. В Атласе истории СССР для 8-го класса все Курильские острова, включая южную часть, показаны как русские до 1875 г. (М., 1988. С. 11), Сахалин – как территория России, хотя в 1855–1875 гг. он сначала считался неразграниченным, и затем с 1867 г. находился в совладении России и Японии, а высадка англо-французских войск в районе Сахалина и Курил на карте Дальнего Востока, отражающая события Крымской войны 1853–1856 гг., не получила никакого отражения (с. 5). То же относится к аналогичным контурным картам по истории СССР для 8-го класса (М., 1987. С. 7). На карте того же Атласа «Важнейшие русские экспедиции в XIX в.» (с. 10) в связи с изменением границ с Китаем в середине XIX в. и Японией в третьей четверти XIX в. надо указать в легенде дату обозначения границ, как это сделано там же на карте «Российская империя в XIX в.» (с. 11).

В Атласе новой истории для 8-го класса (М., 1987. С. 1) на карте «Мир в середине XVII в.» Приморье, Сахалин, Курилы, Хоккайдо и Камчатка середины XVII в. окрашены в тот же цвет, что и Япония, вместо другого цвета или нейтрального белого, а на карте «Индия, Китай и Япония в XIX в. (до середины 60-х гг.)» о. Сахалин обозначен как имеющий статус территории Российской империи (с. 15). На картах «Страны Азии с середины XVII в. до 70-х гг. XIX в.» и «Мир в 1870 г.» («Контурные карты по новой истории для 8-го класса», М., 1987. С. 13, 16) граница между Россией и Японией между южной и средней частями Курил не показана. На контурной карте «Мир в середине XVII в.» через северную часть Хоккайдо ошибочно проведена точечным пунктиром такая же линия, как

и вдоль южного предела неразграниченного пространства (там же. С. 1). Та же ошибка повторена на «Контурных картах по истории Средних веков для 6-го класса» (М., 1988. С. 9), а в «Атласе истории Средних веков», 6-й класс (М., 1988. С. 15), на карте «Географические открытия и колониальные захваты в XV – середине XVII в.» большая часть Хоккайдо обозначена как захваченная Японией, хотя ей принадлежала лишь узкая полоска земли на юге этого острова.

В Атласе «Отечественная история. XX век» (М., 2003) на карте Российской империи в начале XX в. (с. 1) Ю. Сахалин показан как японский, хотя он был российским до сентября 1905 г., а Курильские острова – как японские, хотя на Портсмутской конференции в 1905 г. министр иностранных дел Японии Д. Комура заявил, что все прежние договоры с Россией аннулированы в результате Русско-Японской войны, а поэтому и вопрос о принадлежности Курил к Японии по договору 1875 г. юридически остался не определенным (рис. 28).

По этому договору Южный Сахалин отошел к Японии, а все предшествующие русско-японские договоры, по заявлению японской стороны, в результате войны прекратили свое действие.

Рис. 28. 1905 год. Государственная граница по Портсмутскому мирному договору

Это относится также к картам на с. 2, 5, 18 и соответствующим контурным картам.

На карте «Русско-Японская война 1904–1905 гг.» в Атласе истории СССР, 9–10 классы (М., 1987. С. 2), на карте «Китай и Япония в конце XIX – начале XX в.» в Атласе новой истории, 9 класс (М., 1987. С. 6) в отличие от старых русских карт не показана полоса отчуждения КВЖД и поэтому остается неясным, каким образом могли начаться военные действия между Россией и Японией в 1904 г. на территории, обозначенной как территория Китая к северу от Ляодунского полуострова, арендованного русским правительством в конце XIX в. у Китая. Не дано соответствующее задание и в «Контурных картах по истории СССР для 9–10-х классов» (М., 1988. С. 2). В Атласе новой истории, 9-й класс (М., 1987. С. 9) все Курилы, а не только северная и средняя части этих островов ошибочно показаны как территория России, а на «Контурных картах по новой истории для 9-го класса» (М., 1988. С. 4) не показана русско-японская граница между Сахалином и Хоккайдо, хотя эта граница в том же районе отчетливо обозначена, например, на «Контурных картах по истории СССР» для 9–10 кл. (Л., 1988. С. 24), так же, как и госграницы других государств.

На карте по истории СССР для 8-го класса «Российская империя в XIX в.», начиная от изображения о-вов Кунашир, Итуруп и Шикотан, помещена надпись «Курильские острова» (русские до 1875 г.), хотя еще по упомянутому русско-японскому договору 1855 г. эта часть Курил отошла к Японии. Указав чертой, до которой Курилы (в действительности их средняя и северная части) являлись в XIX в. **территорией России**, составители карт не сделали аналогичных помет на изображении Сахалина, полный суверенитет над которым Россия приобрела в 1875 г. (по договору 1855 г. с Японией он был признан неразделенным). На карте по истории СССР для 8-го класса «Российская империя в XIX в.» дано задание: «Обведите границы Российской империи в конце XIX в.», но сами эти границы в районе Сахалина и Курил в отличие от других районов России не показаны.

На карте для 9-го класса «Раздел мира империалистическими державами. Начало борьбы за передел мира» все Курильские острова к северо-западу от японского о. Хоккайдо изображены как: «Русские до 1875 г. Японские с 1875 г.», хотя их южная часть была признана Россией как принадлежащая Японии в 1855 г. Южный же Сахалин обозначен: «русский до 1905 г.» без указания, что он стал русским в 1875 г., как это сделано в отношении японских владений на Курилах.

2) Границы России с Китаем

По картам в атласах истории СССР 1987–1988 гг. для 4-го и 7-го классов «Территориальный рост России с середины XVI в.», как и по картам в Атласе отечественной истории с древнейших времен до конца XVIII в. (М., 2003 г.) «Россия с конца XVII в. по 60-е годы XVIII в.», где изображена только европейская часть, представить изменения границ России с Китаем не представляется возможным. И этот недостаток, как и другие, отмеченные ранее, требует исправления.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ РОССИИ С КИТАЕМ В XVII–XXI ВЕКАХ

1. Несостоятельность концепции «утраченных территорий» Китая в отношении пограничных районов российского Дальнего Востока

На дальневосточные территории России выдвигаются претензии не только в японской, но и в китайской историографии. И в Токио, и в Пекине на свой лад культивируется одна и та же версия об «исконной принадлежности» одних и тех же районов, в частности о. Сахалин и Курил, что уже само по себе свидетельствует о ее противоречивости. Китайские историки утверждают, что эти острова, как и Приамурье, Приморье и Камчатка, издавна находились в сфере влияния Китая и поэтому в настоящее время отнесены к разряду «утраченных территорий». При этом, руководствуясь сугубо политическими установками, китайские ученые, следуя за официальной линией китайского руководства, утверждают, что Курильские острова в свое время незаконно перешли во владение Японии, а теперь якобы незаконно удерживаются Россией.

Самые ранние более или менее определенные китайские сведения о коренных жителях Нижнего Приамурья, Сахалина, Курильских островов и о. Хоккайдо встречаются в сборнике эпохи Тан (610–907) «Тан хуэй яо» (том 98). В ней говорится:

«На северо-восток от племени хэйшуй (букв. Черная река, то есть река Амур. – К.Ч.) обитает племя сымо мохэ. Если проехать в течение более 10 дней на северо-восток, то доберешься до чунли мохэ, еще 10 дней пути на северо-восток приведут к куе мохэ, которых также называют куе; и проехав на юго-восток в течение еще 10 дней доберешься до мой каи¹ и мохэ²». Этот фрагмент дает нам сведения о нанайцах, тунгусах-самагирах (сымо мохэ), нивхах, или гияках (чунли мохэ, или гиле мохэ) и айнах. Он повторяется в хронике эпохи Тан «Синьтаншу» (том 219), причем там говорится, что указанные племена не платят дань в отличие от других племен Северо-Востока, которые время от времени не приносят ее ко двору китайского императора только потому, что «просто не могут сделать этого» (по-видимому, из-за удаленности от столицы и препятствий в пути со стороны других племен). В той же хронике упоминается, что вождь племени люгуй прислал в 640 г. ко двору китайского императора Тайцзуна своего сына Коеюци, который преподнес ему в дар соболей, за что ему было пожаловано воинское звание.

В другом более раннем историческом сочинении танского Китая «Тунцзянь» (том 200) содержится прямое утверждение, что дары Коеюци рассматривались в Китае как дань.

Этот единственный из зафиксированных в китайской истории случаев принесения даров народами бассейна Охотского моря некоторыми китайскими, японскими и американскими историками абсолютизируется и изображается как свидетельство подвластности Китаю всей прибрежной Северо-Восточной Азии. Однако в действительности запись в данной хронике лишь отражает традиционную китаецентристскую трактовку взаимоотношений с другими народами как отношений сюзерена с вассалами.

Что же касается этнонима люгуй, то отнесение его в большинстве случаев китайскими, японскими, а вслед за ними и западными историками к айнам – аборигенам Сахалина также представляется сомнительным. Например, в упомянутой танской хронике «Синьтаншу» в разделе о вос-

точных варварах говорится: «Люгуй обитают в 15 тыс. ли от столицы Китая к северо-востоку от хэйшуй мохэ на севере малого моря. Эта сторона, окруженная с трех сторон морем, теряется в беспредельных просторах Севера. Ее жители разбросаны также на различных островах».

Судя по расстоянию от низовьев Амура и описанию этой страны как суши, окруженной с трех сторон морем с прилегающими островами, скорее всего здесь имеется в виду не о. Сахалин, а п-ов Камчатка с прилегающими к нему Курильскими островами. К тому же, поскольку юг Камчатки являлся районом контакта камчадалов с айнами, и последние обитали также на Курильских островах, то люгуй, на наш взгляд, не без основания рассматривается некоторыми учеными как китайская транскрипция лаэр куи, или лэр куи (аббревиатура от килэр /гиле/ куи, то есть тунгусских куев /айнов/), под которыми в тот период подразумевались, по-видимому, камчадалы. Некоторые ученые возражали, что китайцам в то время были известны племена Камчатки, но не известны племена более близкого, лежащего в устье р. Амур о. Сахалин. Однако эти возражения несостоятельны, так как к последним относятся в данном случае упомянутые выше куе мохэ.

В подтверждение версии китайской официальной концепции о подвластности в прошлом айнов Китаю приводятся сведения о племени маоминь (букв.: волосатые), известных по каталогу гор и морей «Шаньхайцзин» (IV–III вв. до н. э.), а позднее по даосскому памятнику «Хуайннаньцзы» (II в. до н. э.) к хронике «Троецарствие» (III в. до н. э.)³. Однако усматривать в полумифических сведениях, содержащихся в этих памятниках, исторические данные о предках айнов бассейна Нижнего Амура, используя их в качестве довода о первоначальных правах Китая на остров Сахалин и Курильские острова, было бы, как правильно считает Дж. Стефан, нелогично.

Обращает на себя внимание рассмотрение в «Каталоге гор и морей» «предков айнов» как обитателей разных регионов, что не позволяет идентифицировать их с какой-либо одной реальной народностью. Комментатор памятника Э.М. Яншина, в

переводе которой приведены интересующие нас фрагменты, пишет, что в первом случае имеется в виду, возможно, одна из народностей Юго-Восточной Азии, а во втором – потомки мифического героя Юя, победившего бога Воды (Разливов) во время легендарного Великого Потопа.

Находки же на Сахалине китайских стеклянных бус и серег периодов Суй (581–618), Тан (618–907) и Сун (960–1279) и медных колоколов периодов Ляо (907–1123) и Цзинь (1114–1234), на которые ссылаются китайские ученые, свидетельствуют лишь о торговых связях местных племен с Китаем, скорее всего через посредство других племен, но отнюдь не доказывают тезис о его политическом влиянии и тем более о перемещении в низовья р. Амур границ Китая, которое, в соответствии с китайской версией, сопровождалось сбором дани в пункте у слияния Сунгари с Амуром не только с племен низовья Амура, но и, возможно, с племен Сахалина, посылавших их сюда.

Принадлежность Нижнего Приамурья и Сахалина Китаю «обосновывается» в современной китайской историографии также походами монголов с размещением сторожевых постов, которые, захватив власть в Китае, основали династию Юань (1279–1368). При этом ссылаются на их поход в низовье р. Амур и на Сахалин в 1263–1264 гг., то есть до основания династии Юань, в результате которого, судя по версии китайской хроники «Юань ши» (тома 5, 8, 11, 13, 30, 91), нивхи этого района и Сахалина были поставлены в вассальную зависимость от монголов, начат процесс подчинения айнов, которые оказали захватчикам упорное сопротивление, длившееся до 1303 г. «Права» Китая на Сахалин и Приамурье «подкрепляются» тем, что в состав монгольских войск в этих районах входили также китайцы. Но слабость этого аргумента становится очевидной, если учесть, что в состав татаро-монгольских войск, совершавших далекие походы, по свидетельству корейских послов в столице Китая, в тот период входили не только насильственно мобилизованные китайцы, но и воины других коренных народов Монгольской империи, в том числе и «русские полоненики». Кроме того, период монгольского господства со

сбором дани с аборигенов продолжался всего несколько лет – до 1320 г., после этого монгольские войска из-за упорного сопротивления местных племен вынуждены были уйти с Сахалина и из бассейна р. Амур.

Последующие походы из Китая в Нижнее Приамурье и на Сахалин были еще менее успешными, несмотря на то, что китайцы, как это видно, например, из хроники «Ляо тунчжи» (том 9), по-прежнему в соответствии со сложившейся традицией рассматривали как дань меха, которые они получали в обмен на бусы и шелк от местного населения. При этом в отличие от периода монгольского владычества главный упор китайские власти сделали на попытках усиления культурного влияния в этих районах.

Указ императора Тайцзу 1387 г. о восстановлении сторожевых постов в низовьях Амура реализован не был, а образованный в 1409 г. Нурганьский административный округ включал в свои пределы низовье р. Амур и Сахалин только номинально. Отсутствие здесь у китайских властей реальной власти подтверждается разрушением нивхами в 1412 г. китайской кумирни, построенной в 1409 г. на Тырских высотах у впадения Амгуни в Амур. Кумирня не восстанавливалась вплоть до прибытия сюда китайской миссии в первой половине 30-х годов XV в.

Начиная с середины XV в. и до XVII в. **представители администрации минского Китая** вообще не появлялись не только на Сахалине, но и в нижнем течении р. Амур.

Попытки проникнуть в эти районы возобновились в начале XVII в. маньчжурами еще до завоевания ими Китая (в 1644 г.). В 1607 г. они создали свой военный форпост в Сансине, а затем продвинулись по р. Сунгари и р. Уссури к устью Амура, совершив в 1617 г. нападение на Сахалин.

Но эпизодические набеги маньчжуров с точки зрения международного права не имеют никакого отношения к «правооснованиям» Китая на Приамурье, Приморье (Уссурийский край) и Сахалин, поскольку целью набегов, как уже было указано, являлось не приобретение территорий, а их опустошение и захват пленных для пополнения своих войск.

Китайская версия о первооткрытии Сахалина поддерживается также в западной буржуазной историографии. Так, говоря о завоевательном походе армии династии Юань в устье Амура и на о. Сахалин в 1308 г. американский профессор Дж. Стефан утверждает, что вплоть до конца XVIII века эти районы якобы находились под сюзеренитетом Китая, и поэтому ссылка русских историков на первооткрытие Сахалина, которое может рассматриваться как правооснование для владения этим островом, является необоснованной. Не утруждая себя необходимым для читателей разъяснением, что эта армия, именуемая китайской по названию династии Юань, представляла собой армию монгольских покорителей китайского и соседних с ним народов, американский востоковед отождествляет номинально существовавший, по всей видимости в течение непродолжительного времени, сюзеренитет монгольской династии чингизидов над частью о. Сахалин с сюзеренитетом Китая над всем островом. Однако известно, что сюзеренитет никоим образом не является сюзеренитетом, ибо это один из видов международного попечительства в отношении территорий, которым присуща внутренняя независимость.

Известно также, что если то или иное государство не превращает свое первичное правооснование на территорию в реальное правооснование путем ее эффективной оккупации и организации управляющей власти, это основание утрачивается и, как правило, переходит к другому государству.

Отсюда следует, что аргументация американского ученого в отношении исторических прав Китая на Сахалин, Приамурье и Приморье неубедительна. Дело прежде всего в том, что ссылки автора относятся к периодам, когда Китай был завоеван чужеземцами (монголами, а затем маньчжурами), которые совершали набеги на Сахалин. Д. Стефан без каких бы то ни было оговорок присоединяется к концепции, в настоящее время модной в США, в соответствии с которой, где бы за пределами «Великой китайской стены» китайцы ни взымали дань с тех или иных племен или народов, она рассматривается как признание одной из форм сюзеренитета Китая. Истина, однако,

состоит в том, что часто это было не взимание дани, а лишь обыкновенная деятельность торговых постов при полном отсутствии власти Китая.

После свержения власти монголов в Китае попытки династии Мин (1368–1644) распространить свое политическое влияние на низовье Амура и Сахалин успехом не увенчались.

Выход же русских в район прилежащий к Сахалину, относится к 1640 г., когда отряд Нехорошко Иванова Колобова – часть отряда Ивана Юрьева Москвитина побывал в заселенных нивхами (гиляками Шангарских островов «гиляцкой орды») – о-вах Удд (о. Чкалова) и Лангр (о. Байдукова).

«А морем шли с вожами (проводникам. – К.Ч.) подле берег к Гиляцкой орде островам... – говорилось в отчете об этом походе. – И Гиляцкая земля объявилась, и дымы оказались»⁴.

При этом И. Москвитиным ставилась задача, приискав «неясашные земли», «тех людей подвести под... государеву руку»⁵.

В 1645 г. сведения о визуальном открытии Сахалина привез в Якутск спутник В. Пояркова М. Тимофеев из устья р. Амур⁶. Уже в 1652 г. казакам отряда С.В. Полякова «клятву на верность» России в его устье давали нивхи «с моря», то есть с Сахалина⁷. Они первыми сообщили русским о своих южных соседях на Хоккайдо – японцах⁸.

В 1655–1656 гг. местные жители из сел Западного Сахалина Чангни, Мангаль, Танги и Дуи вступили в русское подданство и начали платить натуральную подать отряду Онуфрия Степанова Кузнецца⁹. Кроме того, появление русских на этом острове в 1650 г. отмечается в довоенной многотомной «Японской исторической энциклопедии» (с. 690).

2. Территориальное размежевание России с Китаем и его отрицательное влияние на формирование ее границ с Японией

Несмотря на достигнутые соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее вос-

точном участке от 16 мая 1991 г., в неофициальном порядке в КНР по-прежнему выдвигаются неравноправные для России договоры с Китаем, начиная с первого русско-китайского Нерчинского договора 1689 г., по которому, по утверждению китайской стороны, граница проходила по Становому хребту так, что в пределах Китая оказывались 1,5 млн. кв. км российской территории, в том числе Камчатка и Хабаровский край, якобы отторгнутые Россией у Китая в середине XIX века¹⁰. При этом не учитывается, что еще в 1654 г. в Приамурье после походов В. Пояркова (1643–1646 гг.) и Е. Хабарова (1649–1653 гг.) было образовано Даурское воеводство, началось его заселение казаками отрядов П.И. Бекетова, Ф.М. Пущина и др., и эти районы получили свое изображение на русских (например, С.У. Ремезова 1699 г.) и, по русским данным, зарубежных картах XVII в.

После того как в середине XVII в. на Сахалине появились первые русские землепроходцы, которым местные жители стали давать присягу на верность России, первые русские поселенцы начали обживать западные районы острова, прилегающие к устью р. Амур.

В 1713 г. упомянутый ранее дипломат Ф.С. Салтыков предложил Петру I основать на «Амуре-острове», то есть на о. Сахалин, опорные пункты для закрепления этой территории за Россией и создания морской базы для торговли с Японией и Китаем.

В одной из последних довольно обстоятельных работ по истории российско-китайской границы, подготовленных в Институте Дальнего Востока РАН¹¹, приводятся цитата и комментарий к ней о русско-китайской границе по Нерчинскому договору 1689 г., по сути дела, не отличающиеся от позиции КНР по этому вопросу: «Русские послы настаивали на том, чтобы граница проходила по горам, которые ближе всего расположены к Амуру»¹². «Этими горами, – заключает кандидат филологических наук И.Т. Мороз, – мог быть только Становой хребет, на котором находятся истоки Большой Горбицы»¹³. По нашему мнению последнее утверждение не соответствует действительности¹⁴.

Взаимоотношения Китая и России, имеющих общую государственную границу, после их территориального сближения, которое произошло в конце XVII века, были осложнены притязаниями Китая на российские дальневосточные территории, которые в результате задержали продвижение российских землепроходцев и мореплавателей в сторону Японии и открытие и освоение смежных с нею районов Приморья, Сахалина и значительной части Курильских островов. При этом китайское руководство даже в 60–80-х годах XX в. ссылалось прежде всего на русско-китайский договор 1689 г. Хотя основной пограничный ориентир этого договора – от верховьев реки Амур по «каменным горам» – был определен неясно¹⁵, но в целом он проходил от верховьев р. Амур по «каменным горам», ближайшим к этой реке, то есть цепи гор Сохтакан – Тукурингра – Джагды. С 90-х годов XX в. эти требования о возврате Китаю территорий к востоку от озера Байкал, в том числе п-ов Камчатка, были заменены на понятие территориальных долгов России и получили распространение в китайской печати и исторической литературе.

О «захвате» Россией у Китая по несправедливым, неравноправным договорам середины XIX в., вопреки Нерчинскому договору, 1,5 млн. кв. км утверждали не только в самом Китае его высшие руководители, но и в китайской прессе, издающейся в нашей стране¹⁶.

В ряде случаев китайские историки шли и идут даже еще дальше вслед за Хуа Циюнем, который являлся автором книги «Границы Китая» (Чжунго бяньцзян»), изданной в Шанхае в 1932 г., который стремился доказать исторические права китайцев на территории китаизированных народов Сибири, Средней Азии, Афганистана, Индии и Вьетнама. В трижды публиковавшейся в 1969–1972 гг. книге его последователя Чэн Фажэня «Исследование карт китайско-русской границы» («Чжун э гоцзэ тукао») утверждается, что вся Сибирь в период Юань (монгольской династии Китая) входила в состав династии как владение хана Удэгэя. Попутно отмечается, что и Восточная Европа была покорена династией Юань и нахо-

дилась в XIII–XIV вв. под властью этой династии как один из ее улусов и «великое единство мира», которое «выражает в общих чертах и процесс развития границ нашей родины», все более приближается¹⁷.

«В большинстве исследований по истории России и российско-китайских отношений продолжает приводиться схема, выработанная еще Хуа Циюнем и развитая в годы китайско-советской конфронтации...». Так в академической «Истории Сибири» («Сиболия ши»), изданной в провинции Хэйлунцзян, под общ. ред. проф. Сюй Цзиньсюэ в 1991 г., Нерчинский договор характеризуется как остановивший на Дальнем Востоке экспансию царской России, а русско-китайские договоры **середины XIX в. – как неравноправные, отторгнувшие у Китая его обширные территории**¹⁸.

В связи с этим представляется целесообразным уточнить некоторые моменты, связанные с ходом переговоров о заключении данного договора, и проанализировать, как они интерпретировались в русской, китайской и западноевропейской картографии XVII–XVIII вв.

Для России конец XVII века явился периодом ожесточенной борьбы с Турцией. Естественно, что в то время она не могла уделять должного внимания защите своих дальневосточных границ, тем более, что колонизация окраинных земель была главным образом вольная крестьянская, а не правительственная. В Китае же дело обстояло по-иному. Там в 1644 г.¹⁹ пришла к власти новая, маньчжурская династия Цин, которая, укрепившись в центральных и южных районах страны, стремилась расширить свои владения на северо-востоке, то есть вблизи своей вотчины. К тому же силы русских в Приамурье были ограничены и значительно удалены от центральных районов, а Цинский Китай располагал крупными воинскими формированиями, которые обеспечивали ему решающий перевес и были ближе расположены к своей метрополии.

В конце концов основатели династии Цин развязали агрессивную войну против России. Военные действия они предприняли под благовидным предлогом обеспечения безо-

пасности Маньчжурии – родины цинской династии – с целью создания в Приамурье буферной зоны из полувассальных территорий (так называемых земель сковывания сил).

Летом 1689 г. после самоотверженной обороны г. Албазина, расположенного в верховьях р. Амур, от «сильно превосходящих по численности войск противника» по предложению русской стороны в Нерчинске начались переговоры о заключении мира. Территориальное разграничение между Россией и Китаем явилось предметом наиболее острых споров в ходе этих переговоров.

Угроза столкновения Китая с Джунгарией после захвата ее войсками части территории союзников Китая – феодалов Северной Монголии обусловила также и его заинтересованность в урегулировании территориальных споров с Россией. Однако при этом Китай стремился в максимальной степени использовать свой военный перевес в Приамурье.

В результате поисков карт этого района, предпринятых японским историком Кинъити Ёсида, была обнаружена Карта Гиринаского Девятиречья, хранящаяся в Центральной национальной библиотеке в Тайбэе (Тайвань). Эта карта (рис. 29) с изображением реки Амур и районов, расположенных к северу от него, была создана цинским полководцем Лантанем – одним

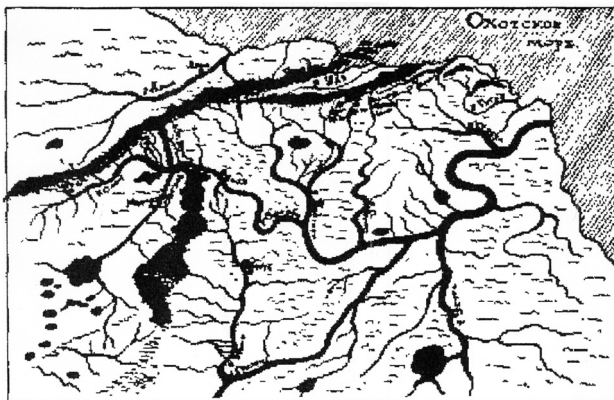

Рис. 29. Карта Гиринаского Девятиречья 1690 г.

из представителей китайской стороны на переговорах о заключении мира в Нерчинске.

По всей видимости, эта карта была составлена в 1690 г., так как на ней изображен острог Мерилке на левом берегу реки Аргунь, куда он был перемещен (в соответствии с Нерчинским договором) с ее правого берега в 1690 г., но отсутствует укрепленный пункт Цицикар, построенный в 1691 г. Поэтому данная карта скорее всего не является одной из тех, которые использовались китайской делегацией в Нерчинске, а представляет собой вариант с исправлениями, внесенными в 1690 г.²⁰

У русской стороны, в свою очередь, имелся «Чертеж р. Амур 1699 года» (рис. 30). Правда, это был не тот чертеж,

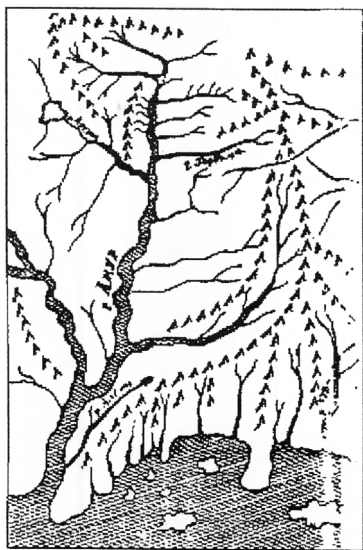

Рис. 30. Чертеж р. Амур 1699 г.

который использовался на переговорах, а карта, приложенная к отчету осматривания местными жителями Нерчинского договора. Отчет был подготовлен по распоряжению правительства Сибирским приказом. Поскольку две копии упомянутого чертежа, хранящиеся в Москве и Париже, были сделаны чиновником по фамилии Петелин²¹, на них обычно ссылаются, как на «чертеж Петелина».

Этот чертеж был выполнен через 10 лет после заключения Нерчинского договора, однако предполагается, что при его составлении использовалась карта, которая фигурировала при заключении этого договора, ибо только на ней и в отчете русского посла Ф.А. Головина приток Амура р. Ольхой упоминается под названием «река Одекон». При этом

на упомянутой карте имеются все географические названия, на которые ссылались обе стороны в ходе переговоров²². Хотя историк Г. Каэн в 1912 г. утверждал, что «районы к востоку от р. Лены и к северу от р. Амур вряд ли были обследованы, не говоря уже о том, чтобы их зафиксировали на карте»²³, не вызывает сомнения, что, по крайней мере, в ходе переговоров о мире стороны пользовались картами.

При заключении Нерчинского договора русская сторона подготовила свой проект на латинском и русском языках, а китайская – на латинском и маньчжурском, и после сличения двух латинских текстов послы обеих сторон подписали и обменялись латинскими экземплярами договора. Тексты на русском и маньчжурском языках были подписаны только послами той стороны, которая готовила соответствующий текст. Каждый из них был передан противоположной стороне²⁴.

В настоящее время сохранились только те экземпляры (латинский и маньчжурский), которые были получены русской стороной. Латинский и русский тексты договора, полученные китайской делегацией, утрачены. Кроме того, в Россию была доставлена копия русского текста договора²⁵. При сопоставлении упомянутых трех вариантов текста между ними обнаруживаются значительные расхождения, однако смысл договора, под которым подразумевается текст на латинском языке, сохранен полностью. Поэтому представляется правомерным признать в качестве официального текста договора латинский текст, подписанный послами обеих стран.

Согласно статье I латинского текста договора, граница между двумя странами устанавливалась по линии с запада на восток по р. Эргоне (в маньчж. – Эргоне, в русск. – Аргунь), далее по р. Кербичи (в маньчж. – Гербици, в русск. – Горбича), которая впадает в р. Сагалин-ула (в маньчж. – Сахалян-ула, в русск. – Шилку), к «каменным горам» (в маньчж. – каменному Большому Хингану, в русск. – «каменным горам»), с одной из вершин которых берет свое начало р. Кербичи. Земли, лежащие к югу от р. Эргоне, а также большие и малые реки, впадающие в р. Сагалин-ула с южного склона «каменных гор»,

и прилежащие земли отходили Китаю, а земли к северу от реки Эргоне, а также земли и реки, расположенные севернее «каменных гор», принадлежали России. Кроме того, в этой статье содержится замечание, что принадлежность восточного участка этой границы, а именно: «рек, впадающих в море, и прилежащих земель между р. Удь и горным хребтом, обозначенным вместо рубежа, остается пока неопределенной». Маньчжурский текст этого фрагмента совпадает с русским: «Но все земли, области, реки и речушки, находящиеся к югу от реки Удь и к северу от гор Хинган, остаются до времен нейтральными» и далее: «Прочие же реки, которые лежат меж рекой Удью под Российского государства владением и меж горами и рекою, которые содержатся близ Амура, владения Хинского государства, и впадают в море, и всякие земли посреди сущие меж тою вышеупомянутою рекою Удью и меж горами, которые до границы надлежат, не ограничены ныне да пребывают»²⁶. Слова «и рекою», вставленные в скобках переписчиком того времени в русский текст, были включены в проект русского текста договора, но изъяты из его окончательного текста²⁷.

В копию русского текста были включены слова «близ Амура, владения Хинского государства». Позднее на основании этих слов русского текста договора российское правительство стало утверждать, что принадлежность района к северу от реки Амур осталась неопределенной.

Что же представляла собой неразграниченная территория? По всей вероятности, это был, как сказано в латинском тексте, район между ре. Удь и «горным хребтом, обозначенным вместо рубежа». Его пределы должны были отразить действительное соотношение сил между двумя странами в регионе. Это подтверждается тем фактом, что в китайском источнике «Стратегические планы умирения русских» содержится упоминание р. Удь (Ути-эр) как границы России и указывается, что, поскольку «Ифан по приказу ойдоли (чиновника. – К.Ч.) района выкрал в 1685 г. человека из китайского племени элэ-чунь, перейдя при этом границу», то китайская сторона в свою

очередь «взяла в плен Ифана и его группу». Император Канси даровал им жизнь и отослал их обратно через р. Удь с письмом к русским, предупредив против дальнейшего нарушения границы в будущем²⁸.

Для того чтобы противодействовать возможным акциям русских, китайские войска под предводительством Аньчжуху в 1684 г. ликвидировали русские поселения вдоль реки Амгунь, пленили 47 русских, напавших на Тугурский острог, и таким образом «обезопасили» земли вплоть до р. Тугур. По видимому, китайская сторона рассматривала эту реку как границу своего государства. По свидетельству некоего Сабсу – одного из полномочных послов Китая на переговорах о мире в Нерчинске при заключении договора с Россией, «Цзиэрбици (р. Горбица) была зафиксирована в качестве пограничной линии», вновь были выдвинуты требования в отношении района шириной более 6 тыс. ли, лежащего к юго-востоку от указанной реки вплоть до реки Тукулу (Тугур). Такое истолкование разделялось тогда и русскими. Однако в текстах Нерчинского договора р. Тугур не была четко обозначена как граница Китая. В латинском тексте было лишь использовано выражение «горный хребет, обозначенный вместо рубежа», в маньчжурском тексте – «горы Хинган», а в русском тексте – «ограниченные горы».

Какой же в таком случае «горный хребет, обозначенный вместо рубежа», имелся в виду? Один из вариантов ответа на этот вопрос заключен в «Записках об Ивовом палисаде» Ян Бина: «Вэйике-Алинь – огромная гора на крайнем северо-востоке. Ее вершина лишена древесной растительности и покрыта зеленым мхом, который всегда достигает толщины в 3–4 фута. Когда в 1690 г. граница между Китаем и Россией была установлена, император приказал Бахаю, главнокомандующему войсками Голубого знамени, проложить путь к этой горе с трех разных направлений, то есть от р. Амгунь (Хэн-ула), р. Горин (Галинь-била) и от Северного моря, но посланный туда отряд до конца своего пути не увидел ничего, кроме того же ландшафта. Хотя наступил июнь, море на востоке все

еще было покрыто льдом. На вершине горы отряд водрузил памятный знак с надписью на маньчжурском, русском и монгольском языках»²⁹.

Маньчжурское слово «алинь» означает «гора», а «ула» или «била» – река. Следовательно, приведенный отрывок означает, что Бахай воздвиг пограничный знак на вершине Вэйикэ-Алинь, одного из пиков Хинганских гор, обозначенных как линия границы. В настоящее время имеются два источника, свидетельствующих в пользу этой точки зрения.

Один из них – запись представителя русского посла на переговорах в Нерчинске Ф. Жербийона от 24 января 1691 г.: «Император [Канси] сообщил мне, что в этом году он посылал на восток людей, которые доложили, что за устьем Сагалинула они обнаружили море, покрытое льдом в июле, и совершенно пустынную страну»³⁰. «Шестой месяц», упомянутый в «Записках об Ивовом палисаде», соответствует июню по григорианскому календарю.

Другим источником является русская запись, в которой отмечается: «Казак из Удского зимовья сообщали в Якутск, что на реку Тугур в 1690 г. пришло цинское «войско с пушками и со всяким огненным боем» и шло к Удскому зимовью, но, не дойдя до него расстояние, равное двум дням пути, почему-то вернулось обратно, оставив письмо на китайском языке, которое казаки вырубили целиком и доставили в Якутск». Переводчики прочитали эту запись на дереве, в которой говорилось, что сюда по приказу императора для сбора ясака приходил с войском амбань (китайский высокопоставленный сановник)³¹.

Эти сообщения в общих чертах совпадают с данными «Записок об Ивовом палисаде», то Бахай, то есть бывший цзяньцзюнь (правитель) Нингуты, по приказу императора возглавил экспедицию на Вэйикэ-Алинь по трем маршрутам. Один из ее отрядов направился вверх по р. Тугур от северного моря, а два других отряда – вверх по р. Амгунь и р. Горин соответственно. Из этих сведений ясно, что Бахай установил пограничный знак на вершине Вэйикэ-Алинь. Поскольку была также сделана запись, что Лантань тоже установил пограничный знак

с надписями на маньчжурском, китайском, монгольском, русском и латинском языках на утесе в устье р. Амгунь в том же 1690 г.³², предполагается, что император Канси направил тогда своих амбаней на восток и на запад для инспекции на месте заново определенной линии границы и приказал им поставить пограничные знаки³³.

Что касается погранзнаков, то они были, вероятно, установлены в соответствии с условиями статьи 6 договора, в которой в ее русском тексте говорилось следующее: «Противу сих поставленных о границе посольскими договоры статей, если похочет Бугдыханово Высочество поставить от себя при границах для памяти какие признаки и подписать на них сии статьи, то и отдаем мы на волю Бугдыханова Высочества»³⁴.

Под «бугдыхановым высочеством» имелся в виду император цинского Китая. Китайцы, однако, об установлении в 1690 г. пограничных знаков русских, по-видимому, не уведомили.

Китайское правительство в дальнейшем выразило намерение установить постоянные погранзнаки и в том же 1690 г. приказало трем генерал-губернаторам Маньчжурии найти возможность изготовления их из камня. Новый знак для западного участка границы был установлен на берегу р. Горбицы в начале XVIII в., и русские его тоже подтвердили³⁵.

Что же касается Вэйкэ-Алинь на восточном участке этой границы, то даже местоположение самой границы, не говоря уже о пограничном знаке, удалось идентифицировать с реальным географическим объектом только по истечении определенного времени. Вот почему в Китае сложились три точки зрения: 1) гора расположена где-то на северо-восточном крае Внешнего Хингана вблизи Охотского моря; 2) это Тырские высоты вблизи Амура: памятник периода правления династии Мин – кумирня Юннинсы ошибочно принимается за погранзнак; 3) гора – это пик Кивун или хребет Джугджур. Но ни одна из этих версий не была достаточно аргументирована.

На карте Гиринского Десятиречья изображены три горы одна рядом с другой вблизи истоков р. Тугур и р. Хэнгун (Амгунь) на южной стороне от цепи горного хребта, тянувшегося

к морю на восток и образующего линию границы. На этой карте справа налево показаны горы Эткиль-Алинь, Дуссе-Алинь и Ям-Алинь. Обозначенная на картах как самая высокая из них Эткиль-Алинь может рассматриваться в качестве Вэйикэ-Алинь.

Однако на карте Дюгальда 1735 г. эти горы изображены как цепь гор Хинкан, горы Тусе-Алинь и Ям-Алинь. В «Секретном сводном атласе управления цинского двора» – китайской версии карты Дюгальда эти три горы соответственно названы по-маньчжурски как Хинган, Дуссе-Алинь и Ям-Алинь, в «Тринадцатилистном атласе периода правления Цяньлуна» («Цяньлун шисаньпай диту») – более позднем издании упомянутого китайского атласа, эти горы обозначены китайскими иероглифами как Синьан, Доусе-Алинь и Ям-Алинь³⁶.

Горы, показанные на карте Карте Гирина Девятиречья, как Эткиль-Алинь, соответствуют на упомянутых трех более поздних картах топонимам Хинкан, Хинган и Синьан. Изменение наименования произошло, по-видимому, вследствие того, что гора Эткиль-Алинь представляла собой ориентир, формирующий границы, и на ее вершине был установлен погранзнак. Это было также связано с тем, что в маньчжурском тексте Нерчинского договора горный хребет, по которому проходила линия границы, именовался «горы Хинган». С этой точки зрения также представляется возможным отождествить Эткиль-Алинь с Вэйикэ-Алинь.

В Атласе СССР 1983 г. обозначена гора высотой 2384 м, которая является самой высокой среди гор, возвышающихся на водоразделе рек Уда (Удь), Тором и Тугур, впадающих в Охотское море, а также притоков р. Амур. Этот пик, по-видимому, и представляет собой гору, на которую ссылались как на Эткиль-Алинь³⁷.

Выведенное предположение подкрепляется тем фактом, что горная вершина высотой 2384 м, обозначенная в Атласе СССР, так же, как и горная цепь Хинкан на карте Дюгальда и горы Хинган на упомянутой китайской карте, расположены в точке с координатами 53° с.ш. и 135° в.д. Далее, на совет-

ской карте 1983 г. южнее этой вершины показаны три горных хребта – Ям-Алинь, Дуссе-Алинь и Буреинский. Однако письменные источники свидетельствуют, что в 1844 г. известный русский ученый-географ А.Ф. Миддендорф назвал эти горные хребты в направлении с юга на север Хинган, Дуссе-Алинь и Ям-Алинь в соответствии с их названиями на китайской карте, но из-за возражений также известного ученого-этнографа Л.И. Шренка он переименовал горы Хинган в Буреинский хребет. При этом А.Ф. Миддендорф сообщил, что названия хребтов, нанесенных на китайскую карту, местным жителям были неизвестны³⁸. В связи с изложенным можно утверждать, что названия хребтов в Атласе СССР 1983 г. не всегда совпадают с обозначениями, которые использовались в XVII–XVIII вв.

Таким образом, становится ясным, что территория, оставленная неразграниченной во время заключения Нерчинского договора, включала земли, лежащие между р. Удь и линией, соединяющей р. Тугур и горный хребет, простирающийся на восток и на запад, с пиком высотой 2384 м. На карте районов р. Амур, приложенной к заключительной части книги Е. Равенштейна «Русские на Амуре», р. Тором рассматривается как линия границы³⁹, но поскольку это утверждение явно базируется на отчете А.Ф. Миддендорфа, где указывается, что местные жители рассматривают эту реку как пограничную ради удобства, то считать ее официально признанной государственной границей между Россией и Китаем было бы ошибочно.

В споре о линии русско-китайской границы на ее восточном участке китайские авторы считают, что расхождения между разноязычными текстами Нерчинского договора несущественны и граница определена однозначно. Подобной точки зрения придерживается и американец Дж. Себес, опубликовавший две работы⁴⁰, касающиеся этого вопроса, а также ряд японских авторов, например, К. Ёсида. В своих работах 70–80-х годов он исследует тексты этого договора и пытается обосновать прохождение линии границы⁴¹ по Аргуни, Горбице и далее на восток по Становому хребту согласно карте Гиринского Девятиречья.

Уступая силе, Россия вынуждена была уйти за Амур и Аргунь, но в текстах заключенного в Нерчинске договора более или менее четко зафиксированной оказалась только граница по р. Аргунь. Определение же границы по р. Горбице на местности практически не получилось (то ли по Малой, то ли по Большой Горбице – то ли по реке, то ли по речке); совсем неясной оказалась граница на горном участке от той или иной Горбицы к морю, хотя в основном латинском тексте договора была указана речка (*rivulus*), а не река (*rivus*) Горбица (Большая Горбица, или Амазар) протекавшая в другом районе.

Большинство русских авторов вслед за Г.Ф. Миллером обратили внимание на странные расхождения между текстами договора. Это же заметил в своих исследованиях и В. Фукс, обнаруживший в китайских архивах большое количество китайских текстов договора, сильно между собой расходящихся. Он подтвердил также расхождения между копией русского текста с публикациями подлинных латинского и маньчжурского текстов, составленных цинской стороной⁴².

Расхождения между текстами договора и неясности в определениях границы на горном участке отметили почти все отечественные и некоторые зарубежные авторы, занимающиеся в той или иной мере исследованиями этой проблемы. Они пришли к выводам, что граница на горном участке была установлена неясно, неопределенно, ее толкования могут быть различны, положение «каменных гор», по которым прошла граница, однозначно им определить не удалось.

Неясности и противоречия обнаруживаются также в воспроизведении результатов Нерчинского разграничения в географических картах разных изданий.

До второй половины XVII в. в Китае не имели реального представления о расположенной за Амуром огромной территории, известной в то время как Восточная Сибирь. В китайской географии, насчитывающей к этому времени свыше тысячи лет своего существования, эта территория ранее никогда не описывалась. На традиционных китайских картах изображалась главным образом территория собственно Китая.

Потребность в картах Сибири, особенно ее восточных районов, возникла в Цинской империи, когда император Сюань Е (девиз правления «Канси») приступил к разработке планов расширения пределов империи в сторону Русского Приамурья и Восточной Сибири.

Одной из первых китайских карт района Приамурья, составленных по сведениям из русских источников, является «Карта Сибири периода Канси, из архива Ло Чжэньюя», которую обнаружил в Маньчжурии В. Фукс (рис. 31). Она была составлена, по видимому, иезуитами или под руководством иезуитов, по мнению В. Фукса и других исследователей, в 1690 г. с использованием сведений, которые иезуит-переводчик Ф. Жербийон узнал на переговорах в Нерчинске⁴³.

Японский историк картографии Акио Фунакоси считает, что эта карта сделана на основе русских чертежей Сибири второй половины XVII века, вернее – шведского чертежа Э. Пальмквиста, который был скопирован с русского чертежа,

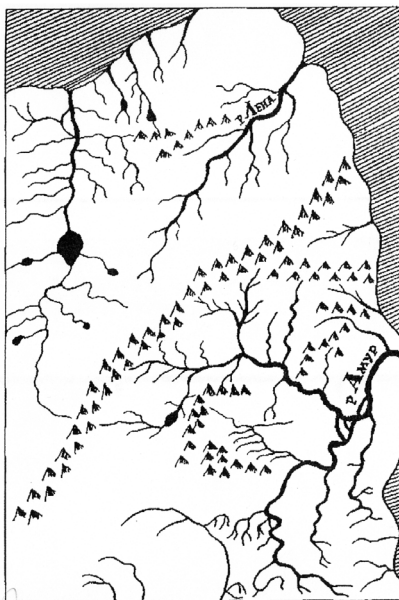

Рис. 31. Северо-восток Азии по маньчжурской карте 1690 г. (Архив Ло Чжэньюя)

появившегося не позднее 1673 г.⁴⁴ А. Фунакоси полагает, что на этой карте были использованы данные чертежей Сибири, привезенных в Пекин Н.Г. Спафарием⁴⁵. Если сравнить карту из архива Ло Чжэньюя с «Общим чертежом Сибири» 1687 г. (рис. 32) и «Чертежом Сибирских градов и земель» 1699 г.⁴⁶, имеющих в основе данные значительно более раннего перио-

да, то можно убедиться в том, что она создана по сведениям из русских источников.

По мнению А. Фунакоси, карта из архива Ло Чжэньюя имеет немало общего с датированными 1690 г. двумя картами

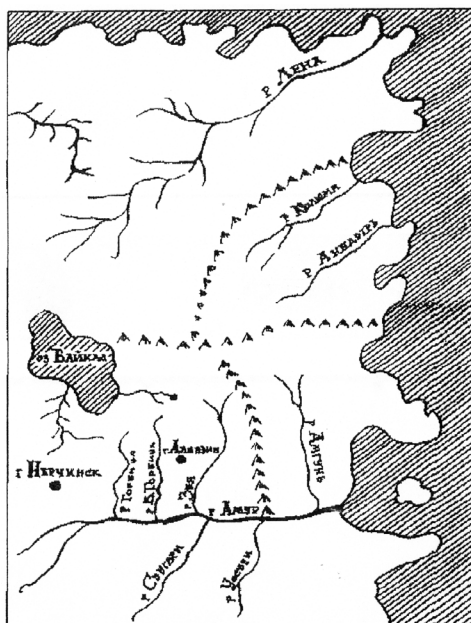

Рис. 32. Общій чертеж Сибири 1687 г. (фрагмент)

превосходит две другие по подробности изображения речной сети бассейна Амура и выделяется очень большими искажениями арктических районов северо-востока Азии.

К. Ёсида датирует эту карту между июнем 1690 г. и 1691 г. на том основании, что на ней русский Аргунский острог (Мерилке) показан на левом берегу Аргуни, куда он должен был перенесен по условиям Нерчинского договора, и отсутствует на карте город-крепость Цицикар, основанный маньчжурами в 1691 г. На наш взгляд, это свидетельствует, что первый вариант карты действительно был составлен в 1690 г., но вариант,

иезуита А. Томаса⁴⁷ (рис. 33), находившегося в период Нерчинских переговоров в Пекине. Все эти карты по своему происхождению и содержанию явно связаны с «Картой Гириного Девятиречья», которую обнаружил в китайских архивах на Тайване К. Ёсида⁴⁸. Все они имеют довольно много общего и с упомянутыми русскими чертежами Сибири второй половины XVII в., но карта Гириного Девятиречья явно

найденный К. Ёсида, судя по надписи в левом углу «13 декабря 1711 г.», был обновлен материалами рекогносцировки Маньчжурии, которая к этому времени была закончена иезуитами по указанию императора Сюань Е.

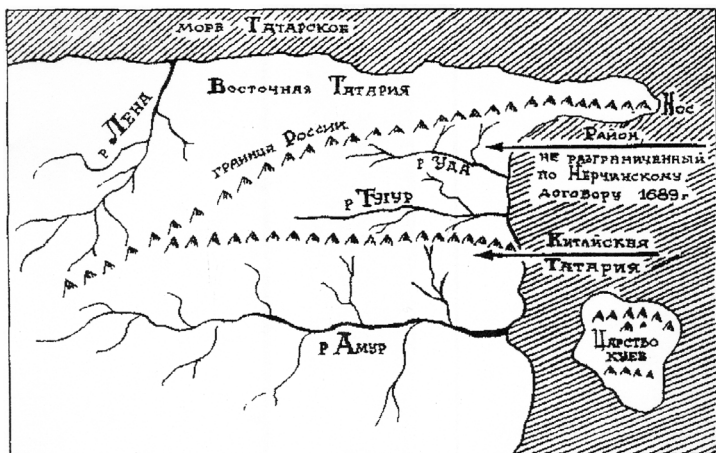

Рис. 33. Карта, составленная иезуитом А. Томасом (фрагмент)

Более грубыми, схематичными и не вполне достоверными выглядят китайские карты, изображающие Сибирь первой половины XVIII в. На содержание этих карт оказали большое влияние русские источники прошлого века. При этом поражает большое количество грубых ошибок в изображении не только Восточной Сибири, но и Маньчжурии (см. фрагменты китайских карт 1714 и 1736 гг. на рис. 34, 35).

Кроме маньчжуро-китайских карт Приамурья и Восточной Сибири существовали еще карты иезуита А. Томаса (1690 г.), на которых в отличие от вышеупомянутых были показаны границы России и цинского Китая по Нерчинскому договору и выделен район к северу и югу от реки Уды, оставшийся, по мнению А. Томаса, не разграниченным после заключения договора.

На картах А. Томаса 1690 г.⁴⁹ в латинском тексте Нерчинского договора⁵⁰, где имеется указание о нахождение

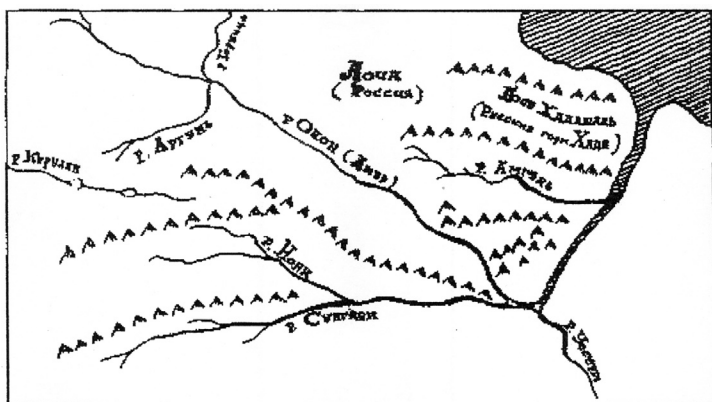

Рис. 34. Сводная полная карта Поднебесной великой Цинской империи, составленная Янь Юном в 1714 г. (фрагмент)

р. Уды «под Российского государства владением», ошибочно истолкованное в сторону расширения. Удское неразграниченное пространство было неправильно изображено как нейтральная территория, образующая между границами России и Китая огромный равнобедренный треугольник, вершина которого находилась у истоков Горбицы, впадающей в Амур напротив Аргуни.

Положенные в основу карты А. Томаса данные иезуитов Ф. Жербийона и Т. Перейра могут быть соотнесены с данными, отраженными на чертежах Сибири, показанных им во время Нерчинских переговоров, близких по своей нагрузке к «Общему чертежу Сибири» 1687 г.

Находясь на службе Пекинского двора, А. Томас так или иначе применил свои превратные представления о пограничных ориентирах первого русско-китайского договора для их истолкования в пользу цинского Китая.

На всех других упомянутых нами картах нельзя обнаружить никаких следов Нерчинского разграничения, за исключением «Сводной полной карты поднебесной великой Цинской империи» из архива Пекинского дворца, составленной китайским географом Янь Юном в 1714 г. и выпущенной в той

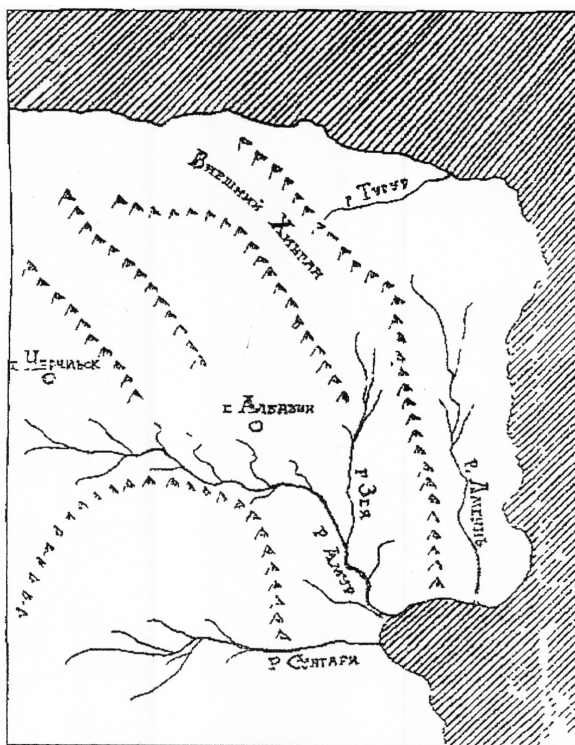

Рис. 35. Физическая карта земель, подчиненных хэйлуцзянскому цзяньцзюню 1736 г. (фрагмент)

же традиции – на основе карты административного деления Китая 1818 г., именуемой «Полная карта Вселенной, изданная в столице». Обе они восходят к карте Хуан Цзунси 1673 г., но не повторяют, а отражают ее данные в переработанном виде в соответствии с уровнем географических представлений своего времени. В отличие от «Физической карты Улы и Нингуты» 1684 г. (рис. 36) горная цепь от истоков рек, впадающих в удлинённый «Амурский лиман», изображена не обрывающейся к юго-западу от реки Амур, именуемой Онон⁵¹, а южнее этой реки и севернее текущей вдоль нее р. Сунгари до ее истоков. Затем данная горная цепь переходит на левый берег

Онона – Амура, но не восточнее, а западнее Горбицы, хотя на некоторых маньчжурских картах цинского Китая этого периода изображено ответвление упомянутой горной цепи, переходящее через Амур восточнее этой пограничной речки, но западнее реки Зеи.

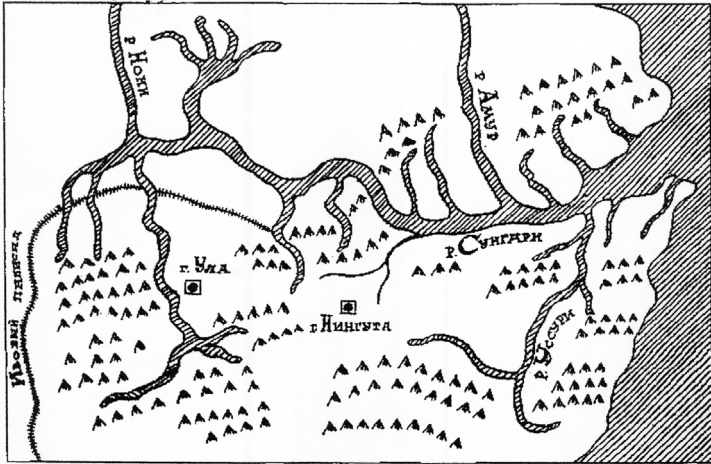

Рис. 36. Физическая карта Улы и Нингуты 1684 г. (фрагмент)

Неожиданным, с точки зрения Нерчинского договора, на карте Янь Юна является то, что надписи «Россия (Лоча)» перемещены на изображении левобережья Амура восточнее Горбицы и «Русские горы Хада (Росу Хадашань)» показаны как горы на левобережье Амура в его низовьях. При такой трактовке территориального размежевания между Россией и Китаем по пограничному хребту Большой Хинган, упомянутому в качестве такового в маньчжурском тексте Нерчинского договора, без обозначения этой горной цепи как переходящей с юга через реку Амур восточнее Горбицы, китайской территорией оказывается, как ни странно, район не к востоку, а к западу от этой речки. Этим, вероятно, и объясняется тот немало удививший русского посла С.Л. Рагузинского факт, что во время переговоров в Пекине в конце 1726 г. о новом договоре китайцы выдвинули нелепое требование о проведении

границы по ответвлению Большого Хингана к западу от Горбицы, где также имеется р. Уда, приток Селенги, впадающий в «Байкальское море», чтобы попытаться присоединить к Китаю обширные районы Южного Забайкалья с находящимися там русскими крепостями.

Направленный в Китай вскоре после заключения Нерчинского договора в качестве посла России. Избранд Идес находился в Пекине в 1693 и 1694 г. Следуя, по-видимому, инструкциям своего правительства, он стремился, насколько это возможно, не затрагивать проблемы недемаркированного участка русско-китайской границы и каждый раз, когда китайская сторона поднимала этот вопрос, ограничивался лишь записью намерений правительства Китая⁵².

В отчете о поездке в Китай в 1693–1694 гг. И Идес предполагает, что река Тугур – это отрезок пограничной линии, указывая, что линия разграничения между Сибирью и Китаем соединяет Горбицу, Тугур и Удь⁵³.

Далее, на «Карте Шестакова», которая была представлена якутским казаком А. Ф. Шестаковым во время его приезда в Петербург в 1726 г., имеется надпись «рубеж Китая, или Хины» вблизи того места, где на его карте изображена р. Тугур⁵⁴. Эти примеры свидетельствуют, что некоторые русские рассматривали р. Тугур в качестве участка пограничной линии между Россией и Китаем.

Этот факт интересен тем, что в заключительном проекте русского текста Нерчинского договора южные пределы неразграниченного пространства определялись как «ограниченные горами и реками», однако словосочетание «и рекою» в официальном русском тексте договора опущено. По-видимому, это произошло из-за необходимости достижения соответствия русского и маньчжурского текстов. Но не относилось ли первоначально русскими опущенное в договоре слово «река» к р. Тугур? Этот вопрос возникает в связи с тем, что р. Тугур, на которую здесь содержится лишь намек, оказывается в фокусе внимания в период заключения Буринского и Кяхтинского договоров 1727 г.

По следующему Буринскому договору от 20 августа 1727 г. были подтверждены территориальные статьи Нерчинского договора 1690 г. и установлена граница к западу от сопки Абагайту в верховьях р. Аргунь вблизи города Кяхты до перевала Шабин-Дабаг на Большом Саянском хребте по линии фактически существовавших русских и монгольских караулов, а в районах, где они отсутствовали, – по естественным рубежам на основе сохранения за каждой из сторон тех территорий, которыми она владела фактически. Территориальные статьи Буринского договора получили подтверждение в Кяхтинском договоре от 21 октября 1727 г., который предусматривал широкое развитие русско-китайской торговли. Недоразумения, возникшие на русско-китайских переговорах в 1726 г., послужили для цинской стороны стимулом для уточнения пограничных ориентиров Нерчинского договора 1689 г., тем более что они были подтверждены в договорах 1727 г.

По Кяхтинскому договору, подписанному русским полномочным послом С. Л. Владиславовичем во время пребывания в Китае, удалось провести делимитацию границы между Россией и Монголией, но в отношении границы в районе р. Удь было принято лишь решение, зафиксированное в статье 7 этого договора. Другими словами, китайцы заявили: «Мы тоже готовы вести переговоры по этому вопросу, поскольку ваши люди беспрестанно переходят через упомянутую границу на нашу территорию, называемую Химкон Тугурик (так в латинском тексте, в маньчжурском – Хингун, или Хинкун Тугурик, в русском – Химкон Тугурик)» На это С. Л. Владиславович отмечал: «Сия земля восточная не токмо мне от Императрицы не приказана, но еще о той земле подлинно известия не имею, да останется еще как прежде поставлено. Того ради, понеже ныне не трактуется о реке Уде ниже и о протчих тамошних реках, да останутся по-прежнему»⁵⁵.

Переговоры о р. Удь или других местных реках не могли быть тогда проведены, поэтому изменений в их принадлежности не произошло⁵⁶.

Название «Химкон Тугурик», которое впервые появляется в этом тексте договора между Россией и Китаем, по-видимому, можно со значительной долей уверенности считать имеющим отношение к р. Тугур. Но что подразумевается под Химконом? Исходя из того, что маньчжурское собственное имя «Хингун» транслитерируется по-китайски как «Хэнкун», то есть река Амгунь, можно утверждать, что топоним «Химкон» употребляется как «Хэнкун» и на карте Гиринаского Девятиречья, и в «Секретном сводном атласе управления цинского двора», но как «Хэнкон» – на карте Дюгальда. Название же «Химкон» в Кяхтинском договоре могло означать упомянутую р. Амгунь.

13 января 1735 г., вскоре после заключения Кяхтинского договора, Трибунал внешних сношений Китая (Лифаньюань) обратился к Сенату России с просьбой установить строгий надзор над русскими охотниками, которые в то время часто нарушали разграничительную линию Хингун – Тугурик, и провести редемаркацию границы в этом районе, так как памятный знак (пайлоу), воздвигнутый Бахаем у истока реки Хингун семь–восемь лет назад, пришел в негодность⁵⁷.

11 июня 1735 г. Сенат России направил Трибуналу внешних сношений Китая ответ, в котором указывалось, что не желает проводить демаркацию в спорном районе из-за огромной дальности расстояния, затрудняющего получение точных сведений об этом районе⁵⁸.

Китайская сторона также направила ответ на адресованную ей просьбу русской стороны от 27 января 1737 г., повторив свое требование о строгом контроле над нарушениями границы⁵⁹. Однако позднее этот вопрос, касающийся проблемы Химкон – Тугурик, официально в отношениях между двумя странами не поднимался.

На «Физической карте земель, подчиненных хэйлунцзянскому цзяньцзюню»⁶⁰ 1736, 1778 и 1783 гг сохраняется преемственность в расположении пограничных гор и рек. Так, северные отроги, охватывающие Маньчжурию, словно «подковой» Хинганского хребта⁶¹, изображенного на месте нынешних хребтов Большой и Малый Хинган, по-прежнему

подходят к горной цепи, идущей вдоль пограничной речки Горбицы, впадающей в р. Амур, и р. Большой Горбицы, но имеются и существенные различия. Так, вдоль этой горной цепи, но значительно севернее, почти до самого Северного Ледовитого океана, искаженно изображенного вблизи Приамурья, почти смыкаясь с упомянутой горной цепью, тянется хребет Внешний Хинган, проведенный от растянутого до устья Сунгари «Амурского лимана» до этого океана и соединяющийся с районом Малого Хингана, в низовьях Амура к востоку от р. Амгунь, впадающей в этот «лиман».

* * *

В 1963 г. японский историк картографии Акио Фунакоси обратил внимание на одинаковое изображение трех центров Маньчжурии на карте Нингуты, Гирина и Мукдена (в виде «шестеренок»), а также рек Сунгари и Амура с подробной детализацией всего бассейна этих рек. Это обстоятельство он связал с перемещением постройки в Гирине замка китайского генерал-губернатора (цзяньцзюня) в 1673 г. и последующим перемещением в 1676 г. его резиденции из Нингуты в этот город, а другого представителя китайских властей (фудутуна) вслед за тем из Гирина обратно в Нингуту, где он находился до 1671 г. Японский ученый указал, что эта карта, судя по весьма схематичному абрису береговой линии океана и впадающих в него рек, близка к русским картам Сибири, получившим отражение на шведском чертеже Э. Пальмквиста 1673 г.⁶²

После сопоставления с соответствующими картами иезуитов А. Фунакоси пришел к заключению, что данная карта представляет собой переработку утраченного звена в картографии иезуитов Восточной Азии между серединой и концом XVII в.⁶³

Однако установление даты изготовления этой карты между 1673–1676 гг., на наш взгляд, недостаточно убедительно, так как время ее изготовления отличалось от времени изготовления ее прототипа, на который ссылается А. Фунакоси. Крайний схематизм прототипа позволяет считать, что

он относится к более раннему периоду русской картографии, чем тот, который зафиксирован в чертеже Э. Пальмквиста, то есть до 1667 г.⁶⁴, хотя этот период и нашел определенное отражение и в таких более поздних чертежах, как, например, «Общий чертеж Сибири» 1684 г. Так же изображена впадающая в Восточный океан река Колыма, расположенная между двумя разветвлениями хребта, и на «Чертеже сибирских градусов и земель» 1699 г., составленном на базе картографии более раннего периода, с той только разницей, что на ней показан еще один хребет между р. Леной и р. Яной, также оканчивающийся «носом», уходящим в океан⁶⁵.

В настоящее время о прохождении линии русско-китайской границы на горном участке согласно Нерчинскому договору существуют две альтернативные точки зрения. По одной из них граница на горном участке определена вполне однозначно, без существенных расхождений в тексте Договора, по другой – русской – прохождение неоднозначно, а в текстах Договора в определениях границы на этом участке имеются разночтения.

Уже опубликованы все основные источники и документы о Нерчинском разграничении 1689 г. между Россией и Китаем, и нет серьезных оснований полагать, что могут быть найдены дополнительные документы, которые потребуют пересмотра возможных теперь решений этой проблемы.

Ныне доступны для тщательного исследования дневники иезуитов Ф. Жербийона и Т. Перейры, советников и переводчиков цинского посольства на переговорах, подробнейшие дневниковые записи главы русского посольства на переговорах Ф.А. Головина, подлинные тексты договора на маньчжурском и латинском языках, составленных цинской стороной, точная (в этом нет сомнений) копия русского текста договора, а также русский перевод латинского текста русской стороны, многочисленные китайские варианты текста договора на китайском языке, наконец, подлинные русские, маньчжуро-китайские карты и карты иезуитов того периода, некоторые официальные документы о переговорах и заключении договора.

В дальнейшем продолжение Хинганского хребта, который изображался, начиная с карт Хуан Цзунси и Янь Юна, к северу от Сунгари, на левобережье Нижнего Амура на месте хребтов Буреинского, Турана, Селемджинского, Майского и Станового, получило, судя по картам из «Всеобщего описания земель Мукдена» 1736 и 1783 гг., название Внешнего Хингана.

Такое изображение Хинганских гор к северу от Амура явилось основой для последующих территориальных притязаний цинского Китая на все Приамурье.

Соответственно, речка Горбица из латинского текста договора была превращена в растянутую на несколько сот километров реку Горбицу, стекающую теперь уже с «пограничного» Станового хребта, окаймляющего хребет, о котором шла речь во время Нерчинских переговоров. И хотя такая трактовка пограничного Внешнего Хингана от истоков Горбицы до моря, то есть в соответствии с традициями китайской картографии до «морского залива», означала перемещение территориальных притязаний Китая в прямо противоположном направлении – с северо-восточных на юго-западные склоны Внешнего Хингана – этот поворот ничуть не смутил власти цинского Китая. Более того, через некоторое время после ухода цинских патрульных караулов из Нижнего Приамурья в конце XVIII – начале XIX веков на официальных картах Китая изображение Внешнего Хингана как хребта, тянувшегося до моря, было модернизировано, и его западная часть, совпадающая, как стали считать китайские картографы, со Становым хребтом, была как бы в соответствии с вышеупомянутыми чертежами иезуита А. Томаса 1690 г. продлена по северо-восточному ответвлению Станового хребта – хребтам Джугджур – Юдомский – Сунтар-Хаята и далее до северной части Камчатки.

Эта неверная версия русско-китайской границы по Нерчинскому договору закрепились в гоминдановской историографии, а затем была унаследована и развита современными географами и историками Китая⁶⁶.

В связи с этим возникают по крайней мере три вопроса.

1. Почему результаты Нерчинского разграничения не были отображены на китайских картах XVII–XVIII вв., но показаны на карте иезуита А. Томаса, которую он составил в 1690 г., т. е. сразу после заключения договора, находясь в то время в Пекине и, очевидно, располагая достоверными данными?

2. Почему на карте А. Томаса граница России идет из района Байкала и истоков Лены к Чукотскому Носу и Берингову проливу, граница Китая – вдоль Амура к северу от него (огромная территория между этими государствами оставлена на этой карте неразграниченной), тогда как граница между Россией и Китаем по Нерчинскому договору устанавливалась от Горбицы до моря по горным хребтам, ближайшим с севера к Амуру на всем его протяжении?

3. Если, по мнению китайских авторов, граница на горном участке определена договором ясно и однозначно, без существенных расхождений в его текстах, то почему на китайских картах эта четко установленная граница долгое время не показывалась?

Выполненные до сего времени китайские исследования Нерчинского разграничения, к сожалению, не дают пока ответа ни на один из этих вопросов.

Русские картографы также не смогли разобраться, где и как прошла граница на горном участке. В России никогда не скрывали, что в определении границы Нерчинским договором много было вопросов, и почти сразу же после его заключения русское правительство приняло ряд мер для выяснения прохождения линии границы, зафиксированной в договорных текстах. Но чем больше выяснялось орографическое строение в местах предполагаемого прохождения линии границы, тем труднее было понять, где и как она должна быть обозначена. Реальная местность оказывалась неизмеримо сложнее, чем ее упрощенное, схематическое изображение на имевшихся чертежах Сибири.

Одним из первых чертежей с изображением этой части Сибири, появившихся после подписания Нерчинского договора, был упомянутый ранее «Чертеж реки Амур», «справлен-

ный» подьячим Сибирского приказа И. Петелиным в 1699 г. «Чертеж» был приложен к докладу Петру I с «приговором» главы Сибирского приказа А.А. Виниуса и выпиской из копии «статейного списка» посольства Ф.А. Головина на переговорах в Нерчинске в 1689 г.⁶⁷

В легенде к «Чертежу реки Амур», копию которого снял в мае 1728 г. толмач Иван Львов для русского посла на переговорах с Китаем С.Л. Рагузинского, говорится: «Копия. Выписано из наказных статей нерчинским воеводам 1711 г. за приписью дьяка Ивана Чередеева в договорных разменных посольских письмах боярина и воеводы Ф.А. Головина, что он дал китайским послам, Я, Львов, знаменал по склонности хребтов⁶⁸ и рек, видя прежние чертежи печатные по примерам». Надпись на этом чертеже гласит: «Река Горбица По сей реке с китайским граница с вершины сей реки по опокам сиречь по городам (то есть горам. – *К.Ч.*) каменным даже до Амурского устья Амура-реки по договорным статьям боярина Федора Алексеевича Головина определена была граница»⁶⁹, хотя местоположение упомянутых пограничных гор оставалось неопределенным.

От истоков Горбицы на восток на «Чертеже» показаны два «каменя» – один по левобережью р. Зеи и р. Аргунь «до моря», но он не является первым от Амура, о котором шла речь во время переговоров, а другой – на правобережье р. Зеи и ее западного притока р. Гиллюй. Приведенная надпись на карте сопровождает Горбицу, а не изображение одного из этих хребтов, то есть свидетельствует о том, что всего через несколько лет после заключения договора русские картографы не знали, по каким именно «каменным горам» проходит установленная граница.

Любопытно, что на «Чертеже Якутского города» в «Чертежной книге» 1701 г. С.У. Ремезова пограничный с Китаем хребет к северу от Амура («камень между Амуром и Витимом») тянется лишь до района к востоку от р. Зеи, по которой «живут ясашные тунгусы», а западнее реки Амгунь на обоих берегах Амура показан «хребет Зийский». Это не подтверждает

ет преобладающей точки зрения, что пограничный «камень» к северу от Амура простирается до самого моря, идя только по его левобережью⁷⁰. На «Чертеже сибирских градов и земель» 1699 г. упомянутый камень, начинающийся от озера Байкал, изображен как поворачивающийся на юг вдоль западного берега Большой Горбицы (Амазар). Далее он ведет к верховью р. Нони – правого притока Сунгари, где меняет свое направление и заканчивается у моря южнее р. Усури (Ушур)⁷¹.

Таким образом, русская картография конца XVII – самого начала XVIII вв. по-разному представляла географическое положение пограничного горного хребта между Россией и Китаем, а потому на чертежах Сибири того времени прохождение линии установленной границы не могло быть показано.

Особое место в истории интерпретации пограничных ориентиров России и Китая после Нерчинского договора занимает рукописная «Карта географической части дальневосточной Сибири и Татарии, а также новых земель Камчатки и Японских (Курильских. – К.Ч.) островов, на основании карты геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лужина, посланных Петром I в 1719 г. для исследования вопроса о том, соприкасается ли Азия с Америкой, и на основании карты, присланной императором Камхи (Канси. – К.Ч.), составленной И.К. Кирилловым в 1724 г. по приказу Петра I».

Отечественный географ С.Я. Фель высказал мнение, что широкая сплошная темная полоса, тянущаяся на этой карте по левому берегу р. Аргунь и далее р. Амура, отклоняясь в его низовьях к северу в сторону р. Уды с отмеченным на ней Удским острогом, представляет собой старую русско-китайскую границу по р. Амур до 1689 г.⁷² Но с этим трудно согласиться. Во-первых, неизвестно, чтобы эта граница столь точно фиксировалась на какой-либо русской или китайской карте преддоговорного периода. Во-вторых, русские владения фактически охватывали также районы на правобережье р. Аргунь и р. Амур в районе Кумарского отрога и в некоторые другие (низовье рек Сунгари и Усури). В-третьих, территория цинского Китая ограничивалась лежащим значительно

южнее Амура, так называемым Ивовым палисадом, и в действительности никогда не достигала берегов этой реки. Упомянутая карта скорее всего явилась «симбиозом» утраченной китайской карты, привезенной посольством Л.В. Измайлова, на которой пограничный хребет Хинган, изображенный как горная цепь, состоящая из отрогов Большого Хингана и Малого Хингана, тянется, пересекая р. Амур, параллельно ей почти до слияния Сунгари, а затем вновь переходит на его левобережье, где отклоняется в северном направлении, и какой-то русской карты, на которой схематично показан пограничный хребет к северу от Амура, тянущийся параллельно ему на восток к морю, а затем переходящий в один из хребтов южнее р. Тугур к югу от р. Уды. В пользу этого свидетельствует изображение на карте И.К. Кириллова на месте р. Сунгари, как это ни парадоксально, второй р. Амур, которая, как мы уже отмечали, на ряде китайских карт этого периода внешне совпадала по конфигурации и местоположению с рекой Амур русских карт, так как каждая из них была главной для соответствующей стороны. За счет обозначения второго Амура русский картограф снял противоречие между русской и китайской картами в наиболее важной части – изображение пограничного Хинганского хребта одновременно и к северу от Амура, и к северу от р. Сунгари. В пользу этого предположения свидетельствует также сохранение на карте И.К. Кириллова почти такого же расположения первой северной р. Амур с цепью гор на левобережье по отношению ко второй, как и р. Амур (Хэйлунцзян) с той же цепью гор по отношению к р. Сунгари на уже рассмотренных китайских картах из Всеобщего описания Мукдена (рис. 37).

Интересно, что в качестве обоснования проведения границы в верхнем и среднем течении Амура по его левому берегу послужили соответствующие действительности сведения о проживании подданных России в этом районе, что видно из латинской надписи, помещенной между реками Зеей и Амгунью, которая гласит: «По сию сторону Амура-реки жили русские люди и ясак у иноземцев збирали и по Амуру вниз

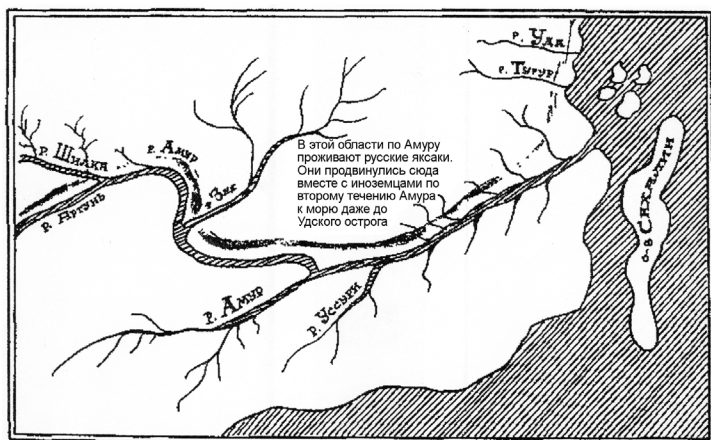
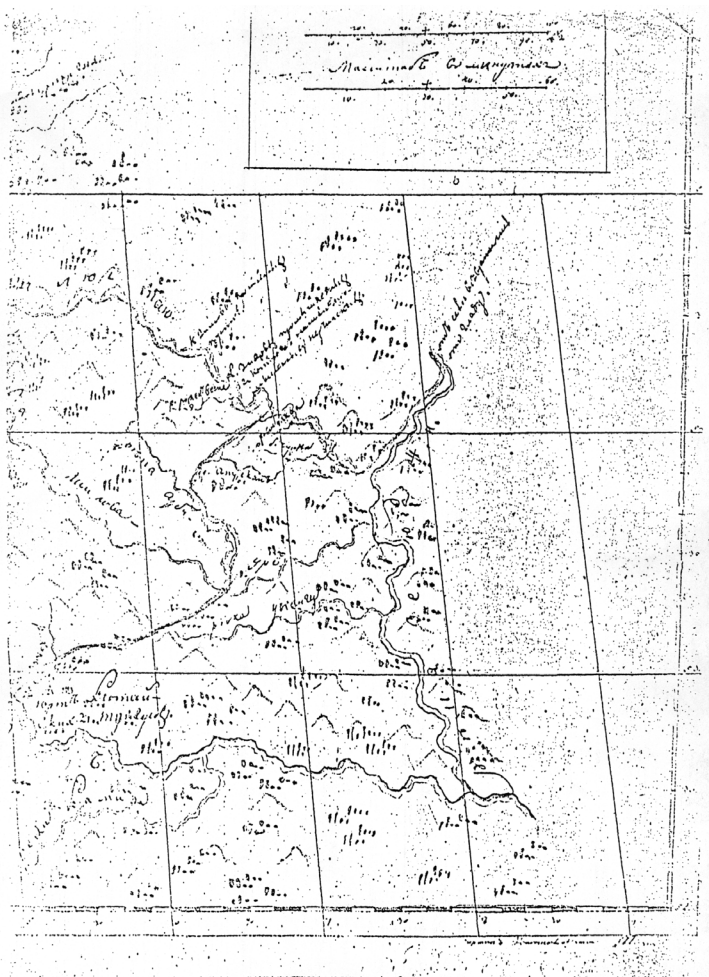

Рис. 37. Карта части Дальневосточной Сибири и Татари, составленная И. Кирилловым в 1724 г.

до моря и морем до Удского острога ходили»⁷³. Это делало аргументацию сторонников рассматриваемой точки зрения вполне приемлемой.

На успешные поиски границы, определенной Нерчинским договором, указывает, в частности, рукописная карта Петра Жукова под заголовком «Часть взыскана кратчайшего пути к Камчатскому морю от вершин реки Горбицы протекающими хребтами до реки Зеи...»⁷⁴, составленная в результате экспедиции в 1737 г. геодезистов Петра Скобельцина и Василия Шестилова (рис. 38).

На этой карте на изображении левого берега р. Гиллой, притока р. Зея, к северу от восточной части хребта Тукурингра, части «первого камня» к северу от р. Амур, имеются надписи: «Зимовье тунгусов ясашных (российских. – К.Ч.), которое нашли промышленники нерчинские» (в 58 верстах от впадения р. Гиллой в р. Зею) и в легенде к карте: «По рекам Танде (Тынде. – К.Ч.), Гилую и Зее – горы каменные, низкие и плоские, местами высокие и острые... По оным выше писанным рекам ходят на промысел нерчинские промышленники к Олекминскому острову, ясашные тунгусы промышленляют со-

*Рис. 38. Карта Петра Жукова около 1737 г.
пограничных гор между Россией и Китаем
от р. Горбицы до р. Зея (фрагмент)*

болей и выше показанных зверей» вместе с изображением и надписью южнее хребта Тукурингра только у самого берега р. Амур и западнее р. Зея «юрт китайских тунгусов».

Эти надписи свидетельствуют, что территория Верхне-Зейской равнины к югу от Станового хребта до первого камня» от р. Амур находилась тогда во владении России.

На результаты этих рекогносцировок ссылается историк Г.-Ф. Миллер в своей первой записке о русско-китайской границе 1740 г., отмечая, что на охоту в китайских владениях русские власти паспортов не выдавали⁷⁵. Он предположил, что пограничным «камнем» к северу от Амура является линия хребтов Сохтакан – Тукурингра – Джагды.

В 1757 г. Г.-Ф. Миллер опубликовал очерк⁷⁶, в первой части которого утверждал, что русско-китайская граница была ошибочно проведена вдоль речки Горбицы (вместо р. Амазар, или Большая Горбица, где якобы проходила действительная граница)⁷⁷. Но Г.Ф. Миллер допускал ошибку -граница, несомненно, была установлена по речке Горбице, а не по реке Горбица (точнее, реке Большая Горбица, или Амазар)⁷⁸.

Во второй части того же очерка Г.-Ф. Миллер высказал мнение, что Россия имела права на р. Тугур и другие реки, впадающие в море между реками Удь и Амур, на том основании, что по условиям русского текста Нерчинского договора неразграниченным остается район между рекой Удь... и ограниченными горами, лежащими близ Амура и что реки, текущие «между Удью и Амуром, в течение долгого времени находились под властью России». Г.-Ф. Миллер далее утверждал, что поскольку горный хребет, обозначенный в качестве пограничного, трудно отличить от многих других гор в оставшемся неразграниченном пространстве, то лучшим выходом из создавшегося положения было бы рассматривать в качестве границы линии рек, в частности р. Амур, но если это окажется невозможным, то можно было бы зафиксировать границу по линии, соединяющей р. Большую Горбицу (в настоящее время Амазар) и р. Большой Ольдекон (в настоящее время – Ольдой), р. Танде (ныне– Тында), р. Гилой, р. Зея, р. Силимба (в настоящее время – Оелемджа) и р. Тугур⁷⁹.

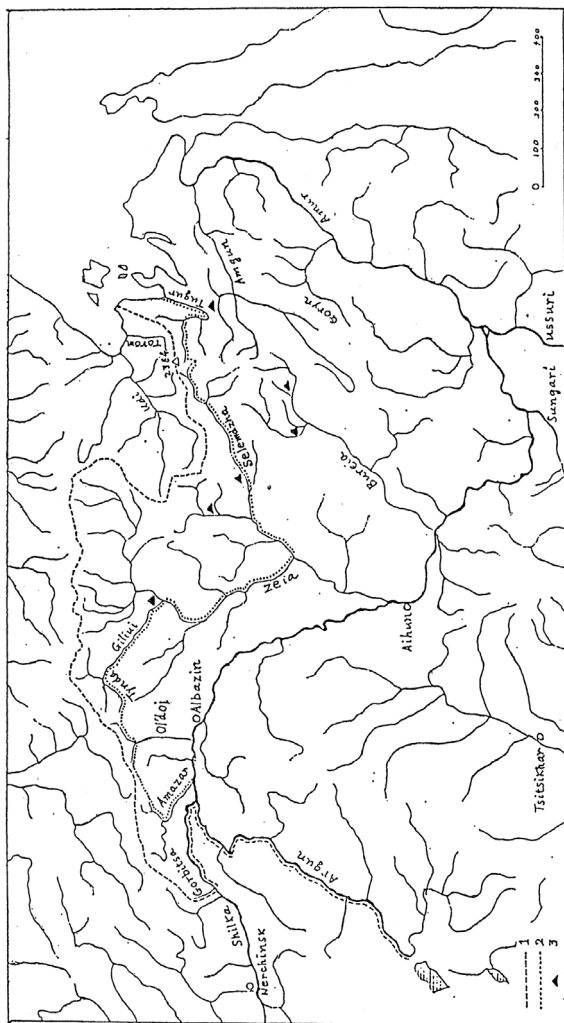
Против этого можно было бы возразить, указав, что выражение «ограниченные горы, лежащие близ Амура» в русском тексте Нерчинского договора появилось, вероятно, по

недоразумению, под влиянием чертежа Петелина или карты Гириноского Девятиречья, на которых р. Тугур, обозначенная как рубеж Китая, изображалась вблизи р. Амур (рис. 29, 30). На самом деле фарватеры этих двух рек, расположенные в 200 км одна от другой, отнюдь не близки одна к другой.

В 1850 г. русские заняли устье Амура, и Сенат России 17 февраля 1851 г. уведомил Трибунал внешних сношений Китая, что Россия больше не допустит, чтобы какая-либо морская держава заняла хотя бы один стратегический пункт в устье Амура как потому, что истоки этой реки берут свое начало на территории России, так и потому, что пространство к востоку от р. Удь, через которое протекает р. Амур, вплоть до ее устья, в соответствии с условиями договора, заключенного между Российской и Китайской империями, остается неразграниченным.

В свою очередь, китайское правительство не упомянуло такой пограничный ориентир, как горы Вэйикэ-Алинь, и пограничные знаки, и предало забвению ориентир Химкон (Хингун) – Тугурик. Таким образом оно пошло на уступку правительству России, разрешив генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву в 1854 г. сплав судов по Амуру, а затем, подписав в 1858 г. Айгуньский договор, утратило все левобережье реки Амур и в 1860 г. по Пекинскому договору – Приморье.

Итак, если исходить из основного пограничного ориентира Нерчинского договора 1689 г. – вершин «Каменных гор», тянущихся до моря, то есть хребта, обозначенного в его маньчжурском тексте как Большой Хинган, в том смысле, в каком его понимали в конце XVII в., то первоначальная трактовка этого ориентира цинской картографией, на наш взгляд, точнее отражает условия этого договора, чем русская и западноевропейская, преимущественно картография иезуитов. При этом, с точки зрения такого важного пограничного ориентира этого договора, как р. Амур (Сагалин-ула), более точной оказывается первоначальная трактовка линии границы русской стороной – по «первому камню» к северу от Амура с последующим уточнением южных пределов пространства к югу от р. Уды в зависимости от направления пограничного хребта в низовьях р. Амур (рис. 39).

▲ Китайские пограничные знаки в виде каменных пирамид, обнаруженные российским географом А. Миддендорфом в 40-е годы XIX в.
 - - - - Предположительная линия границы между Россией и Китаем на российских картах XVIII—XX вв., например «Исторической карте Российской империи 1793 года...», помещенной в «Исторической географии» В. К. Яцунского (М., 1955).
 Линия российско-китайской границы, предложенная в 1757 г. акад. Г.-Ф. Миллером.

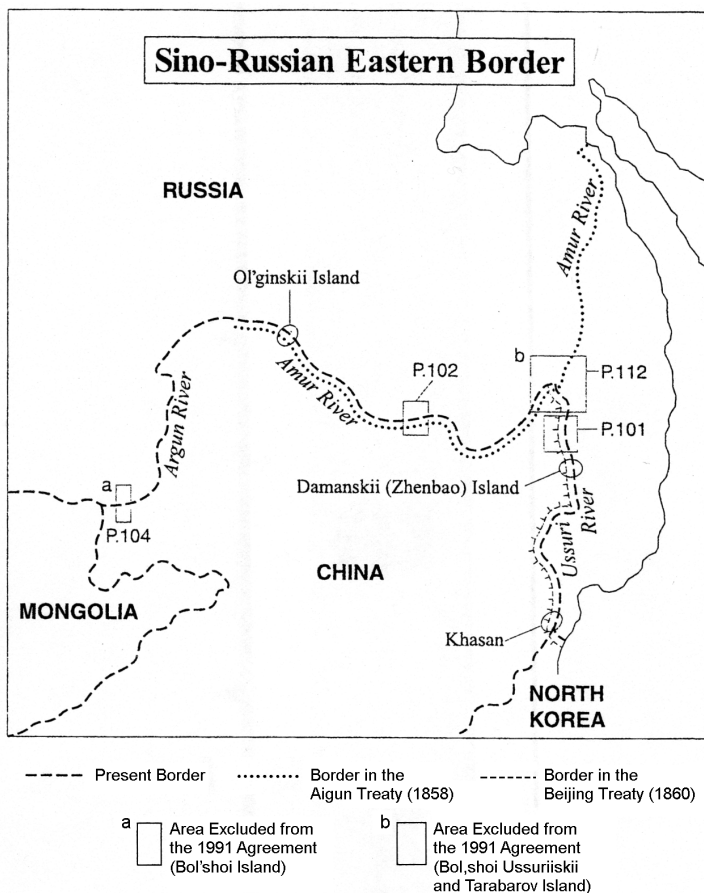
Рис. 39. Картограмма различных вариантов границы России и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г.

Первоначальная интерпретация указанных ориентиров Нерчинского договора иезуитами представляла собой огрубленную, однозначную в пользу Китая трактовку линии пограничного хребта как проходящего севернее Амура на всем его протяжении и заканчивающегося не вблизи слияния рек Сунгари и Амура, а значительно севернее, причем неразграниченное пространство оказывалось неправильно истолкованным как расположенное к северу, а не к югу от р. Уды.

В целом же все три трактовки были противоречивы как с точки зрения составляющих их компонентов, так и по отношению одна к другой. Это свидетельствует о несовершенстве Нерчинского договора и естественности его пересмотра в XIX веке по Пекинскому договору 1860 г. с делимитацией границы по р. Амур и р. Уссури, демаркированной по российско-китайскому соглашению 1995 г. Несмотря на заключение этого соглашения как окончательного, китайские политологи и историки с не афишируемого открыто согласия властей КНР считают, что Россия должна признать свои территориальные долги Китаю.

Вопрос о русско-китайской границе по Нерчинскому договору 1689 г. обсуждается около двух с половиной веков – с тех пор как в 1757 г. в России вышла в свет статья известного историка Сибири Г.-Ф. Миллера о сомнениях, которые вызвала у него граница, особенно по р. Горбице и на горном участке. В этой затянувшейся дискуссии китайские авторы считают, что расхождения между текстами Нерчинского договора не существенны и вся граница определена этим договором ясно, четко и однозначно (рис. 40).

Эта проблема сохраняет свою актуальность в связи с настоячивыми требованиями КНР, несмотря на взаимный отказ от территориальных претензий по «Большому» российско-китайскому договору 2000 г., признать, что по Нерчинскому договору, якобы установившему границу между двумя государствами по Становому хребту (по-китайски Большому, или Внешнему Хингану), тянущемуся на северо-восток по хребту Сунтар-Хаята⁸⁰ и заканчивающемуся к северу от Камчатки, Ки-

См.: Akihiro Iwashita. A 4/000 Km Journey Along the Sino-Russian Border. Sapporo, 2004. P. 61, 81, 94. Его же. Siberia and the Russian Far in 21st Century: Patners in the «Community Asia». Sapporo, 2005. P. 96–97, 103, 104, 111–112.

*Рис. 40. Восточный участок
российско-китайской границы*

таю принадлежала территория на 1,5 млн. кв. км больше, чем в настоящее время. Это произошло в результате его пересмотра Пекинским договором 1860 г., «навязанным ему вопреки

исторической справедливости» в 1860 г. (не считая утраченных Китаем территории Тувинской республики и Монгольской народной республики общей площадью в 1540 тыс. кв. км)⁸¹.

В целях подтверждения научной несостоятельности такой позиции китайских историко-географов и политиков автор среди прочих аргументов и вводит впервые в научный оборот упомянутую рукописную карту Петра Жукова.

Эта карта представляет большой интерес, так как на ней помимо северного Станового хребта на северо-восток от впадающей в р. Шилка пограничной речки Горбицы, изображен южный Становой хребет, первый «камень» (хребет) к северу от р. Амур и впадающей в него р. Шилка (вместе обе реки по-маньчжурски назывались Сахалин-ула), тянувшийся вдоль Амура через низовья р. Зея «по опокам», то есть вершинам гор до Тихого океана. Именно по этим вершинам послы России и Китая согласились установить границу по Нерчинскому договору 1689 г. с оставлением неразграниченным пространства между бассейном р. Уда и упомянутым хребтом вдоль р. Амур⁸².

Кратчайшую пограничную линию между истоками Горбицы и первым от Амура хребтом, по мнению автора, можно провести по одной из более поздних российских карт «Карте путей сообщения Дальнего Востока дорожного отдела управления водных путей сообщения Амурского пароходства». (Благовещенск, 1915. Квадрат р. 4, л. 4) по горам высотой в 1118 м и 1605 м к северу от г. Крестовая у Горбицы, расположенной, как и эти высоты, на Амазарском хребте, переходящем на востоке в цепь гор в системе гор Олекминского становика – далее по хребтам Западный Люндор и Урушинский-Джелтулинский становик – Чернышева – Янкан – Тукурингра – Соктахан – Джагды – Селемджинский – Элькире-Алинь (Вэйикэ-Алинь) с горой 2384 м – Ям-Алинь с горой 2295 м – Мевандж с оканчивающимся у берегов Тихого океана Омальским хребтом между бассейнами рек Уда и Амур при оставлении неразграниченным района к югу от р. Уда и этим хребтом с реками, впадающими в Охотское море⁸³.

К сожалению, к точке зрения, что в Нерчинском договоре граница между Россией и Китаем была проведена по современному Становому хребту, присоединяются и некоторые видные отечественные ученые. В маньчжурском тексте договора этому ориентиру было дано собственное название «Большой Хинган»⁸⁴ – буквально «Большие скалистые горы» (несмотря на то, что японский ученый Ацуси Номияма на основе своего анализа этого словосочетания в начале ст. 1 маньчжурского текста Нерчинского договора без обычно употребляемого суффикса «алинь» для обозначения собственного названия гор убедительно доказал, что, как и в латинском, в русском тексте договора, оно употребляется в качестве нарицательного)⁸⁵.

В пользу точки зрения о том, что установленная в 1689 г. граница до середины XIX в. проходила не по Становому хребту, а упомянутой ранее цепи гор, свидетельствуют периодически проверявшиеся китайской пограничной инспекцией, по сообщениям местных тунгусов, каменные пирамиды с маньчжуроязычными записями на деревянных дощечках о времени инспекции границы.

Такой пограничный знак известный российский географ А. Миддендорф во время путешествия по Приамурью в 1842–1844 гг. обнаружил «на уступе крутого спуска, покрытого горелым лесом и выдающегося между левым берегом Гилюя и правым Зеи». Другие знаки находились у впадения ручья Меван в р. Нара – правый приток р. Селемджа, на устье р. Киллер – притока р. Буреи у впадения р. Нимакан в р. Ниман, у впадения реки Умальтин в р. Буряя, а также на водоразделе рек Амгунь и Тугур, а также в других местах значительно южнее Станового хребта⁸⁶.

Из этого следует, что по Нерчинскому договору вся Верхне-Зейская равнина площадью в 50 тыс. кв. верст, расположенная между Становым хребтом и первым «камнем» к северу от р. Амур, сохранялась во владении России.

«Историческая» граница по Становому хребту до Камчатки была упомянута в 1964 г. Мао Цзэдуном в его «счете» по еще

непредъявленному реестру требований о «возврате» Китаю якобы ее бывших упомянутых выше обширных территорий.

И хотя по Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР 2001 г. стороны взаимно отказались от территориальных претензий (ст. 6), в Китае по-прежнему отчетливо звучат голоса таких политиков и ученых, которые не только считают, что этот отказ, с точки зрения международного права, не имеет отношения к необходимости восстановить «историческую справедливость» в результате отмены «насильственно навязанных Россией Китаю, неравноправных договоров» середины XIX в.⁸⁷ но ошибочно полагают, что пограничные географические ориентиры первого русско-китайского договора XVII в. представляют собой вершины гор Станового хребта (Внешнего Хингана) и его продолжения до Чукотского п-ва. Из этого исходит государственный Северо-Восточный проект КНР (2002–2007) по изучению окраинных земель начиная с периода Цин (с 1644 г.)⁸⁸.

Так, в 2003 г. в Институте китайско-российских отношений при Харбинском университете состоялась проведенная при участии руководства Высшей партийной школы Коммунистической партии КНР и дирекции этого института научная конференция по вопросам истории и современного состояния российско-китайских отношений. На этой конференции китайская сторона утверждала, что «необходимо прежде всего пересмотреть отношение к русско-китайскому Нерчинскому договору 1689 г.», чтобы вопреки мнению российской стороны возобладала точка зрения, будто по этому договору все, что находится к югу от линии, начинающейся от горы Кенте в пределах Монголии и идущей до Восточного (то есть Охотского. – *К.Ч.*) моря, принадлежит Китаю, и только то, что находится к северу от Внешнего Хинганского хребта является территорией России. И далее: «Амур и Уссури находятся в пределах Китая», хотя с точки зрения китайской стороны, бассейна этих рек были аннексированы Россией по Пекинскому договору 1860 г., несмотря на то, что

такая оценка противоречит принципу свободы договоров, не нарушая который граница «навечно» (ст. 1) прошла от устья Усури не по фарватеру Амура, а южнее о-вов Большой Уссурийский и Тарабаров (рис. 41).

----- The border claimed by *Komsomol'skaia Pravda*

- . - . - . The border claimed by *Kommersant Vlast*

Рис. 41. О. Большой Уссурийский
и о. Тарабаров у слияния р. Усури и р. Амур

Такой подход китайской стороны к проблеме российско-китайской границы на Дальнем Востоке, изучение которой началось формирующейся русской географической наукой еще в XVII в., свидетельствует, что рассмотрение ее в настоящей

работе сохраняет свою важность и актуальность, тем более что приверженцы подобного подхода, превратно истолковывая географические и исторические факты, а также принцип историзма, считают, что иные, чем упомянутые китайские версии в оценке этих договоров, «станут в будущем ядром и серьезным препятствием на пути строительства долгосрочных добрососедских отношений между Россией и Китаем»⁸⁹.

В пользу мнения о необходимости противодействия упомянутым тенденциям в условиях оттока российского населения с Дальнего Востока, сократившегося в 1991–2006 гг. с 10 млн. до 8 млн. чел. при заполнении этого вакуума китайскими гражданами, общая численность которых в самых приграничных областях этого региона превышает все население России в 143 млн. чел., свидетельствует заключение российских экспертов в связи со специальным заседанием Совета Безопасности РФ от 20 декабря 2006 г. под председательством Президента России В.В. Путина, что «прогнозируемые претензии соседних государств на российские территории должны инициировать принятие дополнительных мер» по укреплению ее дальневосточных границ со значительным увеличением личного состава погранвойск⁹⁰.

В октябре 2007 г. XVII съезд Компартии Китая включил РФ как государство «буржуазного либерализма» в число своих противников. Руководствуясь традиционной даосско-конфуцианской доктриной, восходящей к «Канону перемен» («Ицзин») – основному памятнику китайской цивилизации (VIII–VII вв. до н. э.), деление мира на три Севера (теперь 1. «Северная Америка», 2. Европа и 3. Северная Евразия к востоку от Урала) и четыре моря с Центром (Середина) в Китае (Срединное государство), Военный совет Компартии Китая во главе с генералом Сун Гуанкаем – ведущим стратегом КНР, заявил, что в период прогнозируемого кризиса третьего Севера в 2010–2012 гг. путем предъявления справедливых требований к РФ, прибегнув к мягкой демонстрации военной мощи, в союзе с Финансовым Интернационалом, представленным его третьим по мощи расчетно-кассовым центром –

Гонконгско-Шанхайнской банковской корпорацией, центр (КНР) должен будет подчинить третий Север, так как это соответствует предстоящим кругообразным изменениям в мире по «Ицзину». При этом, стремясь к установлению в мире «гармонии и справедливости», Пекин применяет тактику «пути хитрости (обмана)», провозглашенную в «Трактате о военном искусстве» («Сунь-цзы») IV в. до н. э.⁹¹, в котором приводится в пример храбрость военачальника Цао Куя (VII в.) из царства Лу, добившегося хитростью с помощью меча, спрятанного под одеждой во время мирных переговоров с противником, выполнения требования о возврате правителем царства Ци, северного соседа Лу, захваченных им своих территорий⁹².

* * *

Хотя последний официально спорный вопрос о принадлежности мелких островов в русле рек Амур и Аргунь и был урегулирован 14 октября 2004 г. в результате официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в КНР (за Россией осталось часть о. Большой Уссурийский у города Хабаровска, а КНР отошли часть этого острова, о-ва Тарабаров и Большой), китайские историки и политики продолжают писать о территориальных долгах России к Китаю (рис. 42, 43).

При демаркации этих и других спорных территорий между двумя сторонами они были разделены примерно поровну (с учетом особенностей рельефа местности), причем сторонам было предоставлено право совместного с партнером по переговорам хозяйственного использования уступаемых районов. Если бы Россия отказалась идти на уступки, то Китай возобновил бы претензии на 1,5 млн. кв. км по реестру Мао Цзэдуна 1964 г., в соответствии с которым граница должна была быть восстановлена по Становому хребту («Внешнему Хингану») в его произвольном истолковании «по Нерчинскому договору 1690 г.» как оканчивающимся к северу от Камчатки.

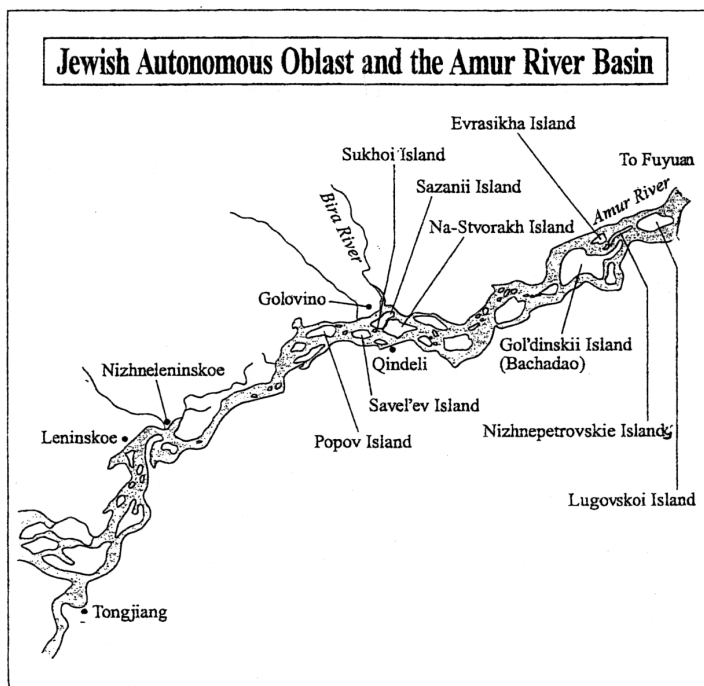

Рис. 43. Еврейская автономная область (о-ва Попов, Савельев, Голдинский, Нижнепетровские, Луговской и др.)

Впервые принцип паритетного разграничения с совместным использованием уступаемых территорий был реализован в соглашении в отношении острова № 279 (по-китайски Мэнкэсэли) – отмели длиной в 175 км с южным мелеющим рукавом р. Аргунь восточнее о. Большого, а затем и в других спорных районах восточного участка российско-китайской границы (рис. 44).

Для России конец XVII в. явился периодом ожесточенной борьбы с Турцией. Естественно, что должного внимания своим дальневосточным владениям русское правительство тогда не уделяло. Тем более, что приобретение Приамурья явилось результатом, главным образом, свободной народной колонизации. Стремясь к созданию в Приамурье «буферной зоны» из

Рис. 44. Район о. Большой (Абагайту)
и острова № 279 (Мэнкэсэли) на р. Аргунь

полувассальных территорий (так называемых «земель скывывания сил») цинские правители Китайской империи начали с 1683 г. широкие военные действия против России.

По окончании военных действий, как уже указывалось, был подписан Нерчинский договор 1689 г., по которому Россия вынуждена была уступить р. Амур. На переговорах об этом договоре ни Сахалин, ни Курильские острова поименно не упоминались. Дипломаты цинского Китая считали Сахалин обособленной страной айнов, которые также обитали на Курильских островах, поэтому эти острова фактически рассматривались в конце XVII в. вне пределов цинского Китая.

В настоящее время китайцы с нарастающей активностью создают в приграничных районах российского Дальнего Востока мощные социально-экономические анклавные компактного проживания своего населения, не интегрирующегося в окружающий социум. Здесь действуют китайские законы, имеется вся независимая инфраструктура, собственная мобильная связь и даже денежные банки. На протяжении уже десяти лет в дальневосточных регионах можно наблюдать организованные отряды китайских сельскохозяйственных рабочих с армейской выправкой.

Политика китайского руководства в отношении активного заселения районов российского Дальнего Востока диктуется не только потенциальными территориальными притязаниями (это, несмотря на его официальную позицию по этому вопросу, является очевидным хотя бы из фактов создания учебников с изображением наших восточных регионов как части территории КНР). Важнейшую роль в его миграционной политике КНР играет стремление внедрить «черные» схемы экономического грабежа России (рис. 45, 45-а). Главная проблема коренится не

Рис. 45. Район бедельского перевала в Киргизии на бывшей советско-китайской границе

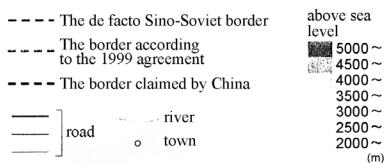
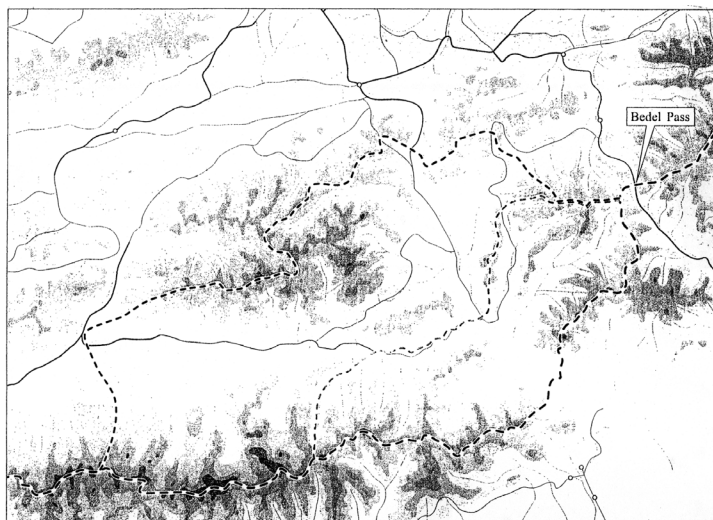

Рис. 45-а. Район бедельского перевала

в численности китайских мигрантов, а в том экономическом ущербе, который наносится России китайскими землячествами – широкомасштабный вывоз леса, рыбы, цветных металлов, дикоросов и другой ценной продукции.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЕРВЫЙ ОЧАГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОГРАНИЧНЫХ С СССР РАЙОНАХ СЕВЕРО- ВОСТОЧНОГО КИТАЯ И ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1. Вторжение японских войск в Маньчжурию и позиция советского правительства

В следующих двух главах рассмотрим события, которые были связаны со стремлением СССР закрепить границы, сложившиеся в этих районах Китая – Маньчжурии и Внешней Монголии, ставших в 20–30-е годы XX в. фактически автономными, особыми районами Китайской республики и попытками китайской и японо-маньчжурской стороны изменить в свою пользу границы этих районов, установленных по Пекинскому договору 1860 г., Портсмутскому договору 1905 г., а также внутренним административным актам Китая, к вооруженным конфликтам.

После разгрома в 1929 г. в Северной Маньчжурии Особой дальневосточной армией под командованием В.К. Блюхера, героя Гражданской войны в России, войск китайского милитариста Чжан Сюэяна, пытавшегося противодействовать усилению советского влияния в зоне Китайско-Восточной железной

дороги (КВЖД), тянущейся от советской границы в Приамурье арендованной Россией, руководство японской Квантунской армии стало опасаться, что СССР попытается, учитывая к тому же антияпонскую политику Чжан Сюэяна, взять реванш за поражение в Русско-японской войне и вытеснить японцев из Южной Маньчжурии.

В связи с этим в военных кругах Японии крепло намерение, поддержанное особенно активно новыми концернами Кухара, Накадзима, Фурукава и др., рвавшимися к захвату рынков сбыта и источников сырья на Дальнем Востоке, разрешить проблему Маньчжурии. С этой целью руководство армии учредило секретную комиссию, которая летом 1931 г. разработала «Основные положения мероприятий по разрешению проблем Маньчжурии и Монголии». Под давлением правительства армейское руководство решило отодвинуть на четыре года осуществление программы, изложенной в этом документе, хотя он уже был одобрен и принят к исполнению военным министром Д. Минами.

Однако в штабе Квантунской армии все более усиливавшие свое влияние сторонники немедленных военных действий во главе со старшими офицерами, тайно поддержанные высокопоставленными военными в Токио, не согласились с этой отсрочкой и выступили за продолжение политики, которую Япония последовательно проводила с периода Русско-Японской войны.

Учитывая эти настроения, армейское руководство в Токио пошло на фактическую отмену сдвига сроков нападения на Маньчжурию, намеченных на 1935 г., и выступило за ее немедленную оккупацию¹.

И это несмотря на то, что оккупация японскими войсками Маньчжурии представляла собой явное нарушение Портсмутского договора 1905 г. между Россией и Японией, поскольку в нем содержалось взаимное обязательство о выводе российских и японских войск с территории Маньчжурии (последних, за исключением Ляодунского полуострова на самом юге Маньчжурии).

Выход Квантунской армии из этой области в район КВЖД, принадлежавшей СССР, создавал угрозу его стратегическим интересам, а продвижение японских войск в северные районы Маньчжурии – непосредственную военную угрозу на государственной границе.

Хотя советская Особая дальневосточная армия после победы над китайскими милитаристами в 1929 г. находилась в боевой готовности на случай нового столкновения с китайцами, она не была подготовлена к войне с Японией.

Нарком по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилов, правда, высказывался за нанесение контрудара и по Квантунской армии при ее продвижении на север. Однако И.В. Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) высказались против этого, учитывая, что в условиях отсутствия у СССР военно-морского флота на Дальнем Востоке Япония в случае нанесения контрудара может воспользоваться этим как предлогом для захвата Северного Сахалина и Приморья, а также использовать такую ситуацию как средство для усиления международной изоляции СССР².

4 августа 1931 г. военный министр Японии Д. Минами провел инструктивное совещание командиров дивизий, в ходе которого настаивал на военных действиях против Маньчжурии и МНР без санкций правительства Р. Вакацуки³. При этом для нападения на Маньчжурию сначала был использован инцидент в деревне Ваньбаошань в 30 км к северу от Чанчуня, где японские власти спровоцировали столкновение корейских крестьян-переселенцев с китайскими крестьянами, а затем убийство при попытке к бегству в Маньчжурию в районе Таонань японского «геологоразведчика» капитана Накамура и его спутника. Командование Квантунской армии предъявило Чжан Сюэляну ультиматум с требованием обеспечить безопасность японских подданных, а в японской печати началась ожесточенная антикитайская и антисоветская кампания против «красных» с целью вызвать симпатию на Западе⁴.

В 22 часа 30 минут 18 сентября 1931 г. в местечке Лютяогоу неподалеку от северной части Мукдена произошел взрыв по-

лотна находившейся под управлением японцев Южно-Маньчжурской железной дороги, подготовленный в провокационных целях в штабе Квантунской армии лейтенантом С. Кавамото по приказу полковника С. Итагаки и подполковника К. Исивара, с последующим обвинением в этом китайской стороны⁵.

Взрыв был столь незначительным, что не помешал продолжить движение поездов.

Воспользовавшись этим предлогом, Квантунская армия после ожесточенного обстрела казарм войск Чжан Сюэяна из заблаговременно размещенных в северных окрестностях Мукдена 240-миллиметровых гаубиц сразу начала вторжение (рис. 46).

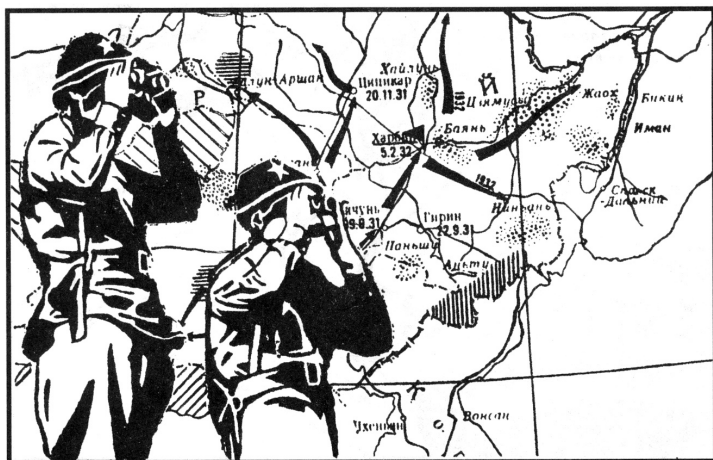

Рис. 46. Схема «Захват Маньчжурии в 1931–1932 гг.»

Утром следующего дня японские войска захватили эти казармы и оккупировали Мукден, являющийся резиденцией Чжан Сюэяна, куда затем переместился из зоны ЮМЖД командующий Квантунской армией генерал-лейтенант С. Хондзё. На 19 сентября 1931 г. в его распоряжении имелось 10 тыс. японских солдат и офицеров против 268 тыс. регулярных китайских войск и 180 тыс. ополченцев под командованием Чжан Сюэяна. Несмотря на предупреждение генерального консула

в Мукдене К. Хаясира об угрозе японского вторжения в ближайшее время, МИД Японии ограничился запросом на этот счет военного министра и подготовкой к дипломатической встрече с китайцами⁶.

Учитывая соотношение сил сторон, а также возможное повторное продвижение в Северную Маньчжурию советских войск после советско-китайского вооруженного конфликта 1929 г., правительство Японии приняло решение о локализации конфликта и направило соответствующее распоряжение руководству Квантунской армии.

Однако окрыленное первыми успехами оно не подчинилось ему и продолжило наступление, заняв в течение 20–22 сентября ряд важных городов – Куанчэнцзы, Фушунь, Ляоян, Чанчунь и Гири. 21 сентября командующий японской Корейской армией генерал-лейтенант Сэндзюро Хаяси по собственной инициативе, нарушив границу Китая, направил находившуюся под его командованием пехотную бригаду в распоряжение Квантунской армии.

После этого, не разделяя опасения военного руководства в Токио о том, что продолжение вторжения войск Квантунской и Корейской армий в Северную Маньчжурию (в сферу интересов СССР) может привести к нежелательному вооруженному столкновению с Советским Союзом⁷, войска которого могут развернуть совместные с войсками Чжан Сюэяна операции против Японии, руководство Квантунской армии решило продолжить вторжение в Маньчжурию в северном направлении. При этом оно точно рассчитало, что на этот раз Советский Союз, взяв курс на поддержку коммунистической партии Китая, непримиримого противника Чжан Сюэяна и руководителя Гоминьдана Чан Кайши, как составной части линии на развитие мировой революции, не пойдет на блокирование с противниками китайских коммунистов. Тем более что память о сражениях с ними на полях Северной Маньчжурии была еще свежа. При этом учитывалось также и немаловажное обстоятельство, что СССР был занят коллективизацией и выполнением напряженного плана первой пятилетки, что не позволяло Москве при ее плановой

экономике отвлекать финансовые и материальные средства на непредвиденные военные расходы, которые были бы неизбежны в случае новой военной акции в Северной Маньчжурии.

Осуществив необходимую подготовку, 19 ноября 1931 г. Квантунская армия без приказа из Токио перерезала принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу и заняла г. Цицикар. И поскольку вооруженного вмешательства со стороны Советского Союза в защиту своих интересов не последовало, авторитет Квантунской армии в силовом разрешении вопроса внешней политики Японии значительно возрос.

Войска Чжан Сюэляна также не предпринимали активных действий против расширения японской агрессии. Сам Чжан Сюэлян находился до 3 января 1932 г. в г. Цзиньчжоу в Южной Маньчжурии в ожидании благоприятного развития международной обстановки в результате дипломатического вмешательства ведущих государств мира, пока этот город не был захвачен японскими войсками. Продолжая наступление, 5 февраля Квантунская армия, пользуясь отсутствием решительного противодействия со стороны СССР, заняла г. Харбин – главный город в полосе КВЖД.

9 марта 1932 г. в г. Чанчунь было провозглашено образование прояпонского марионеточного государства Маньчжоу-го во главе с низложенным в результате Синьхайской революции 1911 г. последним китайским императором Г. Пуи (Сюаньтун) из маньчжурской династии, тайно вывезенным из Центрального Китая японским разведчиком Доихара. 15 сентября того же года новое государство было формально признано Японией, и в тот же день стороны обменялись протоколами о взаимном сотрудничестве и обороне Маньчжурии.

После провозглашения государства Маньчжоу-го его «союзнические» отношения с Японией претерпели серьезные изменения в сторону повышения ее роли во внутренней жизни этого политического образования. Так, уже 16 июня 1932 г. функция командующего Квантунской армией, которая состояла в обеспечении «обороны Квантунской области» (Ляодунского п-ова), а также защиты железных дорог в Мань-

чжурии», была преобразована в функцию обеспечения «обороны важных опорных пунктов Маньчжурии, а также защиты подданных империи».

В августе 1932 г. новым командующим Квантунской армией был назначен полный генерал Нобуёси Муро. В октябре того же года его штаб из Мукдена переместился в столицу Маньчжоу-го в г. Чанчунь, и в соответствии с вышеупомянутым японо-маньчжурским протоколом было принято решение об организации совместной обороны двух стран и размещении на территории Маньчжоу-го войск Квантунской армии, численность которой достигла четырех дивизий. Объект действий, против которого предполагалась организация совместной обороны, в Протоколе прямо не указывался, но в связи с низкой боеспособностью войск Чжан Сюэяна, по мнению известного японского военного историка С. Хаяси, под этим объектом подразумевался Советский Союз⁸.

2. Позиция Советского Союза в отношении вторжения Квантунской армии в Маньчжурию и создания Маньчжоу-го (1931–1932)

Уже на следующий день после начала японского вторжения заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан запросил у посла Японии в Советском Союзе Коки Хирота подробные сведения об оккупации Мукдена и о произошедших военных столкновениях, заявив, что советское правительство придает этим событиям огромное значение, учитывая также сообщения, что японские войска заняли железнодорожную станцию Куанчэнцзы, где расположен конечный пункт КВЖД.

К. Хирота ответил, что пока располагает об этом еще меньшей информацией, чем советская сторона.

Только после напоминания, сделанного 22 сентября наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, 25 сентября К. Хирота сообщил, что якобы большая часть 15-тысячного

контингента японских войск, приписанных к зоне принадлежащей Японии Южно-Маньчжурской железной дороги в соответствии с японо-китайским соглашением, уже вернулась в эту зону, за исключением небольшого отряда в Гирине, отражающего атаки китайцев; он вскоре также возвратился в зону ЮМЖД после нормализации обстановки.

На следующий день К. Хирота подтвердил, что в результате вооруженного столкновения с китайцами японские войска захватили железнодорожную станцию и часть города Куанчэнцзы, но затем покинули их, оставив лишь небольшой отряд для предотвращения контратак китайцев.

2 октября М.М. Литвинов вновь выразил в беседе с К. Хиротой обеспокоенность захватом японцами не только Мукдена и Гирина, но и других населенных пунктов Маньчжурии, а также поощрением деятельности в этих районах белогвардейских лидеров, прежде всего атамана Г.М. Семенова, готовящего восстание против властей МНР и угрожающего нормальному функционированию западной части КВЖД около г. Барга.

К. Хирота признал дальнейшее продвижение японских войск, предпринятое в связи с угрозой японским гражданам в этом районе со стороны китайских солдат, не подчиняющихся своим властям, и заверил собеседника, что японское правительство стремится к скорейшей нормализации обстановки в этих районах. Об активизации деятельности белогвардейцев он не сообщил никаких сведений. И только 13 октября известил, что Токио не поддерживает их действия.

Лишь 28 октября 1931 г., через 40 дней после начала агрессии Японии в Северо-Восточном Китае, Л.М. Карахан, пригласив к себе К. Хироту, заявил ему не о протесте против применения Японией вооруженных сил в Китае, что представляло собой явное нарушение ее обязательств не только по Портсмутскому договору 1905 г., но и по Парижскому пакту 1928 г. (Пакту Бриана – Келлога) о недопущении агрессии, а о политике строгого нейтралитета, которой СССР намерен придерживаться в этом вооруженном конфликте (по аналогии с позицией Японии в советско-китайском вооруженном конфликте 1929 г., когда

СССР считал, что она, как и любое другое государство, не имеет права брать на себя функцию «блюстителя этого пакта»).

Через несколько дней в своей речи, посвященной 14-й годовщине Октябрьской революции, председатель СНК СССР В.М. Молотов подтвердил, что позиция Советского Союза заключается в невмешательстве в события в Маньчжурии. Правда, при этом В. Молотов заявил, что действия Японии в Маньчжурии не могут быть оправданы, как об этом писали японские газеты и видные сторонники политики большевизации Северо-Восточного Китая.

Такая позиция СССР определялась мнением И.В. Сталина, не без основания считавшего, что в результате осуществления «нового курса» в экономике⁹ Советский Союз не накопил еще достаточно сил для отпора усиливавшейся в военном отношении Японии.

Так, 14 сентября 1931 г. И. В. Сталин в письме Л.М. Кагановичу, замещавшему первого в период его отсутствия в Политбюро, писал: «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо и непоколебимо, но тактика должна быть погибче, поосмотрительнее... Не пришло время для наступления». И далее: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились... В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира. Пакт Келлога как орудие оправдания оккупации, Америку как сторонницу деления Китая... «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном, осторожном тоне... Следовало бы особо наострить коминтерновскую печать и вообще Коминтерн. Этого будет пока достаточно»¹⁰.

Осторожная линия советских официальных властей в отношениях с Токио в соответствии с указаниями Сталина, проводилась и в дальнейшем. Когда японские войска 19 ноября 1931 г. завершили оккупацию г. Цицикар (второго после г. Хар-

бин центра Северной Маньчжурии), СССР высказался против использования КВЖД Квантунской армией. Однако после того, как власти Маньчжоу-го, совместно с которыми Советский Союз осуществлял управление этой дорогой, согласились на перевозку по ней японских военных грузов и японских войск, Советский Союз в течение некоторого времени воздерживался от возражений против этого, сохраняя в целом неизменной свою политику невмешательства в отношении японской агрессии на новом этапе ее эскалации¹¹. Согласившись на такие перевозки на КВЖД, советские власти, тем не менее, симпатизируя китайцам, особенно тем, которые были связаны с Компартией Китая, стали постепенно чинить все большие препятствия в случаях, когда японцы перевозили по этой железной дороге не гражданские, а военные грузы.

Оказываемая одновременно помощь с советской стороны китайским вооруженным формированиям (например, в конце октября 1931 г. сопротивлявшемуся японцам китайскому генералу Ма Чжаншаню была передана большая партия оружия и боеприпасов¹²), вызывала протест со стороны Токио. Японцы насильственно реквизируют железнодорожные составы для своих военных перевозок. Усиление напряженности в советско-японских отношениях вынудило СССР привести войска на границе с Китаем в конечных пунктах КВЖД в состояние боевой готовности.

Разумеется, эти действия осуществлялись по указаниям высшего советского партийного и военного руководства, прежде всего И. Сталина. Как писал после начала событий в Маньчжурии редактор газеты «Известия» И.М. Гронский члену Политбюро ЦК ВКП(б) В.В. Куйбышеву, «все, что касается Японии и дальневосточных дел, проходит через него»¹³ и наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова. О повышенном внимании к событиям в Маньчжурии свидетельствует и письмо И. Сталина К. Ворошилову, находившемуся в командировке в восточных районах СССР, от 27 ноября 1931 г.

В этом письме И. Сталин писал, что СССР подходит к японскому вторжению в Маньчжурию как к серьезному и важ-

ному событию, так как Япония рассчитывает захватить силой также Пекин и прилежащие к нему районы с помощью группы китайских феодалов, чтобы сформировать правительство Китая, конкурирующее с правительством Чан Кайши в Нанкине, и в следующем году возместить им их территориальные потери в Маньчжурии за счет советского Дальнего Востока и, возможно, Монголии.

И. Сталин писал далее, что, претворяя в жизнь этот план, Япония будет стремиться защитить себя и Северный Китай от «дурного влияния большевиков», сделать невозможным сближение между СССР и Китаем и создать свою мощную экономическую и политическую базу на Азиатском континенте, чтобы подготовиться к войне с США, причем если Япония не реализует этот план в 1932 г., она окажется в ловушке между милитаризирующейся Америкой, революционным Китаем и быстро развивающимся и стремящимся выйти на просторы Тихого океана Советским Союзом. (Позднее это было бы уже невозможно, так как СССР успел бы предпринять необходимые оборонительные меры.)

По мнению И. Сталина, осуществление этого плана зависело от ряда благоприятных для Токио факторов, а именно: 1) попустительство ведущих империалистических держав, прежде всего США; 2) задержка с развертыванием активного антияпонского движения сопротивления в Китае; 3) отсутствие мощного революционного подъема в Японии, признаков которого в это время не наблюдалось; 4) пренебрежение со стороны СССР серьезными военными и невоенными превентивными мерами против такого плана.

В заключение, отмечая, что нейтралитет в отношении Японии, несмотря на ее вторжение в Маньчжурию, способствует успеху на переговорах с Польшей о пакте о ненападении, И. Сталин подчеркивает, что главное в условиях, сложившихся в результате японской агрессии в Китае, состоит в том, чтобы после возвращения К. Ворошилова в Москву приступить к разработке плана укрепления обороны СССР на Дальнем Востоке¹⁴.

3. Предложение СССР Японии заключить пакт о ненападении (1931–1932)

Москва продолжала стремиться к мирному урегулированию в Маньчжурии. В конце декабря 1931 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов предложил японскому послу во Франции Ю. Ёсидзаве, возвращавшемуся из Парижа через Москву в Токио, где он должен был предположительно занять пост министра иностранных дел, заключить советско-японский договор о ненападении, который мог бы стать важным инструментом в процессе улучшения советско-японских отношений. В январе 1932 г. для выяснения реакции Токио на данное предложение советский полпред в Токио А.А. Трояновский посетил с этой целью премьер-министра Японии Ц. Инукаи. Полпред СССР заявил, что в случае заключения договора о ненападении Советский Союз готов будет даже признать марионеточное государство Маньчжоу-го, то есть фактически согласиться с результатами японской агрессии против Китая.

По мнению японской стороны, такой договор содействовал бы обеспечению безопасности СССР и Японии, но вместе с тем усилил бы напряженность в японо-американских отношениях¹⁵, так как противоречия между Токио и Вашингтоном в их соперничестве за рынки сбыта и источники сырья в бассейне Тихого океана в этот период все более обострялись. Именно в связи с нежеланием вызвать еще большее недовольство США этим договором и таким образом ускорить процесс усиления противоречий министр иностранных дел Японии К. Утида в декабре 1932 г. сообщил советской стороне, что время для заключения такого договора с СССР еще не созрело, и предложил провести переговоры о разрешении стоящих перед Москвой и Токио вопросов на двусторонней основе, не поднимая темы, которые затрагивают интересы третьих государств.

В 1932 г. вопрос о заключении этого пакта затрагивался Советским Союзом неоднократно, но Токио занимал уклончи-

вую позицию, используя советское предложение об этом пакте для давления на позиции ведущих капиталистических государств в Лиге Наций.

В результате, готовясь к выходу из этой международной организации, в декабре 1932 г. МИД Японии направил в НКВД СССР недвусмысленно отрицательный ответ.

В период с конца зимы до лета 1932 г. советско-японские отношения переживали период значительного улучшения. Это объяснялось отнюдь не тем, что Токио сделал в этот период какие-либо существенные шаги с целью улучшить двусторонние отношения, а тем, что СССР заявил о своем строгом нейтралитете, когда Япония попыталась в противоборстве с Китаем и ведущими государствами Запада захватить вооруженным путем район Шанхая. При этом Советский Союз не только воздержался от критики агрессивных действий Японии в этом районе Китая, но и не пропустил через свою территорию комиссию Лиги Наций во главе с В. Литтоном для выяснения причин вторжения японских войск в Маньчжурию.

В докладе Лиги Наций от 4 сентября 1932 г. содержался вывод, что Япония имела план «нападения», то есть нападения в Маньчжурии. Японию в отличие от Китая обвиняли в незаконных действиях в зоне ЮМЖД как предпосылке вооруженного конфликта и поэтому рекомендовали не признавать Маньчжоу-го, что подтвердила 23 февраля 1933 г. сессия Лиги Наций, а затем и США, создав консультативный комитет по контрмерам, в состав которого СССР войти отказался. В результате этих действий Япония 27 марта 1933 г. вышла из организации.

В феврале 1932 г. СССР не только фактически, но и официально в нарушение советско-китайского соглашения 1924 г. предоставил Японии разрешение на транспортировку ее войск и военных грузов по КВЖД, в марте и сентябре советские представители заключили с Токио соглашение на поставку соответственно в Маньчжоу-го и Японию бензина из СССР, а в августе продлили рыболовную конвенцию.

Несмотря на эти шаги советской стороны, Япония не ослабляла своих усилий по укреплению позиций в Северной

Маньчжурии, значение которой как военного плацдарма на Азиатском континенте для развязывания большой войны после поражения японских войск в районе Шанхая значительно возросло¹⁶.

В этих условиях Советский Союз во втором полугодии 1932 г.¹⁷ также ужесточил свою позицию по вопросу о влиянии в этом районе Маньчжурии. Пользуясь недовольством местных китайских милитаристов (генералов Ма Чжаншаня, Су Бинвэнь, Ли Ду, Тин Чао и др.) по поводу усиления контроля со стороны Японии, советские власти стали нелегально оказывать им поддержку в организации антияпонских восстаний, наиболее крупные из которых были легко подавлены японскими военными.

Квантунская армия провела около 1850 успешных карательных экспедиций против повстанцев¹⁸, некоторые из них в результате подавления их выступлений оказались на советской территории (зимой 1932–1933 гг. их численность достигла более 20 тыс.). При этом требования японской стороны об их выдаче советские власти неизменно отклоняли под разными предлогами¹⁹, продолжая оказывать помощь в приграничных районах мелким партизанским отрядам китайцев, общая численность которых в Маньчжурии в этот период достигала 100 тыс.²⁰

4. Мероприятия СССР по укреплению безопасности на границах с Северо-Восточным Китаем (1931–1936 гг.)

Не полагаясь на серьезный успех в обеспечении своей безопасности на Дальнем Востоке за счет Японии, Советский Союз сразу же после вторжения ее войск в Маньчжурию сделал главный акцент в данном вопросе на военном строительстве в этом регионе.

Сведения об усилении Особой Дальневосточной армии стали известны японской стороне уже в ноябре 1931 г., когда

свежие советские воинские контингенты появились на конечных пунктах КВЖД в Забайкалье и Приморье. Одновременно с этим было продлено на один год пребывание в составе Особой Дальневосточной армии солдат и офицеров сверхсрочной службы. Была создана также Приморская группа советских войск, и в городах Владивосток, Уссурийск и некоторых других многие жилые дома стали перестраивать в казармы. Вместе с тем «для обеспечения безопасности» в городах советского Дальнего Востока стали проводиться превентивные аресты нежелательных, с точки зрения советской власти, элементов. Так, по данным японской стороны, только за две недели января 1932 г. во Владивостоке были арестованы около 400 человек²¹.

Как заявил 8 февраля 1932 г. советский представитель на Международной конференции по разоружению в Женеве, в полосу границы СССР с Маньчжурией для отражения «агрессии со стороны белогвардейских войск» были сосредоточены советские воинские части Приморья и Забайкалья.

4 марта 1932 г. газета «Известия» впервые обвинила Японию в «провокации войны», применив в отношении этого государства слова И. Сталина, что советские люди не хотят чужой земли, но и своей земли они ни пяди никому не отдадут; газета призвала к усилению обороны советского Дальнего Востока. И если упомянутое заявление советского представителя в Женеве являлось, по мнению японской стороны, реакцией на оккупацию Квантунской армией г. Харбин, то названная статья в газете «Известия» была расценена как ответ на форсирование подготовки к созданию японскими властями марионеточного государства Маньчжоу-го, независимость которого была объявлена 18 февраля 1932 г., а создание – 9 марта того же года.

По оценке генштаба японской армии – на сентябрь 1932 г., основные вооруженные силы СССР на Дальнем Востоке состояли из 8–9 стрелковых дивизий, одной кавалерийской дивизии и двух кавалерийских бригад, около 250 танков и около 200 самолетов, причем с начала маньчжурских событий количество дислоцированных на Дальнем Востоке советских стрелковых дивизий увеличилось на 3–4 дивизии, не считая инженерно-

строительных войск, развернувших фортификационные работы по строительству дотов и 22 дзотов²².

Весной 1932 г. началось строительство на советском Дальнем Востоке военно-морского флота как регионального морского формирования. До этого здесь действовала только Амурская флотилия, малое количество кораблей которой и их класс не позволяли считать ее флотом. Для этого необходимо было перебазировать сюда корабли и военно-морские кадры из Европейской части СССР. В эти же годы началось восстановление военно-морского порта и крепости во Владивостоке, форсированное выселение гражданского населения и строительство казарм, а также установка артиллерии на о. Русский у входа в этот военно-морской порт.

После захвата Маньчжурии и заключенного в мае 1933 г. японо-китайского соглашения в Тангу о признании этого захвата в том же году в ежегодно утверждавшемся оперативном «Плане национальной обороны империи» произошло кардинальное изменение: главное направление военных действий на случай войны с СССР переместилось из района Большого Хинганского хребта, пересекающего Маньчжурию, в сторону советского Приморья, которое в 1928 г. впервые после окончания Гражданской войны стало рассматриваться как объект возможного нападения со стороны Японии. Это объяснялось как японо-маньчжурским протоколом о совместной обороне, так и сделанными в сентябре 1932 г. намеками советской стороны о возможности продажи Японии по приемлемой для СССР цене КВЖД. Официальное предложение на этот счет СССР сделал в мае 1933 г., хотя по советско-китайскому соглашению 1924 г. третьему государству эту железную дорогу Советский Союз продавать не имел права.

По новому оперативному плану японская армия должна была сначала перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, развернуть наступление против контингентов Красной армии, которые будут прибывать из других районов Сибири, а затем нанести удар по советским войскам в Приморье. Уже после принятия этого плана на военно-воздушных ба-

зах в Приморье было увеличено количество размещенных там советских тяжелых бомбардировщиков, и во Владивосток прибыло большое количество подводных лодок. Это способствовало тому, что новый оперативный план Квантунской армии в Маньчжурии приобрел долговременный характер и в принципе не менялся в течение 10 лет²³.

В июне 1933 г. руководство японской армии в преддверии прогнозирувавшегося на 1935–1936 гг. циклического мирового экономического кризиса дважды созывало совещание ответственных согрудников различных министерств и ведомств для определения государств, наиболее опасных для Японии, и выработки соответствующей оборонной стратегии. В результате меньшинство высказалось за то, чтобы временно не считать СССР потенциальным противником, поскольку сокрушить его в прямом военном столкновении было невозможно, а сосредоточиться на военном подавлении Китая, оказывающего упорное сопротивление Японии, и лишь после этого подготовиться к военному противоборству с СССР.

Большинство участников этих совещаний выступили против такой концепции, ссылаясь на то, что подобная стратегия приведет к тому, что в результате Япония может оказаться перед лицом способных объединиться против общего врага двух сильных противников, а активизация военных усилий на китайском направлении в связи с возможностью вмешательства ведущих государств мира может привести к вовлечению Японии в мировую войну. Поэтому возоблудала концепция, при которой единственным главным противником было решено считать Советский Союз, причем с учетом его возрастающей мощи. Акцент был сделан не на активных военных мероприятиях против СССР, а на укреплении собственной обороноспособности при сохранении в силе упомянутого выше оперативного плана на случай, если Советский Союз сам предпримет наступательные действия в Маньчжурии²⁴.

Об опасности развязывания новой мировой войны в результате агрессивной политики Японии предупреждали и

советские военачальники. Так, 10 февраля 1934 г., выступая на вечере танкистов в Центральном доме Красной Армии, К.Е. Ворошилов заявил: «Период мирной передышки заканчивается. Приближается начало новой империалистической войны... Я должен прямо сказать, что если бы японцы наступали на нас в прошлом году, мы и тогда имели довольно значительное количество танков на Дальнем Востоке, но использовать их так, как это мы сможем сделать теперь, сегодня, мы не смогли бы, потому что кадры у нас тогда еще были слабоваты. Теперь этот пробел мы восполнили...»

Выразив надежду, что в 1934 г. войны удастся избежать, он тем не менее заявил: «Японцы, как вы знаете, ведут себя довольно нахраписто. Тут могут быть всякого рода неожиданности. Японцы нас могут шантажировать в любой момент». О возможном исходе этой войны К.Е. Ворошилов сказал: «... японцы не смогут, не должны с нами справиться. Здесь все будет зависеть от людей, от того, как мы будем использовать нашу технику, от того, насколько умело мы сумеем ее применить тактически, организационно и оперативно, насколько умело распорядимся нашими средствами борьбы²⁵.

В январе 1935 г. заместитель наркома обороны СССР М.Н. Тухачевский выступил с докладом на VII съезде Советов СССР. Докладчик заявил, что в 1934 г. личный состав Красной армии увеличился с 600 тыс. до 940 тыс. человек, а военный бюджет на 1935 г. вырос на 6,5 млрд. руб. М. Тухачевский сообщил, что в связи с большой удаленностью восточных рубежей СССР от его западных границ (а это было чревато тем, что в случае возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке подкрепление из Европейской части СССР для ограниченного контингента советских вооруженных сил, даже если его осуществлять по воздуху, может не успеть вовремя) советское руководство оказалось поставленным перед необходимостью разместить в дальневосточных районах страны авиацию, танковые и артиллерийские подразделения.

Обратив особое внимание на последнее обстоятельство, генеральный штаб японской армии пришел к выводу, что по-

скольку такие части, по-видимому, в соответствии с советской военной доктриной будут составлять основу вооруженных сил СССР, необходимо будет соответствующим образом усилить Квантунскую армию²⁶.

15 января 1936 г. М. Тухачевский в своей речи на заседании правительства СССР изложил новый план обороны страны, в котором говорилось, что с Запада Советскому Союзу угрожает вооружающаяся Германия, а с Востока – Япония, и армия нуждается в продовольственных ресурсах Сибири и Монголии. Докладчик добавил, что в Японии быстрыми темпами растет производство военной авиации и танков, в Маньчжурии ведется строительство сети стратегических железных дорог с целью подготовки к агрессии против СССР, а японский военно-морской флот приступил к осуществлению своего второго плана увеличения военно-морских сил.

Все это ставило страну, по словам заместителя наркома, перед необходимостью подготовки к обороне на два фронта и повышения процента регулярных войск по сравнению с народным ополчением (с 26% : 74% в 1934 г. до 77% : 23% в 1935 г.) при доведении общей численности Красной армии до 1,3 млн. человек и форсированном строительстве ВВС и ВМС, особенно подводного флота.

Японский Генеральный штаб проанализировал планы советского руководства и дал свою оценку: советская стратегия оборонительной войны на два фронта с последующим перенесением главного контрудара с одного фронта на другой трудно осуществима и поэтому нереалистична²⁷.

К концу 1935 г. почти все стрелковые дивизии Красной армии были укомплектованы регулярными частями с повышенной огневой мощностью, что, по мнению японской стороны, свидетельствовало о росте ее профессионализма и наступательного потенциала²⁸.

В июне 1936 г. в Японии при утверждении очередного оперативного «Плана национальной обороны империи» впервые после окончания Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке нашей страны наряду с присутствовавшим в этом

плане в качестве его первоочередного и в прошлом единственного объекта – США стали указывать также Советский Союз.

Последнее обстоятельство было связано с тем, что представители японского правительства уже вели с фашистской Германией переговоры о заключении Антикоминтерновского пакта.

На Токийском процессе главных японских военных преступников 1946–1948 гг. эти оперативные планы, несомненно направленные против СССР, были включены как в обвинительный акт, так и в приговор Международного военного трибунала в качестве свидетельства агрессии против Советского Союза. Но таковыми эти планы могли быть только при их претворении в жизнь в случае явного нарушения Японией норм международного права, как это имело место в отношении Китая со стороны Токио.

Такой же план войны с Германией генеральный штаб японской армии в 30-е годы разработал и на случай, если Гитлер, быстро и успешно осуществив молниеносный захват Европы, приступил бы к экспансии через регион Индийского океана в направлении стран Тихоокеанского бассейна. Но никому не пришел в голову такой абсурд, как обвинять Японию на этом основании в агрессии против фашистской Германии и выносить японским руководителям на том же процессе соответствующий приговор²⁹.

Антикоминтерновский пакт был заключен 25 ноября 1936 г. (через один год к нему присоединилась Италия) для совместного противодействия Японии и Германии, как указывалось в опубликованном тексте, подрывной деятельности Коминтерна (III Интернационала коммунистических партий). Это было сделано, как утверждали представители этих государств, в ответ на решение состоявшегося в 1935 г. VII Всемирного конгресса этой организации, который исходил из необходимости создания при сотрудничестве со II Интернационалом социалистических партий единого народного фронта борьбы против империализма и фашизма, то есть против правящих кругов Германии и Японии, оказывая Компартии Китая помощь в борьбе против господствующих классов своей страны.

К пакту был приложен секретный договор, в соответствии с которым стороны учредили постоянный комитет для обмена информацией о деятельности Коминтерна, сотрудничества в проведении мероприятий по защите от этой деятельности и принятия жестких мер против сотрудников Коминтерна и их «пособников» внутри каждой из договаривающихся сторон, а также содействия этому сотрудничеству и взаимно обязались консультироваться в отношении необходимых мер для подавления «подрывных акций» Коминтерна.

На основании анализа поступавшей информации разведывательная агентура СССР заранее почти совершенно точно предсказала содержание Антикоминтерновского пакта, и в связи с этим 9 ноября 1936 г. полпред СССР в Японии К. Юренев посетил министра иностранных дел Х. Ариту и сделал запрос относительно того, будет ли носить документ, о заключении которого велись тогда переговоры Японией с третьей страной, антисоветский характер. А 21 числа того же месяца в «Известиях» была опубликована статья о «заговоре Японии и Германии против мира», в которой с осуждением подчеркивалось, что под флагом борьбы с большевизмом скрывается тайный военный союз двух государств.

Очевидно, что именно вследствие такой оценки Советским Союзом Антикоминтерновского пакта сразу же после его заключения позиция нашей страны в отношении Японии приобрела более твердый характер.

Вдоль границы с Маньчжоу-го по берегам р. Уссури, р. Амур и в Забайкалье были размещены советские войска, состав которых постепенно усиливался. В соответствии с принципами советской внешней политики (остававшимися в основном неизменными до XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 г.) война между капиталистическими государствами и СССР в силу агрессивной природы капитализма представляла собой фатальную неизбежность, а их мирное сосуществование рассматривалось как передышка между такими войнами, будучи формой классовой борьбы, являющейся подготовкой сторон к войне двух антагонистических систем. Этот подход к граду-

щей войне между этими государствами нашел свое отражение и в полевом уставе Красной армии, который вступил в силу в декабре 1936 г., а также в принципе подготовки вооруженных сил для заранее predetermined нападения классового противника и немедленного переноса после сокрушительного контрудара военных действий на территорию врага.

Советская доктрина фатальной неизбежности войны с капиталистическими странами и выдвижение для нанесения мощного удара по уязвимым местам в обороне противника в районы, непосредственно прилегающие к границе мобильных воинских соединений Красной армии, вызвало обеспокоенность в генеральном штабе японской армии. Эта обеспокоенность усилилась после проведения в конце марта 1936 г. военных маневров Особой Дальневосточной армии под командованием маршала В.К. Блюхера, осуществленных впервые в столь широких масштабах³⁰. При этом особое внимание японская сторона обратила на начатое в конце 1936 г. строительство аэродрома для тяжелых бомбардировщиков в 200 км от границы с Маньчжоу-го северо-восточнее г. Ворошиловска, куда после его завершения они начали приземляться уже в 1937г.³¹.

Стремясь обезопасить район Забайкалья в связи с огромным стратегическим значением для снабжения всего советского Дальнего Востока участка проходящей здесь Транссибирской железнодорожной магистрали, СССР решил расширить эту своего рода «горловину» между Сибирью и Дальним Востоком и для этого 27 ноября 1934 г. заключил соглашение с МНР о военной взаимопомощи, а фактически – об односторонней советской помощи МНР для обеспечения безопасности перевозок по этой магистрали с юга, так как армия МНР насчитывала всего 15 тыс. человек. Однако, поскольку недалеко от границы СССР, в 200 км юго-западнее от г. Хайлар восточнее озера Буир-Нур в районе р. Халхин-Гол был расположен приграничный участок между МНР и Маньчжоу-го, оспариваемый обеими сторонами, подписание этого соглашения заключало опасность втягивания Советского Союза в вооруженные столкновения не только с мань-

чжурскими войсками, но и с Квантунской армией, связанной с марионеточным правительством маньчжурского императора Г. Пуи военным союзом о взаимопомощи.

5. Усиление напряженности на границах с Маньчжоу-го (1935–1936)

Действительно, вскоре после заключения этого соглашения – 8 января 1935 г. – отряд монгольских кавалеристов из 10 человек выдвинулся в окрестности могильного кургана Халха к северу от озера Буир-Нур. В ответ на это 28 января того же года отряд японских кавалеристов занял курган Халха. Данный инцидент послужил поводом для проведения переговоров 1 июня 1935 г. в пограничном местечке у советско-маньчжурской границы Манчжоули об определении линии границы между МНР и Маньчжоу-го. При этом 23 июня японские геодезисты во время съемки местности в спорном районе р. Хайластын – притока р. Халхин-Гол – были взяты в плен. Каждая сторона настаивала, что оспариваемая территория принадлежит ей, поэтому вопрос о границе урегулирован не был и позднее, в 1939 г., явился причиной ожесточенного вооруженного конфликта в районе р. Халхин-Гол (Халха). В спор вокруг вопроса о границе в ходе монголо-маньчжурских переговоров были вовлечены как японская, так и советская стороны. Первая из них поддержала требование делегации Маньчжоу-го о признании ответственности МНР за произошедший инцидент в районе р. Хайластын, согласилась на постоянное размещение на ее территории вблизи спорного участка границы постоянного представителя Маньчжоу-го и заявила, что в случае отказа монгольской стороны от принятия этих требований они будут рассматриваться как последнее предупреждение, после которого войска МНР будут силой отеснены за линию Тамцак-Булак – Джи-Джи-Сумэ, соединяющую центр и середину южного края района МНР, вдающегося в территорию Маньчжоу-го³².

В свою очередь, 6 июня 1935 г. правительство Советского Союза в связи с позицией Японии в этом инциденте сделало ее послу в СССР К. Хирота заявление, в котором утверждало, что не столько власти Маньчжоу-го, сколько Квантунская армия, предъявив 4 июля 1935 г. необоснованное и «последнее предупреждение» МНР, провоцирует ее на вооруженный конфликт, и Квантунская армия пытается воспользоваться этим предупреждением как предлогом для оккупации района между Тамцак-Булак и Джи-Джи-Сумэ. В заключение правительство СССР доводило до сведения правительства Японии, что, исходя из интересов безопасности своей собственной границы, оно заинтересовано, чтобы Токио принял необходимые меры в отношении Квантунской армии с целью обеспечения мирного порядка на монголо-маньчжурской границе. В результате демарша правительства СССР монгольская сторона, получив дипломатическую поддержку Советского Союза, отвергла притязания делегации Маньчжоу-го, поддержанные Токио, и 26 августа того же года переговоры были прерваны.

Срыв монголо-маньчжурских переговоров способствовал сохранению напряженности на границе между МНР и Маньчжоу-го. В результате этого 12 февраля 1936 г. на границе между ними в местечке Опаходка вблизи юго-западного берега озера Буир-Нур произошло вооруженное столкновение между кавалерийским отрядом Квантунской армии и подразделением армии МНР, усиленным артиллерией и броневиками. При этом стороны понесли потери убитыми и ранеными.

Через месяц – 20 марта 1936 г., был подписан Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР сроком на 10 лет, в соответствии с которым в случае нападения на одну из договаривающихся сторон другая должна была оказать ей всевозможную помощь, в том числе военную.

Сразу после подписания этого документа началась реконструкция дорог, связывающих Забайкалье с МНР, а также строительство стратегической железной дороги от Улан-Удэ до Наушки, расположенных на границе Бурят-Монгольской

АССР и МНР, что могло иметь важное значение в случае начала боевых действий.

О подготовке к ним не только СССР, но и МНР, по сведениям генштаба японской армии, свидетельствовало и увеличение в два раза военного бюджета Монголии, численности вооруженных сил, введение в строй новых кавалерийских дивизий и модернизация боевой техники всех частей армии на основе военных поставок из СССР³³.

По сведениям того же органа японской армии, к концу 1936 г. численность вооруженных сил Забайкальского военного округа и Особой Дальневосточной армии по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 2–6 стрелковых дивизий, одну кавалерийскую дивизию, около 250 самолетов и на 300–400 танков, составив 16–20 стрелковых дивизий, 4 кавалерийские дивизии, около 1200 самолетов, около 1200 танков и около 70 подводных лодок. Такое усиление обороны советского Дальнего Востока было осуществлено в соответствии с постановлением СНК СССР от 27 мая 1933 г.³⁴.

В результате усиления напряженности на границах марионеточного государства Маньчжоу-го с СССР и МНР количество пограничных конфликтов в 1935 г. увеличилось за 2 года 10 месяцев на 150, достигнув 176 инцидентов.

Это объяснялось, с одной стороны, совместными японо-маньчжурскими операциями против хунхузов (китайских бандитских формирований), которые, спасаясь от преследования, пытались укрыться на территории СССР, с другой – усилившимися попытками проникновения советских разведывательных групп на территорию Маньчжоу-го для получения данных о Квантунской армии. После того как 23 марта 1935 г. КВЖД была по советско-японскому соглашению продана Японии, советская сторона лишилась возможности получать соответствующую разведывательную информацию через советских служащих этой железной дороги (к 22 августа 1935 г. были эвакуированы 6238 советских служащих и 14 397 членов их семей)³⁵.

3 июня 1935 г. во время патрулирования 11 японскими военными служащими под командованием офицера окрестностей

населенного пункта Янмулиныцзы на восточном участке границы между СССР и Маньчжоу-го они были обстреляны шестью советскими пограничниками в районе, который, по мнению японской стороны, рассматривался как территория ее союзника.

В результате ответного огня с японской стороны погиб один советский военнослужащий. Кроме того, были убиты несколько лошадей советского пограничного отряда. Это был первый пограничный вооруженный конфликт между советской и японской сторонами в связи с разным подходом к демаркации границы между Советским Союзом и Маньчжоу-го.

6 октября 1935 г. в районе к северу от Суйфунка (рис. 47) пограничники Маньчжоу-го завязали перестрелку с советскими пограничниками. Через несколько дней смешанный японо-маньчжурский отряд, который направился на место вооруженного столкновения, чтобы выяснить его причину, вновь подвергся обстрелу с советской стороны и открыл ответный огонь.

В результате перестрелки стороны потеряли по несколько человек убитыми и ранеными.

29 января 1936 г. у населенного пункта Цзиньчангоу в уезде Мишань на восточном участке границы между СССР и Маньчжоу-го 108 военнослужащих последней под командованием офицеров убили трех японских военнослужащих, подожгли казарму и, нарушив государственную границу, бежали на советскую территорию в районе Мещеряковской пади у озера Ханка³⁶ (рис. 48).

На следующий день смешанный японо-маньчжурский отряд, преследуя их, открыл огонь по советской территории и подвергся ответному обстрелу в районе прохождения линии государственной границы. В результате перестрелки японо-маньчжурская сторона потеряла девять человек убитыми, семь – ранеными.

25 марта того же года девять японских пограничников во время патрулирования государственной границы в окрестностях Чжанлинцзы к юго-востоку от г. Айгун внезапно были обстреляны отрядом из семи–восьми советских пограничников и вступили с ними в бой.

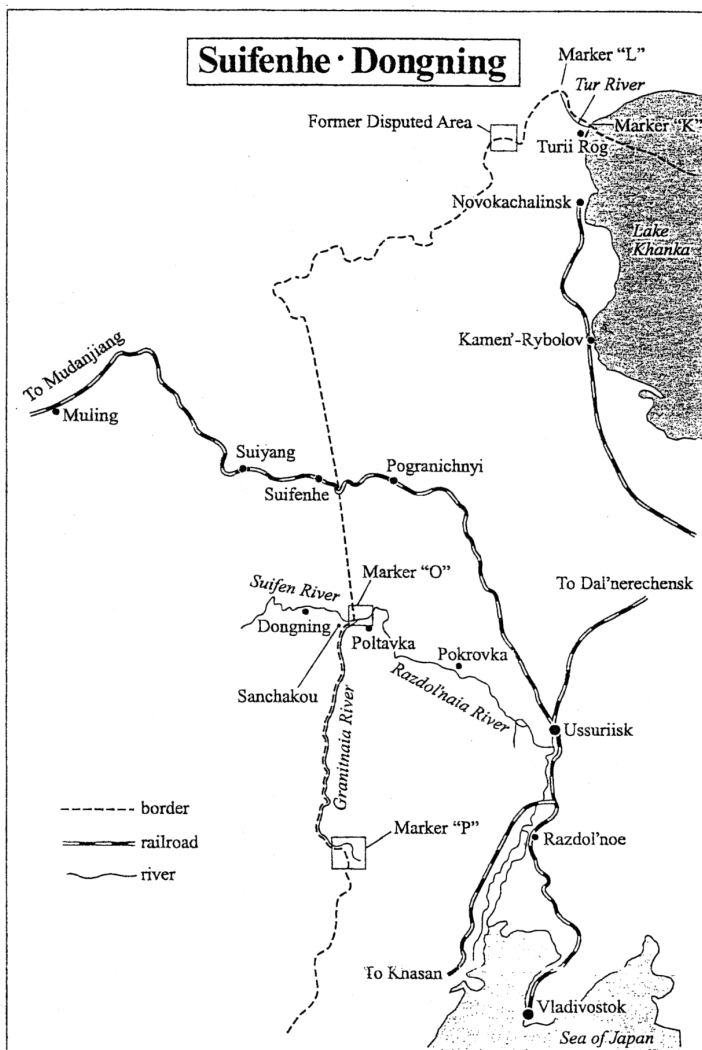

Рис. 47. Район Суйфунка-Доннин

В результате перестрелки три японца были ранены и двое пропали без вести.

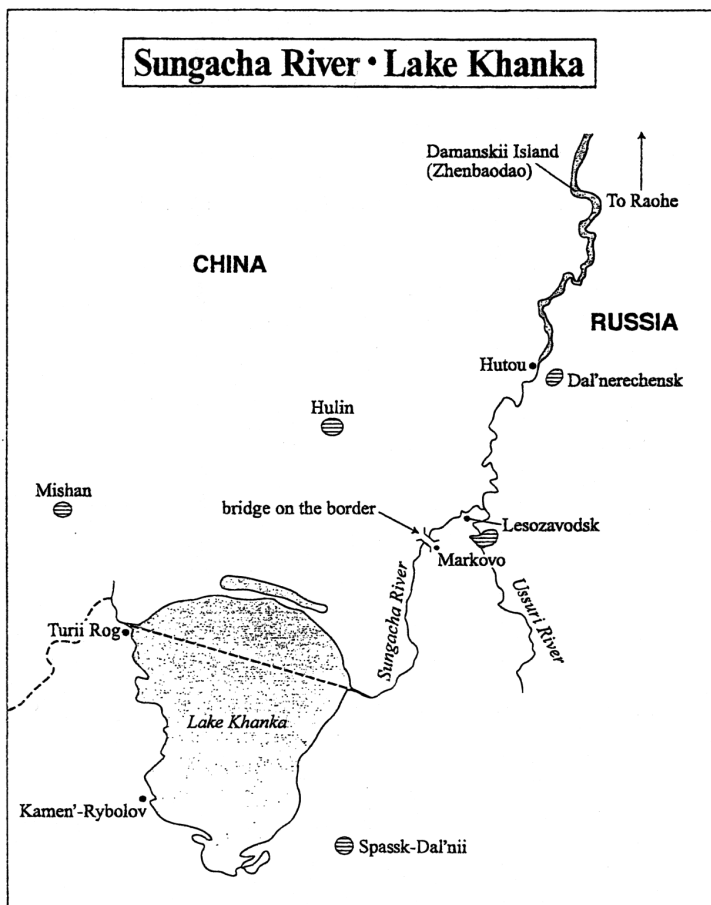

Рис. 48. Район р. Сунгача и озера Ханка

24 марта нападению японо-маньчжурского отряда подверглась погранзаства МНР Монгол-Дзагас в районе озера Буир-Нур. После начавшейся перестрелки, несмотря на то что к противнику подоспело подкрепление на четырех грузовиках, монгольские пограничники отбросили отряд за границу МНР.

На следующий день японо-маньчжурский отряд численностью около 200 человек предпринял контратаку и, пользу-

ясь превосходством в живой силе, захватил помещение погранзаставы, а затем вернулся обратно в Маньчжурию после появления монгольской авиации.

29 марта японо-маньчжурские отряды совершили новые нападения на монгольскую погранзаставу Адык-Долон, располагавшуюся в 45 км от линии границы, и Булун-Дерсу, находившуюся в 50 км северо-западнее Адык-Долон. В результате двух ожесточенных боев монгольские пограничники отбили нападение противника.

31 марта Адык-Долон вновь подвергся нападению и был захвачен японо-маньчжурами, но к утру 1 апреля этот населенный пункт был освобожден.

В начале апреля СНК СССР заявил протест правительству Японии по поводу этих нападений, сообщив, что СССР заключил 12 марта 1936 г. протокол с МНР о взаимопомощи³⁷.

26 августа 1936 г. 20 советских кавалеристов прибыли на берег, находившийся, по утверждениям японского армейского командования, на территории Маньчжоу-го в Синьянгоухэ в районе Дуннин на восточном участке границы СССР и Маньчжоу-го, и начали мыть своих коней. Когда советские пограничники в ответ на требование удалиться отказались сделать это, рота японо-маньчжурских войск обстреляла их и вынудила отступить.

24 ноября 1936 г. в местечке Наньчжур (Гуаньюэтай), к северу от конечной станции КВЖД Суйфунка, у ее пересечения с Транссибирской железнодорожной магистралью в Приморье, во время рекогносцировки местности взвод японских пограничников внезапно подвергся минометному и пулеметному обстрелу со стороны советских пограничников и открыл ответный огонь.

В результате перестрелки японцы потеряли десять человек убитыми, семь – ранеными и восемь – пропавшими без вести.

Через два дня вооруженный конфликт произошел также на границе СССР и Маньчжоу-го в окрестностях населенного пункта Чжандяньин.

В результате ожесточенной перестрелки были убиты с японской стороны два человека, ранено – семь и один пропал без вести. С советской стороны, по неполным данным, был убит один человек, ранен один, причем на поле боя советские пограничники при отходе от линии государственной границы оставили один тяжелый и один легкий пулеметы.

В декабре после инцидента в Олаходке с 29 марта по 1 апреля 1936 г. произошло вооруженное столкновение между японскими войсками и войсками МНР на их границе у населенного пункта Таоань юго-западнее Олаходки. В боях с монгольской стороны приняли участие около 300 конников МНР, до 12 бронемашин, три артиллерийских орудия и авиация (вся техника была поставлена из СССР); с японской стороны – артиллерийская батарея, танковая и пулеметная роты, поддержанные авиацией.

В результате этого конфликта японская сторона потеряла 13 человек убитыми³⁸. В связи с усилением напряженности на границах Маньчжоу-го с СССР и МНР с середины 1935 г. японо-маньчжурская сторона выступила с утверждением, что главной причиной является неопределенность линии государственной границы, то есть нечеткая демаркация по действующим международным договорам, и высказалась за ее точное определение соответствующей комиссией по урегулированию пограничных конфликтов.

Советская же сторона в ответ заявила, что демаркация границы была в свое время проведена в соответствии с русско-китайскими договорами и соглашениями, о чем свидетельствуют подписанные сторонами географические карты, и поэтому в редемаркации необходимости нет, а дело заключается лишь в том, чтобы добиваться урегулирования возникающих пограничных инцидентов, вызываемых нарушением установленной упомянутыми международными документами линии государственной границы.

Японо-маньчжурская сторона возразила, что из 25 пограничных столбов, установленных при демаркации границы между озером Ханко и р. Тумыньцзян (Туманган) на стыке гра-

ниц СССР, Маньчжоу-го и Кореи, к середине 1935 г. сохранилось только десять, причем промежутки между сохранившимися пограничными столбами в низинах и на холмах поросли лесом, что не позволяет японским пограничникам точно ориентироваться в отношении пределов территории Маньчжоу-го, которую они охраняют в соответствии с протоколом о военном сотрудничестве с Маньчжоу-го.

Сложившаяся ситуация приводила к тому, что на ряде этих участков границы периодически возникали конфликты.

Так, вскоре после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке советской стороне были предъявлены претензии на 1,5 кв. км территории в районе бывшего пограничного знака № 1, похищенного жителями Маньчжурии с целью исключения возможности советских граждан противодействовать освоению участка № 1008 в районе к северу от озера Хасан. В результате таких действий к 1936 г. было захвачено 70 га земельных угодий, расположенных на советской территории.

В 1935–1936 гг., чтобы закрепить за собой «спорные» земли, осваивавшиеся у маньчжурского поселка Янкуанпфын в районе озера Хасан, китайцы неоднократно обращались к японскому командованию. В результате изучения этого вопроса военные власти Японии пришли к заключению, что фактическая граница от литеры «Т» проходит здесь по восточному берегу озера Хасан, которое по Хунчуньскому протоколу о границе между Россией и Китаем 1886 г. было признано расположенным на российской территории, до горы Баранова.

Это явилось причиной столкновения 11 октября 1936 г., и, несмотря на отпор, полученный со стороны советских пограничников, японцы продолжали здесь выдвигать свои претензии на участок № 1008 вплоть до событий на озере Хасан в 1938 г.

Вооруженные столкновения на границе происходили и позднее. Так, 26 октября 1936 г. японо-маньчжуры атаковали советских пограничников на высоте Безымянная (в 1 км к югу от литеры «Л»), через которую проходила граница по Хунчуньскому протоколу. 26 ноября 1936 г., а также 14 февраля и 4 мая 1939 г. имели место конфликты с применением

оружия в районе пограничной Павловской сопки восточнее упомянутого выше района, вблизи северозападного берега озера Ханка³⁹.

Японо-маньчжурская сторона возражала против позиции СССР и по более важному вопросу – проведению границы вдоль китайского берега пограничных рек Аргунь, Амур и Усури (рис. 49), как она обозначена на приложенной к русско-китайскому Пекинскому договору 1860 г. географической карте масштаба 25 км в дюйме (1:1 050 000). Это объяснялось проведением границы по рекам здесь вопреки нормам обычного международного права, в соответствии с которыми государственная граница на судоходных реках проводится по середине главного фарватера. При расхождении в описании границы между картой и текстом договора (а такое расхождение между текстом Пекинского договора и приложенной к нему упомянутой картой действительно существовало, причем в пользу нормы обычного международного права) граница должна устанавливаться также по середине главного фарватера.

Японо-маньчжурская сторона выступала за пересмотр фактически установленной СССР границы с Маньчжоу-го по рекам в соответствии с упомянутой картой, поскольку в этом случае все острова в русле пограничных рек оказались на территории Советского Союза. В пользу позиции японо-маньчжурской стороны свидетельствовало то обстоятельство, что, согласно Положению Комитета министров России от 13 октября 1867 г., и при отводе русским на островах р. Амур покосных мест «принималась граничной линией середина главного фарватера».

В 1912 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в депеше российскому посланнику в Пекине предписывал считать, что на проходных реках «русская государственная граница следует по тальвегу», то есть линии наибольших глубин. По Цицикарскому договорному акту от 7 декабря 1911 г. государственной границей между Россией и Китаем на р. Аргунь была признана линия посередине ее главного фарватера, и поскольку она проходит ближе к российскому

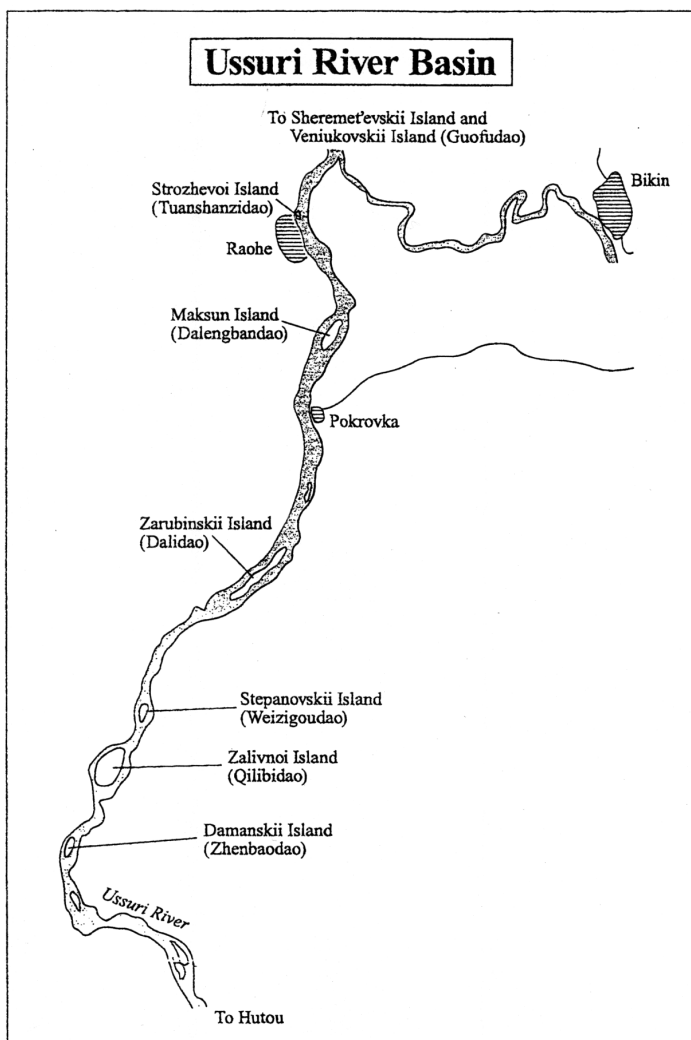

Рис. 49. Бассейн р. Уссури от Дальнереченска и Хутоу до о-вов Шереметьевский и Венюковский (Гуофудао)

берегу, то часть крупных островов на этой реке оказались за русской границей. Тем не менее особым реестром к договору

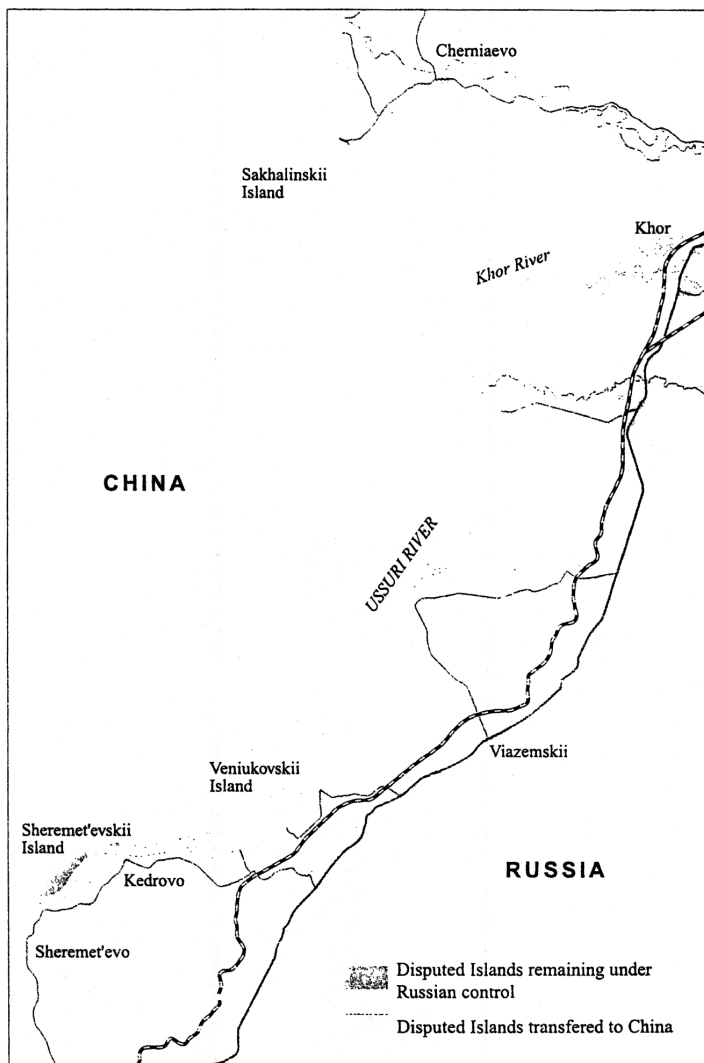
как исключение они были отнесены к России, что, однако, не означало, что китайцы были лишены права их хозяйственно-го освоения наряду с русскими. Позднее, в 30-е годы, это привело здесь к пограничным инцидентам.

В начале 30-х годов после захвата Маньчжурии Японией в связи с военной угрозой своей безопасности СССР в одностороннем порядке взял под свой контроль практически все острова и на реках Амур и Уссури, что явилось предпосылкой для пограничных инцидентов и усиления напряженности в советско-японских отношениях⁴⁰ (рис. 50).

«...Ситуация особенно осложнилась в 30-е годы, когда японские войска оккупировали Маньчжурию, – писала газета “Сегодня”. – Советский Союз воспринял это как непосредственную угрозу и в одностороннем порядке взял под свой контроль почти все острова на Амуре и Уссури, пренебрегая принципами разграничения, действующими в международном праве (именно тогда, кстати, СССР получил известный остров Даманский, территориальный спор за который чуть было не привел к широкомасштабному конфликту с Китаем в 1969 г.)⁴¹. При строительстве оборонительных сооружений советские военные (вследствие неясности Демаркационной линии. – К.Ч.) нередко захватывали и территорию сопредельной стороны»⁴².

В марте 1936 г. советская сторона заявила, что она выступает за редемаркацию советско-маньчжурской границы, но против ее демаркации, хотя, как выяснилось позднее при сличении советских и китайских топографических карт, линия государственной границы не совпадает на них более чем на 20 участках⁴³.

Несмотря на это, в апреле того же года взаимная заинтересованность сторон в предотвращении войны привела к тому, что была достигнута принципиальная договоренность об учреждении двух комиссий – комиссии по урегулированию пограничных конфликтов и комиссии по демаркации государственной границы, чтобы они сначала попытались добиться согласия в отношении восточного участка границы между

*Рис. 50. Бассейн р. Уссури
от о. Шереметьевский до о. Сахалинский*

СССР и Маньчжоу-го, а затем перейти к разрешению возникающих вопросов на других участках этой границы.

Однако сразу же после заключения 26 ноября 1936 г. Антико-минтерновского пакта, дополнительного протокола и секретного соглашения с обязательством в случае неспровоцированного нападения на одну из договаривающихся сторон Советского Союза «немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов» и не заключать с СССР каких-либо политических договоров, которые бы могли облегчить его положение⁴⁴, советская сторона утратила интерес к этим комиссиям. Кроме того, едва возобновив 2 октября 1936 г. прерванную 26 августа 1935 г. работу, советско-монгольская и японо-маньчжурская делегации в Маньчжоули снова по указанной причине 25 ноября того же года после четвертого заседания по инициативе советско-монгольской стороны прервали переговоры по урегулированию конфликтов на монголо-маньчжурской границе.

Вскоре после заключения Антикоминтерновского пакта в связи с расхождениями в оценке линии границы возобновились вооруженные столкновения и на ее советско-маньчжурском участке. Так, 26 декабря в районе пограничного знака № 17 группа пеших японо-маньчжурских солдат, нарушив границу, проникла, по оценке советской стороны, на 1 км в глубь территории СССР. А 30 декабря группа конных японо-маньчжурских солдат дважды нарушала границу у села Абагатуй, проникая на 200 м в глубь советской территории.

Осуществлялось вторжение со стороны Японии и в воздушное пространство СССР. Так, 27 декабря 1936 г. близ г. Оупу японский самолет углубился на 5 км к северу от границы с СССР, пролетев 12 км по его территории.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ СССР С ЯПОНИЕЙ И МАНЬЧЖОУ-ГО В ПОГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х годов)

1. Благовещенский инцидент, или инцидент у Константиновских островов в 1937 году

Данный конфликт возник в связи с ужесточением позиций СССР в вопросе об их принадлежности в условиях нарастания агрессивных тенденций в политике держав оси в результате заключения Антикоминтерновского пакта (рис. 51).

Инцидент начался с того, что 19 июня 1937 г. на о-вах Сеннуха и Большой, расположенных юго-восточнее г. Благовещенска и юго-восточнее г. Айхунь, к югу от середины главного фарватера р. Амур высадились советские пограничники (на первом из них 20 человек, на втором – 40) и изгнали находившихся там подданных Маньчжоу-го (рис. 52).

В нарушение советско-маньчжурского соглашения о судоходстве по фарватерам пограничных рек 1934 г. через четыре дня более десятка советских патрульных судов с артиллерией на борту заблокировали проход иностранных судов по северному рукаву р. Амур – ее главному фарватеру. При этом около 50 советских пограничников продолжали оккупировать

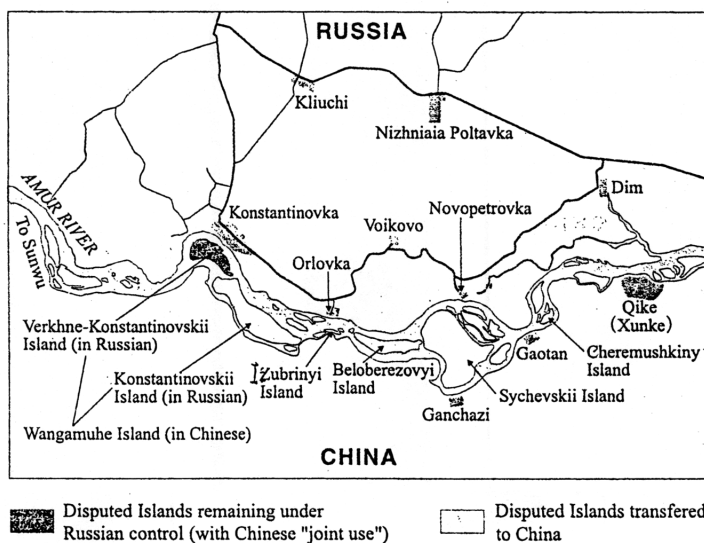

Рис. 51. Район Константиновских островов на р. Амур

оба острова, которые по приведенным ранее юридическим основаниям каждая вступившая в конфликт сторона считала своей территорией.

В соответствии с инструкцией генерального штаба о принятии соответствующих мер в случае незаконной оккупации Советским Союзом части территории Маньчжоу-го командующий Квантунской армией генерал К. Уэда отдал приказ ее первой дивизии о подготовке к вытеснению советских пограничников с указанных островов, и ее пехотные, артиллерийские и инженерные части были развернуты у правого берега р. Амур в районе названных островов.

Одновременно одна из трех расположенных севернее левого берега этой реки советских стрелковых дивизий выступила в южном направлении для предотвращения контрудара противника с противоположного берега.

29 июня японцы высадились на упомянутых островах, потопили советский бронекатер, повредили при артобстреле

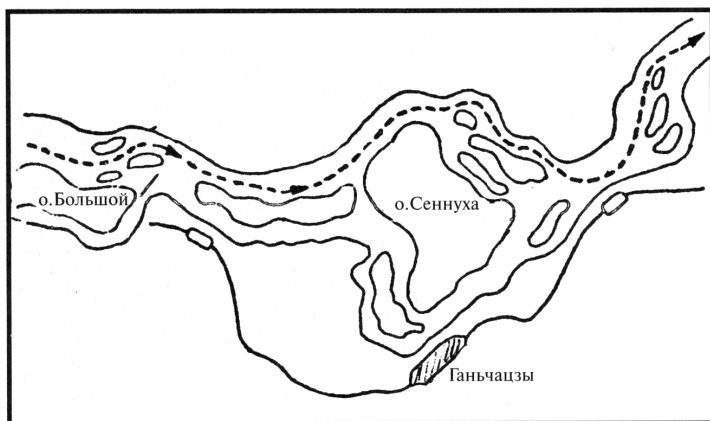

Рис. 52. Схема «Район Благовещенского инцидента в июне 1936 г.»

советскую канонерку и другие суда, убив и ранив несколько краснофлотцев¹. После того как 29 июня в ответ на принятый в тот же день демарш правительства Японии правительство СССР согласилось по просьбе японской стороны во избежание дальнейшей вооруженной эскалации конфликта отвести свои войска с обоих островов на прежние позиции, инцидент был, казалось, исчерпан.

Японское правительство отдало также японским войскам новый приказ об отмене подготовки к военным действиям против советских пограничников, вторгшихся на территорию Маньчжоу-го. При этом правительство СССР заявило, что в период заключения в 1860 г. Пекинского договора пограничный главный фарватер проходил в этом районе по южному рукаву Амура и его естественное перемещение на север не означает автоматического изменения границы. В заявлении по этому поводу заведующий II Восточным отделом НКВД СССР В.И. Козловский заявил посольству Японии в СССР: «В результате этого обстрела мы понесли потери убитыми и ранеными. Наши канонерки на огонь не отвечали. Мне поручено заявить решительный протест против подобных неслыхан-

ных провокационных действий японо-маньчжурских войск». В ответ первый секретарь посольства Японии в СССР Ф. Миякава возразил, что инцидент произошел не по вине японо-маньчжурской стороны, и, ссылаясь на мнение посла Японии в СССР М. Сигэмицу, подчеркнул, что «в первую очередь должны быть отведены советские войска, незаконно занявшие эти острова (к югу от главного фарватера. – К.Ч.), а маньчжурам нечего занимать и отводить»².

Однако 30 июня 1937 г. три советских патрульных катера, проходя на высокой скорости по южному рукаву р. Амур южнее о. Сеннуха, обстреляли японских и маньчжурских пограничников. Ответным огнем из деревни Ганьчацзы один из советских патрульных катеров был потоплен, а другому нанесены серьезные повреждения.

В связи с этим посол Японии в СССР М. Сигэмицу потребовал скорейшей эвакуации советских пограничников и советских патрульных катеров из района конфликта, заявив решительный протест против действий советских вооруженных сил.

2 июля 1937 г. НКВД СССР ответил японской стороне, что согласен в целях ликвидации конфликта отвести советские войска и упомянутые катера из района конфликта, на это не означает отказа Советского Союза от прав на спорные острова, и вскоре выполнил это обещание. При этом за один день до начала войны Японии против Китая, 6 июля, к югу от пограничного столба № 2 и о. Большой японо-маньчжурский отряд вновь обстрелял советских пограничников. В результате повторного столкновения через несколько часов стороны понесли потери убитыми и ранеными³. При этом японское армейское руководство, особенно командование Квантунской армии, пришло к выводу, что не дипломатические усилия японского правительства как таковые, а эффективный вооруженный отпор «советской военной провокации» сыграл главную роль в разрешении данного конфликта, и поэтому Японией был взят курс на решительное применение вооруженных сил против СССР и МНР в случае возникновения подобных инцидентов в

будущем. Это явилось предпосылкой исключительно жесткой позиции, занятой японской стороной в 1938–1939 гг., и ожесточенного характера вооруженных пограничных конфликтов у озера Хасан и р. Халхин-Гол.

2. Другие пограничные инциденты в 1937 году

Помимо Благовещенского (Амурского) инцидента в 1937 г. имело место много других инцидентов на советско-маньчжурской границе. Об этом можно судить по количеству протестов (23), направленных советской стороной японским властям. Наиболее крупные из них перечислены далее.

4 января в районе пограничного знака № 17 (район Дундачу-ань) на восточном участке этой границы на территории Маньчжоу-го были обнаружены три советских нарушителя границы. Когда к ним приблизилась пограничная стража, с другой стороны границы по ней был открыт огонь из легких пулеметов, после чего советская сторона также подверглась обстрелу⁴. Перестрелка длилась более часа.

Позднее полпредство СССР в Японии направило МИД Японии ноту протеста в связи с тем, что 13 японо-маньчжурских пограничников обстреляли пограничников СССР в упомянутом районе.

16 января 1937 г. с японо-маньчжурской стороны японский самолет в районе, прилегающем с юго-востока к городу Благовещенску, нарушил государственную границу СССР и произвел химическую атаку с применением отравляющих веществ (типа хлора). Отравляющими веществами были поражены семь советских военнослужащих и 49 сельских жителей.

В связи с этим НКВД СССР направил послу Японии в Советском Союзе М. Сигэмицу ноту протеста.

Несмотря на протесты советской стороны, в связи с неурегулированностью вопроса о границе между СССР и Маньчжоу-го пограничные столкновения продолжались и в первой половине 1937 г. (например, 17 марта на участках Янчи-

хэ в Посьетском районе и в районе села Нижне-Михайловского, а 21 марта – на о. Средний на р. Амур у г. Благовещенск)⁵, пока в середине 1937 г. в результате усиления напряженности не привели к упомянутому серьезному инциденту в районе Константиновских островов Сеннуха (Ганьчацзы) в верховьях р. Амур и Большой (Цзиньанхо) в низовьях р. Аргунь⁶.

Непосредственно накануне инцидента в этом районе вдоль верхнего течения р. Амур пролетело большое количество японских самолетов, один из которых нарушил воздушное пространство СССР.

21 мая того же года два маньчжурских патрульных пограничных катера с артиллерией на борту проследовали по правому рукаву р. Амур в районе населенного пункта Поярково вблизи южного берега о. Сеннуха (Ганьчацзы), поскольку японская и маньчжурская сторона, ссылаясь на нормы международного права, рассматривали этот рукав, лежащий к югу от главного фарватера в стороне Маньчжоу-го как принадлежащую ей территорию.

Советская же сторона, считая, что по изложенной выше причине в этом случае было осуществлено вторжение на территорию СССР, направила японской стороне в Токио и маньчжурской стороне в Харбине протест в отношении нарушения государственной границы СССР.

30 июля того же года полпредство СССР в Японии вновь выразило протест МИД Японии в связи с проникновением японских самолетов в воздушное пространство Советского Союза в районе, прилегающем к государственной границе с Маньчжоу-го.

На этот раз дело было связано с разбрасыванием антисоветских листовок от имени российских белоэмигрантских организаций, которые действовали в Маньчжурии. Для ликвидации объекта такой пропаганды осенью 1937 г. из двадцатикилометровой пограничной зоны на Дальнем Востоке были выселены местные жители, преимущественно корейцы.

В связи с этим советская сторона подчеркнула, что оказание содействия подобным организациям противоречит ст. 5

Основной конвенции о принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г.

На стыке границ СССР, Маньчжоу-го и Кореи, находившейся с 1910 г. под протекторатом Японии, на корейской стороне р. Туманцзян (на Водораздельной сопке) находился наблюдательный пункт Маньчжоу-го, с которого маньчжурские пограничники с ведома японских властей в течение многих лет следили за водоснабжением своей территории, прилегающей к границе.

28 октября 1937 г. маньчжурский пограничный наряд, пересекая границу между Маньчжоу-го и Кореей, поднимался к этому наблюдательному пункту и неожиданно подвергся обстрелу отрядом советских пограничников в составе 50 человек. И только открыв ответный огонь и получив подкрепление, маньчжурские пограничники смогли снова занять этот наблюдательный пункт. В связи с данным инцидентом МИД Японии направил ноту протеста полпредству СССР в Японии⁷.

Как видно из приведенных фактов, напряженность в советско-японских отношениях достигла высокого накала.

Оценивая ситуацию как тревожную в аналитическом письме И.В. Сталину от 14 декабря 1937 г. советский разведчик Р. Зорге в своей шифротелеграмме из Токио писал: «Военно-политическая обстановка в Японии, по личному мнению и по ряду данных, полученных в иностранных и местных кругах, позволяют прийти к заключению, что выступление Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем, хотя общие затруднения Японии, весьма значительные уже в настоящее время, в этом случае вырастут еще более»⁸.

Высказывая свое вполне обоснованное мнение о причинах авантюристической политики Токио в отношении СССР, Р. Зорге сделал вывод, что руководители военно-морского флота Японии понимали, что нападение на нашу страну ввиду ее возрастающей военно-экономической мощи с каждым годом становилось все более опасным, но даже они, несмотря на традиционную оппозицию военщине, прежде всего руководству Квантунской армии, начинают верить в его утверждения «о

сравнительной легкости осуществления внезапного нападения на Владивосток и Приморье и возможности ввиду «неблагоприятного положения в СССР» ограничить японо-советскую войну этой территорией и Сахалином»⁹.

В планы генерального штаба японской армии в 1937 г. были внесены существенные коррективы. «Если до сих пор, – писал Р. Зорге, – предусматривались преимущественно наступательные методы борьбы с Красной армией, то теперь предполагается на всех фронтах, кроме участка около Владивостока (где будет осуществлен наступательный удар), действовать по принципу «сдерживающего боя». Существует убеждение, что Красная армия ответит на японскую провокацию наступательными действиями со стороны Читы и Благовещенска. В этом случае ей дадут возможность постепенно проникнуть в глубь Маньчжурии, чтобы, когда она достаточно утомится и будет удалена от полосы собственных укреплений, решительно по ней ударить»¹⁰.

Этот документ был настолько важен, что И. Сталин решил сохранить его у себя в текущем архиве.

3. Советско-японский пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 году

Со второй половины 30-х годов количество японских и советских войск и вооружения на Дальнем Востоке неуклонно возрастало, причем на основании показаний перебежчика – начальника дальневосточного управления НКВД Г.С. Люшкова японская сторона пришла к выводу, что советские войска значительно превосходят по своей численности и вооружению японские. В 1938 г. по сравнению с 1937 г. численность советских войск здесь выросла на 105 тыс. человек – в 10 раз более, чем было предусмотрено первоначальным планом, и, соответственно, в 2 раза увеличилось ассигнование на военное строительство¹¹.

Еще большим поводом для обеспокоенности японской стороны явились дешифрованные телеграммы руководства

советских пограничных войск на Дальнем Востоке с требованием увеличить запасы боеприпасов, не достигавшие и половины необходимого количества, а также занять сопку Заозерную высотой около 150 м на государственной границе к западу в 23 км от озера Хасан, поскольку она еще была свободна от японских войск. И хотя российский историк Ю.В. Георгиев, следуя традиционной точке зрения, считает, что к «агрессивным действиям» в связи с побегом Г.С. Люшкова, то есть первой, прибегла японская сторона¹², другой российский историк А.А. Кириченко, опираясь на документальное изучение этого вопроса, писал, что этот побег привел И. Сталина в ярость, и, судя по всему, Кремль одобрил инициативу заместителей наркома внутренних дел М.П. Фриновского и наркома обороны Л.З. Мехлиса «дать самураям по зубам»¹³.

6 июля 1938 г. на Заозерной появилось несколько конных советских пограничников и начались фортификационные работы¹⁴. 11 июля здесь появилось уже 40 красноармейцев¹⁵, а 13 июля – еще 10 человек для продолжения упомянутых работ¹⁶.

Поскольку граница, проходившая, как предполагалось, в этом районе по вершинам холмов (водоразделу), не была демаркирована, создавалось положение, при котором за каждой из сторон фактически оставались высоты, которые занимали войска соответствующей стороны. Поэтому первоначально командующий японской армией в Корее генерал К. Койсо не придал особого значения донесению о появлении советских пограничников на высоте Заозерная (по-китайски – Чанкуфэн).

Однако в канун готовящегося наступления японских войск на резиденцию китайского правительства в г. Ухань генеральный штаб Японии придал важное стратегическое значение активизации советских войск вблизи стыка границ СССР, Маньчжурии и Кореи и, предприняв ответные действия, решил проверить, не кроются ли за активными действиями советских войск на границе с Маньчжурией и Кореей какие-либо далеко идущие планы военного вмешательства¹⁷ в японо-китайскую войну.

Не исключено, что таким образом, учитывая напряженность в отношениях между СССР и Германией, а также с го-

сударствами Запада, определенные круги Токио, связанные с военными, решили попытаться заработать на активных ответных действиях политический капитал.

С этой целью после консультаций с военным министром Итагаки министр иностранных дел Японии Угаки дал указание в посольство Японии в Москве о соответствующем дипломатическом демарше.

15 июля поверенный в делах Японии в СССР Х. Ниси потребовал от советского правительства отвода советских войск с высоты Чанкуфэн (Заозерная), являющейся «частью территории Маньчжоу-го» как государства, дружественного Японии и находящегося под его покровительством.

20 июля с аналогичным заявлением к наркому иностранных дел М.М. Литвинову обратился срочно вернувшийся из поездки по странам Западной Европы посол Японии в СССР М. Сигэмицу.

Последний заявил: «Японское правительство, вновь изучив этот вопрос на основании данных, имеющихся у японского правительства, пришло к заключению о принадлежности этого района Маньчжоу-го. К тому же маньчжурское население утверждает, что на высоте, о которой идет речь, оно отправляло религиозные обряды»¹⁸.

В обоих случаях, ссылаясь на русско-китайский протокол 1886 г. и приложенную к нему карту, советские дипломаты заявили о неоправданности японских утверждений о том, что высота Заозерная (Чанкуфэн) расположена за пределами территории СССР и советские войска, заняв ее, нарушили государственную границу Маньчжоу-го¹⁹.

Той же официальной точки зрения придерживаются все советские историки, которые писали об этом конфликте, за исключением В.П. Сафронова. Он считает, что причиной эскалации конфликта послужили действия отряда советских пограничников по охране сопок Заозерная и Безымянная, предпринятые 9–10 июля 1938 г. по приказу командования в ответ на проведение в прилегающем к ним с запада районе японскими войсками фортификационных и разведыватель-

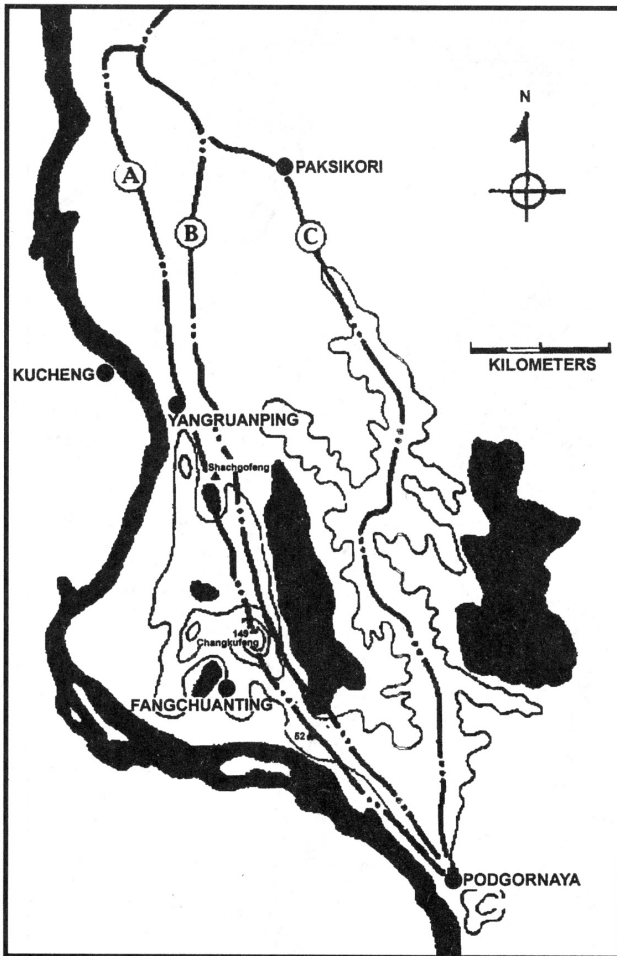
ных мероприятий и эвакуацию местного населения (правда, вопрос об обоснованности претензий сторон в отношении нарушения линии границы им не рассматривается)²⁰.

Но историки не обратили внимания на то, что даже в обычно охотно цитируемых или пересказываемых ими материалах Токийского трибунала говорится, что, «по утверждению СССР граница проходила по гребню сопок» между р. Тумень-Ула (р. Туманган – Тумыньцзян) и западным берегом озера Хасан, к западу от которых размещались японские пограничные войска, усиленные в начале июля 1938 г., и что «с другой стороны, японцы утверждали, что граница проходила восточнее²¹ этой линии, но западнее озера Хасан».

«Когда в 1946 году начался Международный военный трибунал в Токио, где судили главных преступников, – писал А.А. Кириченко, – то советская сторона обвинения пыталась собрать доказательства японской агрессии у озера Хасан. По запросу МИД СССР начальник главного штаба ВМС адмирал Головкин в ноябре того же года сообщил, что в результате проверки в Гидрографическом управлении ВМС была обнаружена карта 1 – 2 (Хунчунь) масштаба 1:500 000, изданная Управлением военных топографов в 1933 г., на которой государственная граница СССР показана восточнее озера Хасан. В 1938 г. эта карта была по приказанию соответствующих властей изъята, а имевшиеся в Гидрографическом управлении экземпляры были полностью уничтожены. Не осталось карты у нас, но экземпляры выпущенной в СССР карты оказались в руках японцев, оккупировавших Маньчжурию²².

Другими словами, по русско-китайскому Хунчунскому протоколу 1886 г. даже в той интерпретации, какую ему давала советская сторона, нашей стране принадлежала только восточная половина сопок (высот) Заозерная и Безымянная, включая вершины, а советские пограничники заняли их вершины целиком (рис. 53).

Но проблема состояла еще и в том, что в самом протоколе ни Заозерная, ни Безымянная поименованы не были, и японцы использовали это обстоятельство для утверждения, что красная

*А – линия границы по Хунчунскому протоколу 1886 г.
Б – линия границы по карте топографического управления
китайской армии 1915–1920 гг.
В – линия границы по картам генеральных штабов армий
России (1911 г.) и Китая (1909 г.)*

*Рис. 53. Схема «Пограничное
размежевание в районе озера Хасан»*

линия на приложенной к Хунчунскому протоколу карте пересекает не две упомянутых сопки (высоты), а расположенные гораздо южнее, начиная с отмеченной на той карте немного севернее р. Тумень-Ула (Туманган–Тумыньцзян) пограничной сопки № 52. И в таком случае граница при ее продолжении оказывается восточнее сопки Заозерная и Безымянная и западнее озера Хасан, причем именно так, как она изображена на карте, подготовленной в результате инспекции этого участка границы, проводившейся в период 1915–1920 гг. китайской республиканской армией. На картах генеральных штабов Китайской и Российской империй эта граница была проведена по водоразделу сопки даже восточнее озера Хасан, но к западу от озера Ханко в соответствии с русско-китайским соглашением 1861 г., основанным на русско-китайском Пекинском договоре 1860 г. По этому договору во изменение русско-китайского Айгуньского договора 1858 г. данный район вместе со всем Уссурийским краем лишился статуса кондоминиума (совладения)²³ России и Китая и переходил во владение России.

Генеральный штаб Японии, утверждая, что основным правовым документом для определения границы на этом участке является Пекинский договор 1860 г., готов был отдать предпочтение границе, описанной в Хунчунском протоколе, но не подтвержденной, правда, документальными источниками, а именно: в интерпретации, отраженной на китайской военной карте, составленной на основе пограничной инспекции периода между 1915 и 1920 гг., то есть по линии, проходящей между озером Хасан и высотами Заозерная и Безымянная, к востоку от последних против его северной и центральной частей, а южнее – по гребню сопки, тянущихся на юг до сопки, обозначенной на карте, приложенной к упомянутому протоколу под № 52.

Дело осложнялось тем, что маркирующие границу столбы были утрачены, а проволочные или деревянные ограждения границы отсутствовали. Исторически спорная территория вообще составляла часть Кореи, поэтому сопка Заозерная (Чанкуфэн) именовалась по-корейски Чагго.

И не маньчжурское, а корейское население до возникновения конфликта в этом районе справляло на этой и других сопках свои религиозные праздники²⁴.

Возражая против аргументов, приведенных наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, которые исходили из того, что «красная линия на карте обозначает границу вдоль всего водораздела, и воды, которые текут к западу и впадают в реку Тумень, принадлежат Китаю, а воды, текущие к востоку и впадающие в море, принадлежат России», японский посол М. Сигэмицу, дав другое, упомянутое ранее, толкование этой части Хунчуньского протокола, заявил, что «у Японии имеются права и обязанности перед Маньчжоуго, для выполнения которых она может прибегнуть к силе и заставить советские войска эвакуировать незаконно занятую ими территорию Маньчжоу-го»²⁵.

Но М.М. Литвинов остался непреклонным, и 20 июля военный министр Тайсукэ Итагаки и начальник генерального штаба принц Каньин представил императору Хирохито датированный 15 июля оперативный план вытеснения советских войск с вершины сопки Чанкуфэн (Заозерная) силами двух пехотных полков 19-й дивизии корейской армии Японии без применения авиации. Цель контрудара заключалась в том, чтобы в результате «разведки боем» выяснить, не намерена ли советская сторона открыть второй фронт в Китае.

Император критически отнесся к применению вооруженной силы против СССР, осудив произвольные действия армии, и заявил, что лично он против этого, так как не желает войны с Советским Союзом. В ответ на это Т. Итагаки, не ожидавший такой реакции, решил обмануть Хирохито, сказав, что решение применить силу против СССР в районе к западу от озера Хасан уже согласовано с морским министром и министром иностранных дел, хотя оно было одобрено только на следующий день советом пяти министров с их участием.

Это решение гласило: «(Мы) провели подготовку на случай возникновения чрезвычайного положения. Использование подготовленной военной силы должно будет осуще-

ствиться по приказу императора после переговоров с соответствующими властями»²⁶.

Отсюда некоторые советские историки делали неверный вывод, что «на совещании пяти ведущих министров японского правительства план нападения на советскую территорию в районе озера Хасан был одобрен императором»²⁷.

В действительности, как это признал Токийский трибунал, что видно даже из приведенной цитаты, вытеснение советских пограничников с высот Заозерная и Безымянная должно было бы начаться после упомянутых дополнительных консультаций, если в результате их император отдаст приказ, санкционирующий начало боевых действий японских войск.

После возражений Хирохито в ту же ночь из Токио руководству японской армии в Корее была направлена телеграмма с приказом № 204 о временном приостановлении начала военных действий, так как правительством Японии было принято решение попытаться урегулировать конфликт по дипломатическим каналам, не исключая возможности прибегнуть к соответствующим мерам в зависимости от изменения обстановки²⁸.

«29 июля небольшой отряд советских войск нарушил линию границы, продвинувшись на южных (обращенных к Маньчжурии) склонах сопки Сячаофэн (Безымянная), расположенной в 2 км к северу от сопки Чанкуфэн (Заозерная), – пишет японский историк Х. Ёси, – и начал укреплять свои позиции»²⁹.

Получив об этом донесение, командующий 19-й дивизией генерал-лейтенант К. Одака единолично решил, что наступил момент, свидетельствующий о таком изменении обстановки, которое требует прибегнуть к соответствующим мерам, то есть к применению силы, чтобы вытеснить советских пограничников с высоты Безымянная. После разведки боем силами одной роты японцы сломили сопротивление красноармейцев, но позднее были отброшены подоспевшим к ним подкреплением.

Для достижения успеха своего контрудара командир 19-й дивизии японских войск принял произвольное решение о необходимости занять господствующую над зоной конфликта сопку Заозерную и 31 июля двинул туда основные силы своей

дивизии, сообщив вышестоящему руководству, что предпринимаемые им меры вызваны якобы новым нарушением границы с советской стороны.

В ответ на эти действия из ставки японской армии пришел приказ ограничиться оборонительными действиями и, не пересекая государственной границы, вести бой силами одной 19-й дивизии.

Но в ответ на предыдущие нападения японских войск в период со 2 по 6 августа советские войска дважды переходили в наступление силами до двух дивизий с применением танков, авиации и артиллерии.

Вплоть до 10 августа включительно 19-я дивизия японских войск, неся огромные потери, вела ожесточенные оборонительные бои³⁰.

4 июля М. Сигэмицу в НКВД СССР заявил, что японское правительство планировало урегулировать конфликт в районе к западу от озера Хасан как локальный дипломатическими средствами, и предложил для этого приостановить военные действия.

М.М. Литвинов согласился на предложение японского посла при условии отвода японских войск за пределы рубежей, установленных Хунчунским протоколом, как они были истолкованы советской стороной, в соответствии с красной линией, обозначающей границу по вершинам сопок, которая проведена на приложенной к этому протоколу карте.

Однако М. Сигэмицу снова подверг сомнению интерпретацию прохождения этой линии по всему водоразделу сопок и высот, тянувшегося с севера на юг в районе к западу от озера Хасан, и сказал, что эту карту японцы видят впервые.

В ответ на это М.М. Литвинов настаивал на своей прежней позиции, заявив, что «о замене Хунчунского соглашения другим не может быть и речи»³¹, хотя японский посол этот вопрос не ставил.

7 августа М. Сигэмицу он вновь предложил М.М. Литвинову взаимно прекратить военные действия, оставив войска на занимаемых ими позициях, чтобы создать комиссию

из представителей СССР, Маньчжоу-го и Японии для определения линии границы.

Советский нарком отверг это предложение, потребовав отвести войска Квантунской армии также из зоны конфликта в районе железнодорожной станции Гродеково, севернее высоты Заозерная³².

После вытеснения японцев в результате ожесточенных боев 6–9 августа за линию, обозначенную на карте, приложенной к Хунчуньскому протоколу, как ее понимала советская сторона, 10 августа японская сторона, потеряв 600 человек убитыми и 2,5 тыс. человек ранеными³³ (при советских потерях 792 человека убитыми и 3279 ранеными)³⁴, согласилась на прекращение военных действий с 11 августа с взаимным оставлением войск СССР и Японии на позициях, где они находились предыдущий день.

«Для редемаркации спорного участка границы, – писал Л.Н. Кутаков, – создавалась смешанная комиссия. Советская сторона настаивала, чтобы она работала на основе договоров и карт, снабженных надписями полномочных представителей России и Китая. Японцы предлагали учесть и эти и другие материалы, которые обещали предъявить позже»³⁵.

11 августа военные действия были прекращены, и, вопреки утверждениям печати о том, что советский флаг развевается на вершине сопки Заозерная, представитель МИД Японии на пресс-конференции «с горечью» заявил, что он установлен «не на самой вершине (расположенной на самой границе между СССР и Маньчжоу-го по Хунчуньскому протоколу. – К.Ч.), а чуть-чуть в стороне»³⁶. Занятие войсками СССР не только советской части высоты Заозерная, но и всей высоты Безымянная после интенсивного артиллерийского обстрела этих высот, то есть и ее несветской части, подтверждают и другие источники³⁷.

Согласие советской стороны на создание смешанной комиссии по редемаркации границы и признание спорным ее участка в районе конфликта, о чем писал Л.Н. Кутаков, являлось, по нашему мнению, принципиальной уступкой японской стороне,

которая ставила под сомнение справедливость позиции СССР в течение всего предшествующего периода. Создание такой комиссии представляется противоречащим согласию СССР признать спорность линии границы и провести ее «редемаркацию».

Заключение Токийского трибунала гласило, что «цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны, по мнению трибунала, для того, чтобы считать эти военные действия войной», и что сами «операции японских войск носили явно агрессивный характер»³⁸.

Кроме того, изъявительное наклонение вывода о том, что это была война и притом агрессивная, противоречит сослагательному наклонению в отношении оказавшихся в действительности нереальными, лишь предполагаемыми Токийским трибуналом, результатами военных действий японских войск по отстаиванию своей версии прохождения границы на участке, признанной в результате советской стороной спорной.

Кроме того, выводу, что правительство Японии, или, по крайней мере, совет пяти ее министров, развязало агрессивную войну в районе озера Хасан, противоречит текст процитированного выше решения части его правительства (пяти министров) о применении вооруженной силы в этом пограничном конфликте только при следующих трех условиях: 1) при возникновении чрезвычайной ситуации, под которой понималось нарушение границы советскими войсками; 2) после дополнительных переговоров с соответствующими властями; 3) после получения приказа императора.

При вынесении оценки этих действий Японии против СССР как агрессивной войны в отличие от ее несомненно агрессивной войны против Китая 1937–1945 гг. важно было бы учесть возражения императора как высшего руководителя против развязывания такой войны и факт, как признается Токийским трибуналом, введения в заблуждение относительно согласия на применение силы против СССР со стороны министра иностранных дел и морского министра.

Утверждение Токийского трибунала и вслед за этим советских историков о том, что Япония заранее готовилась к во-

йне с СССР и от нее его избавил решительный отпор, который был дан японским войскам Советским Союзом в канун Второй мировой войны, несостоятельно, так как война Японии с Китаем и СССР одновременно была невозможна, кроме того, не учитывались разведывательные донесения из Токио Рихарда Зорге в 1936–1938 гг.

В 1936 г. Рихард Зорге подчеркивал: «Япония не сможет выступить как активный союзник Германии... По этим причинам преждевременно ставить вопрос о войне Японии и Германии против России»³⁹.

В 1937 г. он сообщил: «Японская экспансионистская политика может быть направлена с севера (на юг. – *К.Ч.*). Поскольку Япония продвигалась в Южный Китай, ее экономические, политические и военные интересы в отношении проблем Юга встали на первый план. Этот факт означает, что Сибирь не является главной целью японской экспансии»⁴⁰.

Зимой 1938 г. Р. Зорге информировал: «Война против СССР не начнется ни весной, ни летом 1938 г.»⁴¹. Летом того же года о событиях у озера Хасан он писал: «Вряд ли этот случайно возникший инцидент расширится»⁴².

Член группы Р. Зорге советник премьера Х. Одзаки в июле 1938г. сообщал разведчику: «Правительство и армия... опасаются, как бы этот инцидент не перерос в войну между Японией и Советским Союзом»⁴³.

Такая оценка ни в коей мере не означала оправдания наступательных военных действий командования японских войск, дислоцированных в Корее и Маньчжурии, которое было предпринято без приказа из Токио, к тому же в спорном районе и на территории иностранного государства.

Для оценки вооруженного конфликта у озера Хасан важное значение имеют выводы комиссии, созданной командующим Дальневосточным фронтом маршалом Советского Союза В.К. Блюхером.

28 июля 1938 г. он «подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан». В. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и произвел расследование

действий советских пограничников. Эта комиссия обнаружила нарушение ими границы на небольшую глубину (в 3 м). В телеграмме на имя наркома обороны К.Е. Ворошилова он сделал вывод, что вооруженный конфликт был вызван здесь действиями нашей стороны и потребовал «немедленного ареста начальника погранучастка» и других «виновников в провоцировании конфликта с японцами».

Вместо принятия этого предложения В. Блюхер был обвинен советским правительством в пораженчестве. И. Сталин 1 августа 1938 г. в телефонном разговоре по прямому проводу заявил: «Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами. Если нет у вас такого желания, скажите прямо...»

В.К. Блюхер совершенно необъективным приказом наркома обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова от 4 октября 1938 г.⁴⁴ был обвинен также «в дезорганизации управления войсками», отказе от введения в бой авиации из «опасения поражений корейского населения», в том, что не ставил «ясных задач на уничтожение противника», И отстранен от руководства Дальневосточным фронтом как «негодный и дискредитировавший себя в военном и политическом отношении военачальник» и позднее расстрелян.

В целях придания этим обвинениям в адрес В. Блюхера видимость непредвзятого, отнюдь не субъективного подхода в оценке действий командования Красной армии на Дальнем Востоке, 22 апреля 1939 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов в своем приказе объявил о приговоре В. Блюхеру «тройки» Верховной коллегии Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха. Цель приговора заключалась, как нам представляется, в дезавуировании выводов комиссии маршала В.К. Блюхера о причине конфликта у озера Хасан.

Приговор «тройки» гласил:

«В период боевых операций у озера Хасан командование 1-й (Приморской) армии в лице командующего ее комдива Подласа, члена Военного совета бригадного комиссара Шуликова и начальника штаба армии полковника Помощникова

проявило преступное бездействие, которое выражалось как в неприятии необходимых мер к воспрепятствованию вторжения японских интервентов, так и в плохом обеспечении боевых операций отдельных частей и подразделений армии. Признавая Подласа, Шуликова и Помощникова виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 193–17, п. «а» Уголовного кодекса РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила:

1. Подласа Кузьму Петровича лишить звания «комдив» и подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет с поражением в политических правах сроком на три года.

2. Шуликова Михаила Васильевича – лишению свободы сроком на два года.

3. Помощникова Александра Ивановича – лишению свободы сроком на три года...»⁴⁵.

Сфабрикованный характер этого приговора был настолько откровенным даже для сталинского руководства, что К.П. Подлас был вскоре досрочно освобожден с присвоением ему в 1941 г. звания генерал-лейтенанта, а М.В. Шуликову и А.И. Помощникову определенную в том же приговоре меру наказания было решено считать условной⁴⁶.

Такова наша интерпретация серьезного вооруженного конфликта на озере Хасан, правильное понимание которого с учетом впервые вводимых в научный оборот архивных документов будет способствовать уяснению истинных причин обострения отношений между СССР и Японией в рассмотренный период.

4. Вооруженный конфликт на границе МНР и Маньчжоу-го в районе р. Халхин-Гол в 1939 году и проблема безопасности советских границ в Забайкалье

В советской историографии традиционно считалось, что этот конфликт был скрупулезно подготовлен и одобрен

высшими руководителями Японии в качестве важного звена стратегического плана по захвату Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии) и Забайкалья, изложенного в «Меморандуме Танаки».

Последними из серии такого рода работ являются книги Е.А. Горбунова «20 августа 1939» (Москва, 1986) и «Крах планов “Оцу”» (Владивосток, 1988). Исключение представляет статья В.П. Сафронова⁴⁷, в которой автор полагает, что данный конфликт возник как очередной пограничный инцидент ввиду расхождения сторон в определении границы. Он добавляет, что этому способствовали наличие большого количества карт района, которые трактовались каждой из сторон в свою пользу, а также сам характер местности – пустынной и малолюдной, где пограничные указатели были порой весьма неопределенны и отстояли друг от друга на многие километры.

На наш взгляд, это общее положение. Чтобы разобраться в причинах конфликта, требуется более подробное рассмотрение истории вопроса. Вооруженный конфликт именно в этом районе объясняется нагнетанием сторонами напряженности, причем как японскими военными кругами, особенно Квантунской армией, в отличие от приверженцев умеренного курса в правительстве, так и советским руководством.

В марте 1938 г. из оперативного отдела штаба Квантунской армии в район Номонхан (Номон-Хан-Бурд-Обо) на границе между МНР и Маньчжоу-го, на левобережье р. Халхин-Гол (Халха), была направлена исследовательская группа для подготовки варианта Б (по-японски «Оцу») *оперативного* плана № 8, ставившего целью нанести удар по МНР и перерезать в случае войны с СССР Транссибирскую железнодорожную магистраль восточнее озера Байкал, с тем чтобы отрезать Дальний Восток от центральных районов Советского Союза и облегчить позднее захват советского Приморья, так как его оккупация в результате лобовой атаки в связи с укреплением обороноспособности СССР была бы сопряжена с большими трудностями.

Первоначально этот план, разработанный в течение 1938 г. и представленный для его изучения на месте, носил су-

губо оперативный характер и не был рассчитан на немедленное применение независимо от обстановки, однако командующий 23-й дивизией генерал-лейтенант М. Комацубара в марте 1939 г. решительно выступил за его претворение в жизнь и был поддержан руководством оперативного отдела Квантунской армии, которое проигнорировало указание генерального штаба японской армии о необходимости заблаговременно провести консультацию с Токио в случае опасности возникновения серьезного вооруженного конфликта с СССР.

Принятию подобного решения способствовало то обстоятельство, что внимание Советского Союза было приковано к событиям на Западе, где в марте 1939 г. Германия захватила Чехословакию и выдвигала территориальные претензии к Польше; Италия совершила агрессию против Албании, а Испания и Венгрия присоединились к Антикоминтерновскому пакту, а потому, как полагало руководство Квантунской армии, СССР не сможет дать отпор Японии.

В итоге было принято решение об активном противодействии советским войскам даже в районах Маньчжоу-го с неопределенной линией границы и об установлении ее по собственному усмотрению с возможностью нанесения удара по советским войскам и временного занятия части территории Внешней Монголии (МНР)⁴⁸.

Это решение, утвержденное командующим К. Уэдой, было продиктовано стремлением в условиях переговоров о заключении Тройственного пакта с Германией и Италией попытаться, компенсировав неспособность Токио одержать быструю победу над Китаем, захватить пути снабжения *его* военной техникой из СССР и не допустить использования МНР в качестве базы для «большевизации» всей Монголии, Маньчжурии и центральных районов Китая через советские районы, прилежащие к границе МНР⁴⁹. К тому же считалось, что твердая позиция Японии, занятая ею с момента инцидента у Константиновских островов в 1937 г., позволит и на этот раз рассчитывать на успех.

В качестве предлога для попытки реализовать этот вариант оперативного плана № 8 руководство Квантунской

армии решило использовать неопределенность в некоторых местах линии границы между Маньчжурией и Внешней Монголией, которая, строго говоря, с точки зрения международного права являлась только административной границей между различными провинциями Китая, так как в качестве государственной границы подавляющим большинством государств она признана не была (МНР формально считалась хотя и автономной, но неотъемлемой частью Китая, а образование Маньчжоу-го как государства, отдельного от Китая, также не считалось законным государствами – членами Лиги Наций и др.).

В 1734 г., чтобы положить конец борьбе монгольских племен халха и баргутов (баргузинов) за этот район, правительство императорского Китая установило границу между ними по северному и восточному берегам р. Халхин-Гол (р. Халха).

Эта административная граница по той же реке (то есть по ее середине, а не по северному и восточному берегам) была обозначена на физической карте с изображением этого района масштаба 1:84 000, изданной на основе топографических съемок в 1906 г. Забайкальского геодезического отряда России, а также физической карты Внешней Монголии масштаба 1:10 000 геодезического отряда генерального штаба армии Китайской Республики, изданной в 1918 г.⁵⁰ (Позднее на переговорах по урегулированию этого конфликта в Чите после его окончания японская сторона предъявила еще 18 таких карт⁵¹.)

Большинство географических карт более позднего периода (карта Китайского почтового ведомства, изданная в Пекине в 1919 г., китайские карты, изданные в Шанхае в 1935 г., карты Квантунского генерал-губернаторства 1919, 1926 и 1934 гг., генерального штаба японской армии 1928 г. и Квантунской армии 1937 и 1938 гг.)⁵² свидетельствовали о том, что фактическая граница традиционно проходила в этом районе восточнее р. Халхин-Гол через высоту Номонхан, чем и руководствовались МНР и СССР, однако штаб Квантунской армии, чтобы оправдать свои агрессивные действия влиянием приобретавшего авторитет среди офицерства экстремиста майора

М. Цудзи, стал исходить в своих боевых приказах из карт разграничения этого района по р. Халхин-Гол.

К указанной позиции по вопросу о линии границы в связи с участвовавшими пограничными инцидентами в районе этой реки советская сторона пришла не сразу. На запросы из Москвы полпредство СССР в МНР в 1932–1934 гг. отвечало, что из-за того, что в порубежной полосе шириной в 150 км проживают постоянно кочующие монголы МНР и баргуты (барга) Маньчжоу-го, в указанном районе границы точно определить невозможно.

В 1934 г. один из руководителей ОГПУ сообщил в письме И.В. Сталину, что в Улан-Баторе ведется расследование вредительского характера упомянутых выводов геодезической службы РККА, в связи с чем ее сотрудники подвергнуты арестам. Сообщалось также, что обнаружены картографические материалы, свидетельствующие, что японцы вторгаются на территорию МНР⁵³.

Фактическая граница между МНР и Маньчжоу-го в 20-километровой полосе восточнее озера Буир-Нур и р. Халхин-Гол (Халха) патрулировалась небольшими монгольскими погранзаставами, находившимися на расстоянии 40–60 км одна от другой, а регулярные советские войска были в нескольких сотнях километров от этой границы. С января 1939 г. японские войска начали периодически нарушать границу МНР. В середине апреля того же года в этот район был направлен специальный японский военно-топографический отряд, который произвел съемку местности для подготовки к боевым действиям. Начались также рейды через границу отрядов маньчжурской конницы из выдвинутого сюда полка народности барга, проживавшей на северо-востоке Маньчжоу-го.

В связи с этим для охраны линии границы в 20 км восточнее р. Халхин-Гол были направлены пограничники МНР. Против них с начала мая возобновились рейды баргутов, а 11 мая монголы подверглись нападению 23-й пехотной дивизии Квантунской армии: 20 монгольских пограничников были оттеснены на 15 км к р. Халхин-Гол силами 200 японцев, поддержан-

ных минометным и пулеметным огнем, но затем прибывшие монгольские подкрепления отбросили японцев с большими потерями за линию границы (рис. 54).

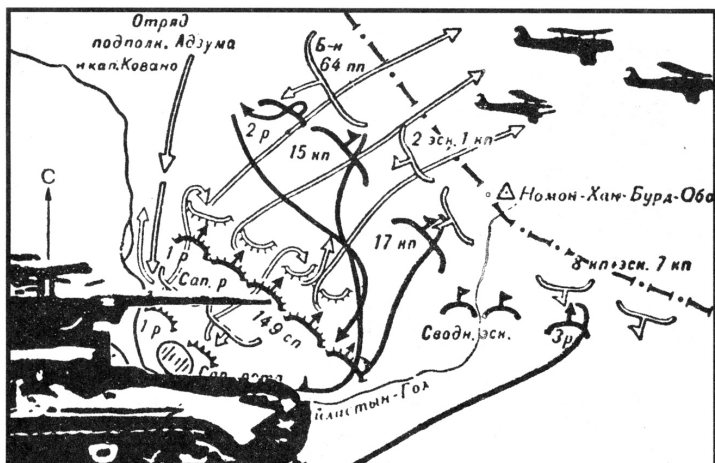

Рис. 54. Схема «Начало боев в мае-июне 1939 г. в районе р. Халхин-Гол»

На следующий день в бой вступил целый японский полк 23-й пехотной дивизии при поддержке авиации и отбросил монголов к берегу р. Халхин-Гол, захватив высоту Дунгур-Обо на противоположном, западном, берегу этой реки. На следующий день к японцам присоединились несколько сот баргутских конников. 15 мая японская авиация нанесла бомбовые удары по расположению погранвойск МНР, в результате последние понесли потери убитыми и ранеными. В ответ на это на подмогу им была направлена советская оперативная группа в составе стрелково-пулеметного батальона, саперной роты и батареи 76-миллиметровых орудий, а также монгольская дивизия и дивизион бронемашин армии МНР, которые 22 мая вновь оттеснили японцев к границе.

Потерпев поражение, японцы стали стягивать к границе МНР более значительные силы. В то же время для подготовки вторжения в Приморье, Хабаровскую и Амурскую обла-

сти в Восточную Маньчжурию стали стягиваться основные силы Квантунской армии⁵⁴. 19 мая нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, только что назначенный на этот пост вместо М.М. Литвинова, направил протест послу Японии в СССР С. Того, в котором заявил следующее: «Поскольку между СССР и МНР имеется пакт о взаимопомощи, то по поводу... нарушения границы МНР я должен сделать послу заявление. За последнее время 11 и 12 мая и позже имел место ряд нарушений границы МНР японо-маньчжурскими частями, которые напали на монгольские части в районе Номон-Хан-Бурд-Обо, а также Дунгур-Обо. В воинских частях МНР имеются убитые и раненые. В этом вторжении в МНР участвовали также японо-маньчжурские самолеты. Имеются, таким образом, грубые нарушения границы МНР и другие недопустимые действия со стороны японо-маньчжурских частей. Я должен предупредить, что всякому терпению есть предел, и прошу посла передать японскому правительству, чтобы этого больше не было. Так будет лучше в интересах самого же японского народа...»⁵⁵

25 мая Молотов снова заявил протест японскому послу⁵⁶. Тем не менее 28 мая 1939 г. 23-я дивизия Квантунской армии предприняла в том же районе наступательные действия, в результате которых в июне японцы снова вышли к р. Халхин-Гол. В помощь командованию советского 57-го особого корпуса и войск МНР была направлена комиссия во главе с комдивом Г.К. Жуковым, назначенным командиром этого корпуса. Г.К. Жуков разработал план ответного удара, одобренный наркомом обороны⁵⁷.

В течение июня–августа между сторонами конфликта происходили ожесточенные воздушные бои. Сначала в силу численного превосходства успех был на стороне японцев, в частности 27 июня в районе Тамцак-Булак было уничтожено около 100 и подбито около 40 советских самолетов⁵⁸, но с прибытием новой авиационной техники и летчиков, которые имели большой опыт боев в гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг., перевес стал клониться на нашу сторону.

Это сражение 3 июля было начато японскими войсками, которые, создав огромное превосходство в живой силе, кавалерии и артиллерии, планировали окружить и ликвидировать группировку советско-монгольских войск севернее р. Хайластын-Гол – притока р. Халхин-Гол и после этого выйти в тыл этой группировке на восточном берегу р. Халхин-Гол и нанести противнику сокрушительный удар.

Заблаговременно проведя разведку и выяснив направление активной дислокации японских войск, комкор Г.К. Жуков направил из Тамцак-Булака бригаду танков, бригаду и дивизион бронемашин, а также мотострелковый полк и монгольскую кавалерийскую дивизию для контрудара, что при поддержке тяжелой артиллерии обеспечило успех советских и монгольских войск в этом сражении. Проявив новаторский подход, который учитывал специфику сложившейся конкретной ситуации, Г.К. Жуков вопреки требованию уставов приказал использовать танки без сопровождения пехоты, чтобы в ходе активной обороны разбить наступающего противника, устремившегося в прорыв линии фронта и уже захватившего высоту Баин-Цаган на территории МНР.

В результате к 5 июля японские войска были с большими потерями полностью отброшены за р. Халхин-Гол.

Для подготовки контрнаступления, намеченного на 24 августа, японское командование сформировало по приказу императора Хирохито 6-ю армию, включив в нее 23-ю и 7-ю пехотные дивизии, пехотную бригаду, семь артиллерийских полков, два танковых полка, маньчжурскую бригаду, один погранотряд, три конных полка баргутов, два инженерных полка и другие части (общей численностью 55 тыс. человек, более 300 орудий, 135 танков и 310 самолетов)⁵⁹.

Но это контрнаступление 20 августа упредили советско-монгольские войска, тщательно подготовившие мощный удар по всей линии фронта – на севере, в центре и на юге (рис. 55).

Наибольшие успехи были достигнуты на южном направлении, где прорыв линии обороны противника определил в

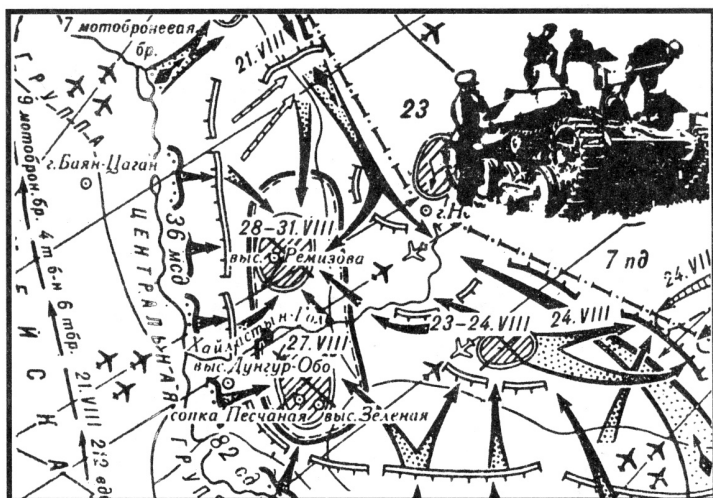

Рис. 55. Схема «Наступление
20 августа 1939 г. в районе р. Халхин-Гол»

дальнейшем результат всей операций по охвату и затем окружению противника с правого фланга.

Наиболее тяжелые бои против глубоко эшелонированных позиций противника завязались на центральном участке фронта, где, несмотря на продвижение в первые дни лишь на несколько километров, наши войска сковали основные силы врага, лишив его возможности маневра.

С трудом продвигалась вперед и северная группа наших войск, которая должна была замкнуть кольцо окружения прорыва после переправы через р. Халхин-Гол у горы Баин-Цаган в направлении горы Номон-Хан, так как эта группа войск вынуждена была к вечеру 20 августа вступить в затяжные бои у сильно укрепленной японцами высоты Фуи.

Для достижения перелома в сражении 21 августа Г.К. Жуков решил ввести в бой все резервы, нанеся главный удар в результате развития успеха южной группы войск, 24 августа замкнувшей кольцо окружения в районе р. Хайластын-Гол (рис. 56).

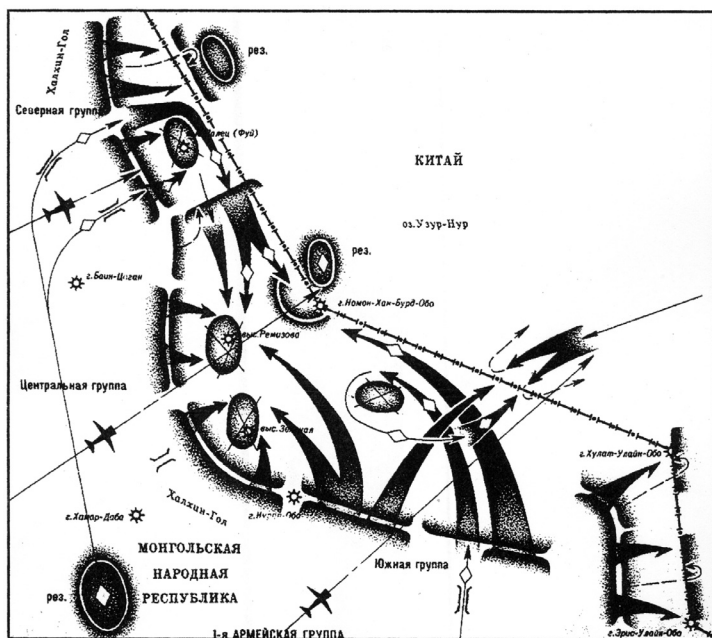

Рис. 57. Разгром японских милитаристов у р. Халхин-Гол 20–31 августа 1939 г.

В результате боев с 28 по 31 августа окруженные японские войска были полностью разбиты (рис. 57). За четыре месяца противник потерял, по советским данным, 18 300 человек убитыми и 464 – пленными из 76 тыс. человек, принимавших участие в конфликте⁶¹. По подсчетам же видного японского военного историка С. Хаяси, общие японские потери составили 73% участвовавших в боевых действиях, то есть около 55 тыс. человек⁶² (потери 23-й дивизии, вынесшей на себе основную тяжесть боев, – около 80%⁶³). Примерно так же он оценивает и потери артиллерии 6-й армии – 72%⁶⁴. Было сбито 608 японских самолетов⁶⁵. По предварительным официальным советским сведениям, советско-монгольские войска потеряли 2413 человек убитыми, 10 020 ранеными и 216 пленными. Но позднее, к 1993 г., эти данные были уточ-

нены: безвозвратные потери – 7974, а общие санитарные потери 15 925 человек⁶⁶.

Трофеи советских войск составили 12 танков, 23 бронемашины, 25 тягачей, 100 автомобилей, 190 орудий, 40 минометов, 189 гранатометов, 9000 винтовок, 370 пулеметов, огромное количество боеприпасов⁶⁷.

Начало заключительного этапа сражения на р. Халхин-Гол – мощный охватывающий удар по японским войскам на рассвете 20 августа 1939 г. (19 августа по московскому времени) – совпал с другим исключительно важным событием. В этот день в Москве на переговорах о возможной германской агрессии от англо-французской делегации, наконец, было получено заверение, что в случае нападения Гитлера на одну их трех стран – Польшу, Англию и Францию, две последних страны, независимо от позиции Москвы, вступят в войну с Германией. И. Сталин решил прервать московские переговоры и заключить пакт о ненападении с Германией, чтобы позволить ей, начав агрессию против Польши, ввязаться в войну с другими западными странами, самому же выждать, пока они не истощат друг друга, а затем использовать для «расширения фронта социализма».

Докладывая в начале мая 1940 г. И.В. Сталину об итогах «необъявленной войны» в районе р. Халхин-Гол, Г.К. Жуков высказал следующее мнение: «Японский солдат... хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири». Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо и склонен действовать по шаблону...»

«Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта, – сделал вывод Г. Жуков. – Думаю, что и японская сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии.»

На вопрос присутствовавшего на беседе Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина о характере завершившихся сражений Жуков ответил, что ближайшая цель Японии состояла в том, чтобы захватить территорию МНР, находящуюся за р. Халхин-Гол, построить в этом районе укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую стратегическую железную дорогу к границе нашего Забайкалья западнее КВЖД⁶⁸. В дальнейшем это могло бы создать угрозу Транссибирской железнодорожной магистрали Москва–Владивосток.

Отдельные попытки японской стороны в начале сентября 1939 г., нарушая границу, вновь вторгнуться на территорию МНР в том же районе, используя прежде всего свою авиацию, успешно отбивались советско-монгольскими частями, в том числе благодаря превосходству над японской стороной в авиации⁶⁹. За этот период японская авиация потеряла 71 самолет, советская – 18⁷⁰.

Командующий Квантунской армией К. Уэда по приказанию начальника штаба Квантунской армии принца Каньина, полученному 4 сентября, полностью прекратил военные операции, но продолжал принимать меры по подготовке армейских резервов, чтобы в будущем предпринять попытку реванша.

Однако посетившие район конфликта эмиссары Генерального штаба сняли с должностей К. Уэда, его начальника штаба К. Исогая, командиров 6-й армии О. Риппо и 23-й дивизии М. Комацубара, заместителя начальника Генерального штаба Т. Накадзима, начальника первого оперативного отдела Генерального штаба М. Хасимото и несколько десятков других старших офицеров⁷¹.

Результаты упорных боев в районе р. Халхин-Гол продемонстрировали превосходство нашей армии и военной техники над сильным противником – милитаристской Японией, которая, получив серьезный урок, вынуждена была перенести на юг объект своих главных военных усилий. В отношении же СССР Япония решила отложить сроки возможного решения «северной проблемы» и попытаться добиться

своих целей в этом районе при возникновении благоприятной военно-политической обстановки, укрепив свои вооруженные силы, потрепанные в боях.

В пользу обоснованности такого изменения военной стратегии Японии свидетельствовало и кардинальное изменение в характере советско-германских отношений, связанных с заключением 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении и в середине сентября того же года – советско-германского договора о дружбе и границах.

В связи с этим важно отметить, что такое изменение в характере советско-германских отношений привело к тому, что уже 26 мая 1939 г. И. Риббентроп предложил послу Японии в Германии Х. Осима урегулировать отношения Токио с Москвой. В ночь с 21 на 22 августа, в канун подписания советско-германского пакта о ненападении, статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцзекер сообщил тому же послу Японии о решении германского руководства заключить этот договор, подчеркнув, что советско-германский пакт «позволит нам предпринять шаги для установления периода спокойных японо-советских отношений и сохранить их на значительный срок»⁷².

А 25 августа посол Германии в Токио О. Отт заявил министру иностранных дел Японии Х. Арите о возможности «немецкого влияния на стабилизацию русско-японских отношений». С другой стороны, эти изменения побудили Х. Ариту поручить послу Х. Осиме заявить протест германскому правительству против германо-советского сближения как нарушающего Антико-минтерновский пакт. Этот протест ярый германофил Х. Осима вручил И. Риббентропу только 18 сентября – после заключения советско-германского договора о дружбе и границах.

Первое из этих заявлений объяснялось ответом И.В. Сталина при заключении советско-германского пакта о ненападении на предложение Риббентропа оказать содействие в урегулировании советско-японского вооруженного конфликта: «Советский Союз действительно желал бы улучшения отно-

шений с Японией, но... есть пределы его терпения в отношении японских провокаций. Если Япония желает войны, она может получить ее. Советский Союз не боится этого и готов к этому. Если же Япония желает мира – тем лучше». Советский руководитель добавил: «Советский Союз не желает, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива в этом направлении исходит от Советского Союза»⁷³.

В результате этих событий 28 августа 1939 г. кабинет К. Хиранумы, в полном составе подал в отставку, а 9 сентября того же года посол Японии в Москве С. Того от имени нового правительства Японии во главе с отставным генералом Н. Абэ предложил НКВД СССР подписать соглашение о перемирии и создать комиссии по демаркации границ: первую – между СССР и Маньчжоу-го, вторую – между МНР и Маньчжоу-го и третью – по урегулированию будущих конфликтов между СССР и Маньчжоу-го.

10 сентября В.М. Молотов принял это предложение, высказавшись, однако, против создания в районе р. Халхин-Гол демилитаризованной зоны. Вместо этого японскую сторону призвали восстановить там границу, на которой СССР и МНР настаивали до начала конфликта.

На шестнадцать заседаний смешанной комиссии по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-го в районе упомянутого конфликта, проходивших с 7 по 25 декабря 1939 г. в г. Чите и с 7 по 30 января 1940 г. в г. Харбине, выяснилось, что точки зрения советско-монгольской и японо-маньчжурской делегации по вопросу уточнения границы полностью противоположны, поэтому комиссия на последнем заседании 30 января 1940 г., проходившем под председательством уполномоченного правительства Японии Куботы, решила прекратить свою работу ввиду того, что представленные японо-маньчжурской стороной документы, имеющие целью обосновать пересмотр давно существующей и ранее никем не оспаривавшейся линии границы, не были утверждены официальными органами. Советско-монгольская делегация отказалась признать их в качестве основы для уточнения границы.

Решено было возобновить переговоры в дальнейшем. Стороны согласились параллельно провести переговоры о торговом договоре⁷⁴.

С. Того, ставший позднее министром иностранных дел Японии, излагая ход советско-японских переговоров по различным вопросам после прекращения конфликта в районе р. Халхин-Гол, писал, что в ответ на его предложение об обоюдном прекращении огня, при том что войска обеих сторон останутся на занимаемых позициях, и о начале переговоров о демаркации границы В.М. Молотов стал настаивать на отводе японской армии из района конфликта, утверждая, что она проникла на территорию МНР. Но С. Того возразил, подчеркивая, что японская армия исходила из того, что оспариваемая ею территория является частью Маньчжоу-го и поэтому до установления границы ее отвод невозможен.

15 сентября 1939 г. В. М. Молотов согласился с доводами С. Того о прекращении военных действий на условиях Японии.

9 июня 1940 г. было подписано соглашение Молотов – Того об уточнении границы в районе конфликта, создании комиссии по урегулированию и предупреждению конфликтов, по демаркации границы и по нарушению Японией Портсмутского договора 1905 г. При этом В.М. Молотов согласился также признать пограничный район Алушань, который имел наиболее важное значение для Японии и Маньчжоу-го, частью последнего, а Япония решила уступить МНР остальную часть спорной территории⁷⁵.

Таким образом, крупный вооруженный конфликт был исчерпан. В августе 1942 г. демаркация границы на спорных участках была завершена, и Квантунская армия стала проявлять большую осмотрительность, чтобы не провоцировать Советский Союз.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТКРЫТИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСВОЕНИЕ РОССИЯНАМИ РУССКОЙ АМЕРИКИ В XVII–XIX ВЕКАХ И ГРАНИЦЫ РОССИИ С СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ В XX–XXI веках

1. «Русские Колумбы» в Америке

Что значит «открыть новые земли» и впервые получить знание об их народах? Для кого такие места, будь то морское побережье, остров или какой-либо другой район, где, как правило, эти народы обитали в течение долгого времени, представляют собой «открытие»? Вряд ли для коренных жителей. Эти вопросы не так просты, как может показаться на первый взгляд. В течение десятилетий и даже целых веков продолжаются многочисленные споры о демографических, экономических, социальных и культурных приоритетах и интересах соседних народов и еще чаще – народов, отделенных одни от других большими расстояниями. Проблемы возникают от непонимания или ошибок в интерпретации этих вопросов. Знание об их происхождении, правильные и справедливые ответы на них с самого начала возникновения вопросов и споров способствуют надлежащему применению общепринятых норм международного права, а также взаимовыгодному и равноправному сотрудничеству между народами.

Как научное понятие слово «открытие» имеет такое повседневное значение, как «акт познания чего-либо нового». Современное употребление этого слова позволяет определить данное слово как «акт введения в научный оборот нового района и нанесения его на географическую карту для ознакомления с ним подавляющего большинства народов современного цивилизованного мира». Только в этом случае открытие локального уровня можно рассматривать как имеющее глобальное измерение. И только в этом контексте мы намерены оценить в кратком очерке важные события в истории географических открытий в первой трети XVIII в. – открытие русскими мореходами-первопроходцами северо-западной части Американского континента. Более столетия этот регион был известен как Русская Америка, а в настоящее время эту часть суши называют Аляской и западным побережьем Канады и США вплоть до г. Сан-Франциско¹.

История Русской Америки насчитывает более трех с половиной столетий. Она восходит к тому времени, когда ни США, ни Канада еще не существовали. Это была эпопея, полная подлинного драматизма, вдохновения и самопожертвования, драма, которую разыграло несколько поколений русских людей. Она началась в середине XVII века, когда русские землепроходцы во главе с Семеном Дежневым и Федором Алексеевым в 1648 г. открыли пролив между Азией и Америкой (теперь он называется пролив Беринга в честь знаменитого российского мореплавателя Витуса Беринга). Несколько кораблей С. Дежнева, по некоторым сведениям, достигли побережья Америки, хотя официальных документов об этом путешествии не сохранилось.

В то время ни ученые, ни государственные деятели в Европе или Азии не знали, соединяются ли Азия и Америка где-либо на севере. Открытие С. Дежнева было проигнорировано, и на этот счет имели хождение самые различные предположения и мифы. Несмотря на занятость важными государственными делами, российский император Петр Великий повелел организовать несколько экспедиций для изучения отдален-

ных районов. В январе 1719 г. в Инструкции одной из таких экспедиций под руководством Ивана Евреинова и Федора Лукина содержалось требование Петра Великого выяснить, где Азия (земля, которая от Камчатки «идет на норд»), «сошлась ли Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать не только суйд и норд, но и ост и вест, но и все на карту исправно поставить», зафиксировав результаты этой экспедиции на географической карте.

Такая экспедиция была направлена в 1728 г. Во время путешествия, которое длилось несколько лет, существование морского прохода из Тихого в Ледовитый океан было подтверждено. Было открыто и положено на карту много островов к северу и югу от Берингова пролива. Их названия хранят память об участниках этого героического путешествия.

А 21 августа 1732 г. «Св. Гавриил» под командованием Михаила Гвоздева прошел между скалами, обнаруженными его моряками, и вскоре пристал к американскому берегу в пункте, который теперь известен как мыс Принца Уэльского. Этот день отмечается как дата «открытия» Америки со стороны материкового побережья Тихого океана – дата, которая имеет столь же важное значение, как и более раннее открытие Америки европейцами со стороны Атлантического океана.

Подробности путешествия М. Гвоздева и его спутников в течение долгого времени оставались неизвестными. Многие из них увидели свет сравнительно недавно. Например, в книге российского историка Леонида Гольденберга «Между двумя экспедициями Беринга» (Магадан, 1984) опубликована любопытная карта маршрута экспедиции М. Гвоздева и И. Федорова. Будучи положенными на карту в 1743 г., данные об этом маршруте, которые служат доказательством важного открытия, лежали лежали невыявленными в архивах в течение многих лет. Эта карта является аккуратной копией оригинала, сделанной рукой самого М. Гвоздева. Сам оригинал был, к несчастью, потерян. На пожелтевшей от времени копии этой карты имеется помета ближайшего помощника М. Гвоздева подштурмана И. Федорова в том месте, где изображена

Аляска. Старинные славянские письма гласят: «Здесь был геодезист Гвоздев в 1732 г.»

Необходимо добавить, что в 1758 г. знаменитый российский исследователь истории Сибири Г.-Ф. Миллер упомянул в одной из своих статей, что в 1730 г. (а не в 1732 г.) русские моряки побывали на чужой земле, что лежит напротив селений чукчей, и обнаружили там людей, но не смогли объяснить с ними из-за отсутствия переводчика. Приведенная и многие другие ошибки в отношении, например, первоходца, который на самом деле возглавил экспедицию к берегам Америки, могут быть объяснены тем фактом, что важные документы о Дальневосточной экспедиции, которые принадлежали Сенату России и ее Адмиралтейству, не были доступны Российской академии наук и следовательно упомянутому историку. Любопытно, что, открыв много относительно небольших островов в акватории Берингова пролива и у побережья Аляски, Михаил Гвоздев в течение многих лет продолжал утверждать, что Аляска – это «большая земля», подчеркивая особую важность результатов своей неистощимой деятельности. Его неофициальная экспедиция позволила впервые поразительно точно обозначить очертания Аляски, ее северо-восточной оконечности и прибрежных островов на карте мира, а также приступить к гидрографическому изучению этой части Тихого океана. Была составлена также карта, на которой были отчетливо показаны два материка – Азия и Америка, отделенные один от другого.

В соответствии с общепринятым в то время правом, позволяющем претендовать на впервые открытые территории государству, подданным или гражданином которого являлся их первооткрыватель, новые земли и острова принадлежали Российской империи. Именно с этого момента начинается подлинная история Русской Америки (Северо-Западной Америки). Если для освоения всей Сибири, от Урала до Тихого океана русским землепроходцам потребовалось около 80 лет, то для освоения и картографирования, несмотря на колоссальные трудности всей северной части Тихого океана, от-

крытия Аляски, Алеутских и других островов потомкам этих русских – не морякам, а казакам, родившимся в сухих степях, понадобилось всего 20 лет (1791–1812).

Позднее этот район был тщательно исследован правительственными экспедициями под руководством Петра Криницына и Михаила Левашова (1768–1772), а также Иосифа Биллингса и Гавриила Сарычева (1785–1792). В результате этих экспедиций были получены систематические научные описания островов, расположенных вдоль северо-западного побережья Америки. Открытия, сделанные этими экспедициями, явились важным вкладом – в географию и этнографию и вызвали огромный интерес у иностранных исследователей и торговых компаний.

Следует отметить другую черту всех документов, составленных русскими моряками, а именно: их путевые записи и заметки о впечатлениях отражают уважение к коренному населению и доброжелательное отношение к американским индейцам со стороны русских.

Интересные, замечательные события, связанные с их прибытием, имели свое продолжение. В 1784 г. русский купец Г. Шелихов основал первое постоянное поселение на о. Кадьяк (Аляска), а его преемники в 1799 г. учредили Российско-Американскую компанию, получившую от правительства монополию на освоение Русской Америки. Он построил школу для детей индейцев, пригласил алеутов работать в русских артелях и поселениях в деревянных русских домах, продемонстрировав островитянам преимущество русских построек, одежды и пищи. Он отмечал, что алеуты как его работники вскапывают почву в огородах, сеют семена и сажают культурные растения. Когда фрукты и овощи созрели, Г. Шелихов приказал раздать их туземцам. Многие из них, отведав приготовленную пищу, достались довольны. Такое отношение с каждым днем усиливало привязанность туземцев к русскому купцу. Многие из коренных жителей Аляски хотели побывать в России и принять христианство и, что особенно показательное, их дети с помощью русских поселенцев изучали русский язык и русскую письменность и читали по-русски.

Г. Шелихов отмечал, что дети аборигенов благодаря остроте своего ума быстро усваивали уроки русского языка.

Григорий Шелихов, который постепенно расширял территорию России, требовал от ее правительства строить в бассейне Тихого океана поселения, порты и крепости. После двух лет пребывания на о. Кадьяк, покинув Америку, он завещал своим преемникам продолжить дело устройства русских артелей для мирного сожительства коренных жителей с русскими, что преумножило бы славу России на открытых русскими территориях Америки до Калифорнии к северу от 40° с.ш.

Каждое новое десятилетие свидетельствовало о росте количества русских экспедиций, направленных в этот регион с целью расширения торговли и открытий неизвестных земель вблизи территории России и вдоль побережья Северной Америки. Карта этого региона пестрит именами русских первооткрывателей, моряков и купцов. Эти названия и теперь можно увидеть на карте Аляски и тянущегося к югу побережья Америки – заливы Купреянова, Прокофьева и Коцебу, острова Гвоздева, Прибылова, Чирикова и Баранова, мысы Врангеля, Головкина и Крузенштерна и др. Кроме того, многочисленные озера, реки и населенные пункты, в том числе Ново-Архангельск – столица Русской Америки (ныне г. Ситка), носили русские названия. Сравнительно недавно в США была учреждена медаль в честь Ивана Кускова, основателя в 1812 г. форта Росс – русского торгового форпоста в Северной Калифорнии. В честь И. Кускова названы также горы (Kuskowski a Mountains) на Аляске.

События в конце 1770-х годов вынудили правительство России принять более энергичные, чем ранее, меры для защиты ее интересов на Дальнем Востоке и в Русской Америке. В северную часть Тихого океана была направлена британская экспедиция под командованием знаменитого английского первооткрывателя и мореплавателя Джеймса Кука (1772–1779). В Петербурге цель его вояжа была совершенно ясна: каждое путешествие в южную часть Тихого океана существенно расширяло владения Британской империи. В книге «Путешествия

в северную часть Тихого океана» Д. Кук утверждал, что все острова между Уналашкой и Камчаткой занимали русские. Английский путешественник встречался с русским штурманом Григорием Измайловым, от которого узнал, насколько не точны английские карты этой части Тихого океана.

Другой английский мореплаватель Джордж Ванкувер в 1794 г. обследовал и описал русские поселения в Кенайском заливе и на о. Тхалха (Хинчинбрук). На островке, расположенном на 8,5 км южнее о. Тхалха, русские мореплаватели Д.И. Бочаров и Г.Г. Измайлов обнаружили в 1788 г. медную доску с надписью «Земля российского владения»².

В 1796 г. в России была опубликована большая итоговая карта открытий Г.И. Шелихова и его сподвижников. На некоторых экземплярах этой карты были подробно обозначены ряд бухт и заливов северо-западной части Северной Америки с точным указанием мест, где были зарыты по приказу генерал-губернатора Иркутской и Колыванской губерний И.В. Якоби такие же знаки принадлежности этих земель России³.

Во второй половине XVIII в. Российско-Американская компания сталкивалась с растущим сопротивлением со стороны испанцев и французов: в то время как испанцы приобрели на Тихом океане только земли вдоль западного побережья нынешних Соединенных Штатов Америки, французы требовали считать их владениями территорию всей нынешней Канады, где они вели войну с вооруженными силами Британской колониальной империи, преследовавшей также экспансионистские цели. Те же цели с наступлением XIX в. стали преследовать и Соединенные Штаты Северной Америки.

В 1799 г. Павел I в целях обеспечения территориальной целостности государства в условиях обострения торговой конкуренции в Русской Америке с Великобританией и угрозы здесь России со стороны Испании даровал своим указом Российско-Американской компании земли по праву первого открытия в 1741 г. Северной Америки. К этим землям относились материковые и островные земли до 55° с.ш. – широты южнее о. Принца Уэльского и юго-восточнее Ново-Архангельска

у берегов Американского материка. По этому указу Российско-Американской компании также предоставлялось право занимать «открываемые ею в российское владение», как это и происходило в течение 20 лет, земли к югу от 55° с.ш.»⁴, которые не были заняты европейскими державами. Эти привилегии, закрепленные за нею без ограничений по восточной долготе, означали фактическое включение в состав России территорий будущих провинций Британская Колумбия (948 тыс. кв. км), штатов Аляска (1519 кв. км), Вашингтон (179 тыс. кв. км), Орегон (250 тыс. кв. км) и восточных склонов Скалистых гор. Эти обширные районы равнялись половине площади Европейской России. В разное время на территории этих районов находилось около 60 русских населенных пунктов, не считая многочисленных поселений (семей) русских с индейцами и метисами с православной психологией (сохранилась 61 православная церковь с оставленными ей после 1867 г. обширными землями)⁵. Как и у многих современных потомков индейцев этих районов, в сохранившихся церквях проводятся богослужения на старославянском языке и в обиходе используется разговорный русский язык I половины XIX века⁶.

Посягательство на эти земли англосаксов в ответ на «благодарность» за посредничество России в 1813 г. в прекращении войны Британской Империи против США и поддержку приобретения ими Луизианы у Франции в 1803 г. и Флориды у Испании в 1811 г. вынудило Александра I издать в 1821 г. указ об установлении на материке границы на равном расстоянии от самых южных русских и самых северных американских на материке населенных пунктов с запрещением иностранным судам подходить ближе чем на 100 итальянских миль к берегам Русской Америки, а затем пойти на уступки по конвенциям с США 1824 г. и Великобританией 1825 г., проведя границу России вдоль 54°40' с.ш. на юге – широте от южной оконечности о. Принца Уэльского юго-восточнее Ново-Архангельска, далее через залив Портлендский канал на северо-восток до 56° северной широты с ее пересечением со 131° и 133° в.д. по тянущемуся на северо-запад вдоль Тихого океана к ближайшему

горному хребту на расстоянии не более 10 морских лье (556 км) до 141° в.д. в районе горы Св. Илья и по этой долготе до Северного Ледовитого океана на границе Восточной Аляски. При этом побережье до упомянутого хребта, Алеутские, как и другие прибрежные острова в этой части Северо-Западной Америки, оставались во владении России по праву их первого открытия российскими мореплавателями⁷. Управляющий МИД России К.В. Нессельроде в Инструкции русскому посланнику в США Ф.В. Сераскеркену от 13 июля 1822 г. писал: «Дело дошло до того, что императорское правительство все более и более страдает от постоянных вторжений подданных Соединенных Штатов, в то время как опасный дух мятежа распространяется между туземцами северо-западного берега Америки благодаря оружию и пороху, непрерывно доставлявшихся посредством пропаганды – ...и решило, наконец... принять строгие меры, чтобы покончить с этими беспорядками»⁸.

Правительство России при определении своей политики вынуждено было учитывать специфические особенности положения Русской Америки: ее огромную удаленность от центральных районов России и даже от Сибири, зависимость от успешной торговли с соседними государствами, прежде всего с США и Великобританией, нехватку поставок сюда необходимых товаров, недостаток торговых и военных судов и, что особенно важно, острый дефицит рабочей силы, купцов и моряков. Окончательно границы русских владений в Америке были определены после 1841 г., когда форт Росс, центр русской деятельности в Калифорнии (410 кв. км), расположенный в 20 милях от места современного Сан-Франциско, был продан американскому предпринимателю Джону А. Саттеру за 30 тыс. пиастров. Продажа форта Росс из-за утраты его значения как центра аграрного района после заключения Российско-Американской компанией с английской Гудзонбайской компанией в 1839 г. соглашения об аренде прибрежной территории у форта в обмен на поставки России продовольствия создала прецедент для оккупации в 1846 г. американскими войсками остальных районов Калифорнии⁹.

Любопытно, что 24 января 1848 г. Джеймс Маршалл, плотник, который работал у А. Саттера, добыл золото около форта Росс, положив начало небывалой «золотой лихорадке» в Калифорнии в конце XIX в. Теперь форт Росс превращен в исторический музей.

В заключение этого краткого историко-географического очерка обратимся к еще одной странице из истории Русской Америки. В начале XIX в. знаменитый русский мореплаватель Василий Головнин во время одного из своих путешествий по Тихому океану высадился в районе форта Росс. От местных жителей-индейцев он узнал о жестоком обращении с ними испанских колониальных властей. В. Головнин писал, что все независимые индейцы заявили через переводчиков-алеутов, живших с ними, что земля, где они обитали, принадлежит им и что испанцы не только никогда ею не владели, но и не селились вместе с ними. Аборигены также заявили, что индейцы не признавали власть испанцев и всегда убивали их, когда встречали севернее залива Сан-Франциско, который они рассматривают как крайний предел их владений. Однако индейцы настоятельно просят русских их поселиться среди них, так как русские относятся к ним с уважением и не забирают в рабство. Затем вождь Валенила попросил у В. Головнина русский флаг, который индейцы готовы были поднимать, когда будут приходиться российские корабли, как знак дружбы с русскими.

Начало XIX в. было отмечено участвовавшими прямыми провокациями со стороны США на границах с Русской Америкой. Пользуясь территориальным преимуществом в связи с ее огромной удаленностью от центра России, американцы нападали на русских поселенцев, что являлось составной частью их продолжавшихся попыток изгнания индейцев огнем и мечом с запада Американского континента, не гнушаясь обманом и подкупом. Зная, что русские поселенцы испытывают недостаток денежных средств и поставок необходимых товаров повседневного спроса, американцы неоднократно подталкивали их к распродаже своих земель, так же как это сделали французы и испанцы. Правительство России и Российско-

Американская компания понимали, что в случае конфликта с США они будут не в состоянии отстоять земли, которые были открыты и заселены русскими. Более того, Россия в то время более опасалась превосходства над нею Британской империи, чем требований американцев в отношении отдаленных от ее центра территории Аляски, Калифорнии и прибрежных островов. Между тем, добрые отношения с США в Тихоокеанском регионе способствовали достижению целей России в Европе и на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Дальнем Востоке, особенно в Приамурье, Приморье, на Сахалине и Курилах.

Таковыми же целями было вызвано вмешательство России в Гражданскую войну в Америке (1861–1865). Появление русских военных кораблей под командованием адмирала С.С. Лесовского в американских портах сыграло положительную роль в предотвращении интервенции Франции и Британской империи на стороне южных рабовладельческих штатов и помогло победить северянам, которые выступили за отмену рабства негров. Поистине неисповедимы пути мировой политики.

Все это объясняет причину продажи Русской Америки Соединенным Штатам. 30 марта 1867 г. был подписан договор, согласно которому правительство России продало Вашингтону Русскую Америку за 7,2 млн. долларов. Такая небольшая цена объяснялась не столько действительно существовавшей невыгодностью географического положения (ее огромной удаленностью от центра России, суровым климатом, трудностями снабжения ее необходимыми товарами, малочисленностью русского населения), сколько изменением ее внутренней политики России – разразившимся в середине XIX в. экономическим кризисом в условиях феодализма и крепостного права, отмененного только в 1861 г.

Необходимо также отметить, что несмотря на комплекс внутренних и международных обстоятельств, характерных для второй половины XIX в., **на слабость и отсталость России** в этот период и просчеты ее правительства, большинство русских не предполагали, что Русская Америка, политая потом соотечественников, которые открывали и заселяли ее

земли, будет когда-либо продана американцам. Ответственность за кризис, вызванный задержкой проведения в России давно назревших реформ, ставший причиной этой сделки с Соединенными Штатами, лежит исключительно на царском правительстве.

Известный российский исследователь и историк Василий Берх писал о Михаиле Гвоздеве – одном из «росских Колумбов», кто открыл Америку со стороны Тихого океана, и о его неувыдаемых делах, что русского путешественника будут помнить до тех пор, пока будут существовать острова и земли, описанные им.

2. Является ли западная граница Русской Америки справедливой линией разграничения морских пространств между СССР/РФ и США (картография и международное право)?*

10 декабря 1976 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 4851-IX «О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к побережью СССР» были установлены соответствующие 200-мильные зоны, которые измерялись от тех же исходных линий, что и его территориальные воды. В том же году такие же зоны были введены и управлением по рыболовству США. Это привело к необходимости разграничить эти зоны в районах, где расстояние между берегами СССР и США составляло менее 400 морских миль.

В следующем году, вместо того чтобы эту акваторию разделить поровну, Вашингтон внес предложение о разграничении акватории Северо-западной части Тихого океана, исходя из Договора между Россией и США от 18/30 марта 1867 г. о продаже им Россией Русской Америки. В соответствии с этим договором (ст. 1), граница проходит через точку в Берин-

* В части этого раздела с благодарностью использованы материалы, предоставленные Ф.А. Мошковым.

говом проливе под $65^{\circ}30'$ с.ш. и $168^{\circ}58'37''$ з.д. на пересечении с меридианом, отделяющим на равном расстоянии о. Крузенштерна (Игналуку) и о. Ратманова (Нунарбук). От этой точки западная граница США (не признанная как граница России), с одной стороны, идет по прямой линии к северу и теряется в Ледовитом океане, а с другой стороны, – почти в юго-западном направлении в Берингово море на равном расстоянии между северо-западной оконечностью о. Св. Лаврентия и юго-восточной оконечностью Чукотского носа до 172° з.д. и далее на юго-запад между о. Атту (Алеутские острова) и о. Медный, или о. Куппера (Командорские острова) до 193° з.д. Соглашаясь в принципе с таким подходом, СССР выступил против проведения этой границы, составляющей 1500 морских миль, по ортодромии, то есть по большой дуге с учетом кривизны поверхности Земли, как это предлагал Вашингтон, (в результате граница оказывалась «вогнутой» в сторону СССР). Советская сторона считала, что разграничение следует проводить по локсодромии, то есть по прямой в буквальном смысле слова, румбовой линии на морской карте в проекции земной поверхности на плоскости (карта Меркатора). Обе эти линии совпадают в узловых точках, но расходятся в срединной их части.

Таким образом, возник огромный спорный участок акватории площадью в 15 тыс. кв. км. Стремясь утвердить принцип ортодромии, США не учитывали, что объект и цель договора 1867 г. были иными. С точки зрения международного права это лишало Вашингтон юридической возможности использования его в качестве правооснования для заключения предлагаемого соглашения, хотя и не запрещало вносить любые предложения, не связанные непосредственно с упомянутым договором.

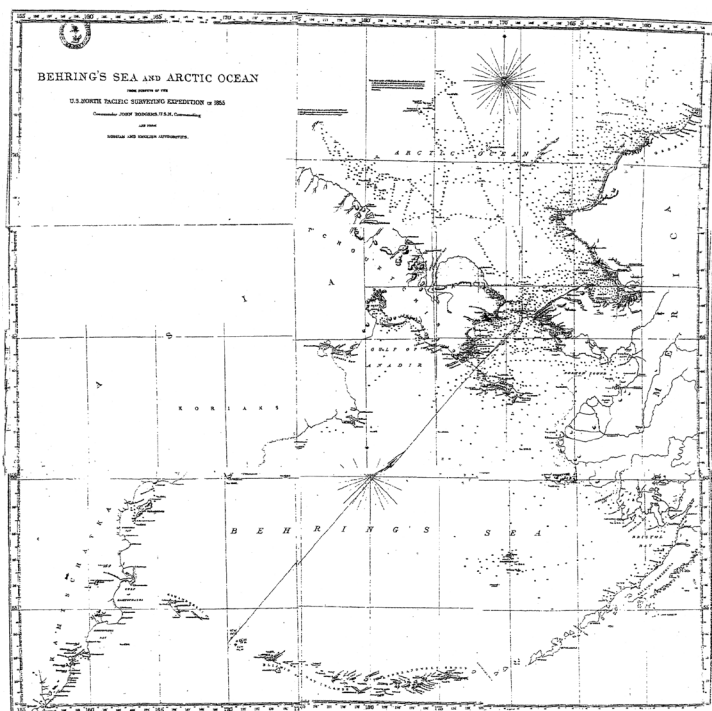
Подтвердив согласие на установление линии, ограничивающей районы действия временных мер, вытекающих из упомянутого Указа Верховного Совета СССР, в соответствии с западной границей владений США по договору 1867 г. по локсодромии в своем постановлении от 24 февраля 1977 г. № 163 Совет Министров СССР в тот же день через МИД СССР сделал устное заявление в адрес администрации США

о том, что до окончания переговоров между Москвой и Вашингтоном о делимитации акватории Берингова моря США без заключения договора передается рыболовная зона в средней части этого моря с координатами $58^{\circ}51'$ с.ш. и $178^{\circ}50'$ мин з.д., $61^{\circ}45'$ с.ш. и $176^{\circ}30'$ з.д., а также $60^{\circ}00'$ с.ш. и $179^{\circ}40'$ з.д. общей площадью в 23,7 тыс. кв. км в расчете на то, что США компенсирует объем вылова рыбы советским судам в этом районе в размере 150 тыс. т в год.

В 1981 г. в нарушение достигнутой между СССР и США договоренности на этот счет предоставление квот на вылов этого количества рыбы в американской зоне в Беринговом море прекратилось, а в 1990 г. США отменили и достигнувшую позднее договоренность с СССР о совместном рыболовстве в этой зоне.

Переговоры о квотах сторон ведутся до сих пор без существенных уступок Вашингтона. Предложенный американцами метод ортодромии США сразу начали реализовывать на практике. Так, 8 августа 1977 г. советское рыбоохранное судно «Шкотово» было задержано кораблем береговой охраны США в спорном районе средней части Берингова моря. При этом капитан американского корабля передал капитану советского судна карту № 532 с изображением границы экономической зоны США по ортодромии, заявив, что оно находится в ее пределах. Но советская сторона оставила этот инцидент без дипломатических последствий.

В 1981 г. на советско-американских консультациях по этому вопросу, которые состоялись в Вашингтоне, стороны обменялись фотокопиями карт, которые, как они считали, использовались на русско-американских переговорах о договоре 1867 г. Жаркие дебаты по этому вопросу развернулись на переговорах в мае 1983 г. в Москве. Американская сторона настаивала, что это была американская карта Дж. Хилгарда 1867 г., составленная в основном по методу ортодромии, в то время как советская сторона утверждала, что это была американская карта Дж. Роджерса 1856 г., составленная по методу локсодромии (рис. 58).

*Рис. 58. Берингово море и Ледовитый океан.
Карта Джона Роджерса, 1855 год*

Руководитель американской делегации на этих переговорах Э. Вервилл заявила, что 19 марта 1867 г. на встрече посланника России в США Э.А. Стегля и государственного секретаря США У. Сьюарда «после изучения карты была проведена граница» уступаемых Россией США территорий Русской Америки, и это была карта присутствовавшего на этой встрече Дж. Хилгарда. Но составление американской съемочной службой береговой охраны карты, представленной сторонам как карта Дж. Хилгарда, завершилось только 25 марта того же года, а ее гравировка – еще позже. После этого 29 марта Э.А. Стегль получил согласие императора Александра II на заключение До-

говора об уступке США Русской Америки, и на следующий день он был подписан.

Подлинник карты Дж. Роджерса из Архива внешней политики МИД России был предъявлен руководителем советской делегации Ю.М. Рыбаковым, однако Э. Вервил сослалась на то, что в СССР не найден ее оригинал и, по мнению американских экспертов, эта карта могла быть издана не ранее мая 1868 г., то есть более чем через год после упомянутых переговоров.

Опровергнуть это утверждение представилось возможным только в следующем месяце после завершения советско-американских переговоров. В июне 1983 г. в Центральной военно-морской библиотеке Ленинграда был обнаружен каталог карт и планов гидрографической службы США, изданный в Вашингтоне в 1879 г., где карта Дж. Роджерса значится под № 68 как опубликованная в 1856 г. (копия прилагается), и ее целесообразно учесть при определении окончательной судьбы данного соглашения. Эта карта, упомянутая Э. Вервил как использовавшаяся на переговорах 1867 г., и была картой Дж. Роджерса, и об этом следует уведомить США.

В пользу использования этой карты на упомянутых переговорах свидетельствует также следующее обстоятельство. 24 декабря 1866 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков получил от управляющего делами МИД России Н.К. Краббе меморандум с описанием предполагаемой границы и уступаемых Россией США территорий, который мог быть составлен только с помощью русской навигационной карты 40-х годов XIX в., о чем свидетельствует в его тексте о. Медный (на американских картах он значился как о. Купера).

В этом документе говорилось следующее: «Основною точкою пограничной черты служит пересечение меридиана 169° з.д. от Гринвича с параллелью $65^{\circ}30'$ северной широты. От этого пункта граница идет: к северу по меридиану 169° западной долготы, который разделяет пополам Берингов пролив и проходит между островами Ратманова (он же Нунарбук) и Крузенштерна (Игналук) из группы островов Св. Диомида, или Гвоздева¹⁰; к югу – по румбу 44° на середину проли-

ва между северо-западной оконечностью о. Св. Лаврентия (мыс Чукукан) и мысом Чукотским, на Азиатском материке, до пресечения сев. широты 64° меридианом 172° западной долготы. Далее пограничная черта направляется на 41° , на середину пролива между Командорскими и Алеутскими островами, а именно на середину линии, соединяющей восточную оконечность острова Медный и западную – острова Атту (мыс Врангеля), в широте $53^{\circ}30'$ (северной) и долготе $170^{\circ}30'$ (восточной) от Гринвича»¹¹.

После одобрения этого документа императором в январе 1867 г. А.М. Горчаков направил его Э.А. Стекло. Содержащееся в меморандуме Н.К. Краббе описание западной границы США предоставляло возможность нанести на любую карту обозначенные в нем поворотные точки и прямые пограничные линии между ними.

Но имевшиеся в распоряжении российской стороны русские карты, в отличие от американской карты Дж. Роджерса 1856 г. были не точными и не позволяли нанести на нее точно пограничную линию, указанную в меморандуме Н.К. Краббе. Так, меридиан 169° в.д. на этих картах приходился не на середину Берингова пролива, а на район к западу от о. Ратманова; контрольные же точки сдвигались на значительное расстояние к о. Св. Лаврентия и о. Атту и не могли быть соединены отрезками прямых линий, обозначенных в указанном меморандуме.

Учитывая это обстоятельство, российские представители в Вашингтоне решили провести красными чернилами возможную границу уступаемой США Русской Америки, на имевшейся у них карте Дж. Роджерса таким образом, чтобы она была максимально приближена к ее описанию в меморандуме Н.К. Краббе.

Очевидно, в распоряжении У. Сьюарда в отличие от Э.А. Стекла не было какой-либо американской карты Русской Америки, и поэтому он направляет 18 марта 1867 г. письмо начальнику съемочной службы береговой охраны США Дж. Хилгарду с инструкцией выслать ему «копию якобы

имеющейся карты русских владений на северо-западном побережье Америки» и письмо заместителю начальника этой службы с требованием прибыть, если возможно, с упомянутой картой в Вашингтон¹².

К тому же предложение Э.А. Стекля дополнить проекты ст. 1 Договора конечной точкой границы на 193° в.д., принятое У. Сьюардом 19 марта 1867 г., логически объясняется тем, что на предъявленной первым из них карте Дж. Роджерса этот меридиан, разделявший Командорские острова остававшиеся у России, и Алеутские острова, отходившие к США, отсутствовал, что также свидетельствует в пользу того, что стороны с самого начала переговоров пользовались упомянутой картой, а не картой Хилгарда, на которой этот меридиан был обозначен.

По окончании первого дня переговоров 19 марта 1867 г. Дж. Хилгард уведомляет У. Сьюарда: «Подумав, я пришел к выводу, что, видимо, я не обратил должного внимания на замечание г-на Стекля относительно заключительного предложения Статьи 1. Поскольку с географической точки зрения Командорские острова, видимо, всегда считались частью Алеутского архипелага, было бы желательно добавить несколько слов с тем, чтоб оно гласило: до меридиана 193° в.д., чтобы включить в передаваемую территорию все Алеутские острова, лежащие к востоку от указанной линии»¹³.

Таким образом, становится ясным, что У. Сьюард к началу переговоров мог представить только чистую карту, и они велись на основе представленной Э. Стеклем карты Дж. Роджерса с обозначенной на ней красными чернилами румбовой линии, проведенной по методу локсодромии, а не преимущественно¹⁴ ортодромии, как это было сделано на карте Дж. Хилгарда¹⁵.

Сообщая А.М. Горчакову в Петербург 19 апреля 1867 г. о заключении Договора, Э.А. Стекль писал: «На Западе разграничение сделано в точности по переданной мне Имперским министерством ноте господина Морского министра. Ваше сиятельство отметит, что линия, начертанная на американ-

ской карте (коей могла быть, как показано выше только карта Дж. Роджерса. – К.Ч.) та же, что и указанная на русской карте, переданной генерал-адъютантом Краббе. Считаю своим долгом представить обе эти карты взору Вашего Сиятельства»¹⁶.

* * *

В заключенном 1 июня 1990 г. Соглашении между СССР и США о линии разграничения морских пространств за ее основу принята западная граница Русской Америки, уступленной по договору 1867 г. Россией Соединенным Штатам Америки, с координатами, упомянутыми ранее, в основном в соответствии методом ортодромии.

«В самом его тексте многое неясно, включая и такое понятие как «морские пространства». Что это такое? Нет такого понятия в международном праве, не было его и в договорной практике Советского Союза и России вплоть до Соглашения 1990 г. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. ... устанавливает только территориальное море, исключительные экономические зоны и континентальный шельф. Нет никаких морских пространств», – писал проф. В.К. Зиланов (рис. 59).

Следует также обратить внимание, что сам заголовок Соглашения 1990 г. на русском и английском языках имеет весьма различный существенный смысл. В русском тексте говорится «о разграничении морских пространств», а в английском – «о морской границе». Что это, неточность перевода или скрытый смысл и опять неизвестные договоренности только глав делегаций, участвующих в переговорах? Вопросы, вопросы! Слушания в комитетах в Думе не дали на них полного ответа. Что же касается рыболовства, то итог в цифрах выглядит так. За период с 1981 по 1996 г. российские рыбаки потеряли промысловый участок площадью более 20 тыс. кв. км. Кроме того, российские рыбаки потеряли промысловый участок своей 200-мильной зоны площадью более 7 тыс. кв. км, а также часть глубоководных участков промысла континентального шельфа в открытой части Берингова моря, где не исключено обнару-

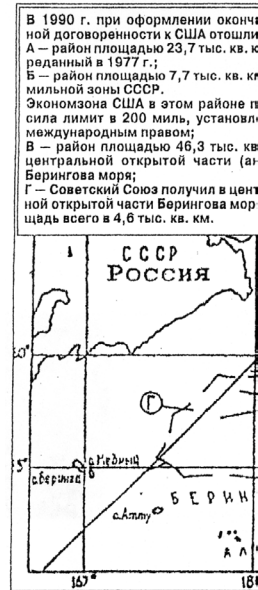
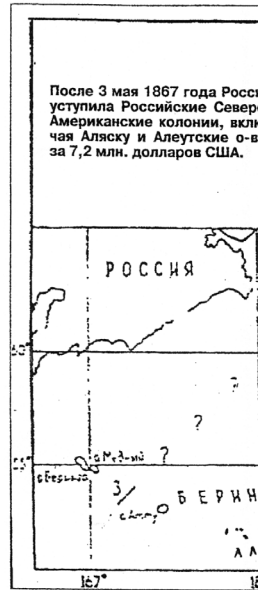
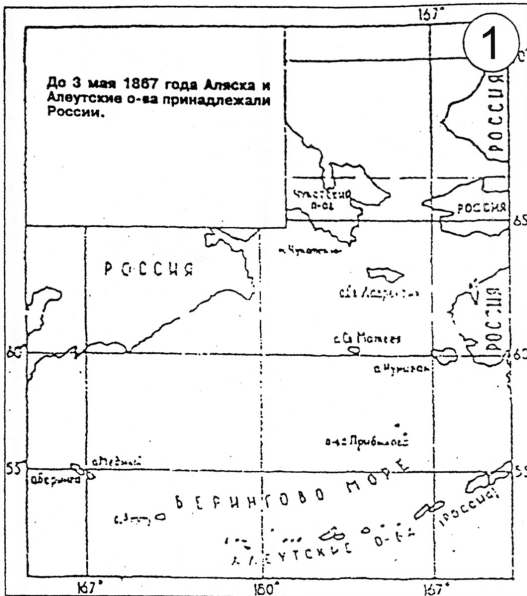
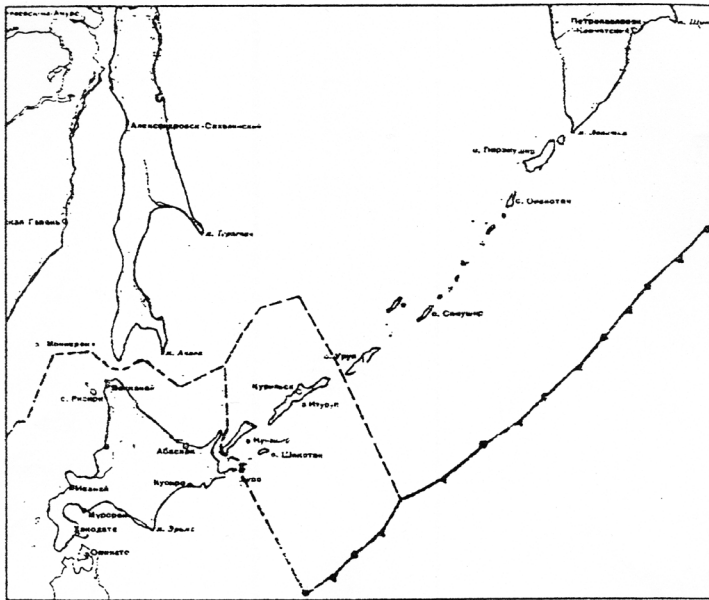

Рис. 59. Участки морских пространств в зоне разграничения

жение в будущем запасов сидячих живых видов биоресурсов (крабов, моллюсков и т.д.)...»¹⁷ (рис. 60).

1. Российская версия; 2. Японская версия

Рис. 60. Граница экономической зоны и континентального шельфа на Дальнем Востоке РФ

Поскольку «верховное право на оную» Русскую Америку распространялось только на сухопутную территорию¹⁸ и никакого отношения к морским пространствам не имело. «Какой бы вариант линии 1867 г. ни был, – писал доктор юридических наук, Б.М. Клименко, – он в любом случае отсекал значительный морской район к востоку от этой линии, который при ином методе разграничения (по срединной линии) принадлежал бы Советскому Союзу»¹⁹. К тому же, как, это видно из приведенных фактов, эта линия базировалась в период российско-американских переговоров о заключении упомянутого договора преимущественно на методе локсодромии. В приложении

к соглашению 1990 г., являющемся его неотъемлемой частью (п. 2, ст. 2), этот метод из 86 отрезков координатами этой линии применяется только один раз ($59^{\circ}43'42''$ с.ш. и $170^{\circ}18'31''$ в.д.) против 49 отрезков с применением ортодромии (по дуге окружности) из 35 отрезков без указания первого или второго метода (очевидно, с отклонением от их полного использования). На наш взгляд, это ущемляет интересы российской стороны и поэтому нуждается в исправлении.

Кроме того, по этому соглашению, помимо упомянутой выше акватории в 23,7 тыс. кв. км (район А), переданной Соединенным Штатам в 1977 г., к ним отошла часть нашей 200-мильной экономической зоны площадью в 7,7 тыс. кв. км (район Б), что на 50 миль превысило 200-мильный лимит, предусмотренный международным правом (ст. 57 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.)²⁰. Советская же зона сократилась до 150 миль, а предоставленная нашим рыбакам «компенсация» в северных районах, в том числе в Чукотском море, в действительности таковой не считалась, так как, во-первых, в отличие от уступленных участков в Беринговом море (площадью в 16,6 тыс. кв. км) они не являются рыбопромысловыми. В результате Россия теряла ежегодно не менее 150 тыс. т возможного улова, которые США компенсировали соответствующими квотами только до 1981 г., а за 1991–2002 гг. – в среднем 130–160 тыс. т стоимостью по розничным ценам США 150–180 млн. долл. и, во-вторых, северные участки согласно «линии 1867 г.» и без того принадлежали нашей стране. Эти несправедливости в ходе ведущих переговоров с США также следовало бы устранить, например, предоставив в обмен реальную компенсацию в виде квот на вылов рыбы в своей экономической зоне²¹.

«Учитывая вышеизложенное, советская сторона ожидает, что американской стороной при выделении общей квоты вылова рыбы для советских рыболовных судов будет учитываться объем вылова, теряемый нашими судами в этом районе, если исходить из экономических интересов и особенно рыболовных, – писал профессор В.К. Зиланов. – Правильнее

было бы предложить США другой вариант, а именно: сохранить в Чукотском море и в Ледовитом океане так называемую линию Конвенции 1867 г. Тем более, она была только в этих акваториях установлена в истинных координатах самой Конвенцией 1867 г. Соглашение 1990 г. ... стало результатом договоренностей Шеварднадзе – Бейкера в июне 1990 г. во время визита Горбачева в Вашингтон. Более того, по окончательному тексту самого Соглашения 1990 г. США уступался еще один участок – уже нашей 200-мильной зоны. В результате этого экономическая зона США оказалась в отдельных местах этого участка на 50 миль больше...»²²

По соглашению 1990 г. (ст. 3) СССР и США разделили между собой также участки открытого моря, принадлежащего по международному морскому праву всему мировому сообществу, поэтому с юридической точки зрения применение «линии 1867 г.» является неправомерным, и оговорка на этот счет в Соглашении, что они не входят в экономическую зону, не меняет сути дела²³. Причем это разграничение было сделано в неравных долях по отношению одна к другой: США получили в центральной части Берингова моря анклав площадью в 46,3 тыс. кв. км, (район В), а наша страна юго-западнее – всего 4,6 тыс. кв. км в районе Г и 2 тыс. кв. км в районе Д. Министерство внутренних дел США еще в 1984 г. продало разведанные нефтяные (200 млн. т) и газовые (200 млрд. т) запасы района В своим компаниям на сумму в 30 млрд. долл.²⁴

Граница зоны Берингова моря, где выявлены эти энерго-ресурсы проходят не на равном расстоянии от берегов России и США, а в 400 морских милях от г. Нома у о. Хэлл на Аляске и всего в 150 морских милях от мыса Наварин на Чукотском полуострове. Эта граница отрезает от России перспективные Алеутские и Наваринские нефтегазовые месторождения (запасы последних, по оценке США, составляют 1,2 млрд. куб. м)²⁵.

Указанные выше суммы были получены управлением ресурсов упомянутого министерства США за 186 и 425 предложенных к продаже участков, на 20 из которых, по мнению американских экспертов, опубликованных в американском

журнале «Офшор», могла бы претендовать наша страна. Всего же Министерство внутренних дел США планирует продать 5036 таких участков, из которых 928 по оценке того же источника считаются явно спорными²⁶.

Поскольку эти районы приходятся на Алеутскую котловину с глубинами до 4 тыс. м, не являющуюся континентальным шельфом, то справедливо было бы договориться о совместной разведке, разработке и эксплуатации ресурсов этого района. Но это не устраивало власти США, и они, воспользовавшись проводимой во второй половине 80-х годов прошлого века политикой уступок США со стороны Министерства иностранных дел СССР во главе с Э.А. Шеварднадзе и его земляка – полугрузина, куратора этого соглашения И.С. Иванова, начальника Общего секретариата МИД СССР, позднее – главы МИД РФ, при поддержке президента СССР М.С. Горбачева, добились «временного применения» соглашения с СССР о разграничении морских пространств в Беринговом море «по линии 1867 г.» на основе обмена нотами между внешнеполитическими ведомствами СССР и США, хотя по международному праву это не означало, что оно вступает в силу до его ратификации.

Эти районы приходятся на Алеутскую котловину с глубинами до 4 тыс. м., не являющуюся континентальным шельфом, поэтому целесообразно было бы договориться о совместной разведке, разработке и эксплуатации ресурсов этого района.

То же самое можно было бы предложить и в отношении участков континентального шельфа, выходящих за пределы 200-мильных экономических зон США, уведомив об этом в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Международный орган по морскому дну, которому стороны к концу десятого года после начала эксплуатации шельфа должны оплачивать 5% стоимости добычи полезных ископаемых в данном районе (по оценкам экспертов обеих сторон, США получили здесь на 60 тыс. кв. км больше СССР)²⁷.

Правда, в качестве определенной компенсации наша страна приобрела дополнительную площадь экономической

зоны с применением метода локсодромии, но в пределах 200 миль от своего побережья в северо-западной и юго-западной области восточного специального района. В Соглашении эта уступка не конкретизирована, и хотя по площади обменные участки примерно равноценны, их качество отнюдь не одинаково, так как наши компенсационные участки в северо-восточном районе Берингова моря составляют лишь долю богатых рыбой мелководных участков в этом районе, большинство которых отошло к США, причем значительная часть наших участков оказалась расположенной в открытом море, доступном рыбакам всех стран²⁸.

Сенат США ратифицировал Соглашение 1990 г. еще 16 сентября 1991 г. Это было сделано с учетом рекомендации Государственного департамента США, в которой он исходил из того, что в результате подписания данного Соглашения 70% акватории Берингова моря будет находиться под юрисдикцией США, что на 13200 кв. миль превышает площадь, которая оказалась бы под их контролем, если бы линия разграничения была проведена на равном расстоянии от берегов США и СССР²⁹.

Что же касается СССР и его преемника Российской Федерации, то в связи с многочисленными вопросами, часть из которых была затронута ранее, это Соглашение до сих пор не ратифицировано законодательными органами нашей страны.

Но в соответствии с п. 1 ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров «договор или часть договора применяются временно до вступления договора в силу, если... участвовавшие в переговорах государства договорились об этом» в тексте договора или «каким-либо иным образом»³⁰.

Договоренность о временном применении этого соглашения была достигнута в результате обмена нотами 1 июня 1990 г. в Вашингтоне между государственным секретарем США Дж. Бейкером и Министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе.

Только почти через пять лет 7 апреля 1995 г. Государственная Дума Федерального собрания РФ в Постановлении

№ 671-1 ГД рекомендовала Президенту РФ подготовить проект Федерального закона о ратификации Соглашения 1990 г.

Выполняя вступивший в силу 21 июля 1995 г. Федеральный закон «О международных договорах РФ» от 15 июля того же года № 101-ФЗ (п. 2 ст. 23) о том, что временно применяющийся договор, подлежащий ратификации в форме федерального закона, представляется в Государственную Думу не позднее чем через шесть месяцев с даты начала его временного применения, которое может быть продлено решением этого законодательного органа, 9 марта 1995 г. Президент РФ внес в Государственную Думу проект Федерального закона о продлении срока временного применения упомянутого Соглашения до 30 июня 1996 г.

Поскольку в 1996 г. этот Закон принят не был, по договоренности между Президентом и Государственной Думой был разработан законопроект о продлении временного применения данного Соглашения до 30 июня 1997 г.

Но 7 февраля 1997 г. Государственная Дума в Постановлении № 1072-11 отклонила проект Закона о продлении срока временного применения этого Соглашения и рекомендовала Президенту поручить МИД РФ выполнить процедуры, состоящие, согласно п. 3 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах» в том, что временное применение договора Россией прекращается после уведомления тех государств, которые временного его применяют, и в намерении РФ отказаться от участия в нем, если договором не предусматривается иное.

И хотя отказ Государственной Думы от продления временного применения Соглашения 1990 г. сам по себе не означает отказ от его ратификации, поскольку из него само по себе не вытекает обязательство уведомить другое государство, временно применяющее упомянутое соглашение, в данном случае США, о намерении РФ не стать его участником, рекомендация выполнить процедуры, предусмотренные в п. 3, ст. 23 соответствующего Закона, дополняющая эту рекомендацию, означает, что Президенту РФ и МИД РФ было предложено высшим законодательным органом государства, после прекращения

временного применения Соглашения 1990 г. уведомить США о намерении не быть его участником.

Поэтому утверждение некоторых юристов (В. А. Константинова, А. Л. Колодкина и др.)³¹ о том, что отказ от продления временного применения этого соглашения, содержащийся в упомянутой рекомендации, сам по себе не означает его прекращения, так как оно вступает в силу только после уведомления США о намерении не стать участником данного Соглашения, не подтверждается, на наш взгляд, рекомендацией Государственной Думы выполнить положение п. 3 ст. 23 приведенного Федерального закона, предусматривающего такое уведомление.

Вместе с тем временное применение при его неограниченном по срокам продлении становится абсурдным, так как имеет тенденцию превратиться в постоянное и поэтому противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Но еще более существенным является обстоятельство, что, нарушая экономические интересы нашего государства, прежде всего рыболовные, связанные с неравноправным с точки зрения возможностей, предоставляемых России международным правом, распределением природных ресурсов, это соглашение вступает в противоречие со ст. 9 Конституции РФ, в которой предусматривается их использование и охрана в нашей стране «как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». А нарушение Конституции России является основанием для признания этого соглашения недействительным (ст. 46 Венской конвенции).

Возможное же возражение, что исключительная 200-мильная экономическая зона РФ, в частности в Беринговом море, не является государственной территорией РФ и поэтому, согласно п. 1 ст. 15 Конституции России, не подпадает под ее действие, а подлежит регулированию международными договорами, является необоснованным, так как в этом имеющем высшую юридическую силу законе РФ нигде не сказано, что он действует только на ее территории и не имеет силы

в районах, в пределах которых РФ имеет особые права. Это соответствует Указу Президента РФ «Об охране природных ресурсов территориальных вод, континентального шельфа и экономической зоны РФ» 1992 г.

Утверждение, что содержащееся в той же статье Конституции РФ (п. 4) положение, что «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» и поэтому ссылка на Конституцию РФ является несостоятельной, необходимо отвести, во-первых, на том основании, что «международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы» (п. 4 ст. 15), в которой «законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ» (п. 1 ст. 15), а во-вторых, на том основании, что примат международного права над внутренним правом государства в части, касающейся компетенции заключения договоров, предусматривает исключение из данного правила, если, как это, по нашему мнению, имело место при подписании Соглашения 1990 г., нарушение было явным и касалось нормы его внутреннего права особо важного значения (п. 1 ст. 4 в упомянутой Венской конвенции 1969 г.).

Из этого можно сделать вывод, что если Президент РФ откажется выполнить упомянутую рекомендацию Государственной Думы и поручит МИД РФ подготовить проект федерального закона о ратификации Соглашения 1990 г. или проект решения о его дальнейшем продлении, то будет нарушена ст. 9 Конституции нашего государства, а также Указ Президента РФ «Об охране территориальных вод, континентального шельфа и экономической зоны РФ» 1992 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Тема работы является прежде всего предметом исторической *географии*, а не вспомогательной *исторической* дисциплины вопреки утверждению сторонников последней, что «география прошлого – это и есть история» (Я.Е. Водарский) – в этом случае доисторический период выпадает из такого определения исторической географии.

2. Особенность работы состоит в том, что географические открытия и исследования, в частности русски аутешественников, как часть исторической политической географии были изучены как научная база для подхода к конкретным актуальным проблемам географической теории исследования границ, а именно: освоению Россией ее рубежей в северо-восточной части рубежей Азиатско-Тихоокеанского региона. В монографии дается теоретический анализ разграничения географического и исторического подходов к объекту данного исследования. Книга важна для более широкого, чем традиционное, историко-географического изучения формирования границ в этом регионе. Наука о границах требует в современных условиях новых методологических критериев, в том числе заимствованных из международного права, для определения законности устанавливаемых государственных границ. При этом в работе широко использовался также традиционный историко-картографический подход.

3. В результате такого подхода был сделан вывод, что русские географические открытия и исследования в отличие от японских, китайских и американских индейцев (см., например,

статью Нобуо Мурога «Географические открытия японцев») носили не только локальный, но и межрегиональный и даже глобальный характер, то есть вписывались географические знания об общей картине мира.

4. Изучение японского направления позволяет сделать вывод, что до XVII в. сведения русских об этой стране носили самый общий характер или были только отрывочными, почерпнутыми в странах Арабского Востока, в Монголии и Китае.

После выхода к берегам Тихого океана в 1639 г. русских землепроходцев Россия стала искать пути в Японию с целью установления с ней взаимовыгодных торговых и политических отношений.

По повелению Петра I после беседы его с прибывшим в Россию японцем Дэмбээем Татэкава в начале XVIII в. в Петербурге для облегчения контактов с Японией была открыта школа японского языка, в которой преподавали жители этой страны, попадавшие на Камчатку, Алеутские и Курильские острова в результате кораблекрушений.

В 1710 г., руководствуясь повелением Петра I, якутский воевода Д.А. Траурнихт дал наказ казачьему десятнику В. Савостьянову «о проведывании Японского государства и учинении с ним торгов», а в 1712 г. Сибирский приказ направил этому воеводе повеление выяснить, «какими путями в сию землю проезд, какое там в употреблении оружие и могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что им годно из Сибири». Именно такие цели ставились перед русскими экспедициями на Курильские острова и Сахалин начиная с похода И. Козыревского в 1713 г.

Возникновение и развитие капиталистического уклада в феодальном обществе России и Японии, а также сближение государственных границ этих стран в районе о. Сахалин, Курильских островов и о. Хоккайдо создавали благоприятные условия для взаимовыгодной торговли. Предметом экспорта из России в Японию могли стать соленая рыба, китовый жир, кожа, пушнина и некоторые фабричные изделия по более низким ценам, чем западноевропейские, а предметом импорта в

Россию – продовольствие и другие товары, необходимые населению русских дальневосточных владений и Русской Америки, которые выгоднее было покупать в близлежащей Японии, чем везти из европейской части страны морем или по бездорожью через Сибирь.

Но политика японского сёгуната, направленная на изоляцию от внешнего мира с целью консервации феодальных порядков, вплоть до середины XIX в. тормозила установление и широкое развитие двусторонних отношений, предпосылки для которых складывались в XVIII в. Вот почему политические торговые контакты с Японией, включая посредническую торговлю через аборигенов Сахалина и Курильских островов, в течение длительного времени носили эпизодический характер.

Правительство России в стремлении установить отношения добрососедства и сотрудничества выступало за то, чтобы связи с Японией были основаны на добровольном согласии дальневосточного соседа. В силу объективной причины – относительной военно-политической и экономической слабости на Тихом океане, ввиду первоочередности решения внешнеполитических задач в отношениях со Швецией, Польшей, Турцией, а позднее – с Германией, Англией и Францией Россия проводила в отношении Японии, а также народов, обитавших в зоне формирования границ с ней в районе Сахалина и Курильских островов, умеренную политику. Так, в 1779 г. указом Екатерины II жителям Курил был полностью отменен ясак, и официально они были оставлены свободными подданными.

Плавание к берегам Японии в конце 30-х – начале 40-х годов XVIII в. кораблей Второй Камчатской экспедиции под командованием М. Шпанберга и В. Вальтона положило начало непосредственным личным контактам между русскими и японцами, хотя и не привело к установлению официальных дипломатических и торговых отношений между Россией и Японией.

Во второй половине XVIII в. Россия предприняла новые попытки установить такие отношения со своим дальневосточным соседом. С этой целью ее власти прибегли к помощи торговых компаний П.С. Лебедева-Ласточкина, Г.И. Шелихо-

ва и И.И. Голикова, а позднее Российско-Американской компании, для того чтобы в обмен на рыбу, пушнину и другие товары, необходимые Японии, приобретать для российских жителей Сибири и Дальнего Востока продукты японского сельского хозяйства.

Контакты русских купцов и моряков с японцами в южной части Курил, на о. Мацумаэ и в японской метрополии создали благоприятные предпосылки для посещения Японии в 1792–1793 гг. первым российским посольством поручика А. Лаксмана, которое добилось получения лицензии на проведение в г. Нагасаки переговоров об установлении торговых отношений.

Россия не вмешивалась во внутренние дела этой страны в отличие от западных держав, навязавших ей силой неравноправные договоры. В середине XIX в. – на завершающей стадии разложения феодализма, борясь за дальневосточные рынки с западными державами, Российское правительство заключило с Японией несколько договоров (начиная с Симодского трактата 1855 г.), но не воспользовалось предоставленными по ним привилегиями по причине слаборазвитости транспортных средств, малочисленности русских военно-морских сил на Тихом океане и недостаточной развитости русской экономики и торговли в этой части земного шара.

По Санкт-Петербургскому договору 1875 г. Япония в обмен на права России совладения Сахалином получила в дополнение к признанию Россией ее прав на южную часть Курил среднюю и северную части этих островов и через десятилетие включила в состав Курильских островов, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., также уезд Шикотан – в прошлом – Шикотанские острова (о. Шикотан и о. Суйсё, или Хабомай). Все эти Курильские острова по Ялтинскому соглашению глав правительств СССР, США и Великобритании 1945 г., к которому присоединился Китай, находятся под юрисдикцией России, но Япония на том основании, что это соглашение нарушало советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г., настаивает на возвращении к границе, установленной по русско-японскому договору 1855 г. (без пре-

тензий на Сахалин), то есть на возвращении ей южной части Курил, не учитывая, что Ялтинское соглашение не противоречит Уставу ООН (ст. 107, 103, 51 и др.) и Венской конвенции права международных договоров 1969 г. (особенно ст. 31, 33, 35, 45, 46, 75 с учетом ст. 4).

По Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. Россия согласилась на передачу Японии о-вов Шикотан и Хабомаи после заключения двустороннего мирного договора. Но может ли Япония включить в состав своей территории, по крайней мере, о. Шикотан, не говоря уже о таких островах южной части Курил, как Кунашир и Итуруп, не вступая в противоречие с положением Сан-Францисского мирного договора об отказе *ото всех* Курильских островов (Тисима *рэтто*, а не *гунто*²), если последние три острова она тем самым до 1961 г. включала в состав Курил? По сообщению Японского агентства «Дзидзи цусин» из Вашингтона от 24 января 1999 г., государственные архивы США рассекретили документ полковника Буша из штаба Главнокомандующего союзных держав в Японии Д. Макартура – части аналитического проекта G-2 от 1 декабря 1945 г., в котором граница между Курилами и Хоккайдо на основе актов об административном делении Японии проведена к югу от о. Кунашир и между о-вами Юрий (Юри) и Танфильева (Суйсё) в группе о-вов Хабомаи³, а 29 января 1946 г. Д. Макартур исключил из-под суверенитета Японии также их южную часть с о. Танфильева в директиве ее правительству № 677/1, исходя фактически из Потсдамской декларации, подтвержденной США при заключении Сан-Францисского договора.

В октябре 1993 г. высшие руководители РФ и Японии подписали Токийскую декларацию о российско-японских отношениях, в которой говорилось, что они «провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи», и согласились «что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных

ных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения».

Таким образом, оговорка Японии от 3 апреля 1987 г. о неприменимости к ее отношениям ст. 46 (раздела V) Венской конвенции о праве международных договоров, сделанная при присоединении к ней СССР 4 апреля 1986 г., была фактически аннулирована. Ст. 46 ограничивала приоритет международного права внутренним, если при этом нарушения последнего были явными и касались его норм, имеющих особо важное значение. Это означало, что обязательство СССР по Совместной декларации 1956 г. уступить Японии Малую Курильскую гряду после заключения мирного договора без согласия высших органов РСФСР (ст. 18 Конституции РСФСР 1937 г.) делало его юридически ничтожным⁴.

В Московской декларации «Об установлении созидательного партнерства между РФ и Японией» от 13 ноября 1998 г. говорилось, что Президент РФ и Премьер-министр Японии дают указание своим правительствам активизировать переговоры о заключении мирного договора на основе Токийской декларации и последующих двусторонних договоренностей на высшем уровне⁵.

В дальнейшем эти переговоры были продолжены в ходе двусторонних встреч на высшем уровне в 2000–2006 гг. и представителей российско-японского Совета мудрецов во главе с Ю.М. Лужковым и бывшим премьер-министром Японии Ё. Мори, однако к изменению позиции сторон это не привело.

5. Для России конец XVII в. явился периодом ожесточенной борьбы с Турцией, поэтому русское правительство тогда не уделяло должного внимания своим дальневосточным владениям. Тем более что приобретение Приамурья явилось результатом, главным образом, свободной народной колонизации. Стремясь к созданию в Приамурье «буферной зоны» из полуваассальных территорий (так называемых «земель скывывания сил»), цинские правители Китайской империи начали с 1683 г. широкие военные действия против России.

По окончании военных действий, как уже указывалось, был подписан Нерчинский договор 1689 г., по которому Россия вынуждена была уступить р. Амур. На переговорах об этом договоре ни Сахалин, ни Курильские острова не упоминались. Дипломаты цинского Китая считали Сахалин обособленной страной айнов, которые также обитали на Курильских островах, поэтому эти острова фактически рассматривались в конце XVII в. вне пределов цинского Китая.

После этих переговоров р. Амур с тянущимися вдоль нее пограничными горами получила более или менее правильное изображение в цинской картографии. Река Сунгари стала изображаться как сливающаяся с Амуром под прямым углом не у побережья океана, а на значительном расстоянии от него. Разграничивавший Россию и Китай Хинганский хребет с водораздела рек Амгунь (Хаммун, Химкон, Хинкун) – Тугур (так называемый Химкон Тугурик русско-китайского Кяхтинского договора 1727 г.) переместился на картах в район Буреинского хребта. Этот хребет позднее стал в этом месте изображаться в официальной китайской картографии под названием Вайси-наньлин (Внешний Хинган).

Такая трактовка пограничного Хинганского хребта позволяла рассматривать не раграниченную по Нерчинскому договору территорию к югу от р. Уда как включающую не только левобережье Нижнего Амура, но и Приморье (Уссурийский край) с прилегающим к ним о. Сахалин.

В конце XVII – начале XVIII в. китайские власти предприняли попытку утвердиться в районах, прилегающих к Сахалину, и на самом этом острове. В 1689–1690 гг маньчжурско-китайские войска продвинулись севернее, в долину р. Уды для сбора дани в неразграниченном «Удском пространстве» в нарушение Нерчинского договора.

Другая попытка была предпринята китайско-маньчжурской экспедицией, направленной на Южный Сахалин в 1709–1710 гг.

Однако в основном проникновение Китая на Сахалин выражалось в форме меновой торговли, которую цинские власти

пытались представить как вассалитет. Известно, что некоторые китайские товары, полученные сахалинскими айнами, нивхами и ороками в обмен на меха и другие товары через японских купцов на Южном Сахалине и Северном Хоккайдо, попадали и в Японию. Сторожевые посты цинского Китая в устье Амура были упразднены в 1790 г., а торговый пункт, расположенный значительно выше по течению, – в 1826 г.

Уступка Россией р. Амур отрицательно сказалась на хозяйственном освоении русскими путешественниками Дальнего Востока и значительно задержала процесс формирования русско-японской границы.

Утрата этого района привела к тому, что «стремление к разысканию новых земель» было сдержано в направлении Амур – Сахалин. Но в другом направлении – Камчатка и Курильские острова оно сохранялось с неослабевающей интенсивностью вплоть до середины XIX в. Сближение рубежей России и Японии происходило на труднодоступных участках северных районов Охотского моря, так как удобная водная магистраль – Амур, к которой прилегал Сахалин, оказалась для русских временно закрытой, что до известной степени замедлило процесс освоения этих территорий Россией.

Большая удаленность от центральных районов не позволяла цинскому Китаю размещать постоянные органы власти на Сахалине и осуществлять контроль над ним из административного округа Саньсин, образованного после 1735 г., в который этот остров включался сугубо номинально. Более близко расположенные к Сахалину передвижные сторожевые посты и торговые пункты в низовьях р. Амур функционировали только в летний период. Цинские чиновники посещали остров лишь эпизодически. Кроме того, с середины XVIII в. до второй половины XIX в. маньчжурская династия Китая строго ограничивала официальный доступ китайцев в северо-восточные районы страны и запрещала здесь частную торговлю, предоставив монопольное право на нее лишь десятку купцов.

Прогресс в хозяйственном освоении русскими землепроходцами, мореплавателями и промышленниками в XVIII в. по-

бережья Тихого океана и островов, примыкающих к северной границе Японии, требовал восстановления суверенитета России над всем бассейном реки Амур, которая являлась важной транспортной артерией, связывающей эти территории с сохранившимися во владениях России после Нерчинского договора районами верховьев этой реки.

К концу XVIII в. эта проблема обострилась в связи с усилением влияния европейских держав в северо-западной части Тихого океана и возникновением опасности для русских владений в этом регионе. В 1779 г. английская экспедиция Дж. Кука побывала на Курилах, Камчатке и Чукотке, а французская экспедиция Ж. Лаперуза в 1785–1788 гг. – на Камчатке и у берегов Сахалина, создав предпосылки для экспансии западных держав в этих районах. Американские промышленники, не гнушавшиеся хищническим промыслом зверя и грабежом местного населения, также активно включались в борьбу за пушные и китобойные промыслы в зоне территориального размежевания между Россией и Японией.

К середине XIX в. капиталистические державы резко усилили колониальную экспансию на Дальнем Востоке с целью окончательного раздела мира на сферы влияния, что привело к необходимости для России форсировать процесс формирования ее границ с Японией и Китаем.

Война Англии, Франции и Турции против России, начавшаяся в 1853 г., создала угрозу для русских владений и русского флота на Дальнем Востоке. В 1854 г. англо-французские военно-морские силы совершили нападение на ряд пунктов русского побережья Тихого океана (Петропавловск-на-Камчатке, Уруп, Аян, Императорская гавань, Де-Кастри, северная оконечность Сахалина, его западный берег у мыса Жонкиер и южный берег в заливе Анива).

В 1854–1855 гг. для обороны побережья и прибрежных островов – Сахалина и Курил генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев провел «сплавы войск» в устье р. Амур, уведолив о предстоящих оборонительных действиях китайские власти. Позднее китайская сторона сообщила, что дви-

жение русских судов по Амуру по взаимному соглашению не исключается и в будущем.

По Айгуньскому договору от 16 мая 1858 г. граница между Россией и Китаем, как уже указывалось, перемещалась на Амур, причем пространство между Амуром в его нижнем течении и Уссури было признано в совместном владении двух государств. После этого Россия стала активно осваивать правобережье р. Уссури.

По Пекинскому договору 1860 г. Китай согласился на закрепление Уссурийского края (Приморья) за Россией.

В русско-китайских договорах середины XIX в. Сахалин не упоминался, хотя его статус по международному праву зависел от статуса подлежащих разграничению районов материка, к которым он принадлежал. В результате этого данный остров был также исключен из номинального вассалитета Китая. Объективно это создало предпосылку для освоения всего Сахалина японцами, однако политика изоляции Японии, которая проводилась ее правительством, явилась причиной того, что этой возможностью оно в полной мере не воспользовалось.

В 1855 г. был подписан первый русско-японский договор, по которому Сахалин был признан «не разделенным между Россией и Японией, как это было до сего времени». Цинский Китай против этой формулировки не возражал.

Продолжая курс на освоение прибрежных островов Дальнего Востока, правительство России стремилось к тому, чтобы Сахалин, окончательно исключенный из зоны русско-китайского территориального размежевания, в середине XIX в. был также закреплен за Россией и по русско-японским договорам. Так, в 1859 г. во время визита в Японию с эскадрой из девяти кораблей генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев поставил вопрос о включении в состав России всего Сахалина как прилегающего к Амуру и поэтому, по его толкованию, входящего в переданное ей по Айгуньскому договору неразграниченное пространство. Н.Н. Муравьев заявил, что в заключенный в 1855 г. договор о мире и дружбе между Россией и Японией не была включена статья о восстановлении

исключительных прав России на весь Сахалин, который как прилегающий к Амуру должен стать территорией России. Однако японская сторона с этим не согласилась.

Объективно русско-китайские договоры середины XIX в., по которым был восстановлен суверенитет России на Приамурье, ускорили процесс территориального размежевания России и Японии в районе о. Сахалин. Но эти договоры не смогли полностью ликвидировать отрицательные последствия Нерчинского договора с точки зрения темпов освоения района Сахалина и Курильских островов русскими.

Итак, влияние Китая на формирование русско-японской границы послужило причиной замедления процесса освоения русскими этих территорий. Правители Китая предприняли попытки подчинить себе коренные народности Северо-Восточной Азии, в том числе прибрежных островов, и поэтому процесс изучения русскими путешественниками развивался не такими быстрыми темпами, которые могли быть в условиях невмешательства цинского Китая.

Несмотря на разгром осенью 1929 г. в Северо-Восточном Китае, Приамурье и Забайкалье Особой дальневосточной армией совместно с Амурской военной флотилией отрядов китайских милитаристов и белогвардейцев, нападавших на советские пограничные заставы и советское мирное население, с периода вторжения в 1931 г. японских войск в Маньчжурию правительство Японии стало под влиянием военщины проводить агрессивную политику против СССР и провоцировать инциденты против советских служащих в полосе отчуждения КВЖД, принадлежавшей СССР и освоенной представителями нашей страны. Это привело во второй половине 30-х годов к серии вооруженных пограничных конфликтов и создало в 1941 г. угрозу войны Японии вместе с Германией и Италией против Советского Союза («Особые маневры Квантунской армии») в нарушение советско-японского пакта о нейтралитете.

Сокрушительное поражение японских и маньчжурских войск на границах Маньчжурии в 1938 г. в Приморье у озера Хасан, а в 1939 г. – в районе р. Халхин-Гол способствовало

предотвращению этой угрозы. Провокации против советских граждан на КВЖД вынудили СССР в 1935 г. продать ее вместе с полосой отчуждения за бесценок Японии, но в 1945 г. в результате победы союзников в войне с Японией после присоединения СССР к Потсдамской декларации в отношении Японии Советский Союз получил сроком на 30 лет, а фактически до 1955 г. равные с Китаем права на КВЖД под новым названием Китайско-Чанчуньской железной дороги, в том числе права на Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Порт-Артура и Дальнего, добровольно возвращенные Китаю СССР в 1955 г.

Победа в этой войне СССР, который вскоре вывел свои войска из Северо-Восточного Китая, способствовала укреплению советской границы с Китаем на ее восточном участке, а оставшиеся неурегулированными вопросы ее делимитации и демаркации по рекам Амур и Уссури на основе международного права после ряда инцидентов были разрешены в двусторонних договорах и соглашениях в 90-х годах XX в. – начала XXI в.

Тем не менее, на неофициальном уровне с ведома пекинских властей в Китае считают, что у России «по неравноправным договорам» с Китаем имеются территориальные долги перед последним (вплоть до границы по Внешнему Хингану или Становому хребту на юге Якутии).

Итак, в настоящее время перед Россией остро стоит стратегическая задача освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

В пограничных с Китаем Монголии и Корею в условиях активной миграции иностранного населения, прежде всего китайского, нередко включая рабочих «с армейской выправкой», на российскую территорию и оттока россиян в западные районы страны справиться с этой задачей довольно трудно, но от решения Россией этой проблемы зависит ее будущее и судьба всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Оценивая сложившуюся ситуацию, авторы проекта по освоению восточных территорий Института русской цивилизации подчеркивают особую опасность миграции в Приамурье и Приморье избыточного китайского населения, поощряемого

властями КНР к созданию компактных анклавов во Внешнем Дунбэе* вплоть до «пограничного» Внешнего Хингана (Станового хребта на юге Якутии) как якобы ее исторической территории, а теперь и зоны китайского влияния, чтобы позднее объявить их частью современного Китая⁶.

6. Что же касается открытия, исследования и освоения земель российскими землепроходцами и мореплавателями на рубежах Америки (п-овов Чукотка и Камчатка, Командорских островов, о. Ратманова в Беринговом проливе), то они входят в состав России на основе договоров и норм международного права, а акватория северо-западной части Тихого океана – на основе договора России с США 1867 г., по которому линия разграничения морских пространств между Россией и этим государством должна быть проведена от Берингова пролива в южном направлении по прямой линии в соответствии не с кривизной Земного шара (ортодромия), а ее проведением на плоскости (локсодромия) с разницей между ними в 15 тыс. кв. км. Это не позволяет Соединенным Штатам претендовать на полную принадлежность этой акватории с оценочной стоимостью углеводородов в ее недрах 30 млрд. долларов⁷ по советско-американскому соглашению 1990 г., не ратифицированному Федеральным собранием РФ (по его условиям это надлежало сделать в течение пяти лет), и подчеркивает значение одобренных в 2002 г. Государственной Думой рекомендаций Президенту РФ поручить МИД России выполнить процедуры, необходимые для прекращения его временного применения, даже не требующего уведомления других государств о намерении не быть его участником.

Итак, изучение русских географических открытий и исследований и на их основе процесса формирования границ России с Японией, Китаем и США позволяют, по нашему мнению, прийти к заключению о правомерности позиции, занимаемой в настоящее время Российской Федерацией, по вопросам пограничного размежевания с этими государствами.

* По-китайски Дунбэй – Северо-Восток (Маньчжурия).

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ Например: Ёсида Такэдзо. Дзохо Мацуура Такэсиро (дополнительные материалы о Такэсиро Мацуура). Токио, 1966. С. 264.

² Алексеев В.П. В поисках предков. М, 1972. С. 135.

³ Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973. С. 41–45.

⁴ Алексеев В.П. Указ. соч. С. 241–244.

⁵ Васильевский Р.С. Указ. соч. С. 191–196, 203, 209; Хидзео Фудзимото. Кита-но хака (Северные погребения). Токио, 1971. С. 212–213.

⁶ Фудзимото Х. Аину-но хака (Айнские погребения). Токио, 1974. С. 212, 238–239.

⁷ Васильевский Р.С. Указ. соч. С. 174–175.

⁸ Фудзимото. Указ. соч. С. 213; Васильевский Р.С. Указ. соч. С. 194.

⁹ Фудзимото Х. Указ. соч. С. 212.

¹⁰ Окладников А.П. Олень Золотые рога. М.–Л., 1964. С. 171. Алексеев В.П. Указ. соч. С. 231–233; Фудзимото Х. Указ. соч. С. 214–215.

¹¹ Окладников А.П. Указ. соч. С. 25.

¹² Оно Сусуму. Нихонго-но рэммэй (Становление японского языка). «Гэндай-но экусупури», 1966, № 1. С. 134–135.

¹³ Фудзимото Х. Указ. соч. С. 214–215.

¹⁴ Козырева Р.В. Древний Сахалин. Л., 1967. С. 87; Сакураи К.С. 87; Сакураи К. Аину-но хисси (Сокровенная история айнов). Токио, 1967. С. 86.

¹⁵ Воробьев М.В. Древняя Япония. М., 1968. С. 96–97, 100.

- ¹⁶ Воробьев М.В. Указ. соч. С. 96–97, 100–102.
- ¹⁷ Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине. Новосибирск, 1976. С. 12, 14–15.
- ¹⁸ Кёкасе-о куцугаэсу Такаидокоро гэндзин (Первобытный человек из Такаидокоро, опровергающий учебники) // Сюкан посуто, сентябрь 1976. С. 174.
- ¹⁹ Васильевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск, 1981. С. 166.
- ²⁰ Васильевский Р.С., Голубев В.А. Указ. соч. С. 15.
- ²¹ B. Rensberger. *Studies of Teeth Link Japanese of Influx of Chinese* In 200 B.C. New York Times. 1976. Sept. 8.
- ²² Окладников А.Н. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968. С. 64; Козырева Р.В. Указ. соч. С. 52.
- ²³ Сакураи К. Указ. соч. С. 85–87.
- ²⁴ Ёсида Т. Сюи Мацуура Такэсиро (Наследие Т. Мацуура). Т. 2. Токио, 1964. С. 261.
- ²⁵ Сакураи К. Указ. соч. С. 37.
- ²⁶ Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. Т. 2. С. 23–24; Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки, Магадан, 1969. С. 230; Сакураи К. Указ. соч. С. 71–72.
- ²⁷ Тамура Дзицудзо. Ёкусю (войзюй). Сэкай дайхякка – дзитэн (Всемирная энциклопедия). Т. 22. Токио, 1968. С. 468.
- ²⁸ Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России. Т. 2. Ч. 1. Токио, 1909. С. 5.
- ²⁹ Полевой Б.П. Сахалин в истории России (середина XVII – начало XIX в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Л., 1970. С. 20.
- ³⁰ Воробьев М.В. Указ. соч. С. 102; Мори Кадзуо. Мост коропоккуру (перевод с японского К.Черевко и Б.Бейко) М., 1963. С. 2, 34.
- ³¹ Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Пг, 1923. С. 11.
- ³² Явата Итиро. Коропоккуру // Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная энциклопедия). Т. 9. Токио, 1967. С. 172.
- ³³ Конрад Н.И. Указ. соч. С. 9.
- ³⁴ Кодзики тайсэй (Компендиум исследований «Записи о делах древности»). Т. 6. Токио, 1967. С. 211–212. Т. 3. Токио, 1968. С. 245; Nihongi, London, 1956. Vol. 1. P. 129, 192–195, 198.

- ³⁵ Древние Фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) // Памятники письменности народов Востока, XXIII. М., 1969. С. 37.
- ³⁶ Оно Сусуму. Нихонго-но кигэн (Происхождение японского языка. Токио, 1957. С. 190–200.
- ³⁷ Конрад Н.И. Указ. соч. С. 10–11.
- ³⁸ Древние Фудоки. С. 136–139.
- ³⁹ Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968. С. 62–63.
- ⁴⁰ Пилсудский Б.О. Аборигены о. Сахалина. Вып. 2. Кн. 70. 1990. С. 16.
- ⁴¹ Иакинф (Бичурин). Указ. соч. С. 23–24, где говорится: «Илэу есть древнее царство Сушень».
- ⁴² Стариков В.С. **Тунгусо-маньчжурские народы // Народы Восточной Азии.** М.–Л. 1965. С. 673.
- ⁴³ Исии К. Гайко ёряку (Дипломатические комментарии). Токио, 1930. С. 3.
- ⁴⁴ Окладников А.П. Лики древнего Амура. 1968. С. 67.
- ⁴⁵ Крюков М.В. Чебоксаров Н.Н. Древнее расселение человека // Народы Восточной Азии. М.–Л., 1965. С. 73.
- ⁴⁶ Цубои Киёхико. Указ. соч. С. 47; Нихонго-но рекиси (История японского языка). Т. 7. Токио, 1965. С. 395.
- ⁴⁷ Хаттори Кэн. Гирякудзаку (Нивхи) // Сэкай дайхякка дэйтон (Всемирная энциклопедия). Т. 6. Токио, 1967. С. 341.
- ⁴⁸ Ёсида Т. Дзохо Мацуура Такэсиро (Дополнительные материалы Т. Мацуура). Токио, 1966. С. 316–317; Хаттори К. Указ. соч. С. 342.
- ⁴⁹ Козырева Р.В. Древний Сахалин. Л., 1967. С. 117–118.
- ⁵⁰ Ёсида Т. Сию Мацуура Такэсиро (Население Т. Мацуура). Токио, 1966. С. 261.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Хоппо рёдо-но киси тисики (основные сведения о северных территориях). Токио, 1968. С. 4.
- ⁵³ Диков И.Н. Указ. соч. 1969. С. 230.
- ⁵⁴ Цубои Киёхико. Указ. соч. С. 71.
- ⁵⁵ Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. С. 120.
- ⁵⁶ Пилсудский Б.О. Указ. соч. С. 5, 124.
- ⁵⁷ Козырева Р.В. Указ. соч. С. 113.

⁵⁸ Оно Сусуму. Нихонго-но кигэн (Происхождение японского языка). Токио, 1957. С. 33.

⁵⁹ Эгами Намио. Айнун-но тяси то Росиа-но городзиситиэ (Айнское тяси и русское городище) // Миндзокукугаку кэнкю, 1949. № 3.

⁶⁰ Окладников А.П. Лики древнего Амура. С. 63.

⁶¹ Черевко К.Е. Как в Россию проникали первые сведения о Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1976, № 4. С. 122, 130.

⁶² См.: Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение М., 1965. С. 363–364.

⁶³ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. Л., 1925. С. 54.

⁶⁴ Новосельцев А.П. и др. Указ. соч. С. 369–370.

⁶⁵ Такано А. Сайсё-но нитиро канкэйси-ни цуйтэ (Об истории первоначальных русско-японских отношений). Росиагаку дзиси (Начало изучения России). Токио, 1982. С. 296–297.

⁶⁶ Баланева И.И. Изучение истории русско-японских культурных связей в современной японской историографии // Японская историография русско-японских и советско-японских отношений XIX–XX веков. Владивосток, 1987. С. 32.

⁶⁷ Срезневский И.М. Следы древнего знакомства русских с Южной Азией. Девятый век // Вестник Русского геогр. об-ва. СПб., 1854. Ч. 10, отд. 2. С. 53.

⁶⁸ Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.–Л., 1957. Т. 4. С. 52.

⁶⁹ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 2. М., 1961. С. 301, 419 (пер. с нем).

⁷⁰ См.: После Марко Поло (путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий). М., 1968. С. 218.

⁷¹ Повесть временных лет. М.–Л., 1950. Ч. 1. С. 12.

⁷² Хенниг Р. Указ. соч. Т. 2. С. 162–164.

⁷³ Попов К.М. Япония. М., 1964. С. 128.

⁷⁴ А. Герман не без оснований считает, что название Djasarka вместо Djabanka, точнее Ji-bep-go, появилось в результате ошибки переводчика. См.: Herman A. Die älteste türkische Weltkarte (1076 n. Chr). Jmago Mundi I. 1935. P. 21–28.

⁷⁵ Бартольд В.В. Указ. соч. С. 73.

⁷⁶ Там же. С. 60.

⁷⁷ См.: Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования. М., 1971. С. 19.

⁷⁸ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси // Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981. С. 9 (на этой странице ссылка: Монгайт А.Л. Абу-Хамид-ад-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1. С. 169–181).

⁷⁹ Книга Марко Поло. М., 1956. С. 316.

⁸⁰ Такано А. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1971. С. 27.

⁸¹ Например, в 1631 г., французским ученым Таверниэ. Хотя обычно так называли Яву или Суматру. См.: Там же. С. 27.

⁸² Крачковский И.Ю. Указ. соч. Т. 4. С. 290.

⁸³ Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб., 1893.

⁸⁴ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 108.

⁸⁵ Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 538, 542.

⁸⁶ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1956. С. 68.

⁸⁷ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1947. С. 532.

⁸⁸ Путешествия в восточные страны... С. 155.

⁸⁹ См.: Там же. С. 154–155; Книга Марко Поло. С. 172. Заимствованное европейцами у китайцев в XIII в. и сохранявшееся у них по традиции наименование о. Хонсю, где в прошлом, как уже было отмечено выше, находился давно исчезнувший к этому времени союз японских племен куну с неправильным истолкованием фонетически использованных иероглифов как смысловых. Ср.: Книга Марко Поло. М., 1956. С. 172.

⁹⁰ См.: Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.–Л., 1950. С. 35, 45–46, 94; Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М., 1947. С. 199.

⁹¹ См.: Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., 1971. С. 196–197.

⁹² Путешествия в восточные страны... С. 155.

⁹³ См.: Там же. С. 155.

⁹⁴ См.: Всемирная история. М, 1957. Т. 3. С. 599.

⁹⁵ См.: Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 195.

⁹⁶ См.: Книга Марко Поло. С. 316.

⁹⁷ См.: Там же. Гл. 159. С. 170.

⁹⁸ См.: Архимандрит Палладий (Кафаров П.И.). Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам // Восточный сборник Т. 1. СПб., 1877 С. 47–50.

⁹⁹ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 332.

¹⁰⁰ Там же. С. 400.

¹⁰¹ После Марко Поло. С. 196.

¹⁰² Цит. по: Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 399.

¹⁰³ См.: Хенниг Р. Указ. соч. Т. 3. С. 232; Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 392, 400.

¹⁰⁴ Книга Марко Поло. С. 170.

¹⁰⁵ Там же. С. 4.

¹⁰⁶ Там же. С. 30.

¹⁰⁷ См.: Попов К.М. Япония. М., 1964. С. 89; Ефимов А.В. Из истории великих географических открытий. М., 1971. С. 51; Япония была также упомянута как *Jamrap* (от малайского *Jarunum*) в описании к карте восточных стран португальского мореплавателя Ф. Родригеса, законченном к 1514 г. См.: **Cortesao A. The first account of the Far East In the sixteen century. The name «Japan» In 1513.** *Comptes rendus du Congres Internal de geographie: Travaux de la section IV.* Amsterdam, 1938. Т. 2.

¹⁰⁸ Ефимов А.Е. Указ. соч. С. 52.

¹⁰⁹ Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Сер. 2. Вып. I (карта Татарии). Киев, 1906.

¹¹⁰ См.: Космография 1670 г. СПб., 1878–1881. С. 26–27.

¹¹¹ Намек на тутового шелкопряда, культура которого была характерна для Японии.

¹¹² Отголосок веры жителей «земли Рахманской» – японцев – в синтоистское божество Аматаэрасу («Освещающее небо»).

¹¹³ Это был период, когда в России на основе Атласа Г. Меркатора (первое издание – 1594 г., второе – 1606 г.) были выпущены краткие «космографии» до окончания его полного перевода. На этой карте упомянутые острова изображены к югу от о. Камчатка. См.: *Vagrow L. Old Russian Wold Map // Imago Mumpdi. XI.* Stockholm., 1954. P. 170.

¹¹⁴ Изборник славянских нерусских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 533.

¹¹⁵ Датируется по упоминанию в ней Литвы и польского г. Вильно (Белая Россия) как территории России.

¹¹⁶ Рукопись Румянцевского музея № ССХСIV. Л. 24. Опубл.: Титов А.А. Сибирь в XVII в. М., 1990. С. 38. Кинзан (по-японски правильно киндза) – монетный двор для чеканки золотой монеты, очевидно, производное от названия Японии после сообщения о ней Марко Поло как о стране золота и серебра. Эта реконструкция представляется фонетически более точной, чем предлагаемая М.С. Боднарским кинсэй – «сделанная из золота» – калька с греческого названия Японии Херсонесур, имеющаяся, например, в русской краткой «Космографии 1679 г.» См.: Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. С. 74.

¹¹⁷ Эта космография состоит из 76 глав; ее полное издание на основе перевода в 1657 г. «Атласа Г. Меркатора» составляет 230 глав. См.: Глушкина С.М. «Космография» 1637 г. как русская переработка текста «Атласа Меркатора» // Географический сборник. III. Географическое общество СССР. М, 1954. С. 81; Космография 1637 г. //Рукописи Румянцевского музея, № 272.

¹¹⁸ См.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения 1697–1875 гг. М., 1960. С. 18.

¹¹⁹ Неизвестно откуда появились эти сведения о Японии, так как явно ошибочно мнение, что они получены от индийцев, корабль которых, пришедший якобы Северным морским путем из Тихого океана между 1152 и 1158 г., выбросило на берег у немецкого г. Любека. См.: Марков С.Н. Земной круг. М., 1971. С. 258.

¹²⁰ Космография 1670 г. СПб., 1878–1881. С. 379.

¹²¹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 20.

¹²² Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 55.

¹²³ Оглоблин Н.Н. Первый японец в России, 1701–1705 // Русская старина. СПб, 1891. № 10.

¹²⁴ В Западной Европе об этом узнали еще в первой четверти XVII в. (см.: Pinegro. Relation del successo quo tuvonostra santa fe en los reignos del Faron. Madrid, 1617, приводится по: Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 70; Trigault N. *De christianis apud Iapanis Triumphis Miinchen, 1623. P. 288–292*), а в России по крайней мере с 1901 г. из публикации П. Пирлинга «Николай Мело «Гишпанской земли» чернец» // Русская старина. 1902. Май. С. 303–312).

¹²⁵ Точнее, первоначальное японское имя, ибо его христианское имя является подлинным.

¹²⁶ Японец Николай Августинец был отправлен в Соловецкий монастырь в 1600 г. до появления Лжедмитрия I, появился в России с войсками Речи Посполитой в 1604 г.

¹²⁷ О том, что спутник Н. Мело был японцем, стало известно в России, в частности кармелиту Иогану Тадеушу (Ивану-Фаддею), когда в 1611 г. и в течение нескольких лет он находился вместе с Мариной Мнишек и Николаем Мело в войсках казачьего атамана Ивана Заруцкого. Через И. Тадеуша эти сведения попали после его бегства из России в страны Западной Европы. См.: Trigault N. *Op. cit.* P. 288; Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 70.

¹²⁸ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 352.

¹²⁹ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 127; Русская тихоокеанская эпопея / Сост., ист. очерки, коммент. и примеч. В.А. Дивина, К.Е. Черевко и Г.Н. Исаенко. Хабаровск, 1979. С. 507.

¹³⁰ Там же. С. 127.

¹³¹ Марков С.Н. Земной круг. М., 1966. С. 329–334.

¹³² Числик Х. *Сэкай-о аруйтэ кирисутан (Христиане, обошедшие мир)*. Токио, 1971. С. 164–176.

¹³³ Георгиев Ю.В. Вйсиа-э итта сайсё-но Пихондзин ва дарэка? (Кто был первым японцем в России?) // Коннити-но Сорэмпо (Советский Союз сегодня). (М.). 1975. № 17. С. 19.

¹³⁴ Акидзуки Т. Якутю. (Примеч. к переводу). Знаменский С. Росиадзин-но Нихон хаккэн (Открытие русскими Японии). В оригинале: В поисках Японии. Благовещенск, 1929 (Токио, 1979). С. 246.

¹³⁵ Искандеров А.А. Тоётоми Хидзэси. М., 1984. С. 382.

¹³⁶ Накамура Ё. Мосуковия-но нихондзин (Японец в Московии) // Сурабу кэнкю. 1980. № 26. С. 26–27.

¹³⁷ Космография 1670 г. СПб., 1878–1881. С. 26–27.

¹³⁸ О существовании этого канала информации Западной Европы из России о граничащих с нею на востоке и юго-востоке странах уже в конце XVI в. свидетельствует письмо Г. Меркатора от 1580 г., в котором он просит и в дальнейшем присылать для Атласа новые данные о путях из России через Сибирь в другие страны Азии. Эта просьба адресовалась английскому географу Р. Гаклюиту. См.: *Principal Navigation Vouages by R. Hakluyt. L 1600.*

¹³⁹ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁴⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 18.

¹⁴¹ Накамура Ё. Указ. соч. С. 14.

- ¹⁴² См. об этом: Искандеров А.А. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁴³ Trigault N. Op. cit. P. 288–289.
- ¹⁴⁴ Числик Х. Указ. соч. С. 167.
- ¹⁴⁵ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1912. С. 25–26. Здесь приводятся материалы из архива иезуита Антони Поссавино, автора духовного руководства войском Священной Римской империи перед победой.
- ¹⁴⁶ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 72.
- ¹⁴⁷ Накамура Ё. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁴⁸ Trigault N. Op. cit. P. 289–291.
- ¹⁴⁹ Накамура Ё. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁵⁰ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 73.
- ¹⁵¹ Грамота № 98 // Соловецкий сборник. № 18. Л. 7 (Духовная академия). Казань, б/г. Приводится по: Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 74. (Есть ссылка на историка С.Ф. Платонова–1860–1933.)
- ¹⁵² Ватиканский архив. Отдел Боргезе. III. 90. В. Л. 206, 279. Приводится по: Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 74.
- ¹⁵³ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 74.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 70.
- ¹⁵⁵ Наша точка зрения на это событие изложена ранее.
- ¹⁵⁶ Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. Т. I. М., 1912. С. 275–276.
- ¹⁵⁷ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 75.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 70–75.
- ¹⁵⁹ Дневник Марины Мнишек и послов польских // Устрялов Н. Сказание современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1834. Ч. IV. С. 96.
- ¹⁶⁰ Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 275.
- ¹⁶¹ Повесть временных лет. Ч. I. М.–Л., 1950. С. 12.
- ¹⁶² Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства» // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С. 139; Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 502.
- ¹⁶³ Накамура Ё. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁶⁴ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 75.
- ¹⁶⁵ Соловьев С.М. История России с древних времен. М., 1950. Т. IV. С. 490.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 79–80; Накамура Ё. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁶⁷ См., например: Георгиев Ю.В. Указ. соч. С. 19.

- ¹⁶⁸ Castro A. *Missionaros Augustinos en Extreme Oriente 1565–1780*. Madrid, 1954. P. 245–246.
- ¹⁶⁹ Trigault N. *Op. cit.* P. 289–290, 292.
- ¹⁷⁰ Castro A. *Op. cit.* P. 246.
- ¹⁷¹ Накамура Ё. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁷² См.: Olearius A. *Vermehrte Neue Beschreibung der Moscovitischen und Perschischen Reyse*. Schlezwig, 1656. S. 338.
- ¹⁷³ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 8; Накамура Ё. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁷⁴ Накамура Ё. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁷⁵ Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*. М., 1960. Т. IV. С. 490.
- ¹⁷⁶ Trigault N. *Op. cit.* P. 291–292.
- ¹⁷⁷ Цит. по: Буссов Конрад. *Московская хроника, 1584–1613*. М.–Л., 1961. С. 5.
- ¹⁷⁸ Короленко В.Г. Предисловие // Г.Т. Хохлов *Путешествие уральских казаков в Беловодское царство – Записки Русского географического общества*. Т. XXVIII. Вып. 1. СПб., 1903. С. 6–7; К.Е. Черевко. *Запоздавшая «книга Марко Поло» (Сведения японца в начале XVII в.) // Асахи симбун (веч. вып.)*. 1977. 13 сент.
- ¹⁷⁹ Бахрушин С.В. *Научные труды*. М., 1954. Т. 2. С. 16.
- ¹⁸⁰ Полевой Б.П. *Первые сведения сибирских казаков о японцах // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ленингр. отд. Ин-та этнографии АН СССР за 1970 г.* Л., 1970. С. 55.
- ¹⁸¹ Torii R. *Etudes Archeologiques et Etnologiques les Ainos les Kouriles // Journal of the College of Science. Imp. University. Tokyo*, 1919. Vol. XLII. P. 89–90.
- ¹⁸² Крашенинников С.П. *Описание земли Камчатки*. СПб., 1755. С. 34, 259.
- ¹⁸³ Jouchelson W. *Antropological Investigations In Kamchatka*. Carnegie Institute of Washington. Publication N 388. Wash., 1928. P. 37.
- ¹⁸⁴ Цит. по: Спафарий (Милеску) Н.Г. *Описание первой части Вселенной, именуемой Азии...* Казань, 1910. С. 199–202.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Арсеньев Ю. *Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.* // *Записки географического общества по отделению этнографии*. Т. X. Вып. 1. 1889. С. 153.
- ¹⁸⁶ Manini M. *De Bello tartarico historia*. Colonial, 1654.

¹⁸⁷ Атлас географических открытий XVII–XVIII вв. в Северо-Восточной Азии и Северной Америке. М., 1964. № 34 (А.М. Куликова ошибочно относит этот факт к 1699 г., имея в виду, очевидно, чертеж С.У. Ремезова 1698 г. См.: Народы Азии и Африки, 1990, № 4. С. 103. Эта уточненная дата чертежа 1687 г. была дана Л.С. Багровым (*Imago Mundi. Stockholm, 1947. XI*), Л.А. Гольденбергом (С.У. Ремезов – сибирский географ и картограф. М., 1965. С. 33) и Масатоси Миками (Вопросы истории. 1981. № 8. С. 165). Раньше считали, что этот чертеж был составлен в 1684–1685 гг.

¹⁸⁸ Эти записки, фрагменты которых публиковались с 1696 г., позднее были целиком напечатаны Н. Витсенем. См.: *Drei Juerige Reige naar China, te Land gedaan door Moscovischen, Abgesant E., Isbrant Ides. Amsterdam, 1704*. См. также гл. 24 в книге Избранда Идеса и Адама Брандта «Записки о русском посольстве в Китае, 1692–1695». (М., 1967).

¹⁸⁹ Atlas of Siberia by Semyon Remezov. *Imago Mundi. Supplement 1. S–Gravengahe, 1958. № 21*; Миками М. 21 лист из «Чертежной книги С.У. Ремезова» // Си-эн. 1974. № 3.

¹⁹⁰ См.: Кожевин И.Е. Практическое географическое описание о Жиганском уезде (рукопись). С. 30–31. Цит. по: Вокруг света. 1949. № 8. С. 16.

¹⁹¹ См.: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. М., 1951 (док. № 19. Л. 620. С. 24, 101).

¹⁹² См.: Там же. Карты № 10–11, 14–15. С. 38–40.

¹⁹³ Окамото Р. Нитиро косе Хоккайдо сико (История Хоккайдо в свете русско-японских отношений). Токио, 1898. С. 6.

¹⁹⁴ Мацунага Т. Карафуто оёби Камусакка (Сахалин и Камчатка). Токио, 1905. С. 62.

¹⁹⁵ См.: Окамото Р. Указ. соч. С. 6; Мацунага Т. Указ. соч. Т. 1. С. 62, со ссылкой на «Карафуто гайран» («Сахалинские обзоры», т. 1) и «Кита Эдзоси» («Записки о Сахалине»), в которых содержатся отчеты японцев о сведениях, полученных от айнов начиная с XVII в., в том числе о контактах с русскими.

¹⁹⁶ Ёсида Т. Дополнительные материалы Т. Мацуура / Сост. Дзохо Мацуура Такэсиро. Токио, 1966. С. 490. Японцы для транскрипции этого имени использовали три иероглифа, которые читались соответственно «ю», «фу», «ру». Однако в таком сочетании звук «ф» в тот период уже не произносился. См.: Сыромятников Н.А. Становление новояпонского языка. М., 1965. С. 88.

¹⁹⁷ В тот период географические очертания Камчатки для русских и японцев были весьма неопределенными, причем они ошибочно считали ее островом.

¹⁹⁸ Оглоблин Н. Восточно-Сибирские полярные мореходы в XVII в. // Журнал министерства народного просвещения. 1903. Май. С. 61.

¹⁹⁹ Цит. по: Ёсида Т. Указ. соч. С. 490.

²⁰⁰ Сибирский географический сборник, 3. М.–Л., 1964. С. 238–239.

²⁰¹ Сибирский вестник (СПб.). 1821. Ч. XV. С. 46.

²⁰² Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 384.

²⁰³ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 174.

²⁰⁴ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на северо-востоке Азии. М., 1953. С. 140.

²⁰⁵ Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Кн. первая. Южно-Сахалинск, 2002. С. 27–28.

²⁰⁶ См.: Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1964. Карта № 47.

²⁰⁷ Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М.–Л., 1946. С. 78.

²⁰⁸ Описанию этого острова соответствуют его изображения на чертежах Сибири шведов Э. Пальмивиста (1674) и И. Спавенфельда (не ранее 1678 г.).

²⁰⁹ Титов А.А. Сибирь в XVII веке: Сб. старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ним землях. М., 1890. С. 54.

²¹⁰ В использовании этого топонима имелись варианты. Так, в «рописи» «Общего чертежа Сибири» во втором издании упомянутой книги Н. Витсена (1705) «о. Эдзо» даются «севернее Курильских и Японских» островов перед устьем Амура. См.: Тристан В.Г. О русской этнографической карте XVII в. // Краткие сообщения Ин-та этнографии, X. 1950. С. 54–56.

²¹¹ Архив РАН. Ф. 98. Оп. 2. № 13.

²¹² РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Столб. 460. Л. 102.

²¹³ Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. // Сибирский географический сборник, 3. М.–Л., 1964. С. 232–234.

²¹⁴ Так, Б.П. Полевой отмечает: «Японовед К.Е. Черевко пишет, что Мацу нага «совместил эту дату» с датой плавания в район к северу от Японии в 1643 г. голландца Мартина де Фриза» (Курильские острова. Южно-Сахалинск, 1985. С. 175. Ссылка: Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4. С. 128).

²¹⁵ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на северо-востоке Азии. С. 51.

²¹⁶ Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. II. Ч. 3. Токио, 1909. С. 50.

²¹⁷ Полевой Б.П. Курбат Иванов – первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640–1645) // Изв. ВГО. 1960. № 1. С. 49.

²¹⁸ См.: Гольденберг Л.А. Изограф земли русской. Магадан, 1990. С. 36.

²¹⁹ Полевой Б.П. Ч.М. Таксами. Первые сведения о нивхах – гиляках // Страны и народы Востока. Вып. XVII. Кн. 3. М., 1975. С. 150, 152.

²²⁰ Манабэ С. Нитиро канкэйси (История японо-русских отношений). Токио, 1978. С. 89; Черевко К.Е. Объективное свидетельство японского историка // Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 2. С. 176.

²²¹ См.: Накамура С. Японцы и русские: Из истории контактов. М., 1983. С. 67.

²²² См.: Гальперин А.Л. Эпоха позднего феодализма (1640–1867) // Очерки новой истории Японии. М., 1958. С. 64–65.

²²³ Харуки В. Представления о России в Японии. Учитель, врач, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986. С. 51.

²²⁴ Огрызко И.И. Открытие Курильских островов // Учен. зап. ЛГУ. 1953. № 157. С. 172.

²²⁵ Спасский Г. История плавания россиян из рек Сибирских в Ледовитое море // Сибирский вестник. СПб., 1821. С. 234.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. // Сибир. географический сборник. М.–Л., 1964. № 3. С. 234.

²²⁸ РГАДА. Ф. Якутская приказная изба. Оп. 1655. № 15.

²²⁹ См.: Кусков В.П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967. С. 107.

- ²³⁰ Крашенинников С.П. Указ. соч. С. 131.
- ²³¹ Мацуура Т. Эдзо нэндайки (Хроника Эдзо). Токио, 1966. С. 490.
- ²³² Полевой Б.П. К истории... С. 242.
- ²³³ Там же; Белов М.И. Русские походы на Камчатку до В. Атласова // Изв. ВГО. Т. 89. Вып. 1. М.–Л., 1957. В действительности о п-ве Камчатка (Южном «Носе» и, возможно, Курилах) М. Стадухин узнал раньше, в 1651 г. См.: Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 174.
- ²³⁴ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири и XVII в. М., 1960. С. 58.
- ²³⁵ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. 2-е изд. М.–Л., 1949 г. (1-е изд.–1755 г.). С. 165.
- ²³⁶ Torii R. Etudes Archeologiques et Ethnologiques. Les ainos des Isles Kouriles // Journal of the College of Sciences. Imper. University of Tokyo. Vol. XLII. Part 1. Токио, 1919. P. 49.
- ²³⁷ Крашенинников С.П. Указ. соч. С. 165.
- ²³⁸ Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 3-е изд. М.–Л., 1946 (первое издание – 1924 г., второе – 1935 г.). С. 78–79.
- ²³⁹ Долгих Б.О. Указ. соч. С. 573.
- ²⁴⁰ Огрызко И.И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки, конец XVII – начало XX в. Л., 1973. С. 29.
- ²⁴¹ Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. С. 7.
- ²⁴² Murayma S. Ainu In Kamchatka. Bulletin of Literary Faculty // Kyushu University (Fukuoka). 1968. N 12. P. 55–77.
- ²⁴³ Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 800–а. Л. 17; Полевой Б.П. Неопубликованное сочинение О. Аргунова о северных айнах: К 250-летию начала исследований С.П. Крашенинникова // Сов. этнография. 1988. № 3. С. 73–76.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ СПб. ОИИ. Якутская приказная изба. Кн. 47. СПб, 1697. Цит. по: Белов М.И. Русские походы на Камчатку до Атласова // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. Вып. I. 1957. Т. 89. С. 30.

² Полевой Б.П. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией» // Страны и народы Востока. Вып. XVII. Кн. 3. М., 1975. С. 21–22.

³ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 22.

⁴ Богословский ММ. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. Ч. 1–2. М., 1941. С. 367.

⁵ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М. 1837. Т. I. С. 122.

⁶ Цит. по: Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.–Л., 1950. С. 142.

⁷ Вада Х. Представления о России в Японии: учитель, врач, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1987. С. 52.

⁸ Лебедев Д.М. Указ. соч. С. 9.

⁹ Кацурагава Х. Краткие вести о скитаниях в северных водах (Хокуса монряку) / Пер. с японск. М., 1978. С. 98–99; Кацурагава Хосю. Хокуса монряку. Токио, 1937. С. 64–65.

¹⁰ Цит. по: Вада Х. Указ. соч. С. 51.

¹¹ См.: Накамура Ё. Японец в Московии // Сурабу кэнкю: Славянские исследования (Саппоро). 1980. № 26. С. 71.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Перри Джон. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 40.

¹⁴ В записной книжке В. Атласова, как установил Б.П. Полевой (РГАДА. Ф. ЯПИ. Оп. 4. Ед. хр. 1829. Ч. I), он значится не Владимиром Тимофеевым, как у Белова М.И. (Летопись Севера. М., 1957. С. 89–91) и у А.М. Куликовой (Народы Азии и Африки; далее – НАА. 1990. № 4. С. 107,), а Володимиром Володимировичем.

¹⁵ Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае. М., 1935. С. 12.

¹⁶ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 12.

¹⁷ Русская тихоокеанская эпопея; (далее – РТЭ) / Сост. В.А. Дивин, К.Е. Черевко, Г.Н. Исаенко. Хабаровск, 1979. С. 109.

¹⁸ Там же. С. 110.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ Там же.

²¹ Спасский Г. Владимир Атласов, покоритель Камчатки // Вестн. РГО. 1858. Ч. XXIV. С. 164.

²² Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.— Л., 1946. С. 69.

²³ Полевой Б.П. Замысел Арнольда Атласова // Камчатская правда. 1990. 6 окт. (есть ссылка: Сов. этнография. 1986. № 3); Санкт-Петербургское ЛО Архива РАН. Оп. 1. Д. 800а. Л. 3.

²⁴ Берг Л.С. Указ. соч. С. 66–67.

²⁵ Фрадкин Н.Г. Географические открытия и научное познание Земли. М., 1972. С. 46.

²⁶ Ср.: Фрадкин Н.Г. Указ. соч. С. 18.

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Цит. по: Оглобин Н.Н. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1891. С. 8–9.

²⁹ Цит. по: Там же. С. 9.

³⁰ Японское «у» ближе к русскому «о», чем русскому «у».

³¹ Кристенсен С.О. История России в XVII в. М., 1989. С. 144.

³² Такано А. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1970. С. 67–68.

³³ РТЭ. С. 503–504.

³⁴ Большая лодка, долбленная из цельного ствола дерева. См.: РТЭ. С. 503.

³⁵ Цит. по: Оглобин Н.Н. Указ. соч. С. 9. См. также: РТЭ. С. 506.

³⁶ Цит. по: РТЭ. С. 502.

³⁷ Там же. С. 502–503.

³⁸ Мураяма С. Хёрюмин-но гэнго (Язык потерпевших кораблекрушение). Токио, 1965. С. 16.

³⁹ РТЭ. С. 504.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Colder F. Russian Cxpansion on the pacific, 1641–1850. Cleaveland, 1914. P. 126.

⁴² РТЭ. С. 505–506.

⁴³ Там же. С. 506.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., (1688–1701). 1887. Т. I. № 241. С.И. Новаковский в книге «Япония и Россия» (Токио, 1918. С. 10) ошибочно датирует это письмо апрелем 1688 г.

⁴⁶ Цит. по: РТЭ. С. 505.

⁴⁷ Там же.

- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 506.
- ⁵⁰ Там же. С. 507.
- ⁵¹ Там же. С. 505.
- ⁵² Там же. С. 505, 508.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 505.
- ⁵⁵ Цит. по: Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 13–14.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. Сибирского приказа. Кн. 1291. Л. 729–729 об.
- ⁵⁷ РТЭ. С. 504.
- ⁵⁸ Там же. С. 111.
- ⁵⁹ Там же. С. 504.
- ⁶⁰ Крашенный и лощеный холст, обычно синий.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1282. Л. 79.
- ⁶² Там же. Л. 741.
- ⁶³ Файнберг Э.Я. Японцы в России в период самоизоляции Японии // Япония: Вопр. истории. М., 1959. С. 238.
- ⁶⁴ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 55.
- ⁶⁵ Мураяма С. Хёрюмин-но гэнго (Язык потерпевших кораблекрушение). С. 7.
- ⁶⁶ Рейхберг Г. К истории ранних русско-японских отношений // Учен. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. II. С. 111.
- ⁶⁷ Мураяма С. Кита айнуго (Язык северных айнов). Токио, 1988. С. 285.
- ⁶⁸ См. об этом: Такано Акира. Нихон то Росиа (Япония и Россия). С. 54–55.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1311. Л. 122–122 об.; кн. № 1348. Л. 74.
- ⁷⁰ Lensen G.A. The Russian Bush toward Japan. Princetons , 1959. P. 29–30.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1282. Л. 84.
- ⁷² Впервые в этой войне русские одержали на суше победу над шведами в сражении под Дерптом (Тарту) в конце декабря 1701 г.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 756. Л. 2; Куликова А.М. Новый документ о первом японце в России // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия Ленингр. отд. Ин-та востоковедения АН СССР. Л., 1972. С. 33.

⁷⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и связи Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 732–732 об. (Далее: АВИМ)

⁷⁵ Матвей Петрович – князь и стольник М.П. Гагарин в 1706–1708 г. исполнял обязанности судьи (начальника) Сибирского приказа, став на этом посту преемником думного дьяка А.А. Виниуса (1697–1703) и князя Ф.Ю. Ромодановского (1704–1705). В 1707 г. он был назначен комендантом Москвы, а в 1708 г. возглавлял также Приказ артиллерии. С образованием в 1708 г. Сибирской губернии (наряду с другими восемью губерниями России) стал первым сибирским губернатором с центром в Тобольске. Туда он переехал в первой половине 1711 г.

⁷⁶ АВИМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 302–302 об.

⁷⁷ Петр I находился в Москве с 31 января по 24 февраля 1710 г. Установлено автором по отправленным из Москвы «Письмам и бумагам Петра Великого» (М., 1956. Т. 10. С. 29–56).

⁷⁸ Lensen G.A. The Russian push toward Japan. P. 28.

⁷⁹ Иванов П. Распоряжение Петра Великого для обучения японскому языку // Вести императ. георг. об-ва. 1853. Кн. III. Отд. VIII. С. 4–5.

⁸⁰ Берг Л.С. Указ. соч. С. 161.

⁸¹ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885. С. 3; Кобленц И.Н. Андрей Иванович Богданов. М., 1953. С. 21, 34.

⁸² Архив РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 301. Л. 141.

⁸³ Сгигннев А. Об обучении в России японскому языку // Морской сборник. 1868. № 12. С. 51. В другой своей работе «Исторический очерк главнейших событий на Камчатке» (Б.м., б.г. С. 51) он пишет, что школа была открыта в 1706 г.

⁸⁴ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. Л., 1925. С. 4–5.

⁸⁵ Гальперин А.Л. Русская наука о зарубежном Дальнем Востоке // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. С. 11.

⁸⁶ Рейхберг Г. Указ. соч. С. 108.

⁸⁷ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 21, 25.

⁸⁸ Петрова О.П. «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. М., 1962. С. 7–8.

⁸⁹ Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988. С. 8.

⁹⁰ См. примеч. к статье: Симмура И. Возникновение японо-русских отношений // Изв. Восточн. ин-та. Т. 31. Вып. 2. Владивосток, 1916. С. 5–41.

⁹¹ Мураяма С. Кита айнуго-но кэнкю (Исследование языка северных айнов). С. 282.

⁹² В другой работе «Исторический очерк главнейших событий на Камчатке» (Б.м., б.г. С. 51) А. Сгибнев писал, что эта школа была открыта в 1706 г.

⁹³ Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку. С. 55.

⁹⁴ Там же. С. 56.

⁹⁵ Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876. С. 241–242.

⁹⁶ Архив старых дел при Санкт-Петербургском артиллерийском музее. Дела штаба генерал-фельдцейхмейстера. Св. 15. Л. 208.

⁹⁷ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. СПб., 1882. С. 417–419.

⁹⁸ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885. С. 502–503.

⁹⁹ Там же. С. 464–465.

¹⁰⁰ И.П. Козыревский писал, что Чирикова звали Филатом (РТЭ. С. 447), а С.П. Крашенинников – что Петром.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 199. П. 533. Ед. хр. 8. Л. 5.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Знаменский С. В поисках Японии. Благовещенск, 1929. С. 58.

¹⁰⁴ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2. С. 47–50.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Weber F.H. Das veranderte Russland. Th. 1. Frankfurt; Leipzig, 1738. S. 220.

¹⁰⁸ Оглоблин Н. Нерчинский заговор о побеге на Амур и острова Восточного океана (со ссылкой на столбец № 1346 Сибирского приказа – ныне ф. 214 РГАДА) // Русская старина. 1896. Т. 88. С. 128.

¹⁰⁹ Там же. Вероятно, имелись в виду о-ва Рэбун, Рисири и Эдзо.

¹¹⁰ Манабэ С. Нитиро канкэйси (История японо-русских отношений), 1697–1875. Токио, 1978. С. 16.

¹¹¹ Окума Р. Хоппо рёдо мондай-но рэкиситэки хайкэй (Историческая подоплека проблемы северных территорий) // Майнити симбун. Токио, 1968. 9 авг. С. 319.

¹¹² Черевко К.Е. «...И называют русских братьями» // Неделя (прил. к газ. «Известия»). 1985. 29 июля–4 авг.

¹¹³ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сб. документов. М., 1984. С. 21.

¹¹⁴ Цит. по: РТЭ. С. 131.

¹¹⁵ Weber F.H. Op. cit. S. 219–220.

¹¹⁶ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря с дополнениями Г.-Ф. Миллера. СПб., 1763. С. 357.

¹¹⁷ Lensen G.A. The Russian plish toward Japan... P. 36.

¹¹⁸ Ibid. P. 31.

¹¹⁹ Lensen G. Report from Hokkaido. Remains of Russian culture In Northern Japan. Nakodate, 1954. P. 6.

¹²⁰ Здесь и ниже о жаловании Дэмбэю. Цит. по: Рейхберг Г. Указ. соч. С. 123.

¹²¹ Цит. по: Рейхберг Г. Указ. соч. С. 123.

¹²² Stralenberg F.J., von. Das nordund ostliche Teil von Europa und Asia... Stokholm, 1730.

¹²³ Ibid. P. 438.

¹²⁴ См. об этом: Новлянская М.Г. Филипп Иоган Страленберг. М.– Л., 1966. С. 63.

¹²⁵ Герье В. Лейбниц и его век. СПб., 1871. Т. П. Отношение Лейбница к России и Петру Великому... С. 132, 145–146.

¹²⁶ Цит. по: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. С. 29–30. П. Пекарский полагал, что в этом письме шла речь о Санеме, но он ошибался, так как Санема был направлен в Петербург, как уже говорилось, в 1714 г., а письмо было написано в 1712 г. С П. Пекарским согласен и академик В. Бартольд. См.: Материалы для истории факультета восточных языков. СПб., 1909. Т. 13. С. 5.

¹²⁷ Stralenberg F.J. Vorbericht eines zum Druck vertigten Werkes von der Grossen Tartarey und dem Konigreiche Siberien, mil einem Anhand von gross Russland Stokholm, 1726. S. 29.

¹²⁸ Von Stralenberg F.J. Description historique de l'Empire Russien. Amsterdam, 1757 Vol. 1–2. P. 190–191,

¹²⁹ См.: Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку. С. 55; Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 55.

¹³⁰ Рейхберг Г. Указ. соч. С. 103; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 23.

- ¹³¹ Muller G.–F. *Samplung Russischer Geschichte*. SPb., 1758. Bd. 3. S. 78; РГАДА Ф. 248. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 1095 об.
- ¹³² Мураяма С. Кита айнуго-но кэнкю. С. 290–291.
- ¹³³ Оглоблин Н.Н. *Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768)*. М., 1900. Ч. 3. С. 333.
- ¹³⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 297–298.
- ¹³⁵ Соловьев СМ. *История России с древнейших времен*. М., 1962. Кн. VIII. Т. 16. С. 497; РГАДА. Портфели Миллера. Д. 497. Ч. I. Л. 1–444; Ч. II. Л. 1–376, 498, 500.
- ¹³⁶ Пекарский П. *Материалы для истории Академии наук*. Т. III. СПб., 1886. С. 157.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 370–371.
- ¹³⁸ Миллер Г.-Ф. *Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных // Сочинения и перевод к пользе и увеселению служащие*. СПб., 1758. С. 231–235.
- ¹³⁹ Рейхберг Г. *Указ. соч.* С. 103.
- ¹⁴⁰ Полевой Б.П. *Первооткрыватели Курильских островов*. Южно-Сахалинск, 1982. С. 46; Он же. *О карте «Камчадали» И.Б. Гомана // Изв. АН СССР Сер. геогр. Вып. I. 1970. С. 103.*
- ¹⁴¹ См. об этом: Там же.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ Цит. по: РТЭ. С. 449.
- ¹⁴⁴ *Памятники сибирской истории XVIII в.* Кн. I. С. 442.
- ¹⁴⁵ Петрова О.П. *Сведения о Японии, полученные от японцев в петровское время // Страны и народы Востока. Вып. XVII. Кн. 3. М., 1975. С. 16.*
- ¹⁴⁶ Мураяма С. *Кита Тисима айнуго*. Токио, 1971. С. 296, 324.
- ¹⁴⁷ Мураяма С. *Россия-э-но хёрюмин Санима-ни цуйтэ (О Санима, занесенном течением в Россию) // Нихон рэкиси. 1967. № 232. С. 76.*
- ¹⁴⁸ Указано: С. Мураяма (Там же. С. 76).
- ¹⁴⁹ Stephan J. *Kurile Islands*. Oxford, 1974. P. 42.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ РТЭ. С. 450.
- ¹⁵² Там же. С. 448.
- ¹⁵³ Файнберг Э.Я. *Русско-японские отношения 1697–1875 гг.* М., 1960. С. 23.

¹⁵⁴ У А.М. Куликовой (НАА. 1979. № 1. С. 142) с указанием на неразборчивость почерка он приводится как Мацов. См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 1120.

¹⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 212. Ед. хр. 10. Л. 91–92. Э.Ф. Файнберг ошибочно указывает дату его появления на Камчатке в 1713–1714 гг. См.: Файнберг Э.Я. Японцы в России... С. 230.

¹⁵⁶ НАА. 1990. № 4. С. 111; РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 1095 об.

¹⁵⁷ Мураяма С. Росиа-э-но хёрюмин Санима-ни цуйтэ (О Санима, занесенном течением в Россию) // Нихон рэкиси. 1967. № 232. С. 73.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Steller G.W. Beschreibung von dem Lande Kamchatka. Frankfurt; Leipzig, 1774 S. 10–11.

¹⁶⁰ Полонский А. Курилы. СПб., 1871. С. 25.

¹⁶¹ См. об этом: Учен. зап. ЛГУ. 1953. № 157. С. 200–207.

¹⁶² Мураяма С. Кита Тисима айнуго (Язык северных айнов). С. 296.

¹⁶³ Петрова О.П. Указ. соч. С. 161; Полевой Б.П. О происхождении первого описания всей Курильской гряды // Наука и техника: Вопр. истории и теории. М; Л., 1977. С. 89–92.

¹⁶⁴ Цит. по: Петрова О.П. Указ. соч. С. 162.

¹⁶⁵ Из-за этого, например, И.П. Козыревский не смог узнать от него, какую руду японцы добывали и вывозили с Курил. См.: РТЭ. С. 452.

¹⁶⁶ Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Кн. I. С. 442.

¹⁶⁷ См. об этом: Полевой Б.П. Указ. соч. С. 90.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ РТЭ. С. 453.

¹⁷⁰ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 90–92.

¹⁷¹ РТЭ. С. 454.

¹⁷² Там же. С. 451, 453–454.

¹⁷³ См.: Син Хоккайдоси (История Хоккайдо), II. Саппоро, 1970. С. 473.

¹⁷⁴ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. I. С. 502–503.

¹⁷⁵ Там же. С. 542–543.

¹⁷⁶ Так называли тогда в России о. Хоккайдо (Мацумаэ), где было расположено автономное княжество Мацумаэ, населенное главным образом айнами.

¹⁷⁷ Спасский Г.С. Монах Игнатий Козыревский // Сибирский вестник. СПб., 1823. Ч. 2. С. 29.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ См.: РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.-Ф. Миллера). Ед. хр. 533. Д. 2. Л. 1 об.; Баскин С.И. Большой чертеж Камчадальской земли // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1949. № 2. С. 226.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.-Ф. Миллера). Ед. хр. 533. Д. 2. Л. 4.

¹⁸¹ В 1702 г. Сибирский приказ в грамоте от имени Петра I **пред-**писал Якутской воеводской канцелярии разведать торговый путь в Японию через Камчатку. Позднее якутский воевода Д.А. Траурнихт получил со ссылкой на указ Петра I от 17 марта 1710 г. предписание «против Камчатской земли... острова проведывать с великим прилежным радением» (Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. С. 21; Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 144).

¹⁸² Токийский залив, в который впадает р. Тонэ. Эта река одна из самых многоводных рек в Японии.

¹⁸³ Эдо – столица древней Японии (Нихон, или в старом произношении – Нифон), ныне Токио.

¹⁸⁴ Кубо-сама-но тэнка – «владыка Поднебесной», сёгун.

¹⁸⁵ Главный остров Японии – Хонсю.

¹⁸⁶ Ширякие – Сиракия, один из четырех японцев, спасенных русскими при кораблекрушении в 1710 г. на юго-западном берегу Камчатки, у устья р. Жупановой. Других звали Санъэмон, Кидзути и Симанаки (у И.П. Козыревского – Сан, Китсь (Кисть) и Шиманай). Санъэмон впоследствии был переводчиком И.П. Козыревского. В 1714 г. он был направлен в Петербург, где его подробно расспрашивали о Японии с целью установления торговых связей. Выражение «С подписями их грамот» – указание географических названий на японском языке.

¹⁸⁷ Обозначено по этому чертежу.

¹⁸⁸ О фамилии князей (даймё) и японского императора.

¹⁸⁹ Имеется в виду обычай падать ниц при появлении императора.

¹⁹⁰ Провинция Аки-но куни (префектура Хиросима).

¹⁹¹ Срубили мачту, после того как штормом отнесло судно в море.

¹⁹² Провинция Кии – Кии-но-куни (префектура Вакаяма в центральной части о. Хонсю).

- ¹⁹³ Осацкий князь (даймё).
- ¹⁹⁴ В копии ошибка – 1730 г.
- ¹⁹⁵ Поселение Тавано на о. Уруп (Курильские острова), где была разбита штормом и потеряла управление японская буса (дубовая долбленая лодка).
- ¹⁹⁶ Провинция Исэ (префектура Миэ).
- ¹⁹⁷ Имеется в виду верховный жрец храма богини Солнца Аматэрасу, которая в соответствии с японской мифологией считалась основательницей правящей династии.
- ¹⁹⁸ Кубо-сама – сёгун.
- ¹⁹⁹ Кубо-сама-но тэнка – сёгун, резиденция которого находилась в Киото, неподалеку от г. Осака (здесь – Узака, узакинский, или узинский – осакский).
- ²⁰⁰ В Осака.
- ²⁰¹ Подвластные.
- ²⁰² В достаточной степени.
- ²⁰³ Не привык.
- ²⁰⁴ Каннон-сама – буддийская богиня милосердия.
- ²⁰⁵ Японцы.
- ²⁰⁶ Не привыкли, не выучились.
- ²⁰⁷ На приложенном к оригиналу «Описания» «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам». Это подтверждает изложенное мнение о том, что весь документ состоял из трех отдельных частей.
- ²⁰⁸ Город Сэндай в провинции Рикудзэн (префектура Миягэ), в северо-восточной части о. Хонсю.
- ²⁰⁹ Оружие.
- ²¹⁰ Обычно.
- ²¹¹ Намбу – ныне г. Мориока в провинции Рикютю (префектура Иватэ), в северо-восточной части о. Хонсю.
- ²¹² По-японски – судно, лодка.
- ²¹³ Город Хиросаки в провинции Муцу (префектура Аомори) на севере о. Хонсю.
- ²¹⁴ С Азиатского материка.
- ²¹⁵ Тунгусское наименование нижнего Амура и впадающей в него р. Сунгари.
- ²¹⁶ О. Окудзири.
- ²¹⁷ Главный город о. Мацумаэ, или Эдзо (ныне о. Хоккайдо).
- ²¹⁸ Мысы.

- ²¹⁹ Трудность, невзгода.
- ²²⁰ Эдзо, или айны – коренные жители о-вов Хоккайдо, Сахалина и Курил.
- ²²¹ То есть японцами, которые обитали на юге о. Хоккайдо.
- ²²² Очевидно, ошибка, так как на «Чертеже» И.П. Козыревского (копия 1726 г.) написано: «...мы де, нифонцы, в сиверскую сторону на иные острова не ходим» (РГАДА. Ф. 199. Д. 9. Л. 9).
- ²²³ См. примеч. к сноске 208.
- ²²⁴ См. примеч. к сноске 221.
- ²²⁵ Подписи на упомянутом выше «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам» 1726 г.
- ²²⁶ То есть проливом между о-вами Хоккайдо и Хонсю.
- ²²⁷ См.: РТЭ. С. 453–456.
- ²²⁸ Muller G.-F. Op. cit. S. 82.
- ²²⁹ Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С. 137–142.
- ²³⁰ Мураяма С. Кита Тисима ойнуго. С. 296–297.
- ²³¹ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в.
- ²³² Там же. С. 29.
- ²³³ РГАВМФ. Ф. 212. (Адмиралтейств-коллегия). Оп. 4. Ед. хр. 10. Л. 91–92.
- ²³⁴ Документ хранится в РГИА, между делами фонда Кабинета Петра I за 1700 и 1718 г., не переданными в РГАДА, где находятся большинство единиц хранения этого фонда.
- ²³⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Ед. хр. 616. Л. 1–1 об.
- ²³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. V. СПб., 1830. С. 607. (Далее – ПСЗРИ).
- ²³⁷ Миллер Г.-Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с Российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Ч. I. С. 322–325.
- ²³⁸ Бэр К.М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России // Зап. Русского геогр. об-ва. Кн. III. СПб., 1849. С. 234.
- ²³⁹ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 24.
- ²⁴⁰ Полевой Б.П. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией» // Страны и народы Востока. Вып. XVII. М., 1975. С. 24, 26, 29–30.
- ²⁴¹ Там же. С. 26.

²⁴² Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Япониею (в XVIII и начале XIX столетий) // Морской сборник. 1869. № 1. С. 41.

²⁴³ Полонский А. Курилы. СПб., 1871. С. 394.

²⁴⁴ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. VIII. С. 1008. Этим островом не мог быть Шимушир (шестнадцатый), как пишут некоторые историки, ошибочно ссылаясь на С.П. Крашенинникова, например Л.С. Берг.

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 9. Д. 66. Ед. хр. 21. Ч. 2.

²⁴⁶ The Colombia Lippincott gazetter of the world / Ed. by Leon E. Seltzer. N.Y., 1962.

²⁴⁷ Такано А. Указ. соч. С. 79–80.

²⁴⁸ Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 142. Л. 21.

²⁴⁹ РТЭ. С. 192.

²⁵⁰ Крашенинников С.П. Указ. соч. С. 491.

²⁵¹ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 33. Эта нумерация островов, в том числе о. Матмай как 16-го, совпадает в целом с нумерацией, представленной И.П. Козыревским (итоги его экспедиций на Курилы в 1711 и 1713 г. в «доношении» В. Берингу 1726 г., в отчете 1713 г.–15-й остров). См.: Там же. С. 23, 33; РТЭ. С. 453.

²⁵² Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 25.

²⁵³ Такано А. Указ. соч. С. 81.

²⁵⁴ Не исключено, что здесь под «Японскими островами» просто имелись в виду «острова, лежащие к Японии», которые «обрели от Камчатки», посланные туда казаки И. Козыревского. См.: Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 299.

²⁵⁵ РТЭ. С. 436.

²⁵⁶ Такано А. Указ. соч. С. 81.

²⁵⁷ Голиков И.И. Деяние Петра Великого. М., 1789. С. 348.

²⁵⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. II. С. 374, 383–384.

²⁵⁹ РТЭ. С. 140.

²⁶⁰ Сборник Русского исторического общества. 1884. Т. 40. С. 422–423.

²⁶¹ См. об этом: Полевой Б.П. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией» // Страны и народы Востока. Вып. XVII. 1975. С. 29–31.

- ²⁶² Санкт-Петербургские ведомости. 1730. 16 марта. С. 28.
- ²⁶³ РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 690. Ч. 240об.–241. Цит. по: Гольденберг Л.А. Карта Шестакова 1724 г. // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980. С. 137, 147.
- ²⁶⁴ Знаменский С. Указ. соч. (карта между с. 78 и 79).
- ²⁶⁵ Там же.
- ²⁶⁶ РТЭ. С. 452.
- ²⁶⁷ Акидзуки Т. Кодзирэвусуки танкэн то Тисима тидзу (Исследования И. Козыревского и карта Курильских островов) // Хоппо бунка кэнкю. 1968. № 3 С. 157.
- ²⁶⁸ Андреев А.И. Экспедиции В. Беринга // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. Вып. 2. 1943. С. 35.
- ²⁶⁹ РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 666. Л. 7; РТЭ. С. 135.
- ²⁷⁰ Сгибнев А. Материалы по истории Камчатки: Экспедиция Шестакова // Морской сборник. 1869. № 2. С. 18.
- ²⁷¹ В тот период на картах, изданных в Западной Европе, под Эдзо (Ессе, Ессо, Иессо) подразумевалась Земля Ж. де Гама как часть Северной Америки, а под Землей Компании – территория к востоку от Курил.
- ²⁷² Ефимов А.В. История великих русских географических открытий. М., 1948. Прил. С. 129; Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. С. 45.
- ²⁷³ См. об этом: Петрова О.П. Указ. соч. С. 167.
- ²⁷⁴ Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Разряд II. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 82–84 об. Цит. по: Куликова А.М. **Начало изучения японского языка в России** // НАА. 1979. № 1. С. 136–137.
- ²⁷⁵ Крашенинников С.П. Указ. соч. С. 492.
- ²⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 1109–1111.
- ²⁷⁷ Куликова А.М. Указ. соч. С. 137.
- ²⁷⁸ Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Разряд II. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 11–12. Цит. по: Куликова А.М. Новый документ... С. 13.
- ²⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 1111.
- ²⁸⁰ Там же. Л. 1113–1117.
- ²⁸¹ Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. III. С. 100–101.
- ²⁸² Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Разряд I. Оп. 4. Ед. хр. 15. Л. 1313.

- ²⁸³ Там же. Ед. хр. 18. Л. 1321.
- ²⁸⁴ Там же. Ед. хр. 12. Л. 1322.
- ²⁸⁵ Материалы для истории Академии наук. Т. IV. С. 271.
- ²⁸⁶ Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Разряд II. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 87.
- ²⁸⁷ Там же. Л. 87.
- ²⁸⁸ Цит. по: Петрова О.П. Японский язык в России в первой половине XVIII в. // НАА. 1965. № 1. С. 177.
- ²⁸⁹ Мураяма С. Указ. соч. С. 282.
- ²⁹⁰ Создаэмону – после крещения Демьян Поморцев, которого П. Иванов принял по созвучию за Дэмбээя (Денбея). См.: Иванов П. Указ. соч. С. 5.
- ²⁹¹ Там же.
- ²⁹² Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 141 об.; Пекарский П.П. История императорской Академии наук. Т. II. СПб, 1872. С. 200.
- ²⁹³ Петрова О.П. «Лексикон»... С. 172–178; Куликова А.М. Начало изучения японского языка в России // НАА. 1979. № 1. С. 144–145.
- ²⁹⁴ Морской сборник. 1868. № 12. С. 55–56.
- ²⁹⁵ Dostoewsky M. RuBlands Vordringen zum Stillen Ozean und Seine erste Burihrung mil Japan.–Japanische–Deutsche zeitschrift.. Neue Folge 2, 1930. Heft 4–6.
- ²⁹⁶ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 111–112.
- ²⁹⁷ Андреев А.И. Экспедиции В. Беринга // Известия Всесоюзного геогр. об-ва. Т. 75. Вып. 2. 1943. С. 12.
- ²⁹⁸ Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или опыт истории российского флота. Ч. II. СПб., 1833. С. 219–226.
- ²⁹⁹ Соколов А.П. Приложение к статье «Северная экспедиция 1733–1743 гг.» // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. IX. 1851. С. 427–436.
- ³⁰⁰ Покровский А.А. Экспедиция Беринга. М., 1941. С. 16.
- ³⁰¹ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 26.
- ³⁰² Соколов А.П. Северная экспедиция 1733–1743 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 9. СПб., 1851. С. 427–436.
- ³⁰³ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 291.

³⁰⁴ Там же. С. 97.

³⁰⁵ РТЭ. С. 163.

³⁰⁶ Там же. С. 128.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Там же. С. 129.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же. С. 164, 296. «Показания» штурман. экспедиции М. Петрова, будто М.П. Шпанберг достиг лишь о. Уруп (между 46° и 47° с.ш.), не подтвердились, а в 1741 г. Адмиралтейств-коллегия признала, что он достиг 45° с.ш. См.: РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ед. хр. 774. Л. 35–42.

³¹³ Покровский А.А. Экспедиция Беринга. С. 177.

³¹⁴ Там же. С. 471.

³¹⁵ Эти координаты приводит Э.Я. Файнберг (Русско-японские отношения... С. 27) со ссылкой на РГА ВМФ (Ф. 212. Адмиралтейств-коллегия. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 46–52). С. Новаковский дает координаты 38°41' с.ш. Указ. соч. С. 30.

³¹⁶ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 172.

³¹⁷ Гэмбун сэсэцу дзацуруку (Записки о взглядах общества в период Гэмбун, 1736–1740 гг.), свиток 20; Кинсэй фудзоку кэмбунсю (Собрание наблюдений о нравах нового времени). Токио, Ч. 2. 1913. С. 496.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Окамото Р. Нитиро косё Хоккайдо сико (Размышление о Хоккайдо в свете японо-русских отношений). Токио, 1898. Ч. I. С. 47.

³²⁰ Координаты приводятся по карте М.П. Шпанберга. См.: Егерман Э. Путь до Японии // Записки по гидрографии. Т. XXXVIII. Вып. 3. 1914. С. 448. По Г.-Ф. Миллеру – 38°25' с.ш. (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758. Ч. II. С. 104), по В. Берингу – около 37° с.ш. (Экспедиция Беринга. 1941. С. 180), по С. Манабэ – 37°15' с.ш. (Указ. соч. С. 44).

³²¹ Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971. С. 124 (ссылка на «Ежедневный журнал на бригантине «Архангел Михаил» под командованием капитана Шпанберга»).

³²² Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 174.

- ³²³ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948. С. 88–89.
- ³²⁴ Цит. по: Окамото Р. Указ. соч. С. 48. Перевод дат на европейские приводится по С.Г. Елисееву. См.: Берг Л.С. Указ. соч. С. 176.
- ³²⁵ Цит. по: Дивин В.А. Указ. соч. С. 124–125.
- ³²⁶ Цит. по: Там же. С. 125.
- ³²⁷ Оцука Г. Хокубтандзи (Исследования в северных краях). Т. 2 (доп.) // Хокумон сосё (Сборник сочинений о северных вратах Японии). Токио, 1944. Тетр. 6. С. 365.
- ³²⁸ Там же. С. 365.
- ³²⁹ Берг Л.С. Указ. соч. С. 176.
- ³³⁰ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 147.
- ³³¹ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 28.
- ³³² Оцука Г. Указ. соч. С. 366.
- ³³³ Манабэ С. Указ. соч. С. 47.
- ³³⁴ Там же. С. 48.
- ³³⁵ Такано А. Указ. соч. С. 87.
- ³³⁶ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 180.
- ³³⁷ Русские открытия в Тихом океане... С. 95.
- ³³⁸ Берг Л.С. Указ. соч. С. 173, 179.
- ³³⁹ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 29.
- ³⁴⁰ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 180–181.
- ³⁴¹ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 110.
- ³⁴² Там же.
- ³⁴³ Соколов А.П. Указ. соч. С. 355.
- ³⁴⁴ Корияма Ё. Бакумацу нитиро канкэйси кэнкю (Исследование русско-японских отношений в конце периода сёгуната). Токио, 1980. С. 35.
- ³⁴⁵ Там же.
- ³⁴⁶ Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии... Т. II. Ч. 2. С. 20.
- ³⁴⁷ Оцука Г. Указ. соч. С. 366.
- ³⁴⁸ Корияма Ё. Указ. соч. С. 33.
- ³⁴⁹ Русские экспедиции... С. 182. На карте А.Д. Красильникова это место обозначено под 35°22' с.ш. См.: РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 99.

- ³⁵⁰ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 182.
- ³⁵¹ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 408. Ч. I. Л. 99–101.
- ³⁵² 1 кэн–1,82 м.
- ³⁵³ Хаяси Ихэн. Цуко итиран (Обзор судоходства) (Токио). 1913. № 7. С. 82–83.
- ³⁵⁴ Манабэ С. Указ. соч. С. 54.
- ³⁵⁵ Токутоми Итиро. Кинсэй Нихон кокуминси (Новая история японского народа). Токио, 1927. Т. 23. С. 142.
- ³⁵⁶ См. об этом: Lensen G.A. The Russian Push toward Japan. Russo–Japanese relations. 1697–1875. Princeton, 1959. P. 55.
- ³⁵⁷ Ibid. P. 53.
- ³⁵⁸ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 191.
- ³⁵⁹ Там же. С. 174.
- ³⁶⁰ Там же. С. 182.
- ³⁶¹ Корияма Ё. Указ. соч. С. 33.
- ³⁶² С.П. Крашенинников (Указ. соч. С. 173) также предполагал, что о. Цитронный – это о. Итуруп, а о. Зеленый – это о. Уруп.
- ³⁶³ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. С. 68.
- ³⁶⁴ Русские экспедиции... С. 176–178, 191.
- ³⁶⁵ Там же. С. 192.
- ³⁶⁶ Там же.
- ³⁶⁷ Крашенинников С.П. Указ. соч. С. 173.
- ³⁶⁸ Берг Л.С. Указ. соч. С. 178.
- ³⁶⁹ Корияма Ё. Указ. соч. С. 33–34.
- ³⁷⁰ Там же. С. 36.
- ³⁷¹ Вариант написания Нуцкам – Нуциам.
- ³⁷² Русские экспедиции... С. 192.
- ³⁷³ Там же. С. 192.
- ³⁷⁴ По мнению Ё. Корияма, Аккэси (по-айнски Аткис) на северо-востоке о. Хоккайдо. См.: Корияма Ё. Указ. соч. С. 34.
- ³⁷⁵ Русские экспедиции... С. 193.
- ³⁷⁶ Полевой Б.П. История русских исследований // Атлас Сахалинской области. М., 1967. С. 5.
- ³⁷⁷ Цит. по: Крашенинников С.П. Указ. соч. С. 174.
- ³⁷⁸ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана в первой половине XVIII в. С. 194–195.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Там же. С. 189.

³⁸¹ В комментарии к сборнику документов «Русские экспедиции...» (М., 1984) «инструкция, сочиненная от Соимонова», (с. 202) ошибочно приводится во множественном числе (с. 297).

³⁸² Покровский А.А. Экспедиция Беринга. С. 160.

³⁸³ В.А. Дивин ошибочно предполагал, что 8 июля 1740 г. М.П. Шпанберг получил указ от 7 марта того же года о назначении его командиром экспедиции. Затем он возвратился не в Охотск, а на Камчатку. См.: Дивин В.А. Указ. соч. С. 130.

³⁸⁴ Та же участь постигла в 1741 г. и его противника – вице-канцлера А. Остермана. Последний после смерти в 1740 г. Анны Иоанновны и возведения на престол ставленницы русского дворянства Елизаветы Петровны, сменившей Ивана VI при регенте Э. Бироне, был сослан в г. Березов за сокрытие завещания Екатерины I.

³⁸⁵ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. С. 73–74.

³⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 54. Л. 97 об. Цит. по: Дивин В.А. Указ. соч. С. 136.

³⁸⁷ РТЭ. С. 508–509.

³⁸⁸ Соколов А.П. Указ. соч. С. 454.

³⁸⁹ Цит. по: Там же. С. 509.

³⁹⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. доп. Ед. хр. 52. Л. 2.

³⁹¹ Цит. по: Дивин В.А. Указ. соч. С. 139.

³⁹² РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 1327. Л. 631.

³⁹³ Бедняк И.Я., Гальперин А.Л., Гришелева Л.Д., Подпалова Г.И., Попов В.А., Топеха П.П. Очерки новой истории Японии (1640–1917). М., 1958. С. 90.

³⁹⁴ Новаковский С.И. Указ. соч. С. 35.

³⁹⁵ См. об этом: Такано А. Указ. соч. С. 88.

³⁹⁶ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 139.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ В русских документах – Игач, после крещения – Матвей Григорьев (в реконструкции С. Мураяма – Рихати).

² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. I. Д. 10. Л. 120–122.

³ В русских документах – Юсанчей, в реконструкции С. Мураяма – Юсонти, в реконструкции О.П. Петровой – Юсондзи.

⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10. Л. 78–82.

⁵ Там же. Л. 20–22, 91–92, 96–100.

⁶ Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М. 1968. С. 95.

⁷ Накамура С. Японцы и русские. М., 1983. С. 62.

⁸ Полонский А. Курилы. СПб., 1871. С. 50.

⁹ Сэйго Мотоки. Хоппо торай (Экспедиции в северные районы). Токио, 1962. С. 200; Накамура С. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ См. об этом: Полонский А. Указ. соч. С. 34–37; Цунэкиги Коно. Анъэй идзон Мацумаэ-хан то росиадзин-то-но канкэй [Отношения русских с кланом Мацумаэ до периода Анъэй (1772–1780)]. Ситаку дзасси. Т. XXVII. 1916. № 6. С. 18–33.

¹¹ Такакура С. Очерк истории Курильских островов. Токио, 1961. С. 36–37.

¹² Миура Б. Байэн дзэнсю (Собрание сочинений Б. Миура). Т. 1. С. 1063. Цит. по: Акидзуки Т. Эдо дзидзай-ни окэру ниходзин-но Росиакан (Взгляд японцев на Россию в эпоху Токугава) // Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1987. С. 2.

¹³ Акидзуки Т. Указ. соч. С. 2.

¹⁴ Манабэ С. Нитиро канкэйси. 1697–1875. Токио, 1978. С. 82.

¹⁵ Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беньовским // Северный архив. 1822. № 5. С. 392.

¹⁶ Из японской хроники «Дайканки» («Записи наместника») видно, что русское судно во главе с М. Беньовским было принято за голландское. Ё. Корияма идентифицировал это место высадки русских с описанием его Рюминым, установив дату 31 июля 1771 г.

¹⁷ Сокращенный немецкий вариант его фамилии «Бенгоров». Он и использовался во время его пребывания в Австро-Венгрии.

¹⁸ Rijksarchief (Hague). Дос. 40/11488.

¹⁹ Кондо. М. Хэньё бункай дзуко (Карты и размышления о важнейших внешних границах). Токио, 1804. С. 141–143.

²⁰ Кондо М. Указ. соч. С. 141–143.

²¹ Накамура С. Указ. соч. С. 59.

²² Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России. Т. 2. Ч. 2. Иокогама, 1909. С. 33.

²³ РГАВМФ. Ф. Головина. Д. 1. Л. 52. Цит. по: Дивин В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М., 1971. С. 189.

²⁴ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 114.

²⁵ РГАДА. Ф. 199. Д. 539. Ч. I. Тетр. 1. Л. 9.

²⁶ Там же. Ч. II. Д. 9. Л. 606.

²⁷ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 118.

²⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Российско-Американские компании. Д. 25. Ч. I. Л. 87–88. (Далее: АВПРИ).

²⁹ Кин Д. Япония открывает Европу, 1720–1830. М., 1972. С. 39–40.

³⁰ Lensen G.L. The Russian Push toward Japan. Russo–Japanese relations. 1697–1875. Princetone, 1959.

³¹ Накамура. С. Указ. соч. С. 70–76; Такакура С. Указ. соч. С. 42–43.

³² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2539. Л. 444.

³³ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989. С. 152.

³⁴ АВПРИ. Ф. Российско-американские компании. Д. 32. Л. 1–3.

³⁵ См. об этом: Полонский А. Указ. соч. С. 87.

³⁶ Там же.

³⁷ РГАДА. Ф. (Госархив) VII. Д. 2539. Л. 146, 210. Подати уплатили 5 человек: Итакаваре, Оранда, Угедерги, Имаксак и Сюбеганде, а 17 человек ясак платить не согласились.

³⁸ Там же.

³⁹ Окамото Р. Нитиро косё Хоккайдо сико (Очерк истории Хоккайдо в связи с японо-русскими отношениями). Токио, 1998. Ч. I. С. 55–56.

⁴⁰ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: Сб. документов. М., 1989. С. 206.

⁴¹ Там же. С. 231–232.

⁴² То есть на о. Уруп, «или где способнее откроется». См.: Там же. С. 237.

⁴³ Там же. С. 236–237.

⁴⁴ Там же. С. 360. Это предложение было заслушано Непременным советом 14 февраля 1788 г.

⁴⁵ Там же. С. 357.

⁴⁶ Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890. С. 849.

⁴⁷ Там же. С. 188–189.

⁴⁸ Там же. С. 426.

⁴⁹ Kaempfer E. History of Japan and Siam. L., 1727; Idem. Geschichte und Beschreibung Japans. B., 1777–1779. Bd. 1–2.

⁵⁰ Во время обучения Э.Г. Лаксмана в университете г. Або его библиотека располагала картой Центральной Японии, составленной Э. Кемпфером. См.: Лагус В. Указ. соч. С. 425.

⁵¹ Письмо Э.Г. Лаксмана Тунбергу от 26 января 1780 г. См.: Камэи Т. Дайкокуя Копаю. Токио, 1964. С. 114.

⁵² Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения 1697–1875 гг. М., 1960. С. 66.

⁵³ Корияма Ё. Бакумацу нитиро канкэйси кэнкю (Исследования русско-японских отношений в конце периода сё гуната). Токио, 1980. С. 111–112.

⁵⁴ Камэи Такаёси: Кацурагава Х. **Хокуса монряку** (Краткие вести о скитаниях в северных водах). М., 1978. С. 76.

⁵⁵ Там же. С. 78.

⁵⁶ Архив князя А.Р. Воронцова. Т. XXIV. М., 1880. С. 189.

⁵⁷ Цит. по: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. ... С. 286–287.

⁵⁸ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. Ч. II. М., 1801. С. 4.

⁵⁹ Иноуз К. Сны о России. М., 1977. С. 176.

⁶⁰ Цит. по: Кацурагава Х. Указ. соч. С. 233–234 (оригинал. Л. 255–256).

⁶¹ Камэи Т. Указ. соч. С. 180.

⁶² Там же. С. 234 (оригинал. Л. 256).

⁶³ См.: Константинов В.М. Письмо Дайкокуя Кодаю из России в Японию // Китай, Япония: История и филология. М., 1961. С. 200–205; Окудайра Т. Гэттингэн дайгаку тосёкан-но нитириси канкэй бунсё (Тексты по истории русско-японских отношений в библиотеке Геттингенского университета) // Сёко. Б.м., Б.г. № 45.

⁶⁴ Цит. по: Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана... С. 285. Подробнее см.: Там же. С. 286.

⁶⁵ Там же. С. 287.

⁶⁶ Там же. С. 238.

⁶⁷ Камэи Т. Указ. соч. С. 40.

⁶⁸ Там же. С. 45–46.

⁶⁹ Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 70. Л. 419–420

⁷⁰ Камэи Т. Указ. соч. С. 194–195.

⁷¹ Там же. С. 190.

⁷² Там же. С. 94–110; Росиа мондзисю (Лексикон российский). Токио, 1967. С. 26–39.

⁷³ См.: ПСЗРИ. Т. XXIII. С. 249–251.

⁷⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... С. 250.

⁷⁵ Камэи Т. Указ. соч. С. 45–47. Медаль Д. Кодая отличалась от выданных Г.И. Шелихову и И.И. Голикову: на оборотной стороне было изображение Петра I.

⁷⁶ Архив РАН. Ф. 21 (Г.-Ф. Миллер). Оп. 5. Д. 60. Л. 100–102. Кодая ошибался, называя его то сыном Кюсукэ (Хокуса монряку. Л. 4), то сыном Санносукэ (Росиа мондзисю. Л. 11). На эти расхождения обратил внимание С. Мураяма. См.: Хёрюмин-но гэнго. Токио, 1965. С. 136, 151–154.

⁷⁷ Полонский А. Курилы. С. 111–117.

⁷⁸ Уточненные имена и фамилии приводятся по С. Мураяма. См.: Мондзисю. С. 82–83.

⁷⁹ Русская Тихоокеанская эпопея: Сб. документов / Сост. В.А. Дивин, К.Е. Черевко, Г.Н. Исаенко. Хабаровск, 1979. С. 515.

⁸⁰ Далее Карл Петер Тунберг писал: «Прекрасный набор медицинских инструментов, которые я привез с собой из Парижа и Амстердама, помог им укрепиться в хорошем мнении обо мне, которое они долго скрывали от меня .. Они часто приносили ко мне либо подарки, либо что-нибудь для моей проверки, небольшие коллекции лекарств, минералов и разных только что срезанных растений с цветками и без них. Растения я завертывал в бумагу, высушивал и укладывал впрок. Эти японцы сообщали мне их названия вместе с различными способами их употребления, а я в ответ говорил им как они называются по-голландски и по-латыни и информировал их о более рациональном использовании принесенных растений европейцами. В распоряжении этих японцев были главным образом из книг по ботанике «История природы» И. Джонсона и «Описание растений» Р. Додонеуса, по физике – словарь Уайта, которые они получили из Голландии. По хирургии у них была книга Л. Хойстера, в переводе на голландский, и я продал им среди других книг очень хорошее издание А. Мун-

тинга «Фитография»» (Thunberg C.P. Travels In Europe, Africa and Asia, performed between 1770–1779. The second edition. 1795. Vol. 3. P. 175). Часть приведенного фрагмента опубликована также в его книге «Флора Японии» (на лат. яз.). См.: Flora Japonica. Lipscai, 1784.

⁸¹ См. об этом: Лагус В. Указ. соч. С. 242.

⁸² Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени. Т. 1. СПб., 1861. С. 100.

⁸³ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 53.

⁸⁴ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 64.

⁸⁵ Преображенский А.А. Первое русское посольство в Японии // Ист. архив 1961. № 4. С. 148.

⁸⁶ Он же. Японцы глазами первого русского посольства // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма / Отв. ред. акад. Д.Н. Лихачев. Новосибирск, 1990. С. 303–304.

⁸⁷ Полевой Б.П. Послесловие // Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствование из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971. С. 122.

⁸⁸ Лагус В. Указ. соч. С. 268–269. Эта «воля» Екатерины II, выраженная в связи с домогательствами Г.И. Шелихова еще в 1788 г., заключалась не столько в необходимости экономии средств в связи с войной с Турцией, как считали некоторые историки, а в недоверии ему и его компаньону И.И. Голикову. «Для того, что Голиков и Шелихов суть добрые люди, представляют им дать исключительный торг, – писала императрица, – а тово позабыли, что кроме их на свете быть могут добрые же люди ... Чтобы Голиков и Шелихов одне торговали новооткрытые места, сие прошение есть сущее монополия и исключительная торговля, противная моим правилам» (Русские открытия в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII–XIX вв.: Сб. материалов / Сост. А.И. Андреев. М.–Л., 1944. С. 284).

Из этой цитаты видно, что оценка Э.Я. Файнберг (Указ. соч. С. 51) свободной конкуренции русских купцов на Тихом океане, в том числе в торговле с Японией, как «гибельного соперничества» и защита ею монополии компании Голикова – Шелихова, основанной в 1781 г., не соответствует официальной точке зрения русского правительства и Э.Г. Лаксмана, поддерживавшего в этом вопросе политику просвещенного абсолютизма.

⁸⁹ Лагус В. Указ. соч. С. 280.

⁹⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 54.

- ⁹¹ Корияма Е. Указ. соч. С. 119.
- ⁹² Лагус В. Указ. соч. С. 439.
- ⁹³ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. С. 159.
- ⁹⁴ Лагус В. Указ. соч. С. 250–251.
- ⁹⁵ Корияма Ё. Указ. соч. С. 228, 312.
- ⁹⁶ Ибара Н. Токугава дзидай цуси (История периода Токугава). Токио, 1928. С. 326.
- ⁹⁷ Kaempfer E. Op. cit. Bd. 1. Цит. по: Известия Восточного института. Владивосток, Т. 31. 1916. С. 40.
- ⁹⁸ Такано А. Нихон то Росиа. Токио, 1971. С. 97.
- ⁹⁹ Корияма Ё. Указ. соч. С. 108.
- ¹⁰⁰ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... С. 238.
- ¹⁰¹ Там же. С. 237.
- ¹⁰² Позднеев Д. Указ. соч. Т. II. Ч. 2. С. 13–14.
- ¹⁰³ Ист. архив. 1961. № 4. С. 124.
- ¹⁰⁴ См. об этом: Корияма Ё. Указ. соч. С. 320.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 131.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 409–410.
- ¹⁰⁸ Корияма Ё. Указ. соч. С. 130.
- ¹⁰⁹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 58.
- ¹¹⁰ Корияма Ё. Указ. соч. С. 133.
- ¹¹¹ Манабэ С. Указ. соч. С. 106.
- ¹¹² Нумада И. Нитиро канкэйси (История японо-русских отношений). Токио, 1944. С. 10.
- ¹¹³ Кин Д. Указ. соч. С. 59.
- ¹¹⁴ Цит. по: Архив князя Воронцова. Кн. 24. С. 411–413.
- ¹¹⁵ Там же. С. 414.
- ¹¹⁶ Ист. архив. 1961. № 4. С. 144.
- ¹¹⁷ Иноуэ К. Указ. соч. С. 223.
- ¹¹⁸ Имайдзуми Г. Рангаку-но из (Школа голландоведов). Токио, 1965. С. 356
- ¹¹⁹ Murdoch J. A History of Japan. Vol. III. L., 1926. P. 525.
- ¹²⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 64.
- ¹²¹ Иноуэ К. Указ. соч. С. 223. Этот диалог впервые опубликован в «Записи о свидании с потерпевшими кораблекрушение» (Эдо, 1794). Цит. по: Камэи Т. Указ. соч. С. 147.

¹²² Росиа мондзисю (Лексикон российский). Токио, 1967. Примеч. С. 107–108.

¹²³ Камэи Т. Указ. соч. С. 143 (со ссылкой на рукопись 1794 г. «Удивительные вести о северных водах»); Иноуэ К. Указ. соч. С. 220.

¹²⁴ Цит. по: Позднеев Д. Указ. соч. Т II. Ч. 3. С. 13.

¹²⁵ Головин В.М. Приключения капитана флота В. Головкина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. СПб., 1816. С. 224.

¹²⁶ Там же. С. 414.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Лагус В. Указ. соч. С. 431, 454.

¹²⁹ Токио Ё. и др. Нихонси (История Японии). Токио, 1967. С. 339.

¹³⁰ Тихменев П. Указ. соч. С. 101.

¹³¹ Северный архив. 1822. № I. С. 254.

¹³² Корияма Ё. Указ. соч. С. 124.

¹³³ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана... С. 317.

¹³⁴ Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 70.

¹³⁵ Lensen G.A. Op. cit. P. 182.

¹³⁶ Кин Д. Указ. соч. С. 59.

¹³⁷ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–7. П. I. Т. 2. Л. 6–7.

¹³⁸ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 64 (со ссылкой на указ, записку Н.П. Румянцева и книгу И.Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах...» Ч. I. СПб., 1809. С. 4).

¹³⁹ Русские экспедиции в северной части Тихого океана... С. 317.

¹⁴⁰ Там же. С. 318.

¹⁴¹ Там же. С. 317–318.

¹⁴² Там же. С. 318.

¹⁴³ Там же. С. 319–320.

¹⁴⁴ Цит. по: Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Эрик Густавович Лаксман. Л., 1971. С. 164–165.

¹⁴⁵ Там же. С. 166–167.

¹⁴⁶ Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 329–332.

¹⁴⁷ Полонский А. Указ. соч. С. 539.

¹⁴⁸ Лагус В. Указ. соч. С. 276. Именно они упоминают о ней лишь вскользь. См.: Там же. С. 437.

- ¹⁴⁹ Там же. С. 276.
- ¹⁵⁰ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана... С. 336–337.
- ¹⁵¹ Цит. по: Кин Д. Указ. соч. С. 61–117.
- ¹⁵² Цит. по: Хондзё Э. Хонда Тосиакисю (Собрание сочинений Тосиаки Хонда) Токио, 1935. С. 38.
- ¹⁵³ Камэи Т. Указ. соч. С. 324–328.
- ¹⁵⁴ Лагус В. Указ. соч. С. 267, 433.
- ¹⁵⁵ Головнин В.М. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁵⁶ Кин Д. Указ. соч. С. 61–62.
- ¹⁵⁷ Русские экспедиции по изучению северо-западной части Тихого океана ... С. 316; Тихменев П.И. Указ. соч. Ч. I. С. 44, 47, 101.
- ¹⁵⁸ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 166.
- ¹⁵⁹ Накамура С. Указ. соч. С. 122.
- ¹⁶⁰ Корияма Ё. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁶¹ Там же. С. 231.
- ¹⁶² Акидзуки Т. Эдо дзидай-ни окэру Росиакан (Взгляды японцев на Россию в эпоху Эдо) // Нихон то Россия (Япония и Россия). Токио, 1987. С. 7–10.
- ¹⁶³ Письма императрицы Екатерины II к Гримму, 1774–1794 (на фр. яз.) // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 23. СПб., 1878. С. 609.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 689.
- ¹⁶⁵ Лагус В. Указ. соч. С. 285.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 293.
- ¹⁶⁷ Historisk och statistisk tidning, Vol. VI. 1795. S. 364.
- ¹⁶⁸ Castera. Vie de Catharine II. P., 1796. P. 364.
- ¹⁶⁹ РГАВМФ. Кабинет е.и.в..по морской части (1794–1796). Оп. I. Д. 131. Л. 211.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 211.
- ¹⁷¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Японией. 1796. Д. 3. Л. 24.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ РГАВМФ. Коллекция «Документы по морской части, переданные из кабинета Екатерины II». Оп. 1. Д. 131. Л. 215–216. Цит. по: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 72.

² Там же. С. 74.

³ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 77.

⁴ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 72–73.

⁵ Корияма Ё. Бакумацу нитиро канкэйси кэнкю (Исследование русско-японских отношений в конце периода сёгуната). Токио, 1980. С. 153.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974. С. 176.

⁸ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–7 (1803 г.). Д. 1. П. 2. Л. 10–13.

⁹ Там же. П. 28. Л. 56–66.

¹⁰ См. об этом: Корияма Ё. Указ. соч. С. 177.

¹¹ Цит. по: Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетия // *Морской сборник*. 1869. № 1. С. 58.

¹² Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 80.

¹³ Государственная публичная библиотека Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1146. Л. 1–2.

¹⁴ Трое из 16 спасшихся членов экипажа судна умерли, как отмечалось выше, к концу 1796 г., двое остались в Иркутске по болезни, один – по той же причине – в Перми, по пути из Сибири (АВПРИ. Ф. Главный архив. II–27 (1803 г.). Д. 3. Л. 21, 32), а еще шестеро изъявили желание остаться в России безотносительно к состоянию своего здоровья (Там же. Л. 52). Все они приняли православие.

В 1803 г. учитель школы японского языка в Иркутске Н.П. Колотыгин, автор книги «О Японии и японской торговле, или новейшее историко-географическое описание японских островов» (СПб., 1817) и консультант известного французского востоковеда М. Клапрота, при переводе им книги С. Хаяси «Обозрение трех стран» (Париж, 1832) направил Н.П. Румянцеву прошение об увеличении пенсии оставшимся в России японцам и ученикам японской школы, а также об удвоении своего жалованья. Александр I утвердил доклад Н.П. Румянцева на этот счет о пенсии японцам (50 руб. в год) и удвоил жалованье Колотыгину. См.: Там же. Л. 41, 44, 54.

¹⁵ От Ост-Индской компании.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. IV. Д. 482. Л. 10–11.

¹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁸ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4 и 1805 годах по повелению императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб., 1809. Ч. I. С. 154.

- ¹⁹ Правда, по мнению Д. Кина, она, тем не менее, процветала.
- ²⁰ Doeff H. *Herringermgen nit Japan*. Haarlem, 1833. S. 90–91.
- ²¹ Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 157.
- ²² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–7. Д. 1. П. 28. Л. 56–66.
- ²³ С ним Н.П. Резанов поддерживал тесные связи еще в Санкт-Петербурге.
- ²⁴ См.: Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 161.
- ²⁵ Там же. С. 154.
- ²⁶ Цит. по: Такано А.Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1970. С. 144–145.
- ²⁷ 1 сажень – 6,39 м.
- ²⁸ С.И. Новаковский (Япония и Россия. Токио, 1918. С. 90) и Л.Н. Кутаков (Указ. соч. С. 79) ошибочно считают, что она была адресована императору Японии, а Э.Я. Файнберг пишет, что она была направлена то русскому императору (Указ. соч. С. 79), то японскому императору, то есть сёгуну (Там же).
- ²⁹ Такано А. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1971. С. 146–149.
- ³⁰ Цит. по: Новаковский С.И. Указ. соч. С. 90–91.
- ³¹ Там же. С. 91.
- ³² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–7. Д. 1. П. 37. Л. 255–259.
- ³³ Оцуки Сигэтака и Симмура Кокё. *Канкай ибун* (Удивительные сведения об окружающих морях): Тетрадь восьмая: Словарь / Публ. В.Н. Горегляда. М., 1961.
- ³⁴ См.: Константинов В.М. Свидетельства японцев о России XVIII в. // Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 76–81; Горегляд В.Н. Удивительные сведения об окружающих морях – японская рукопись начала XIX в. // Страны и народы Востока: Сборник. Вып. 1. М., 1959. С. 213–228.
- ³⁵ Новаковский С.И. Указ. соч. С. 88–89.
- ³⁶ Lensen G. *The Russian Push toward Japan. Russo–Japanese Relations, 1697–1875*. Princeton., 1959. P. 162.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–7. Д. 1. П. 37. Л. 260–262.
- ³⁸ Цит. по: Новаковский С.И. Указ. соч. С. 95–96.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Д. 3. Л. 21.
- ⁴⁰ Там же. 1–7. Д. 1. П. 37. Л. 262.
- ⁴¹ Российский государственный исторический архив. Ф. Главного правления Российско-Американской компании по управлению в России. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2. Л. 158–159. (Далее – РГИА).

- ⁴² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–7. Д. 1. П. 37. Л. 262–263.
- ⁴³ Там же. Л. 264.
- ⁴⁴ Латышев И.А. Труд профессора Корияма // Правда. 1981. 3 февр.
- ⁴⁵ См.: Кюмэй коки фуруку (Приложение к «Записям о блистательной добродетели»). Т. 6. Токио, 1803. С. 763–767; Токио, 1803. Т. 7. С. 842–843, 952.
- ⁴⁶ Дуф Х. Нихон кайсорoku (Воспоминания о Японии). Пер. с гол. Токио, 1941. С. 140; Корияма Ё. Указ. соч. С. 183 (ссылка: Сайта А. Дуфу то Нихон (Дуф и Япония). С. 35–37).
- ⁴⁷ Корияма Ё. Указ. соч. С. 184.
- ⁴⁸ Цит. по: Преображенский А.А. О русско-японских отношениях в начале XX в. // Феодалная Россия в историческом процессе. М., 1972. С. 419.
- ⁴⁹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁰ Цит. по: Сенченко И.А. Их не забудет Россия // Исследователи Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1961. С. 7.
- ⁵¹ Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России. Т. II. Ч. 2. Токио, 1909. С. 148.
- ⁵² Сноу Д. Курильская гряда. Владивосток, 1902. С. 21. В примечании С.И. Новаковский пишет, что речь идет здесь о русских поданных айнах с о. Уруп.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–7. П. 32. Л. 3.
- ⁵⁴ Цит. по: Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией // Морской сборник. 1869. № 1. С. 62.
- ⁵⁵ Предупреждение // Давыдов Г. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810. Ч. I. С. XXV.
- ⁵⁶ Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. I. СПб., 1869. С. 157.
- ⁵⁷ Корияма Ё. Указ. соч. С. 203.
- ⁵⁸ Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 192.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Позднеев Д. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 159.
- ⁶¹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 98.
- ⁶² Фёдорова С.Г. Флаг Российско-Американской компании // От Аляски до Огненной земли. М., 1967. С. 121–129.
- ⁶³ Корияма Ё. Указ. соч. С. 208.

⁶⁴ Там же. С. 204; Новаковский С. Указ. соч. С. 116.

⁶⁵ Там же. С. 117.

⁶⁶ Позднеев Д. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 162.

⁶⁷ Синкава Кодзо. Хоккайдо-э-но сётэй (Приглашение на Хоккайдо). Токио, 1965. С. 117; Stephan J. Sakhalin: A History. Oxford, 1971. P. 46.

⁶⁸ См.: Корияма Ё. Указ. соч. С. 241; Головнин В.М. Записки флота капитана Головкина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 115; Берх В.Н. Сношения русских с Японией, или образцы японской дипломатики // Северный архив. СПб., 1826. № 14/15. С. 212 и др.

⁶⁹ Головнин В.М. Указ. соч. С. 116.

⁷⁰ Манабэ С. Нитиро канкэйси (История японо-русских отношений). 1697–1875. Токио, 1978. С. 146.

⁷¹ Позднеев Д. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 161–163.

⁷² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–13. Д. 14. Л. 72–73.

⁷³ Позднеев Д. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 162.

⁷⁴ Aston W.G. Russian Descents Into Sakhalin and Itourup // Transactions of the Asiatic Society of Japan. First Series, I. Tokyo, 1882. P. 78–86.

⁷⁵ Их отрезанные головы японцы засолили и отправили в Хакодатэ с оружием и одеждой убитых.

⁷⁶ Накамура С. Японцы и русские. М., 1983. С. 141.

⁷⁷ После смерти В. Звездочетова русские колонисты с о. Уруп весной 1805 г. переехали на северные Курилы и через два года вернулись на Камчатку См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 101; АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–13. Д. 14. Л. 100.

⁷⁸ См. Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 93.

⁷⁹ Корияма Ё. Указ. соч. С. 196.

⁸⁰ Цит. по: Берх В.Н. Указ. соч. С. 220–221. В Японии этот текст впервые был опубликован Ё. Корияма (Указ. соч. С. 243) в 1980 г. В момент его вручения японцы не могли ознакомиться с ним в оригинале из-за отсутствия переводчиков и вынуждены были довольствоваться приложенным к нему пересказом на простонародный японский язык, который в обратном переводе автора с японского, публикуемом впервые, звучит так: «Близкое соседство побудило нас повелеть переплыть море своим подчиненным, которых мы посылаем с пожеланием торговать, и если торговля будет как следует

налажена на основе благоприятствования и договоренности о взаимности, то это мы сочли бы для себя счастьем. Но, хотя мы посылали неоднократно своих посланцев в Нагасаки, их отсылали прочь без ответа. Поэтому мы предприняли необычные меры. В этих обстоятельствах император еще больше разгневался, и в ответ на отказ торговать мы предприняли другие меры, какие предприняли люди в красных кафтанах (то есть русские. – К.Ч.) на Сахалине. Исходя из этого, так как наши просьбы не были удовлетворены, мы поступили, как и прежде. И если к нам и на этот раз не прислушаются, то эта земля может быть отнята. Желательно, чтобы по возможности ответ был дан через людей в красных кафтанах на Уруппе или Сахалине. В противном случае они вас прогонят. Если вы удовлетворите наше предложение, то мы будем с вами в дружбе до окончания века. Если этого не произойдет, то сюда, возможно, вновь и вновь будет направлено много судов и мы будем поступать так же, как и в этом случае».

⁸¹ См.: Корияма Ё. Указ. соч. С. 244.

⁸² Чехов А.П. Полн. собр. соч. М, 1987. Т. XIV. С. 168.

⁸³ Цит по: Новаковский С.И. Указ. соч. С. 124.

⁸⁴ Корияма Ё. Указ. соч. С. 247.

⁸⁵ Цуко итиран (Обзор плаваний). Б.м., Б.г. Т. 7. С. 225–228.

Приводится по: Корияма Ё. Указ. соч. С. 211.

⁸⁶ См.: Хабуто С. Кюэмэй коки ико (Предварительные материалы к «Записям о блистательной добродетели»). Эдо, 1803. Т. 8. С. 1331–1335.

⁸⁷ Там же. С. 1331–1338.

⁸⁸ Цит по: Позднеев Д. Указ. соч. Т. 2. Ч. 3. С. 260.

⁸⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание первое Т. 40 Общие положения, указ 23 207а. С. 55. (Далее: ПСЗРИ).

⁹⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 102.

⁹¹ РГАВМФ Ф– Департамента морского министра. Оп. 1. Д. 4671. Л. 171–174.

⁹² Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 102–103.

⁹³ РГАВМФ. Ф. Департамента морского министра. Оп. 1. Д. 4467. Л. 46.

⁹⁴ См. об этом: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 113.

⁹⁵ Головнин В.М. Указ. соч. С. 50, 119.

⁹⁶ Там же. С. 115–117.

⁹⁷ Там же. С. 120.

⁹⁸ Там же. С. 206.

⁹⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. Департамента законов. Д. 32. Л. 3. (Далее – РГИА).

¹⁰⁰ Манабэ С. Указ. соч. С. 159.

¹⁰¹ Корияма Ё. Указ. соч. С. 250.

¹⁰² См. об этом: Сгибнев А. Указ. соч. С. 70.

¹⁰³ Цит. по: Полонский А. Курилы. СПб., 1871. С. 202; Корияма Ё. Указ. соч. С. 252.

¹⁰⁴ Морской сборник, 1869. № 7. С. 93.

¹⁰⁵ РГАВМФ. Ф. Департамента морского министра. Оп. 1. Д. 2498. Л. 165–167; Корияма Ё. Указ. соч. С. 250–251; Ракорд П.И. Записки флота капитана Ракорда // Головнин В.М. Указ. соч. С. 436–447.

¹⁰⁶ Там же. С. 130.

¹⁰⁷ Такакура С. Очерк истории Курильских островов. Токио, 1961. С. 68; Син-хоккайдоси (Новая история Хоккайдо), II. Саппоро, 1970. С. 526–527.

¹⁰⁸ Сгибнев А. Указ. соч. С. 71; Такакура С. Указ. соч. С. 68.

¹⁰⁹ Токутоми Иптиро. Кинсэй Нихон кокуминси (Новая история японского народа). Токио. 1936. Т. 44. С. 265.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. Главный архив. 11–21. Д. 2. Л. 5–9.

¹¹¹ Stephan J. Op. cit. P. 48.

¹¹² Мнение, что это сделал участник его экспедиции Дэндзюро Мацуда, поскольку он раньше него прошел по западному берегу Сахалина в районе Мануи – самой узкой части Татарского пролива, отделяющего Сахалин от материка, недостаточно обосновано, так как первый из них пришел к заключению, что севернее Сахалин не соединяется с континентом, опираясь на сообщения местных жителей, а Мамия проверил их, дойдя лично до северной оконечности острова.

¹¹³ Позднеев Д. Указ. соч. Т. 3. С. 261.

¹¹⁴ Кин Д. Япония открывает Европу. 1720–1830. М., 1972. С. 155. Цинский Китай до середины XIX в., в частности на основании маньчжурской экспедиции, посланной в 1710 г. императором Китая Сюанье (Канси) в низовья Амура и на Сахалин, в результате которой этот остров был обследован и помещен на карту Китайской империи (в китайских хрониках «Синьтаншу», свиток 219, и «Тунцзянь», свиток 200, сообщается, что еще в 640 г. вождь сахалинского племени Люгуй прислал в дань китайскому императору Тайцзуну

соборей), номинально считал его своим владением, хотя к началу XIX в. ежегодная подать отсюда, при отсутствии с 1790 г. цинских чиновников, превратилась в доходную форму меновой торговли. См.: The Times Literary Supplement. 1972. June 30. P. 744.

¹¹⁵ Цит. по: Сгибнев А. Указ. соч. С. 59. В издании указ.соч. Крузенштерна 1976 г. (Хабаровск) Эта цитата опущена (см. много-точие на с. 242).

¹¹⁶ Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 238.

¹¹⁷ Головнин В.М. Указ. соч. (1851 г.). С. 119–120.

¹¹⁸ Siebold Ph.–F. Met oorkonden gefstaaft verhoog van de podin-
gen door Nederland en Rusland gedaan tot openstelling van Japan
voor de Scheepvaartenden zeehandel van alle natian. Zaltommel, 1854.
P. 316.

¹¹⁹ Siebold Ph.–F. Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan: 20
vol. Leiden, 1832–1852.

¹²⁰ Leupe P.A. Reize van Maarten G. Vriezen 1643 naar het
Noorden en Oosten van Japan... Amsterdam, 1858. Цит. по: Graat T. de.
Dutch encounters with Sakhalin and the Ainu. Groningen, 1991. P. 7.

¹²¹ Тихменев П. Историческое обозрение образования Россий-
ско-Американской компании и действий ее до настоящего времени.
СПб., 1861. Ч. I. Прил. С. 27, 41. Правда, через несколько лет прави-
тельством России эти привилегии фактически были сведены на нет.

¹²² См.: Корияма Ё. Тисима-ни окэру дзюкю сэйки дзэнки-но
коккё мондай (Проблема государственной границы на Курильских
островах в первой половине XIX в.) // Кагосима сигаку. 1955, № 1.
С. 5; Он же. Робэй кайся-но сёкуминти кэйэй то тайнити косё (Коло-
ниальное управление Российско-Американской компании и отноше-
ния с Японией) // Кэнкю кие. 1966. № 2. С. 23, 18, 19.

¹²³ Stephan J. Forword // Around the World on the Kamchatka,
1817–1819 / By V.M. Golovnin. Honolulu, 1979. P. XIII.

¹²⁴ Stephan J. Forword // Around the World on the Kamchatka.
1817–1819. By V.M. Golovnin. Honolulu, 1879. P. XI.

¹²⁵ Цит. по: Позднеев Д. Указ. соч. С. XII.

¹²⁶ Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов.
Кн. вторая. Южно-Сахалинск, 2002. С. 175. Кн. третья. 2006. С. 479.

¹²⁷ См.: Таксами Ч.И., Черевко К.Е. Преображенный край // Проблемы Дальнего Востока. 1965. № 4. С. 173.

¹²⁸ Константинов В.М. Свидетельства японцев о России XVIII
века // Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 76–81; Чечин П. За-

писки японцев о России конца XVIII и начала XIX в. // Сибирский архив (Иркутск). 1913. № 23. С. 123–144.

¹²⁹ Окамото Р. Нитиро косё Хоккайдо сико (История Хоккайдо в свете японо-русских отношений): Токио, 1898. Ч. II. С. 21–26. Э.Я. Файнберг пишет, что старшего матроса звали не Цугизмон, а Цугуэмон и что он вместе с тремя своими спутниками, а не с пятью вернулся в Японию якобы не в 1806 г., а в 1807 г.

¹³⁰ Но Н.П. Резанов не мог знать в 1805 г., что они сообщили об этом на Итурупе позднее, как утверждает Э.Я. Файнберг со ссылкой на АВПРИ (Ф. Главный архив. 1–7. Д. 1. П. 37. Л. 211–212, 256–257, 266).

¹³¹ Позднеев Д. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 157–158. Э.Я. Файнберг со ссылкой на АВПРИ (Ф. Главный архив. 1–13. Д. 14. Л. 84) ошибочно указывает Томимаро Сосаки, Кэндзидзи Фудзия и Фумадзо Симбада, помимо правильного Торидзо Накамура. См. об этом: Японцы в России в период самоизоляции Японии // Япония: Вопросы истории. М., 1959. С. 245.

¹³² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–13. Д. 14. Л. 61.

¹³³ Там же. Л. 73.

¹³⁴ У С. Манабэ – Тёсукэ. Возможно, он ошибочно принял его за японца, попавшего в плен к русским в 1711 г. во время похода И. Козыревского на Курилы.

¹³⁵ Позднеев Д. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 165, 168.

¹³⁶ Накамура С. Указ. соч. С. 141 // Пер. с яп. У Э.Я. Файнберг ошибочно – шестерых (Указ. соч. С. 246).

¹³⁷ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–13. Д. 14. Л. 180.

¹³⁸ Там же. Л. 181–182.

¹³⁹ Головнин В.М. Указ. соч. (1972 г.). С. 386.

¹⁴⁰ Там же. Изд. 1851 г. Ч. 2. С. 83–87.

¹⁴¹ На этом судне были шесть человек из княжества Намбу (северо-восточная часть о. Хонсю) и княжества Сэцу, один – из княжества Аки (западная часть о. Хонсю) и один – из княжества Сацума (южная часть о. Кюсю), двое – из княжества Овари (центральная часть о. Хонсю).

¹⁴² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–27. Д. 1. Л. 1–2; Накамура С. Указ. соч. С. 155–156; Такакура С. Указ. соч. С. 65.

¹⁴³ Накамура С. Указ. соч. С. 156.

¹⁴⁴ Там же. С. 392.

¹⁴⁵ Там же. С. 400.

¹⁴⁶ Там же. С. 400–401.

¹⁴⁷ Такадая чтут и в современной Японии, где возникло движение за возрождение духа Кахээ Такадая, и в России. Этот дух поддерживают его потомки в Японии, в частности Касити Такадая (Хоккайдо), и в России – морской инженер Петр Андреевич Головнин (Санкт-Петербург), завязавшие между собой как общественные, так и личные связи.

¹⁴⁸ См. об этом: АВПРИ. Ф. Главный архив. 11–27. Д. 2. Л. 1–4, 10–13; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 112; Сгибнев А. Указ. соч. С. 71.

¹⁴⁹ Такакура С. Указ. соч. С. 68.

¹⁵⁰ Накамура С. Указ. соч. С. 157.

¹⁵¹ Там же. С. 152. У Э.Я. Файнберг ошибочно – Уэхара. См.: Файнберг Э.Я. Примечания // Головнин В.М. Указ. соч. С. 503. Головнин неточно именуется его Кумаджеро (Указ. соч. С. 146 и др.).

¹⁵² Накамура С. Указ. соч. С. 152. В. Головнин неточно называет его Тёсукэ без фамилии (Головнин В.М. Указ. соч. С. 153 и др.), а С. Новаковский ошибочно считает, что это было другое имя придворного астронома и библиотекаря Кагэяси Сакудзаэмон Такахаси (1785–1829) с неправильными годами жизни – 1783–1828 (Новаковский С. Указ. соч. С. 132).

¹⁵³ Головнин В.М. Указ. соч. С. 157.

¹⁵⁴ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 114.

¹⁵⁵ Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы. М., 1992. С. 22.

¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–1. Д. 151. Л. 4–5.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 83–84.

¹⁵⁸ Там же. Л. 4–5.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 117.

¹⁶¹ Манабэ С. Указ. соч. С. 169.

¹⁶² Новаковский С.И. Указ. соч. С. 150–152.

¹⁶³ Манабэ С. Указ. соч. С. 171–172; РГИА. Ф. Главного управления Российско-Американской компании по управлению в России. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–13.

ГЛАВА ПЯТАЯ

¹ Петров Д.В. Колониальная экспансия США в Японии в середине XIX века. М., 1955. С. 89.

² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Оп. 8. Д. 3. Л. 43–57.

³ Там же. Д. 1. Л. 227–231.

⁴ Lensen G. Russian Japan Expedition of 1852 to 1855. Geine-swille, 1955. P. XXIII.

⁵ Надпись на стеле, посвященной строительству шхуны «Хэда»:

«Памятник воздвигнут Хидэхико Митиока, губернатором префектуры Сидзуока, сановником 2-го класса 4-го разряда, кавалером ордена государственных заслуг 3-й степени.

Здесь был построен русский военный корабль. Неся патрульную службу в ближних водах Японии, русский военный корабль бросил якорь в порту Симода на полуострове Идзу.

В ноябре 1854 г. волны цунами, возникшие в результате сильного землетрясения в районе к востоку от побережья Японии, повредили корпус корабля. Вице-адмирал Е.В. Путятин обратился за содействием в его ремонте и направил пострадавшее судно в бухту Хэда. Однако по пути вследствие нового стихийного бедствия – шторма – корабль едва не перевернулся. Глава администрации района Хэда Мидзу-но Тикуго-но ками направил для спасения судна несколько сот рыбацких лодок из провинций Суруга и Идзу, но не смог добиться поставленной цели, и корабль в конце концов затонул в бухте Суруга. Вице-адмирал Е.В. Путятин и находящийся в родстве с императором Александр Сергеевич (Мусин-Пушкин. – К.Ч.) переехали в храм Хосэндзи в деревне Хэда, который стал их временной резиденцией, туда же переехали более 500 членов экипажа. Кроме того, в соответствии с просьбой Е.В. Путятина правительство «бакуфу» («полевой ставки») направило для строительства новой шхуны несколько сот человек. Они работали под началом крестьян Кикусабуро Оаки и Торакити Уэда. Сановник казначей Киёакира Ивасэ осуществлял тщательный надзор за строительством корабля. В марте 1855 г. оно было закончено. Этот тип судов получил впоследствии название «Кимидзава» (так назывался в то время уезд, где строился корабль). По своей конструкции этот тип судов восходит к упомянутой шхуне.

Вице-адмирал и другие русские моряки были очень рады. Они погрузились на этот корабль и отплыли на родину в северном направлении. Через 3 года русские в знак сердечной благодарности вернули нам это судно, высоко оценив наше искусство строительства кораблей. Вслед за этим правительство «бакуфу» построило в этом районе еще 6 судов типа «Кимидзава», что положило начало

широкому строительству японских судов. Торакити Уэда в середине периода Мэйдзи был взят правительством на государственную службу и назначен старшим мастером судоверфи Ёкосука. Оаки же построил судоверфь в Синагаве, в столичной префектуре Токио. Таким образом, оба кораблестроителя стали заниматься вопросами транспорта. Они принесли большую пользу государству, построив несколько сот судов, которые принимали участие в двух зарубежных кампаниях, перевозя людей и продовольствие. Тогда жители деревни Хэда по взаимному согласию решили запечатлеть их заслуги на камне, для того чтобы оставить о них память, о чем и повествует эта надпись:

Здесь в волости Хэда	Их сердца справедливы.
Теснятся старые сосны.	Они спасли утопающих –
Волны в бухте спокойны.	И доблесть их вечно сияет.
Удобно тут стать на якорь.	Они корабль построили,
Нравы наших крестьян	Овеяв славой себя».
первозданны.	

10 марта 1923 г.

Запись текста и его каллиграфическое исполнение принадлежат кисти Такэкума Сонода, главы уезда Таката префектуры Сидзуока, сановнику 2-го класса 5-го разряда, кавалеру ордена государственных заслуг 6-й степени». См. об этом: Черевко К.Е. Памятник японо-русской дружбы // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 3. С. 222 (пер. автора).

В 1969 г. в дер. Хэда, где проходил заключительный этап русско-японских переговоров, был основан музей Путятинна, в церемонии открытия которого автору настоящей книги довелось принимать участие как сотруднику Посольства СССР в этой стране.

⁶ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). М, 1956. С. 144; РО РГБ. Ф.Д.А. Милютинна. № 7840. «Воспоминания за 1860 год». Кн. IX. Л. 201–209.

⁷ Lensen G. Russian Push towards Japan. Russo–Japanese Relations. 1697–1875. Princeton, 1959. P. 111.

⁸ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Д. 17. Ч. 2. Л. 1–10.

⁹ Там же. Л. 53 об.

¹⁰ Там же. Л. 54; Вада Х. Кайкоку-нитиро кокке косе (Открытие страны: переговоры о японо-русской границе). Токио, 1992. С. 116–117.

¹¹ См.: Акио Фунакоси. История карт северных районов (Хопподзу-но рэкиси). Токио, 1976. С. 264.

¹² АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Оп. 8. 1852. Д. 17. Ч. II. Л. 94–96.

¹³ Там же. Л. 113–114.

¹⁴ Там же. Л. 214 об.–215. См. об этом: Известия. 1991. 4 окт.

¹⁵ Отдельно следует остановиться на оценке д-ром ист. наук И.А. Латышевым и д-ром ист. наук Б.П. Полевым нашей статьи с К. Саркисовым «Путятину было легче провести границу между Россией и Японией. Неизвестные ранее исторические документы о спорных островах Южно-Курильской гряды» (Известия. 1991. 4 окт.), в которой И.А. Латышев без каких-либо доказательств в монографии «Покушение на Курилы» (Южно-Сахалинск, 1992) и в газете «День» за 17–23 мая 1992 г. (как показывает сравнение текстов) причисляет автора настоящей книги за публикацию этой статьи в газете к «японскому лобби» и «агентам японского влияния», ставящим своей целью «дискредитацию поднявшегося национально-патриотического движения» (Латышев И.А. Указ. соч. С. 212).

Преданием гласности дополнительной инструкции Николая I 1853 г. руководителю русского посольства в Японии Е.В. Путятину об установлении границы с Японией на Курильских островах такой, какой она сложилась к середине XIX в., как это признает Латышев, то есть считать по договору с Японией, что самой южной точкой владений России на Курильских островах будет о. Уруп, а те же Курильские острова, которые тянутся к югу от него, рассматривать в конечном счете территорией Японии, поставив главной целью открытие Японии для получения возможности снабжать продовольствием российский Дальний Восток и Русскую Америку, решались две важные задачи.

Во-первых, публикацией утратившего силу документа с акцентом на то, что стороны в урегулировании своего территориального спора должны руководствоваться только действующими договорами и соглашениями на основе согласованного сторонами принципа законности, Токио приглашал сделать такие же шаги навстречу российским дипломатам в поисках путей для скорейшего заключения двустороннего мирного договора.

В статье говорилось: «Что же теперь, признать острова исторически японскими и отдать их им? Вряд ли такой подход можно считать оправданным. Территориальные проблемы, как правило,

решаются не на исторической, а на юридической основе, на основе действующих договоров и соглашений». Но ни И.А. Латышев, ни Б.П. Полевой этого вывода просто не замечают, причем последний бездоказательно утверждает, что цель состояла в том, чтобы «подготовить сограждан к якобы неизбежной уступке Японии южных Курил» (Полевой Б.П. Цепь ошибок. Курильская проблема: история и политика // Дальний Восток. 1992. № 4. С. 22).

Во-вторых, из этой инструкции следует, что Курильские острова, от которых Япония отказалась в 1951 г. по Сан-Францисскому мирному договору, не ограничиваются о. Уруп, а включают вопреки используемому МИДом Японии японскому тексту Симодского трактата, не аутентичному голландскому, русскому и китайскому текстам этого первого русско-японского договора, также и Курильские острова к югу от упомянутого острова.

Как видно из последующих работ и высказываний некоторых видных японских ученых (Х. Вада и С. Мураяма), поставленная цель в значительной мере была достигнута. Стремление к восстановлению правды, проявленное в публикации важного документа, было высоко оценено этими учеными, ставящими научную истину выше своих национальных чувств. См.: Возрождение. 1992. №2/3. С. 34.

¹⁶ Накамура С. Японцы и русские. М. 1983 (пер. с яп.).

¹⁷ Петрова О.П. Адмирал Е.В. Путятин в бухте Хэда // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 368–382; Черевко К.Е. Памятник японо-русской дружбы // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 3. С. 221–222; Он же. Новые материалы по истории русско-японских отношений // Народы Азии и Африки. 1971. С. 148–149.

¹⁸ Такакура С. Очерк истории Курильских островов. Токио, 1961. С. 73–74.

¹⁹ Русская торговля с Японией: Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. Кн. 3. СПб., 1886. Т. I. Приводится по: Попов К.М. Япония. М., 1964. С. 416.

²⁰ Петров Д.В. Указ. соч. С. 107–108; Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 72.

²¹ Вада Х. Указ. соч. С. 164–165.

²² Там же. С. 187.

²³ Алексеев А.И., Морозов Б.И. Освоение русского Дальнего Востока: Конец XIX в.–1917 г. М., 1989. С. 10.

²⁴ Цит. по: Игнатъев А.В. Витте – дипломат. М., 1989. С. 28.

²⁵ Иначе – Карафуту; буквально: Остров «китайских людей».

- ²⁶ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С. 145.
- ²⁷ См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 194.
- ²⁸ Дайнихон кобунсё (Архив Великой Японии): Документы по внешним сношениям в конце периода сёгуната. Т. 3. С. 295–296.
- ²⁹ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 73–74.
- ³⁰ РГИА. Ф. Департамента экономики (1870). Д. 185. Л. 7–9.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Д. 3. Л. 150–154.
- ³² Там же. Ф. Японский стол. Д. 1994. Л. 40.
- ³³ РГАВМФ. Ф. Канцелярия Морского министерства (1863). Д. 3088. Л. 9–12.
- ³⁴ Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 236.
- ³⁵ Такакура С. Указ. соч. С. 79.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ См.: Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С. 144, 150.
- ³⁸ Там же. С. 265.
- ³⁹ Мицуль М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. С. 51–75, 121–125.
- ⁴⁰ Нарочницкий А.Л. Указ, соч. С. 121.
- ⁴¹ Там же. С. 151.
- ⁴² Цит. по: Там же.
- ⁴³ Черевко К.Е. – автор-составитель. Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа/5 сентября 1905 г. // Русско-японская война в документах внешнеполитического ведомства России. Авторы-составители В.В. Глушков, К.Е. Черевко. М., 2006. С. 115, 533.
- ⁴⁴ Там же. С. 520.
- ⁴⁵ Там же. С. 525.
- ⁴⁶ Григорцевич С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957. С. 87–91.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

¹ См. переданное И. Сталину госсекретарем США К. Хэллом накануне Московской конференции предложение Президента США Ф. Рузвельта 5 октября 1943 г. на строго секретном совещании в Белом доме с участием К. Хэлла о том, что было бы справедливым передать СССР за участие в войне с Японией Курильские острова

в качестве компенсации за подавление агрессии // Политика СССР в отношении Японии. Секретные протоколы о северных территориях со ссылкой на File № T-1221 SAC-3&2, Эн-Эйч-Кэй, Токио, 1991. С. 6–7, 151.

² Мацубара М. Статус северных территорий. Т. 16, сводный № 4–6. Токио, 1947. С. 215 (653).

³ Вада Х. Размышления о северных территориях. Токио, 1990. С. 364–365.

⁴ Текст этого подтверждения по свидетельству американского проф. Гариукио был подготовлен представителем Г. Трумэна в Объединенном комитете начальников штабов армии США и отражал намерение их военного руководства использовать правомерное присоединение Курил к СССР для торга о несогласованном с союзниками захвате японских островов Рюкю. См.: Корэга Сорэн-но таайнити гайко да. С. 72–74.

⁵ Нисимура К. История дипломатии Японии; Сан-Францисский мирный договор. Токио, 1971. С. 24; K. Hara. New Lights on the Russo-Japanese Territorial Dispute // Japan Forum. Vol. 8. 1996. № 1. P. 88.

⁶ Государственный архив Австралии. Фонд АСТ. Файл А-1838/2, 515/4.

⁷ Агрессией военные действия Японии на Тихом океане были открыто названы в его речи 6 ноября 1944 г. – до Тегеранской и Карирской конференций глав правительств союзных держав.

⁸ New York Times. 1945. Sept. 5.

⁹ Telegram from Washington to Foreign Office, 1945, September 6. FO 371/46457 FJ428).

¹⁰ International Foreign Office Memorandum, 1946, November 25, FO 371/56870 (FJ 38/821/46).

¹¹ ТАСС. 1947. 7 апр. Серия АД.

¹² New York Times, 1945, September 4.

¹³ К. Деревянко – генерал-лейтенант, представитель СССР в Союзном Совете по Японии при Штабе Верховного главнокомандующего союзных держав и Японии. Мюллер – генерал-лейтенант сухопутных войск США, представитель Штаба Верховного главнокомандующего союзных держав в Японии.

¹⁴ Наши северные территории. Послевоенный период. Саппоро, 1995. С. 293.

¹⁵ Миядзаки С. Государство и личность в международном праве. Токио, 1963. С. 294.

¹⁶ Там же. С. 295–296.

¹⁷ См. также: Официальный сборник действующих соглашений и договоров США (Executive Agreement Series. № 498/US Treaties In Force. Wash., 1963), подтверждающий, что Ялтинское соглашение, оформленное как таковое в качестве отдельного международного акта, скрепленного подписями полномочных представителей соответствующих держав, полностью отвечает требованиям, предъявляемым к международному договору (ст. 2) и поэтому подлежит добросовестному выполнению, причем отказ от обязательств по нему не лишает прав заинтересованную сторону.

¹⁸ Стенографический отчет 2-й подкомиссии бюджетной Комиссии верхней палаты парламента Японии. Ч. 1. Раздел 3. № 1. Токио, 1946. 6 сентября. С. 3.

¹⁹ См.: Уведомление США, Аргентины, Бразилии, Чили и Эквадора в 1960 г. о недопустимости с точки зрения международного права одностороннего изменения границы с Перу вопреки прежнем договору (Протокол 1942 г.).

²⁰ Предложение Великобритании, реализованное в ст. 46 Венской конвенции 1969 г. // Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарии (А.Н.Талалаева). М., 1998. С. 129, 131.

²¹ Козырев А.В. Преображение. М., 1995. С. 297–298; Российская газета. 1992. 31 июля.

²² 22-я сессия парламента Японии. Бюджетная комиссия. Стенографический отчет. 1955. 24 марта. С. 7.

²³ См.: Решение Постоянной палаты международного правосудия Лиги Наций 1933 г. в части, касающейся высказывания министра иностранных дел Норвегии о ее молчаливом согласии с намерением Дании осуществлять свой суверенитет над Восточной Гренландией как основание для признания в 1956 г. ее территорией Дании; оценка в юридической литературе признания премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем линии Мак-Магона как безусловной линии китайско-индийской границы.

²⁴ Тайдзюдо К. Международное право о принадлежности территории. Токио, 1998. С. 195.

²⁵ Тэрасава К. Проблемный характер Договора безопасности. Токио, 1962. С. 249.

²⁶ Этот принцип широко применялся в XIX в. при установлении границ между государствами Латинской Америки после получения ими независимости от Испании.

²⁷ Наши северные территории. Послевоенный период. Саппоро, 1995. С. 293.

²⁸ В том же смысле МИД РФ высказывается в сообщении для печати от 4 сентября 2001 г., опубликованном в связи с 50-летием Сан-Францисского мирного договора с Японией.

²⁹ Акидзуки Тосиюки. История открытий и картографии северных районов Японии (на японск. яз.). Токио, 1999.

³⁰ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. М., 1999.

³¹ Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отд. Эрмитажи, собр. № 376. Л. 20.

³² Японский историк Т. Мацуура в «Хронике Эдзо» (Эдзо нэндайки) пишет, ссылаясь на источники XVII в., что **первым русским**, который в 1649 г. собрал сведения о Курилах, был Юфуру (по-видимому, некий Юрий или Юрьев, как мы указывали выше, быть может, Иван Юрьев Москвитин) (Черевко К.Е. Как в Россию проникали первые сведения о Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4. С. 128).

³³ Титов А.А. Сибирь в XVII веке. М., 1890.

³⁴ Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Сер. 2. Вып. 1. Киев, 1906. С. 23.

³⁵ Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 г. М., 1965. С. 189–193.

³⁶ Огрызко И.И. Открытие Курильских островов // Ученые записки ЛГУ. № 157. Сер. факультета народов Севера. Вып. 2. 1953. С. 202–207.

³⁷ Там же. С. 204.

³⁸ Акидзуки Тосиюки. Экспедиция Козыревского и чертеж Курильских островов (на япон. яз.) // Хоппо бунка кэнкю. Токио, 1968. № 3. С. 157.

³⁹ Сэйго Мотоки. Хоппо торай (Экспедиции в северные районы). Токио, 1962. С. 199.

⁴⁰ Такано Акира. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1971. С. 61.

⁴¹ Там же. С. 60.

⁴² Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке в XVII–XVIII вв. М., 1964. С. 14.

⁴³ Фунакоси Акио. Хопподзуно рэкиси (История картографии северных районов). Токио, 1976. С. 250.

⁴⁴ Русская тихоокеанская эпопея / Сост. В.А. Дивин, К.Е. Черевко, Г.Н. Исаенко. Хабаровск, 1979. С. 442.

⁴⁵ Нихон рэкиси дайджитэн (Японская историческая энциклопедия). Отдельный том «Нихон рэкиси тидзу» (Исторические карты Японии). Карта № 47. Токио, 1960.

⁴⁶ Фудзимото Хидэо. Айну-но хака (Захоронения айнов). Токио, 1964. С. 100–112.

⁴⁷ Акидзуки Тосиюки. История открытий и картографии северных районов Японии (на япон. яз.). Токио, 1999. С. 39S.

⁴⁸ Ведомости Верховного Совета СССР № 5(414), 16 февраля 1946 г. С.4.

⁴⁹ Understanding Japan. Notes on Map and Fig. concerning Japan In the Geography Textbooks of Other countries. № 23. Fig. 170 ets, Tokyo, 1969. С. 86.

⁵⁰ Лоция Южного Сахалина и островов Тисима (на япон. яз.). Токио, 1937. С. 31.

⁵¹ См., например, Тюгаку сякайка тидзутё (Географический атлас по обществоведению для средней школы). Токио, 1051. С. 33; Тюто сякайка синтидзутё (Новый географический атлас для средней школы). Токио, 1952. С. 19; Синсякайка тидзу (Новые карты по обществоведению). Токио, 1951. С. 31; Сякайка тидзу (Карты по обществоведению). Токио, 1952. С. 22, 26.

⁵² Такано Юити. Нихон-но рёдо (территория Японии). Токио, 1962. С. 175.

⁵³ Карта «Корея и сопредельные территории. Министерство строительства и транспорта Республики Корея. США, 1998 (Русские Курилы. Сб. документов. М., 2002. С. 162).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

¹ Вариант китайской транскрипции сочетания иероглифов, читаемого по-японски эдзо, – прежнего названия о. Хоккайдо и его коренного населения айнов.

² Здесь и ниже приводится по фрагментам из оригиналов, данных Сэй Вада в статье «The North East Asian Tribes In the Tang Period» // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1958. No. 17. P. 1–25.

³ Нисидзуру Тадаёси. Карафуту-но рэкиси (История Сахалина). Токио, 1977. С. 12–13 и далее.

⁴ Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959. С. 19.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Его же. Забытые сведения спутников В.Д. Пояркова о Сахалине (1644–1645) // Известия ВГО. Т. 90. Вып. 6. 1958. С. 547–551.

⁷ Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. 1. Ч. 1. Токио, 1909. С. 216.

⁸ Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVIII веке. Сост. М.И. Белов. М.–Л., 1952. С. 63.

⁹ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 32.

¹⁰ Ли Хунчжун, Цзинь Гуняо, Чэнь Циши. От Нерчинского договора до визита Ельцина в Китай (на кит. яз.). Фучжоу, 1994.

¹¹ Границы Китая: история формирования // Под общ. ред. В.С.Мясникова и К.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 14, 17, 21.

¹² Также ошибочная точка зрения о границе по Становому хребту высказывалась по Нерчинскому договору 1689 г.

¹³ Границы Китая: история формирования. С. 28.

¹⁴ По тому же хребту ошибочно проводят границу В.Г. Шведов (докторск. дисс. «Теоретические основы исторической политической географии». Иркутск, 2004. С. 209), канд. ист. наук И.М. Попов («Россия и Китай: 300 лет на грани войны». М., 2004. С. 123) и канд. ист. наук проф. В.Н. Елизарьев («Подлинная история Курильских островов и Сахалина. XVII–XX вв.. М., 2007. С. 105).

¹⁵ Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 310.

¹⁶ См., напр.: «Бацзя луньту» (Московская китайская газета), 2001, 31 августа.

¹⁷ Цит. по: Границы Китая: история формирования. С. 14, 17.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Здесь и далее даты приводятся по григорианскому календарю.

²⁰ Ёсида К. Карта Гиринского Девятиречья и Нерчинский договор // Тоё гакухо. XII 1–2. С. 31; 6, 62–97; 7, прил.

²¹ Bagrow L.A. Few Remarks on Maps of the Amur, the Tartar Strait and Sakhalin // Imago Mundi. XII. Leiden, 1955. С. 128.

²² Русско-китайские отношения 1686–1691. XVII в., II. М., 1972. С. 543–544.

²³ Caen C. Histoire des relations de la Russia avec la Chine sous Pierre le Grand /1689–1730/. Paris, 1912. С. 49–50.

²⁴ Русско-китайские отношения 1686–1691. XVII в. II. М., 1972. С. 279–281; 11, 203–205.

²⁵ Оригиналы латинского и маньчжурского текста договора хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВ-ПРИ).

²⁶ Русско-китайские отношения 1686–1691. XVII в. II. М., 1972. С. 593; Ириэ К. Исследование Нерчинского договора // Пограничные конфликты Китая (на япон. яз.). Токио, 1969. С. 25.

²⁷ Сборник договоров России с Китаем (1689–1881). МИД. СПб., 1889. С. 3–4; Liu Hsuan-min. Russo-Chinese Relations up to the Treaty of Nerchinsk // The Chinese Social and Political Science Review, 23, 1940. P. 427–428.

²⁸ Русско-китайские отношения 1686–1691. XVII в. М., 1972. С. 583.

²⁹ Там же. С. 679.

³⁰ Acta Asiatica, № 53. Токуо, 1988. С. 70.

³¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Сибирский приказ. Столбец 557, 1. Л. 21.

³² Биография Лантаня // Первоначальное издание Всеобщего описания восьми знамен. Цзюань 153 (на кит. яз.).

³³ Избранные архивные документы по китайско-русским отношениям в период Цин I. Пекин, 1981 (на кит. яз.). С. 125.

³⁴ Сборник договоров России с Китаем (1689–1881). МИД. СПб., 1889. С. 6; 1728. 1971. P. 283.

В статье В.Н. Баскина «О посольстве в Китай графа Головина» (Чтения в Обществе истории древностей российских. № 4. С. 91) утверждается, что Де Овре обнаружил пограничный знак с надписями на пяти языках на берегу р. Горбицы в 1806 г.

³⁵ Избранные архивные документы по китайско-русским отношениям в период Цин. I. Пекин, 1981 (на кит. яз.). С. 125. Mancall M. China and Russia. Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, 1971. P. 41–47.

³⁶ Du Halde J.B. Description géographique, chronologique, politique de l'Empire de la China et de la Tartane chinoise. Paris, 1735. P. 214.

- ³⁷ Атлас СССР. М., 1983. С. 76–77.
- ³⁸ Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч.1. Отд. 2. СПб., 1860–1878. С. 201.
- ³⁹ Ravenstein E.G. The Russians on the Amur. L., 1861.
- ⁴⁰ Sebes J. The Sino–Soviet Border Dispute // *China News Analysis*, 1162. Hong Kong, August 31, 1979. P. 5–9.
- ⁴¹ Ёсида К. Продвижение России на Восток и Нерчинский договор (на яп. яз.). Токио, 1984.
- ⁴² Fuchs W. Der Russische–chinesische Vortrag von Nertschinsk vom Jare 1689. Monumentum Serica. Vol. IV, 1939/40. Peipin. 1940.
- ⁴³ Fuchs W. Ueber reinige Landkarten mit manchjurichen Beschreibung // *Manchu gakuho*. Heft 2/Dairen, 1933. S. 8–13.
- ⁴⁴ Фунакоси А. Карта Сибири эпохи Канси (на яп. яз.) // *Тохо гакухо*. Токио, 1963. № 33. С. 215.
- ⁴⁵ Там же. С. 202–203.
- ⁴⁶ Чертежная книга, составленная тобольским сыном боярским С.У. Ремизовым в 1701 г. СПб., 1882. Л. № 23.
- ⁴⁷ Фунакоси А. Указ. соч. С. 209.
- ⁴⁸ Yoshida K. Map of Nine Rivers In Chilin of Langtan and Nerchinsk // *The Toyo Gakuho*. Vol. 62. 1980. № 12. Dek. P. 32.
- ⁴⁹ Maps of the Sibirian Route of the Belgian Jesuit A. Tomas (1690). By Antohny Florovsky // *Imago Mundi*. 1951. № 8. P. 4.
- ⁵⁰ Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. // *Сибирский географический сборник*. 3. М.–Л., 1964. С. 253.
- ⁵¹ Ср. обозначение Амура как р. Онон, или Сагалин-ула в 211, 214 документах Нерчинских переговоров 1689 г. РКО, XVII в. Т. П. С. 756 и др.
- ⁵² РКО, XVII в. Т. I. 1700–1725. М., 1978. С. 10.
- ⁵³ Идес И., Брандт А. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М., 1967. С. 285.
- ⁵⁴ Breiffuss L. Early Maps on North–Eastern Asia and of lands around the North Pacific // *Imago Mundi*, III. L., 1939. P. 90.
- ⁵⁵ Сборник договоров России с Китаем (1689–1880). МИД. СПб., 1889. С. 56–57, 68–70; Mancal. *China and Russia. Their Diplomatic Relations to 1728*. Cambridge, mass. 1970. P. 307.
- ⁵⁶ Избранные архивные документы по китайско-русским отношениям в период Цин (на кит. яз.). Т. I. Пекин, 1981. С. 519.
- ⁵⁷ Избранные архивные документы... Т. I. С. 627–629.

⁵⁸ Бантыш-Каменский Н. Собрание дипломатических документов между Российским и Китайским государством. 1713–1723 г. Казань, 1882. С. 225.

⁵⁹ Там же. С. 228–229.

⁶⁰ То есть генерал-губернатору провинции Хэйлуцзян (Амур).

⁶¹ На «Полной карте Мукдена» 1736 г. на этом месте обозначен хребет Внутренний Хинган.

⁶² Фунакоси А. Канси дзидай-но Сибэриа тидзу // Тоё гакухо. Токио, 1963. № 33. С. 214–215.

⁶³ Фунакоси А. Там же. С. 202–203.

⁶⁴ Полевой Б.П. Из истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии // Сибирский географический сборник, 3. М.–Л., 1964. С. 236–238.

⁶⁵ Чертежная книга, составленная тобольским сыном боярским С.У. Ремизовым в 1701 г. СПб., 1882. Рис. 22.

⁶⁶ См.: напр., China General Survey. Beijing, 1979. P. 2, 27, 32.

⁶⁷ Столбец сибирского приказа № 1555 по книге: Оглобин Н.Н. Обзорение «доклада» (с чертежом) о соблюдении мирных договоров с Китаем, 207 г. // Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при МГУ. М., 1902. Кн. 200. С. 115.

⁶⁸ То есть чертил по направлению хребтов.

⁶⁹ Bagrow L. A History of Russian Cartography up to 1800. Ontario, 1975. P. 128–129.

⁷⁰ Чертежная книга тобольского сына боярского С.У. Ремизова, составленная в 1701 г. СПб., 1882. Рис. 18.

⁷¹ Там же. Рис. 22.

⁷² Фель С.Я. Картография России XVIII в. М., 1960. С. 149.

⁷³ Лебедев Д.М. География России в Петровское время. М.–Л., 1950. С. 238–239 и рис. 21 между с. 242 и 243, а также: Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии Наук XVIII века. М.–Л., 1946, приложение П. С. 290 и прилагаемая карта.

⁷⁴ Российская государственная библиотека, картографический отдел, рукописная карта № 253 (КО 22/67). Неоднозначность местоположения пограничных гор вытекает из наименования в легенде этой карты «Становой хребет», в отличие от более северного «Станового хребта» и «водораздельных гор между вершин рек Черной, Амазара и Тугира». Теперь здесь изображается Амазарский хребет. О реке Горбиза в отличие от речки Горбиза см. также: Российско-китайские отношения, XVII в. Т. II. С. 460–462.

⁷⁵ «Ведомость о реке Амур и особливо о стороне ее полуночной такожде о положенных между Российским и Китайским государствами в границу горах по стороне реки Уды и о других реках Российским и Китайским государствами в границу горах по стороне реки Уды и о других реках между Удою и Амуром, которые в окян впали» (РГАДА. Ф. 199 /Портфели Г.-Ф.Миллера). Портфель 507, 1. 3. Л. 1–36. (Оп. 5. № 168. С. 157–204). На немецком языке. А.Ф. Бюшинг опубликовал эту записку в «Magazin fur die neue Historie und Geographie» 1768. Hett. 2. S. 485–518).

⁷⁶ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. IV. 1775. С. 305–321.

⁷⁷ Ёсида К. О статье Г.-Ф. Миллера по вопросу о русско-китайской границе (подстрочное примечание 27) (на яп. яз.) / Киндай тюоку. Токио: 1985. № 17. С. 41–74.

⁷⁸ Граница с Китаем в этом районе с 1689 г. до 1858 г. совпадала с восточной границей Нерчинского уезда. См.: Карта Нерчинского уезда, 1873 г. // Государственный исторический музей // Географический отдел, карта № 4560.

⁷⁹ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 316–321.

⁸⁰ Этот хребет был открыт и частично обследован советским геологом В.К. Лежневым, нанесен на карту отечественными географами в результате аэрофотосъемок 1944–1947 гг. (Берг Л.С. Избранные труды. Т. I. М., 1956. С. 270).

⁸¹ Гончаров С., Ли Даньхуай. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 4. С. 118.

⁸² Русско-китайские отношения. М., 1972. С. 547, 573, 756; см. также: Черевко К.Е.. На границе тучи ходят хмуры (Русско-китайский Нерчинский договор 1689 года) // Геодезист, 2004, № 1. С. 35–38; № 2. С. 35–41; Его же. Киньити Ёсида. О восточном участке китайско-русской границы по Нерчинскому договору // Специализированная информация. АН СССР. ИНИОН. М., 1990. С. 1–20.

⁸³ Сомнение Н.Ф. Демидовой, что при этом истоки р. Амгунь, впадающей в р. Амур, оказались бы в противоречии с Нерчинским договором во владениях России, имело бы достаточное основание, если бы пограничный «первый камень» к северу от Амурса разделял между Россией и Китаем реки, стекающие с него, а не просто идущие (простирающиеся) соответственно на север и на юг, что допускало пересечение рек, например р. Зея цепью пограничных гор. (Вопросы формирования советско-

китайской границы (часть I) // АН СССР. Институт Дальнего Востока. М., 1976. С. 112). По Артемьеву А.Р. (Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Сибирь в XVII–XX вв.: проблемы политической и социальной истории. Новосибирск, 2002. С. 50–52) граница выходит к морю по Тайканскому и Тыльскому хребтам. В действительности – только по Тайканскому хребту между Россией и неразграниченным пространством.

⁸⁴ Номияма Ацуси. Росин гайко-но кэнкю (Изучение дипломатических отношений между Россией и цинским Китаем). Токио, 1977. С. 9.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. СПб., 1860. С. 166.

⁸⁷ Гончаров С., Ли Даньхуай. Указ. соч. С. 118.

⁸⁸ Со Гильсу. Северо-Восточный проект Китая и фальсификация истории Когурё (резюме доклада на международной конференции «Корея на стыке времен»). М., 26 октября 2006 г. С. 2.

⁸⁹ Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 3. С. 20.

⁹⁰ Аргументы недели. 2006. 12 декабря.

⁹¹ Девятов А. Специфика процветания (Заметки о XVII съезде Компартии Китая) // Завтра. 2007. 5 декабря. № 49.; Его же. Союз китайских кланов // Смысл. 2007. № 19. С. 53.

⁹² Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1977. С. 27, 41, 301. Об этом трактате как наиболее важном среди классических книг (канонов) на данную тему подробнее см.: Путята Д.В. Принципы военного искусства в толковании древних китайских полководцев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Т. XXXIX (1889 г.) // Там же. С. 23.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

¹ Ёси Х. Сева гайкоси (Дипломатия периода Сева). Токио, 1975. С. 29.

² Lensen G. The Damned Inheritance. The Soviet Union and Manchurian Crisis. 1924–1935. Tallahassee, 1974. P. 185. Это, по видимому, нашло отражение в стихах Д. Бедного, опублико-

ванных в «Известиях» от 23 сентября 1931 г.: «Всегда готовая к отпору, молчит загадочно Москва», вызвавших возмущение И. Сталина (Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 32).

³ История войны на Тихом океане. Т. I. М., 1958. С. 185.

⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.2. М., 1973. С. 88–89; История Японии. Т.2. М., 1998. С. 339; Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 143–144.

⁵ Химэраэрта Сёваси (Секретная история периода Сева). Токио, 1956. С. 40–50.

⁶ Тогава И. Сева гайко 50-мэн (50 лет дипломатии периода Сева). Токио, 1973. С. 29–30; Ёсии Х. Указ. соч. С. 29.

⁷ Сталин и Каганович. 1931–1936. М., 2001. Док. № 63, 74, 75, 79, 82.

⁸ Хаяси С. Кантогун то Кёкуто Сорэнгун (Квантунская армия и Советская армия на Дальнем Востоке). Токио, 1981. С. 50; Lensen G. Op. cit. P. 186–192, 197.

⁹ Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 118–119.

¹⁰ ГАСИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 32–33; ф. 558. Оп. П. Д. 76. Л. 76–76 об. Цит. по: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 103, 116–117.

¹¹ Японо-китайский конфликт; беседы М.М.Литвинова с послом Японии в СССР К. Хирота и поверенным в делах Японии в СССР Амо о советско-японских отношениях, о японо-китайском конфликте, о перевозках японских войск. Беседы Л.М. Карахана с Хирота и Амо о японо-китайском конфликте // АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 15. П. 149. Д. 3. Л. 1–152; Оккупация Японией Маньчжурии и японо-советский инцидент; записи бесед Л.М. Карахана с К. Хирота; проекты заявлений НКВД СССР в связи с событиями в Маньчжурии // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 110. П. 80. Д. 122. Л. 1–43.

¹² Чжунго диар лиши дананьюань, вайцзяо гуаньси (Второй государственный исторический архив Китая. Внешняя политика). П. 860. Д. II(2). Л. 15–32.

¹³ РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 554. Л. 39. Источник выявлен К. Тэраяма. См. его статью «Маньчжурский инцидент и СССР» // Acta Slavica Japonica. Т. XIV. Sapporo, 1996, P. 180.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38 и 1. Л. 52–53 (Документ выявлен К. Тэраяма).

¹⁵ Хаяси С. Указ. соч. С. 51.

¹⁶ Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР // Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 120–122.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Федоров Н. Героическая борьба маньчжурских партизан. М., 1937. С. 130–133.

¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 14 С. 497–498.

²⁰ Сунь Цзэ. Партизанская борьба в Маньчжурии. М., 1939. С. 12–13.

²¹ Хаяси С. Указ. соч. С. 53.

²² Там же. С. 53.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 160. Л. 5–8.

²⁶ Хаяси С. Указ. соч. С. 71–72.

²⁷ Там же. С. 76.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ История формирования границы Японии с Россией и СССР. Документы и материалы. АН СССР. Институт Дальнего Востока. М., 1988. С. 93–106.

³⁰ Хаяси С. Указ. соч. С. 85.

³¹ Там же. С. 87.

³² Там же. С. 90.

³³ Там же. С. 92.

³⁴ Там же. С. 96.

³⁵ Там же. С. 100.

³⁶ Ефимов Г.Е., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. II. 1917–1945. М., 1973. С. 111; Хаяси С. Указ. соч. С. 102.

³⁷ Горбунов Е. Крах планов «Оцу». Владивосток, 1988. С. 85–86.

³⁸ Хаяси С. Указ. соч. С. 102.

³⁹ Нестеров П. Концепции «спорных районов» уже более века // Газета «Владивосток». 1996. 28 марта.

⁴⁰ Нешумов Ю. Говорить об отторжении российских земель нет оснований // Независимая газета. 1993. 29 сент.

⁴¹ После того как советское руководство отвергло уже подготовленный проект Соглашения о восточной части советско-китайской границы.

⁴² Голутник Ю. Юридическое оформление границы с Китаем встречает сопротивление в России // *Сегодня*. 1996. 18 апр. Как заявил корреспонденту «Сегодня» начальник международно-договорного управления Федеральной погранслужбы РФ генерал-лейтенант Александр Манилов, демаркация восточного участка российско-китайской границы окончательно должна была завершиться в 1997 г. По его словам, в соответствии с достигнутыми договоренностями Китаю отошли 5 островов на реке Амур (Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский, Попова и Савельева), а также сухопутный участок в районе погранзнака «Литера П» – всего 60,035 кв. км. Манилов уверял, что «стратегически мы ничего не теряем, однако, как и в любом договоре, поступательное движение вперед связано с определенными компромиссами». При этом генерал признал, что в некоторых случаях компромиссы неуместны: в частности, это касается вопроса о принадлежности трех островов – Большого Уссурийского и Тарабарова, находящихся на Амуре в непосредственной близости от Хабаровска, и острова Большой на реке Аргунь – их российская сторона действительно считает «стратегически важными территориями». А поскольку китайцы не соглашались с тем, чтобы они отошли России, вопрос по ним остается пока открытым: его обсуждение вынесено за рамки нынешнего соглашения. Несмотря на это, Манилов выразил уверенность, что юридическое оформление российско-китайской границы «ставит и правовую точку в 300-летней истории пограничных споров между Россией и Китаем» и ликвидирует опасность возникновения в будущем территориальных претензий и конфликтов на этом участке российских рубежей // Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ История войны на Тихом океане. Т. II. М., 1957. С. 345–346.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

¹ Пограничные войска СССР (1929–1938). М., 1972. С. 555.

² Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. IV (1935 – июнь 1941). М., 1946. С. 264–265; Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 57.

³ Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 58.

⁴ Документы внешней политики СССР. 1937. Т. XX. М., 1975. С. 47–51.

⁵ Документы внешней политики СССР. 1937. Т. XX. М., 1975. С. 144–145.

⁶ В состав Константиновских островов, которые СССР считал своими, а Япония – частью Маньчжоу-го, входили также о-ва Изюбранный, Виноградный и др., признанные СССР и РФ в соответствии с международным правом по соглашениям с КНР 1991 и 1995 гг., за исключением спорного о. Большой, территорией КНР.

⁷ Хаяси С. Кантогун то кёкуго Сорэнгун (Квантунская армия и Советская армия на Дальнем Востоке). Токио, 1974. С. 110.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 213.

⁹ Там же С. 214. Под «неблагоприятным положением в СССР» подразумевались репрессии в Красной армии. Там же. С. 215. См. также: Георгиев Ю.В. Р. Зорге. М., 2000. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ В 1932–1937 гг. в Маньчжурии численность Квантунской армии была увеличена в 5 раз, количество военных самолетов – в 3 раза, артиллерии – в 4 раза, танков – более чем в 10 раз. Только в 1938 г. численность этой армии за счет продления срока военной службы возросла на 50%. См. Справку Генерального штаба Советской армии. – Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 211.

¹² Георгиев Ю.В. Указ. соч. С. 60.

¹³ Кириченко А.А. На далеком озере Хасан // Московская правда. 1998. 11 авг.

¹⁴ Тогава И. Сева гайкоси. С. 181–182.

¹⁵ Асахи симбун. 1938. 13 июля.

¹⁶ Ёсии Х. Сева гайко 50-нэн. С. 73.

¹⁷ Тогава И. Указ. соч. С. 182.

¹⁸ Правда. 1938. 18 июля; Известия. 1938. 22 июля. Подробнее см.: АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 21. П. 184. Д. 7. Л. 1–237; Д. 185. Л. 1–170.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сафронов В.П. СССР и японская агрессия (1937–1945) // Советская внешняя политика (1917–1945): Поиски новых подходов. М., 1992.

²¹ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950. С. 258.

²² Московская правда. 1998. 11 авг.

²³ Мнение некоторых советских ученых о том, что до Айгуньского договора 1858 г. принадлежность этого края была неопреде-

ленной, противоречит русско-китайскому договору 1689 г., по которому земли к югу от р. Амур до устья признавались владением Китая, так что точка зрения, что Амуром считалась эта река до впадения в нее р. Уссури, – несостоятельна.

²⁴ Cooh A. Anatomy of Small War/The Soviet-Japanese Struggle Chankufeng / Khasan, 1938. Westport London, 1977. P. 5–7.

²⁵ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 259.

²⁶ Там же. С. 259.

²⁷ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989. С. 51.

²⁸ Гэндайси сире (Материалы по современной истории). Т. 3. Токио, 1962. С. 38–39.

²⁹ Ёсии Х. Указ. соч. С. 76.

³⁰ Там же. С. 76–77.

³¹ Известия. 1938. 5 авг.

³² Там же. 8 авг.

³³ Волков Ф.Д. Подвиг Рихарда Зорге. Баку, 1978. С. 93.

³⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 72.

³⁵ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 156; АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 21. П. 184. Д. 7. Л. 1–237.

³⁶ Там же. С. 156.

³⁷ Там же. С. 154, 156; Горбунов Е. 20 августа 1939. М., 1986. С. 146.

³⁸ Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 259.

³⁹ Гэндайси сире. Т. I. Токио, 1962. С. 255–256.

⁴⁰ Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 90–91.

⁴¹ Там же. С. 93.

⁴² Гэндайси сире. Т. 1. С. 379.

⁴³ Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 137.

⁴⁴ Русский архив. Великая Отечественная. 13/1(2). М., 1994. С. 59, 322.

⁴⁵ Русский архив. 13/7(2). С. 98–100.

⁴⁶ Там же. С. 100, 326.

⁴⁷ Сафронов В. П. Указ. соч. С. 251–287.

⁴⁸ Гэндайси сире. Т. 3. Токио, 1964. С. 106–107.

⁴⁹ Фудзивара Х. Номонхан дзикэн (Номонханский инцидент) // Сэкай дайхаккадзитэн (Всемирная энциклопедия). Т. 17. Токио. 1968. С. 668.

- ⁵⁰ Хаяси С. Указ. соч. С. 156.
- ⁵¹ Славинский Б.Н. Халхин-Гол в 1939 г.: как это было // Знакомьтесь – Япония. 1999. № 25. С. 35.
- ⁵² Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Vol 1. Standord, 1985. P. 146.
- ⁵³ Это мнение подтвердил в 1934 г. в беседе с генерал-майором Богдановым ведущий монголовед СССР Николай Поппе. (Указано на основе изучения рассекреченных архивных источников 27 июня 2000 г. зам. руководителя центра «Россия – Китай» Института Дальнего Востока РАН доктором исторических наук С.Г. Лузяниным на встрече в Институте мировой экономики и международных отношений РАН с почетным профессором университета Хитоцубаси (Токио) монголоведом Нацухико Танакой.)
- ⁵⁴ Правда. 1948. 19 и 20 февр.
- ⁵⁵ Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Кн. 1. 1937–1944. М., 2000. С. 444.
- ⁵⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 2 (все).
- ⁵⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. М., 1995. С. 254.
- ⁵⁸ Хаяси С. Кантогун то Кёкуто Сорэнгун (Квантунская армия и Советская армия на Дальнем Востоке). Токио, 1981. С. 165.
- ⁵⁹ Горбунов Е. Указ. соч. С. 199.
- ⁶⁰ Там же. С. 208.
- ⁶¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1207. Л. 112.
- ⁶² Хаяси С. Указ. соч. С. 180.
- ⁶³ Там же. С. 180.
- ⁶⁴ Там же. С. 180.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1207. Л. 112.
- ⁶⁶ Гриф секретности снят. С. 79.
- ⁶⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1207. Л. 112.
- ⁶⁸ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. I. С. 173–175.
- ⁶⁹ Гриф секретности снят. С. 78.
- ⁷⁰ Горбунов Е.А. Указ. соч. С. 216.
- ⁷¹ Соох А. Op. cit. Vol. П. Р. 1101.
- ⁷² Советско-нацистские отношения. 1939–1941. Документы. Париж – Нью-Йорк. 1988. С. 75–76.
- ⁷³ Там же. С. 80–81.
- ⁷⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 7. Л. 1–242.

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 1–125; Ф. 0146. Оп. 2. П. 30. Д. 389. Л. 1–81.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

¹ По данным, основанным на результатах археологических раскопок, Америка была «открыта» палеосибирскими племенами северо-востока Азии (Чукотского полуострова) 10–15 тыс. лет назад, когда они переселились сюда с севера и начали обживать этот регион. Позднее, когда упомянутые племена перешли от охоты, собирательства и рыболовства к возделыванию растений и скотоводству, Азия и Америка отказались изолированными одна от другой вследствие неблагоприятного климата и исчезновения из-за опускания суши в море сухопутного моста между Чукоткой и Аляской, и эти районы были «отрезаны» от центров цивилизации до XVIII в. и даже XIX в.

² Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. М., 1694. № 184. Подробнее см. также: Pierce R.A. A. Doll. Alaskan Treasures. Our search for the Russian Plates // The Alaska. History and Arts of the North-Quarter. Vol. 1. N 1. 1971. P. 2, 7.

³ Там же.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. XXV. № 1930. Спб., 1813. С. 703, 704.

⁵ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVII в. – 1867 г. М., 1971. С. 135.

⁶ Так, исследователь Русской Америки и Дальнего Востока А.И. Алексеев рассказывал автору, что в начале 90-х годов во время посещения Ново-Архангельска (Ситка) он спросил у местной девочки, как ее зовут; она переспросила: «Кличут что ль? – Машей» – и убежала по своим делам.

⁷ При этом в вербальной ноте при обмене грамотами о ее ратификации российский посланник заявил в Вашингтоне, что Алеутские и Курильские острова являются признанными с давних времен прочими державами в исключительном владении России (Русские Курилы. Сб. документов. М., 2002. С. 41).

⁸ Полевой Б.П. Послесловие // Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствование из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971. С. 128.

⁹ Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени. Ч.II. СПб., 1863. С. 212, 213.

¹⁰ Далее на север по меридиану эта линия как граница между Азией и Америкой и одновременно российского сектора Арктики с расположенным на продолжении российского шельфа подводным хребтом Ломоносова, обозначенного как таковой на отечественных картах, тянется через Северный полюс, переходя в границу с Норвегией. Эта граница оспаривается в Канаде и США, так как позволяет РФ претендовать на площадь в 1,2 млн. кв. км с потенциальными запасами в 9–10 млрд. т условного углеводородного топлива (Независимая газета. 2007, 16 мая).

¹¹ АВПРИ. Ф. РАК. Д. 399. П. 16.

¹² Документы № 1 и № 2, врученные 19 мая 1983 г. в Вашингтоне делегацией США советской стороне (**National Archives and Record Service. Record group. Domestic Letters. M. 40 (Washington, p. 62. P. 431–432).**

¹³ Miller D.H. Alaska Treaty. Kingston. 1981. P. 75–77.

¹⁴ На советско-американских консультациях по вопросу о разграничении между СССР и США акватории Тихого океана американские эксперты признали, что на 75% эта линия близка к ортодромии, а на 25% – к локодромии.

¹⁵ Документ № 4, врученный 19 мая 1983 г. в Вашингтоне делегацией США советской стороне.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1867. Д. 167. Л. 49.

¹⁷ Зиланов В.К. А после Аляски еще одна клякса // Российская газета, 1997, 14 января.

¹⁸ Международная жизнь. 1990. № 9. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 151

²⁰ Хотя эта конвенция к 1990 г. еще не вступила в силу, ее положения действовали как норма обычного международного права, что было подтверждено еще в 1982 г. в решении Международного суда ООН, по спору между Ливией и Мальтой. Это делает недействительным признание Советским Союзом / РФ суверенных прав и юрисдикции США к востоку от своей 200-мильной экономической зоны (п. 3, ст. 3 Соглашения 1990 г.), так как оно вступило в противоречие с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., подлежащей ратификации, ибо лишило его своего объекта и цели, а это является недопустимым с точки зрения ст. 18 Венской конвенции о праве

международных договоров 1969 г. в отношении договоров, подлежащих ратификации.

²¹ Отчет Счетной палаты РФ о результатах проверки воздействия Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств, подписанного 1 июня 1990 г., на рыбопромысловую отрасль России. Рукопись. С. 2–7.

²² Зиланов В.К. Указ. соч.

²³ Международная жизнь. 1990. № 9. С. 150.

²⁴ Молодая гвардия. 1991. № 4. С. 191.

²⁵ Правдин И. Треугольник раздора. Зачем Россия отдает Берингово море // Московский комсомолец. 2007, 5 июля.

²⁶ Молодая гвардия. 1991. № 4. С. 192.

²⁷ Константинов В.А. Когда Соединенные Штаты прекратят унижать Россию? (Размышления по поводу одного международного соглашения) // Международное право. 2001. № 1. С. 149.

По некоторым данным, наша страна потеряла не 60, а 47 тыс. кв. км. (Московский комсомолец. 2007, 5 июля).

²⁸ Международная жизнь. 1990. № 9. С. 152–153.

²⁹ Washington Post. 1991. September, 17.

³⁰ Венская конвенция... Комментарий. С. 61.

³¹ Константинов А.Л. Указ. соч. С. 153.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ The Pacific Basin, 1967/ № 4. С. 97–98.

² Текст указанного договора на японском языке см.: Кайтэй дзохо хоппо рёдо мондай сирёсю (Материалы по проблеме ее северных территорий). Изд-е дополненное, пересмотренное Токио, 1968. С. 68, 119.

³ См. также: Уведомление директора департамента по гражданским делам Министерства юстиции Японии № А-438 от 19 апреля 1952 г., его же уведомление № А-2756 от 14 ноября 1961 г. и другие административные акты японских властей; «Кунашир и Итуруп – территория СССР» – из секретного документа армии США // Ёмиури симбун. 1999, 25 января.

⁴ Япония, 1993: Ежегодник. М, 1994. Приложение. С. 204. Эти документы свидетельствуют о характере правового поведения Японии в отношении упомянутых территорий, которое Венская конвен-

ция о праве международных договоров произвольно, без согласия других участников договора (в данном случае Сан-Францисского) запрещает (ст. 46).

⁵ См.: Российская газета. 1998, 17 ноября.; Московские новости. 1998, 15–22 ноября.

⁶ Романов И., Забаев И., Чернов В. Геополитика России: стратегия восточных территорий. Москва, 2008. С. 61–66.

⁷ См.: Молодая гвардия, 1991, № 4. С. 191.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас II – 36.
Абу-аль-Фид *см.* Измаэль
Абулфед.
Абу-Хамид-ад-Гармани – 24,
547.
Августин святой – 33–36, 39,
41, 44.
Аврелий Марк Антоний *см.*
Аврея.
Аврея (Аврелий Марк Анто-
ний) – 31.
Адати Санаи – 293.
Акидзуки Тосиюки – 33, 127,
351, 354.
Аладар фон Бенгоро – 174.
Александр I – 193, 220, 236,
238, 239, 247, 249–253, 255, 262,
264, 265, 271, 272, 276, 285, 286,
289, 508, 583.
Александр II – 315, 319, 515.
Александр III – 313.
Александр Невский – 27.
Алексеев А.И. – 176.
Алексей Михайлович – 30,
352.
Алпатов В.М. – 90.
Аль-Идриси – 24, 25, 27.
Аль-Хоризми – 25.
Аmano Рёсюн (Рёдзюн) – 198.
Аматэрасу – 81, 548, 566.
Анвиль Д. – 160.
Анкудинов Герасим – 61.
Анна Иоанновна – 130, 134.
Антипин Иван – 178, 179,
181.
Анциферов Д. А. – 110.
Аосима Сюдзо – 177.
Араи Хакусэки – 58.
Арайда Дайхати – 179, 180.
Арао Наруюки – 273, 286.
Аргунов Осип – 65, 72, 556.
Арита Х. – 449, 498.
Арменольт Д. – 173, 175.
Асари – 181.
Асида Х. – 337.
Атласов В.В. – 60, 68, 70–75,
81, 82, 84, 93, 100, 102, 353, 369,
557.
Афанасий преосвященный –
30.
Ахмед ибн Фаддан – 24.
Баба Садзуро – 289, 293.

- Баби́ков В.Н. – 196, 199, 201, 224.
 Багров Л.С. – 29, 553.
 Баланева И.И. – 546.
 Баранов А.А. – 201.
 Баскин С. И. – 111, 123.
 Бауд Д.К. – 299.
 Бахай – 390.
 Безбородко А.А. – 183, 188, 193, 200, 222.
 Бейкер Дж. – 524, 526.
 Бейспок (Беньовский М.) – 172.
 Бейтон Ф. – 103.
 Беллин М. – 160, 173.
 Бельский Мартин – 30.
 Бем М. – 176, 178, 179.
 Бенедикт X – 28.
 Беньовский М.А. *см.* Бейспок.
 Берг Л.С. – 54, 64, 72, 73, 89.
 Беринг Витус – 111, 112, 114, 124–127, 129, 130, 132, 136, 138, 145, 146, 155, 156, 158, 159, 354, 502, 503.
 Берке-хан – 27.
 Бертух Ф. – 218.
 Берх В.Н. – 137, 512.
 Бехайм М. – 28.
 Биби́ков В. – 232.
 Биллингс И.И. – 163, 184, 194, 204, 223, 505.
 Бирнс Дж. – 338, 340.
 Бирон Э. – 156, 157.
 Бирюлев Н.А. – 315, 316.
 Блюхер В.К. – 429, 450, 483, 484.
 Богданов А. – 89, 133–135.
 Болотников И.И. – 40.
 Бонсин Сакаки (Бундзи́ро?) – 197.
 Борис Годунов – 37.
 Борятинский И. – 51.
 Боше Ф. – 160.
 Бошня Н.К. – 287.
 Бранденбург Н.Е. – 91.
 Бриана – Келлога пакт – 436.
 Бриль А.И. – 176.
 Бродников – 289.
 Броутон В. – 320.
 Брюс Я.Я. – 69, 88, 94.
 Булгарин Ф. – 218, 219.
 Буссе Н.В. – 17, 287.
 Бутин Яков – 166.
 Бутурлин А. – 171.
 Бухарин И.Н. – 232, 272.
 Буш, полковник – 339, 534.
 Буш А.Я. – 122.
 Быков Иван – 94.
 Бэр К. М. – 122.
 Бюцов Е. К. – 319, 321.
 Бюшинг А. Ф – 185.
 Вада Харуки – 310, 331, 595.
 Вайцзекер Э. 498.
 Вакацуки Р. – 431.
 Валенил – 510.
 Ванкувер Дж. – 230, 329, 507.
 Варденаар Виллием – 258.
 Вардугин И. – 261.
 Васильев Логин – 48.
 Вебер Ф.Х. – 94.

- Вервил Э. – 515, 516.
 Виммер Я. – 218.
 Винбланд А. – 172.
 Винус А. А. – 57, 68, 79, 84,
 86–88, 99, 408, 560.
 Витсен Н. – 49, 54, 57, 68, 86,
 126, 353, 553, 554.
 Владиславович С.Л. – 402.
 Владыкин А. – 165.
 Вовоцу – 62.
 Водарский Я. Е. – 530.
 Вольнский А. П. – 156, 157.
 Воронцов А. Р. – 183, 188, 191,
 193, 196, 214.
 Врангель Ф. П. – 653.
 Вяземский А. А. – 180.
 Гавриил – 32, 45, 88.
 Гаврилов П.Ф. – 295, 296.
 Гагарин М.П. – 92, 93, 97, 98,
 101, 109, 120, 560.
 Гальперин А.Л. – 90.
 Гардеболь Симон – 152, 153.
 Гвоздев М. – 503, 504.
 Генс Я. Я. – 131.
 Георги И. Г. – 194.
 Георгиев Ю. В. – 33, 45, 473.
 Гитлер А. – 448, 496.
 Гихэй – 242, 250.
 Гогендрон ван Дрик – 247.
 Годунов Борис – 37.
 Голиков И. И. – 184, 195, 199,
 201, 206, 232, 233, 236, 533.
 Головин Н. Ф. – 156, 160.
 Головин П. П. – 57.
 Головин Ф. А. – 386, 405,
 408.
 Головкин М. Г. – 131, 132.
 Головнин В. М. – 206, 216,
 227, 265, 269, 273–280, 282, 285,
 286, 289, 290, 293, 294, 358, 510.
 Голыгин И. В. – 67, 68.
 Гольденберг Л. А. – 503.
 Гоман И. Б. – 56, 103, 124,
 126, 127.
 Гондзаэмон (Гондза) – 130–
 135.
 Горбачев М. С. – 323, 346,
 524, 525.
 Горбунов Е. А. – 486.
 Горегляд В. Н. – 250.
 Горелов И. – 233.
 Горчаков А. М. – 318, 516–
 518.
 Гошкевич И. А. – 315.
 Григорьев (Рихати) – 163–
 165.
 Гримм Ф. М. – 230.
 Гуюк-хан – 26.
 Гюбнер И. – 62, 69.
 Да Винчи Леонардо – 28.
 Давыдов Г. И. – 261, 262, 264,
 266, 268–273, 275, 277, 278,
 290.
 Дайро-сама – 81.
 Даллес Дж. – 348, 366.
 Де Белькур Шень – 317.
 Де Лиль Гийом – 55, 78.
 Де Огар Ж. Д. – 231.
 де ПIANO Карпини Иоанн
 –26, 27.
 Де Фриз Мартин – 51, 55, 57,
 73, 86, 284, 356, 555.

- Дежнев С. И. – 50, 60, 369, 502.
- Деревянко К. Н. – 344, 597.
- Дзиса – 76, 77.
- Дзэнносукэ – 294.
- Дзэнроку – 288.
- Дикова Т. М. – 64.
- Дисаев (сын) – 76.
- Дмитриев-Мамонов И. Д. – 101.
- Доихар – 434.
- Долгих Б. О. – 64.
- Дорн Иван – 30.
- Достоевский М. – 136.
- Достоевский Ф. М. – 136.
- Дровосеков З. – 153.
- Дуф Х. – 241, 243, 245–249, 255, 258.
- Дэмбэй (Дэмбэй) – 31, 32, 39, 45, 67, 68, 74–93, 97–103, 119, 136, 531, 562, 570.
- Дюгальд – 392, 403.
- Дягилев 150.
- Евреинов И. М. – 120, 121, 123, 124, 354, 409, 503.
- Екатерина I – 125, 129.
- Екатерина II (Великая) – 135, 166, 171, 176, 180, 183, 184, 186, 192, 193–195, 198, 200, 204, 210, 220–222, 224, 225, 228, 230, 232, 233, 236, 241, 261, 294, 532, 574, 579.
- Елизарьев В. Н. – 53.
- Елчин Я. А. – 120.
- Ельцин Б. Н. – 347.
- Ермак Камчатский – 68, 83.
- Ёмокити – 276, 277, 289.
- Ёсида К. – 62, 95, 385, 393, 396, 397.
- Ёсидзава Ю. – 440.
- Ёсикадзу Н. – 33.
- Ёсимицу К. – 204, 256.
- Женаныкин – 134.
- Жербийон Ф. – 390, 395, 398, 405.
- Жуков Г. К. – 491–493, 496, 497.
- Жуков П. – 411, 412, 418.
- Заруцкий И. – 41.
- Звездочетов В. К. – 228, 268, 586.
- Зибольд Ф. Ф. – 224, 283, 284, 299–301, 318.
- Зиланов В. К. – 519, 521, 523.
- Зорге Р. – 471, 472, 483.
- Зубов С. И. – 180.
- Зыбин Е. – 88.
- Ибн-Хордадбех – 23.
- Ивамацу – 287.
- Иванов Костка. – 46.
- Иванов Кирилл – 61.
- Иванов Курбат – 57.
- Игнатъев А. П. – 318.
- Игнатъев В. – 94.
- Идес И. – 49, 353, 401.
- Идзюёдзофу – 178.
- Идриси – 23–25, 27.
- Извозов С. Д. – 176, 359.
- Измайлов Г. Г. – 507.
- Измайлов Л. В. – 410.
- Измаэль Абулфед (Абу-аль-Фид) – 23.

- Иида – 280.
 Икэда Х. – 292.
 Имаи Г. – 207.
 Ино Т. – 283, 359.
 Инукаи Ц. – 440.
 Иохельсон В. П. – 46.
 Исивара К. – 432.
 Исии К. – 17.
 Исикава Т. – 59, 209, 210.
 Исокити Т. – 187, 195, 210, 218, 219, 225.
 Итагаки С. – 432, 474, 478.
 Итиэмон – 148.
 Кавадзири Х. – 271, 286.
 Каваи Я. – 345.
 Кавамото С. – 432.
 Каганович Л. М. – 437.
 Казимеров – 146–148.
 Кайфу Т. – 346.
 Каккоро – 169.
 Калинин М. И. – 497.
 Калугин – 152.
 Каменский-Длужник А. – 58.
 Камихара К. – 292.
 Камихара Т. – 292.
 Кампредан – 125.
 Камунаппи С. – 180.
 Камхи – 409.
 Камчатый И. – 54, 56, 61, 62.
 Камэи Т. – 191, 195, 226.
 Канашевич Л. – 132.
 Канкрин Е. Ф. – 295.
 Канси – 389–391, 395, 409, 588.
 Канъэмон – 287.
 Карахан Л. М. – 435, 436.
 Карл XII – 87.
 Като К. – 207.
 Кацурагава Х. (Кацуругаво-Фусью) – 69, 196, 198, 214, 215.
 Кацуругаво-Фусью *см.* Кацурагава Х.
 Каюдэра – 164.
 Каюсукэ – 164.
 Кемпфер Э. – 56, 185, 186, 188, 193, 196, 203, 218, 219, 224, 232, 246.
 Кидзаэмон – 291.
 Кин Д. – 212, 220, 246.
 Кириллов И. К. – 129.
 Кириченко А. А. – 473, 475.
 Кисабээ – 144, 145.
 Киселев С. – 232, 294.
 Кисити – 105, 106, 108, 109.
 Китаро – 105, 106.
 Кити-горо – 287.
 Китсь (Кисть) – 565.
 Клименко Б. М. – 522.
 Климентий VIII – 37.
 Кобаяси Г. – 143.
 Кодая Д. – 187–191, 193–195, 210, 215, 218, 219, 225, 230, 292, 293.
 Кодзимото Х. – 278, 280.
 Кодзюро – 267.
 Коеюци – 376.
 Козловский В. И. – 467.
 Козырев А. В. – 347.
 Козырева Р. В. – 13.
 Козыревский И. П. – 60, 62, 103–112, 114, 119, 120, 126, 127, 353, 354, 369, 531.
 Коидэ Я. – 319.

- Коити – 187, 195, 209.
 Колесов В. – 93, 111.
 Колотыгин Н. П. – 188, 233, 292, 294, 583.
 «Колумб российский» *см.*
 Шелихов Г. И.
 Комацубара М. – 487, 497.
 Комура Д. – 325, 326, 372.
 Кондо М. – 175, 228, 229, 273.
 Конрад Н. И. – 16.
 Константин, великий князь – 314, 316, 318.
 Константинов В. М. – 215, 250.
 Кордою – 188.
 Корияма Ё. – 152, 201, 204, 208, 210, 212, 237, 238, 241, 256–258, 263, 264, 268, 270.
 Корольков А. – 317.
 Корф И.-А. – 133.
 Косаку Е. – 70, 176.
 Косьма (Кузьма) – 131.
 Котельников С. К. – 356.
 Коцебу – 286, 506.
 Кошелев С. – 224.
 Коэн К. – 284.
 Краббе Н. К. – 516, 517, 519.
 Красный В. – 134.
 Крашенинников С. П. – 60, 62–65, 72, 124, 136, 153, 155, 353, 355.
 Крестьянинов А. – 94.
 Криницын П. К. – 204, 505.
 Крузенштерн И.Ф. – 218, 237, 239, 245–247, 260, 263, 264, 282–284, 296, 358, 359, 506.
 Крюков М. В. – 17, 18.
 Кудо С. – 180.
 Кудо Х. – 70, 303.
 Кудо Т. – 359.
 Кук Дж. – 202, 506, 507, 538.
 Куликова А. М. – 73, 87, 135, 553.
 Курисаки Д. – 196–198, 214.
 Курисукадоф – 197.
 Курода – 251.
 Кусимото Д. *см.* Фукусмото Д.
 Кусков В. П. – 506.
 Кутаков Л. Н. – 32, 45, 84, 90, 199, 236, 481.
 Кухара – 430.
 Кушелев Г. Г. – 235.
 Кюнер Н. В. – 90.
 Кюэмон – 187.
 Лагус В. – 185, 224, 227.
 Лазарев М. П. – 286, 301.
 Лаксман А. Э. – 187, 196, 198–200, 203, 206, 207, 209, 210, 213, 214, 217–220, 222–224, 226–228, 230, 234, 240, 241, 251, 253, 255, 258, 266, 533.
 Лаксман Э. Г. – 184–197, 199, 200, 201, 214–216, 222–225, 227, 228, 231–233.
 Лангсдорф Г. Ф. – 249.
 Лантань – 385, 390.
 Лаперуз Ж. Ф. – 190, 260, 282, 284, 358, 538.
 Лаптев Д. Я. – 159.
 Латышев И. А. – 256.
 Лебедев-Ласточкин П. С. – 178, 180, 233, 358, 532.

- Лебединой Ф. – 94.
 Левашов М. Д. – 204, 505.
 Ленсен Д. – 96, 151, 220.
 Лессепс Ж.-Б. Бартелеми – 189, 190.
 Лествицын В.И. – 43.
 Лжедмитрий I – 38, 40, 41.
 Лжедмитрий II – 40–42.
 Лиденау Я. – 124.
 Лилаару Т. – 190, 191.
 Линденберг И. – 297.
 Линднер Т. – 218.
 Линней К. – 184–186.
 Лисянский – 286.
 Литвинов М. М. – 436, 437, 440, 474, 478, 480, 491.
 Литке – 286.
 Лихачев И. Ф. – 314–316.
 Ло Чжэньюй – 395, 396.
 Ловцов В. Ф. – 113, 195, 196, 209, 222–224.
 Лужин Ф. Ф. – 120, 121, 123, 124, 354, 409.
 Лукин В. П. – 347.
 Лыков Б. – 30.
 Львов И. – 408.
 Людовик IX – 26.
 Люшков Г. С. – 472, 473.
 Ляпунов – 165.
 Магницкий Л. – 293.
 Макарова Р. В. – 176.
 Макартур Д. – 333, 338, 340, 344, 350, 534.
 Маккартни – 190.
 Максимов Я. – 106, 121.
 Малгин Н. – 51.
 Мамия Р. – 273, 281–284, 359.
 Манабэ С. – 90, 94, 212, 252, 292.
 Мариньолли Д. – 28.
 Марков С. Н. – 32, 33.
 Мартенс Ф. Ф. – 325, 326.
 Мартиний М. – 48.
 Мартынов Ф. – 83.
 Маршалл Дж. – 510.
 Масада Н. – 251, 252.
 Масуда К. – 278, 306.
 Масуда Т. – 671.
 Масуди – 23.
 Матавин (Матабэй) – 77.
 Матадаю Т. – 266.
 Матде П. (Монтанус П.) – 31.
 Махмуд аль-Кашгари – 24.
 Мацубара М. – 329.
 Мацубэ – 106, 121.
 Мацуда Д. – 273, 282, 588.
 Мацудайра О. – 130.
 Мацудайра С. – 143, 208, 210–212, 216, 220, 270.
 Мацудайра Т. – 257.
 Мацуи – 181.
 Мацумаэ М. – 207.
 Мацумура К. – 177.
 Мацунага Т. – 51, 53.
 Мацуура Т. – 8, 51, 62, 63, 359.
 Маша – 613.
 Маэно Р. – 62, 63, 250.
 Медведев Д. А. – 351.
 Мело Н. *см.* Николай Мело.
 Мельников – 164, 165.
 Меркатор Г. – 28, 34, 74, 513, 548, 550.

- Мессершмидт Д. Г. – 56.
 Милеску *см.* Спафарий Н. Г.
 Минами Д. – 430, 431.
 Минато К. – 168.
 Миницкий М. И. – 277–281.
 Миура Б. – 176, 178.
 Миядзаки С. – 344.
 Миякава Ф. – 468.
 Миякэ М. – 290.
 Мияути И. – 150.
 Мнишек М. – 38, 40, 42, 43,
 550.
 Мнишек Ю. – 38, 40, 41.
 Могами Т. – 177, 178, 228,
 283, 284, 359.
 Могоксан – 47.
 Молотов В. М. – 437, 491, 499,
 500.
 Моникэ О. – 290.
 Монтанус П. *см.* Матде П.
 Монтекорвино Д. – 28.
 Мордвинов Н. С. – 237, 239.
 Мори Ё. – 346, 535.
 Морисита К. – 351.
 Мороз И. Т. – 382.
 Москвитин И. Ю. – 49, 52,
 56–58, 66, 381, 599.
 Мофет – 317.
 Мохначевский – 111, 114.
 Мошков Ф. А. – 512.
 Муловский Г. И. – 183, 205,
 206.
 Муравьев Н. Н. – 313, 314,
 317, 414, 538, 539.
 Мураками Ё. – 209, 210.
 Мураками Т. – 292.
 Мураяма С. – 65, 77, 84, 85,
 90, 105–109, 119, 120, 130, 134,
 135, 214.
 Мурога Н. – 531.
 Мухоплев Ф. Е. – 196.
 Мыльников Н. П. – 235, 236.
 Мюллер – 344, 597.
 Мясников В. С. – 662.
 Набэсима – 251.
 Накагава Г. – 277, 288, 289.
 Накагава Д. – 196, 214, 215.
 Накадзима Т. – 430, 497.
 Накамура Ё. – 33, 39, 41–43.
 Накамура С. – 90, 292.
 Накамура Т. – 288.
 Нарочницкий А. Л. – 314.
 Насасэ Э. – 275.
 Наседкин М. – 93.
 Невельский Г. И. – 260, 287,
 297, 303.
 Невский А.Я. *см.* Александр
 Невский.
 Нейман К. – 218.
 Немцов Ф. Г. – 180.
 Непорожный М. – 134.
 Нессельроде К. В. – 296, 299,
 302, 303, 509.
 Нестор – 23.
 Николай I – 295–297, 304, 594.
 Николай IV – 28.
 Николай Августинец – 32,
 34, 35, 40, 41, 44, 45, 66.
 Николай Мело (Мело Н.) –
 32–44.
 Николай Спафарий *см.* Спа-
 фарий Н. Г.

- Ниси Х. – 474.
 Нисикава Д. – 59.
 Нисимура К. – 597.
 Новаковский С. И. – 292.
 Новицкий – 280.
 Номияма А. – 419.
 Оглоблин Н. Н. – 45.
 Огрызко И. И. – 64, 107, 113, 114.
 Огури Т. – 291, 292.
 Одзаки Х. – 483.
 Окада Ё. – 198.
 Окамото Р. – 50, 51, 53, 286, 366.
 Окладников А.П. – 12, 21.
 Окума Р. – 94.
 Олесов В. И. – 206.
 Олкок Р. – 317.
 Омура Д. – 251, 268, 288.
 Оно С. – 19.
 Ооту – 51.
 Ортелий (Ортелиус) Р. – 28.
 Осима Х. – 498.
 Остерман А. – 156.
 Ота Х. – 277, 278.
 Оцуки С. – 250.
 Очередин И. – 178.
 Павел I – 507.
 Павлуцкий Д. А. – 129, 131.
 Павлюций М. – 31.
 Паллас П. С. – 194, 223.
 Пальмквист Э. – 353, 395, 404, 405, 555.
 Панов В. – 164, 165, 171.
 Пасецкий В. М. – 238.
 Пекарский П. П. – 101.
 Перейра Т. – 398, 405.
 Перри Д. – 70, 226, 299, 306.
 Пестель И. Б. – 272, 276, 278, 279, 281, 288, 289.
 Петелин И. – 386, 408, 414.
 Петр I (Петр Великий) – 29, 59, 60, 68–70, 79, 84, 86–90, 92, 94, 96, 99, 101, 104, 109, 110, 120, 122–125, 132, 136, 137, 145, 161, 162, 165, 353, 354, 382, 408, 409, 502, 503, 505, 531.
 Петр Великий *см.* Петр I.
 Петров Д. В. – 299, 308, 310.
 Петров М. – 153.
 Петрова О. П. – 104–107, 135.
 Петушков М. – 179.
 Пигот – 291.
 Пилсудский Б. О. – 17.
 Пиль И. А. – 184, 195, 210, 221, 222.
 Пирлинг П. – 38, 39, 43.
 Плениснер Ф. Х. – 166.
 Плещеев А. П. – 131.
 Подлас К. П. – 484, 485.
 Позднеев Д. М. – 15, 175.
 Покровский А. А. – 137.
 Полевой А. – 232.
 Полевой Б. П. – 46, 52, 65, 102, 103, 107–109, 122, 125, 152, 176, 199, 201.
 Полномошный И. Г. – 196, 199, 201.
 Поло Марко – 27, 31.
 Полонский А. – 107, 123, 167.
 Поляков С. В. – 46–48, 72, 381.

- Поморцев Д. – 131, 133, 134.
 Помощников А. И. – 484, 485.
 Попов А. А. – 316.
 Попов К. М. – 546, 548.
 Попов Ф. А. – 60, 61, 369.
 Посников Г. – 82.
 Потапов Д. – 54.
 Преображенский А. А. – 199, 214.
 Прибылов – 506.
 Птолемей – 25.
 Пуи Г. – 434, 451.
 Путин В. В. – 346, 422, 423.
 Путятин Е. В. – 296–299, 301–306, 308, 310, 314, 359, 592–594.
 Пушкин А. С. – 68.
 Равенштейн Е. – 393.
 Рагузинский С. Л. – 400, 408.
 Рацитин И. В. – 120.
 Рангони – 37.
 Ратманов М. И. – 241.
 Рашид-ад-Дин – 24.
 Ребров И. – 50.
 Резанов Н. П. – 235, 236, 239, 241–245, 247–259, 261–264, 266, 267, 269, 272, 282, 287, 288, 290, 293, 300, 584, 590.
 Рейсбрук В. – 26, 27.
 Рейхберг Г. Е. – 84, 90, 102, 103.
 Ремезов С. У. – 49, 54, 56, 99, 103, 353, 382, 408, 553.
 Решетников – 164.
 Рёдзэмон Р. – 145.
 Рёдзюн *см.* Аmano Рёсюн.
 Риббентроп И. – 498.
 Рикорд П. И. – 276–280, 289–291, 296.
 Римский-Корсаков В. А. – 287.
 Рингольд К. – 299.
 Ринъэмон – 180.
 Риппо О. – 497.
 Рихати – 163–165.
 Роджерс Дж. – 514–519.
 Розенберг Н. Я. – 297.
 Рокудзо – 288.
 Рубрук Г. – 26.
 Рудаков И. – 281.
 Рудановский Н. В. – 287.
 Румовский С. К. – 356.
 Румянцев Н. П. – 220, 239, 240, 271, 272, 289.
 Рыбаков Ю. М. – 516.
 Рюмин И. – 171, 172.
 Рюносукэ О. – 50.
 Савостьянов В. – 109, 110, 531.
 Садакацу Х. – 278.
 Садаю – 232.
 Садзиморо – 164.
 Сазонов С. Д. – 460.
 Салтыков Ф. С. – 68, 96, 382.
 Самойлов А. Н. – 224.
 Санима – 90, 91, 99–101, 103, 105, 107, 108, 136, 562.
 Санносукэ – 164, 165, 578.
 Санъэмон С. – 103–109, 136, 287, 565.
 Сапега Я. – 41.
 Сапожников Т. – 224.

- Сарычев Г. А. – 204, 260, 505.
 Сасаки Т. – 288.
 Сасунока (Сосновской Иван) – 178.
 Саттер Д. А. – 509, 510.
 Сафронов В. П. – 474, 486.
 Сахэйда – 242, 250.
 Сахээ – 288, 289.
 Свиньин – 164.
 Сгибнев А. – 90, 91, 103, 129, 136, 282.
 Себес Дж. – 393.
 Селиверстов Ю. – 51, 52.
 Семейка – 61.
 Сенявин Л. Г. – 297, 303–305.
 Сёдзо – 187.
 Сибата – 181, 266.
 Сибукава С. – 197.
 Сигизмунд III. – 40–42.
 Сигэёси Т. О. – 291.
 Сигэмицу М. – 468, 469, 474, 478, 480.
 Сидотти Ж. – 58, 66.
 Сикано Р. – 252.
 Сикст V – 36.
 Симада Ф. – 288.
 Симадзу Т. – 130, 173.
 Симмура К. – 250.
 Синдзо – 187, 233, 292, 294.
 Сирюкэй – 105.
 Ситиробэй – 168.
 Ситников Ф. С. – 188.
 Скамницкий В. – 132.
 Скобельцин П. Г. – 411.
 Скорняков-Писарев Г. Г. – 137, 159.
 Слободчиков Ф. – 164.
 Смирнов И. И. – 44.
 Сноу Д. – 261.
 Содзаэмон – 130–133, 135, 570.
 Соймонов Ф. И. – 96, 156, 157, 165, 166, 183.
 Соколов А. П. – 137, 146.
 Соколов И. – 317.
 Сорокоумов И. – 94.
 Сосновской Иван *см.* Сасунока.
 Создзима Т. – 321.
 Спарвенфельд И. – 56, 353.
 Спасский Г. И. – 60, 72.
 Спафарий Н. Г. (Милеску) – 30, 34, 45, 47, 48, 395.
 Средний, штурман – 291.
 Стадухин М. – 51, 63, 556.
 Стадухин Т. – 51.
 Сталин И. В. – 331, 332, 334, 338, 431, 437–439, 443, 471–473, 484, 489, 496, 498, 596, 607.
 Старицын Л. М. – 67, 70, 75.
 Стекль Э. А. – 317, 515, 517, 518.
 Стеллер Г. В. – 63, 72, 107.
 Стеорт (Стюарт) В. Р. – 244.
 Степанов Иаков – 67, 68.
 Степанов Ипполит – 171, 172.
 Степанов Онуфрий – 381.
 Стефан Дж. – 105, 286, 377, 380.
 Стефанов Е. – 61.
 Сторожев Н. – 170.

- Страленберг Ф. И. – 56, 98–103, 159.
 Стремоухов П. Н. – 321.
 Су Бинвэнь – 442.
 Сугита Г. – 250.
 Судейкин С. – 171.
 Судзуки К. – 207, 209.
 Сун Гуанкай – 422.
 Суэмо – 164.
 Сьюард У. – 515, 517, 518.
 Сюань Е. – 395, 397.
 Сюй Цзиньсюэ – 384.
 Тагусагава Д. – 207.
 Тайдзюдо К. – 349.
 Тайцзун – 376, 379, 588.
 Такадай К. – 277, 278, 290, 291, 591.
 Такакура С. – 170, 292, 306.
 Такано А. – 22, 33, 75, 123, 124, 203, 249, 355.
 Такахаси С. – 278, 280, 283, 284, 591.
 Такэути Т. – 163, 164.
 Тамбэ – 163.
 Танабэ Я. – 207, 208.
 Таробэй – 148, 296.
 Татаринов А. – 165.
 Татибана К. – 306.
 Татэгава Д. – 31, 32, 39, 45, 85, 531.
 Терентьев Т. – 134.
 Тернер К. – 14.
 Тёнай – 288.
 Гиба К. – 142.
 Тин Чао – 442.
 Тиски – 105.
 Тихменев П. А. – 199, 28, 263.
 Тицинг И. – 196.
 Тоёмацу И. – 187.
 Токалмут – 28.
 Токугава – 34, 230.
 Токунага Т. – 339.
 Томас А. – 396–398, 406, 407.
 Тории Р. – 46, 64.
 Тории Тамба-но-ками – 207.
 Тояма С. – 252, 255.
 Трапезников И. Ф. – 195.
 Трапезников Ф. – 222.
 Траурнихт Д. А. – 68, 83, 109, 110, 531, 565.
 Трескин Н. И. – 272, 276–281.
 Трескот И. Ф. – 356.
 Триго Н. – 41–43.
 Трояновский А. А. – 440.
 Трумэн Г. – 331, 337, 340, 597.
 Туголуков Е. И. – 165, 196, 206, 218, 222, 224, 232.
 Тунберг К. П. – 186, 188, 193, 196, 197, 214, 215, 218, 224, 231, 232, 577, 578.
 Тухачевский М. Н. – 446, 447.
 Тэйсукэ – 105, 106.
 Тюгоро – 277, 289.
 Тюрафусигуру – 264, 265.
 Угаки – 474.
 Уитворт Ч. – 190.
 Ульрих В. В. – 484.
 Фаддей Иоанн – 38, 550.
 Файнберг Э. Я. – 3, 45, 84, 85, 88, 90, 106, 122–124, 137, 145,

- 199, 214, 236, 264, 308, 310, 315,
564, 585, 590.
- Федоров И. – 503.
- Федотов Л. – 61.
- Фейт В. – 69, 173, 175–177.
- Фель С. Я. – 409.
- Фенев А. – 135, 165.
- Филипп III. – 37, 38.
- Фиссер Г. – 145.
- Фоносома – 117.
- Фра Мауро – 28.
- Фрейзингенский Отто – 31.
- Фудзия К. – 288.
- Фукс В. – 394, 395.
- Фукусмото Д. (Кусимото Д.) –
198.
- Фунакоси А. – 359, 395, 396,
404.
- Фурукава – 430.
- Фуруя – 181.
- Хабаров Е. – 46, 369, 382.
- Хара С. – 149.
- Харима Н. – 90.
- Хасимото М. – 497.
- Хатиробэ – 149.
- Хатиохэй – 144.
- Хаяси Д. – 214, 252.
- Хаяси С. – 176, 178, 356, 433,
435, 495.
- Хаясира К. – 433.
- Хвостов Н. А. – 261–266,
268–273, 275, 277, 278, 288, 290.
- Хидээси Т. – 34, 35.
- Хилгард Дж. – 515, 517, 518.
- Хирадзава К. – 176, 177.
- Хиранума К. – 499.
- Хираяма К. – 273.
- Хирохито – 478, 479, 492.
- Ходкевич Т. О. – 43, 187.
- Хонда Т. – 145, 177, 215, 216,
225, 226.
- Хондзэ Э. – 432.
- Христиани Н. – 124.
- Хрущев Н. С. – 345.
- Хрущев П. – 171.
- Хуа Циюнь – 383, 384.
- Хубилай – 25, 27, 28.
- Хэйсабуро – 144.
- Хюбнер И. – 62, 63.
- Хюскен – 317.
- Цзунси Х. – 399, 406.
- Цугиэмон – 287, 590.
- Цугутоё – С. 130.
- Цуда С. – 323.
- Цудаю – 242, 250.
- Цудзи М. – 489.
- Чан Кайши – 433, 439.
- Чекин А.М. – 275.
- Чередеев И. – 408.
- Черный И. – 166, 167.
- Черных – 164.
- Черчилль У. – 337.
- Чехов А. П. – 269.
- Чжан Сюэлян – 429–435.
- Чжаншань М. – 438, 442.
- Чингисхан – 25.
- Чириков А. И. – 176, 506.
- Чириков П. Е. – 93, 561.
- Числик Х. – 33.
- Читадини П. – 36.
- Чихачев Н. М. – 287.
- Чичагов П. В. – 272.

- Чулошников А. – 171.
 Чурин М. – 171.
 Чэн Фажэнь – 383.
 Шабалин Д. Я. – 179–181, 195, 199, 358.
 Шароглазов В. – 261.
 Шварц – 161.
 Шебалин Д. – 199.
 Шеварднадзе Э. А. – 524–526.
 Шелашников – 289.
 Шелихов Г. И. («Колумб российский») – 178, 184, 185, 195, 198–201, 206, 227, 228, 232, 233, 236, 358, 505–507, 532, 578, 579.
 Шенаныкин П. – 165.
 Шестаков А.Ф. – 107, 125–129, 131, 353, 401.
 Шестилов В. – 411.
 Ширлей А. – 36, 37.
 Ширюкей – 104.
 Шишков А. С. – 263, 269.
 Шмалев Т. Н. – 176.
 Шпанберг М.П. – 106, 121, 138–146, 151–160, 205, 355, 533, 571, 574.
 Штинников А. – 130, 131.
 Шуйский В. – 40, 42.
 Шуликов М. В. – 484, 485.
 Шульц С. И. – 131–133.
 Эномото Т. – 321.
 Эразм Роттердамский – 28.
 Эрт В. – 140, 152, 153.
 Юренев К. – 449.
 Юрий *см.* Юуру.
 Юрьев *см.* Юфуру.
 Юуру (Юрий) – 52.
 Юфуру (Юрьев) – 50–53, 57, 599.
 Юрьев И. – 49, 52, 53, 56–58, 66, 381, 599.
 Юсонти – 164, 575.
 Явадиу П. – 25.
 Якоби И. – 52, 53, 184, 507.
 Ямагата – 31, 323.
 Ямагути Т. – 177.
 Яманака Т. – 345.
 Яншин Э. М. – 377.
 Янь Юн – 398, 400.
 Яхэй – 165.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авачинская губа – 71, 104.
Австралия – 331, 332, 597.
Адык-Долон – 457.
Азиатский материк – 13, 14, 19, 284, 504, 517, 544, 555, 566, 575, 585, 601.
Азия – 10–13, 17, 21–23, 5, 27, 29, 45, 47, 70, 78, 89, 100, 125, 141, 186, 223, 230, 231, 237, 238, 312, 323, 342, 343, 370, 371, 376, 378, 383, 395, 396, 404, 409, 502–504, 511, 540, 613.
Айгун – 454.
Айхунь – 465.
Аквитай (Акита) – 76, 77.
Аки – 565, 590.
Акикония – 115.
Акита *см.* Аквитай
Акиш – 154.
Аккэси – 164, 169, 170, 207, 228, *см. также* Аткис.
Алайд – 51, 55, 72, 353, 362.
Албания – 487.
Алеутские острова – 187, 232, 233, 236, 250, 263, 505, 509, 513, 517, 518, 531, 613.
Аляска – 204, 263, 285, 286, 502, 504–506, 508, 509, 511, 524.
Амазар – 394, 409, 413.
Амами *см.* Осима.
Амати – 141, 143, 144.
Аматихама – 140, 141.
Амацу – 146, 148.
Амгунь – 379, 380, 390, 391, 403, 404, 408, 410, 419, 535, 605.
Америка – 69, 99, 122, 123, 125–127, 129, 160, 162, 185, 189, 200, 203, 205, 223, 226, 228, 230, 236, 238, 319, 379, 380, 390, 391, 403, 404, 408–410, 419, 422, 502–507, 509, 511, 518, 536, 542, 605, 613.
Американский материк – 185, 504, 508, 601.
Амстердам – 68, 86, 353, 578.
Амур – 47, 53, 193, 241, 282, 296, 353, 355, 379, 380, 388, 391,

- 396, 400, 404, 406–410, 413, 414, 416, 418, 421, 465–468, 470, 536–539, 541, 561, 604, 605, 609, 611.
- Амчитка – 187.
- Анадырь – 50, 55, 60, 67, 68.
- Англия – 31, 48, 65, 184, 190, 204, 213, 226, 227, 236, 238, 244, 271, 296, 316–318, 322, 496, 532, 538, 651, 671.
- Андреановские острова – 232.
- Анива – 260–266, 268, 284, 287, 303–305, 314, 538.
- Анучина – 154, 339.
- Апонское государство – 88, 105, 110–112, 114, 120.
- Арабский Восток – 31, 45, 687, 531.
- Аргунский острог (Мерилке) – 94, 396.
- Аргунь – 386, 387, 393, 394, 396, 398, 402, 408, 409, 423, 425, 426, 460, 470, 609.
- Аримуй – 267.
- Архангельск – 30, 37, 74.
- Асакка – 76–78.
- Астрахань – 36, 41.
- Аткис (Аккэси) – 167, 181, 209.
- Атту – 513, 517.
- Афганистан – 383.
- Африка – 186.
- Багдад – 24.
- Баин-Цаган – 492, 493.
- Байдукова о. (Лангр) – 381.
- Байкал – 96, 383, 401, 407, 409, 486.
- Балтийское море – 59, 286.
- Барга – 436.
- Батавия – 244, 245, 248, 255, 259.
- Безымьянная – 459, 474, 475, 477, 479, 481.
- Беловодье – 6, 33, 45, 67.
- Берингов пролив – 9, 183, 185, 407, 503, 504, 516, 517, 542.
- Берингово море – 61, 513–515, 519, 523–526, 528.
- Благовещенск – 418, 465, 467, 469, 470, 472.
- Ближний Восток – 311, 511.
- Блудная, р. (Омолон) – 61, 352.
- Большая, р. (Цзиньанхо) – 470.
- Большая Горбица – 394, 413.
- Большая Курильская гряда – 205, 277, 339, 340, 354, 362.
- Большерецк – 126, 155, 158, 163–166, 171, 181.
- Большие Курильские острова – 205.
- Большой Ольдекон (Ольдой) – 413.
- Большой Уссурийский, о. – 421, 423, 424, 536.
- Большой Хинган – 410, 414, 419, 444.
- Большой Шантар – 55.
- Британская империя – 221.
- Британская Колумбия – 508.

- Буир-Нур – 450–452, 456, 489.
 Булун-Дерсу – 457.
 Буреинский хребет – 393, 406, 536.
 Буря – 419.
 Бурят-Монгольская АССР – 452.
 Бухария – 232.
 Ваквоку *см.* Вак-вак.
 Вакаяма – 105, 107, 150, 565.
 Вак-вак (Ваквоку) – 23, 24.
 Ваньбаошань – 431.
 Вашингтон, г. – 335, 338, 340, 514, 524, 526, 534.
 Вашингтон, шт. – 508.
 Великий шелковый путь – 24.
 Великобритания – 8, 202, 298, 312–314, 334, 335, 337, 352, 367, 507–509, 533, 598.
 Венгрия – 487, 575.
 Верхне-Зейская равнина – 413, 419.
 Верхне-Удинск – 327.
 Весловского мыс – 277.
 Владивосток – 322, 329, 443–445, 472, 486, 497.
 Внешний Дунбэй – 542.
 Внешний Хинган – 391, 404, 406, 416, 420, 423, 444, 536, 541, 542.
 Внешняя Монголия – 429, 486–488.
 Внутренняя Монголия – 11.
 Воемля (Уемлян) – 61, 63.
 Восемнадцатый остров *см.* Уруп.
 Восточная Азия – 12, 27, 323, 342, 343, 404.
 Восточная Индия – 39.
 Восточная Монголия – 11.
 Восточная Сибирь – 19, 52, 57, 58, 61, 68, 79, 83, 99, 185, 200, 235, 272, 276, 289, 292, 312, 314, 317, 394, 395, 397, 414, 538, 539.
 Восточная Татария – 54, 57, 58, 284.
 Восточный океан – 94, 166, 355, 405.
 Вьетнам – 383.
 Вэйике-Алинь – 389–392, 414, 418.
 Галинь-била *см.* Горин.
 Ганг – 23.
 Ганьфу – 23.
 Ганьчацзы *см.* Сеннуха.
 Гаоли *см.* Кауле.
 ГДР – 349.
 Германия – 31, 33, 48, 65, 186, 329, 337, 349, 447–449, 473, 483, 487, 496, 498, 532, 540.
 Гижига *см.* Чендон.
 Гижигинский острог – 50.
 Гилюй – 408, 411, 413.
 Гилянская земля – 55.
 Гиляцкой орды о-ва – 52, 56, 66, 381.
 Гинсима – 48.
 Гирин – 404, 433, 436.
 Гиринское Десятиречье – 385, 391–393, 396, 403, 414.

- Гисима – 49.
 Гишпанские земли – 37.
 Глубинное, Эдзо – 55.
 Гоа – 36, 326.
 Голландия – 31, 48, 68, 89, 186, 195, 208, 249, 258, 272, 299, 578.
 Голландская Индия – 203, 227, 236.
 Голыгина, р. – 71, 72.
 Горбица (Цзиэрбици) – 387, 389, 391, 393, 394, 398, 400, 401, 404, 406–408, 411–413, 416, 418, 602, 604.
 Горин (Галинь-била) – 389, 390.
 Гото – 16.
 Гродеково – 481.
 Гуанчжоу – 23, 238.
 Гуаньюэтай *см.* Наньчжур.
 Дальневосточная Республика – 327.
 Даманский – 462.
 Датэ – 142, 143.
 Двадцатый остров *см.* Кунашир.
 Двинское устье – 96.
 Десятнадцатый остров *см.* Итуруп.
 Демон – 152.
 Джабарга – 24.
 Джагды – 383, 413, 418.
 Джи-Джи-Сумэ – 451, 452.
 Джугджур – 391, 406.
 Джунгария – 385.
 Доброе – 266.
 Доусе-Алинь – 392.
 Дресвянская – 233.
 Дуи – 63, 381.
 Дунгур-Обо – 490, 491
 Дундачу-ань – 469.
 Дуссе-Алинь – 392, 393.
 Дуэ – 319.
 Дэмбэкотан – 275, 278.
 Дэсима – 283.
 Дяюй *см.* Сэнкаку.
 Европа – 31, 32, 36, 37, 44, 47, 48, 57, 59, 65, 69, 71, 74, 88, 89, 100, 102, 125, 141, 160, 175, 186, 190, 202, 203, 227, 230, 238, 239, 255, 284, 299, 312, 313, 370, 383, 422, 448, 474, 502, 511, 549, 550, 569.
 Европейская Россия – 508.
 Еду – 121.
 Енду *см.* Индю.
 Ендю – 154.
 Енисей – 96.
 Енисейское устье – 96.
 Епан – 49, 54.
 Епанья – 80.
 Жибэнь-го – 24.
 Жиганск – 50.
 Жоана де Гама Земля – 126.
 Забайкалье – 11, 12, 401, 443, 449, 450, 452, 453, 485, 486, 488, 497, 540.
 Заозерная (Чанкуфэн, Чаг-го) – 473–475, 477, 479, 481, 483.
 Западная Европа – 31, 44, 48, 57, 65, 71, 74, 88, 89, 125, 160, 190, 238, 474, 549, 550, 569.

- Западная Монголия – 11.
 Западная Сибирь – 19.
 Западная Тува – 11.
 Западный Люндор – 418.
 Зеленый – 152, 153, 573.
 Зея – 411–413, 418, 605.
 Зийский хребет – 408.
 Золото-остров – 31.
 Игналук *см.* Крузенштерна о.
 Идзу – 149, 150, 592.
 Илимск – 165.
 Ильинск *см.* Кусунай.
 Индийский океан – 24, 34, 448.
 Индия – 23, 36, 38, 39, 44, 99, 125, 239, 327, 370, 371, 383.
 Индю (Ендю) – 149, 150, 592,
 Иногда – 96.
 Иокогама – 308, 316, 317.
 Иран – 271.
 Иркутск – 135, 165, 178, 185, 187, 188, 191, 192, 194–196, 199–201, 218, 222, 233, 235, 272, 276, 288, 289, 294, 308, 316, 317, 583.
 Иртыш – 232.
 Исимаки – 143.
 Исиномаки – 232.
 Исомура – 140, 142.
 Италия – 31, 329, 448, 487, 540.
 Итуруп (Девятнадцатый остров) – 95, 107, 108, 127, 138, 152, 160, 161, 166–170, 176, 178–180, 201, 206, 209, 216, 226, 228, 229, 259, 261, 262, 265–268, 270, 271, 273, 275, 277–280, 282, 283, 285, 288, 291, 292, 294–297, 302, 304–307, 324, 339, 340, 344, 346, 347, 349, 351, 354, 358, 359, 362, 364, 365, 367, 373, 534, 573, 590.
 Кавадзириура – 289.
 Кагосима *см.* Сацума.
 Казань – 124, 171.
 Какокунии – 115.
 Калигерская губа – 91, 104, 110.
 Калифорния – 506, 509–511.
 Каменец-Подольск – 171.
 Камо – 289, 297.
 Камчадалия – 103, 122.
 Камчадальская земля – 78, 97, 98.
 Камчадальский мыс – 60, 104, 111, 112, 114, 119, 353.
 Камчадальский острог – 67.
 Камчатка – 7, 11, 15, 18–20, 22, 45, 46, 49–56, 58–68, 70–73, 75, 77, 78, 83, 90, 91, 93, 95, 97–107, 109–113, 120–122, 125–127, 129–131, 136, 139, 155, 158, 159, 162, 164, 166, 169–172, 174–176, 187, 190, 225, 232, 255, 266, 273, 277, 279–281, 286, 289, 291, 294, 297, 306, 320, 321, 353, 355, 357, 361, 362, 369–371, 375, 377, 382, 383, 406, 409, 416, 419, 423, 503, 507, 531, 538, 542, 548, 553, 554, 556, 565, 568, 574, 586.
 Камчатой – 54, 56,
 Камчатская сторона – 114.

- Камчатский нос – 111, 119, 136.
 Камчатский острог – 91, 131.
 Канберра – 331.
 Кантон *см.* Китай.
 Карагинский залив – 61.
 Каракорум – 25–27.
 Карафуто – 15, 216, 259, 271, 284, 319, 343, 595.
 Каспийское море – 23, 301.
 Катай *см.* Китай.
 Кауле (Гаоли) – 27.
 Квота – 76, 77.
 Кенигсберг – 186.
 Кенте – 420.
 Кербичи – 387.
 Кибатиура – 248.
 Киев – 24, 26.
 Киевская Русь – 22–25.
 Киитаппу – 206.
 Кинзан – 30, 549.
 Кинокуни – 105, 107, 121, 354.
 Кинсима – 48.
 Киото – 77, 107, 300, 566.
 Киренский острог – 157.
 Китай (Кантон, Катай) – 5, 6, 8, 22, 25, 26, 30, 47, 49, 75, 78, 96, 184, 190, 202, 236, 237, 241, 281, 282, 296, 312, 327, 328, 353, 368–371, 373–385, 388, 389, 391, 393, 394, 397, 401, 403, 405–409, 412, 414–416, 418–420, 422, 425, 426, 438, 439, 441, 442, 445, 448, 459, 460, 462, 468, 476–478, 481–483, 487, 488, 536–542, 588, 609.
 Китайское государство – 29, 48, 116.
 Китайское царство – 30.
 Китаро – 105, 106.
 Колыма – 50, 51, 55, 62, 83, 121, 185, 352, 405.
 Колымские остроги – 121.
 Колымское зимовье – 83.
 Командорские о-ва – 19, 513, 517, 518, 542.
 Константиновские о-ва – 465, 466, 470, 487, 810.
 Константинополь – 36.
 Корейский п-ов – 17, 25, 26.
 Корсаков (Кусюнкотан) – 263.
 Красноярск – 263.
 Крестовая – 418.
 Крузенштерна, о. (Игна-лук) – 513, 516.
 Крымская война – 298, 306, 309, 312, 319, 360, 371.
 Куанчэнцзы – 433, 435, 436.
 Кумано – 127.
 Кунашир (Двадцатый остров) – 70, 124, 127, 152, 153, 155, 161, 163, 166–170, 176, 178–181, 184, 201, 206–209, 226, 228, 259, 266–268, 273, 275, 276, 278, 280, 289, 290, 306, 339, 340, 346, 347, 349, 351, 358, 362–365, 367, 373, 534, 615.
 Купера, о. – 513.
 Курака – 154.
 Курилы – 6–8, 13, 15, 19–21, 49, 52, 53, 55, 58, 60, 64–66, 68,

- 70, 73, 74, 77, 93, 108, 110, 122, 124, 126, 127, 129, 151, 152, 154, 158–161, 163, 166, 167, 170, 175–178, 180, 185, 204, 205, 218, 225, 228, 234, 235, 260, 261, 263, 268, 270, 273–275, 277, 281, 283, 284, 287, 291, 294, 299, 302, 303, 321, 325–331, 333, 335, 337–340, 342, 344, 345, 347, 349–354, 358, 362, 369–375, 511, 532–534, 538, 564, 566–569, 586, 595, 597, 599.
- Курильская гряда – 13, 152, 160, 205, 209, 277, 322, 331, 339, 340, 348, 349, 354, 361, 362, 366–368, 535, 594.
- Курильская Лопатка – 60, 64.
- Курильские острова – 10, 13–15, 20, 50, 55–60, 86, 104, 106, 110, 138, 158, 161, 165, 168–170, 183–185, 228, 233, 239, 260, 268–270, 294, 296, 303, 325–327, 328, 331–333, 337–340, 342–345, 347–364, 366–375, 377, 383, 426, 531–534, 536, 537, 540, 555, 566, 589, 594–596.
- Курильский острог – 93.
- Курильское озеро – 19, 58.
- Курумисэ *см.* Оку Эдзо.
- Кусиро – 154.
- Куссюр – 154.
- Кусунай – 319.
- Кусюнкотан (Жорсаков, Любопытство) – 263, 264, 266, 268, 314.
- Кыносыр – 152.
- Кюсю – 16, 23, 59, 130, 164, 173, 193, 194, 242, 360, 590.
- Кяхта – 185, 282, 401–403, 536.
- Лаврентия св., о. – 513, 517.
- Лангр *см.* Байдукова о.
- Лаптевых море – 50.
- Лейден – 56, 186, 250.
- Лена – 49, 50, 112, 121, 126, 157, 387, 405, 407, 555.
- Ленский острог – 50.
- Лифаньюань – 403.
- Ловушки – 123, 124.
- Лондон – 56, 90, 336.
- Лоноксим – 49.
- Лопатка – 64, 65, 72, 93, 130, 179.
- Лососей бухта (Соронбай) – 260.
- Луизиана – 508.
- Любопытство *см.* Кусюнкотан.
- Лютяогоу – 431.
- Ляоян – 433.
- Мадрид – 36, 39.
- Майский хребет – 406.
- Майя – 121.
- Маканрийский о-в – 49, 54.
- Макао – 236, 249.
- Макариуса о-ва – 54.
- Малая Индия – 23.
- Малая Курильская гряда – 152, 160, 205, 209, 331, 339, 340, 348, 349, 361, 362, 366–368, 535.
- Малые Курильские острова – 205.

- Малый Хинган – 403, 404, 410.
- Мангаль – 63, 381.
- Манила – 32, 34, 35.
- Маньчжоу-го – 134, 435, 438, 440, 441, 443, 449–454, 457–460, 464–467, 469–471, 474, 478, 481, 485–489, 499, 500, 610.
- Маньчжурия – 18, 24, 271, 327, 385, 391, 395, 397, 403, 404, 429–445, 447, 451, 457, 462, 470, 472, 473, 475, 479, 483, 487, 488, 491, 540, 542, 607, 610.
- Масако – 47.
- Матмай – 65, 104, 109, 113, 118, 119, 121, 124, 126, 127, 138, 143, 153, 154, 158–160, 164–167, 170, 183, 193, 195, 196, 200, 205, 206, 208–210, 212, 219, 222, 228, 240, 568.
- Матмайский о-в – 104, 109, 113, 119.
- Матман *см.* Това.
- Матумай *см.* Хоккайдо.
- Мацумаэ – 47, 94, 95, 163, 164, 167, 168, 170, 174, 176, 177, 179–181, 202, 206–210, 212, 216, 217–220, 229, 230, 234, 254, 259, 262, 264, 266, 268, 271, 273, 275, 277, 281, 288, 355, 533, 564, 566.
- Маэсима – 306.
- Меван – 419.
- Мевандж – 418.
- Медвежий п-ов – 152.
- Медный – 503, 516, 517.
- Мерв – 25.
- Мерилке *см.* Аргунский острог.
- Мещеряковская падь – 454.
- Мииси – 141.
- Микагэ – 276.
- Мишань – 454.
- МНР *см.* Монгольская Народная Республика.
- Монгол-Дзагас – 456.
- Монголия – 11, 26, 31, 48, 65, 385, 402, 420, 429, 439, 447, 453, 487, 488, 531, 541.
- Монгольская империя – 27, 28, 378.
- Монгольская Народная Республика (МНР) – 431, 436, 450–453, 456–458, 485–492, 494, 497, 500.
- Морские острова – 111, 114.
- Москва – 30, 31, 36–43, 46–48, 74, 76, 79, 82–88, 90, 92, 97–100, 104, 131, 347, 386, 433, 439, 440, 474, 486, 489, 496, 499, 514, 560.
- Московия – 59, 150.
- Московское государство – 34, 36, 40–44.
- Мукден – 404, 406, 410, 431–433, 435, 436.
- Муравьевский пост – 287, 314, 319.
- Наварин – 524.
- Нагаватари – 140.
- Нагаса – 146, 148.
- Нагасаки (Нангасаки) – 59, 69, 79, 145, 149, 172, 173, 175–

- 178, 181, 185–187, 191, 192, 202, 203, 208, 212–214, 216, 218–222, 224, 226, 227, 232, 234, 236, 240–242, 245, 247–249, 251–256, 258, 259, 283, 299, 300, 307, 310, 323, 533, 587.
- Нагоя – 291.
- Наёро – 282.
- Найбу – 118.
- Накада – 173.
- Намбу – 107, 127, 229, 266, 267, 273, 566, 590.
- Нагасаки *см.* Нагасаки.
- Нагасакская гавань – 213, 216, 217, 242, 250.
- Наньчжур (Гуаньюэтай) – 457.
- Нара – 419.
- Нейшлот – 184.
- Немецкая земля – 249.
- Нерчинский город – 49, 178, 385, 386, 389, 390, 394, 395.
- Нерчинский острог – 94.
- Нидерланды – 65, 69, 79, 173, 226, 227, 241, 247–249, 258, 283, 290, 299, 317, 318.
- Нижне-Камчатск – 190, 289, 327.
- Нижне-Камчатский острог – 131.
- Нижне-Михайловское – 470.
- Нижнее Приамурье – 375, 378, 379, 406.
- Нижний Амур – 14, 18, 20, 377.
- Никанское царство – 29, 47, 49.
- Никул – 60–63, 66.
- Нимакан – 419.
- Ниман – 419.
- Нингута – 390, 399, 400, 404.
- Нифон – 39, 104, 105, 109, 115–118, 127, 143, 565.
- Нифонское государство – 114, 116–118, 120.
- Новая Земля – 53, 70.
- Ново-Архангельск – 261, 262, 294, 297, 506–508, 613.
- Нома – 524.
- Номон-Хан-Бурд-Обо *см.* Номонхан.
- Номонхан (Номон-Хан-Бурд-Обо) – 486, 488.
- Нос земли – 93.
- Носаппу – 170, 362.
- Носиро – 77.
- Носура – 76, 77.
- Ноткам *см.* Ноткамапу.
- Ноткамапу (Ноткам) – 153.
- Ното – 143.
- Нунарбук *см.* Ратманова о-ва.
- Нуциам *см.* Нуцкам.
- Нуцкам (Нуциам) – 153, 154, 573.
- Нынгучу – 72.
- Нэмуру – 153, 203, 206–209, 211.
- Нюрнберг – 28, 33, 56.
- Обское устье – 96.
- Обь – 96.
- Овари – 590.
- Одекон *см.* Ольхой.

- Одзика – 140, 143, 232.
 Ойта – 59.
 Оку Эдзо (Курумисэ) – 55,
 56.
 Олекминский становик – 411,
 418.
 Ольдой *см.* Большой Ольде-
 кон.
 Ольхой (Одекон) – 386.
 Омальский хребет – 418.
 Омолон *см.* Блудная, р.
 Онекотан – 129, 163, 164,
 260.
 Онкороманай – 11, 12.
 Онон – 399.
 Осака (Узака) – 74–78, 81, 83,
 85, 103, 154, 171, 293, 566.
 Осима (Амами) – 173, 174.
 Ост-Индия – 23, 96, 126.
 Отару – 17.
 Оттоманская империя – 36,
 37.
 Оупу – 464.
 Охвота *см.* Охота.
 Охота (Охвота) – 54, 56, 57,
 72.
 Охотск – 62, 120, 121, 129,
 155, 157, 158, 165, 178–180, 183,
 192, 193, 195, 200, 206, 218–220,
 222, 223, 228, 232, 233, 262, 263,
 272, 274, 276, 278, 288, 289, 294,
 295, 574, 579.
 Охотский порт – 62, 137, 159,
 171, 180, 277, 278, 291.
 Охотское море – 10, 12, 16,
 21, 50, 54, 56–58, 60–62, 95, 104,
 195, 240, 270, 276, 296, 302, 376,
 391, 392, 418, 420, 537.
 Оцу – 323, 486.
 Памир – 12.
 Панрий – 31.
 Парамушир – 107, 129, 166,
 287, 354, 362.
 Париж – 77, 190, 386, 440,
 578.
 Пенжина – 51, 61.
 Пенжинское море – 60, 74,
 81, 104.
 Персидский залив – 23.
 Персия – 32, 34, 36–39, 89,
 237, 301.
 Петербург – 74, 90, 91, 96,
 99–101, 103, 104, 106, 126, 131,
 133, 136, 137, 155, 156, 164, 171,
 180, 187, 188, 190, 193, 195, 223,
 224, 231, 236, 263, 272, 273,
 280, 306, 315, 321, 461, 506, 518,
 531.
 Петропавловск-на-Камчат-
 ке – 71, 266, 267, 280, 291, 297,
 538.
 Плоские о-ва *см.* Хабомаи.
 ПНР *см.* Польша.
 Полонского, о. – 107, 152.
 Полтава – 98.
 Польша (ПНР) – 34, 43, 58,
 171, 236, 349, 367, 439, 487, 496,
 532, 548.
 Поронай – 18.
 Поронайский р-н – 19.
 Порт-Артур – 541.
 Портлендский канал – 508.

- Португалия – 31, 48, 65, 95, 156–162, 164, 165, 167, 171, 174–326.
 176, 178, 181, 184, 186–190, 191, 193, 195, 199, 202, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 215–217, 219–221, 224–227, 229, 230, 232, 236–242, 247, 248, 250–257, 260, 261, 264, 268–273, 275–281, 283, 285–294, 296–306, 308–314, 316–327, 343, 347–354, 356–358, 360, 361, 368–375, 382, 383, 385, 387, 389, 393, 394, 397, 398, 400–403, 405, 407, 409, 410, 412–420, 422, 423, 425–430, 459, 460, 462, 476–478, 481, 483, 488, 504–513, 515, 516, 518, 519, 523, 524, 527, 528, 531–508.
 542, 548–550.
 Причерноморье – 22.
 Пруссия – 317, 318.
 Райкоке – 127, 260, 362.
 Расшуа – 260, 274.
 Ратманова, о. (Нунарбук) – 126, 241, 513, 516, 517, 542.
 Речь Посполитая – 36, 40–42, 550.
 Рига – 87.
 Рикудзэн – 140, 158, 159, 232, 566.
 Рим – 32, 34, 36.
 Росс – 506, 509, 510.
 Российская Федерация – 5, 420, 526, 540.
 Россия – 5–7, 9, 10, 20–22, 28–33, 39, 40, 43–46, 48, 49, 57–59, 65, 67, 69, 70, 74, 75, 86–89, 92, 94–100, 103, 104, 106, 110, 123, 125, 129, 130, 132, 135, 136, 151, 156–162, 164, 165, 167, 171, 174–176, 178, 181, 184, 186–190, 191, 193, 195, 199, 202, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 215–217, 219–221, 224–227, 229, 230, 232, 236–242, 247, 248, 250–257, 260, 261, 264, 268–273, 275–281, 283, 285–294, 296–306, 308–314, 316–327, 343, 347–354, 356–358, 360, 361, 368–375, 382, 383, 385, 387, 389, 393, 394, 397, 398, 400–403, 405, 407, 409, 410, 412–420, 422, 423, 425–430, 459, 460, 462, 476–478, 481, 483, 488, 504–513, 515, 516, 518, 519, 523, 524, 527, 528, 531–508.
 542, 548–550.
 Росу Хадашань *см.* Русские горы Хада.
 РСФСР – 339, 360, 485, 535.
 Румыния – 367.
 Русаковка – 62.
 Русская Америка – 238, 261, 287, 291, 501, 502, 504–512, 515–517, 519, 532, 613.
 Русские горы Хада (Росу Хадашань) – 400.
 Русь – 23–25.
 Рюкю – 173, 241, 253, 291, 309, 318, 597.
 Сагалин-Ула – 387, 390, 414, 603.
 Садо (Самдо) – 17, 143.
 Сакаи – 300.
 Сакихама – 171.
 Самдо *см.* Садо.
 Самур – 154.

- Сан-Франциско – 502, 509, 510.
- Сангар (Цугару) – 143.
- Сангарский пролив – 143.
- Сандвичевы о-ва – 294.
- Санкт-Петербург – 90, 100, 132, 145, 189, 192, 299.
- Саноо – 121.
- Сантан – 271.
- Сарай – 27.
- Сахалин – 6–8, 10–22, 46, 52, 53, 55, 56, 58, 63, 70, 86, 94, 97, 99, 158, 159, 162, 168, 169, 185, 216, 226, 236, 241, 257, 259–266, 268–275, 277, 281–284, 287, 288, 296, 297, 299–307, 313, 314, 317, 319–321, 324–327, 329, 331–333, 335–339, 342, 344–351, 356, 359–362, 367–383, 387, 418, 426, 431, 463, 472, 511, 531, 534, 536–540, 587, 588, 594.
- Сацума (Кагосима) – 130, 173.
- Св. Диомиды о-ва – 516.
- Северная Америка – 126, 127, 162, 185, 226, 228, 230, 506, 507.
- Северная Евразия – 422.
- Северная Калифорния – 506.
- Северная Маньчжурия – 429, 433, 434, 438.
- Северная Монголия – 385.
- Северная Япония – 7, 8, 15, 19, 20, 63, 66, 107, 159, 177, 184, 185, 223, 228, 233, 266, 280, 283, 355.
- Северное море – 389, 390.
- Северные Курилы – 170, 287, 291, 325, 327, 331, 344, 353, 360, 369.
- Северный Кавказ – 22.
- Северный Ледовитый океан – 68, 99, 404, 509.
- Северный Сахалин – 13, 14, 271, 333, 336, 431.
- Северный Эдзо – 259, 268.
- Северо-Восточная Азия – 10, 13, 17, 19, 21–23, 99, 100, 238, 376, 395, 396, 537, 540, 541, 553.
- Северо-Восточный Китай – 429, 435, 437, 442, 465, 541.
- Северо-Восточный Сахалин – 260.
- Северо-Западная Америка – 203, 205, 236, 504, 509, 518.
- Селемджа – 419.
- Селемджинский хребет – 406, 418.
- Селенга – 96, 401.
- Сеннуха (Ганьчацзы) – 465, 468, 470.
- Сиам – 185.
- Сибирская провинция – 98.
- Сибирь – 6, 19, 30, 45, 49, 52, 54, 56–59, 61, 68, 74, 79, 83, 98, 99, 102, 103, 110, 157, 180, 185, 195, 200, 231, 233, 235, 240, 272, 276, 289, 292, 312–314, 317, 352, 353, 369, 370, 383, 384, 394–398, 401, 404, 405, 407, 409, 411, 414, 416, 444, 447, 450, 483, 504, 509, 531, 533, 538, 539, 549.

- Сибоцу – 152.
 Сикоку – 34, 171, 173, 291, 360.
 Сикотан – 160.
 Симода – 149, 150, 297, 306–310.
 Симокита – 154.
 Симоносэки – 318.
 Симушир – 163, 170, 204, 261, 280, 281, 294.
 Синьан – 392.
 Синьяогоухэ – 457.
 Сиракия – 105, 106, 565.
 Сироко – 187.
 Ситка (Ситха) – 506, 613.
 Ситха *см.* Ситка.
 Сицилия – 24.
 Скалистые горы – 508.
 Советский Союз (СССР) – 329, 331, 333, 334, 337, 347, 348, 360, 367, 368, 429, 433–435, 437–442, 444, 447–450, 462, 464, 468, 470, 478, 483, 484, 486, 487, 498–500, 514, 519, 522, 540, 541.
 Соединенные Штаты Америки – 226, 285, 303, 317, 335, 501, 507, 509, 511, 512, 515, 516, 519, 523, 542.
 Соктахан – 418.
 Соловецкие острова – 32.
 Соронбай *см.* Лососей бухта.
 Среднеколымское зимовье – 62.
 Средние Курилы – 260, 274, 325, 326, 344.
 Средняя Азия – 25, 237, 312, 383, 511.
 СССР *см.* Советский Союз.
 Становой хребет – 382, 393, 406, 413, 416, 418–420, 423, 541, 542, 601, 604.
 Столп каменной («Stolpka Мемсоу») – 54, 55, 353.
 Страна восходящего солнца – 10, 47, 59, 75, 80, 111, 139, 161, 186.
 Суйсё *см.* Танфильева о.
 Суйфунк – 454, 455, 457.
 Сунгари – 378, 379, 399, 404, 406, 409, 410, 416, 536, 566.
 Сунтар-Хаята – 406, 416.
 Сусуйская стоянка – 11.
 Суэцкий канал – 190, 313.
 Сэгава (Сэнагава) – 17.
 Сэнагава *см.* Сэгава.
 Сэндай – 127, 142–146, 158, 159, 566.
 Сэнкаку (Дяоюй) – 328.
 Сэтонай – 173.
 Сэцу – 276, 289, 290.
 Сэцуёсю – 194.
 Сяна – 266, 267.
 Тайбэй *см.* Тайвань.
 Тайвань (Тайбэй) – 385, 396.
 Такаидокоро – 14, 544.
 Такэсима (Токто) – 328.
 Таланну – 116.
 Талцис – 201.
 Тамцак-Булак – 451, 452, 491, 492.
 Танги – 63, 381.

- Тангу – 444.
 Танфильева о. (Суйсё) – 209, 339, 340, 345, 534.
 Танэгасима – 173.
 Таонань – 431.
 Тарабаров – 421, 423, 424, 609.
 Тараку – 152.
 Тасирохама – 140, 144.
 Татария – 54, 55, 57, 284, 353, 409, 411.
 Татарский пролив – 260, 274, 287, 296, 588.
 Татарское море – 70.
 Терпения, залив – 260.
 Тигиль – 60, 67, 75.
 Тикудзэн – 251.
 Тисима – 50, 168, 178, 321, 331, 340, 343–345, 350–352, 359, 360, 362–364, 366, 534.
 Тихий океан – 8, 25, 31, 34, 52, 53, 68, 96, 99, 123, 125–127, 160, 162, 183, 184, 202–204, 227, 237, 268, 270, 285, 286, 294, 298, 312, 314, 322, 356, 418, 439, 440, 503, 504, 506–508, 510, 512, 531–533, 538, 542, 549.
 Тобольск – 30, 54, 56, 74, 98–102, 106, 131, 233, 352, 552, 560.
 Това (Матман) – 154.
 Токио – 8, 14, 33, 39, 49, 51, 74, 75, 77, 127, 148, 154, 256, 292, 321, 323, 326, 328, 329, 331, 332, 344, 346–349, 369, 375, 430, 433, 434, 436–441, 448, 452, 470, 471, 474, 475, 479, 483, 487, 498.
 Токто *см.* Такэсима.
 Токусима – 171.
 Токцесы – 49.
 Толотси – 154.
 Томари – 268, 275–277.
 Тором – 393.
 Тоса – 34.
 Тохоку – 105.
 Трех сестр, о. – 152.
 Тугур *см.* Тукулу.
 Тукулу (Тугур) – 389.
 Тукурингра – 383, 411–413, 418.
 Туманган *см.* Тумыньцзян.
 Тумень-Ула – 475, 477, 478.
 Тумыньцзян (Туманган) – 458, 475, 477.
 Турана – 406.
 Туркестан – 25.
 Тусе-Алинь – 392.
 Тырские высоты – 379, 391.
 Тэйсукэ – 105, 106, 292.
 Уат Етвемя – 116.
 Увань – 49.
 Уда (Удь) – 54, 158, 185, 392, 401, 418, 536.
 Удд *см.* Чкалова, о.
 Удский острог – 409, 411.
 Удь (Ути-эр, *см.* Уда).
 Уемлян *см.* Воемля.
 Узака *см.* Осака.
 Узакинское государство – 74, 115.
 Улан-Батор – 489.
 Улан-Удэ – 327, 452.
 Умальтин – 419.

- Уналашка – 294, 507.
 Упсала – 186, 231.
 Урак – 121.
 Урал – 19, 422, 504.
 Уриками – 172.
 Уруп (Восемнадцатый остров) – 127, 130, 160, 167, 168, 170, 176, 178–181, 201, 205, 228, 229, 239, 241, 261, 267–270, 278–281, 283, 285, 286, 294, 302, 304, 306, 307, 320, 321, 354, 356, 358, 362, 370, 371, 538, 566, 571, 573, 576, 585–587, 594, 595.
 Урушинский-Джелтулинский становик – 418.
 Усильпатиар – 172.
 Усма – 174.
 Усор – 154.
 Усури (Ушур) – 379, 409, 416, 420, 421, 449, 460–463, 539, 541, 611.
 Ути-эр *см.* Удь.
 Ухань – 473.
 Ушур *см.* Усури.
 Федотовская, *р. см.* Федотовщина.
 Федотовское зимовье – 61–63, 66.
 Федотовщина (Федотовская) – 60.
 Фиага (Хёго) – 76, 77.
 Фигурный – 152, 160.
 Филиппины – 32, 35, 236.
 Финляндия – 157, 273.
 Флорида – 508.
 Франция – 26, 125, 202, 226, 231, 236, 238, 249, 272, 298, 317, 318, 367, 440, 496, 508, 511, 532, 538.
 Хабомаи (Плоские о-ва) – 152, 161, 331, 335, 339, 340, 344–347, 351, 362, 364, 365, 533, 534.
 Хада – 400.
 Хайлар – 450.
 Хакодатэ – 209, 218, 257, 266, 275, 278, 280, 286, 293, 307, 318, 320, 321, 355, 586.
 Халха *см.* Халхин-Гол.
 Халхин-Гол (Халха) – 450, 451, 469, 485, 486, 488–497, 499, 500, 540.
 Хамбалык – 27, 28.
 Ханка – 454, 456, 460.
 Харбин – 434, 443, 470, 499.
 Харимкотан – 123, 124.
 Хасан – 459, 469, 473, 475–480, 482–485, 540.
 Херсонесур – 31, 549.
 Хёго *см.* Фиага.
 Хиваса – 172.
 Хидзэн – 16, 251, 256.
 Химкон Тугурик – 402, 403, 414, 536.
 Хинган – 12, 387–393, 400, 401, 403, 404, 406, 410, 414, 416, 419, 420, 423, 444, 536, 541, 542, 604.
 Хинкан – 392.
 Хирандо – 125.
 Хиросима – 289, 565.
 Хитати – 16.

- Хоккайдо (Матумай) – 8, 10–15, 17, 20, 22, 46, 47, 53, 55, 58, 64, 65, 69, 86, 95, 99, 103, 113, 126, 128, 153, 154, 163, 167, 169, 170, 183, 184, 192, 206, 217, 257, 259, 268, 296, 303, 314, 320, 333, 339, 340, 349, 355, 357, 359–362, 364, 365, 367–375, 381, 531, 537.
- Холмогоры – 30, 34, 35.
- Хонсю – 11, 13, 14, 16, 17, 27, 49, 54, 55, 78, 105, 107, 121, 127, 139, 158, 164, 169, 171, 193, 194, 232, 289, 297, 360, 547, 565–567, 590.
- Хонгэдзо – 55.
- Хорезм – 24, 25.
- Хунчунь – 475.
- Хэда – 36, 592, 593.
- Хэлл – 524, 596.
- Хэн-ула – 389.
- Хэнкон – 403.
- Царское Село – 193, 224, 231.
- Цзиньанхо *см.* Большая, р.
- Цзиньчжоу – 434.
- Цзиэрбици *см.* Горбица.
- Цидронной *см.* Цитронный.
- Цирк – 152.
- Цитронный (Цидронной) – 152, 573.
- Цицикар – 386, 396, 434, 437.
- Цугару *см.* Сангар.
- Цукусиной – 181.
- Цусима – 314–316, 318.
- Чагго *см.* Заозерная.
- Чангни – 63, 381.
- Чанкуфэн *см.* Заозерная.
- Чанчунь – 431, 433–435.
- Чаныч – 71.
- Чендон (Гижига) – 51.
- Черная, р. – 376, 604.
- Чернышева хр. – 418.
- Чехословакия – 349, 487.
- Чжанлинцзы – 454.
- Чикукан – 517.
- Чименгу – 24.
- Чипроев – 280, 320.
- Чиринкотан – 362.
- Чита – 472, 488, 498.
- Чкалова, о. (Удд) – 381.
- ЧССР *см.* Чехословакия.
- Чукотка – 20, 50, 538, 542, 613.
- Чукотский м. – 513, 517.
- Шантарские о-ва – 52, 56, 66, 94, 97, 136, 158, 273.
- Швеция – 87, 157, 185, 186, 204, 206, 271, 273, 532.
- Шенда – 117.
- Шиашкотан – 123, 124, 260.
- Шикотан – 152, 155, 160, 161, 167, 204, 206, 280, 331, 339, 340, 344, 346, 347, 351, 355, 358, 362–367, 373, 533, 534.
- Шикотанские о-ва – 533.
- Шилка – 96, 387, 418.
- Шипунский мыс – 104, 105.
- Ширинки – 129, 362.
- Штатланд – 283.
- Шумшу – 64, 72, 123, 127, 129, 260, 353, 354, 359.
- Эдзо Земля – 7, 8, 15, 16, 47, 51, 55, 56, 58, 59, 69, 79, 95, 99, 100,

- 103, 126, 130, 160, 168, 206, 208, 212, 240, 254, 259, 265, 266, 268, 269, 271, 277–279, 281, 283, 288, 296, 303, 314, 320, 355, 356, 359.
- Эдо *см.* Еду.
- Элькире-Алинь – 418.
- Эндо – 35, 74, 81, 154.
- Эргона – 387, 388.
- Эрум – 154.
- Эткиль-Алинь – 392.
- Эторофу – 216.
- Юаньская империя – 28.
- Юго-Восточная Азия – 23, 378.
- Югославия – 367.
- Юдом – 121.
- Юдомский хр. – 406.
- Южная Камчатка – 65.
- Южная Корея – 23, 367.
- Южная Япония – 187.
- Южное Забайкалье – 401.
- Южные Курилы – 52, 53, 122, 154, 170, 228, 234, 235, 261, 263, 268, 270, 273–275, 277, 281, 283, 284, 325–327, 330, 331, 339, 344, 350, 351, 360, 595.
- Южный Сахалин – 8, 13, 14, 261, 263, 264, 266, 268–270, 281, 302, 303, 305, 324, 326, 329, 331–333, 335, 337–339, 344, 345, 347–350, 361, 362, 367, 372, 536, 537.
- Южный Хоккайдо – 259.
- Южный Эдзо – 259.
- Якутск – 83, 84, 86, 87, 91, 93, 94, 100, 103, 106, 109, 111, 113, 120, 121, 131, 157, 164, 165, 192, 272, 357, 381, 390, 401, 408, 531.
- Ялта – 338, 342, 343.
- Ялу – 25.
- Ям-Алинь – 392, 393, 418.
- Ямагата *см.* Ямато.
- Ямакоси – 319, 320.
- Ямато (Ямагата) – 31.
- Ямэктор – 31.
- Яна *см.* Янга.
- Янга – 50.
- Янкан – 418.
- Янкуанпфын – 459.
- Янмулиньцзы – 454.
- Янчихэ – 469, 470.
- Япан-остров – 30, 31, 33.
- Япония – 5–8, 10, 11, 14–16, 19–35, 38, 39, 44–56, 58–60, 63, 65–68, 70–75, 78–81, 84, 86–90, 92–103, 105–112, 119–132, 135–138, 142–146, 149, 151, 153–171, 173–179, 181, 183–187, 189–197, 199–208, 210–213, 215–237, 239–249, 251–254, 256–261, 265, 266, 268–273, 276, 278–333, 337, 338, 340–352, 354–356, 358–375, 381–383, 430, 431, 433–449, 452, 453, 457, 459, 462, 464, 467–471, 473, 474, 477, 479, 481–483, 485–487, 491, 497–500, 531–535, 537–542.
- Японские острова – 12, 16, 17, 23, 64, 94, 97, 102, 108, 178, 297, 568, 583, 597.
- Японский архипелаг – 103, 457.

Японское государство – 33,
39, 87, 97, 98, 109, 132, 168, 279,
317, 359, 531, 586.

Японское море – 314.

Японь – 137.

Ярославль – 43.

Яханбэцу – 268.

Kuskowski a Mountains – 506.

«Stolpka Memcoy» (см. Столп
каменной).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Источники

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

Андреев А.И. Новые материалы о русских плаваниях и открытиях в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVIII–XIX вв. // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75. Вып. 5. 1943.

Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (Материалы для биографии). Кн. 1–2. М., 1891.

Баскин В.Н. Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1875.

Головнин В.М. Записки в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. Ч. 1–3. СПб., 1816.

Головнин В.М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 гг. М., 1961.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.–Л., 1949.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению е.и.в. Александра Парного, на кораблях «Надежда» и «Нева». Т. 1–2. СПб., 1809–1812.

Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971.

1. Публикации документов на русском языке

Архив адмирала Н.В. Чичагова. Вып. 1. СПб., 1885.

Архив князя Воронцова. Кн. 1–4. М., 1870–1895; кн. 5. 1872.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке (XVII–XVIII вв.). М., 1964.

Атлас Курильских островов. М. – Владивосток, 2009.

Атлас Российской империи, состоящий из 46 карт. СПб., 1792.

Атлас Российской империи, состоящий из 52 карт. СПб., 1796.

Белов М.И. (сост.). Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океане. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. М.–Л., 1952.

Венская конвенция о праве международных договоров. М., 1997.

Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плаваниях отряда военных судов в Японию и Китай в 1852–1855 гг. // Морской сборник. 1856. № 10.

Выступление А.А. Громько на конференции в Сан-Франциско 5 сентября 1951 г. // Новое время. 1951. № 37. Приложение.

Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.–Л., 1946.

Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.–Л., 1940.

Документы внешней политики СССР. Т. 1–2. М., 1957–1958. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1–2. М., 1948.

Документы о капитуляции Японии // Международная жизнь. 1955. № 2.

Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири // Записки военно-топографического депо. Ч. X. 1947.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II–IV. СПб., 1846–1851.

Ефимов А.З. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950 (документы, карты).

Замечания правительства СССР по поводу политики США в отношении мирного договора с Японией // Новое время. 1951. № 22. Приложение.

Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана советника Верховного суда США А. Пальмера // Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1906.

Заявление Советского правительства правительству Японии // Блокнот агитатора. 1945. № 24.

К вопросу о незаконных действиях японских концессионеров на острове Сахалине // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 9.

К истории интервенции в Сибири // Красный архив. 1929. Т. 3. К истории Российско-Американской компании. Сборник документов. Красноярск, 1957.

Карта новых открытий в Восточном океане. СПб., 1781.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935.

Конец русско-японской войны (Военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе) // Красный архив. Т. 3. 1928.

Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Серия 2. Вып. I. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906.

Коростовец И.Я. Дневник секретаря графа С.Ю. Витте во время Портсмутской конференции, июль–сентябрь 1905 г. // Былое. 1918. № 1–3.

Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. Т. I. 1874; Т. IX. 1892; Т. XIII. 1902.

Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 1–4. СПб., 1861.

Материалы судебного процесса по делу бывших военно-служащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.

Махов В. Фрегат «Диана». Путевые записки бывшего в 1854–1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова. СПб., 1867.

Медушевская О.М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века // Труды 'Московского историко-архивного института. Т. 7. 1954.

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917. Серия 2. М., 1938–1940.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств, 1878–1917. Серия 3. Т. 1–7. М.–Л., 1931–1935.

Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов. 1871–1957. М., 1957.

Миллер Г.-Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих, когда они состояли под Российским владением. Пер. с нем. // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Т. 6. 1757. Июль, август, сентябрь, октябрь.

Миллер Г.-Ф. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Т. 2. 1755. Июль.

Миллер Г.-Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных. Перевод о нем. Ч. 1–2. СПб., 1758.

Наврот М.И. Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции // *Летопись Севера*. Т. V. 1971.

Нота правительства СССР правительству США о мирном договоре с Японией // *Новое время*. 1951. № 24. Приложение.

Об оккупации японскими войсками Северного Сахалина в 1920–1925 гг. // *Красный архив*. 1937. Т. 3.

Обмен письмами между Н.С. Хрущевым и Х. Икэда // *Международная жизнь*. 1961. № 11; 1962. № 1.

Образ Сахалина и Курильских островов на картах мира. XV–XX вв. Сост. и автор предисловия Елизарьев В.Н. Южно-Сахалинск, 2008.

Общий обзор событий на Дальнем Востоке // *Вестник НКВД*. 1920. № 6–7.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951.

Отчеты Российско-Американской компании. СПб., 1851–1864.

Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1–2. СПб., 1882–1885.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957.

Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России. Т. I. Иокогама, 1909; т. II. Токио, 1909.

Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., 1891.

Протоколы Конференции по заключению трактата о торговле и мореплавании между Россией и Японией. 1906–1907 гг. СПб., 1907.

Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года // *Русско-японская война. 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. Факты и комментарии*. Авторы-составители Глушков В.В., Черевко К.Е. М., 2006.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1875.

Русская тихоокеанская эпопея. Сост., исторические очерки, комментарии Дивина В.А., Черевко К.Е., Исаенко Г.Н. Хабаровск, 1979 г. Русские Курилы. Сборник документов по формированию русско-японской и советско-японской границы. Сост. В.К. Зиланов и др. М., 2002.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.–Л., 1952.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Сборник документов. М., 1948.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. 1608–1691 гг. Т. 1–2. М., 1969–1972.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. Т. XVI. СПб., 1906.

Сборник документов и материалов по Японии. 1951–1954 (Мирная конференция в Сан-Франциско, мирные договоры и другие соглашения с Японией, а также ноты и официальные заявления, касающиеся Японии). М., 1954.

Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVIII веке. М.–Л., 1952.

Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии. 1943–1946 гг. М., 1947.

Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР. М., 1949.

Сборник заявлений, предложений и запросов представителя СССР в Дальневосточной комиссии. Март 1946 – январь 1950. М., 1950.

Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии. Июль 1947 г. – июль 1951 г. М., 1951.

Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891.

Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. М. – Токио, 1992.

Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1861. Приложения.

Торговля с Японией. Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. Т. I. Кн. 4. СПб., 1865.

Фель С.К. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопросы географии. 1950. Сб. 17.

Шмалев Т.Н. Краткое описание о Камчатке, учиненное в июле месяце 1773 года камчатским командиром капитаном Тим. Шмалевым // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Московском университете. Ч. 1. М., 1774.

Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941.

Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М., 1934.

2. Публикации документов на японском языке

Дайнихон гайко бунсё (Документы внешней политики великой Японии). I–X. 1936–1949.

Оросиякоку суймудан (Сны о России). М., 1961.

Росиа сирё-ни миру 18–19 сэйки-но нитиро канкэй (Японо-российские отношения в XVIII–XIX вв. в документах. Ч. 1. Сендай, 2004. Ч. 2. 2007).

Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник документов по вопросу о северных территориях). Токио, 1968.

II. Исследования на русском языке

1. Международные отношения, история, география

а) Монографии, сборники, учебники

Аварян В. Борьба за Тихий океан. М., 1957.

Азатьян А.А., Белов М.И., Гвоздецкий Н.А., Каманин Л.Г., Мурзаев Э.М., Югай Р.Л. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969.

Александров В.И. Россия на дальневосточных рубежах. Вторая половина XVII в. М., 1969.

Алексеев А.И. Дело всей жизни. Книга о подвиге адмирала Г.И. Невельского (1813–1876 гг.). Хабаровск, 1972.

Алексеев А.И. Колумбы Российские. Магадан, 1966.

Алексеев А.И. Сыны отважные России (С.И. Дежнев, В.И. Беринг, Ф.П. Лаптев, Ф.П. Врангель, Г.И. Шелихов). Магадан, 1970.

Амур – река подвигов. Художественно-документальное повествование о Приамурской земле, ее первопроходцах, защитниках и преобразователях. СПб., 1911.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.–Л., 1965.

Андриевич В. История Сибири. Ч. 1–2. СПб., 1889.

Анучин Д.П. Географические работы. М., 1954.

Арманд Д.Л. Остров Хоккайдо. Физико-географическое описание. М.–Л., 1947.

Багров Л.С. Карты Азиатской России. Исторические заметки. Пг., 1914.

Берг Л.С. История русских географических открытий. М., 1962.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725–1742. М.–Л., 1946.

Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.–Л., 1946.

Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. Ч. 1. М., 1947.

Борисов С. Борьба за советский Дальний Восток. М., 1940.

Брылкин А. Статистические сведения о южной части Сахалина. СПб., 1868.

Буссе Н.В. Остров Сахалин. Экспедиция 1853–1854 гг. СПб., 1873.

Бушуева Т.С., Серегин А.В. Халхин-Гол. М., 2009.

Вексель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.–Л., 1940.

Венюков М.И. Обзорение японского архипелага в современном его состоянии. Ч. 1–3. СПб., 1871.

Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. I–II. СПб., 1873–1876.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. М., 2000.

Винокуров М. По Южному Сахалину. М., 1950.

Висковатов А. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. М., 1946.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977; Его же. Историческая география: определение, предмет задачи, методы изучения, источники (рукопись). М., 2008.

Воскобойников В.И. Слово на карте. Петропавловск-Камчатский, 1962.

Гвоздецкий Н.А. Советские географические исследования и открытия. М., 1967.

Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1959.

Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720. М., 1965.

Греков В.И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.

Гончаров И. Русские в Японии в конце 1853 г. и в начале 1854 года. СПб., 1855.

Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1–2. СПб., 1810–1812.

Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. М., 1971.

Дружинин Н.М. Русские мореплаватели в старой Японии. Л., 1924.

Дубинский А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.

Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Ч. 1–3. Южно-Сахалинск, 2002–2006.

Елизарьев В.Н. Образ Сахалина и Курильских островов на картах мира XV–XX вв. Южно-Сахалинск, 2008.

Ермакова Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России. М., 2005.

Ефимов А.Л. Из истории великих русских географических открытий XVII–XVIII вв. М., 1971.

Ефимов А.В. Из история русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII в. М., 1948.

Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М., 1962.

Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. М., 1982.

Жуков Е.М. История Японии. Краткий очерк. М., 1939.

Жуков Е.М. Советский Союз в борьбе за демократическое решение послевоенных проблем Дальнего Востока. М., 1950.

Жуков Ю. Русские и Япония. Забытые страницы из истории русских путешествий. М., 1945.

Зибольд Ф. Путешествие по Японии или описание Японской империи, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дефа, Шарльвуа, графа Гогендропа, Крузенштерна, Гунберга, Титсинга, Варениуса и др. СПб., 1854.

Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой войны. М., 2002.

Знаменский С. В поисках Японии. Из история русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Владивосток, 1929.

Игнатьев А.В. Ю.Витте – дипломат. М., 1989.

Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С. История современной Японии / Пер. с яп. М., 1955.

История внешней политики СССР. 1917–1970. Т. 1–2. М., 1966–1971.

История и культура народов Дальнего Востока. Доклады и сообщения, прочитанные на 2-й сессии Дальневосточных исторических чтений в Южно-Сахалинске в 1971 г. Южно-Сахалинск, 1973.

Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Вторая половина XVII – начало XX в. Хабаровск, 1973.

Каманин Л.Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1946.

Карон Ф. Описание о Японии. СПб., 1734.

Карпенко З. Гражданская война в Дальневосточном крае (1918–1922 гг.). М., 1934.

Колгушкин В. Д. Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII вв. и половины XIX в., хранящихся в архиве Центр. картогр. производства МВФ. Л., 1958.

Костылев В. Очерки истории Японии. СПб., 1888.

Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989.

Краткая история о японском государстве, из достоверных источников собранная. М., 1773

Крушанов А.И. Гражданская война на Дальнем Востоке. Владивосток, 1972.

Култашев Н.Б. Проблемы теории географического познания. Общенаучные и философские предпосылки. Тверь, 1994.

Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. Из истории отношений Японии с Россией и СССР, 1905–1945. М., 1961.

Он же. Россия и Япония. М., 1988.

Кюнер Н.В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Романовых. Владивосток, 1913.

Лебедев Д.М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М., 1971.

Лужков Ю.М., Титов И.Б. Курильский синдром. М., 2008.

Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. 1982–1986.

Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Максаковский В.П. География народов мира. М., 1997.

Марков С.Н. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. М., 1971.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1–2. М., 1973.

Меклер Г.К. Хоккайдо. М., 1986.

Мельчин А.И. Разгром американо-японских интервентов на Советском Дальнем Востоке в 1920–1922 годах. М., 1953.

Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. 1–2. М.–Л., 1937–1941.

Мицуль М. Очерк острова Сахалин в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873.

Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников и исследователей (Участие местного населения в географическом изучении северо-востока Сибири в XVII – начале XX века). Якутск, 1966.

Накамура С. Японцы и русские. М., 1983.

Народы Восточной Азии. М.–Л., 1965.

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956.

Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849–1855. Хабаровск, 1969.

Новаковский С.И. Япония и Россия. Токио, 1918.

Оглоблин Н.Н. Новые данные о Владимире Атласове. М., 1888.

Очерки новой истории Японии (1640–1917). М., 1958.

Петров Д.В. Внешняя политика Японии после Второй мировой войны. М., 1965.

Петров Д.В. Япония в мировой политике. М., 1973.

Полевой Б.П. Григорий Шелихов – Колумб Российский. Биографический очерк. Магадан, 1960.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-Японской войны (1895–1907). М.–Л., 1955.

- Россия и Япония: пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001.
- Рыжков А.Н. Из истории открытия, исследований и освоения Сахалина. Южно-Сахалинск, 1960.
- Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. М., 1976.
- Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.
- Сафронов В.П. Война на Тихом океане. М., 2007.
- Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961.
- Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. до установления Советской власти). Автореф. докт. дисс. М., 1966.
- Сергеев М.А. Курильские острова. М., 1948.
- Славинский Б.Н. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945. М., 1999.
- Смирнов Л.Н., Зайцев Б.Б. Суд в Токио. М., 1978.
- Сноу Д. Курильская гряда. Владивосток, 1902.
- Соловьев А.И. Курильские острова. М.–Л., 1947.
- Стрельбицкий С.. Земельные приобретения России в царствование Александра II. СПб., 1881.
- Такакура Синъитиро. Очерк истории Курильских островов. Токио. 1961.
- Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
- Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1–2. СПб., 1861–1863.
- Улановский Ю.Б. Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией. Автореф. канд. дисс. М., 1956.
- Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX в. М., 1954.
- Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения (1792–1875). М., 1955.

Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.

Фель С.К. Картография в России XVIII века. М., 1960.

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоеваний сей земли российским оружием / Пер. с англ. СПб., 1774.

Фрадкин Н.Г. Очерки по истории физико-географических исследований СССР (1917–1927). М., 1961.

Хейфец Л. Остров Сахалин. Южно-Сахалинск, 1956.

Хорев Б.С. Территориальная организация общества. М., 1981.

Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX вв. М., 1999.

Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.

Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война. М., 2006.

Шведов В.Г. Теоретические основы исторической политической географии. Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра геогр. наук. Иркутск, 2004; Он же. Историческая география Амурского района. Часть 1. Биробиджан, 2000.

Штернберг Л.Я. Айнская проблема. Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.–Л., 1946.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.

Эйдус Х.Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.

Эйдус Х.Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после Второй мировой войны. М., 1964.

б) Статьи

Аболтин Н.В. Как был возвращен СССР Северный Сахалин // Северная Азия. 1927. № 4.

Абрамов З. Японская оккупация на Дальнем Востоке. // Историк-марксист. 1932. № 1–2.

Андреев А.И. Экспедиции на Восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века) // Труды историко-архивного института. 1946. Т. 2.

Андреев А.И. Экспедиция В. Беринга // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75. Вып. 2. 1943.

Андреев В. Курильские острова // Морской сборник. 1938. № 11, 12.

Баскин С.И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719–1722) // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 84. Вып. 4. 1952.

Бутковский Я. Сахалин и его значение // Морской сборник. Пб., 1874. № 4.

Венюков М.И. Материалы для обозрения русских границ в Азии // Морской сборник. 1872. № 3–12.

Венюков М.И. Поземельные приобретения и уступки России за последние тридцать лет, 1850–1880 // Русская мысль. 1860. № 4.

Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века (Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг.) // Русская старина. Т. XXXIV, июль–октябрь 1895.

Гальперин А.Л. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII – середине XIX в. // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956.

Гнучева В.Ф. Ломоносов и географический департамент Академии наук // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 1. М.–Л., 1940.

Дивин В.А. К освещению истории исследования и освоения северной части Тихого океана и Восточной Азии // Морской сборник. 1970. № 2.

Дивин В.А. Некоторые аспекты военно-морской теоретической мысли России второй половины XVIII – первой половины XIX вв. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969.

Дивин В.А., Черевко К.Е. Русские выходят к океану // Морской сборник. 1976. № 12. Добротворский М. Южная часть Сахалина (Извлечено из военно-медицинского отчета доктора Добротворского за 1868 г.) // Известия сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 1. Вып. 2, 3. Иркутск, 1870.

Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке // Проблема Арктики. 1943. № 2.

Ефремов Ю.К. К истории названий Большой и Малой Курильских гряд // Вопросы географии. 1951. Сб. 24.

Иоффе А.А. Россия и Япония (Чанчуньская конференция) // Новый Восток. 1923. № 4.

Иоффе А.А. СССР и Дальний Восток // Мировое хозяйство и мировая политика. 1927. № 10–11.

К нормализации советско-японских отношений // Международная жизнь. 1956. № 2.

Конрад Н.И. Возникновение и развитие феодализма в Японии // Всемирная история. Т. 3. М., 1957.

Константинов В.М. Свидетельства японцев о России XVIII века // Советское востоковедение. 1958. № 2.

Кудашев Л.Н. О нарушении милитаристской Японией пакта о нейтралитете с СССР // Международная жизнь. 1962. № 2.

Кудашев Л.Н. Установление дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 году // Вопросы истории. 1960. № 1.

Лю Данянь. О Канси // Информационный бюллетень отдела истории Института экономики мировой социалистической системы. М., 1969. № 2.

Макарова Р.В. Из истории открытия, исследования и присоединения острова Сахалин к России // Преподавание истории в школе. 1947. № 4.

Марков М. К вопросу о подготовке мирного договора о Японией // Новое время. 1947. № 35.

Миллер Г.-Ф. Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россией граничат // Сочине-

ния и переводы, к пользе и увеселению служащие. Т. 14. 1761. Ноябрь, декабрь.

Миллер Г.-Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных / Пер. с нем. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758. Т. 7 (январь, февраль, март, апрель, май); т. 8 (июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь).

Мясников В.С. Русско-китайское территориальное размежевание в конце XVII– начале XVIII вв. // Информационный бюллетень Института Дальнего Востока АН СССР/ 1967. № 13.

Невельской Г.И. По поводу воспоминаний Н.В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 г. // Вестник Европы. СПб., 1872. Кн. 8.

Невский С. Советско-японские отношения // Международная жизнь. 1956. № 4.

Оглоблин Н. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. М., 1891.

Огрызко И.И. Открытие Курильских островов // Ученые записки Ленинградского университета. Серия факультета народов Севера. № 157. Вып. 2. 1953.

Петрова О.П. Адмирал Е.В. Путятин в бухте Хэда (К истории русско-японских отношений в середине XIX в.) // Советское востоковедение. 1949. № 6.

Покровский А.А. Беринг и его экспедиция (1725–1743) // Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941.

Полевой Б.П. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? // Материалы по истории географических знаний. Вып. 1. Л., 1962.

Полевой Б.П. Забытые сведения спутников В.Д. Пояркова о Сахалине (1644–1645) // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 90. Вып. 6. 1958.

Полевой Б.П. Сообщение С.И. Дежнева о «Большом каменном Носе» и происхождение его ложного толкования // Известия АН СССР. Серия географическая. 1970. № 6.

Полонский А. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. IV. 1871.

Постников А.В. К историографии истории географии (Материалы к учебному пособию) // Вопросы истории науки и техники. 2003. № 2.

Радищев А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири (отрывок) // Полное собрание сочинений. Т. 2. М.–Л., 1941.

Самойлов В. Из истории сношений России и Японии в XVII–XVIII веках // Исторический журнал. 1940. № 6.

Свешников И. Необъявленные войны Японии против Советского Союза. К итогам Токийского процесса // Новое время. 1948. № 46.

Сгибнев А. Большой Камчатский наряд (экспедиция Елчина) // Морской сборник. 1868. Т. 99. № 12.

Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий // Морской сборник. 1869. Т. 100. № 1.

Севостьянов Г.Н. Из истории подготовки и развязывания войны на Тихом океане // Вопросы истории. 1953. № 11.

Севостьянов Г.Н. Обострение империалистических противоречий на Дальнем Востоке после заключения Тройственного пакта (сентябрь 1940 – апрель 1941 года) // Вопросы истории. 1958. № 5.

Сем Ю.А. Особенности национально-колониальной политики царизма на Дальнем Востоке в эпоху феодализма и капитализма // Труды ДВНЦ АН СССР. Владивосток, 1971. Т. 8. Серия история.

Сенченко И.А. Их не забудет Россия // Исследователи Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1961.

Спасский Г. История плаваний россиян из рек сибирских в Ледовитое море // Сибирский вестник. Ч. 19. 1822.

Спасский Г. Монах Игнатий Козыревский // Сибирский вестник. Ч. 1. 1823.

Черевко К.Е. Внешняя политика СССР в кривом зеркале японской советологии // Проблемы Дальнего Востока. 1983. № 2.

Черевко К.Е. Имеются ли у России территориальные долги к России // Мир и политика. 2008. № 9–10.

Черевко К.Е. Историческая география по-пекински // Морской сборник. 1979. № 11.

Черевко К.Е. Исторические документы о проблеме северных территорий // Дипломатический ежегодник, 2002. М., 2003.

Черевко К.Е. Как в Россию проникали первые сведения о Японии // Проблема Дальнего Востока. 1976. № 6.

Черевко К.Е. Как заселялись острова прибрежной Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 1.

Черевко К.Е. Кто мешает улучшению советско-японских отношений // Аргументы и факты. 1984. № 31.

Черевко К.Е. Курильские острова в отечественной и зарубежной картографии (XVII–XX вв.) // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1960.

Черевко К.Е. Маоистские притязания без Мао // Морской сборник. 1960. № 9.

Черевко К.Е. Новые материалы по истории русско-японских отношений // Народы Азии и Африки. 1971. № 1.

Черевко К.Е. Объективное свидетельство японского историка // Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 2.

Черевко К.Е. Описание «Апонского государства» монаха Игнатия Козыревского // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2.

Черевко К.Е. Памятник японо-русской дружбы // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 3.

Черевко К.Е. По следам древних культур Хоккайдо // Проблемы Дальнего Востока. 1982. № 4.

Черевко К.Е. США и так называемая «проблема северных территорий» // США: экономика, политика, идеология». 1981. № 9.

Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина. История и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4.

Черевко К.Е. Японская советология в воинственном походе // Морской сборник. 1981. № 9.

Черевко К.Е., Андреев К. Правда и выдумка о «северных территориях» // Международная жизнь. 1983. № 3.

Черевко К.Е., Яковлев А.Г. Вопреки исторической правде (о книге К.Сакамото «Пограничные районы в истории советско-китайских отношений») // Мировая экономика и международные отношения. 1976. № 8.

2. Международное право

а) Монографии, сборники, учебники

Блищенко Б.М., Ушаков Н.А. Нерушимость границ – условие международного мира. М., 1975.

Верещагин В.С. и др. Международное право. М., 1999.

Клименко Б.М. Государственная граница – проблема мира. М., 1964.

Клименко Б.М. Государственная территория. М., 1974.

Клименко Б.М. Граница – проблема мира. М., 1964.

Кожевников Ф.И. Великая Отечественная война и некоторые вопросы международного права. М., 1954.

Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право (до XX века). М., 1947.

Коровин Е. Япония и международное право. М., 1936.

Минасян Н.М. Сущность современного международного права. Ростов-на-Дону, 1962.

Оппенгейм Л. Международное право. Т. I. Полутом 2. М., 1949.

Рогинский М.Ю., Розенблит С.Л. Международный процесс главных японских военных преступников. М.–Л., 1960.

Родионова В.А. Территория в международном праве. Лекция для студентов Всесоюзного юридического заочного института. М., 1955.

Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. М., 1953.

Талалаев А.Н. Право международных договоров. М., 1973.

Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970.

Яновский М.Л. Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. Ташкент, 1956.

б) Статьи

Аваков М.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и проблема правопреемства // Ученые записки Белорусского института народного хозяйства. Вып. 1. 1955.

Багинян К.А. К вопросу об определении агрессии // Советское государство и право. 1955. № 1.

Голунский С.А. Суд над японскими военными преступниками // Новое время. 1947. № 18.

Дубровский Д. Токийский процесс // Дальний Восток. 1949. № 1.

Дурденевский В.Н. Довоенные договоры после войны // Советское государство и право. 1947. № 1.

Дурденевский В.Н. Советская территория в актах международного права за 30 лет (1917–1937) // Вестник Московского Университета. 1947. № 11.

Дурденевский В., Осницкая Г. Пакты о ненападении – реальное средство предотвращения агрессии // Международная жизнь. 1959. № 5.

Кожевников Ф.И. Творческая роль СССР в справедливом разрешении территориальных вопросов // Ученые записки Академии общественных наук. Вып. 3. 1949.

Кутаков Л.Н. Восстановление исторических прав // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VIII. 1951. № 2.

Ладыженский А.М. Юридическая природа территориального верховенства // Вестник Московского университета. 1948. № 10.

Лазарев М.И. Государственная граница СССР – решающий фактор мира и международной безопасности // Известия Академии Наук СССР. Отделение экономики и права. 1950. № 2.

Молодцов В.С. Границы и право // Международная жизнь. М., 1964. № 4.

Молодцов В.С. Некоторые вопросы территории в международном праве // Советское государство и право. 1954. № 8.

Перетерский И.С. Значение международного договора для третьего государства // Советское государство и право. 1957. № 4.

Рагинский М.Ю., Розенблит С.Л. Хабаровский процесс над японскими военными преступниками // Советское государство и право. 1950. № 3.

Раппопорт М. Международно-правовые вопросы суда над главными японскими преступниками войны // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия юридических наук. Вып. 1. 1948.

Розенблит С.Я. Токийский международный процесс // Советское государство и право. 1947. № 3.

Талалаев А.Н. Комментарий // Венская конвенция о праве международных договоров. М., 1997.

Траинин И.П. Вопросы территории в государственном праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1947. № 4, 6.

Улановский Ю.Б. Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией // Советское государство и право. 1952. № 5.

Шатов Л. Нарушение американской дипломатией общепринятых норм процедуры на Сан-Францисской конференции 1951 года // Вопросы международного права в теории и практике США. М., 1957.

III. Исследования на европейских языках

1. Монографии

Akagi R.H. Japan's Foreign Relations, 1542–1936. A Short History. Tokyo, 1936.

Aston W.G. Russian Descents Into Saghalen and Itorup In the years 1806 and 1807. Translations of the Asiatic Society of Japan. Vol. 1. Yokohana, 1872.

- Dallin D. *The Rise of Russians In Asia*. New Haven, 1949.
- Golder F.A. *Bering's Voyages. An Account of the Efforts of the Russians to Determine the Relations of Asia and America*. 2 vols. New York, 1922–1925.
- Golder F.A. *Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850*. Cleveland, 1914.
- Hasegawa Tsuyoshi. *The Northern Territorial In Russo–Japanese Relations*. Los-Angeles, 1998.
- Isbert H. *Geschichte, Natur und Bedeutung der Insel Sachalin*. Bonn, 1907.
- Japan. Ministry of Foreign Affairs. *The Northern Islands. Background of Territorial Problems In the Japanese-Soviet Negotiations*. Tokyo, 1955.
- Korff S.A. *Russia's Foreign Relations during the Last Half Century*. N.Y., 1922.
- Korostovets J.J. *Pre-War Diplomacy: The Russo–Japanese Problem*. London, 1920.
- Kuno Yoshi S. *Japanese Expansion on the Asiatic Continent. A Study In the History of Japan with Special Reference to Her International Relations with China, Korea and Russia*. Vol. I–III. Berkeley–Los-Angeles, 1937–1940.
- Lensen G.A. *Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture In Northern Japan*. Hakodate, 1954.
- Lensen G.A. *Russia's Japan Expedition of 1852 to 1855*. Gainesville, 1955.
- Lobanov-Rostovsky A.B. *Russia and Asia*. N.Y., 1933.
- Muller M. *Die Japanische Kolonie Karafuto (Sachalin)*. Petermanns Geographische Mitteilungen. Bd. 62. Teil 1. 1916.
- Murdoch J., Yamagata I. *A History of Japan*. 3 vols. L., 1903–1926.
- Muroga Nobuo. *Geographical. Explorations of the Japanese Pacific Basin*. 1967. № 4.
- Price E.B. *The Russo-Japanese Treaties of 1907–1916*. Baltimore, 1923.
- Ramming. *Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den westlichen Mächten*. Tokyo, 1926.

Ravenstein E.G. The Russian on the Amur. Its Discovery, Conquest and Colonization. L., 1861.

Siebold P.F. von. Nippon, Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Weben und Schultslandern Jezo mit den Sudlichen Kurilen, Sachalin, Korea und den Liukiu. Wurzburg–Leipzig, 1897.

Snow H.J. Notes on the Kuril Islands. L., 1897.

Stephan J.J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971.

Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N. Y., 1949.

Ursyn-Pruszyński V. Die Kämpfe auf der Insel Sachalin während des Russisch-Japanischen Kriegs. Wien, 1910.

2. СТАТЬИ

Amidon W.C. The Issue of Sakhalin In Russo–Japanese Relations // Center of Japanese Studies. Occasional Papers. No. 7. Ann Arbor, 1957.

Fink C. Der Kampf um Sachalin // Ostasiatische Rundschau. Bd. 6. 1925.

Itchikawa D. Die Insel Sachalin. Zur Erinnerung an die Friedensvorhandlungen In Portsmouth // Asuen. Bd. 6. 1906–1907.

Korner R.J. The Russian Eastward: Some Observations on Its Historical Significance // Pacific Historical Review. Vol. XVII. 1948. May.

Lensen G.A. Early Russo-Japanese Relations // The Far Eastern Quarterly. Vol. X. No. 1. Nov. 1950.

Lensen G.A. The Importance of Tsarist Russia to Japan // Contemporary Japan. Vol. XXIV. No. 10–12. Apr. 1957.

Salwey C.M. Japanese Monograph No. 18. The Kuril Islands, Called by the Japanese, Chishima // Asiatic Quarterly Review. 3 Series. 34 (1912).

Wildes H.E. Russia's Attempts to Open Japan. The Russian Review. Vol. V. Vol. 1. Autumn 1945.

IV. Литература на японском языке

1. Монографии

Вада Харуки. Хоппо рёдо-о кангаэру (Размышления о северных территориях). Токио, 1999.

Ваки Тэцу. Тисима то нихондзин (Курильские острова и японцы). Токио, 1970.

Ёсида Киньити. Киндай росин канкэйси (История русско-китайских отношений в новое время). Токио, 1974.

Ёсида Сиэн. Хоппо рёдо (Северные территории). Токио, 1973.

Ёсида Такаэдзо. Хоппоси нюмон (Введение в историю северных районов). Токио, 1974.

Инаба Ивакити. Мансю кокуси цурон (Общий очерк истории Маньчжоу-го). Токио, 1935.

Инаба Ивакити. Синтё дзэнси (Полная история Цинской династии). Токио, 1914.

Инаба Ивакити, Яно Дзинъити. Тёсэн Мансюси (История Кореи и Маньчжурии). Серия «Сэкай рэкиси тайкэй» (Всемирная история). №. 11. Токио, 1935.

Кадзима Мориносукэ. Кинрин сёкоку оёби рёдо мондай (Территориальный вопрос и соседние страны). Токио, 1970. Камэй Такаёси. Дайкокуя Кодаю. Токио, 1964. Касэ Тосикадзу. Дайнити сэкай тайсэн хисси (Тайная история Второй мировой войны). Токио, 1953.

Кё Синъя. Аину мпндзоку тэйкоси (История сопротивления айнской народности). Токио, 1974.

Кодама Ёити. Роэйбэйфуцу оинряку-но ато-о каэримитэ (История проникновения России, Англии, США и Франции на Дальний Восток). Токио, 1938.

Кодзима Нобору. Токё сайбан (Токийский процесс). Т. 1–2. Токио, 1971.

Мансю рэкиси тири (Историческая география Маньчжурии). Т. 1–2. Токио, 1913.

Масуда Тадао. Мансю коккё мондай (Проблемы государственной границы Маньчжурии). Токио, 1941.

Мацунага Тёкэн. Карафутто оёби Камусакка (Сахалин и Камчатка). Токио, 1905.

Мита Хидзаки. Хоппо рёдо (Северные территории). Токио, 1974.

Миядзаки Райхати. Карафутоси моногатари (Очерки по истории Сахалина). Токио, 1944.

Мураяма Ситиро. Куриру сёто-но бункэнтэки кэнкю (Исследование Курильских островов с точки зрения филологии). Токио, 1987.

Накамура Синтаро. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские). Токио, 1978.

Нисидзуру Садаёси. Карафутто-но рэкиси (История Сахалина). Токио, 1977.

Нумада Итиро. Нитиро гайкоси (История русско-японских дипломатических отношений). Токио, 1943.

Обата Дзюн, Токиноя Масару. Сэйсэцу Нихонси (Апробированная история Японии). Токио, 1967.

Окамото Рюносукэ. Нитиро косё Хоккайдо сико (Очерк истории Хоккайдо в связи с японо-русскими отношениями). Токио, 1898.

Окума Рёити. Тисима Огасавара сико (Очерк истории Курильских островов и островов Огасавара). Токио, 1969.

Окума Рёити. Хоппо рёдо мондай рэкиситэки хайкэй (Историческая подоплека проблемы северных территорий). Токио, 1964.

Отиаи Тадаси. Хоппо рёдо (Северные территории). Токио, 1971.

Сакамото Корэтада. Хэнкё-о мэгуру тусо канкэйси (Пограничные районы в истории советско-китайских отношений). Токио, 1974.

Сигэтада Манабэ. Нитиро канкэйси (История японо-русских отношений, 1697–1875). Токио, 1978.

Симидзу Такэхиса. Рэнин то Симода дзёяку (Ленин и Симодский трактат). Токио, 1974.

Симидзу Такэхиса. Тайнити Сорэн сэнсо то Ярута кётэй (Война СССР против Японии и Ялтинское соглашение). Токио, 1976.

Симидзу Такэхиса. Хоппо рёдо мондай кайкэцу-но сихосики (Всестороннее методологическое исследование разрешения проблемы северных территорий). Токио, 1977.

Такакура Синъитиро. Айну сэйсакуси (История политики в отношении айнов). Токио, 1972.

Такакура Синъитиро. Тисима гайси (Очерк истории Курильских островов). Токио, 1962.

Такано Акира. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1971.

Такано Юити. Нихон-но рёдо (Территория Японии). Токио, 1962.

Такаяма Сатоси. Ниссо канкэй. Рёдо гайко то кэйдзай керёку (Японо-советские отношения. Дипломатия по территориальному вопросу и экономическое сотрудничество). Токио, 1978.

Тamura Косаку. Кокусайхо-кара мита хоппо рёдо мондай (Проблема северных территорий с точки зрения международного права). Токио, 1961.

Тории Рюдзо. Тисима айну (Айны Курильских островов). Токио, 1903.

Тояма Сигэки. Сэнго-но рэкисигаку то рэкиси исики (Историческая наука и понимание истории после войны). Токио, 1976.

Фудзимото Хидэо. Айну-но хака (Айнские погребения). Токио, 1974.

Фудзимото Хидэо. Вадзин синряку то айну кайхо ундо (Японская агрессия и освободительное движение айнов). Токио, 1972.

Фудзимото Хидэо. Кита-но хака (Северные погребения). Токио, 1972.

Фунакоси Акио. Хопподзу-но рэкиси (История карт северных районов). Токио, 1976. Фудзимото Хидэо. Айну-но хака (Айнские погребения). Токио, 1974.

Хаяси Сабуро. Кантогун то кёкуго Сорэнгун (Квантунская армия и Советская армия на Дальнем Востоке). Токио, 1974.

Хоппо рёдо-но кисо тисики (Основополагающие сведения по северным территориям). Токио, 1968.

Хора Томио. Карафутоси кэнкю (Исследование истории Сахалина). Токио, 1956.

Хора Томио. Мамя Риндзо. Токио, 1960.

Хора Томио. Хоппо рёдо-но рэкиси то сёрай (История северных территорий и будущее). Токио, 1973.

Эномото Мориэ, Кими Нобухико. Хоккайдо-но рэкиси (История (Хоккайдо). Токио, 1969.

2. Статьи

Абэ Мицудзо. Бакумацуки нитиро канкэй (Японо-русские отношения в конце периода правления сёгунов // Хоппо рёдо-но тли (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Акидзуки Тосиюки. Кодзуирэфусуки-но танкэн то Тисима тидзу (Экспедиция Козыревокого и чертеж Курильских островов) // Хоппо бунка кэнкю. III. Токио, 1968.

Баба Осаму. Кокогакудзё-ёри митару кита Тисима (Северные Курилы с точки зрения археологии) // Дзинруйгаку сэнсигаку кодза (Лекции по антропологии и предысторштокио, 1933.

Ватанабэ Сигэру. Хоппо рёдо то кёкасё (Северные территории и учебная литература) // Минами то Кита. Токио, 1960. № 49.

Ириэ Кэйсиро. Сэнрё канрика-но хоппо рёдо (Северные территории в условиях оккупации) // Хоппо рёдоно тии (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Исида Сигэо. Поцумасу дзёяку то хоппо рёдо мондай (Портсмутский договор и территориальная проблема) // Там же.

Исии Такаси. Вага бакумацу сёдзёяку-но рэкиситэки тии (Исторический статус наших договоров в конце периода правления сёгунов) // Кокусай сэйдзи. Токио, 1960.

Куба Такэо. Хоппо рёдо то Тюсо канкэй (Северные территории и китайско-советские отношения) // Асахи дзянару. 1971. 14 мая.

Кувабара Тэрумити. Хоппо рёдо-но хэнкан ёкю ундо (Движение за возвращение северных территорий) // В кн.: Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Мацумото Сюнъити. Хоппо рёдо мондай то Тюсо коккё фунсо (Проблема северных территорий и китайско-советские отношения) // Минами то Китаю II. Токио, июль 1969.

Маэбара Мицуо. Хоппо рёдо-но хотэки тии (Юридический статус северных территорий) // Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Накадзима Минэо. Горубатёфу-га тогэру тайнити сэнряку-но букими-на хэнкакю (Стратегия политики Горбачева в отношении Японии – крученный мяч с непредсказуемой траекторией) // Гэндай. 1986. № 12.

Оноэ Масао. Сэнго-но ниссо канкэй (Японо-советские отношения в послевоенный период) // Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Ояма Адзуса. Мэйдзи сёки-но хоппо рёдо мондай (Проблема северных территорий в начальный период Мэйдзи) // Там же.

Синобу Сэйдзабуро. Тисима Карафуто кокан дзёяку (Договор об обмене Курильских островов на Сахалин) // Кокусай сэйдзи. Токио, 1957. № 4.

Сугимори Кодзи. Москва-кара Сорэн-но тайнитикан-о бунсэки-суру (Анализ из Москвы позиции СССР в отношении Японии) // Дзию. 1986 № 12.

Такано Акира. Б. Порэвой-но Мамия Риндзо хихан-ни цуйтэ (О критике Б. Полевым Мамия Риндзо) // Росиаго Росиа бунгаку кэнкю. Токио, 1973. № 5.

Такано Акира. Эбурэинофу то Рудзин-но Тисима танкэн-ни цуйтэ (Об экспедиции Евреинова и Лужина на Курильские острова) // Кайдзиси кэнкю. Токио, 1968. № 10.

Такано Юити. Рёдо (Территория) // В кн.: Хэйва дзёяку-но сого кэнкю (Комплексное исследование мирного договора). Ч. 1. Токио, 1952.

Такано Юити. Хоппо рёдо-но нори (Правовые нормы в отношении северных территорий) // Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Тамура Косаку. Кова дзёяку то рёдо мондай (мирный договор и территориальный вопрос) // Тоё кэйдай симпо. Токио, 1950. 4 марта.

Тамура Косаку. Хоппо рёдо мондай-но киин то кэйка (Происхождение и состояние проблемы северных территорий) // Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Утида Хисаси. Сорэн-но рёкай сэйдо (Система территориальных вод СССР) // Там же.

Утида Хисаси. Совэто рёсуй рирон-ни цуйтэ (О советской концепции территориальных вод). Ч. I, II // Кокусай гайко дзас-си. Токио, 1955. № 6; 1956. № 2.

Уэда Кацуо. Рёдо кидзоку канкэйси (История отношений с другими странами в связи с присоединением территорий) // В кн.: Хэйва дзёяку-но сого кэнкю (Комплексное исследование мирного договора). Ч. II. Токио, 1953.

Уэда Кацуо. Сибэриа сюпэй то кита Карафуто мондай (Сибирская экспедиция и проблема Северного Сахалина) // Хоппо рёдо-но тии (Статус северных территорий). Токио, 1962.

Ханами Тацудзи. Нихон то рёдокэн (Япония и территориальное право) // Доко. Токио, 1962. № 1.

Хора Томио. «Кою рёдо» минами Тисима (Южные Курилы как «исконная территория») // Рэкиси хёрон. Токио. 1968. № 211–213.

Хосоя Тихиро. Нитиро ниссо канкэй-но тэйкай (Развитие японо-русских и японо-советских отношений) // Кокуоай сэйдзи. Токио, 1965. № 2.

У. Справочные издания

1. На русском языке

Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М., 1969–1985.

Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1969–1986.

Современная Япония. М., 1973.

Япония. Ежегодник. М., 1973–2008.

2. На японском языке

Асахи нэнкан (Ежегодник «Асахи»). Токио, 1965–1985.

Бэй нэнкан (Ежегодник по вопросам обороны). Токио, 1965–1985.

Иомиури нэнкан (Ежегодник «Иомиури»), 1964–1985.

Кокумин сэйдзи нэнкан (Ежегодник по вопросам политической жизни народа). Токио, 1962–1985.

Нихон сэйдзи нэнкан (Японский политический ежегодник). Токио, 1960–1985.

Сэйдзи нэнкан (Политический ежегодник). Токио, 1968–1985.

3. На английском языке

Asian Security. Tokyo, 1979–2008.

K.B.S. Bibliography of Standard Reference Books for Japanese Studies with Descriptive Notes. Tokyo, 1959–1965.

Keesing's Contemporary Archives (Weekly Diary of World Events). Bristol, 1970–2005.

Military Balance. L., 1970–2008.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КАК К РУССКИМ ПРОНИКАЛИ ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ И ГРАНИЧАЩИХ С НЕЮ ЗЕМЛЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	10
---	----

1. Притязания Японии на Сахалин и Курильские острова как на ее исконные территории: приоритет аборигенов материковой Северо-Восточной Азии в их заселении и освоении..... 10
2. Взаимное ознакомление русских и японцев через третьи страны... 21
3. О первых русско-японских контактах в конце XVI – начале XVII века 31
4. Сведения в России о Японии и районах взаимного территориального сближения во второй половине XVII века 45
5. На подступах к Японии. Вопрос о времени появления русских в районах территориального сближения с Россией в XVII веке 49
 - 1) Загадка появления И. Юрьева (Москвитина) на «острове» Камчатка и его первые сведения о Курилах 49
 - 2) Первые зимовья русских на Камчатке и вопрос об их первом вояже к Курильским островам 60

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЯПОНЦЫ В РОССИИ И РУССКИЕ В ЯПОНИИ И В РАЙОНАХ ВЗАИМНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СБЛИЖЕНИЯ (КОНЕЦ XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)	67
--	----

1. Первый известный под своим исконным именем японец Дэмбэй в России и его роль в русско-японских отношениях 67
2. О «школе японского языка» в России в начале XVIII века в связи с перспективой установления отношений с Японией 86

3. «Проведывание» Курильских островов отрядом И.П. Козыревского (1711–1713 гг.) и его сведения о Японии.....	110
4. Попытки Большого Камчатского наряда Я.А. Елчина «проведать» Японию (1716–1719) и экспедиция И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина (1719–1722)	120
5. Первая Камчатская экспедиция (1725–1729 гг.) и экспедиция А.Ф. Шестакова (1727–1730 гг.) в поисках Японии.....	125
6. Школа японского языка в России в 30–40-х годах XVIII века ...	130
7. Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743 гг.) и открытие пути в Японию.....	136

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА 163

1. Контакты между русскими и японцами на Курильских островах и острове Мацумаэ (ныне остров Хоккайдо).....	163
2. Побег в Японию русских во главе с М.А. Беньовским с Камчатки	170
3. Первое официальное посольство России в Японию.....	181
4. Результаты посольства А.Э. Лаксмана и возвращения Д. Кодаю и Т. Исокити в Японию.....	218

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. РУССКО-ЯПОНСКИЕ КОНТАКТЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 235

1. Второе русское посольство в Японию во главе с Н.П. Резановым (1803–1806).....	235
2. Экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова (1806–1807).....	261
3. Экспедиция В.М. Головнина (1811–1813) и ее последствия....	273
4. Деятельность японцев, побывавших в России, и первых японских переводчиков русского языка в первой половине XIX века.....	287

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ОТ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГОДОВ ДО ОКОНЧАНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГОДОВ)..... 298

1. Становление межгосударственных отношений России с Японией в середине 50-х годов XIX века.....	298
--	-----

2. Русско-японские отношения в 60-х – середине 90-х годов XIX века и вопрос о формировании границ 311
3. Вопрос о Сахалине и Курильских островах на Портсмутской мирной конференции 1905 года..... 324

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ СССР/РФ С ЯПОНИЕЙ И КИТАЕМ В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И КАРТОГРАФИЯ..... 328

1. Проблема границы нашей страны с Японией в середине XX – начале XXI века 328
2. Курильские острова в отечественной и зарубежной картографии 350
3. О границах России на Дальнем Востоке на учебных картах по отечественной истории и новой истории 1987–1988 годов и в атласах отечественной истории 2002–2003 годов..... 368

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ РОССИИ С КИТАЕМ В XVII–XXI ВЕКАХ.....375

1. Несостоятельность концепции «утраченных территорий» Китая в отношении пограничных районов российского Дальнего Востока375
2. Территориальное размежевание России с Китаем и его отрицательное влияние на формирование ее границ с Японией ... 381

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПЕРВЫЙ ОЧАГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОГРАНИЧНЫХ С СССР РАЙОНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ И ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.....429

1. Вторжение японских войск в Маньчжурию и позиция советского правительства 429
2. Позиция Советского Союза в отношении вторжения Квантунской армии в Маньчжурию и создания Маньчжоу-го (1931–1932) 435
3. Предложение СССР Японии заключить пакт о ненападении (1931–1932)..... 440
4. Мероприятия СССР по укреплению безопасности на границах с Северо-Восточным Китаем (1931–1936 гг.) 442
5. Усиление напряженности на границах с Маньчжоу-го (1935–1936)451

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ СССР С ЯПОНИЕЙ И МАНЬЧЖОУ-ГО В ПОГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х ГОДОВ)	465
1. Благовещенский инцидент, или инцидент у Константиновских островов в 1937 году	465
2. Другие пограничные инциденты в 1937 году.....	469
3. Советско-японский пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 году	472
4. Вооруженный конфликт на границе МНР и Маньчжоу-го в районе р. Халхин-Гол в 1939 году и проблема безопасности советских границ в Забайкалье	485
 ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ОТКРЫТИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСВОЕНИЕ РОССИЯНАМИ РУССКОЙ АМЕРИКИ В XVII–XIX ВЕКАХ И ГРАНИЦЫ РОССИИ С СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ В XX–XXI ВЕКАХ	501
1. «Русские Колумбы» в Америке	501
2. Является ли западная граница Русской Америки справедливой линией разграничения морских пространств между СССР/РФ и США (картография и международное право)?.....	512
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	530
 ПРИМЕЧАНИЯ	543
 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	617
 УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	631
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	649

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 40 томов).

Редактор Л. А. Попенова
Корректор Н. Н. Самойлова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 10.06.2010 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 29,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русское искусство
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спаский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: Философия и литература, 720 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)